ДЖОРДЖ ГАЙП

ГРЕМЛИНЫ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ОДИН ДОМА I·II·III / ГРЕМЛИНЫ

БГ

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

ДЖОН ТОМПСОН

ОДИН ДОМА

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге два романа:

«ОДИН ДОМА» (часть I, II, III) Джона Томпсона;

«ГРЕМЛИНЫ» Джорджа Гайпа.

Герой комедии — маленький мальчик, которого родители, уезжая в Париж погостить у родственников, попросту забыли взять с собой. Оставшись в одиночестве, он сначала обрадовался, потом соскучился, но долго скучать ему не пришлось: его жилище привлекло внимание двух грабителей. Маленькому хозяину приходится придумывать разные штуки, чтобы защитить «свою крепость» от бандитов...

Громадная семейка Макальстеров укатила во Флориду провести отпуска-каникулы, но и Кевин не остался дома: на этот раз судьба забросила его в Нью-Йорк. С папиной кредитной карточкой и пачкой наличных долларов. И все шло великолепно, пока Кевин не столкнулся на улице со старыми знакомыми — парочкой незадачливых гангстеров, которые сбежали из тюрьмы...

Действие романа разворачивается в небольшом городке в канун Рождества. Чудаковатый изобретатель приобретает в китайской лавчонке неизвестное существо в подарок сыну. Существо необходимо содержать в строго определенных условиях: не пускать его на свет, близко к воде и кормить по ночам. Условия трудно не нарушить, и вот... город уже наводнен маленькими злобными чудовищами, впитывающими все человеческие пороки. В борьбу со злом включаются и дети, «выпустившие джина из бутылки». Казалось бы, нагромождению кошмаров не будет конца, но...

ДЖОН ТОМПСОН

ОДИН ДОМА

☆☆☆

ДЖОРДЖ ГАЙП

ГРЕМЛИНЫ

БГ

«БАДППР»
МИНСК
1994

Эта книга из серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

Перепечатка входящих в данную книгу произведений, полная или частичная, ЗАПРЕЩЕНА.
Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с разрешения издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с правообладателем преследуется по закону

ISBN 5-87378-004-8

© Warner Bros. Inc., «Gremlins», 1984
© БАДППР, издание на русском языке, 1994
© В. Суриков, знак серии, 1993
© В. Суриков, оформление, 1994

ДЖОН ТОМПСОН

ОДИН ДОМА

ЧАСТЬ 1

John Tompson

«HOME ALONE»

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ОДИН ДОМА»

ЧАСТЬ I

Рождество

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА

До Рождества оставалось несколько дней. Город заметно преображался. Разноцветные гирлянды огней, иллюминации, нарядные витрины магазинов напоминали о замечательном празднике, которого с нетерпением ожидали и взрослые, и дети. Даже тихие улочки Монтауна, самого спокойного квартала в Чикаго, заметно оживали. То и дело сновали горожане, озабоченные покупкой подарков для своих близких.

Погода стояла по-зимнему морозная и сухая. То и дело сыпал снег, покрывая улицы и деревья. Городские службы не успевали его расчищать.

Нарядные елки сверкали своим роскошным убранством. От них исходило ощущение особой праздничности, предвкушения чего-то необыкновенного. Скоро здесь появится волшебный Санта-Клаус с огромным мешком разноцветных блестящих свертков. И будет исполнять самые заветные желания.

Все-таки Рождество — необыкновенный праздник. В каждой семье к нему готовятся особенно тщательно, припасают что-то необычайно вкусное, украшают комнаты, создавая атмосферу приподнятости и торжественности.

Вряд ли в Америке есть дом, где не отмечали бы Рождество. И даже самые строгие родители в эти дни особо внимательно и нежно относятся к детям.

Только маленький Кевин Маккальстер не чувствовал

любви и заботы близких. В доме стояли шум и суета. Все бегали, носились взад-вперед.

У Маккальстеров гостили дядя Фрэнк и тетя Ненси с выводком своих многочисленных деток. Кевин до сих пор не мог сосчитать двоюродных родственников. Старший брат Питера Маккальстера женился девятнадцать лет назад. И чуть ли не каждый год с тех пор их семейство прибавлялось.

Входная дверь была открыта. Вошел полицейский. Он пытался достучаться, но поняв, что это бесполезно, решил войти сам. Все были настолько заняты сбором к предстоящей поездке, что не заметили бы, даже если бы дом подожгли. Вокруг царил настоящий хаос. На диванах, креслах валялись незапакованные вещи: свитера, брюки, заколки, щетки, мыльницы и прочая дребедень, которую всегда брали в дорогу.

Дом напоминал муравейник. Каждый был занят сам собой, а все окружающее просто не существовало.

Полицейский пытался кого-нибудь остановить, но в этом доме все как будто немножко рехнулись. Здесь никто никого не замечал.

— Эй! Малыш!

— Девочка! На минуточку!

Нет, в этом доме явно было не до него. Нетрудно было догадаться, что семейство куда-то уезжает и, возможно, очень скоро. Поэтому и бегают как в лихорадке, собирая вещи по комнатам. А их в этом доме было так много. И вообще было видно: здесь живут очень состоятельные люди.

Закрывшись в своей спальне, надеясь укрыться от шума, от которого уже звенело в ушах, миссис Маккальстер болтала по телефону. Это была еще совсем молодая женщина довольно привлекательной наружности.

— Брат Питера с семьей здесь, — рассказывала она своей лучшей подруге Пат. — Сумасшедший дом. Я так устала. Вы уезжаете в Монреаль?

— Да.

— А мы отправляемся в Париж.

— В Париж? Это же чудесно!

— Да. Ты же знаешь, там я провела свои лучшие годы.

— Когда вы уезжаете?

—Завтра.

На ходу, держа трубку одной рукой, Керри Маккальстер другой складывала в чемодан разложенные на кровати платья, чулки, свитера.

В комнате царил беспорядок. На полу валялись игрушки, наступив на которые можно было сломать ногу. Двери платяных шкафов были открыты и оттуда повывалились косынки, шарфы, шляпы.

В комнату вбежал Кевин со слезами на глазах.

— Мама! Дядя Фрэнк не разрешает мне смотреть телевизор. Но почему это делают старшие дети?

Несносный мальчишка! Вечно у него все не слава богу и всегда появляется в самый неподходящий момент!

— Кевин, я разговариваю по телефону, — миссис Маккальстер отвернулась, чтобы продолжить беседу.

— Подумаешь, — не отставал Кевин, — там нет никаких ограничений. Просто дядя Фрэнк ведет себя как кретин.

Этот ребенок назойлив как муха. Господи, и в кого же он уродился?!

— Ну раз уж дядя Фрэнк говорит «нет», значит, это действительно страшный фильм, — Керри Маккальстер пыталась отмахнуться.

Кевин надулся. Обиженно поджав губы и нахмурив брови, он прыгнул на кровать. Ему всегда и во всем отказывали. Почему у других детей родители ласковые и нежные, а у него равнодушные сухари? И еще эти... родственники. Он терпеть не мог дядю Фрэнка. Холодный черствяк. Вместо сердца у него наверняка кусок глины. И надо было им приехать.

Кевин листал книгу. Ничего, он им еще покажет. Вот только вырастет и отыграется на всех.

— Кевин, уходи.

Но малыш как будто не слышал. Вошел отец.

— Ты взяла адаптор для бритвы?

— У меня не было времени, — миссис Маккальстер не собиралась заканчивать разговор. Пат рассказывала ей занимательную историю, произошедшую с их общей знакомой.

— Но как же я буду бриться во Франции?

Ай, ну что за зануда?! Один пристает с глупостями, другой — с какой-то бритвой.

Кевин встал с кровати.

— Папа, у меня нет никакой работы.

Все чем-то занимались, и мальчугану было невыносимо скучно.

— Ну хорошо. Раз у тебя нет работы — я тебе ее

дам. Собери эти микромашинки. Тетя Ненси наступила на одну из них и чуть не сломала себе ногу.

Кевин поджал губы. К нему никогда не относились серьезно. Его не понимали. Что за бездушные существа эти взрослые!

— Я опять был в гараже и играл в свои игры! — выпалил он, собравшись с духом.

Родители запрещали ему ходить туда. Увидев недовольное выражение их лиц, он, как ни в чем не бывало, спросил:

— Я что, испортил семейные драгоценности? Я взял только крючки для рыбной ловли.

— Мои новые крючки? — лицо Питера Маккальстера вмиг стало серьезным. Керри выпучила на сына удивленные глаза.

— Нет. Я хотел взять старые, но на них были засохшие черви. Мне пришлось взять новые.

Невыносимый ребенок! Просто дьяволенок какой-то. Он все делал только назло, шел всегда поперек и гладил против шерсти. И все методы воспитания были просто бессильными. Мистер Маккальстер схватил сына на руки и, перекинув через плечо, понес из комнаты. На пороге его успела подхватить тетя Ненси. Это была забавная толстушка в очках и с желтыми соломенными кудряшками. От многочисленных родов у нее образовался внушительный живот. Всем постоянно казалось, что тетушка Ненси в положении и скоро опять родит. Хотя, если верить ее словам, она поставила точку на детях и четырехлетний Бобби — ее последний ребенок. От жира черты ее лица расплылись и можно было различить только плотно поджатые тонкие губы, маленькие бесцветные глазки и тройной подбородок. Хотя мама говорила, что двадцать лет назад тетя Ненси была довольна мила, но Кевин, к сожалению, этого не помнил.

— У вас нет адаптора для бритвы? — спросил ее Питер.

— У нас есть адаптор для бритвы.

— Хорошо. А ты собирай свой чемодан, — бросил он вслед сыну.

Кевин спрыгнул с рук тети Ненси. Слова отца удивили его. Чемодан? Он был мал, и этим всегда занимались взрослые. Он не знал, как это делать. Но с другой стороны, он радовался, что отец дал ему «взрослую» работу. А собирать машинки... Тоже выдумал! Довольный и в то же время озадаченный он поплелся к своим многочисленным братьям и сестрам.

Внизу все как ужаленные носились с какими-то свертками, пакетами, сумками. Казалось, эта суета не кончится никогда.

Кэт разыскивала свой шампунь, шаря по полкам, тумбочкам, шкафам.

— Куда же он мог подеваться? Чем я буду мыть голову?

— Я не знаю, где твой шампунь, — сказал Ник, не отрывая головы от книжки.

Он обожал детективы. И, когда ему попадалось что-нибудь в этом роде, он уже ничего не замечал.

— Боже мой, — вздыхала Кэт, — здесь столько народа и никто не знает, где шампунь.

По лестнице спускалась Кристи — старшая из дочерей Ненси и Фрэнка Маккальстеров. Недавно ей исполнилось семнадцать лет, и она чувствовала себя абсолютно взрослой. Ее волосы растрепались. Она никак не могла найти свою расческу. К тому же кто-то стащил ее заколку.

— Мисс, вы живете здесь? — ее остановил полицейский, который все еще продолжал стоять в холле, наблюдая картину сборов. Его никто не замечал. Как будто это был не солидный толстяк, а микроскопическая букашка.

— Нет, я живу в Париже, — отмахнулась Кристи. Ей было не до него. У нее куча дел, а к ней пристают с какими-то глупостями.

Зато маленькая любопытная Барбара — младшая из двоюродных сестер Кевина — подошла к незнакомому дяде, вытаращив свои по-детски большие глаза.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Ваши родители здесь?

— Да!

— Они живут здесь?

— Нет.

Девочка, поняв, что нет ничего интересного, побежала дальше.

— Действительно, сумасшедший дом! Кругом одни дети. Очень похоже на сиротский приют.

Полицейский разглядывал комнаты. Просторные, с дорогими обоями, они бы выглядели шикарно, если б не царящий хаос. Но куда запропастились его хозяева?

Кевин приставал к своему брату Майклу. Он просил

помочь собрать ему чемодан, но Майкл, занятый собственными приготовлениями, не очень-то интересовался проблемами брата-молокососа.

— Отвали, — Майкл запаковывал свою красную спортивную сумку.

— Но я никогда не собирал чемодан, — не оставал Кевин. — Я не умею этого.

— Остань. Я занят.

— Но Мери мне тоже это сказала, — не унимался Кевин.

— А что я сказала?

Мери подошла к братьям.

— Ты сказала, чтоб он отвалил, — ответил Майкл.

Мери пожала плечами.

— Подумаешь, придурок какой-то. Стал ныть насчет какого-то чемодана. Что, я должна поощрить его, если он такой идиот?

— Я не идиот.

Мери направилась в ванную. Настырный Кевин последовал за ней.

— Ты совершенно беспомощное существо, — сказала она.

— Она права, — кивнул Майкл. — Ты должен сам заботиться о себе.

Бездушные эгоисты! Они вели себя так, как будто родились сразу пятнадцатилетними дылдами со всеми жизненными навыками.

— Прошу прощения, но я гораздо младше вас и не умею складывать чемодан.

Вошла Дженни, долговязая девчонка с желтыми прямыми волосами, напоминавшими сосульки. Она так и впилась в бедного Кевина своими колючими светлыми глазками. Дженни точь-в-точь походила на мать, только не успела еще растолстеть и отрастить пару подбородков. Но через двадцать лет это будет вторая Ненси Маккальстер. В этом можно было не сомневаться. К тому же она еще и зануда.

— Кевин, чего ты волнуешься? — пропищала Дженни своим скрипучим голосом. — Мама соберет твои вещи, в конце концов. Не беспокойся, все будет хорошо.

И расплылась в самодовольной улыбке. Гнусные, самодовольные эгоисты! А еще называются братья и сестры. Да им дела не было до других. И еще мнят из себя...

— Ты, как говорят французы, «а ля компете»...

— Что это такое?

Кевин не знал французского. Но Дженни только нагло хмыкнула и поплелась в свою комнату. Кевин последовал за ней.

Майкл, дабы не перетруждаться, стоял на лестнице второго этажа и сбрасывал вниз свои сумки. Они, как бомбы, с грохотом падали на пол, поднимая клубы пыли прямо у ног все еще торчавшего здесь полицейского. Слизистая оболочка его носа раздражалась, и он стал чихать.

Кевин не отставал от Дженни.

— И все-таки, что это такое?

— Постскриптум, — сказала она, важно задирая нос. — Тебе придется спать с Фулером. А если он еще и выпьет чего-нибудь, то намочит в постель.

Дженни захохотала.

Разозленный Кевин выскочил из комнаты. Над ним все смеялись. Все относились к нему, как к гадкому утенку. Но ведь он не заслуживал такого обращения. Пусть он некрасив, но разве за это можно ненавидеть? Все считают его глупым, но ведь это неправда. Возможно, он не знает еще всех вещей, которые происходят в жизни, но ведь ему только восемь лет. Откуда ему знать все? И почему в доме столько людей? Противные родственники уже изрядно надоели. Сколько же они будут здесь торчать?

Кевину захотелось побыть одному. Вот если бы они все куда-нибудь исчезли, хоть на часок, он бы мог делать все, что захочет: смотреть телевизор, есть пирожные. Его никто бы не ругал, не запрещал то то, то это!

Он стал обозленно прыгать, молотить по полу ногами.

— Я никогда не женюсь! Я хочу жить отдельно! Я хо-чу жить от-де-ль-но! — орал он.

Но никто не обращал на него внимания. Все были заняты исключительно своими делами.

* * *

Толстый, неповоротливый Баз упаковывал свои вещи. Джекки, старший из выводка Фрэнка и Ненси, возился со скорпионом Ролси, который жил у Маккальстеров уже несколько лет. Джекки был некрасивый кучерявый очкарик с неестественно большим треугольным носом и с

тяжелым квадратным подбородком. Он даже не походил на своих родителей. Только поджатые тонкие губы подтверждали, что его родила Ненси Маккальстер. Ему шел уже девятнадцатый год, и Джекки считался вполне самостоятельным малым.

— А кто будет кормить скорпиона, когда мы уедем?

— Не беспокойся, — ответил Баз, — он уже наелся впрок. На две недели ему хватит.

Уж кто-кто, а этот черствый толстяк никогда ни о ком не беспокоился. Всякие там волнения, переживания, вздохи-охи он считал лишней тратой времени и предпочитал заботиться только о себе.

— А это правда, что француженки своих собак не стригут? — Баз запихивал в сумку шерстяной свитер.

— Ну и что?

— Но у них же блохи!

— Блохи? Зимой? С ума сошел, что ли? — Джекки рассмеялся.

Кевин бесшумно вошел в комнату, тихонько подкрался к брату.

— Баз...

Тот, как всегда, скорчил недовольную мину. Младший отпрыск их семейства раздражал его. Он не любил брата со дня его рождения. Когда восемь лет назад, в холодный февральский день, родители принесли в дом белый кружевной сверток, отец протянул его Базу, а ему было тогда семь лет, и сказал:

— Это твой младший братишка. Поцелуй его.

Красная крошечная мордашка с выпученными зелеными глазами и неимоверно большим ртом сразу вызвала отвращение. И еще этот пронзительный душераздирающий крик. Рождение отвратительного безобразного крикуна Баз посчитал просто наказанием божьим за чьи-то грехи. Кевин рос хилым и слабым ребенком, часто болел, и в глубине души Баз надеялся, что семья может избавиться от него, но этот заморыш все время выживал, а потом и вовсе перестал болеть.

— Может, ты постучишься, когда заходишь?

— Баз, можно я буду спать в твоей комнате? Я не хочу спать с Фулером. Если он много выпьет, он намочит мне в постель.

Квадратная физиономия База перекосилась. В глазах сверкнули огоньки ненависти.

— Если бы ты даже рос у меня на заднице, я бы все равно не позволил тебе спать в моей комнате.

Баз никогда не скупился на ядовитые выраженьица и резкие словечки. Особенно, когда имел дело с Кевином. Над кем-кем, а уж чтобы поиздеваться над этим жалким замухрышкой, он давал полную волю своей «фантазии».

Вдруг за окном они услышали шаги и скрип снега. Баз вскочил со стула. Отдернув занавеску, все трое как мухи облепили окно.

Было уже темно. На улице горели фонари, от света которых снег казался серебристо-голубым.

Старик Моргви, держа в одной руке лопату, которой расчищал снег, тащил тележку, нагруженную солью.

Баз и Кевин замерли. В округе этого типа боялись пуще привидения.

— Кто это? — спросил Джекки, увидев, как два кузена застыли, словно мумии.

— Ты никогда не слышал эту трагическую историю? — прошептал Баз.

— Нет...

— В 1959 году он убил всю свою семью и еще некоторых жителей нашего района. Как раз этой лопатой.

Сердце маленького Кевина замерло. Затаив дыхание, он закрыл глаза.

Джекки покачал головой. Баз ехидно улыбался. Он любил рассказывать гнусные истории, а еще больше — доводить до оцепенения Кевина, который в эти минуты дрожал как осиновый лист.

Старик Моргви спокойно расчищал лопатой снег, не догадываясь, что о нем говорят.

— Интересно, почему же полиция его не арестовала?

— У них недостаточно доказательств, что убил именно он. Тела-то до сих пор не нашли. Но все здесь знают, что это его работа. Я думаю, что это вопрос времени, — важно заключил Баз. — Скоро он снова нанесет свой удар.

У Кевина задрожали коленки. Худощавая мордашка побледнела. Чтобы не разреветься, он стиснул зубы.

— Он гуляет по улицам каждую ночь, — продолжал Баз, — и посыпает солью снег.

— Может... он хочет быть хорошим?

Баз усмехнулся. Все-таки Джекки наивен как ребенок. Верит в добрую фею.

— Черта с два. Видишь, у него полно соли. Одной соли.

— И что с того?

— Как что? Именно солью он посыпает трупы убитых.

От страха бедный Кевин зашатался. Представив эту ужасную картину с засоленными мертвецами, он почувствовал головокружение и тошноту. Еще немного, и он свалится с табуретки.

— А что она дает? — удивился Джекки.

— Что? Соль? Она превращает тела в мумии.

— В мумии?

У Кевина потемнело в глазах, он качнулся и ударился лбом о стекло.

От этого звука старик Моргви дернулся. Отложив лопату, он поднял голову и, конечно, заметил торчащих в окне детей. Взгляд его стеклянных глаз был действительно зловещим и устрашающим. В них было что-то звериное, нечеловеческое. Вся его физиономия вызывала крайне неприятное ощущение и заставляла замирать наивные детские сердечки.

— Ай!

Все трое в одно мгновение отпрянули от окна, быстро задернув штору.

* * *

Вечерняя улица светилась праздничными огнями. Машина резко затормозила у дома Маккальстеров, сбив металлическую статую, стоящую на углу газона. Всякий, кто приезжал сюда, опрокидывал ее, но, как ни странно, она не разбивалась. Ее поднимали, и она продолжала стоять на этом столь неудобном месте. У хозяев так и не доходили руки переставлять ее. Грохот упавшей статуи извещал домашних о чьем-либо приезде. Она служила своеобразной сигнализацией.

В данный момент это был рассыльный из пиццерии. Он привез заказ. Служба по доставке пиццы была особенно пунктуальной: если заказ доставляют позднее, чем через двадцать минут, то за него можно было не платить.

Парень в белом спортивном костюме и красной кепке быстренько поставил на место грохнувшуюся статую, достал из машины огромную упаковку тепленьких, аппетитно пахнущих коробок и поспешил к крыльцу. Сегодня было много заказов.

В холле стоял полицейский. На него уставились Барбара и Бобби, младшие дети дяди Фрэнка.

— Ребята, как дела? Здорово здесь сегодня, интересно. Вы уезжаете? Куда?

Но малыши стояли, вытаращив глаза.

— Куда вы собираетесь? А? Вы что, оглохли? Куда вы уезжаете?

В дверь постучали. Но на это никто не отреагировал. Не дождавшись, когда же соизволят открыть, служащий из пиццерии вошел в дом. От коробок, которые он держал в руках, разносился аппетитный аромат, раздражая стенки изголодавшихся желудков обитателей этого странного жилища.

— Сто двадцать два доллара и пятьдесят пять центов, — он протянул коробки стоящему рядом полицейскому.

— Что ты мне суешь? Я здесь не живу.

Фрэнк Маккальстер спустился вниз. Очень кстати. Он уже изрядно проголодался. Поздоровавшись с парнем, он забрал коробки.

— Сто двадцать два доллара и пятьдесят пять центов.

— Это дом моего брата. Он сейчас заплатит.

Фрэнк понес упаковки на кухню. Вскоре появился и его брат.

— Привет!

— Привет!

Увидев полицейского, Питер Маккальстер удивился. Что его могло принести сюда?

— Вы мистер Маккальстер, который живет здесь? — спросил парень из пиццерии.

Он спешил. Его ждали другие заказчики, а в этом доме все какие-то странные и явно чем-то озабочены.

— Мне нужны деньги за пиццу...

Но внимание мистера Маккальстера сразу переключилось на полицейского.

— Что-нибудь случилось? Я что, арестован?

— Нет, — улыбнулся толстяк, оскалив желтые зубы. — Просто теперь Рождество. Происходит столько ограблений. Мы проверяем, все ли приняли необходимые меры предосторожности.

— А-а... — улыбнулся Питер Маккальстер. — Мы включили автоматический таймер.

— Может, вы хотите подключить дополнительную сигнализацию?

Проголодавшиеся дети бежали на кухню, словно сво-

ра щенят. Баз, схватив отца за руку, потащил его за собой.

— Идем, папа!

В доме началось просто столпотворение.

— Пицца! Пицца! — заорали дети.

Их маленькие, но ненасытные желудки давно требовали пищи.

А несчастный малый из пиццерии продолжал робко стоять у порога, ожидая, что все-таки кто-нибудь вспомнит о нем. Но похоже, в этом доме вряд ли кто-нибудь мог о чем-то помнить.

Кевин прибежал на кухню последним. Все были усердно заняты едой. Раздавалось громкое чавкание, грохот вилок и ножей.

— Ребята, вам придется самим наливать себе пепси.

Мистер Маккальстер подливал себе соус. Он любил острое.

Кевин тоже хотел есть. Но где же его пицца? Он посмотрел на столе, на полках, заглянул даже в газовую плиту.

— Мы должны заплатить за пиццу сто двадцать два доллара и пятьдесят пять центов.

— Сто двадцать два доллара за пиццу? — удивился дядюшка Фрэнк, любивший вкусно поесть, но ужасно странно не любивший платить.

— Двенадцать долларов порция. Десять штук.

Миссис Маккальстер открыла кошелек, чтобы посчитать деньги.

Толстый обжора Баз сидел в углу, отвернувшись от всех, и уплетал за обе щеки. Он всегда ел за троих.

— Может, ты заплатишь за пиццу? У тебя есть деньги, — Кевин подошел к брату.

— У меня только чеки, — с трудом выдавил Баз с набитым ртом.

Как всегда, он умел только есть. Жадина.

— Ладно... — Баз проглотил пиццу и расплылся в наглой улыбке. — У меня есть деньги.

— А мне не заказывали пиццу с сыром?

Это было любимое блюдо маленького Кевина.

— Ну, конечно, заказали. Только пока ты возился, ее кто-то сожрал. Ха-ха-ха!

Баз издевательски заржал, оскалив свои редкие зубы. Именно заржал. Потому что этот отвратительный гогот нельзя было назвать смехом.

Маленький очкарик Бобби хитро улыбался. Он слышал их разговор.

Кевин с ненавистью посмотрел на брата. Омерзительное наглое существо. Жирная раскормленная свинья. За что, за какие грехи Бог наградил жить под одной крышей с этим толстозадым негодяем? В эту минуту Кевин больше чем ненавидел брата. Он презирал его. А Баз продолжал жевать, громко чавкая и нагло ухмыляясь. С набитым ртом его квадратная физиономия казалась невероятно здоровенной и неприятной.

Вдруг его глаза выпучились. Он стал кашлять.

— Тарелку, тарелку давай, — прошипел он Кевину.

Ах, ты, прожорливая гадина! Подавился? Так тебе и надо. А теперь держись!

Кевин сделал несколько шагов назад, и разогнавшись, изо всех сил ударил головой в жирный живот База.

Не удержавшись на ногах, тот всей своей грузной комплекцией рухнул на стол. Раздался грохот разбитой посуды. Пепси, молочные коктейли рекой потекли по полу. Все повскакивали со своих мест. Начался переполох. Питер Маккальстер стал поспешно вытирать молоко, чтобы не затекло под шкафы. В суете малыша Бобби нечаянно притиснули стулом к стене, раздавив его очки. Перепуганная мамочка схватила на руки свое ни за что ни прочто пострадавшее чадо.

Все бегали как ужаленные, наспех убирая осколки с пола. А больше всего было жаль невыпитого пепси и молочных коктейлей. После острой пиццы во рту сушило. Хотелось пить.

Миссис Маккальстер трясла за плечи своего нашкодившего сына.

— В чем дело? А? Отвечай!

— Это он виноват, — Кевин указывал пальцем на брата. — Он специально сожрал мою пиццу.

— Посмотри, что ты сделал! — орал дядя Фрэнк.

На полу валялись полуразмокшие от пепси и молока остатки пиццы, перемешанные со стеклом разбитых стаканов.

— Урод несчастный!

Глаза Кевина наполнились слезами. Его никто не любил. Его проблемы никого не интересовали. Им было главное, что он сделал, и совершенно неважно *почему?* Какие холодные, слепые люди!

От обиды Кевину хотелось разрыдаться. Но он не

допустит столь непростительной слабости. Не хватало, чтоб его еще называли слюнтяем.

Все молча, с немым укором смотрели на Кевина. В их глазах были отвращение и неприязнь. И ни капельки сострадания.

Кевин опустил голову. Его большие уши горели, отчего казались еще несоразмерней по сравнению с худощавым лицом и треугольной головой.

— Пошли наверх, — строго сказала мать.

— Почему?

— Заткнись, — сказал отец.

— Спокойной ночи, Кевин, — ехидно оскалился Баз.

Да, он, Кевин, был здесь абсолютно ненужным и лишним. И зачем только родители произвели его на свет? Он ведь был и останется для них только обузой.

Миссис Маккальстер взяла сына за руку и повела из кухни. В прихожей она натолкнулась на полицейского и парня из пиццерии. Они продолжали терпеливо ждать.

— О... простите, — сказала она. — Здесь все сошли с ума. Дети, брат из Огайо прилетели сегодня.

Миссис Маккальстер достала деньги из кошелька.

— Почему ты не принес мне пиццу с сыром? — спросил Кевин.

Парень только усмехнулся. Семейка! Полдня надо ждать, чтобы получить расчет.

— Спасибо за чаевые, — сказал он и быстро удалился. И так потерял столько времени.

Полицейский продолжал осматривать комнаты.

— У вас здесь какая-то встреча?

— Нет. Мы отправляемся в Париж. У нас каникулы.

Лоснящаяся физиономия полицейского оскалилась. Кевин заметил сверкнувший золотой зуб. Неприятный тип.

— Вы летите в Париж?

— Да. Завтра утром мы отправляемся туда.

— Это великолепно!

— Извините, — любезно улыбнулась миссис Маккальстер и кивнула на сына. — Я должна отвести его наверх. А потом я с вами поговорю.

Она потащила упирающегося Кевина.

— Обо мне можете не беспокоиться. Я уже поговорил с вашим мужем. И о доме тоже не беспокойтесь. Он в надежных руках, — крикнул полицейский им вслед и направился к выходу.

Теперь он выяснил все и мог с чистой совестью уйти.

Миссис Маккальстер волокла Кевина за шиворот. Он упирался, топал ногами, кусал ей руки.

— Я не хочу, чтобы ты говорила так обо мне!

Они остановились у дверей на чердак.

— Поднимайся наверх, — в тоне миссис Маккальстер слышались презрительные нотки.

— Я и так наверху, глупышка.

Миссис Маккальстер открыла дверь на лестницу, ведущую на третий этаж, который в доме называли чердаком.

— Третий этаж? — взвыл Кевин. — Ты хочешь, чтобы я пошел туда? Но там страшно.

Это было слишком. Он не сделал ничего такого, чтобы сидеть в этой дыре. Тем более Баз говорил, что по ночам там ходили привидения и бегали крысы. Ну уж нет. Только не это.

— Не беспокойся, — сказала ему мать. — К тебе придет Фулер.

— Я не хочу спать с Фулером. Ты же знаешь. Он мочится под себя.

— Ну хорошо, — вздохнула миссис Маккальстер. — Положим его отдельно. Все. Иди. Уже поздно.

За день она порядочно устала от шума, беспорядка, от капризов детей. Ей хотелось спать. Тем более, что завтра нужно вставать рано.

Кевин лениво поднимался по лестнице. Мама была не в духе. И спорить не имело смысла. На полпути он остановился. Все-таки наказание было несправедливо.

— Все ненавидят меня в этой семье, — грустно произнес он и вопросительно посмотрел на мать.

— Может, ты попросишь Санта-Клауса подарить тебе новую семью?

— Не нужна мне никакая семья! — со злостью выпалил Кевин. От гнева у него горели уши. — Я не хочу жить вместе с вами! Я не хочу видеть тебя и никого из других членов моей семьи!

Теперь он сказал все, что думал. Пусть знают, что не очень-то они ему нужны.

— Я надеюсь, что ты это не серьезно, — вздохнула миссис Маккальстер. У нее разболелась голова.

Кевин — трудный ребенок. С самого его рождения они не могли найти взаимопонимания. Но это был ее сын и надо воспринимать его таким, каков он есть.

— Ты будешь чувствовать себя очень неуютно, если завтра проснешься и никого из нас не увидишь.

Кевин усмехнулся. Вот еще! Да он только и мечтает об этом. Но похоже, это только мечты, которые никогда не сбудутся.

— Ничего подобного. Я буду рад. Можете убираться куда хотите.

— Если ты еще что-нибудь скажешь, тогда это непременно случится.

— Я надеюсь, что таких кретинов, как вы, я больше не увижу! — сказал Кевин и побежал по лестнице.

Миссис Маккальстер тяжело вздохнула и закрыла дверь. Все-таки Кевин невыносим, надо заняться его воспитанием. Но потом. Попозже. А теперь она хотела спать. Просто валилась с ног.

С другими детьми у нее не было столько проблем. Конечно, все они немного эгоистичны, часто чересчур требовательны, капризны. Но Кевин... Наверное, надо быть с ним немножечко построже.

Кевин заходился от ярости. Он ненавидел весь мир. Он терпеть не мог этот гнусный чердак, но раз любезнейшие родители хотят, он проведет здесь ночь. Только если они думают, что такое наказание исправит его, то глубоко ошибаются.

Кевин плюхнулся на кровать. Включил радиоприемник. Звучали замечательные рождественские песни.

А за окном стоял прекрасный зимний вечер. В соседних домах горел свет и блестели огоньки гирлянд. Люди готовились к Рождеству: украшали елки, пекли великолепные праздничные пироги и всякие там сладости, прятали под елку купленные заранее подарки.

А вот у них все было не так. Родителям приспичило поехать в Париж да еще позвать с собой этих мерзких родственников.

И почему все относятся к нему как к мрази? Кевин пытался понять. Он ведь не сделал никому ничего плохого. Они же сами всегда во всем виноваты. Если он о чем-то просил, его отсылали. Сделал один самостоятельный поступок — на чердак.

Вот и сегодня. Ведь Баз поступил подло, оставив его без ужина. И ему ничего. А вот его, Кевина, наказали, даже не выслушав. Но это же нечестно!

Эх, с семьей ему не повезло. Не то, что другим детям, которых жалели, баловали, все разрешали.

В душе Кевин просил всемогущего Санта-Клауса помочь ему. У него было одно заветное желание: чтобы в один прекрасный день они все исчезли. Он остался бы один. Как было бы здорово! Один в их целом большом доме. Сам себе хозяин. И никто не будет ему мешать, ругать, наказывать.

Ах, если бы Санта-Клаус услышал его!

МЕЧТЫ КЕВИНА НАЧИНАЮТ СБЫВАТЬСЯ

Тусклый утренний свет едва проникал в спальню сквозь плотно затянутые шторы.

Миссис Маккальстер открыла глаза. Боже! Да уже восемь! Вскрикнув от отчаяния, она вскочила с кровати.

— Что такое? — спросонья Питер Маккальстер не мог понять, что это вдруг его жена вздумала орать среди ночи.

— Мы опоздали!

— Черт! — теперь до него дошло.

Как в лихорадке они забегали по комнате, на ходу снимая пижамы и разыскивая одежду, которую приготовили вчера вечером, но как назло не могли найти.

В доме начался переполох. Лохматые, со слипшимися от сна глазами дети носились по комнатам, собирая свои шпильки, расчески, часы. Кто-то не находил колготок, другой не мог вспомнить, куда вчера положил носки.

Два микроавтобуса из аэропорта уже стояли возле дома. Шоферы носили чемоданы. К одному из них, копавшемуся в салоне, подошел мальчик.

— Здравствуйте, я Мик Мердел. Я живу здесь напротив. Мы тоже собираемся уезжать, но сначала заедем за бабушкой в Миссури. Они поедут во Францию? Там, говорят, холодно зимой.

— Парень, слушай, отвали, а?

Пожав плечами, ребенок направился к другой машине.

Из спальни впопыхах выскакивали взрослые члены многочисленного семейства Маккальстеров. Глава его на ходу застегивал пуговицы рубашки.

— Быстрей, быстрей, — торопила его жена.

Она даже забыла о привычном макияже. Да что макияж? Она даже не застегнула юбку.

— Ты взял билеты?

— Да. Только я положил их в микроволновую печь, чтобы просушить.

Мик Мердел подошел к другому водителю. Мальчик оказался чрезвычайно любопытен и назойлив.

— У этой машины автоматическая трансмиссия? — в одну минуту он задавал неисчислимое множество вопросов.

— Слушай, парень, может, исчезнешь, а?

Многочисленное семейство шумной толпой вывалило на улицу в наспех надетых куртках, с болтающимися шарфами и в шапках набекрень.

— Постройтесь! — скомандовала Кристи. Она была старшей. — Вас нужно пересчитать.

Дверца салона была открыта, и на краю сиденья стоял незакрытый чемодан. Сверху на нем лежал фотоаппарат. Соседский мальчик, в это время очутившись здесь, с любопытством рассматривал столь интересные вещи.

— Раз, два, три, — орала Кристи.

Так она сосчитала и Мердела, случайно оказавшегося здесь и усердно рывшегося в сумке.

— Одиннадцать! Все правильно. Теперь садитесь. Часть — в этот автобус, часть — в тот.

На крыльце появились вспотевшие от спешки взрослые.

— Мы никак не успеваем на самолет, — Фрэнк не унимался. Он никогда не был оптимистом, а тем более не верил в чудеса. — Он вылетает через сорок минут. За это время попасть в аэропорт просто невозможно.

— Надо мыслить позитивно, — успокаивал Питер брата. У него нервы были покрепче. Он не имел привычки волноваться из-за пустяков.

Запыхавшаяся, растрепанная Керри Маккальстер села в автобус. На лбу проступили капельки пота. Отдышавшись, она спросила:

— Всех пересчитала?

— Одиннадцать голов, — отрапортовала Кристи, — шесть девочек, пять мальчиков, четверо родителей, два водителя, не считая багажа.

Облегченно вздохнув, миссис Маккальстер дала знак водителю трогаться.

Микроавтобусы мчались по заледенелым дорогам. Две недели держался мороз. Поля были завалены снегом. Бархатный иней покрывал деревья.

Оставалось четыре минуты до вылета, семейства приехали в аэропорт. Сумасшедшая толпа бежала по залам аэропорта, расталкивая и сбивая с ног других пассажиров, встречающих и провожающих.

У входа в секцию для посадки миловидная служащая аэропорта сообщила, что они успели на свой рейс.

— Как, мы не опоздали?

— Нет, занимайте свои места.

— Ура!

Довольные и счастливые, что все обошлось так благополучно, семейства вихрем понеслись к самолету.

С трудом переводя дыхание, они влетели в салон.

— Давайте свои пальто.

Маккальстеры с удовольствием раздевались. Было невыносимо жарко после этой всей беготни.

Стюардесса унесла их одежду. Потихоньку нервное напряжение спало. Керри откинула голову и облегченно вздохнула.

— Успели. Я не могу поверить. Надеюсь, мы ничего не забыли.

Наконец самолет разбежался по взлетной полосе и поднялся в воздух. От усталости и перепада давления у Керри звенело в ушах.

* * *

В этот день Кевин спал необычно долго и крепко. Возможно, повлиял стресс, который он перенес накануне. Кевин проснулся от необычайной тишины.

Солнечные лучи озаряли комнату. Не было слышно голосов, шорохов, шагов. Странно. В это время дом обычно оживал. Босиком, в одной пижаме, Кевин спустился вниз. Комнаты стояли пустые. Только страшный беспорядок и незастеленные кровати говорили о том, что еще совсем недавно здесь были люди.

Странно. Ни единого звука. Который час? Девять. Да, он прилично спал. Но где же все?

Кевин побежал в столовую. Она была пуста. Ни одного признака, что сегодня здесь завтракали.

Опустевший дом казался необъятно большим, и мер-

твая тишина наводила тоску. Она пугала привыкшего к шуму Кевина.

* * *

Стюардесса разносила кофе и прохладительные напитки. У Маккальстеров пересохло во рту, и они с удовольствием пили лимонад.

Перед каждым пассажиром стоял серебристый подносик с прибором. Ненси вертела в руках миниатюрную рюмку.

— Эта рюмочка правда хрустальная?

— Да, — кивнул Фрэнк.

— Сопри, сопри эту рюмочку, — прошипела Ненси. Толстуха слыла порядочной воровкой.

— Ну как же... — Фрэнк от неожиданности растерялся.

— Давай, давай быстро, — почтенная миссис Маккальстер заталкивала рюмку в портфель мужа.

К ним подошла стюардесса с подносом.

— Будете что-нибудь?

— Да, пожалуйста, — от растерянности и стыда Фрэнк едва не потерял дар речи. — Будьте любезны, налейте шампанского. Спасибо.

Он с укором посмотрел на жену. Но толстуха Ненси сидела невозмутимо, гордо задрав свой остренький, как у птицы, нос. Сзади расположилась вторая чета Маккальстеров. Керри наводила красоту, тщательно припудривая щеки перед миниатюрным зеркальцем. Под глазами она заметила отечность. Это все от переутомления и нервов. Но ничего. Теперь она отдохнет, а к вечеру будет выглядеть великолепно.

— Жалко, что дети там. Мы летим первым классом...

В целях экономии Маккальстеры поместили своих чад в более дешевый салон второго класса по инициативе бережливой Ненси.

— Ничего, — Питер читал газету. — Меня родители вообще никуда с собой не брали. Я думаю, что нашим детям очень весело.

— Надеюсь.

Керри закрыла глаза. Волнения остались позади. Все шло превосходно. Скоро они будут в Париже.

О, Париж! Божественный город! Она непременно посетит лучшие магазины и купит себе что-нибудь сногсшибательное!

* * *

— Мама! Папа! Мама!

Кевин растерянно бродил по комнатам. На полу валялись нитки, какие-то побрякушки, выжатые тюбики из-под крема. Но где же родители, братья, тетка? Кевин ничего не мог понять.

— Куда они все подевались?

Он открыл дверь в комнату База. Но там никого не было, кроме скорпиона Ролси, который ползал в своей стеклянной клетке. Эта тварь жила у них уже два года. Но Кевин все равно побаивался его. Восьминогое чудовище не внушало доверия.

Кевин спустился в подвал. Он звал База, Сьюзен, тетку Ненси, даже дядю Фрэнка, черт его побери. Но никто не откликался. Странные шуточки. Дрожащий, он ходил среди валяющегося хлама. Тут валялись старые поломанные велосипеды, кофемолки, останки мебели и стиральная машина, рев которой приводил маленького Кевина в ужас. Потом она, к счастью, сломалась, родители вынесли ее в подвал и купили другую, менее габаритную и с более мягким звуком двигателя.

Но вдруг Кевину показалось, что дверцы этого старого чудовища открылись. В ушах зазвенело, и он опять услышал раздирающий протяжный вой «у-у-у». По телу пробежали мурашки. От страха Кевин закрыл глаза. В детстве он всегда плакал, когда мама открывала стиральную машину. Ему казалось, что ревущая громадина хочет проглотить его своей необъятной пастью. Теперь он вновь испытывал старое ощущение. Странные, зловещие звуки становились все сильнее.

Кевин открыл глаза. Все стояло как обычно, только стиральная машина как будто шевелилась. Он протер глаза.

— Это только мое воображение, только воображение, — говорил он себе, стараясь успокоиться.

Да что же это в самом деле? Что с ним? Он уже достаточно взрослый, чтобы знать, что ничего сверхъестественного не бывает. Ничто не живое не может говорить, а тем более передвигаться.

Отгоняя страх, Кевин выбежал из подвала. Происхо-

дящее начинало его злить. Куда они спрятались? Он обошел весь дом. Заглянул под шкафы и кровати.

Он выскочил на улицу. В одном свитере и тапочках бежал по снегу. Двери гаража были открыты. Машины стояли на месте. Кевин облегченно вздохнул. Значит, в аэропорт они не поехали. Это естественно. Они же не настолько свихнулись, чтобы бросить его одного. Просто взрослые паршивцы решили его проучить. Отомстить за его слова, которые в порыве гнева он выдал мамочке. Они просчитались. Он не изменил своего мнения.

Кевин продолжал искать запропастившееся куда-то семейство. Но прошло два часа, и все попытки оказались безуспешными. Дом пуст. В окрестностях тоже никого нет. Уставший от долгих, утомительных поисков, Кевин медленно опустился на табуретку.

А может Санта-Клаус выполнил его просьбу?

— Я заставил все семейство исчезнуть, — прошептал он. — Я заставил все семейство исчезнуть!

А мама говорила, что чудес не бывает! Значит, волшебники существуют. Санта-Клаус, добрый, славный Санта-Клаус услышал его мольбы! Он пожелал несчастного, обиженного ребенка и решил уберечь от жестокости и несправедливых взрослых.

От неожиданных мыслей, внезапно посетивших его ум, Кевин подпрыгнул на табуретке. Он одержал победу! Теперь он будет сам себе хозяином, никто не обзовет его идиотом и не заставит спать на чердаке. Ха!

Перед глазами возникли наглые, самодовольные физиономии База, Дженни, Майкла и всех его братьев и сестер. Они смотрели зловеще и ненавистно.

— Смотри, что ты сделал, маленький урод! — Кевин видел перекошенную физиономию дяди Фрэнка.

— В доме пятнадцать человек и только ты один доставляешь нам беспокойство, — звучал укоряющий голос мамы.

Но Кевин улыбался. Больше он не боялся их. В конце концов Санта-Клаус выполнил его желания! Его! Значит, он, Кевин, прав!

— Я заставил всю семью исчезнуть!

Кевин радостно подпрыгнул, едва не опрокинув табуретку. Наконец восторжествовала долгожданная справедливость. Он один, один! Он будет жить как взрослый и делать все, что захочет. В порыве нахлынувшей радости он носился по комнатам, прыгая и кувыркаясь по диванам, кроватям, креслам. Теперь его уже никто не

мог остановить. От его внезапно выплеснувшейся энергии клубами поднималась пыль: уже давно никто не занимался чисткой ковров, люстры подозрительно болтались.

Кевин открыл ящик, где лежали вещи База. Старший брат запрещал ему лазить туда. Запрещал... Да что он вообще разрешал? Это не бери, то не трогай, туда не лезь.

Наверху лежала стопка журналов «Плейбой». Баз читал их исподтишка. Как только Кевин к нему приближался, он обсыпал его самыми грязными ругательствами. Ну ничего. Власть твоя кончилась, Баз. Кевин открыл журнал. На страницах пестрели изображения обнаженных тел. КЕвин брезгливо отшвырнул журнал. Тьфу. Какая гадость. Фотографируются без одежды. Так вот чем увлекался его «идеальный» братик!

А это что? Кевин вертел в руках портрет, на котором была изображена веснушчатая круглолицая рыжуха с зелеными кошачьими глазами. Дама сердца его любимого брата.

— Фу! Ну и вкус у тебя, Баз, — Кевин бросил фотографию на пол.

Ружье! Наконец-то он может его взять. И не услышит больше: «Не трогай, отдай, это не детская игрушка».

На нижнюю рамку картины, висевшей на стене, Кевин поставил керамических солдатиков. Это послужит мишенью.

Сделав несколько шагов назад, он прицелился и выстрелил. Упала одна, потом вторая, третья фигурка. В конце концов он пробил сам портрет, и тот с грохотом свалился на пол.

Взор Кевина остановился на полочке с видеокассетами. Фильмы ужасов.

«Рембо», «Аллигатор»... Кевин перебирал, читая названия фильмов. А, вот он, «Ангелы с грязной душой»! Тот самый фильм, который дядя Фрэнк запретил ему смотреть вчера и с треском выпер из комнаты, словно шелудивого щенка.

Ты просчитался, милый зануда, дядюшка Фрэнк. Кевин увидит его. И не только его.

Кевин сходил на кухню, достал из холодильника кусок шоколадного торта, который чудом уцелел от вчерашнего ужина, важно уселся в самое большое и мягкое кресло, в котором обычно сидел отец, и включил видеомагнитофон.

— Я ем всякую дребедень и смотрю чушь по ящику. Попробуйте остановить меня.

На экране мелькали омерзительные рожи, одна ужаснее другой. Лысый, с выбритыми бровями и выпирающей квадратной челюстью говорил другому, маленькому и кривоногому:

— Если ты сию минуту не уберешься отсюда, я испоганю твою рожу свинцом. Раз, два, три...

Раздались выстрелы. Раздирающий хохот лысого, смакование крови... От ужаса и отвращения Кевин закрыл глаза.

А мерзкий тип продолжал гоготать, глядя прямо на Кевина.

— Мама! — закричал мальчик.

Ему стало страшно. Казалось, что эта грозная образина смотрит на него и сейчас убьет, как того сморчка.

Кевин быстро нажал клавишу «stop».

* * *

Миссис Маккальстер, спокойно дремавшая на своем кресле, внезапно подскочила. Ей вдруг показалось, что знакомый детский голос звал ее издалека. Она протерла глаза и стала нервно рыться в своей сумочке.

— Что такое?

У нее было плохое предчувствие. Они что-то забыли, что-то очень важное. Керри опять перебирала в памяти: плита, вода, утюг, свет... Нет, не то, не то...

— Это тебе только кажется, — Питер был невозмутим. — Мы собирались в спешке. — И уткнулся в газету.

— Ты выключил кофемолку?

— Да.

— Гараж закрыл?

На минутку Маккальстер задумался. Он пытался вспомнить. Точно! Он не закрыл гараж. Утром он замешкался и забыл это сделать.

Миссис Маккальстер прислонилась к спинке сиденья. Гараж? Нет, все равно не то. Они не сделали еще что-то. Более важное. Глубоко внутри нее поселилась тревога. Мысленно она перебирала каждый свой шаг, сделанный утром. Перед глазами мелькали комнаты, кухня, столовая, спальня... Чердак! Миссис Маккальстер вскрикнула. Кевин! Боже, они забыли Кевина!

От ужаса она едва не лишилась рассудка.

Ненси, Фрэнк, стюардесса, пассажиры, сидящие рядом, стояли возле бледной, дрожащей Керри. Ее трясло. Ненси махала платком. Стюардесса, миниатюрная молоденькая девица, держала стакан воды.

Керри пробирал озноб. Она судорожно глотала воздух. По щекам градом текли слезы.

Как она могла... Забыть Кевина, милого, маленького, беспомощного ребенка! Что с ним теперь будет?

* * *

А в это время милый, беспомощный сын миссис Маккальстер в шапке, куртке, перевязанный шарфом, снаряжал санки для героического прыжка. Он стоял у лестницы на втором этаже и мысленно прочерчивал предстоящий полет. Потом он уселся в санки, пожелав себе ни пуха ни пера, резко оттолкнулся и... Санки с бешеной скоростью скакали по ступенькам. Со свистом проскользнув по холлу, Кевин, зажмурив глаза, вылетел на улицу. Подобно самолету, он взвился в воздух и, проделав несколько «па», провалился в сугроб.

Не на шутку испугавшись собственной выдумки, он едва опомнился. Чувствуя, что остался жив, Кевин открыл глаза. Туловище по самую шею застряло в снегу. Сердце бешено колотилось. Первый в своей жизни каскадерский трюк он с достоинством выполнил. Это еще раз доказывало, что никакой он не трус. Посмотреть бы на физиономию База, если б того спустили на санках с лестницы.

Раскапывая снег, Кевин выбрался из сугроба. В глазах было темно, звенело в ушах. Кружилась голова. По спине стекала холодная вода. За шиворотом у него было куча снега, который начинал таять. Шатаясь, с трудом волоча санки за собою, Кевин поковылял к дому.

* * *

Окружающие изо всех сил пытались успокоить вышедшую из себя Керри Маккальстер. Она рвала на себе волосы, горько причитала, проклиная собственную нерасторопность и прося Господа спасти ее маленького мальчика.

— Мы сделали все, что в наших силах. Но телефон ваш не отвечает, — сказала стюардесса.

От этого сообщения миссис Маккальстер стало совсем дурно. У них нет никакой связи с домом. Они так и не узнают, что с мальчиком. О... Это было выше ее сил. Она проклинала свою жестокость, свою холодность по отношению к ребенку. Почему она отвела его на чердак? Если бы она не сделала этого, все было бы по-другому. Но как она не вспомнила утром, что Кевин спит наверху? Она даже ни на секунду не подумала о нем. Бедный, бедный, покинутый мальчик. Она представила, как он плачет сейчас, зовет ее. От этих мыслей ее сердце заныло.

Скорей бы самолет приземлился в Париже. Она сразу же возьмет билет на обратный рейс и полетит к своему сыну. Но время тянулось так долго.

Дома не осталось еды. Кевин голоден. Он ведь и вчера ничего не ел. Это она, она сама во всем виновата. Она должна была защитить его. Он ведь еще так мал. Кевин никогда ее не простит. Это ужасно. Она не переживет.

А вдруг с ее мальчиком что-нибудь случится? Миссис Маккальстер рыдала, забыв все правила хорошего тона. Она вскрикивала, кашляла, давилась собственными слезами и продолжала плакать.

Ненси гладила ее руку и тяжело вздыхала. Как мать, она разделяла ее горе.

— Ужасно, чудовищно, — повторял Фрэнк.

— Ну как, как мы могли так поступить?! Как мы могли его оставить?! — у Керри начиналась истерика.

Они всегда недостаточно внимательно относились к Кевину. Без причин обижали, наказывали, не прислушивались к его желаниям. Им никогда не искупить вины перед сыном. Никогда!

Такой маленький, беззащитный, словно котенок, что он будет делать? Только бы с ним ничего не случилось...

— Мы не забыли его, — спокойно рассуждал флегматичный мистер Маккальстер. — Мы просто неправильно посчитали.

— Какая я мать после этого, — слезы текли прямо на ее белую накрахмаленную блузку.

Только бы он ничего не натворил. Она вернется. И будет совсем другой. Никому больше не даст в обиду своего малыша.

— О-о-о! — кричала миссис Маккальстер истошным голосом.

Собравшиеся только безмолвно покачали головами. В душе они разделяли горе несчастной матери, но пока бессильны чем-либо помочь.

— Ну... если тебя это утешит, — сказал Фрэнк, — то я могу сообщить, что забыл свои очки для чтения.

ДОМ В ОПАСНОСТИ

В это время года темнело особенно рано. Не было еще и семи, а на улице уже стояла глубокая ночь.

Серый «додж» остановился у дома Маккальстеров. В машине сидели двое. За рулем — отпетый мошенник и негодяй Гарри Томсон, а рядом — его закадычный друг Марвин, по кличке Синий глаз, страшный пройдоха и вор.

На Рождество эта гнусная компания строила грандиозные планы по очистке богатых домов от «лишних» вещей. На праздники многие семьи уезжали, оставляя свои дома. Некоторые из них были довольно беспечны и мало заботились об охране. Целый месяц Гарри Томсон разрабатывал план предстоящей операции.

— Только в этом квартале пять семей отправляются на Рождество в отпуск, — говорил Гарри своему приятелю. — Они сами мне об этом сказали. У тех, — он указал на дом Маккальстеров, — автоматический таймер на включение иллюминации. Смотри. Я уже все рассчитал.

Синий глаз слушал внимательно и мотал на ус каждое слово. Гарри выложил свой подробный план как великое изобретение, над которым трудился много дней.

— Кстати, это тот самый дом, о котором я тебе говорил, Марвин. Очень шикарный.

Синий глаз ухмыльнулся.

Дом Маккальстеров был один из самых приличных в квартале. Один только внешний вид: три этажа, колонны, тонкое художественное оформление стен и крыльца, большой прилегающий участок, гараж на три дорогих автомобиля — все это говорило о том, что там есть чем поживиться. Для таких, как Гарри и Марвин, это был просто лакомый кусочек, залог их дальнейшего счастливого существования в новом году.

— Он набит всякими дорогими товарами, — рассказывал Гарри Томсон. — Стереосистемы, видеомагнито-

фоны, игрушки... Может быть, мы найдем там бриллианты, золотые украшения. Может, даже ценные картины.

Глаза Марвина лихорадочно засверкали. Изо рта потекли слюнки. Действительно, стоящее дело. Но раз хозяева уехали, дом, можно считать, у них в руках. Тем более, если его владелец настолько глуп, что не поставил приличную сигнализацию. Не очень-то он печется о своем добре.

— А может, мы найдем там фомку! — мечтательно воскликнул Гарри Томсон.

Они дружно подняли ножи и чокнулись лезвиями, отчего раздался резкий металлический скрежет. Это было знаком их тесной преданной дружбы.

* * *

Кевин мирно спал у телевизора. Шел диснеевский мультфильм. Но мальчик настолько устал за день от собственных проделок, что быстро уснул, позабыв и о пропавшей семье, и о том, что ничего не ел.

Ему снилась пицца с сыром. Горячая, необыкновенно пахнущая. Он протягивал руки, но не мог достать желанную коробку.

Его разбудил резкий скрежет тормозов машины. Он встрепенулся.

Родители! Они вернулись! В душе вспыхнула радостная искорка. Что там ни говори, а в одиночестве он чувствовал себя неуютно.

Кевин подбежал к окну. Во дворе стоял незнакомый серый «додж». Хлопнула дверца, и из него вышло двое каких-то типов. Они подозрительно оглядывались.

— Куда пойдем? — спросил один, более тощий и высокий, в черном пальто.

— Давай с тыльной стороны, — ответил низкорослый толстяк в вязаной шапке. — Там есть подвальчик.

Воры! Сердце Кевина екнуло. По спине побежали мурашки. Он быстро отпрянул от окна, забился в угол. Что делать? От столь неожиданного поворота событий он совсем растерялся.

За окном хрустел снег. Кевин прислушался. Воры направились в подвал. Свет! Он должен показать им, что в доме кто-то есть. Он быстро побежал к выключателю, нажал синюю кнопку, которая освещала подвал.

Марвин специальным приспособлением открыл подвальный замок. Отмычка действовала практически бесшумно. От внезапно вспыхнувшего света у него подкосились ноги, и он рухнул на пол.

— Ты же сказал, что там никого нет, — прошипел Марвин на своего проштрафившегося дружка.

Гарри ничего не понимал. Наверное, хозяева передумали уезжать.

— Надо уходить. Быстрее!

Быстрыми шагами они взбирались по лестнице наверх.

До смерти перепуганный, дрожащий как осиновый лист, Кевин притаился под родительской кроватью, прислушиваясь к звукам на улице.

* * *

«Боинг-747» приземлился в аэропорту имени де Голля.

— Добро пожаловать в Париж! — приятный женский голос по радио приветствовал прилетевших.

Улыбающиеся, довольные пассажиры спускались по трапу. В руках они несли раздутые сумки с подарками для родственников, знакомых, друзей. Их уже давно ждали к праздничному столу с изысканной французской кухней.

Только семейству Маккальстеров было не до устриц и не до фейерверков. Бешеной толпой они ринулись к первому попавшемуся телефону-автомату. Какая-то мадам, жестикулируя, мирно беседовала по телефону. Но миссис Маккальстер бесцеремонно вырвала трубку из ее рук. Ей было не до правил хорошего тона. Дома остался ее ребенок. Важнее этого ничего не могло быть на свете.

Дама вытаращила глаза, которые стали размером с яблоко, и принялась что-то возмущенно лепетать по-французски, размахивая руками и пытаясь забрать трубку назад. В жизни она не видела такого хамства. Но грозная толпа надвигалась тучей и тоже орала, из чего мадам могла разобрать «уэ-уэ-уэ». Ее как пушинку откинули в сторону, и бедной даме ничего не оставалось, как уйти, ибо бешеное стадо затоптало бы ее.

Керри Маккальстер нервно крутила телефонный диск. Черт побери! Связь все время прерывалась. Она

была готова разбить эту старую развалину, но Питер держал ее за руку и шептал на ухо слова утешения.

Наконец! Соединилось!

— Питер, я сейчас позвоню в полицию, а ты зарезервируй билеты обратно. — Алло! Алло!

* * *

Кевин пролежал под кроватью более часа. Машина давно уехала, но смутный страх сковал его тело.

— Смешно! — сказал он себе, приходя в чувство. — Только дурак может прятаться под кроватью. Может, я и придурок, но в этом доме я — единственный мужчина.

Кевин вылез из своего укрытия, и, накинув куртку, вышел на крыльцо.

— Эй! Эй! Я вас больше не боюсь. Кому говорю! Не боюсь я вас больше! Вы слышите меня? Я больше не боюсь, — он бежал по дорожке и орал в темноту.

Он докажет всем, что не трус и не слюнтяй. Как настоящий мужчина, он ничего не боится. Он навсегда избавится от постыдного страха, будет смел и бесстрашен.

Кевин кувыркался в снегу, кричал, выкрикивал о своем бесстрашии, как вдруг перед ним вырос... старик Моргви. Стеклянный взгляд этого чудовища пронизывал насквозь дрожащего Кевина. С вытаращенными глазами и открытым ртом «бесстрашный мужчина» застыл на месте.

Старик Моргви продолжал стоять и смотреть на посиневшего Кевина. Оцепенелый, тот хотел провалиться сквозь землю, только бы избавиться от этого дьявола.

Кевин заорал душераздирающе и что было сил бросился в дом. Он бежал, падая и спотыкаясь:

— О-о-о!

Кевин боялся оглядываться назад. Казалось, старик преследует его. Вихрем взлетев на крыльцо, он быстро захлопнул за собой дверь, плотно защелкнув задвижку.

Он бегал по квартире и продолжал кричать. Но потом силы его иссякли, и обессиленный Кевин рухнул на кровать.

* * *

— Алло! Алло! Полицейское управление? — миссис Маккальстер вытирала струившийся по лбу пот. — Я звоню из Парижа. У меня дома остался один ребенок. Телефон у нас дома не работает. Поэтому я хочу, чтобы кто-нибудь съездил туда.

— Хорошо, — ответил писклявый женский голос, — я свяжу вас со службой семейного кризиса.

Раздались щелчки. Через несколько секунд Керри услышала, как дежурный снял трубку.

— Сержант Бальзак слушает.

— Алло! Я из Парижа. У меня дома один остался ребенок...

— У вас кто-нибудь злоупотребляет алкоголем? — в это время сержант ел бутерброд.

— Алкоголем?.. — миссис Маккальстер стало не по себе. — Нет. А что, с ним уже что-то случилось?

— Случилось?.. — сержант продолжал невозмутимо жевать, чавкая прямо в трубку. — Думаю, что нет. Ребенок употреблял какой-нибудь яд?

Терпение Керри Маккальстер лопалось. Как будто весь мир рехнулся в один миг.

— Что вы несете? — закричала она, но потом быстро взяла себя в руки. Как бы там ни было, она сейчас в худшем положении.

— Он остался дома. Один, — пыталась объяснить она недалекому сержанту. — Я хочу, чтобы кто-нибудь сходил к нам домой и посмотрел, все ли в порядке.

— Вы хотите, чтобы кто-нибудь из нас сходил туда и просто проверил?

— Да, да!

— Я свяжу вас с полицейским управлением.

— О, нет, нет! — взмолилась изможденная миссис Маккальстер. — Я только что говорила с ними, и они связали меня с вами.

Дети стояли молча дружной толпой. Они ужасно устали и хотели есть. Одним было жаль оставшегося дома маленького негодяя Кевина, другие в душе проклинали лопоухого идиота. По его вине они вынуждены тут торчать вместо того, чтобы пить ароматный лимонный чай в уютной гостиной дядюшки Рокка. Да еще им так не хотелось возвращаться в Чикаго. С Парижем они связывали самые фантастические планы. А тут... Испорченное Рождество, отвратительное настроение.

Миссис Маккальстер плакала от собственной беспомощности. Весь мир отвернулся от нее. Все оборачивалось против нее. Никто не мог ей помочь. Эти мерзкие тупицы в полиции не понимают, в какой опасности ее мальчик. Ведь он не умеет пользоваться электроприборами, не сможет даже приготовить себе чай. А вдруг ее дом уже сгорел? И в нем Кевин, ее маленький брошенный сын?

Отчаявшаяся, потерявшая всякую надежду миссис Маккальстер громко разрыдалась. Наконец она услышала знакомый писклявый голос дамы из полицейского управления.

— Алло! Алло! — Керри утирала слезы.

— Это опять вы?

— Да. Это я. Я из Парижа. Дома у меня остался ребенок, совсем маленький мальчик. Восьми лет...

— Ладно, — голос полицейской дамы звучал дружелюбно. — Мы пошлем полицейского. Он проверит, как там дела, и потом вам сообщим.

Как будто камень свалился с души несчастной миссис Маккальстер. Она плакала и смеялась. Со стороны ее можно было принять за немного тронувшуюся. Но близкие разделяли ее горе и от души сочувствовали ей.

* * *

У Кевина нервно стучали зубы. Как жалкий зверек, он лежал, зарывшись в красное жаккардовое покрывало в родительской спальне. Он боялся высунуть нос. Казалось, старик Моргви стоит где-то рядом и следит за ним.

«Скоро он нанесет новый удар. Он ищет очередную жертву!» — слышался как эхо голос База.

Кевина заколотило еще сильнее. Он совсем один, совсем один. Его никто не защитит. Ах, если бы мама была рядом. Или отец. Да пусть даже дядя Фрэнк на худой конец. Все равно тогда не стоило бы так бояться.

Раздался стук в входную дверь. Боже! Моргви пришел за ним. Для расправы!

«Скоро он нанесет новый удар!» — протяжный голос брата звучал как приговор.

Кевин зажмурил глаза и сжался еще больше. От страха он уже ничего не соображал, не был в состоянии даже думать, как спастись.

Стук становился все сильнее и настойчивей. Сердце

обезумившего Кевина замирало. Он не знал, куда бежать, кого просить о помощи.

Перед глазами то и дело возникало грозное лицо старика с бесцветными сатанинскими глазами. В руке он крутил свою лопату и ехидно посмеивался.

Нет! Нет! Кевин зарыдал. Что он такого сделал, в чем провинился? Почему этот дьявол выбрал именно его? На свете столько капризных, непослушных детей, хулиганов, драчунов, забияк. Кевин ведь не самый худший. Хотя...

Просто старик Моргви воспользовался отсутствием его семьи. Он знал, что Кевин дома один и обрушит на него свой удар.

Мороз пощипывал щеки. Переминаясь с ноги на ногу, полицейский пробовал достучаться. Никто не открывал. Приложив ухо к окну, он прислушался. Тишина. Не слышно ни малейшего шороха.

Смена подходила к концу. Полицейский порядком замерз. А дома ожидали спагетти под сыром, жареные сосиски и горячий грог.

Оставаться здесь, торча на холоде, было глупо. К тому же никаких признаков пожара, разбоя или еще чего-нибудь в этом роде не было. Дом стоял на месте. Вокруг все тихо. Подозрительных запахов не имеется.

— Дома никого нет, — передал он по рации. — Там видимо, все в порядке. Наверное, дети балуются.

И сложив крошечный приемничек в карман, надвинув на уши шапку, полицейский с чистой совестью поспешил домой.

Стук прекратился. Кевин высунул голову из-под покрывала, оглядываясь вокруг. Было тихо. Наверное, хитрюга Моргви где-то притаился. Кевин спрятался опять.

* * *

Питер Маккальстер атаковал билетные кассы, наивно надеясь вылететь обратным рейсом. Но ему настойчиво отвечали, что все билеты проданы.

Тогда он познакомился с молоденькой француженкой, служащей авиакомпании «AIRFRANCE».

— Я не могу поверить, что вы ничего не можете сделать, никого попросить...

Мистер Маккальстер использовал все свое мужское обаяние, но девица была непреклонна.

— Я не могу ничего для вас сделать.

— А может, все-таки попытаетесь? — Питер Маккальстер оскалился в ослепительной улыбке, покорившей когда-то его жену.

— Я с удовольствием помогла бы вам, — любезно отвечала юная мадмуазель. — Но это не в моих силах. Поверьте.

К ним подошла миссис Маккальстер.

— Они послали полицейского проверить, все ли в порядке дома.

— Да? Вот и хорошо. Но знаешь, дорогая, нет билетов. Мы не сможем вылететь сегодня.

Лицо Керри покрылось красными пятнами.

— Как нет? Нет билетов до Чикаго?

— Не только до Чикаго, мадам, — мило улыбалась девица в голубой форме, — и до Нью-Йорка тоже нет билетов.

Миссис Маккальстер закрыла лицо руками. Ей становилась дурно. Ведь это означало, что маленький Кевин останется ночевать один. Но это невозможно! Она не допустит этого! Ни за что! Она горько рыдала, положив голову на грудь мужа. Питер ласково гладил ее по голове.

— А может, попробовать на частном самолете? — предложила мадмуазель.

— Спасибо, но мы не практикуем вещи подобного рода, — холодно ответил Маккальстер.

Вот еще выдумки! Они не Рокфеллеры, чтобы раскатываться на частных самолетах. Хорошенькое предложение!

При всем своем флегматичном спокойствии ему было больно смотреть на страдания жены. Он взял ее за руку.

— Дорогая, мы ничего не сможем сделать в этом аэропорту. Я предлагаю пойти к Рокку. А оттуда звонить.

Керри решительно замотала головой.

— Но пойми, у нас нет другого выхода. Они нам могут предложить билеты только на пятницу, на утро. Это через два дня.

Керри разрыдалась еще громче. Ее сын дома один.

Она не может бросить его. Она должна улететь. Бедный, бедный маленький Кевин.

— Мадам, если вы хотите остаться в аэропорту, то мы можем предоставить вам возможность вылета, если кто-то откажется от билета.

Глаза Керри засветились. Появился единственный, хоть маленький, проблеск надежды. Она быстро утерла слезы. В конце концов всегда находится выход даже при полной безысходности.

— Это правда, мадмуазель?

— Ну, конечно, — улыбнулась девица. — В жизни столько неожиданностей, и планы у людей меняются часто.

Керри облегченно вздыхала. Она была уверена, Бог услышит ее молитвы и пошлет желанный билет до Чикаго.

Они решили, что детей не нужно мучить зря, и Питер вместе с Ненси и Фрэнком уведет их к Рокку. Они не виноваты в случившемся. Им нужен отдых. Да и к тому же сегодня они еще ничего не ели.

Мистер Маккальстер нежно поцеловал жену.

— Будь осторожна, дорогая. И не стоит так убиваться. Я уверен, все обойдется. Поверь мне.

— Да, да, — шептала Керри, обнимая мужа. — Я буду осторожна. Обещаю.

Дети, уставшие и притихшие, дружно шагали к выходу. Их мысли были только о праздничном столе, фантастических напитках и невероятно аппетитных блюдах. Дядя Рокк ожидал их. В голодных желудках давно урчало, изо ртов текли слюнки.

* * *

Кевин принимал ванну. Как только опасность миновала и за ним уже никто не охотился, он вновь почувствовал себя взрослым мужчиной. Вытершись широким зеленым полотенцем отца, он обвязал им бедра и стоял перед зеркалом, расчесывая свои мокрые волосы. На него смотрел худощавый белобрысый мальчишка с торчащими ушами.

— Я помыл все свое тело и смазал его кремом, даже между пальцами и пупок.

Кевин взял дезодорант и стал обильно сбрызгивать под мышками, шею, грудь, живот.

Но где же его зубная щетка? Порывшись по полочкам, он решил, что, возможно, кто-то по ошибке стащил ее с собой. Но ничего страшного, он купит себе новую.

Немного отдохнув, Кевин оделся и отправился в комнату База. Где-то там братик прятал свои денежки. Но Кевин не пожалеет времени, чтобы поискать их и найти. Он шарил по полкам, вытряхивая книги, коробки, перебирая всякую дребедень, которую хранил недалекий Баз. Ага! Ясно! Шкатулка, зеленая пластмассовая шкатулка. Деньги наверняка там. Она лежала на самой верхней полке книжных стеллажей почти под потолком. Баз специально положил ее туда, чтобы никто не мог их оттуда достать.

Кевин подпрыгивал на кровати, пытаясь коснуться рукой желанной коробочки и достать ее. Но ничего не получалось. Он слишком мал. Лестницы дома не было, и Кевин полез по полкам. Несмотря на свой тщедушный вид, Кевин имел двадцать пять килограммов веса. Хрупкие стеллажи не смогли выдержать такой нагрузки и, как только Кевин потянулся за шкатулкой, с грохотом рухнули вниз. Книги, часы, сувениры, металлические побрякушки, видеокассеты полетели прямо на голову Кевина, на несколько минут оглушив его. Сверху отвалилась последняя полка и грохнулась прямо на Кевина, лежащего под грудой вещей.

Очнувшись и немного полежав, он стал выбираться из развалин. Болела голова, руки, ныла спина. Все-таки он здорово ушибся. Удивительно, как вообще остался жив. Перед глазами плыли цветные круги.

Но вскоре Кевин пришел в себя. Да, он, безусловно, пострадал. И все из-за скупердяя База, засунувшего шкатулку чуть ли не к черту на рога. Тем не менее Кевин был рад. Теперь у него есть деньги, и он может купить все, что посчитает нужным. В конце концов ему не мешало бы поесть. Дома ведь ничего не было.

Блаженно улыбаясь, Кевин считал хрустящие бумажки. Одевшись, он вышел на улицу. Словно пух, сыпались снежинки, попадая в глаза, рот и даже в нос.

У соседнего дома стояла машина. Интересно, ведь Кларки собирались в Калифорнию. Странно, что они не уехали.

А тем временем в комнате База из-под обломков книжных стеллажей показалась лохматая нога. Немного посопев, из своей стеклянной тюрьмы, случайно разбитой Кевином, вылез любимый Базом скорпион Ролси. Остановившись, он огляделся по сторонам и поковылял в гостиную...

* * *

В это время Марвин Синий глаз и Гарри Томсон дружно выносили имущество почтенного мистера Кларка. Бойко разбирали содержимое буфетов и шкафов, закидывая в чемоданы полюбившиеся вещички.

Зазвонил телефон. Воры притаились. Там был автоответчик, и вскоре они услышали голос.

— Добрый день! Говорит мистер Маккальстер. Я звоню из Парижа. Я нахожусь в квартире моего брата. Запишите номер телефона: шесть-девять-четыре-пять-восемь-два... Дело в том, что у нас не работает телефон...

— Эй! — крикнул Марвин приятелю. — Мы вчера были в доме Маккальстера?

— Да, — Гари запихивал в карманы серебряные побрякушки. — И что?

— Ты был прав, — Марвин радостно оскалился. — Их действительно там нет.

Гарри самодовольно захохотал. Он ведь не мог ошибиться. С головой, слава Богу, у него все в порядке.

— Я знал, что их там нет. Мы здорово сглупили тогда. Сегодня вечером мы навестим их дом еще раз.

В предвкушении богатой наживы глаза обоих лихорадочно засверкали.

* * *

Звякнул колокольчик. Кевин вошел в небольшой магазинчик на Уолстер-стрит. На прилавках были аккуратно разложены самые разнообразные сорта мыла, шампуней, пенок, а также мыльницы, подставки и много прочей дребедени. Кевин выбирал зубную щетку, тщательно перебирая груду разноцветных прозрачных упаковок. Пожалуй, вот эта желтенькая будет в самый раз.

Кевин подошел к продавцу, пожилой женщине в парике и больших круглых очках.

— Чем я могу служить? — она обвела внимательным, изучающим взглядом юного покупателя.

— Скажите, применение этой зубной щетки одобрено ассоциацией американских промышленников в области медицины?

Продавец вытаращила на Кевина глаза так, что очки съехали на кончик носа. Она не ожидала столь «взрослого» вопроса от такого маленького покупателя.

А Кевин продолжал стоять с невозмутимым видом.

Немного растерявшись, продавец пробормотала:

— Я н-не знаю, но могу спросить. Джек! Тут вопрос по поводу зубной щетки.

Подошел седовласый господин в толстом вязаном свитере.

— Что такое?

— Ты не знаешь, применение этой зубной щетки одобрено ассоциацией медицинских промышленников?

— Гм.., — седовласый Джек почесал затылок. Еще ни один покупатель не задавал ему таких странных вопросов. — Я не знаю...

Зазвонил колокольчик, извещая о приходе нового клиента. В магазин кто-то вошел. Опустив голову, Кевин ожидал ответа. Он не думал, что так озадачит владельцев магазина. Он слышал, как сзади кто-то приблизился к ним, став рядом. Синяя скрюченная рука с желтыми высохшими ногтями легла на прилавок. Кевин поднял голову. Старик Моргви стоял возле него.

От ужаса Кевин закричал и стал пятиться назад.

Продавец видела, что маленький мальчик со щеткой в руках направляется к выходу.

— Мальчик, платить нужно здесь.

Но Кевин не слышал ее. Его тело оцепенело от страха. Он думал только о том, чтобы скрыться, убежать от страшного чудовища, преследовавшего его. Кевин пулей выскочил на улицу и дал деру сколько было сил.

В магазине начался переполох. Кражи здесь случались редко. Но чтобы ребенок унес товар прямо из-под носа... Невероятно!

— Джимми! Задержи его! — кричала женщина-продавец. — Он не расплатился.

Сидевший на лестнице Джимми, шестнадцатилетний подросток, убирал с потолка паутину. Быстро соскочив на пол, он побежал вслед за Кевином.

Тот бежал, никого не замечая.

— Эй! Стой! Держи вора! — орал Джимми. Он не мог допустить убытка в своей семье, так как был сыном хозяев и в свободное от учебы время с охотой помогал родителям по работе в магазинчике. Тут он увидел полицейского, стоявшего у светофора.

— Держи вора! Он не расплатился!

Тем временем раскрасневший от ветра Кевин перебегал улицу. Полицейский увязался за ним. Располневшему пожилому человеку было трудно тягаться с мальчуганом. Но долг превыше всего. Он обязан следить за порядком в городе.

Кевин не заметил, как попал на каток. Хорошие мальчики и девочки выписывали плавные кружева на коньках. Кевин проскользнул мимо них и, шлепнувшись пару раз на лед, быстренько отряхнулся и побежал дальше.

Оказавшись на льду, бедолага-полицейский то и дело грохался, обивая себе бока.

Подлый маленький негодяй. Это же надо, так мучить почтенного пожилого человека! Ну, я тебе покажу! Толстяк хотел было подняться, но кто-то из катающихся толкнул его сзади, и он растянулся опять.

Выбравшись на четвереньках из этого ада, вспотевший и запыхавшийся полицейский заметил, что юного вора и след давно простыл.

Поняв, что проиграл, уставший и с побитыми боками, он медленно поковылял назад.

Выбившись из сил, сжимая в кармане зубную щетку, Кевин плелся домой. Болели коленки, рубашка прилипла к спине, на душе был неприятный осадок.

— Я — преступник. Я — преступник.

Он понимал, что воровать нехорошо. Родители всегда твердили ему это. Да и сам он никогда не крал. Разве что у База чего-нибудь... А так, чтобы в магазине или в школе... Никогда!

Как глупо все получилось. И все из-за этого отвратительного старика. Почему он преследует его?

* * *

Марвин выносил последние коробки из дома Кларков

и грузил их в «додже». Закончив работу, он сел в кабину.

— Чего такой довольный? — Гарри сидел за рулем. — Опять включил напоследок воду? Я же говорил тебе не делать этого.

После грабежа каждого дома Марвин оставлял открытым кран — последний подлый штрих в его работе. Хозяева, заходя в квартиру, видели лужи на полу и сначала не замечали исчезнувших вещей. А когда спохватывались, было уже поздно. За это время воры успевали скрыться далеко. А кроме всего прочего, хозяйка, наводившая порядок, напрочь уничтожала все следы и отпечатки пальцев преступников.

— Это наша визитная карточка, — сказал Марвин. — У каждого вора должна быть своя визитная карточка.

— Ты просто больной.

— Я не больной.

Гарри вел машину. Они громко спорили, орали. Марвин доказывал свою правоту. «Пакостить — так пакостить!» — был его девиз.

Уставший от глупых пререканий, Гарри строго сказал:

— Короче, все. Ты больной. Но больше не делай этого.

Вдруг Марвин дико заорал:

— Стой! Тормози! А-а-а!

Тут Гарри увидел ребенка прямо под колесами машины и резко затормозил.

— О, черт!

Кевин едва успел отскочить в сторону. Расстроенный и уставший, он был так погружен в свои мысли, что не заметил машины, надвигавшейся прямо на него.

— Сынок, надо быть осторожней, — Марвин скорчил зловещую гримасу. — Так ведь недолго угодить под грузовик.

— Извините, — оторопелый Кевин опустил ресницы. Ему нечего было сказать. Еще немного, и он бы расплакался.

— Ну ладно, — Марвин заметил, как слезы накатывались на глаза мальчишки. — Повезло тебе. А то вместо Рождества мог бы угодить в похоронную контору.

— Ну ничего, ничего. Счастливого Рождества! — Гарри оскалился.

Тут Кевин увидел, как сверкнул золотой зуб. Он

узнал его. Это был тот самый полицейский, который приходил к ним домой.

И тогда у Кевина мелькнула внезапная мысль: «Воры!» Теперь он в этом не сомневался. Толстяк приходил в дом под видом полицейского, чтобы все разузнать.

От страха Кевин съежился. На каждом шагу его подстерегала опасность. Попятившись боком, он поплелся прочь.

Автофургон остался стоять на том же месте.

— Слушай... — Гарри прикусил губу.

— Что?

— А мне не понравилось, как он на меня посмотрел. Здесь что-то не так.

Гарри задумался.

— Ты его видел раньше? Он тебе знаком?

— На этой неделе я видел сотню детей.

И почему этот сопляк смотрел так подозрительно? Может, это один из тех молокососов, в дом которых он заходил на днях?

— Давай проследим, куда он пойдет, — предложил Марвин.

Медленно они последовали за Кевином. Тот понял, что за ним следят, и шел все быстрее, прибавляя шаг. А потом и вообще побежал.

— Почему он побежал? — спросил Марвин.

— Я же говорю, здесь что-то не так. Он странный. Чего ему бежать от нас?

А Кевин бежал все быстрее и быстрее. Наконец показалась церковь. Он проворно шмыгнул в кусты и притаился за густыми елями, покрытыми снегом.

Марвин и Гарри увидели, что мальчишка в одно мгновение исчез.

— Может, он зашел в церковь?

— Но мы не пойдем туда. Ладно, — Гарри махнул рукой, мол, глупо тратить время на какого-то тронутого молокососа. — Пора убираться отсюда. Не хватало, чтобы нас здесь заметили.

На перекрестке они повернули машину налево и скрылись.

Увидев, что бандиты исчезли, Кевин облегченно вздохнул.

— Когда эти ребята вернутся, я буду готов их принять, — сказал он и пошагал домой. По дороге он

обдумывал план предстоящей встречи, смахивающий на план боевых действий.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРОДЕЛКИ МАЛЕНЬКОГО КЕВИНА

Что же придумал Кевин? Поняв, что его собственность в опасности, он дал полную волю своей богатой детской фантазии.

К приезду непрошенных гостей он готовился со всей тщательностью. В подвале валялось много старых манекенов из картона. Очистив от пыли, он притащил их в дом, расставил по комнатам, привязав к их ногам веревочки.

Когда знакомый серый «додж» подъехал к дому Маккальстеров, оттуда во всю мощь доносились знакомые всем мелодии Луи Армстронга. Слышался топот, смех, в окнах мелькали танцующие силуэты.

— Они что, вернулись? — Марвин уставился на Гарри.

— Да брось ты. Парень шутит.

Но тени все дергались и скакали. Ясно, что мальчишка не один. Вероятно, устроил вечеринку в честь отбытия предков. Черт бы его побрал.

— Ну хорошо, — сказал Гарри. — Придем завтра. Может, они к этому времени уберутся.

Марвин высунул голову в окно. Жаль, что операция сорвалась. Такие возможности случались не часто. А может...

— Давай быстрей. Что высунулся, — прошипел Гарри. — А то еще кто-нибудь заметит.

Он быстро завел машину, выжал акселератор, и они убрались прочь, подальше от беды.

Кевин украдкой наблюдал за шторой. Как ловко он обвел вокруг пальца двух взрослых дураков и спас дом от напасти! Душа Кевина торжествовала. Он был несказанно доволен собой.

* * *

Баз не думал беспокоиться о брате. Семейство Маккальстеров расположилось в просторной гостиной дядюшки Рокка. Посередине стояла нарядная елка, сверкая разноцветными гирляндами. Дядя Рокк вошел с огромным подносом пирожных.

— Внимание, дети!

Он по очереди обходил всех и каждый выбирал то, что было по вкусу: безе, корзиночки со сливочным кремом, с орехами, с малиновым джемом, шоколадные кексы и еще всякую всячину. Дядя Рокк знал, как его племянники любили сладкое, и всегда тщательно готовился к их приезду.

Питер Маккальстер пытался дозвониться домой. Но ничего не получалось. Телефон соседей тоже упорно молчал.

— Ну что? — спросил Рокк.

Питер безнадежно махнул рукой.

— Все поуходили куда-то. Черт знает что.

Баз и Сьюзен сидели на диване у телевизора и уплетали трубочки с фруктовым кремом.

— Сидим мы здесь, в этой квартире, — грустно вздохнула Сьюзен. — Мама в аэропорту. Кевин дома.

Она скучала. Ей было жаль младшего брата.

— Вот еще! Можно подумать, что мне нечего больше делать, кроме как страдать по Кевину. И мама тоже хороша. Только зря время теряет. Билетов все равно нет. Сидела бы спокойно здесь, ела всякую вкуснятину.

— Тебе все равно? — Сьюзен всегда удивляла холодность брата. Особенно по отношению к Кевину. — Ты не беспокоишься о нем?

Баз презрительно хмыкнул.

— Ну, а чего мне беспокоиться? Он вел себя как полный негодяй и наконец попался. Так ему и надо.

Все-таки Баз непробиваем. Но как можно быть таким злым и безразличным? Сьюзен не могла этого понять.

— А вдруг он сошел с ума? Он такой маленький и беспомощный, — она пыталась разжалобить брата.

Но ее слова только рассмешили непреклонного База.

— Да нет, — ответил он. — Это, наоборот, пойдет ему на пользу. Два дня в нормальном мире взрослых.

— Ты не боишься, что с ним может что-нибудь произойти? — не унималась Сьюзен.

Холодное безразличие База пугало ее. Она считала, что нельзя так относиться к близким. В конце концов, это не по-христиански.

— Я не боюсь, — спокойно отвечал Баз, отправляя

в рот ореховое печенье. — По трем причинам. Во-первых, мне так не повезет, во-вторых, у нас есть система пожаротушения, в третьих, мы живем в самом занудном городке Соединенных Штатов, где никогда ничего не происходит.

Сьюзен задумалась. Может, Баз в чем-то и прав, но... все-таки смириться, что малыш Кевин дома один... Это невозможно!

* * *

У дома Маккальстеров резко затормозил старенький голубой «форд-гранада». Статуя, традиционно стоявшая у газона, свалилась, издав громкий звук раскалывающегося металла. Посыльный из пиццерии выскочил из машины, на ходу поставил на место статую и с белой коробкой в руке поспешил к дверям.

— Кто там? — услышал он грубый мужской бас.

— Я принес пиццу.

— Оставляй на крыльце, придурок, и убирайся отсюда!

— А как же насчет денег?

— Каких денег?

— Видите ли, сэр, за пиццу придется платить.

— Вот так. И сколько с меня?

— Одиннадцать восемьдесят.

Кевин ловко переключал кнопки на пульте к видеомагнитофону. Голос бандита из фильма ужасов звучал просто ошеломляюще и заставил дрожать паренька-рассыльного.

— Я считаю до десяти и даю тебе время убраться отсюда, ничтожество. Иначе я накачаю тебя свинцом.

Рассыльный с недоумением стоял на крыльце. Было страшновато, но уехать без денег он не мог.

— Раз, два, три...

Что за тип сидит в этом доме? Может, сумасшедший?

Но тут вдруг раздалась автоматная очередь, от которой его, словно ветром, отбросило в сторону от двери. От страха несчастный парень слегка намочил в штаны и, закрывая голову руками, быстро, что было сил дал деру к машине.

Ну и ну! Сумасшедший дом. Его могли убить. Его работа, оказывается, опасна. Он не знал этого. Непременно расскажет обо всем хозяину. Пусть повысит жалование. Он ведь рисковал жизнью!

На всех скоростях, используя максимальные возможности своей добитой машины, он уносил ноги. Машина скользила по заледенелой дороге, бешено ревел мотор.

Как только глупец из пиццерии удалился, веселый Кевин выключил видеомагнитофон и вышел на крыльцо. На ступеньках лежала белая коробка. Он поднял ее. Она пахла просто замечательно и была еще совсем горячей. Кевин открыл коробку.

— Пицца с сыром. Только для меня.

И довольный, в предвкушении вкусного ужина, мальчик захлопнул за собой дверь.

* * *

Силы покидали измученную, исстрадавшуюся в безуспешных поисках билета миссис Маккальстер. Она готова была на все, лишь бы получить то, что ей нужно. Мысли о покинутом Кевине мучили ее.

Ей предложили билеты на завтрашний рейс, но она не могла ждать целые сутки, когда ее мальчик...

Надломленная, убитая горем, она бродила по аэровокзалу, все еще надеясь на успех.

По динамику объявили о посадке на самолет, летевший в Даллас.

Даллас! Это уже полпути. Она должна попасть туда! Керри бросилась к толпе, которая медленно проходила на посадку. Она остановила пожилую даму в позолоченном пенсне. И, отозвав в сторонку, предложила пятьсот долларов, карманный переводчик, стоимостью также в не одну сотню долларов, часы «Роллекс», словом, все, что имела при себе, если та согласится выехать завтрашним рейсом! Сначала старуха хотела отпираться. Вот еще! Будет она еще сутки сидеть в Париже! Но когда почтенная женщина услышала о щедром вознаграждении, глаза ее лихорадочно засветились. Все-таки пятьсот долларов не предлагают каждый день. Да еще карманный переводчик. Она давно хотела его приобрести, но жалела денег. Он стоил дороговато.

— Это настоящий «Роллекс»? — спросила старуха, разглядывая изящные золотые часики, подаренные когда-то Керри мужем.

— Ну, а как вы думаете? Кроме того, у меня есть кольцо.

Предложение было слишком заманчивым. Конечно, ради этого нужно возвращаться в гостиницу, но... Мадам предлагала билеты в первом классе. Они с мужем еще никогда не летали в таких шикарных салонах, считая, что это расточительно. Старуха стояла в нерешительности. Но отказаться была не в силах.

— Дорогая, нам пора, — к ней подошел муж, седовласый господин в большой фетровой шляпе, с пышными серебристыми усами.

— Подожди, — пожилая дама взяла его за руки и, приподнявшись на цыпочки, стала шептать ему на ухо. — Нам предлагают пятьсот долларов, кольцо, часы, карманный переводчик...

— И еще сережки! — добавила миссис Маккальстер, смотревшая на них умоляющими глазами.

Она готова была отдать все, лишь бы улететь на этом самолете. Часы и украшения были дороги ей. Сережки и кольцо подарил ей отец после рождения их последнего ребенка — Фулера. Отца уже не было в живых. Но теперь она не думала об этом. Спасти Кевина было единственным ее желанием.

Старики долго шушукались, спорили, не зная, как поступить. Глаза Керри наполнились слезами. От этих двух скупердяев зависела жизнь ее сына! Наконец старик, уставший препираться с назойливой женой, бросил на Керри полный недоверия взгляд и потащил супругу к посадочной секции.

— Но я в отчаянии! — взмолилась миссис Маккальстер. Она была готова на коленях умолять этих мещан уступить ей билеты. По щекам текли слезы.

— Прошу вас как мать...

Ее слова не могли не расстрогать стариков. Да в придачу щедрое вознаграждение, которое она предлагала.

Измученная, уставшая, с опухшими от слез глазами, но все равно счастливая, Керри Маккальстер сидела в жестком кресле салона второго класса. Самолет медленно поднимался в воздух.

Она летела в Даллас.

* * *

Удобно устроившись в кресле, Кевин смотрел телевизор. Это был второй вечер, который он проводил один. Ведущий детской рождественской передачи читал письмо какого-то мальчика к Санта-Клаусу:

— Дорогой Санта- Клаус! В прошлом году у меня появилась маленькая сестренка. В этом году я ограничусь, пожалуй, куклой...

Кевину было одиноко и грустно. В руках он держал семейный портрет: мама, отец, Баз, Майкл, Сьюзен, маленький Фулер и он... Как хорошо ему было тогда. Да, родители часто относились к нему несправедливо, понапрасну ругали, запрещали что надо и что не надо. Баз незаслуженно издевался над ним. Майкл часто был холоден и не брал его на каток. Но без них Кевин чувствовал себя еще более невыносимо. Он ощущал себя одиноким брошенным котенком, жалким и никому ненужным.

Все-таки без семьи жить невозможно. Жаль, что он понял это только сейчас. А вдруг они уже никогда не вернутся? Нет, это было бы слишком жестоко с их стороны.

Кевин тяжело вздохнул. За окном падали снежинки. Стоял темный декабрьский вечер.

Днем он никогда не чувствовал себя так подавленно, но с наступлением темноты становилось одиноко и жутко. Скука и страх одолевали его.

Кевин нежно гладил портрет.

— Дорогие мои! Если вы вернетесь, я буду вести себя совсем иначе. Доброй ночи!

Кевин поцеловал портрет и положил под подушку.

Только бы они вернулись. Он будет самым образцовым ребенком: не будет приставать с глупостями, ломать игрушки, творить беспорядок, будет ходить за покупками и убирать в квартире. И из школы будет приносить только отличные оценки.

С этими мыслями Кевин уснул.

ОН ДОСТАТОЧНО ВЗРОСЛЫЙ, ЧТОБЫ ЗАБОТИТЬСЯ О СЕБЕ

Утром Кевин принял ванну. А потом, обмотавшись

полотенцем, пританцовывал возле зеркала под музыку незабвенной шведской группы «АВВА». Он причесывал мокрые волосы и корчил гримасы, изображая певца.

Утренний туалет подходил к концу. Последний штрих — дезодорант. Терпкий запах мимозы разносился по ванной комнате. Так пахнут настоящие мужчины.

Еще ни разу в жизни Кевин не посещал супермаркета. Вернее, он ходил туда пару раз с мамой, но это было очень давно. Однажды он разбил там бутылку с пепси. Мама очень огорчилась тогда и поклялась больше никогда не брать с собой в магазины неуклюжего сына, который не умел себя вести и не приносил ничего, кроме убытков и неприятностей.

Зато теперь Кевин важно катил тележку на колесиках по просторному торговому залу супермаркета. Как настоящий хозяин, он держал в руке бумажку со списком необходимых покупок. Так всегда делала мама, чтобы ничего не забыть.

Кевин надолго останавливался у рядов с товарами, тщательно, подобно дотошной старушке, выбирал жидкость для мытья посуды, стиральный порошок.

Когда он подошел к кассе, его тележка была доверху наполнена разноцветными свертками, бутылками, пакетиками.

— Как вы думаете, это вкусные ужины, которые надо разогревать?

Квадратнолицая продавщица с тонкими поджатыми губами пожала плечами.

— Я не знаю, — недовольно буркнула она в ответ.

Кевин выгружал на прилавок содержимое тележки.

— Девятнадцать девяносто три.

— Хорошо.

— Ты здесь один? — спросила продавщица, недоверчиво оглядывая непринужденного малыша.

— Мэм, мне восемь лет. Как вы думаете, я могу в моем возрасте быть один?

— А где же твоя мама? — надутая физиономия подобрела.

— Мама сидит в машине.

— А отец?

— Он на работе.

— А братья и сестры?

— Я — единственный ребенок в семье, — Кевин складывал покупки в полиэтиленовые пакеты.

— А где ты живешь?

— Этого я не могу вам сказать.

— Почему?

— Потому что я вас не знаю.

Продавщица нахмурилась и недовольно поджала губы. Слишком умен для своего возраста этот молокосос!

Кевин долго шагал по дороге, еле волоча свои сумки. Они были слишком тяжелыми. Все-таки не надо сразу было набирать столько покупок.

Раскрасневшийся, вспотевший, он едва доковылял до Линкольн-стрит.

Дома он решил заняться хозяйством. Должен же он подготовиться к встрече Рождества.

С тряпкой в руках, он расхаживал по комнатам, вытирая пыль, пропылесосил ковры, даже сделал влажную уборку.

Он чувствовал себя абсолютно взрослым, самостоятельным мужчиной и вполне мог обходиться без старших, столь подло и бесцеремонно покинувших его.

На кухне Кевин перемыл всю грязную посуду, которой за последние дни скопилось немало.

Собрав в тазик грязную одежду, он загружал ее в стиральную машину. Но когда он включил ее и она загудела, по телу вновь пробежала дрожь. Никак он не мог избавиться от страха перед этим чудом техники. Кевин съежился, закрыл глаза. Но потом опомнился. Сколько раз говорил он себе, что стиральная машина — неодушевленное лицо, она не может его проглотить, если, конечно, он не влезет туда сам. В конце концов, чудес не бывает.

Отмахнувшись от глупых мыслей, Кевин продолжал домашнюю работу. Святой праздник нужно встречать в чистом и аккуратном жилище. Так всегда говорила бабушка.

Занимаясь уборкой, Кевин вскоре почувствовал, что проголодался. Может, заказать пиццу? Ну нет. Тот дурачок больше ни за что сюда не приедет. Еще бы. Ведь он здорово напугал его вчера.

Ладно. Можно вполне обойтись ужинами в пакете. Кевин открыл холодильник, достал один из немного примерзших мешочков и вытряс его содержимое на сковородку.

Получился вполне пристойный ужин. Куриное филе с овощами. Кевин с аппетитом уплетал его.

Оказывается, без родителей вполне можно обойтись.

А ведь раньше он считал, что без них он просто беспомощен. Ничего подобного.

Видели бы его сейчас Баз с Майклом! Можно представить, как вытянулись бы их физиономии. Самонадеянные глупцы!

А вот окажись они на его месте, в его ситуации, то вряд ли свели бы концы с концами!

Кевин сидел за столом, ел горячий ужин и рассуждал, как вдруг услышал, что возле дома затормозила машина...

* * *

Марвин и Гарри сидели в своем сером «додже», не решаясь выходить. Все-таки они не были полностью уверены, что дома никого нет.

— Что-то здесь не то, — Марвину надоело торчать в машине, когда впереди столько дел.

— Надо проверить, — сказал Гарри. — Иди, посмотри.

— Что, прямо сейчас?

Балбес! Вечно он выводит из себя своей тупостью.

— Нет, завтра, придурок! — вспылил Гарри.

Он не выносил нерешительных и трусливых компаньонов.

Поняв, что спорить бесполезно, Марвин вышел из машины.

— Вот козел, а.., — сплюнул ему вслед.

Кевин услышал хруст снега за окном. Кто-то подергал за дверную ручку.

Ясно! Воры опять пришли за добычей. Но теперь он не боялся. Он знал, что делать. Тем более этот метод удачно испробован над рассыльным из пиццерии.

Кевин включил видеомагнитофон. Еще вчера он оставил запись на нужном месте.

Марвин стоял на крыльце у двери черного хода, выходящей из кухни, приложив ухо к замочной скважине, прислушиваясь к звукам в квартире.

Вдруг он услышал грубый мужской голос, который звучал, как будто из-под земли.

— Если ты сию минуту не уберешься отсюда, я испоганю твою желтую рожу.

— Но мне нужны деньги, — проскрипел другой голос.

— Какие деньги?

— Но ты же обещал!

— Вот как! И сколько с меня?

— Пятьсот тысяч.

Физиономия Марвина перекосилась.

А в это время Кевин поставил перед дверью глубокую кастрюлю, предварительно положив туда подоженные петарды.

— Я считаю до десяти и даю тебе время убраться отсюда, ничтожество, — рычал зловещий бас. — Иначе я накачаю тебя свинцом.

У Марвина от неожиданности отвисла челюсть. Он не знал, то ли бежать, то ли дослушать, чем кончится вся эта история.

Но тут внезапно раздалась автоматная очередь, от которой Марвина подбросило на месте. Он, словно марионетка, отлетел в сторону и распластался на снегу. Началась сумасшедшая стрельба. Пули, казалось, проносились над самой головой. Съежившись, Марвин пробирался ползком по-пластунски к машине. Он боялся, чтобы его не заметили и невзначай не подстрелили как нежелательного свидетеля. Видно, тот парень шутить не любит. Если увидит Марвина, тому ног уже не унести.

Задыхаясь и трясясь от страха, Марвин добрался до машины.

— Ну что там?

От ужаса Марвин потерял дар речи и только долго прерывисто дышал, хватая глотками воздух.

Гарри заметил, что его дружок весь в снегу и бледный как мел.

— Ну что? Что?

— Я не знаю, кто там есть, — Марвин пробовал отдышаться. Его всего трясло, — Но кого-то только что пришили.

— Что? — Гарри слышал, как у приятеля дрожали коленки и стучали зубы. Видимо, его здорово припугнули. Но кто? Дома ведь один ребенок!

— К-кажется, нас уже опередили, — Марвин заикался. — Их там было двое. Они спорили, делили какие-то деньги. И один убрал другого.

— Кто?

— Не знаю. Но их голоса мне знакомы. Один из них...— Марвин перевел дыхание. — Его кличка Змей.

— Змей?

Марвин кивнул. Гарри не знал никакого Змея. В этом городе он был знаком со всеми мошенниками, но такой

клички не слышал. Тем более это было неслыханной наглостью. Это был их район. Они заплатили за это. И никакие «змеи» не имели права совать сюда свой нос.

— Змей, Змей! Я слышал. Точно. Но все равно поехали. Надо валить отсюда, — Марвина трясло.

Змей представлялся ему здоровенным громилой, который не замедлит расправиться с каждым, кто станет на его пути. Он, Марвин, уже стал свидетелем одной такой расправы.

— Нет, подожди, — Гарри протирал запотевшие стекла в машине. — Мы должны проверить, что это за люди. Ведь мы работаем в этом квартале.

Марвин вытаращил глаза. Ему показалось, что его дружок свихнулся. Да он просто не соображал, насколько опасен этот Змей. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Гарри оборвал его.

— Ну хорошо. Возьмут нас полицейские, начнут расспрашивать об убийстве в этом районе, что да как, да почему. Приятно будет отвечать на их вопросы? А? Как ты считаешь?

Марвин задумался. Может, Гарри и прав. Сдать этого негодяя было бы здорово. Заодно и перед полицией порисоваться, отвести от себя подозрение в совершенных кражах. Они ведь за последние дни неплохо поработали, обчистили столько домов. И естественно, полиция будет искать воров. А они все свалят на этого типа, Змея. Пусть отдувается.

— Ну вот, — Гарри нравилось, когда удавалось переубедить Синего глаза. — Змей, говоришь?

— Да. И голос был у него такой змеиный.

Гарри почесал затылок. Он размышлял.

* * *

«Боинг-707» приземлился в Далласе.

В расстегнутом пальто, с растрепанными волосами Керри Маккальстер бежала в билетные кассы, расталкивая всех, кто попадался у нее на пути. Сегодня она должна добраться домой!

— У нас все забито, — сказал крысиноподобный очкарик в билетной кассе. — Вы сами должны понимать — канун Рождества.

— А может, на другой самолет? — Керри смотрела на очкарика жалостным взглядом.

Тот быстренько пощелкал клавишами компьютера.

— Ничего. Свободных мест нет. Может, я закажу вам комнату в гостинице? А завтра вы улетите в Чикаго?

Но Керри Маккальстер не могла ждать! Два дня Кевин дома один. За это время чего только не могло произойти! Почему никто этого не может и не хочет понять?

— Мне очень жаль, мэм, — очкарик в билетной кассе состроил дежурную улыбку. — Мы делаем все возможное, все, что в наших силах.

— Да, да, понимаю. Извините...

Опустив голову, миссис Маккальстер отошла в сторону. Судорожный комок сжимал ее горло. Ей хотелось рыдать от собственного бессилия. Возможно, в эти минуты с Кевином случилась беда. А она, его мать, сидит здесь, в Далласе и ничем не может ему помочь.

Наверное, ее сердце скоро не выдержит. Весь мир такой жестокий и равнодушный. Никому нет никакого дела до ее мальчика, до ее горя.

Но Керри Маккальстер не могла смириться с такой несправедливостью. Ее сын в опасности. Она должна помочь, спасти его. Она не допустит, чтобы из-за такого пустяка, как отсутствие билетов, пострадал ее сын. Ну уж нет. Она будет бороться! Она добьется, она настоит и непременно улетит, чтобы Кевин еще раз не ночевал один. Да и она устала, в конце концов!

Как разъяренная кошка, миссис Маккальстер подбежала к кассовому окошку, оттолкнула стоявшего там мужчину, всунула голову прямо в стеклянное окошечко.

— Послушайте, я шестьдесят часов не спала, не принимала ванну. Я из Чикаго летела в Париж, потом в Даллас, — она сама не заметила, как стала кричать. — Я не могу добраться до своего восьмилетнего сына.

Слезы душили ее. У нее начиналась истерика.

— Рождество! Вы понимаете, Рождество! — орала Керри, передразнивая очкарика.

— Мэм, потише немножко, — тот пробовал урезонить вышедшую из себя пассажирку.

Но Керри была уже готова на все. Ей плевать на приличия, на вежливость и прочую чушь. Она готова была продать душу дьяволу, лишь бы добраться до дома. Она не намерена больше молчать, скрывать свои эмоции, накопившуюся обиду и боль. Ее терпение лопнуло. Она им покажет, этим равнодушным телятам, выскажет все, что думает о них. И пусть услышат ее.

В истерике Керри кричала о своем горе.

Вдруг сзади ее кто-то одернул. Она резко обернулась и увидела толстого, двухметрового роста громилу в желтой, как апельсин, фирменной куртке.

— Мэм, если бы я мог.., — начал тот робко.

Взяв ее под руку, он отвел Керри в сторону, бросив очкарику в кассе:

— Я поговорю с ней. Извините.

Когда они остановились, толстяк сказал:

— Мадам, я вижу, у вас возникли проблемы. У нас тоже. Позвольте представиться — Гаспар Ленский.

Керри стояла молча, вытаращив на незнакомца опухшие от слез глаза, не понимая, что же ему нужно.

— Я— король среднего Запада. Вы, наверное, слышали: «Полька, полька...»

Керри отрицательно замотала головой. Надо же, еще один сумасшедший. Но она продолжала терпеливо слушать, ей хотелось узнать, что же этот громила мог ей предложить.

— Я просто думал, что вы узнали нас. Много лет назад наши песни были очень популярны. Не слышали: «Поцелуй меня, полька», «Полька-твист», «Двойная полька»? Нет?

— Это песни?

— Да. Песни. В начале семидесятых мы были очень известны. И продали шестьсот двадцать три пластинки.

— В Чикаго?

— Нет. В Шекгольме. Там они были очень популярны.

Толстяк без умолку болтал, рассказывал о своих музыкальных успехах. Конечно, он был очень мил и забавен, но Керри не понимала, почему он подошел к ней. Не рассуждать же о музыке.

— Вы сказали, что можете мне помочь? — не выдержав, Керри перебила занимательную для него самого болтовню.

— Да. Я немножко отвлекся, — толстяк почесал за ухом. — Наш полет отменили, и мы наняли небольшой автобус. Тот парень, — он указал на такого же здоровяка в такой же желтой фирменной куртке, только с бородой. Керри любезно ему улыбнулась. — Вы видите его?

— Да, да.

— Он договорился, чтоб нас довезли до Нуоки. Насколько я знаю, вы из Чикаго. У вас возникли проблемы...

— Да, — Керри закивала. — Мы забыли сына дома.

— Боже мой.., — толстяк понимающе покачал головой. — Вы хотите добраться до Чикаго?

Керри нетерпеливо кивала. Ей хотелось побыстрее узнать, что же он мог ей предложить.

— Ай-я-яй. Какое горе. Мы можем вас подвезти, ведь это недалеко от Нуоки.

— Вы можете меня подвезти? — Керри не верила своим ушам.

Она готова была броситься на шею этому смешному великану и расцеловать его.

Это же надо, а она приняла своего спасителя за сумасшедшего. Какие неожиданные шутки преподносит жизнь. Помощь тебе предлагается там, где ты абсолютно не ждешь.

— Вы подвезете меня? — переспросила Керри, все еще не веря своим ушам. Она так отчаялась, что уже не верила в чудеса.

— Конечно! — улыбнулся толстяк Гаспар Ленский, — только вы не возражаете, что в дороге будете вынуждены слушать нашу музыку?

О, ей все равно. Она готова ехать на крыше, лишь бы сегодня увидеть Кевина.

— Музыку? Я? Конечно, не возражаю!

Она поедет домой! Она спасена! Нет, она знала, верила — Всевышний услышал ее молитвы и не оставил в беде.

* * *

Целый день Марвин и Гарри следили за домом. Они поставили машину поодаль, чтобы не быть слишком заметными, «не светиться», как любил выражаться Гарри.

Его не покидало сомнение, что его дружок что-то напутал.Среди окрестных жуликов не существовало никакого Змея. Что-то здесь было не так. Тем более Марвин — глупец. Гарри не очень-то ему доверял.

Они торчали здесь с самого утра, не спуская глаз с дома Маккальстеров. Уже темнело. Марвин ерзал, крутился. Ему надоело сидеть в машине. Хотелось есть,

черт возьми. Но Гарри строго приструнил его, сказав, что есть будут тогда, когда выполнят свой замысел.

Вскоре они услышали, как где-то рядом захрустел снег. Тут они увидели маленького Кевина. Он вышел из дому, спилил небольшую елочку во дворе и, отряхнув от снега, потащил в дом. Он готовился к Рождеству.

— Смотри, — хмыкнул Гарри. — Да-а. Похоже, нас провел пацан из детского сада.

От удивления у Марвина отвисла челюсть. Такого не может быть! Он ведь отчетливо слышал голоса, но Гарри резко оборвал его оправдания, сказав, что дружок страдает галлюцинациями.

Ни о чем не догадываясь, Кевин украшал елку. Свежий аромат разносился по комнате. Кевин посыпал елку серебристым дождиком, вешал ослепительно переливающиеся разноцветные шары, пестрые маленькие фигурки зайчиков, белочек, медвежат. Он собирался уже нацепить гирлянды, как услышал шорох за окном. Кто-то ходил возле дома.

Кевин прислушался. В окне появилась знакомая физиономия. Он узнал типа с золотым зубом.

— Папа, ты мне поможешь? — сказал Кевин как можно громче.

Физиономия исчезла. Отчетливо послышались быстрые шаги. Кевин бросил гирлянды, подбежал к окну и, став сбоку, приложил ухо.

— Ты помнишь того пацана, что мы видели вчера? — спросил Гарри у Марвина, сунувшего нос в замочную скважину.

— Ну...

— Он живет здесь.

Марвин с недоумением посмотрел на довольную рожу приятеля.

— Боже мой, если ребенок здесь, значит, и родители здесь.

— Да нет же. Он один, — круглая физиономия Гарри расплылась в улыбке.

— Ты что, хочешь вечером прийти сюда? — спросил Марвин. Ему показалось, что дружок немного свихнулся. — Здесь же ребенок.

— Да. Ну и что?

— Мне кажется, это просто глупо.

Оба, рассуждая, направлялись к машине. Марвин пытался убедить Гарри, что дело небезопасное. И вообще как можно заходить в дом, когда там кто-то есть. А вдруг мальчишка кого-нибудь приведет. Нет, ему совсем не нравилась эта затея.

Гарри раздражала мягкотелость приятеля. Он не любил отказываться от намеченных планов. Тем более дом соблазнителен в плане всевозможных богатств. Нельзя упускать такую возможность.

— Заткнись! — Гарри грубо оборвал доводы Марвина. — Подумаешь! Мы начали работать в этом квартале с этого дома. Я хочу получить то, что находится там. Будем действовать решительно!

Гарри остановился. Подтянув Марвина за ворот его куртки к себе, строго сказал:

— Примерно в девять часов вечера будет темно. А дети боятся темноты. Кстати, ты тоже боишься, Марвин?

— Нет! Я не боюсь!

— Боишься!

— Нет! Нет! Нет!

— Да! Да! Да! Боишься!

Марвин не стал больше спорить. Гарри вообще трудно в чем-то переубедить. Упрям как осел.

С трудом волоча ноги по глубокому снегу, они поплелись к машине, оживленно обсуждая план предстоящих действий.

Кевин стоял у приоткрытого окна. Весь их разговор он хорошо слышал. И уже думал о том, как встретить нежданных гостей.

* * *

Крытый автофургон подскакивал и, колотясь, мчался по узким извилистым дорогам штата Техас. Гремела музыка. Двенадцать толстяков в апельсиновых куртках играли на духовых инструментах. Так называемая репетиция продолжалась уже несколько часов, но трудолюбивые музыканты и не думали об усталости, весело пританцовывая в такт польке.

У Керри звенело в ушах. Шум давил на барабанные перепонки, и она стала опасаться, как бы они совсем не лопнули от непривычной нагрузки. Разболелась голова. Керри хотела спать, но уснуть в таких условиях не смог бы и глухой.

Но она не унывала. Мысль о скорой встрече с сыном согревала, не давала раскисать. Керри стала мучительно считать километры, переводя оставшееся расстояние в

часы, которые она должна провести в дороге. Она не переставала думать о Кевине, молить Бога, чтобы он уберег ее малыша от несчастного случая. Всю дорогу она пыталась представить их встречу. Иногда она представляла, как Кевин бросается ей на шею, а она целует его. В другой раз находили ужасные мысли. Как будто она заходит в пустой дом, ищет, зовет сына, а его нигде нет. То вдруг ей виделись обгорелые стены их дома, и сердце начинало бешено колотиться от страха.

Керри отгоняла от себя кошмарные настроения и припевала в такт музыкантам. Она не должна думать о плохом. С ее мальчиком не должно ничего случиться.

* * *

Кевин грустно бродил по улицам. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким и брошенным. Им никто не интересовался, о нем никто не заботился. Он смотрел на счастливых детей, которые шли за руку со своими родителями на рождественские праздники. Он завидовал им.

На площади стояла огромная, переливающаяся разноцветными огоньками елка. Там суетилась Снегурочка.

Кевин подошел к ней.

— Добрый вечер, — сказал он высокой круглолицей девице.

На ее ногах Кевин заметил серебристые сапожки с длиннющими, загнутыми вверх носами.

— Какие красивые сапожки!

— Спасибо.

— А он еще здесь?

— Кто?

— Санта-Клаус.

— Если поторопишься, успеешь словить его у машины вон там, — Снегурочка указала на темный «форд», стоящий у дороги.

Они уже развезли все рождественские подарки и собирались домой.

Кевин обернулся и увидел Санта-Клауса, возившегося с автомобилем.

— Черт знает что! — ругался тот.

Его оштрафовали за неправильную парковку автомобиля. Кевин подошел к ворчащему Санта-Клаусу.

— Добрый вечер.

— Привет, — тот продолжал копаться в багажнике.

— Можно с вами поговорить?

Санта-Клаус закрыл заднюю дверцу, подошел к Кевину.

— Да. Я устал. Но можно поговорить. Только по-быстрому.

На секунду Кевин замешкался. Он не знал, как ему начать, чтобы Санта-Клаус понял его.

— Я знаю, ты не настоящий Санта-Клаус.

— Почему ты так считаешь?.

— Я достаточно взрослый, чтобы знать это. Но я знаю, что вы работаете на Санта-Клауса. Я хочу, чтоб вы передали ему.

— Хорошо, давай.

Кевин назвал свое имя, дом, улицу, где он живет.

—Может, номер телефона тоже дать?

— Да нет. Не надо.

Санта-Клаус очень спешил домой. За день он очень устал. А дома его ждали дети и праздничный стол. К тому же к вечеру приударил мороз, и стали ощутимо подмерзать ноги.

— Передайте ему, — сказал Кевин, — это очень важно. Скажите, что вместо Рождества я хочу получить свою семью обратно. Мою маму, папу, Сьюзен, тетку и всех моих двоюродных родственников. Ну и дядю Фрэнка, если будет время.

Санта-Клаус улыбнулся. Милый, наивный ребенок.

— Хорошо, передам.

— Не забудете?

— Нет. Что ты!

— Спасибо.

У Кевина отлегло на душе. Теперь он знал, что добрый Санта-Клаус поможет ему. Он же видит, что Кевин раскаивается в своих поступках и больше никогда не повторит ошибок. Он непременно выполнит его желания.

Санта-Клаус порылся в карманах своего полушубка.

— У меня практически ничего не осталось.

— Да ладно, — Кевин махнул рукой.

Теперь он не думал о подарках — главное, вернуть свою семью.

Санта-Клаус достал маленький хрустящий пакетик.

— Ты же встретился с Санта-Клаусом, — сказал он. — Должен же что-то получить в подарок. Давай лапу.

Кевин протянул руку. Санта-Клаус высыпал ему на ладонь несколько леденцов в прозрачных обертках.

— Смотри только, чтобы это не перебило тебе аппетит.

— Ладно. Спасибо.

Попрощавшись с Санта-Клаусом, Кевин продолжал свой путь.

В окнах домов весело мелькали пестрые огоньки елочных гирлянд. «Merry Christmas, merry christmas...», — доносились звуки чудесной рождественской мелодии. В каждом доме звенел веселый детский смех. Все семьями садились за праздничный стол, поздравляя друг друга, дарили подарки.

Вокруг одни счастливые лица. В этот день люди прощают друг другу обиды, забывают о плохом, загадывают желания и обязательно верят, что эти желания непременно исполнятся в новом году.

Нарядные, счастливые от полученных подарков дети танцевали возле елки. Они чувствовали себя непринужденно и легко, потому что рядом были мамы и папы, братья и сестры.

Город встречал Рождество. Все вокруг радовались и веселились. Только маленький Кевин не чувствовал себя счастливым. Потому что он был совсем один. Семья покинула его. Они не любят его, считают вредным и злым мальчишкой. Если бы они могли знать, как их сейчас ему не хватает. В такой праздник особенно невыносимо быть одному, чувствовать себя покинутым и никому не нужным.

Кевин был готов простить все свои обиды зануде Базу, забыть оскорбления дяди Фрэнка, только бы они вернулись, не оставляли его одного в эту ночь.

Возможно, он, Кевин, тоже не образец вежливости и учтивости, но он не прочь попросить прощения у мамы за те глупости, которые ей наговорил, и взять на себя вину за все не совсем хорошие поступки, которые он когда-либо совершал.

Если бы они только вернулись! Все было бы по-другому. Забудутся ссоры, недоразумения, обиды. Он станет терпимее к Базу, Майклу, не будет обращать внимания на нудные нравоучения дяди Фрэнка...

Кевин тяжело вздохнул и зашел в церковь. Как будто окунулся в другой мир, мир таинственности и чистоты. Пел церковный хор. Эта музыка навевала невеселые мысли, заставляла подумать о себе, своих близких, поразмыслить о своих поступках.

Кевин снял шапку и сел на скамью. Он смотрел на величественные своды церкви, расписанные стены, изображавшие лики святых и страшные картины божьего суда для неправедно проживших свою жизнь. Его душа обращалась к Богу. Тихонько, про себя, Кевин рассказывал о всех своих неблаговидных поступках, о том, как часто капризничал, требовал невозможного, назойливо приставал к старшим, ломал игрушки, переворачивал все вверх дном, как испортил новое мамино платье, нечаянно брызнув на него соус на именинах Сьюзен, и обои в родительской спальне, выдавив на них тюбик жирного крема, и еще много-много всего... Чтобы перечислить все свои грешки, совершенные только за последний год, не хватило бы и дня. Но Кевин старался вспомнить самые главные, самые непростительные на его взгляд.

Ему все время казалось, что на него кто-то смотрит. Он даже чувствовал чей-то очень проницательный взгляд. Кевин обернулся. На соседнем ряду, совсем неподалеку от него сидел... старик Моргви. Он наблюдал за ним.

У Кевина внутри все похолодело. Теперь он уже не сомневался, что старик действительно преследует его. Губы задрожали, Кевин весь сжался, съежился, стиснув руки в карманах. Он не знал, как себя вести. Он боялся и не мог скрыть своего страха. Побледневшее лицо, оторопевший взгляд, хлопающие ресницы — все выдавало его внутреннее состояние. Он не знал, кого позвать на помощь. Кроме их двоих, церковного хора и священника, в церкви никого не было. Да и не мог он осквернять это святое место. Он ждал.

Кевин едва не свалился под скамью, когда увидел, что старик Моргви направлялся к нему.

— С Рождеством тебя! — сказал тот. Но обезумевший от страха Кевин не расслышал его слов.

— Что? — переспросил Кевин и слегка отодвинулся в сторону.

— Я могу присесть? — старик Моргви улыбнулся.

Кевин никогда еще не видел его улыбки. Его каменное лицо, казалось, не умело улыбаться.

— Д-да...

Старик Моргви присел рядом. Кевин съежился, у него задрожали коленки.

— Та рыженькая, — старик показал на девочку лет двенадцати, поющую в хоре, — моя внучка. Ты знаешь ее? Она приблизительно твоего возраста.

Нет. Кевин не знал ее. А еще он боялся ее деда, который приставал и мучил его неизвестно зачем. Он повернулся и посмотрел на старика. Тот задумчиво и влюбленно смотрел на рыжеволосую веснушчатую девочку с белыми бантами. Холодность и нелюдимость в одно мгновение исчезла с его лица. Перед Кевином сидел обыкновенный земной человек с земными радостями и заботами.

— Ты мой сосед, не так ли?

— Да...

Сколько помнил себя Кевин, они жили по соседству со стариком Моргви. У него был небольшой двухэтажный домик напротив.

— Но ты можешь здороваться со мной, когда мы встречаемся. Чего ты меня боишься? — старик Моргви повернулся к Кевину и ласково на него посмотрел. — Обо мне ходит много слухов, но все это чушь.

Он тяжело вздохнул и снова уставился на свою внучку.

Кевин даже не нашелся, что сказать. В принципе этот человек ничем не отличался от других, почему же Баз рассказывал о нем такие жуткие небылицы? Ведь он совсем не похож на убийцу. А может, он притворялся, чтобы заполучить его, Кевина?

От этой мысли Кевина бросило в жар.

— Ты был хорошим мальчиком в этом году?

У Кевина заколотилось сердце. Точно! Старик и вправду хочет разделаться с ним.

— Думаю, да, — ответил Кевин, немного заикаясь. Он не мог понять, что же замышлял старик.

— Ты готов поклясться?

— Нет... Н-наверное, нет.

Еще немного, и Кевин лишился бы чувств. Он не знал, где искать спасения.

— Ну вот.., — улыбнулся старик Моргви, но его улыбка была отнюдь не зловещей. Наоборот, вполне искренней и добродушной. — Если ты чувствуешь, что сделал что-то не так, хорошо побыть в церкви.

— Вы так думаете?

Нервная судорога стала понемногу утихать. Кевин расслабился.

— Да. Я не сомневаюсь в этом.

— А вы считаете, что поступили неправильно?

— Нет, сейчас нет. Просто я часто прихожу в церковь. И не только, когда поступаю неправильно.

Кевину было так одиноко и грустно, что ему вдруг захотелось поделиться своими переживаниями, тем, что наболело и уже невыносимо больно держать внутри. И он рассказал старику Моргви о том, как тяжело ему сейчас, что в этом году он совершил много нехорошего. Он, конечно, очень любит свою семью, но иногда многие сильно раздражают его, он ссорится со своими братьями и сестрами, портит настроение родителям, но они часто не понимают его и наказывают по пустякам. Старшие вечно обижают его, и он рассказал, как Баз съел его пиццу.

— Я люблю всех из своей семьи, но часто им говорю, что не могу их терпеть. А иногда мне и самому кажется, что я их не люблю. У вас такое бывает?

Старик Моргви пожал плечами.

— Это очень сложный вопрос. Но такие вещи происходят очень часто, — он задумался.

— Да, особенно, когда у тебя еще есть старший брат, — добавил Кевин.

— Своих близких всегда любишь, — сказал старик Моргви после короткой паузы. — Это происходит не только потому, что ты молодой. Хочешь узнать настоящую причину, почему я здесь?

— Конечно.

Лед в душе Кевина потихоньку таял. Нет, все-таки Моргви не похож на человека, который мог кого-то убить. В его глазах было что-то доброе, даже немного детское.

— Я пришел сюда, чтобы послушать, как поет моя внучка. Потому что сегодня вечером я не могу быть со своей семьей.

— У вас другие планы?

— Нет. Просто они меня не ждут, — старик тяжело вздохнул.

Кевин сначала не понимал его.

— Не ждут в церкви?

— Да нет. В церкви всегда ждут. Мой сын не ждет меня.

— Почему?

И тогда старик Моргви рассказал грустную историю о том, как распалась его семья.

Сначала они жили счастливо в своем доме: он, жена

и их сын. Потом неожиданно умерла жена. У нее было больное сердце. С тех пор прошло уже двадцать пять лет. Сын очень переживал тогда. Он не верил, что они могут быть счастливы вдвоем. А старик всегда был немного замкнут и после смерти жены вовсе ушел в себя. Он не хотел ни с кем разговаривать, не принимал людей и сам никуда не ходил. Однажды они сильно поругались с сыном и в конце концов совсем вышли из себя, потеряли всякий контроль над своими эмоциями, словами, действиями. В порыве гнева он сказал своему сыну, что не хочет его больше видеть. Тот ответил то же самое и ушел, громко хлопнув дверью. И больше уже не возвращался. С тех пор все эти долгие годы старик жил один.

Кевин понимал его горе. Он провел один три дня и то страшно соскучился по своей семье. А то двадцать пять лет! За это время можно было сойти с ума от одиночества. Он очень сочувствовал этому старому, сгорбленному человеку. Кевин понимал, как он страдает. В чем-то они даже похожи. У Кевина тоже были проблемы с семьей.

— А сколько лет вашему сыну?

— Он уже совсем взрослый. У него своя семья.

— Но если вы скучаете, почему вы не пойдете к нему?

Старик Моргви опустил голову.

— Я боюсь, что если я приду, они не будут со мной разговаривать.

— Почему вы так думаете?

— Ну... я не знаю, — старик даже немного растерялся от такого вопроса. Сам он никогда не задумывался над этим. — Я не думаю, что это обязательно произойдет, но... Все-таки я боюсь, что они прогонят меня.

— Вы не обижайтесь, — сказал Кевин, - но вы слишком стары для того, чтобы пугаться. Он был уверен, что бояться могут только дети.

— Страх присущ как молодым, так и старым, — Моргви грустно вздохнул.

Он страдал. От скуки, от одиночества, от бессилия что-либо исправить. Но Кевин все-таки так не считал. Он не верил, что бывают тоже дети, которые не могут простить своего отца. Это ведь кощунственно и бесчеловечно. Тем более, когда отец такой жалкий и старый. Разве можно оставлять его одного в одиночестве?! Кевин пытался немного успокоить старика, уговорить пойти к сыну, внушить ему маленькую долю надежды.

— Это уж точно, — сказал он.

И рассказал о том, как долгое время боялся спускаться в подвал. Ему постоянно мерещились разные привидения, черти, злые духи и всякая ерунда из старых детских сказок. Конечно, сами по себе все подвалы страшны и наводят на неприятные мысли. Но вчера он спустился туда, решив устроить небольшую уборку. Сначала он испугался, по телу пробежали мурашки. Но когда включил свет, все прошло.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А то, что не бывает неразрешимых проблем, — по-философски серьезно рассудил Кевин.

Еще никто и никогда не разговаривал с ним серьезно, считая его легкомысленным глупышом.

— Вы должны обязательно пойти к своему сыну, — серьезно говорил Кевин. — Если он не будет с вами разговаривать, то по крайней мере, вы узнаете это. И вам нечего будет опасаться. Вы будете абсолютно уверены в ваших отношениях. Лично я, если бы был на месте вашего сына, то обязательно поговорил бы с отцом. Тем более в канун праздника.

Старик Моргви рассеянно пожимал плечами. Возможно, Кевин и прав, но как тяжело решиться на этот шаг, когда не знаешь, что тебя ждет.

— В конце концов, — добавил Кевин, — вы это делаете не ради себя, а ради вашей внучки. Она скучает по деду и ждет подарков.

Да, ему очень не хватало этой маленькой девочки. Малыш оказался на редкость проницательным и как будто читал его мысли.

— Я посылаю ей чек.

— Это хорошо, что вы так делаете, — вздохнул Кевин. — А вот мои бабушка и дедушка не понимают этого и вечно присылают какие-то вязаные свитера с птицами и разными крокодилами.

— И что в этом плохого? — спросил старик Моргви.

— Что? За это же можно схлопотать по морде!

И он принялся увлеченно рассказывать о своей школе, о тамошних нравах, о том, как одного парня отлупили только за то, что у него была куртка с вышитым динозавром. В их учебном заведении не любили подобного искусства, считая его пошлостью и извращением.

Взглянув на часы, Кевин увидел, что уже поздно и пора возвращаться домой. Еще нужно подготовиться к визиту «гостей».

— Мне было приятно общаться с тобой, — сказал старик Моргви.

— И мне тоже, — Кевин улыбнулся.

Он был счастлив, что больше не надо бояться сердитого старика, посыпавшего солью дорожки. Теперь он не сомневался, что все страсти, которые рассказывал Баз, не более чем небылицы, плод богатой фантазии.

Как будто тяжелый камень свалился с души Кевина.

Ему было приятно, что с ним говорили как со взрослым, прислушиваясь к его словам. Это вселяло уверенность, что он, Кевин, вовсе не так глуп, как все привыкли считать.

Мальчику очень хотелось, чтобы семья вернулась к старику, и его родные тоже поскорей приехали. Скучно возвращаться в пустой дом, когда знаешь, что тебя не ждут.

Кевин встал, чтобы уйти, а старик продолжал сидеть.

— А как же вы?

— Я еще посижу.

Да, Кевин понимал, что старику не хотелось возвращаться домой. Здесь, в церкви, он хотя бы чувствовал присутствие родного человека — своей внучки, хотя они и не разговаривали. А дома его ждали одни безмолвные стены. У него не было друзей, знакомых, к которым он мог бы пойти. А может, просто не хотел. Потому что чужие люди не могут заменить семью.

— И все-таки вы поговорили бы со своим сыном, — сказал Кевин на прощание.

— Я посмотрю, — на лице угрюмого старика появилась добродушная улыбка. — С Рождеством тебя!

— И вас с Рождеством!

Попрощавшись, Кевин направился к выходу. Хор продолжал петь. Часы пробили восемь.

Вот это да! Оставалось совсем немного времени. Заболтавшись, он совсем об этом забыл.

Кевин вприпрыжку бежал по улицам. Поток самых разнообразных мыслей крутился в его голове. Он думал о старике Моргви, его неудачно сложившейся жизни, бессмысленном одиноком существовании, его гордом сыне, до сих пор не простившем отцу грубости, думал о своей семье, пытаясь понять, почему же у них так часто происходили конфликты, почему они не понимают друг друга и обижают так незаслуженно. В душе он просил Санта-Клауса, чтобы скорее вернул ему родных. Горький жизненный опыт старика Моргви заставил задуматься о многих вещах, неразрешимых проблемах, поразмыслить о жизни вообще.

Кевин вспомнил свое детство. Он часто болел. Мама поила его тогда лекарствами, отец приносил фрукты и самые вкусные пирожные со сливочным кремом и клубникой. Они нежно заботились о нем, оберегали от холода, ветра, сквозняка. Плохо, что он понял и осознал это только сейчас.

А робот! Сколько он просил родителей купить его. Это была очень дорогая игрушка, а отец ее купил. Робот был таким забавным, ходил по комнате, носил его вещи взад-вперед. Но не прошло и недели, как Кевин его сломал. И тогда его не взяли на аттракционы в воскресенье. Как он ревел! А ведь действительно вел себя как необычайно вредный мальчишка. Только теперь Кевин понял, что родители были правы.

За свои восемь лет он причинил им немало хлопот. Его болезни, капризы, вечные ссоры с Базом, озорство и «маленькие» шалости в школе, бесконечные жалобы учителей.

Нет, он решительно должен исправиться. Конечно, им тоже следует вести себя поскромнее. Особенно тугодуму Базу. Как ни пытался Кевин оправдать его издевательское отношение к себе, но не мог. Кого-кого, а этого толстяка он и теперь не любил.

Другое дело — Сьюзен. Она, конечно, зануда и ябеда, заядлая чистюля и зубрилка, но с ней можно было ладить. В ней было что-то ласковое и доброе. Майкл часто воровал ее ручки, рисовал рожицы на ее учебниках, а она все равно готовила для него яичный пудинг — любимое блюдо. Пожалуй, Сьюзен — самая покладистая из его сестер и братьев.

Майкл тоже не был подарком. Солидно попортил он крови Кевину. Вечно вытворял разные гадости, а потом все валил на младшего брата. И Кевин получал за все вдвойне.

Однажды Майкл пролил суп прямо на кресло с велюровой обивкой. Он имел плохую привычку обедать перед телевизором в гостиной вместо того, чтобы сделать это в столовой. На кресле до сих пор осталось пятно. Но разве его наказали? Нет. Свою вину он свалил на Кевина, который в тот момент случайно проходил мимо. Майкл придумал, будто Кевин его толкнул. Но это была неправда. Он и пальцем не прикасался к нему. Но, к сожалению, родители поверили Майклу.

Однако сейчас все обиды и ссоры Кевин вспоминал почему-то с улыбкой. Теперь они казались такими незначительными, мелкими.

Вот бывают действительно серьезные конфликты. Как у старика Моргви, например, со своим сыном. Двадцать пять лет молчания! Как некрасиво и глупо. Разве можно допускать такие вещи?!

— Нужно быть терпимее и внимательнее к своим близким, — вслух заключил Кевин.

Приближаясь к дому, он вспомнил о предстоящей операции. В его распоряжении оставалось меньше часа. Надо поторопиться.

— ЭТО МОЙ ДОМ, И Я ДОЛЖЕН ЕГО ЗАЩИТИТЬ! — сказал Кевин, закрывая за собой дверь.

Поспешно раздевшись, он разработал план обороны своего дома.

Подвал, входная дверь, окно, чердак... Он внимательно изучал все так называемые отверстия, через которые могли проскочить воры и которые следовало особо тщательно забаррикадировать.

Досконально изучив все возможные способы защиты, добавляя плоды своей буйной детской фантазии, Кевин принялся за работу.

Первым делом он набрал воды и залил крыльцо, ступеньки в подвал и все подступы к дому.

На ступеньках в подвале разлил липкий мазут. Если кто-то неосторожно туда ступит, то ботинки ему придется неизбежно оставить прилипшими к ступенькам.

На полу возле окон, дверей, на столе он рассыпал разбитые и непригодные для украшения елочные стеклянные игрушки.

В холле прямо перед входной дверью разбросал маленькие механические машинки.

А на дверную ручку он повесил раскаленные каминные щипцы, предварительно разогрев их до красноты на огне.

Сделав все необходимые приготовления в доме, Кевин поднялся на чердак и протянул крепкий изоляционный провод, соединив свое окно на чердаке с голубятней, которая находилась метрах в тридцати от особняка. Это на всякий случай, если ворам окажется мало всего того, что приготовил им Кевин, и они захотят преследовать его дальше. В глубине души эту дорогу он называл — путь к отступлению, на всякий , как говорят, пожарный случай.

Потом Кевин натянул веревки на втором этаже, затрудняя тем самым вход в другие комнаты. Надо же нанести негодяям хоть какой-то физический ущерб.

Он был серьезен и сосредоточен как никогда. Обходя комнаты, уделял внимание самым незначительным мелочам на случай, если воры захотят сунуться сюда, придумывал самые невероятные преграды и закорючки.

Кевин достал отцовское ружье и зарядил его холостыми патронами. Борьба предстояла нешуточная и нужно быть защищенным со всех сторон.

Он тщательно обдумывал каждый предполагаемый шаг, жест этих антихристов и старался на каждую их выходку придумать надежное приспособление для достойного отпора.

Фантазия Кевина не знала границ. Над входной дверью он даже повесил бензиновый паяльник. Из мусоропровода он сделал серьезный ударный участок для ведения боевых действий. Приспособив утюг на край веревки, другой ее конец в подвале, чтобы всякий, кто захочет поинтересоваться и дернет за веревочку, получил утюгом по голове...

Наконец необходимые приготовления к предстоящему визиту незваных гостей были закончены. Еще раз осмотревшись вокруг, Кевин пошел на кухню, чтобы приготовить праздничный ужин. Ведь сегодня Рождество, и он не может оставить это без внимания. Даже если сюда придет не одна дюжина воров, он должен, как все порядочные христиане, отметить праздник.

Кевин достал из холодильника спагетти, высыпал их в тарелку, обильно посыпал тертым сыром и поставил в микроволновую печь. Не прошло и двух минут, как все было готово, и он достал невероятно вкусно пахнущее блюдо и поставил его на широкий круглый поднос, которым обычно пользовалась мама, когда приходили гости.

Кевин налил себе стакан молока, помыл свежие фрукты и красиво разложил их на блюде. В отдельную стеклянную чашку он высыпал конфеты в ярких блестящих обертках. Тут были и шоколадные зайчики, ежики с орехами, апельсиновые леденцы, яблочный мармелад в шоколаде и еще много всяких сладостей, которые всегда были необходимым и неизменным атрибутом рождественского стола в семье Маккальстеров. Только обыч-

но их покупкой занималась мама. А теперь Кевину пришлось позаботиться о себе самому.

Он составил все это на поднос и важно прошествовал в гостиную. Там тоже все было готово к прекрасному празднику. Горел камин. Яркие язычки пламени освещали таинственный полумрак комнаты. Кевин зажег елочные гирлянды. Запестрели, забегали разноцветные огоньки.

Кевин аккуратно расположил блюдо на столе и, прочитав вечернюю молитву, сел за стол. В животе урчало, ужасно хотелось есть.

— Спасибо тебе, Господи, что ты послал мне макароны с сыром, — сказал Кевин и принялся за еду.

Спагетти оказались невероятно вкусными. Вместе с желтым, расплывшимся сыром они просто таяли во рту.

Не успел Кевин допить молоко, как услышал, что за окном затормозила машина.

По телу пробежала дрожь. Все-таки он волновался, потому что был один и приходилось надеяться только на свои силы, только на самого себя.

* * *

Гарри остановил машину на углу Линкольн-стрит.

— Автофургон оставим здесь, — сказал Гарри. — Вернуться всегда успеем.

— Как пойдем? — спросил Марвин, выпрыгивая из «доджа».

— Через черный ход.

Оглядываясь по сторонам, они торопливо пробирались к дому Маккальстеров по вытоптанной тропинке. В воображении Марвина то и дело возникали блаженные картины. Он представлял, как они поделят награбленное добро и поедут отдыхать в солнечную Флориду подальше от холода и снега, как будут пить лучшее шампанское и виски, закусывая сочными ананасами и авокадо.

Но Гарри быстро возвращал мечтательного друга в жесткую действительность. Он уже знал о глупой привычке Марвина загадывать всякие несуразные идейки, не сделав дела.

— Чего разулыбился? Рано еще, — Гарри подтолкнул приятеля под зад.

Они подошли к дому. В окнах горел свет.

— Как пойдем? — шепнул Марвин. — Может, он нас впустит?

— Может быть. Дети глупы.

Кевин стоял за шторой у окна, когда постучали в дверь. Он был готов к этой встрече.

— С Рождеством тебя, малыш! — прошипел вкрадчиво Гарри.

Он был уверен, что ребенок глуп и обязательно откроет, приняв его за Санта-Клауса. Но на сей раз он глубоко ошибался.

Ответа не последовало. Тогда Гарри сунул свою физиономию в окно и постучал.

— Мы знаем, что ты дома и совершенно один.

Кевин сидел на корточках и пристраивал свое ружье к слуховому отверстию, находившемуся в нижней части двери, как раз в том месте, где стоял Гарри.

— Малыш, открывай! — говорил он, любезно оскалясь. — Это Санта-Клаус к тебе пришел.

— Мы не сделаем тебе больно, — пропищал Марвин. — Нет! Нет! Нет! Мы принесли тебе подарки.

— Будь хорошим малышом!

Но в ответ раздался громкий выстрел.

— А-а-а! — заорал Гарри.

Огненная вспышка попала в самое что ни на есть уязвимое место, называемое мужским достоинством. Корчась и причитая, он катался по снегу.

— Что? Что? — Марвин не мог понять, что случилось с приятелем.

Но тот охал и стонал, держась за обожженное место.

— Да что случилось, черт побери?! — происходящее начинало злить Марвина, настроившегося на серьезную работу.

— Хватай, хватай этого малолетнего придурка, — с трудом прорычал Гарри.

Судорожная боль не давала разогнуться. Этот маленький негодяй мог оставить его калекой. Но он ему покажет. Ишь, что вытворяет, молокосос! Шуточки. Он ему покажет шуточки.

Бедный Гарри еще не знал, какие испытания ожидали их дальше.

Марвин засунул голову в слуховое отверстие. И он увидел там сидящего на полу Кевина, который держал в руках ружье.

— Привет, малыш!

— Привет! — улыбнулся Кевин и выстрелил прямо в лоб незадачливому жулику.

— Ай! Ай! А-о-о-о!

Голова быстро исчезла. С пронзительным криком Марвин упал на снег, зацепившись головой за оголенные ветки растущего возле дома кустарника, и в придачу расцарапал себе «вывеску». Маленький железный шарик из детского бильярда нанес ему ощутимый удар. Он дико орал, обхватывая руками голову.

Этого он так не оставит. Он не простит малолетнему ублюдку таких измывательств! Ну держись, маленький негодяй! Марвин умеет расправляться с невоспитанными детьми!

Злые, слегка покалеченные, они бросились к дому. Гарри пошел к парадному входу, а Марвин побежал в подвал.

Но не успел неуклюжий толстяк ступить даже на первую ступеньку крыльца, как кубарем покатился вниз. Крыльцо было покрыто настоящим льдом. Оно достаточно заледенело, превратившись в каток для скэйтинга. Кевин позаботился об этом.

— Черт! — орал разъяренный Гарри.

Он не ожидал такой встречи и не мог предполагать, что мальчишка окажется слишком смышленым для своего возраста и устроит им «маленькую западню».

Гарри снова побежал на крыльцо, но на последней ступеньке опять поскользнулся и полетел вниз, несколько раз хорошенько ударившись головой и расквасив свою холеную физиономию.

Он упал в снег. Из носа фонтаном хлестала кровь, болели плечи, руки, ломило шею. Он не привык к подобным встряскам.

Гарри был в ярости. И не столько от боли, сколько от обиды, что страдает по вине какого-то молокососа.

Он несколько раз на четвереньках пробовал взобраться на крыльцо, но всякий раз скользил и падал, разбивая по очереди все части своего тела.

Бешеная ярость охватывала все больше. Он даже забыл о цели, приведшей его сюда. Он хотел только одного — отомстить маленькому идиоту за причиненные страдания.

Несмотря на боль в суставах, Гарри Томсон не сдавался. Опять и опять он взбирался на крыльцо, падал, летел вниз, зарываясь носом в мягкий холодный снег,

отрезвлявший помутившееся сознание несчастного побитого толстяка.

В таком же незавидном положении оказался и его закадычный друг. Едва он ступил на лестницу, ведущую в подвал, как поскользнулся и покатился вниз, изо всех сил ударившись лбом о дверь так, что та судорожно скрипнула. Не ожидавший такого обстоятельства, Марвин Синий глаз взвыл от боли, даже слезы выступили на глазах. Очнувшись от оглушительного удара, он пытался встать, но снова и снова падал. Ноги разъезжались на льду, нипочем не слушались, а рукам не было за что ухватиться. Марвин проклинал маленького паршивца за устроенную западню. В своих безуспешных попытках встать, он поразбивал себе все колени, порасшибал локти и бока.

— Сволочь! Гадина! — орал истошным криком отчаявшийся Марвин. — Вот только выберусь, я тебе покажу!

Но как выбраться, он не знал. Высокая лестница заледенела так, что взобраться на нее было просто невозможно.

Стоя на коленках, Марвин колотил в дверь, пытаясь открыть ее «фомкой», но ничего не получалось. Все было заледенелым и скользким — он не мог ни за что ухватиться.

Дрожащий от гнева Гарри на четвереньках взбирался на крыльцо. Хватаясь за железные перила, напрягая оставшиеся силы, он тащил свое грузное стокилограммовое тело. Пот градом струился с шеи и крупными горячими каплями стекал по спине, просачиваясь ниже через пояс штанов.

В душе он проклинал Кевина самыми грязными словами. Он не оставит это безнаказанным. Мальчишку он проучит самым безжалостным образом. Он не пощадит этого маленького негодяя и покажет, почем фунт лиха.

Напрягая все свои силы, Гарри преодолел последнюю ступеньку и залез на крыльцо.

— Ну все. Теперь держись, паршивец!

Гарри поглядел в окно. В комнате горел свет, но Кевина не было видно.

Довольный, что наконец поквитается с маленьким негодяем, Гарри схватился за ручку входной двери, но... тут же дико взревел. Она казалась огненной, потому что

Кевин подвесил с обратной стороны двери раскаленные каминные щипцы.

Подпрыгнув от дикой боли, Гарри шлепнулся на крыльцо животом и со свистом полетел вниз, кувыркаясь и подскакивая.

— О-о-о!

Скатившись, он быстренько сунул обожженную руку в снег. От ожога кожа покрылась волдырями, боль была нестерпимой. Гарри начало знобить.

Кевину он посылал самые страшные проклятия. Такие шуточки были уже чересчур. Как же его лопоухая башка только додумалась до таких издевательств?!

Гарри катался по снегу, корчась и завывая.

В это время Марвин одерживал победу на своем участке работы. Ловко орудуя «фомкой», он расшатал дверь. Рассерженный неудачами, он стал бешено колотить по ней руками и ногами. Он дернул за ручку и ... о, чудо! Она сама открылась.

Облегченно вздохнув, Марвин вошел в подвал. Света, конечно, там не было. Стоял легкий полумрак. Оглядываясь по сторонам, он ходил по подвалу. Вокруг лежала запылившаяся рухлядь. Тут он увидел лестницу. А перед ней как раз висела лампочка с веревочным включателем. Он дернул за веревочку — свет не загорелся. Но тут что-то пронзительно засвистело у него над головой. Жулик поднял глаза вверх. Но не успел он сделать и шага, как что-то горячее и тяжелое свалилось ему на голову.

— А-а-а!

Оглушенный сильным ударом, он свалился на пол и пронзительно заскулил.

Это был утюг, который Кевин предусмотрительно поставил на краю мусоропровода для «любимого» гостя.

Тем временем Гарри, осыпая проклятиями Кевина, снова полз по ступенькам крыльца. Он собирался учинить жестокую расправу над отвратительным поросенком, по вине которого долгое время не сможет двигать левой рукой и даже держать в ней вилку.

А Кевин, слушая, как его величают, сидел на полу и заходился от хохота.

— Так вам и надо! Так вам и надо!

— Да я голову тебе оторву! Сейчас ты у меня ответишь за все!

Теперь Гарри знал все хитрости Кевина, но, побоявшись снова лезть через парадный вход, пошел к двери, выходящей на улицу со стороны кухни.

Он обмотал оставшуюся целой правую руку носовым платком и дернул за дверную ручку. Она была не горячей. Дверь была открыта.

— Ну теперь держись!

Не успел Гарри всунуть голову в дверной проем, как сверху его обдало обильным шквалом пламени. От открывшейся двери сработало зажигание, и бензиновый паяльник выдал толстую струю огня. Взревев подобно дикому зверю, он бросился назад и пулей полетел со ступенек в снег. Вязаная шапка загорелась на самой макушке, обуглив и без того небогатую шевелюру волос и оставив вместо нее круглую паленую коричневую лысину.

Обезумевший от страха и боли, Гарри раз за разом тыкался головой в снег, пытаясь скорее потушить внезапно возникший пожар.

Его негодованию не было предела.

Зато Кевин чувствовал себя прекрасно, покатываясь со смеху. Придуманные им трюки удачно сработали, попадали, как говорится, прямо в десятку.

Пусть помучаются негодяи. Им пора понять, что не все в жизни дается просто так. Воровать тоже нужно уметь. И для этого надо хорошенько попотеть.

Кевин защитит свой дом. Пусть он один, но зато хорошо подготовился к приезду «гостей».

Распластавшись на снегу, Гарри проливал крокодиловые слезы.

Марвин понемногу приходил в себя. Отряхнувшись и собравшись с духом, он вновь отправился на штурм сопротивляющегося дома. На лбу у него красовался красочный треугольник. Это следствие падения утюга прямо в центр лба. Кровь бурлила в нем, закипала. Недосягаемый кусочек казался еще более желанным и сладким. Он будет стоять насмерть, до последнего, но добьется намеченной цели и расправится с гнусным мальчишкой.

С победоносным видом, хоть голова еще ныла и кружилась, Марвин направился к лестнице, заранее оглядываясь, чтобы вновь не попасть в капкан.

Но едва он ступил на первую ступеньку лестницы, ведущую наверх, как почувствовал, что застревают но-

ги. Вскоре туфли прилипли так, что он был не в силах их оторвать.

Марвину пришлось их оставить, так как ничего другого не оставалось делать. Босиком он пробирался в темноте по липким от мазута ступенькам. Носки ведь последовали за туфлями, вернее, и они оказались прилипшими к ступенькам. Толкнув долгожданную дверь, он вошел в дом и сначала прищурился от внезапно ударившего в глаза света.

Но тут он вдруг почувствовал, как что-то острое пронзило его правую ногу. Черт побери! Он наступил на доску с гвоздями, предусмотрительно положенную Кевином именно в этом месте.

Жуткая боль пронизывала ногу, отдавая даже в поясницу. Марвин подтянул правую ногу к себе и, не удержав равновесия, рухнул назад в подвал, предварительно изрядно поколотив себе при этом бока.

Осторожно, на цыпочках, он выбрался из этого ада. За ним на полу оставались окровавленные следы.

С неимоверным трудом он вышел из подвала и, хромая на обе ноги, заковылял к дому.

— Гарри! Держись! Я иду!

И тут он увидел, что окно на кухне было приподнято. У Марвина не было времени удивляться столь удачному стечению обстоятельств, и он, не раздумывая, полез в это окно.

Неистребимое желание расквитаться с Кевином двигало им. Он влез в окно и, даже не взглянув под ноги, спрыгнул на пол.

Вулканом многочисленных болевых точек мгновенно отозвалась боль в ногах.

Разбитые елочные игрушки, «удачно» размещенные Кевином под окном, сделали свое дело. Упав на спину, Марвин катался по полу, хватая по очереди то одну, то другую ногу. И при этом не забывал, конечно, дико орать и поносить Кевина последними ругательствами.

— Придется мне убить его, — решительно произнес Марвин и двинулся навстречу Гарри.

В холле никого не было. Гарри принялся бегать по комнатам и искать мальчишку.

— Попробуйте меня схватить! — услышал он голос Кевина.

— Ах, вот ты где, паршивец!

Гарри дернул ручку двери, но едва успел войти в комнату, как на голову ему свалился кусок вонючего

липкого целлофана. В замешательстве он стал его сдергивать, изрыгая самую нецензурную брань, на которую был способен.

Отшвырнув от себя мешок, он сделал несколько шагов, и тут его окатила туча гусиного пуха. Кевин не поскупился. Ради такого случая ему пришлось распороть подушку.

Пух облепил липкую физиономию Гарри. Оказалось, что целлофан Кевин смазал жидким, мгновенно засыхающим раствором. Пух залезал в уши, нос и глаза.

— Ап-чхи! Ап-чхи!

Бедолаге пришлось долго чихать. Тем более с детства он страдал аллергией на гусиный пух и никогда не спал на таких подушках, предпочитая им кусок поролона.

— Гадкий мальчишка! Я раздавлю тебя как поганую лягушку!

Но Кевин только заразительно хохотал, глядя, какими жалкими были сейчас «отважные разбойники». Он был уже на втором этаже и готовил новую ловушку.

— Клянусь, что обязательно убью его! — кричал в истерике Марвин, припадая на обе ноги.

В соседней комнате он нашел Гарри, заходящегося от приступа чихания. Увидев Марвина, он растерялся. Ему было стыдно, что ребенок мог их так провести.

— Марвин! Ты почему разулся?

— А ты чего вырядился цыпленком?

Гарри отряхивал пух. Он был страшно зол, и у него не было желания шутить. Потому он только презрительно фыркнул в ответ.

Ребенок водил их за нос. От этой мысли Гарри приходил в негодование. Он не скрывал своего возмущения.

Не меньше пострадавший Марвин целиком разделял его гнев. Он сам не прочь поквитаться с мальчишкой за принесенный физический ущерб. Но изловить маленького негодяя было не так-то просто.

— Я здесь, придурки! Идите и схватите меня!

Гарри и Марвин рванулись в холл, но, не добежав до лестницы, оба как лягушки растянулись на полу.

Кевин предусмотрел и этот шаг, разбросав по полу маленькие машинки. Наивные детские приспособления оказались на редкость эффективными.

Кевин умирал от смеха. Картина была действительно забавной. Двое взрослых громил, отпетых жуликов, рас-

тянулись на полу, беспомощно ерзая и барахтаясь, не в силах подняться.

Кевин сидел на лестнице, ведущей на второй этаж, и смотрел на происходящее как на занимательную комедию из серии «Шоу Бенни Хила».

Увидев Кевина, Гарри бросился по лестнице. Ему просто не терпелось схватить негодного мальчишку. Но дойти до конца он не успел.

Кевин применил оружие из серии летательных и больно ударяющих. Тяжелая банка с масляной краской, привязанная веревкой к верхним стропилам, летела в направлении головы Гарри.

— А-а-а! Марвин, назад!

Шедший сзади Марвин, ничего не подозревающий и не видящий, был сбит с ног. Удар был настолько сильным, что тот полетел головой вниз, с грохотом рухнув на пол.

— Я же говорил тебе — будь внимательнее, — сказал Гарри Марвину и повернулся лицом к Кевину.

Но и его постигла та же участь. Вторая банка с краской сшибла с ног и Гарри. Перевернувшись в воздухе, он грузно приземлился рядом с Марвином, охая и ахая.

— Я же предупреждал тебя!

Оба долго не могли прийти в себя. Болели затылки, ныли колени, суставы разжигала жуткая боль.

Упрямые жулики не думали сдаваться. Они не привыкли бросать задуманные дела. Еще больше обострилось чувство мести.

Кевин времени даром не терял. Он перевязал тонкими бесцветными лесками все переходы на чердак. Это каким-то образом усложняло путь хотя бы на некоторое время.

И пока жулики охали да ахали по поводу заработанных ушибов, Кевин набрал номер полицейского участка.

— Алло! Полиция! Скорей, помогите. Наш дом грабят.

— Адрес, назовите адрес, — ответил обеспокоенный женский голос.

— Линкольн-стрит, 6-5-6. Моя фамилия Мэрфи. — Пожалуйста, скорее! — шептал в трубку Кевин.

Он назвал адрес соседского дома, в котором Гарри и Марвин уже успели побывать. Свой дом он сможет защитить сам, но преступников необходимо брать с поличным.

Тем временем жулики потихоньку приходили в себя.

— Он всего лишь пацан. Мы можем схватить его, — сопел Марвин.

— Заткнись, — прошипел Гарри.

Он не сомневался, что мальчишка устроил новую западню.

Вдруг Марвин увидел, как что-то блестящее выпало у Гарри изо рта.

— Что это?

Физиономия Гарри перекосилась. Да это же были его золотые зубы!

— За это ты ответишь! — гневно заорал он. — Я раздавлю тебя как цыпленка.

Словно рычащий медведь, которого вывели из себя, он бросился наверх, закрывая голову от висевших на веревке банок с краской. Но вскоре он зацепился за натянутые лески и грохнулся на пол.

Увидев, что воры бегут за ним, Кевин бросил телефонную трубку, но растянувшийся вслед за Гарри Марвин успел схватить его за ногу.

— А, попался, попался! — гоготал лежавший на полу Марвин, запутавшись в веревках.

Кевин вырывался изо всех сил.

— Все, он в моих руках! — скалился Марвин. — Гарри, помоги мне.

Но тот так сильно ударился животом, что не мог подняться и лежал, словно труп.

Кевин не знал, как вывернуться. Он напрягал все свои силы, но Марвин крепко держал его за ногу.

Что же делать? Как выпутаться? Скоро приедет полиция. Кевину обязательно надо было быть в доме у Мэрфи. Но он не знал, как туда попасть.

Но тут на помощь пришел старый приятель Ролси. Он полз по плинтусу на расстоянии вытянутой руки и был не более, чем в метре от Кевина.

С тех пор, как Кевин побывал в комнате База и разбил стеклянную клетку Ролси, скорпион чувствовал себя очень вольготно. За эти дни он обследовал этот огромный дом. И тут как раз очень пригодился Кевину.

Напрягая все свои силы, Кевин пытался дотянуться до Ролси. Еще немного. Еще чуть-чуть...

— Я его держу, Гарри, — орал Марвин.

Его душа торжествовала. Сейчас они выпутаются из веревок и как следует разделаются с мальчишкой. Этот

номер так не пройдет. Он, Марвин, не прощает таких гадостей.

Но вдруг что-то черное с цепкими клещами упало ему на лицо. Марвин бешено взвыл. Он не на шутку испугался крошечного чудовища.

Тем временем Кевин, воспользовавшись замешательством Марвина, вырвался из его рук и дал деру наверх.

Кое-как стряхнув с себя цепкое, мерзкое, шуршащее страшилище, Марвин выпутывался из веревок. Он видел, как скорпион полез на лежащего рядом Гарри, который до сих пор даже не шевельнулся.

Марвина знобило и трясло от страха. Он ужасно боялся жуков, тараканов и прочих отвратительных насекомых. Скорпион Ролси полез по животу Гарри. Марвин схватил свою «фомку» и стал размахивать ею, прицеливаясь, чтобы ударить его.

Гарри открыл глаза. И первое, что он увидел, был обезумевший Марвин, который махал железной скобой перед самым его носом.

— Лежи спокойно, Гарри, — невозмутимо сказал Марвин.

Гарри недоуменно вытаращил глаза. Он решил, что приятель хорошенько ударился головой и слегка свихнулся.

— Что ты делаешь, Марвин?

— Тихо, Гарри, тихо, — размахивая «фомкой», Марвин старался попасть в скорпиона, который вольготно и как ни в чем не бывало расхаживал по круглому животу Гарри.

Хорошенько прицелившись, он изо всех сил хлестнул железной скобой по животу Гарри, заставив дико взреветь своего приятеля. А Ролси отлетел в сторону. Целый и невредимый, он продолжал свой путь.

Гарри визжал и корчился, схватившись за живот.

— Я убил его? Убил? — допытывался Марвин.

Но вместо ответа Гарри выхватил у него «фомку» и стал неистово лупить недалекого дружка. Марвин только успевал укрываться от ударов.

— Ах, ты, сволочь! Вот я тебе покажу!

Гарри хлестал до тех пор, пока у него самого не заболела рука.

Кевину было страшновато. Он сидел у открытого окна на чердаке, собираясь перелезть по веревке в голубятню.

Он решил устроить преступникам последнее для них наказание.

Времени оставалось мало. Собравшись с духом и пожелав себе счастливого полета, держась за приспособленный для данного момента скалолазный карабин, Кевин прыгнул из окна. Он не успел опомниться, как вихрем перелетел по тросу в голубятню, пробив ногами зднюю дощатую стену. Все произошло так быстро, что Кевин не успел по-настоящему испугаться. Он всегда боялся высоты.

Он сидел на полу голубятни и протирал глаза. Оказывается, это довольно просто. А ведь если б не воры, он, пожалуй, никогда бы не решился на подобный прыжок.

Гордый от собственной находчивости и смелости, довольный собой, Кевин потирал ушибленный затылок.

Жаль, что сейчас его не видели Баз и Майкл. От удивления и страха они бы явно наложили в штаны. Куда этим неповоротливым себялюбцам тягаться с ним. Но ведь они никогда не поверят, что он, Кевин, мог решиться на столь отважный поступок.

Гарри и Марвин сновали по чердаку, разыскивая Кевина. Они пошарили у открытого окна, выглянули на улицу, даже не обратив внимания на натянутую веревку.

— Куда он делся? Черт бы его побрал, — прохрипел утомленно Гарри.

— Может, он покончил жизнь самоубийством? — Марвина внезапно посетила идея.

Гарри бросил встревоженный взгляд. Этого еще им не хватало. Но мальчишка не настолько глуп, чтобы бросаться в крайности. И все-таки смутная тревога шевельнулась в нем.

— Да здесь я, глупые! Хватайте меня! А то сейчас в полицию позвоню!

Кевин, важно упершись руками в бока, стоял в голубятне как раз напротив слухового окна на чердаке и посмеивался над ними.

При слове «полиция» лицо Марвина переменилось.

— Бежим! — крикнул он Гарри и направился к выходу. — Надо спасать свою шкуру!

— Да подожди! — оборвал его Гарри. — Он как раз этого от нас и ждет. Сейчас мы его сцапаем.

— Но он позвонит в полицию, — шипел Марвин осипшим голосом. — Надо уходить.

Гарри раздражала его глупость, абсолютная неспособность что-то соображать.

— Ты в своем уме? — заорал он на дрожащего от страха Марвина. — Откуда он может позвонить? Как ты думаешь? Из того шалаша, что ли?

Марвин почесал затылок. И вправду, как он об этом не подумал? Но, подойдя к окну, он заглянул вниз, и ему стало дурно. Тут было как минимум двадцать пять футов высоты.

— Давай, давай, пошевеливайся, — поторапливал Гарри. Он уже перевязывал платком руку, готовясь к перелету. Быстро спрыгнув, он полез по веревке. Обернувшись и увидев застывшего как статуя Марвина, он зарычал:

— Ну, что стал? Прыгай за мной.

— Из окна? — Марвин, казалось, сейчас расплачется.

— С крыши, дурак!

Но Марвин продолжал стоять. От страха у него стучали зубы и дрожали коленки.

— Если ты сейчас не прыгнешь, я вернусь и раздавлю тебя, как козявку, — пыхтел Гарри.

Переносить на руках такой вес, было бы легко.

— Вечно ты боишься, — увещевал он приятеля. — И не стыдно тебе? Мальчишка и то перелез.

— Я не боюсь!

— А вот и боишься! И прекрати пререкаться.

Тяжело вздохнув и тихонько перекрестившись — в такие минуты в нем просыпалась вера в Бога — Марвин перелез через окно и схватился за веревку. Несколько секунд он мешкал, боясь вытянуть ноги. Но Гарри строго прикрикнул, и бедолаге ничего не оставалось, как полезть за ним.

Стоило Марвину глянуть вниз, как у него закружилась голова и кольнуло в животе. Он боялся, что не выдержит и обмочится от страха. Подобный трюк был для него тяжким испытанием, на которое он решился только ради общего дела.

Вскоре силы начали сдавать у обоих. Перелезть по веревке на руках расстояние в двадцать пять метров — дело нешуточное. Тем более для таких сосисок, как Марвин и Гарри.

— Ребята! Ау! Сюрприз!

Кевин сидел на краю голубятни. В руках он держал огромные садовые ножницы для стрижки кустарника.

— О-о-о-о! — заорал Гарри.

Теперь он понял, что это конец. Мальчишка их снова перехитрил. Они опять здорово сглупили.

— Давай назад!

Марвин сначала не сообразил. Из-за спины Гарри он ничего не видел.

— Что там, Гарри? Что?

— Быстрей назад, придурок!

Гарри был вне себя. Быстро перебирая руками, потея и кряхтя, он пробирался назад.

Увидев Кевина с ножницами, Марвин истошно заскулил. От страха руки ослабли и больше его не слушались. Он еще раз глянул вниз, и ему стало совсем не по себе. Он понял, что ему уже не выбраться, и от этого завопил еще сильнее.

— Да заткнись ты! — зашипел на него Гарри.

Тут ножницы пришли в движение. Щелк — и оба с визгом недорезанных поросят, отлетев в сторону, ударились о стену дома, и, как два пустых пивных бочонка, рухнули в снег.

Кевин поспешно спустился с голубятни и побежал к соседскому дому. Вот-вот должна была приехать полиция. Он должен заманить воров туда.

— Лови его! Лови!

Не успевшие прийти в себя после полета, они двинулись за ним. Желание отомстить было сильнее ушибов и синяков. С трудом передвигая ноги, они не бежали, а просто ковыляли по снегу. Босые ноги Марвина оледенели, и он перестал их ощущать. В душе он радовался, что остался жив. Глядя на землю с двадцатипятифунтовой высоты, он уже не надеялся, что будет дышать. Но, к счастью, отделался лишь легким испугом и незначительными ушибами головы и грудной клетки. Теперь главное — поймать мальчишку и проучить его как следует.

— Я сейчас позвоню в полицию! — кричал Кевин, убегая от бандитов.

— Подожди, — одернул Марвина Гарри.

Марвин остановился.

— Он хочет, чтобы мы пошли за ним. Но у меня есть более интересная идея.

Гарри повлек дружка к черному ходу.

Кевин пролез в погреб. Увидев море воды, затопившей лежавшие там вещи, он ужаснулся. В доме потоп! Какой кошмар! Когда Мэрфи вернутся, они попадают в обморок от страха. А вдруг залило весь дом? Наверное, перед отъездом они забыли выключить воду в ванной.

По лестнице Кевин поднялся к двери, которая вела на кухню, решив через нее пройти в ванную.

Но едва открыв дверь, он увидел... рожи Марвина и Гарри. Бедный Кевин обомлел от страха. Так близко он еще не находился возле них. Тем более после того, что с ними сделал. Он попятился назад, но здоровенная ручища Гарри Томсона схватила его.

— А-а, попался! Иди сюда, дорогой!

У бедняги Кевина заколотилось сердце. Он никогда не предполагал, что окажется в западне. А эти мерзавцы самодовольно гоготали.

Они вынесли его из подвала и за шиворот подвесили на гвоздь. Маленький Кевин выглядел беспомощным и жалким в руках безумных громил. С вытаращенными глазами и открытым ртом, он висел на гвозде, словно кукла, с которой играли дети, и ждал приговора. Но смутная надежда еще теплилась в его душе. Ведь скоро должна приехать полиция. Только бы она успела. Они так озлоблены его проделками, что могут сделать что угодно, лишь бы отомстить за причиненные им страдания.

— Что мы с ним будем делать? — скалясь, спросил Марвин.

Наконец-то настал тот час, когда они смогут рассчитаться с ним за все.

— Сделаем с ним то, — сказал Гарри, — что он сделал с нами.

Лицо висевшего Кевина перекосилось. Ну уж нет. Только не это! Он вдруг представил, как они спустят ему на голову огненный шар и заставят ходить босиком по битым елочным игрушкам. О, это было слишком! Он не выдержит этого.

От страха Кевин так и застыл с открытым ртом, хлопая ресницами.

А воры скалили зубы, дико гогоча и кривляясь. Особенно сумасшедшей выглядела улыбка Гарри, потерявшего несколько зубов при «штурме» дома Маккальстеров.

— Дай я ему морду разобью утюгом, — хихикал

Марвин, на лбу у которого отчетливо выделялось коричневое от запекшейся крови треугольное пятно.

— А я паяльной лампой башку ему подогрею, — глаза Гарри лихорадочно светились.

Он снял шапку, вернее, то, что от нее осталось, и Кевин едва не прыснул, увидев его обугленную лысину. Но он крепко стиснул зубы, боясь, что негодяй еще больше рассвирепеет и устроит ему то же самое.

— А еще, — продолжал Гарри свою гнусную и злобную речь, — я откушу ему его маленькие розовые вредненькие пальчики.

По-собачьи рявкнув, он коснулся зубами дрожащих ладошек Кевина.

Напуганный до смерти малыш только зажмурил глаза. Теперь он понял, что они не шутят и действительно учинят над ним жестокую расправу, если не подоспеет полиция.

Марвин Синий глаз и Гарри Томсон, по-собачьи рыча, щипали маленького Кевина, у которого от одного их прикосновения душа уходила в пятки. Он висел, чуть дыша, сжавшись в комок и зажмурив глаза.

Вдруг он услышал, как дико заорал Марвин и шлепнулся на пол. Кевин открыл один глаз. Как будто из-под земли вырос... старик Моргви со своей лопатой. Он подошел к ним сзади совершенно бесшумно и хорошенечко треснул по башке, сначала Марвина, а потом и Гарри, не успевшего ничего разобрать. Оба рухнули на пол без чувств. Они так и лежали, словно недоеденные лепешки до прихода полиции. Вероятнее всего, удары были настолько сильны, что оба вырубились мгновенно и надолго.

От неожиданности Кевин не смог проронить и слова. Он смотрел на происходящее широко открытыми глазами, ставшими с размером в десятицентовую монету.

— Иди сюда. Тебе пора домой.

Старик Моргви снял с гвоздя дрожащего как осиновый лист Кевина и, взяв на руки, понес из дома Мэрфи.

САНТА-КЛАУС ВЫПОЛНИЛ СВОЕ ОБЕЩАНИЕ

Жизнь полна неожиданностей и самых невероятных событий. Если бы еще неделю назад кто-нибудь сказал

Кевину, что угрюмый старик Моргви, посыпающий солью дороги, и которого все боялись и привыкли считать жутким убийцей, спасет его в столь критической ситуации, буквально вытащит его из беды... Да он никогда не поверил бы. И не только бы не поверил, а счел бы сказавшего такое слегка сумасшедшим, «ударенным по черепу», как в таких случаях выражался Майкл.

Кевину было страшно представить, что могло бы произойти не появись вовремя старик Моргви. Он боялся даже думать об этом.

Но картина страшного суда то и дело мелькала перед глазами. Кевину представлялось, как Марвин прикладывает к его голове раскаленный утюг, а Гарри, открывая свой отвратительный беззубый рот, касается рук горячими каминными щипцами. Потом они бросают его с заледеневшего крыльца... И окровавленный, потерявший сознание от многочисленных ожогов, Кевин падает на снег.

О, нет! Эти жуткие картины доводили до озноба все его члены. Это невозможно! Этого не могло произойти!

Кевин гнал от себя страшные мысли.

Сирены полицейских машин завывали то резко, то протяжно. Подъехав к дому Мэрфи, полицейские, громко хлопая дверцами, выскакивали из своих «кадиллаков».

Через десять минут они уже выталкивали из дома Марвина и Гарри. Те были в наручниках.

— Вот здорово! — Кевин стоял у окна и наблюдал происходящую картину.

Полицейский сержант толкал еле волочивших ноги жуликов. После удара лопатой их головы плохо соображали, побаливали затылки.

— Неплохо! Оставляете воду включенной? — говорил полицейский. — Визитная карточка? Теперь мы знаем каждый дом, который вы ограбили.

— Мы вас давно искали.

Теперь они действительно влипли серьезно. На их счету было более восьми краж только за последнюю неделю. Возможно, они от части грабежей отбрехнулись бы — не включай глупый Марвин воду в каждом обворованном доме.

Но Марвин хорохорился. Больше ничего не оставалось делать. Ему хотелось покривляться напоследок:

ведь такая возможность представится теперь ой как не скоро. По меньшей мере, им грозило около восьми лет. По году за каждый ограбленный дом.

— Только не забудьте: мы мокрые бандиты, — храбрился Марвин.

— Заткнись, — шипел Гарри на бестолкового дружка.

По вине этого дурака он загремит на такой срок. Гарри проклинал день, когда связался с этим недотепой.

Ярость охватывала его все сильнее. Идти за решетку он не имел ни малейшего желания. В душе он обвинял одного Марвина во всех их неудачах.

— Ах ты, подлец, — он бросился на своего сообщника и, толкнув его коленом, повалил в снег.

Гарри яростно молотил Марвина ногами. Полицейскому сержанту едва удалось их разнять. Гарри был страшен в своем гневе.

Полицейские затолкали его в машину.

— Эй, осторожнее! Голову не расшиби! — рычал Гарри.

— Ладно. Иди. Только не рявкай.

Затолкав обоих в полицейскую машину, стражи порядка сели рядом с задержанными и двинулись в участок.

Из заднего окна Гарри увидел свет в окне злополучного дома Маккальстеров и улыбающееся лицо Кевина. Он провожал их в последний путь.

У, мерзкий мальчишка! Чтоб тебе не жить в этом доме и вечно голодать! Чтоб ты никогда не знал покоя и тепла!

Такие рождественские пожелания слал Гарри Томсон своему заклятому врагу, восьмилетнему Кевину Маккальстеру, сумевшему его перехитрить. И придет то время, когда ты, маленький засранец, получишь по заслугам. Держись!

Но Кевин только смеялся, глядя на надутое лицо толстяка со сверкающими от гнева глазами.

Он не слал ему проклятий. Он и так получил немало, да и впереди его ожидало немного приятного.

Кевин весело помахал вслед уходящим машинам.

Он был несказанно счастлив и оставался в хорошем расположении духа, потому что оказался победителем в этой нелегкой борьбе. Это заставляло поверить в себя, в свои силы. Он не будет больше сопливым слюнтяем, мамочкиным сыночком и сумеет дать отпор любому, кто только попробует его обидеть.

Три дня, проведенные без семьи, стали хорошей жизненной закалкой. За это время он многое понял, многому научился.

На душе было легко и свободно. Хотелось пищать, кричать, танцевать, дурачиться. Но Кевин чувствовал, что порядком устал, да и Рождество сегодня!

В желудке урчало. Он ведь не успел тогда толком поужинать. Кевин пошел на кухню, достал из холодильника новую порцию спагетти с тертым сыром, высыпал все на тарелку и поставил в микроволновую печь. Не прошло и двух минут, как еще один ужин был готов. Кевин налил стакан холодного молока, поставил все это вместе на поднос и отправился в гостиную, где светилась разноцветными гирляндами елка и горел камин, разнося мягкое ласковое тепло по всей комнате.

Кевин сел за стол. Теперь он может спокойно отметить праздник.

Поблагодарив еще раз Бога за благополучный исход операции, он принялся за еду.

Ужин был вкусным необыкновенно. К тому же Кевин вдоволь наелся конфет, пирожных, плюнув на испорченные зубы. Отец всегда запрещал есть много сладкого, потому что это вредно для здоровья. Но раз Кевин был один, ему некого было опасаться. Сегодня он может позволить себе все, что ему захочется. Он заслужил это.

Но закончив праздничную трапезу, Кевин зарылся в отцовское кресло перед телевизором и вновь испытал необыкновенную скуку.

Вокруг стояла мертвая тишина. Никто не подошел к нему, чтоб поздравить с Рождеством. Никто не принес традиционные подарки.

Обычно в этот день они собирались всей семьей, приезжали дядя Фрэнк и тетя Ненси со своим выводком, и они садились за большой стол. Звучали смех, разговоры, звенели фужеры и стучали вилки. Мама в этот день пекла замечательный вишневый пирог, запах от которого разносился по всему дому, приятно щекоча ноздри. На Рождество на столе всегда была куча всякой вкусняшины, начиная с заливного лосося и кончая мороженым со свежей клубникой.

В этот день никто никогда не ссорился, все дружно шутили, переговаривались, хохотали, устраивали увлекательные игры.

А самой интересной была церемония вручения подарков. Над камином висели приготовленные мамой шелковые башмачки, на каждом из которых она вышила имена своих детей. И когда часы пробивали полночь, дети шумной толпой бежали к камину и вытрясали содержимое башмачков. Родители всегда старались положить туда то, о чем мечтал в течение прошедшего года ребенок.

Кевин грустно посмотрел на пустые башмачки.

Куда же они все подевались? Ну не могли же они совсем забыть его! Это так не похоже на маму да и на отца тоже. А может быть, с ними что-нибудь произошло?

Но уж нет, только не это. Кевин отгонял тревожные мысли. В рождественскую ночь надо думать только о хорошем и загадывать желания.

У Кевина оно было только одно — поскорее увидеть свою семью. Он так соскучился. Ему очень хотелось поцеловать свою дорогую мамочку, взобраться на шею отцу и сидеть там долго-долго...

С этими мыслями Кевин уснул.

* * *

Тем временем Керри Маккальстер продолжала свой трудный путь домой в грузовом автофургоне, проезжая по извилистым трассам Иллинойса.

Она сидела бок о бок с Гаспаром Ленским и беседовала с ним по душам.

Наигравшиеся, натрубившиеся за день репетиции музыканты позасыпали прямо на полу, уткнувшись головами в дорожные мешки.

После раздирающего весь день уши шума воцарилась непривычная тишина.

Керри рассказала Гаспару Ленскому всю свою грустную историю: как вечером, перед отъездом, дети поссорились, и она отвела в наказание маленького восьмилетнего Кевина на чердак, а утром так и оставила его там, не вспомнив о нем в спешке.

— Я плохая мать, — грустно вздохнула Керри. В случившемся она обвиняла только себя, собственную забывчивость и нерасторопность. Она не должна была так поступать и тем более доверять кому-то пересчет детей.

Гаспар Ленский от всей души сочувствовал своей

спутнице, поневоле оказавшейся в этом фургоне. И старался убедить ее в том, что она далеко не права в своих высказываниях.

— Это самобичевание, — говорил он ей. — Такие вещи бывают.

И он рассказал Керри о своей семье. У него было трое детей, но видел он их крайне редко. Бесконечные гастроли, постоянные скитания по стране разлучали с ними на долгое время. Часто он покупал для дочери туфельки в подарок, но когда приезжал, они оказывались уже малы. А воспитанием старшего сына Бобби он вообще не занимался. До сих пор тот не мог привыкнуть к своему отцу, воспринимая его как чужого дядю.

— Представляете, он даже не слушается меня. Когда я говорю ему что-нибудь, он не обращает на мои слова внимания. Они для него пустое место. Жена говорит, что я сам во всем виноват. С самого рождения Бобби я постоянно бывал в разъездах. Все свое детство он провел с матерью. Так уж получилось. Теперь ему уже четырнадцать лет, а мы никак не найдем общего языка.

Гаспар Ленский тяжело вздохнул. Он никогда не рассуждал о семейных проблемах. Его приятелей такие темы не интересовали. У них на уме была одна лишь музыка, а все остальное, по их мнению, не стоило внимания.

Именно Керри Маккальстер со своим несчастьем заставила задуматься его о своей семье, о детях, об их взаимоотношениях, о его отцовском долге перед ними.

Гаспар пришел к выводу, что его дети не могут быть по-настоящему счастливы. Даже когда он дома, ему некогда заниматься с ними. После поездок он устает и хочет отдохнуть. Он не водит детей на каток, в парк на аттракционы, не кормит мороженым в кафе по воскресеньям, как делают все порядочные родители. Всем этим занимается его жена, но на ее шее еще и кухня, стирка, уборка. Поэтому она не успевает делать все регулярно. А в результате дети лишены многих жизненных прелестей, которые необходимы именно в детстве.

Но жить иначе он тоже не может. Чтобы быть со своей семьей, нужно бросить любимую работу. Но Гаспар Ленский обожает музыку безрассудно. Если бы пришлось выбирать между ней и детьми... О, это был бы тяжелый выбор. Хорошо, что никто ему не ставил таких условий. У его жены, на счастье, крепкие нервы. А детям все равно — они так привыкли.

Но как бы там ни было, маленькие Салли и Джек всегда радостно визжат, когда он открывает дверь после долгого отсутствия. Они бросаются на шею отцу, а потом усердно вытрясают содержимое сумок.

В детях есть своя неповторимая прелесть. Они наивны и чисты, добродушны и непринужденны.

Керри слушала его рассказ и бесконечно возвращалась к своему горю. Она не переставала думать о Кевине, о своей вине перед ним.

Она всегда была с ним рядом, но в душе они так далеки друг от друга. Честно говоря, тесной душевной связи у них не существовало. У нее вечно хватало всяких хлопот, и серьезно сыном она никогда не занималась. Да и другими детьми тоже.

Гаспару Ленскому было больно смотреть, как страдала его спутница. И он снова завел разговор, пытаясь оторвать ее от грустных мыслей.

— Если мой случай вас не утешит, — сказал он, — то я могу привести вам еще много примеров плохих родителей.

Гаспар кивнул на спящего бородача, прислонившегося к стенке и мирно сопевшего на табуретке.

— Вот Джо, например. Через некоторое время напрочь забывает имена своих детей. Зигге, — он указал на рыжеволосого толстяка, улыбающегося во сне, — толком не знает, есть ли у него дети. А Эдди... О нем я вообще собираюсь написать книгу.

— Ну хорошо. Но кто-нибудь из вас уезжал в отпуск, забыв дома своего ребенка?

Гаспар смутился.

— Нет, конечно же, нет. Такого у них не случалось. Но как-то я забыл своего ребенка в морге, — вспомнил он.

У Керри Маккальстер округлились глаза. Она бросила на Гаспара вопросительный взгляд.

— Да, все было именно так. Мы были на похоронах. Мы были очень расстроены...

— И вы оставили там ребенка? — Керри съежилась, плотнее закутываясь в пальто.

— Да, — Гаспар тяжело вздохнул. — Он просидел там весь день. Целый день с покойником. Мы, конечно, спохватились к вечеру. Но прошло пару дней, и он все забыл. Чувствовал себя абсолютно нормально. Дети очень хорошо переживают экстремальные ситуации.

По спине Керри пробежал нервный холодок. Таких

нелепых историй она еще не слышала. Но даже это не заглаживало ее вины.

Гаспар увидел, что после его рассказа Керри совсем пала духом. Ему не надо было говорить о таких вещах. Женщины слабонервны и не выносят подобных историй. В тот день и с его женой при всей ее выдержке случилась истерика. Да, он не должен был говорить об этом.

— Не будем больше вспоминать плохое. Такие темы задевают за живое и заставляют страдать.

— Но это вы начали.

— Да, простите. Мне очень жаль, что я вас расстроил.

Они замолчали. Каждый думал о своем. Стояла глубокая ночь. Через пару часов они будут в Чикаго.

У Керри ужасно болела спина, ныли ноги. Три дня и три ночи она не ела, не спала и даже не раздевалась.

Уставшая от нервного напряжения, физических неудобств, она откинула голову, вытянула ноги, закрыла глаза, стараясь хоть на несколько минут забыться.

Но чем ближе подъезжали к дому, Керри нервничала все больше и больше. Она не знала, что ее ждет, что с Кевином и вообще как все будет.

* * *

Кевину снился замечательный сон. Будто он открывает глаза, а вокруг — кучи разноцветных блестящих свертков, перевязанных яркими шелковыми лентами. Он разворачивает их по очереди, а там великолепные игрушки, маленькие компьютеры, плейеры, крючки для рыбной ловли, шоколадки, конфеты и даже фотоаппарат. В комнату входит мама. Она улыбается и говорит: «Это все тебе, Кевин. К Рождеству». Он бросается к ней, и они обнимаются крепко-крепко. Она рассказывает, что отсутствовала так долго, потому что ездила за покупками, выбирала ему подарки.

С радостной улыбкой на лице Кевин проснулся. Он протер глаза и увидел пустую комнату. Но какое-то предчувствие внутри подсказывало ему, что мама здесь, рядом. Он даже слышал ее шаги.

— Мама! Мама!

Он спрыгнул с кровати, в одной пижаме и босиком побежал вниз. Но, к сожалению, никаких следов матери

так и не нашел. Разочаровавшийся и подавленный, он бродил по комнатам.

— Мама, мама, — шептал Кевин, а по щекам катились слезы.

Почему, ну почему никто не приехал? Неужели они так рассердились, что совсем забыли о его существовании?

Утирая слезы, громко шмыгая носом, Кевин поднимался в свою комнату. Он ощущал себя покинутым и одиноким. Ему хотелось к маме.

К дому подъехала какая-то машина, но погруженный в горькие раздумья Кевин ничего не замечал. Он лег на кровать и укутался в одеяло.

Не было желания ни умываться, ни завтракать. На дворе стояла чудесная погода: яркое солнце и легкий мороз. Но коньки и санки тоже не интересовали его. Все развлечения казались бессмысленными, когда он один.

Но вдруг он услышал, как кто-то зовет его. Сначала он подумал, что у него галлюцинации после долгого ожидания. Но голос звучал все отчетливее и громче.

— Кевин! Кевин!

Мама! Это была она. Накинув халат, Кевин вихрем вылетел из комнаты.

Выходя из автомашины, Керри не чувствовала собственных ног. За дорогу они онемели, словно превратились в деревянные протезы. Внутри все оборвалось от нервов, когда Керри заходила в дом. Увидев его целым и невредимым, она испытала некоторое облегчение, но главные ее мысли были о сыне. Она ходила по комнатам, звала его, но никто не откликался.

У Кевина захватывало от волнения дыхание, когда он кубарем спускался вниз. Ему уже не верилось, что он увидит свою маму.

В холле никого не было. Он хотел было бежать в столовую, как почувствовал: кто-то стоит сзади. Он обернулся.

ЭТО БЫЛА МАМА!

От волнения у него задрожали губы. Он стоял как вкопанный, совсем растерявшись, не зная, что делать.

Увидев сына живым и здоровым, Керри заплакала.

— Кевин! Кевин... С Рождеством тебя, дорогой!

Но Кевин так растерялся, что застыл на месте и не в силах был двинуть ногой.

— Прости меня, сынок...

— Мама! — тут он заорал, будто очнувшись, и бросился в объятия матери.

Слёзы градом катились у Керри из глаз. Она была счастлива, что наконец снова с сыном. Она видела, какой он еще маленький и жалкий и как сильно еще нуждается в ней.

Кевин тоже был счастлив. Он вновь почувствовал, что не одинок. У него есть самый близкий, самый любимый и самый родной человек — его *мама*. И все это неправда, будто она не любит его. Просто он был глупым и вздорным мальчишкой, не понимал и не ценил ее любви.

— Мама, а где же все остальные?

Керри еще крепче прижала его к себе.

— Малыш, они не смогли приехать.

Она хотела рассказать, как сидела в аэропорту в поисках билета, как долго добиралась сюда, но входная дверь вдруг отворилась. Они увидели... База, потом Майкла. Все члены семьи по очереди заходили в дом. Последним вошел Питер Маккальстер с кучей дорожных сумок.

— Кевин! Как ты, малыш?

Кевин бросился к отцу, и тот поднял его на руки.

— Папа! Папа! Я так соскучился, — шептал Кевин в холодное от мороза ухо отцу.

Керри не верила своим глазам.

Вновь в доме началось оживление, шум, смех, по которому так соскучился Кевин.

— Эй, Кевин, — Баз подошел к брату. — Ты молодец, что не поджег дом.

Он протянул Кевину руку. Пожав друг другу руки, они ласково улыбались, позабыв былые обиды и ссоры.

— Минуточку! — Керри прервала всеобщее оживление. — Ребята, как вы здесь оказались?

— Мы прилетели утренним рейсом, от которого ты отказалась.

Питер Маккальстер нежно обнял жену. За время короткой разлуки он успел по ней соскучиться.

— С Рождеством тебя!

— С Рождеством!

Керри вспомнила, что в доме нечего есть. Как же они отметят праздник? И все ведь здорово голодны.

— Я вчера ходил за покупками, — сказал Кевин.

— Ты-ы? За покупками? — Майкл вытаращил глаза.

Все застыли от удивления. На минуту в доме воцарилась тишина. Все молчали и смотрели на улыбающегося Кевина.

— Да. Я купил молока, яиц и еще кое-чего.

— Это правда? — Питер Маккальстер не мог скрыть своего удивления.

Трудно было поверить, что беспомощный, слабый ребенок сходил в магазин и даже что-то купил.

— А что ты делал все это время?

— Да так. Дурачился.

Дети расходились по комнатам, раздеваясь, выкладывая свои вещи.

— Он ходил за покупками! — не унимался язвительный Майкл. — Интересно, как? Он ведь даже шнурки завязывать не умеет.

Кевин грустно опустил голову. Так и знал, что никто и никогда ни во что не поверит. А ведь так хотелось обо всем рассказать...

Керри отправилась на кухню, чтобы приготовить завтрак. Открыв холодильник, она раскрыла от удивления рот, увидев изобилие продуктов. Там были и молоко, и масло, и макароны, и сыр... Керри достала прозрачные пакетики с готовыми завтраками.

— Бедный малыш... Ему пришлось хорошенько позаботиться о себе.

Питер Маккальстер наткнулся на блестящий предмет, валявшийся на полу в гостиной. Он поднял его и увидел, что это... золотой зуб!

— Дорогая, что это?

Покрутив в руках странную находку, он положил ее в секретер и принялся распаковывать чемоданы.

Все опять занялись своими делами, забыв о Кевине.

Он вновь загрустил. Его братья — эгоисты, но все равно хорошо, что они есть. Быть одному — ужасно тоскливо.

Кевин подошел к окну. Зима вступила в свои права. Сыпал снег, наметая большие сугробы. Благодаря им, жулики не переломали себе кости, летя вверх тормашками от голубятни, когда Кевин перерезал веревку. Вспоминая вчерашние приключения, он улыбался.

Падали, кружились в воздухе снежинки.

Кевин увидел старика Моргви. Тот встречал свою семью. Он подбрасывал на руках, целовал свою внучку, а потом обнимал сына и его жену. Обнявшись, они все вместе пошли в дом Моргви. Увидев в окне Кевина, старик помахал ему рукой. И Кевин в ответ помахал рукой своему новому другу.

Все-таки хорошо иметь семью. Человек не может жить один. Сколько бы ни было друзей — без семьи все равно будешь чувствовать себя одиноким. Родных и близких не заменит никто.

— Кевин! Что ты устроил в моей комнате? — услышал он пронзительный крик База.

— Ну все, началось! — вздохнул Кевин и поплелся наверх выяснять отношения.

ДЖОН ТОМПСОН

ОДИН ДОМА

ЧАСТЬ 2

John Tompson

«HOME ALONE»

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ОДИН ДОМА»

ЧАСТЬ II

Потерянный в Нью-Йорке

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вечерний Монтаун светился праздничными огнями.

После памятных, захватывающих событий, произошедших на Линкольн-стрит, минул ровно год. Город готовился к новому Рождеству.

На улицах уже стояли разнаряженные елки, витрины супермаркетов и небольших магазинов сверкали роскошным убранством, действуя возбуждающе на психику горожан. Стоило кому-нибудь зайти в хотя бы один из них, как содержимое кошельков значительно оскудевало. Зато взамен они радостно тащили размалеванные коробки с белыми шелковыми лентами, завязанными в роскошные банты.

На то он и праздник, чтоб безрассудно тратить деньги, тщательно собираемые семьей целый год.

Именно в канун Рождества можно позволить себе что-то особенно безрассудное. К примеру, купить яркое красное платье с оголенными плечами, хоть этот цвет тебе страшно не идет, да и плечи уже... пятьдесят четвертого размера.

А веселое и романтичное семейство Маккальстеров придумало новую, еще более крутую затею. Они решили встретить Рождество во Флориде, в плавках, под горячим тропическим солнцем в окружении могучих тамошних пальм.

Маккальстеры вновь пригласили любимых родственников составить им компанию в предстоящем туре, предварительно оплатив проезд и номера в гостинице.

Конечно, дружественные и экономные Ненси и Фрэнк не могли отказаться от столь заманчивого предложения. Прижимистая парочка была готова лететь хоть в Антарктиду, лишь бы кто-нибудь оплатил эти расходы.

Они заранее прикатили в Монтаун всей своей многочисленной сворой, заполнив и без того людный дом Маккальстеров визгливыми голосами и превратив его опять в муравейник.

Вечер накануне отъезда был особенно оживленный. Взад-вперед сновали и взрослые, и дети, впопыхах собирая предметы первой необходимости для солнечной Флориды. Они уже успели устать от холодной зимы, тяжелых курток, сапог и шуб и с нетерпением ожидали, когда наконец вновь окунутся в «лето», в теплые голубые волны Атлантики. Все были радостно возбуждены.

К тому же сегодня в школе, в которой учатся младшие Маккальстеры, состоится рождественский бал. А Кевин и Баз будут солировать в хоре.

Наводя праздничный марафет, члены семейства одновременно вели и усиленную подготовку к отъезду, заталкивая в чемоданы и сумки панамки, плавки, шлепанцы, кремы для загара и прочую «пляжную» дребедень.

Все успели здорово проголодаться, но заняться ужином было некому, так как каждый усердно занимался только собой.

— Я не знаю, почему в этом доме никто не может заказать даже несчастную пиццу, — ныла рыжая Дженни, которая за прошедший год успела здорово растолстеть и теперь, как капля воды, походила на мать.

— Слушайте, мои солнечные очки никто не видел?

Сьюзен безуспешно бродила по комнатам, расспрашивая каждого о пропаже. Но все только равнодушно пожимали плечами. После приезда гостей в доме царил такой беспорядок и балаган, что искать что-либо просто не имело смысла.

— Зачем ехать во Флориду, если ты собираешься надевать солнечные очки? — вслух рассуждала Кэт.

Она считала, что в очках не загорит лицо.

Баз спустился по лестнице вниз. Он уже упаковал свой багаж и направлялся на кухню, чтобы выпить стакан молока. Он был в черном костюме и белой накрахмаленной рубашке, готовый к предстоящему выступлению в школе.

— Береги свои красивые глаза, — кинул он очкастой Кэт свою соленую шуточку.

— Кто бы говорил, — хмыкнула та, окидывая взглядом неуклюжего толстяка База, — ты просто завидуешь.

Фрэнк выходил из кухни со стаканом брэнди. Он столкнулся с братом в дверях.

— Не налегай на выпивку, приятель, — бросил ему Питер Маккальстер, — а то мы уже упаковали резиновые простыни.

* * *

Кевин сидел в своей комнате и возился с карманным переводчиком. По телевизору показывали диснеевские мультфильмы.

— Дорогой, ты уже собрался? — в комнату вошла его мама Керри.

Миссис Маккальстер выглядела особенно элегантно. На днях она посетила парикмахерскую. Ей сделали необыкновенно оригинальную стрижку, омолодившую ее не несколько лет. Новое кремовое платье изящно облегало еще достаточно стройную фигуру, делало ее выше и грациозней.

— Да, конечно, — Кевин сунул ей свой магнитофон с записанным голосом.

— Ты упаковал все вещи, которые я тебе приготовила?

— Да, да!

Кевин то и дело щелкал, переключая на магнитофоне различные кнопки.

— Кстати, ты знаешь, что бабушка Пенелопе подарила тебе? — миссис Маккальстер стояла у зеркала и поправляла прическу.

— Нет. Но я могу угадать.

Вообще-то Кевина не очень интересовали подарки бабушки Пенелопе. Наверняка это была какая-нибудь нелепая майка или тапочки дона Ледаке. Она никогда не дарила пристойных вещей. Несмотря на возраст, а ей уже, слава Богу, шел семьдесят первый год, она имела необыкновенно богатое воображение с причудливыми пристрастиями к персонажам детских сказок. Кевину даже хотелось иногда не получать от нее подарков совсем. Все равно эти глупые проявления бабушкиных

причуд без дела валялись в его шкафах, занимая лишнее место.

— Ты почти угадал, но не совсем, — миссис Маккальстер достала сверток из сумки, стоящей на комоде. — Непотопляемый клоун, с которым можно играть в бассейне и... даже на море.

Она вручила ему прозрачный пакет, в котором на плоской картонке было распластано пучеглазое резиновое чудовище, размалеванное во все цвета радуги.

Ну, конечно, в стиле бабушки Пенелопе! Кевин в этом не сомневался.

— Я просто дрожу от волнения, — он равнодушно отложил в сторону разноцветный пакет.

Миссис Маккальстер подкрашивала губы. Сегодня ей надо хорошо выглядеть. На балу будет много знакомых, сотрудников из компании Питера, а их дети учатся в той же школе, что и ее сыновья.

— А зачем мы поедем во Флориду?

Кевину страшно не нравилось эта сумасбродная идея родителей. Там ведь даже нет рождественских елок. Да и вообще как можно отмечать Рождество при тридцатиградусной жаре и в плавках?! Тем более без рождественской елки. Глупо и неоригинально.

— Ну ничего. Мы купим искусственную или, в крайнем случае, нарядим пальму, — миссис Маккальстер рассмеялась.

По телевизору показывали рекламный ролик самой знаменитой в Нью-Йорке гостиницы.

В праздничные дни гостиничный бизнес процветал, то и дело шли один за другим рекламные ролики.

«И, наконец, дамы и господа, мы с удовольствием предоставляем вам возможность провести рождественские каникулы в лучшей нью-йоркской гостинице «Плаза». Для того, чтобы забронировать номер, звоните по телефону...»

Кевин с восхищением смотрел на шикарные рестораны, бассейны, просторные холлы и фойе роскошных отелей и записывал на свой портативный магнитофон. Он должен знать информацию о лучших гостиницах страны. Мало ли, что может случиться в жизни. Кевин всегда был предусмотрительным малым.

В комнату вошел отец в элегантном сером костюме.

— Ты не знаешь, где батарейки для конкодера?

— Я поставила их заряжаться, — Керри оценивающе осмотрела мужа.

Питер достал из розетки адаптор. Он приблизился к жене, показывая свой новый галстук.

— Ну как?

— Этот гораздо лучше!

Питер Маккальстер ценил утонченный вкус жены и внимательно прислушивался к ее советам, если дело касалось парфюмерии и гардероба.

— Кевин, надень галстук. А то еще опоздаем на рождественский бал.

— Я не могу, — ответил Кевин. — Он в ванной. А там сейчас дядя Фрэнк. Он сказал мне, если я зайду и увижу его голым, то уже никогда не стану мужчиной. Я не знаю, что это означает, правда.

Родители переглянулись и засмеялись: ну и Фрэнк! Надо же такое придумать.

— Да он, наверное, шутит. Ты забеги в ванную, возьми свой галстук и больше никуда не смотри, — посоветовал отец.

— Ты думаешь? И он не будет меня ругать? — Кевин знал противные замашки «любимого» дядюшки.

— Ну что ты, Кевин. Конечно, нет, — улыбалась мама. — Тебе же нужно собраться на бал.

Кевин поплелся в ванную. Он осторожно подошел к двери. Слышался шум воды, доносились песни Стинга.

Кевин приоткрыл дверь и заглянул. За полиэтиленовым занавесом, в такт музыке, под душем вытанцовывал голый дядя Фрэнк, делая какие-то очень странные жесты, и подвывал в такт популярному певцу.

Нащупав свой галстук на бельевом ящике, Кевин застыл от неожиданности и изумления. Вот уж не думал, что добропорядочный и исключительно правильный дядюшка Фрэнк увлекался нелепыми танцами в голом виде.

А тот ничего не замечал: размахивал руками, тряс бедрами, то взвизгивая, то подпрыгивая, подвывая все громче и громче.

Кевин включил магнитофон. Надо записать такой замечательный вокал. Пусть послушает тетя Ненси, какими скрытыми талантами обладает ее увалень-муж.

Тут дядя Фрэнк высунул из-за занавеса свою намыленную голову.

— Чего уставился, маленький извращенец? А ну, убирайся отсюда!

Кевин попятился назад и быстро захлопнул за собой дверь.

А дядя Фрэнк продолжал веселиться.

* * *

Большой концертный зал школы был переполнен. Сверкали гирлянды на нарядных елках. Все вокруг было торжественно и празднично. Хор пел рождественские песни. Публика с замиранием сердца слушала тоненькие голоса своих ненаглядных чад.

Многочисленное семейство Маккальстеров занимало один из первых рядов. Керри любовалась своими детьми.

— Сейчас будет петь Кевин, — шепнула она мужу.

Питер Маккальстер передал ее слова Ненси, чтобы та разбудила Фрэнка, мирно храпевшего и нарушавшего идиллическую гармонию между зрителями и исполнителями. Ненси толкнула мужа. Он всегда был безразличен к настоящему искусству. Да и Ненси не сильно-то разбиралась в классической музыке, но посмотреть на племянников — было свято.

— Сейчас будет петь Кевин, — шепнула она ему.

— А... — Фрэнк встряхнулся от крепкого сна, навалившегося внезапно, и протер глаза. — Кевин... Да, да.

Кевин стоял посередине, вовтором ряду. Зазвучала замечательная мелодия старой рождественской песни о Санта-Клаусе и серебристом снеге, по которому он шагал, разнося подарки детям. Тоненький голосок Кевина зазвучал трогательно и нежно.

Но вдруг в зале раздался хохот. Потом стали смеяться в хоре. Кевин продолжал петь. Он сразу ничего не сообразил. А между тем весь зал умирал от хохота. Что такое? Дядя Фрэнк ржал как лошадь, держась за живот. Только родители и тетя Ненси смотрели встревоженно, а мама кому-то грозила пальцем.

Кевин обернулся. Оказывается, негодяй Баз держал над ним горящие свечки, словно рога, и этим забавил публику.

«Ах ты, жирная свинья! Ты еще будешь смеяться!» Кевин не на шутку разозлился. Он не терпел таких насмешек. Изо всех сил он толкнул толстяка-брата. Тот, не удержавшись на ногах, зашатался и грохнулся на пол со стула, задев стоявших рядом детей. Остальные хористы попадали за ним. Начался переполох. Словно

по цепочке, дети валились с ног на сцену. В конце концов все поющие и не поющие со свечками в руках полетели в одну кучу.

Только Кевин остался стоять в гордом одиночестве, в растерянности держа свою свечку.

Искусственная елка, стоявшая на самом краю сцены, внезапно пошатнулась и полетела прямо на голову сидевшей у рояля пианистке миссис Мейсон. Та, перевернувшись несколько раз в воздухе вместе со своим стулом, с грохотом рухнула на пол и лишилась чувств.

Все произошло буквально в одну секунду. Зал замер в ужасе. Таких приключений еще не было на рождественских концертах.

— Кевин! — закричала миссис Маккальстер.

Она испытывала горький стыд за собственных детей. Она готова была провалиться сквозь землю.

В зале начался переполох. Родители бросились спасать своих несчастных и ни за что ни про что пострадавших чад. Подняли несчастную миссис Мейсон, школьного аккомпаниатора, старую деву. Бедняжка, от страха лишилась чувств. Да и здорово пострадала. Елка была тяжелой. Удивительно еще, как это игрушки не расцарапали ей лицо.

Зал шумел. Возмущенная публика дискутировала о невоспитанности и распущенности современного поколения. И во всем обвиняли родителей, так дурно воспитавших своих детей.

Опозоренные Маккальстеры поспешили удалиться. Керри плакала от гнева и стыда. Она не знала, за какие грехи Бог наградил ее сумасшедшими детьми. Они всегда ей приносили одни неприятности. Особенно Кевин. Он так груб и несдержан.

А Питера Маккальстера произошедшее представление только рассмешило. Все это он считал очень забавным. И только. Его дети не лишены чувства юмора. Это прекрасно!

Разве можно этого не понимать? Он, конечно, как порядочный отец прочтет им строгую нотацию о правилах хорошего поведения, но разве это стоит того, чтобы беспокоиться?

* * *

После неудавшегося бала семейство Маккальстеров вернулось домой. По дороге Керри немного успокоилась и отчасти согласилась с мужем, что произошедшее — не более чем милые детские шалости, которые свойственны детям в таком возрасте. Но пожурить «шалунов» сочли обязательным.

Вся семья собралась в уютной гостиной при горящем камине возле нарядной рождественской елки.

Вначале отец с напускным серьезным видом прочитал лекцию о морали и нравственности, о правилах этикета, поругал детей за «непростительную выходку», потребовал, чтобы подобные вещи были в последний раз и, едва не рассмеявшись в конце, сел в свое кресло.

Баз с не менее строгим выражением лица встал и, поправив галстук, произнес речь.

— Уважаемые дамы и господа присяжные, — в комнате воцарилась тишина.

Все смотрели на База, разинув рты. Такого начала никто не ожидал.

— Я хотел бы принести извинения членам моей семьи за те неудобства, которые я вам причинил. Моя шутка была неуместной и преждевременной.

— Ну я бы не сказал! — хихикнул дядя Фрэнк.

Выходку племянничка он находил забавной и остроумной. Главное, Баз надсмеялся над дурачком-Кевином, которого с рождения дядя Фрэнк не выносил.

Баз, изображая раскаявшегося и глубоко сожалеющего о своем поступке, продолжал свой монолог.

— Кроме того, я хотел бы извиниться перед моим братом Кевином, — и, повернувшись к нему, воодушевленно произнес: — Прости меня, Кевин. Я поступил плохо.

Раздался шквал аплодисментов. Его покаяние всех растрогало, ему восторженно рукоплескали.

— Браво, Баз!

— Молодец!

— О, Баз, — Керри блаженно улыбалась. — Это было очень любезно с твоей стороны.

Она гордилась старшим сыном. Он уже почти взрослый и умеет осознавать свои ошибки.

Кевин сначала растерялся. Он не мог поверить, что самодовольный, эгоистичный Баз искренне раскаялся и осознавал свою вину перед ним. Это просто невероятно и на него совсем непохоже.

И Кевин был прав. Такие хитрецы, как Баз, не умеют раскаиваться или признавать свои ошибки.

Садясь на свое место, Баз тихонько шепнул:

— Ну что, здорово я тебя подставил?!

На его квадратном лице мелькнула ехидная улыбка.

Гадина! Кевин пуще прежнего возненавидел его. Ведь толстый негодяй смеялся не только над ним, но оставлял в дураках и всю семью, искренне верившую ему и от души восхищавшуюся его благородным поступком.

— Кевин, может быть, и ты что-нибудь скажешь нам? — обратилась к нему мама.

И взгляды достопочтенных членов семейства Маккальстеров переключились на Кевина. Воцарилось всеобщее молчание. Баз и дядя Фрэнк ехидно улыбались. Им было интересно послушать, как упрямец Кевин станет просить прощения.

Но тот отнюдь не был глупцом и прочитал все это по наглым выражениям их физиономий.

Ну уж нет! Унижаться перед толстым уродом он не станет!

— Я абсолютно не сожалею о случившемся, — сказал Кевин и сразу заметил, как лица, смотревшие на него с ожиданием, перекосились. — Я сделал то, что должен был сделать. Он унижает меня, и я ему показал. О! Вы все такие дураки. Вы верите в его ложь. Он же смеется над всеми вами. И мне плевать на вашу дурацкую поездку во Флориду. Кому в тропическим климате придет в голову встречать Рождество?!

Кевин облегченно вздохнул. Теперь он все сказал. С чистой совестью он направился к выходу. Ему нечего было делать среди этих баранов, до которых не доходили здравые мысли.

Двоюродные братья и сестры оторопели. Кевин всегда был упрямым и, как говорится, мальчишкой «себе на уме», но подобной распущенности и сумасбродства они не ожидали услышать.

Миссис Маккальстер побледнела. Кевин всегда доставлял ей неприятности.

— Кевин, если ты сейчас уйдешь, тебе придется спать на третьем этаже.

— С удовольствием!

— Да, да! Со мной!

Очкастый Фулер потягивал пепси-коку и улыбался. Он мало что понимал в происходящих разборках, но подобные споры его забавляли.

Баз сидел в своем кресле у окна, опустив голову, изображая несправедливо обвиненного страдальца.

— Лучше бы придумали что-нибудь новое, — недовольно буркнул дядя Фрэнк.

Он бросил на племянника взгляд, полный ненависти. Гнусный заморыш! Он до сих пор не мог простить прошлогоднего Рождества. Только Кевина он считал виновным в том, что просидели весь праздник как на иголках, вызванивая по полициям и аэропортам. Ему пришлось самому оплачивать расходы по возвращению домой. Ведь Питеру и Керри было уже не до них.

— Смотри, не испорти мне опять путешествие, — прошипел дядя Фрэнк. — Твой отец хорошенькие денежки платит.

— Ах, извините, господин паршивый певец! Я не хотел испортить вам веселье.

Кевин хлопнул дверью.

Жаль, что он не видел перекошенные физиономии членов его семейства. От столь неслыханной дерзости у дяди Фрэнка побагровели уши. Он знал, что имел в виду Кевин, обзывая его «паршивым певцом». Ну и мерзавец! Будь он на месте его отца, немедленно отшлепал бы Кевина как следует. Но Питер не видел ничего серьезного в поступках сына. Резкие словечки и вспыльчивый характер он списывал на переходный возраст. Да и вообще считал лишней тратой времени обращать внимание на подобные выходки.

Все молчали, затаив дыхание, как на суде в ожидании приговора. Но и у Керри, и у Питера, и у Фрэнка как будто что-то заледенело во рту. Все трое только тяжело вздыхали. У них просто не было слов.

Баз покачивал головой.

— Трудный подросток. Да.

Внутри у него все ликовало. Он опять вышел чистым из воды. Все грешки само собой списались на дурачка Кевина. Так ему и надо! Ха-ха-ха!

* * *

Кевин лежал, уткнувшись в подушку, на чердаке и рассуждал о несправедливости жизни.

— Сплошные уроды! Придурки! Кретины! — так он величал членов любимого семейства.

Он вновь хотел остаться один. Как глуп он был тогда, поверив, что они исправятся и станут другими. Черта с два! Эти дегенераты не способны ничего видеть и замечать, а тем более не способны меняться. Лучше бы они не возвращались тогда.

Слепые тупицы! Как можно не видеть лжи и фальши этого наглого толстяка База! Как они могут так слепо верить ему? Причем, подобные истории на редкость. И он всегда хитро выкручивался, оставляя его, Кевина, крайним.

О, как избавиться от них опять? Вот было бы здорово, если бы они забыли о нем завтра утром. Он замечательно проведет время один. По крайней мере, не услышит нудных нравоучений отца и ехидных насмешек База.

— Привет! — в комнат вошла мама.

Но Кевин не хотел ее видеть. Она такая же, как все. Она не любит его. Для их всех он, Кевин, лишь тяжелый груз, заноза, камень, висящий на шее.

— Знаешь, прошлый раз, когда мы собирались отправляться в путешествие, по-моему, у нас всех были аналогичные проблемы. Но пострадала главным образом я, — Керри Маккальстер надолго запомнила мучительные скитания в аэропортах, долгую тряску в грузовом фургоне в компании фанатов-музыкантов. — Я не хочу, чтобы это опять произошло.

Кевин поджал губы. А вот ему очень хотелось, чтобы прошлогодний сюрприз повторился.

— Баз извинился перед тобой.

Кевин вскочил с кровати. Таких упреков он выносить не мог.

— Да! Извинился! Но потом тут же обозвал меня!

— Он не имел в виду то, что говорил. Он просто подыгрывал вам, — мама была спокойна и невозмутима. Она ничуть не сомневалась в своей правоте и безгрешности любимого сыночка.

Кевин отвернулся к стене. Разговор он считал бесполезным. Они все словно свихнулись и не хотели ничего понимать.

— Ну хорошо. Ты посиди тут, подумай. А когда будешь готов извиниться перед Базом и остальными членами нашей семьи, можешь спуститься вниз.

— Никогда! Слышишь, никогда я не извинюсь перед этим уродом. Лучше я поцелую бревно.

— Хорошо, тогда тебе придется провести здесь ночь.

— Отлично. Я никому не могу доверять в нашей

семье. Если бы у меня были деньги, я бы один отправился куда-нибудь на Рождество и прекрасно провел бы все время без вас.

У миссис Маккальстер просто не было слов. Она смотрела на разъяренного ребенка, пытаясь понять причину его неуживчивости с людьми. В душе он был добродушным и наивным. Она знала это, но несносный характер...

— Прошлый раз тебе повезло, — сказала она. — Твое желание сбылось. Может, и на этот раз оно осуществится.

— Весьма на это надеюсь.

Керри тяжело вздохнула, качая головой. Спорить с маленьким упрямцем было лишней тратой времени. У нее еще куча дел. Нужно собрать вещи Фулера. Питер положил недостаточное количество резиновых простыней. Да и приготовить бутерброды на завтрак не мешало бы.

Ни сказав ни слова, она вышла.

Кевин остался один на один со своими мыслями, переживаниями, обидами. На дворе шумел ветер, раскачивая ветви голых деревьев.

Кевин смотрел на звездное небо. В мыслях он вновь обращался к всемогущему Санта-Клаусу с просьбой помочь избавиться от ненавистной семьи. Теперь он окончательно в ней разуверился и разочаровался. И больше в ней не нуждался. Он вполне может жить самостоятельно. Год назад это получилось у него просто здорово. Ему не нужны никакие братья и сестры. От них только лишние неприятности и проблемы. Вот если бы он был у родителей один, тогда, возможно, все происходило бы по-другому. Они любили и жалели бы его, как единственного ребенка, больше заботились бы о нем, внимательнее относились бы к его проблемам. Но, к сожалению, безрадостные переживания не уводили от действительности.

В конце концов ему надоело думать о мерзавце Базе, о том, как ему отомстить, и Кевин погрузился в сладкие предрождественские сны.

А за окном падал снег, гудел ветер, мороз рисовал на стекле великолепные сказочные картинки.

* * *

Утро стояло серое и мрачное. Крыльцо заметало снегом. Ветер гонял по аллеям обрывок вечерней газеты, в котором сообщалось, что «мокрые» бандиты Гарри Томсон и Марвин по кличке Синий глаз сбежали из тюрьмы во время бунта, устроенного заключенными пенсильванской тюрьмы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

К дому подъехали фургоны-такси из аэропорта, сбив статую, которая продолжала до сих пор стоять на прежнем месте.

Скрип тормозов и грохот упавшей статуэтки разбудил Керри Маккальстер. Она открыла глаза. Взглянув на часы, женщина вскрикнула.

— Опять проспали!

Вскочил Питер. Оба растерянно забегали по комнате, не соображая, за что хвататься. Керри долго не могла найти вязаный свитер, который приготовила еще со вчерашнего вечера. Питер не находил одного носка. Потом выяснилось, что он случайно «закатился» под кровать.

В доме стоял кавардак. На ходу одевались дети. Причесываться и чистить зубы уже не было времени.

Тетя Ненси бегала, впопыхах собирая младших чад, натягивая им рейтузы, футболки и свитера.

В накинутых наспех куртках, с шапками и шарфами в руках, дети выскакивали на улицу. За ними второпях выходили родители, помятые, взлохмаченные от недосыпания и нервной спешки.

— Моя семья садится в первую машину, остальные — во вторую, — скомандовала Керри Маккальстер.

Больше она никому не доверяла пересчет детей.

— Я, конечно, не жалуюсь, — сказал Фрэнк. — Как говорится, дареному коню в зубы не смотрят, но вы ужасно грубо меня разбудили.

Керри было не до его капризов. Слова деверя она пропустила мимо ушей.

— Вот ваши билеты, вот мои. — Ненси протянула Керри билеты.

— Да, да, хорошо. Садитесь в машину.

У Керри страшно кружилась голова. Вчера она допоздна возилась и легла спать глубоко за полночь.

— Все на месте? — спросила она, залезая в машину.

В руках Керри держала билеты на самолет. Их было ровно семь штук. На случай, чтоб никого не забыть, она раздала их всем на руки.

— Раз, два, три, четыре...

В руке остались две карточки.

— Странно. Одна моя... А где Кевин?

— Семь! — Кевин грохнулся на первое сидение. Увидев сына, Керри облегченно вздохнула.

— Слава Богу, у меня есть свой билет. На случай, если вы меня опять потеряете, — сказал Кевин.

Миссис Маккальстер сделала знак шоферу, чтобы тот трогался. Скрипнув тормозами, машина двинулась в путь по заснеженным дорогам Монтауна.

* * *

Шумной толпой семейство Маккальстеров выгружалось в аэропорту. До вылета оставалось двадцать шесть минут.

— Пошли, Кевин, — отец взял его за руку.

Шоферы грузили на большую тележку чемоданы путешественников.

— Папа, мне нужны батарейки.

— Я тебе их дам в самолете, — Питер второпях выкидывал сумки из такси.

— Но мне они нужны теперь, — Кевин держал в руках свой портативный магнитофон.

Он не очень-то спешил. Ехать в тридцатиградусную жару мальчик не имел ни малейшего желания.

— Не сейчас, Кевин, не сейчас.

Кевин стал копаться в сумках. Чуть ли не на голову ему свалился рыжий кожаный портфельчик.

Кевин знал, что это была сумка отца. Молния в ней расстегнулась, и Кевин увидел пачку наличных долларовых банкнот. Его глаза засветились. Он сунул руку

за батарейками, но ничего не нащупал. Он хотел было покопаться, но сзади толкнули и наверх упало несколько чемоданов. Тогда он вытащил из общей кучи рыжий портфельчик. Он не громоздкий, и его можно взять с собой. Кевин повесил портфель на плечо.

— В какой секции проводится регистрация на самолет во Флориду? — спросил Питер служащего аэровокзала.

— В восемнадцатой.

— Какой, простите?

— Восемнадцатой.

— Кевин, пошли, пошли. А то опоздаем.

Расталкивая прохожих, семейство Маккальстеров неслось по огромным залам аэровокзала. В спешке отец оторвался от общей группы, побежал вперед. Кевин отстал. Он не мог угнаться за ошалелой толпой. Он остановился, чтобы разглядеть деньги. Но потом увидел, что семья скрылась из виду. Вдруг в толпе мелькнуло бежевое пальто отца.

— Папа, подожди! — Кевин устремился за ним. Но отец бежал так быстро, что мальчик не мог за ним поспевать.

— Заканчивается посадка на рейс 296 до Нью-Йорка, — объявили по радио.

— Папа, подожди меня! — орал Кевин, но тот как будто не слышал его и бежал все быстрее.

Маккальстеры влетели на посадочную секцию, предъявив билеты.

— Проходите на посадку. Самолет вот-вот взлетит. Не волнуйтесь, мы проследим за посадкой. Никто не опоздает. Счастливого Рождества!

Служащая аэропорта захлопнула за ними дверь в посадочный блок.

* * *

А Кевин все пытался догнать отца. Он кричал так громко и никак не мог сообразить, почему отец не слышит его. Он повернул налево, и Кевин последовал за ним.

— Эй, подождите! — человек в бежевом пальто подбежал к служащей, которая уже собиралась закрыть дверь в терминал.

Она проверила его билет, забрала посадочный талон, и он прошмыгнул в терминал.

— Папа! Папа! — Кевин едва не сбил служащую с ног.

— Ой, простите...

У нее рассыпались посадочные талоны. Талон Кевина, который тот держал в руке, тоже выпал и смешался с остальными.

— Ты с этого рейса?

— Да. Мои, наверное, уже сели. Я немного опоздал.

Из терминала вышел второй пилот в голубой форме.

— У тебя есть посадочный талон? — спросил он строго у Кевина.

— Он где-то здесь, — ответила девица, собирая рассыпавшиеся талоны. — Он уронил его на пол.

— Ты уверен, что твоя семья летит именно этим рейсом?

— Да. Мой отец только что пробежал туда, — сказал Кевин и указал рукой в проход, ведущий в самолет.

— Ну хорошо. Посади его. Только обязательно найди его родителей.

— Хорошо.

Вместе со стюардессой в голубой форме Кевин прошел по терминалу в салон самолета. Пассажиры снимали пальто и занимали свои места.

— Где твой отец?

Кевин осмотрелся вокруг и увидел, как мелькнуло бежевое пальто его отца. Тот садился на свободное сиденье в самом начале самолета.

— Вот он!

— Ну хорошо. Иди занимай свободное место. Счастливого Рождества.

— Спасибо.

Девица удалилась. Кевин сел возле пожилого господина в очках. Мальчик вытянул свою шею и посмотрел вперед. Отец сидел на том же месте, но почему-то один, без мамы. Странно, что она в другом салоне. Но Кевин очень устал после всей беготни, ноги болели, и он поленился подойти к отцу. Облегченно вздохнув, что успел, он откинул голову на своем кресле.

В салон вошла стюардесса, хрупкая негритянка в голубом костюме.

— Дамы и господа, прошу всех садиться. Пристегнитесь, пожалуйста, ремнями. Самолет пошел на взлет. Я желаю всем удачного полета.

Кевин оглядывался вокруг. Странно, что больше в этом салоне не видно никого из его семьи.

— Вы когда-нибудь отдыхали во Флориде? — спросил он своего пожилого соседа.

Тот вопросительно посмотрел на Кевина. Его вопрос показался странным. Он залепетал на ломаном английском языке вперемешку с французским, что Кевин ничего не мог разобрать.

— Я из Франция. Я впервые Америка. Слушай, парень, может быть, ты знает какие-нибудь хорошие ресторан или веселые местечки, где можно хорошо провести время? А? Или твои родители, наверное, знают? Почему ты молчишь, а?

Кевин не понимал его бессвязной речи да и не пытался понять. Сосед оказался занудой-французом и больше его не интересовал. Кевин достал свой портативный магнитофон, надел наушники, включил клавишу «play» и через несколько секунд погрузился в бойкий музыкальный марафон Майкла Джексона.

Старикашка-француз пытался приставать к нему.

— Ты что, не хочешь говорить? Игнорируешь мой, да?

Но Кевин не слышал его. Он отключился от всего, чтобы по-настоящему расслабиться.

В салон опять вошла стюардесса.

— Уважаемые дамы и господа! Добро пожаловать на рейс 296, следующий до Нью-Йорка.

Но Кевин не слышал ее. Он весело дергал плечами в такт «Лунной дорожке».

* * *

Чета Маккальстеров удобно расположилась на мягких сиденьях первого класса.

— Я уже думал, что мы не успеем, — Питер откинулся в кресле.

Керри сидела задумавшись, на лице была какая-то тревога.

— Все в порядке, дорогая?

— У меня какое-то странное чувство.

— Что? Мы что-нибудь забыли?

— Да нет.

Керри не могла понять. Но странное предчувствие не давало покоя.

— Ну что ты, — улыбнулся Питер. — Это все старые воспоминания. Мы все взяли. Ничего не забыли. Все на борту. Не о чем беспокоиться.

Он ласково посмотрел на жену. Женщины всегда очень чувствительны. Но на сей раз он был твердо уверен, что прошлогодние приключения больше не повторятся. Он ведь сам вел Кевина в аэропорту. А кроме него, никто не мог потеряться. Гараж он закрыл. Двери тоже. Сигнализация подключена. Какие проблемы?

— Да, ты прав, — сказала Керри. — Все в полном порядке. Не о чем беспокоиться.

* * *

«Боинги» разлетелись в различных направлениях и одновременно приземлились. Один — в горячей Флориде, другой — в холодном Нью-Йорке.

* * *

Кевин вышел из терминала. Он тревожно оглядывался вокруг. Куда же запропастилось все остальное семейство? Как назло, он до сих пор не видел никого из них.

— Папа! Мама! — он расстерянно разглядывал прохожих.

— Мама! Папа! Дядя Фрэнк! Баз!

Но никто на него не обращал внимания. Вокруг сновали чужие люди, которым не было никакого дела до растерявшегося ребенка. Пассажиры, выходившие из самолета, поспешно разбредались в различных направлениях.

— Все, я последний, — из терминала вышел последний пассажир, и стюардесса закрыла за ним дверь.

Кевину стало не по себе. Все-таки, куда же они могли подеваться? Не сквозь землю же провалились. Он же не мог их проглядеть. Странно. Очень странно.

Кевин растерянно бродил взад-вперед возле терминала. Он все еще надеялся, что с кем-то из младших произошла «авария», и все задержались в самолете.

«Боинг-707» приземлился в международном аэропорту в Майами.

Шумная толпа Маккальстеров спускалась по трапу. Теплый тропический воздух был непривычен. Куртки и свитера сразу показались лишними и ненужными.

— Мне жарко! — завопил Фулер.

— Помолчи! Забери свой багаж, тогда я переодену тебя.

В распахнутых пальто они обливались потом. В аэровокзале, несмотря на вентиляцию, было душно. По багажному конвейеру они принимали свой багаж и передавали вещи друг другу по цепочке.

— Это передайте Кевину, — сказал Питер, принимавший сумки первым.

Зеленый кожаный рюкзак покатился из рук в руки.

— Кевину передайте!

— Это Кевину!

Наконец рюкзачок докатился до стоявшего последним Фулера, тот по инерции повернулся, чтобы передать его Кевину, бросив:

— Кевину...

Но зелененький рюкзачок остался в его руке, потому что за ним больше никого не было.

— Кевина здесь нет, — растерянно произнес он и передал сумку обратно.

— Кевина нет, — понеслось по цепочке.

Все были настолько сосредоточены на своем багаже, что никто не обратил внимания на эти слова, инертно передавая их друг другу.

— Кевина здесь нет, — Керри второпях бросила сумку мужу.

— Что?!

— Кевина здесь нет... — тихо повторила Керри и тут ее осенило.

— Кевин!!! — закричала она истошно и грохнулась на пол.

* * *

Кевин, так и не сообразивший, в чем дело, походил взад-вперед, все еще надеясь найти своих, но, устав от безуспешных поисков, рухнул в мягкое кожаное кресло у окна.

Вероятно, они вылетели другим самолетом и скоро будут здесь. Но отец! Он ведь бежал за ним. Странно, неужели это был не он? Да, конечно, он ошибся. Иначе нашел бы его сейчас.

Кевин повернулся к окну. Перед ним возникла величественная панорама огромного города. Могучие небоскребы, покрытые снегом, площади, многолюдные широкие улицы и небывалый поток автомобилей.

— Ух ты! Вот здорово!

Но стоп! Тут Кевин сообразил. Снег. Повсюду лежал снег. Но ведь в Майами сейчас лето. Здесь явно что-то не то. Кевин вскочил с кресла, подбежал к диспетчеру по аэровокзалу.

— Добрый день, мэм!

— Добрый день!

— Простите, это очень важно, — из-за стола была видна только перекошенная мордашка Кевина.

— Чем могу служить?

— Скажите, что это за город?

— Это Нью-Йорк, сэр, — дама в синей пилотке удивленно посмотрела на Кевина, которого нервно передернуло от этих слов.

— Черт возьми, опять янки напали, — растерянно прошептал он.

— Что-нибудь не так, сэр?

— Нет, нет, все нормально. Спасибо.

Озадаченный новостью, Кевин отошел в сторону. Сначала он, конечно, растерялся от столь неожиданного поворота событий. Но взглянув в окно, убедился окончательно, что находится далеко от Флориды.

Первое, что испытал в эти минуты Кевин, это чувство беспомощности и страха. Бросив сумку, он опять уселся в кресло. От волнения ноги казались ватными. Он не мог больше стоять.

— Н-да, ну и дела! Моя семья во Флориде, а я в Нью-Йорке.

Но тут Кевин вспомнил вчерашние инциденты, еще свежую обиду на База, дядю Фрэнка да и всех остальных членов семьи. Он ведь сам хотел избавиться от них. И добрый Санта-Клаус вновь пришел на помощь, выполнил его желания, закинув таким образом Кевина в Нью-Йорк. Подальше от противного семейства. Ну и ну! Вот так дела!

Кевин раскрыл портфель. Да у него же полно денег! Да к тому же еще и кредитная карточка отца. Теперь

он уж точно не пропадет. Он свободен! Он один! Он может идти, куда хочет, делать, что хочет, развлекаться, как хочет и покупать все, все, все!

От радости Кевин подскочил на своем кресле. Ему хотелось бегать, прыгать, танцевать. Но вокруг были люди. Они явно сочли бы его за сумасшедшего. Поэтому Кевин решил придержать свои эмоции. Он схватил сумку, в которой лежал залог его благополучного отдыха, и побежал на выход.

Через несколько минут он уже катил на такси, удобно раскинувшись на заднем сиденье, по оживленным улицам невероятно большого города. Он с восхищением смотрел на громадные небоскребы Бизнес-сити.

— Сколько же в них этажей? Наверное, им нет счета, — говорил сам с собой Кевин.

Впервые он был один в таком большом городе. По сравнению с тихими улочками Монтауна, с его особнячками, это была настоящая громадина, в которой человек казался малюсенькой незаметной букашкой.

— Остановите здесь.

Расплатившись с шофером, Кевин оказался на одной из шумных центральных улиц, будораживших наивный детский ум яркими вывесками, цветными иллюминациями магазинов, многочисленных баров, забегаловок, кафе и всяких других фантастических развлечений, быстро опустошающих содержимое кошельков любителей повеселиться.

На оживленном перекрестке стоял Санта-Клаус на высоких ходулях, отчего казался особенно величественным и огромным. Кевин подошел к нему.

— Здравствуйте! С Рождеством вас!

Тот потрепал Кевина по голове своей здоровенной ручищей в красной варежке и вручил ему пачку жевательной резинки.

— Спасибо!

Кевин был счастлив. Он вновь ощущал себя свободным. Он шагал по улицам, подпрыгивая от радости.

Он зашел в небольшой магазин игрушек. Там было много соблазнов, но сумка и без того давила на его плечо, и он решил, что займется серьезными покупками позже. Он купил только бенгальские огни и миниатюрную установку для запуска фейерверков.

Кевин забежал в небольшой кафетерий, купил себе несколько горячих гамбургеров и, аппетитно жуя, прогуливался по набережной.

Из бинокля он смотрел на знаменитую статую Свободы, гордо возвышающуюся на острове посередине Гудзонова залива, омывающего Нью-Йорк с западной стороны.

Кевин бродил по Бродвею — единственной извилистой улице фантастического города, о котором ему столько говорили в школе, а родителям все было в тягость показать.

Но он прекрасно обходился без них и сам себе был прекрасным экскурсоводом.

Стопятидесятиэтажные небоскребы, невероятной высоты башни потрясали воображение Кевина.

Путешествуя по Нью-Йорку, самые удивительные вещи он снимал на «POLAROID». Это будет чудесной памятью о замечательно проведенных рождественских каникулах.

Кевин не заметил, как попал в Рокфеллер-центр, где находилось самое высокое здание в Нью-Йорке. Отсюда путешественники смотрели на город. Конечно, Кевину тоже не стоило больших усилий взобраться наверх.

— Вот это да! Красотища какая!

Один из самых больших и интереснейших городов мира лежал перед ним как на ладони. Перед Кевином открылась великолепная панорама набережных, площадей, небоскребов, телевизионных вышек, голубые пятнышки парков, покрытых снегом.

У Кевина захватывало дух от высоты и могущественной красоты, простиравшейся на много-много километров.

Он даже сожалел, что живет в столь сером и скучном городке Соединенных Штатов, который казался совсем непривлекательным и нудным рядом с этой шумной подвижной громадиной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чета Маккальстеров сидела в душной конторе службы безопасности на авиалиниях Майами.

— Как зовут ребенка? — спрашивал грузный полицейский лейтенант, который в темно-синей форме тоже изнывал от жары.

— Кевин.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Когда мы шли на посадку.

На этот раз, оправившись от обморока, Керри Маккальстер чувствовала себя уверенней и спокойней, чем год назад.

— Да, он был в терминале вместе с нами, — кивнул Питер.

— Вы уверены, что он был с вами?

Керри и Питер растерянно переглянулись.

— Ну, я не знаю. Мы торопились.

Питер пытался вспомнить. Кевин был с ним, когда заходили в аэровокзал. Но потом... Было много людей. Все смешались. Они бежали. Они опаздывали.

— Когда же вы заметили, что его нет?

— Когда... получали багаж. Но уже здесь. В Майами.

— Он когда-нибудь сбегал из дома?

— Нет.

— А бывали у вас ситуации, когда он оставался дома один?

Маккальстеры многозначительно переглянулись.

— Вообще-то это случалось и раньше.

— Вы понимаете — это своего рода традиция путешествий семейства Маккальстеров, — сказал Питер.

— К счастью, мы никогда не теряем багаж.

Оба прыснули от смеха. Они хохотали долго, держась за животы. У Керри даже проступили слезы.

Лейтенант смотрел с недоумением на странную парочку, качающуюся со смеху оттого, что потеряли ребенка.

А те заходились от хохота, забыв о своих проблемах и о том, где сейчас они сейчас находятся.

Только заметив недовольный взгляд полицейского Керри умолкла. За ней утих и Питер.

— Мы случайно забыли его дома в прошлом году, — пояснила миссис Маккальстер уставившемуся на них лейтенанту полиции.

Выражение его лица говорило о том, что он видел перед собой слегка свихнувшихся людей.

— Именно это я и имел в виду, когда говорил о традиции семейства Маккальстеров, в плане путешествий, — уточнил Питер, чтобы рассеять сомнения полицейского в их «нормальности».

— Мы свяжемся с Чикаго, — сказал лейтенант, — сообщим о ситуации. Наверное, он дома. Вряд ли он может оказаться в другом месте.

* * *

Но полицейский ошибался. Кевин разгуливал по Нью-Йоркским улицам и авеню, наслаждаясь их соблазнами и сладким запахом свободы.

Прохаживаясь по продовольственному рынку, Кевин едва не угодил под фургон с мороженой рыбой.

Да, он тогда не знал, кто сидел в этом фургоне. Догадайся он об этом, то поскользнулся бы и попал под самые колеса.

Но Кевин ничего не подозревал. Он чувствовал себя легко и свободно. Он собирался посетить пару симпатичных магазинчиков видеоаппаратуры.

* * *

Фургон остановился. Из-под груды ящиков с рыбой высунулись две головы. Одна из них была с неопрятной шевелюрой курчавых волос, в которых торчали какие-то перья и рыбья чешуя. Другая — круглая как мячик, в вязаной шапке и беззубым ртом.

Это были те самые «мокрые» бандиты, проводившие год назад активную предрождественскую кампанию по ограблению домов на Линкольн-стрит в Монтауне и глупо погоревшие по вине хитроумного мальчишки.

— Нью-Йорк-сити! Город чрезвычайных возможностей, — радостно воскликнул Гарри Томсон, отряхивая старое прохудившееся пальто от рыбной чешуи.

— Чувствуешь запах?

— Это запах рыбы.

— Нет же, осел. Это запах свободы!

— Это запах свободы? Нет. Это же запах рыбы, — философствовал истощенный после долгого переезда Марвин по кличке Синий глаз.

Они вылезли из фургона, встряхнулись, размялись. Все-таки сутки протрястись среди ящиков в полусогнутом состоянии — дело не шуточное.

Облегченно вздохнув, что опасность миновала, они спустились в подземный переход.

Со стороны это была забавная парочка: полутораметровый толстяк и долговязый дылда. От обоих страшно разило потом и протухшей рыбой, так что прохожим невольно приходилось затыкать носы.

Но Марвина и Гарри не очень-то волновал их внешний вид. Они радовались, что вновь обрели свободу и могут вернуться к своим жизненно важным делам. Они рассуждали о будущих планах.

— Возьмем себе парочку фальшивых паспортов и дернем за границу, — уверенно говорил Гарри, будто паспорта уже лежали в его кармане.

— В Африку! — Марвин всхлипнул от удовольствия.

Он обмотал себе руку липкой изолентой. Причем, липкой стороной наружу и у него получился хороший магнит. И тут же не преминул сунуть лапу в ведро с центовыми монетами, где собирали пожертвования Санта-Клаусу.

— Очень умно! Сбежал из тюрьмы, чтобы ограбить Санта-Клауса на четырнадцать центов, — Гарри толкнул приятеля под бок.

Он не терпел подобной «дешевки». Мелочность Марвина часто раздражала его.

— Ну и что! — огрызнулся тот. — Зато теперь мы будем называться «липкими» бандитами.

Марвин показал облепленную мелкими монетами руку.

— Очень смешно. Дурак...

* * *

Кевин прогуливался по парку возле гостиницы «Плаза». Голые деревья производили несколько удручающее впечатление.

Замерзшие пруды, сугробы снега, грязные слякотные аллеи, голые ветки деревьев.

Кевин остановился возле статуи, облепленной голубями, и наблюдал, как они что-то клевали у нее на плечах.

Но вдруг статуя повернулась, и Кевин увидел угрюмое сморщенное женское лицо с плотно поджатыми губами.

— Боже мой! — заорал он и бросился бежать.

Убедившись, что за ним никто не гонится, он остановился, чтобы отдышаться.

Перед ним стояла могущественная статуя генерала Ли, героя гражданской войны XVIII века, гордо восседавшего на лошади. Одной рукой он указывал на гостиницу «Плаза», солидно возвышающуюся среди окружающего пейзажа.

«Гостиница «Плаза» — самое незабываемое впечатление от Нью-Йорка», — Кевин включил магнитофон.

Величественное здание с белыми колоннами, этажей так в тридцать, действительно производило впечатление.

* * *

Марвин и Гарри подходили к гостинице со стороны Шестьдесят шестой улицы. Они решили поживиться в этом соблазнительном местечке, куда стекались богатые кошельки со всего света.

Кевин плелся по Двадцать пятой авеню. За день он здорово устал и был совсем не прочь отдохнуть, раски-

нувшись на мягкой кровати в одном из наиболее комфортабельных номеров «Плазы».

На пересечении двух этих улиц они столкнулись. Но Кевин, нечаянно коснувшись плечом какого-то вонючего толстяка, не думал поднимать голову. Его мысли были направлены на гостиницу. Он прикидывал, как ему пролезть туда. Ведь детей одних не пускали в такие заведения. В уме созревал грандиозный план. И он не обратил никакого внимания на своих давних знакомых.

Зато зрительная память Гарри Томсона оказалась на высоте. Да разве он мог забыть вреднющего маленького негодяя, засадившего их за решетку! На его лысине и ладонях до сих пор остались следы ожогов.

А как долго болели бока тогда, после трюков на ледяном крыльце и веревке. Он никогда не забудет подленькую физиономию надругавшегося над ними молокососа.

Гарри остановился и внимательно посмотрел вслед мальчишке, показавшемуся ему знакомым.

— В чем дело? — спросил Марвин.

— Нет. Ничего. Так просто, показалось вроде...

Гарри вспомнил, что это Нью-Йорк. А этот слюнтяй никак не мог здесь оказаться. Наверняка водит сейчас хороводы у елки со своими братиками и сестричками в тихом особняке на Линкольн-стрит.

* * *

Марвин нечаянно натолкнулся на высокую блондинку в норковом манто, прилепившись рукой к ее сумочке. Светскую даму просто передернуло от приставаний грязного типа. Она пробовала вырвать свою сумочку, а Марвин — отодрать свою руку.

Наконец рука отклеилась от привлекательной вещицы, и блондинка, размахнувшись, влепила негодяю хорошенькую пощечину, от которой у ослабевшего за последние дни Марвина посыпались искры из глаз.

— Прошу прощения, моя красавица.

— Нахал! — бросила блондинка и пошла своей дорогой.

А Марвин остался стоять, поглаживая вспыхнувшую щеку.

— Так тебе и надо! Пошли, — Гарри толкнул под бок незадачливого приятеля.

Вечно тот влипал в какие-нибудь истории. Сколько раз Гарри просил его вести себя аккуратней, не привлекать внимания, быть осторожней в конце концов, но глупец Марвин не мог обойтись без приключений или хотя бы мелких передряг.

* * *

Кевин вошел в гостиницу. Его поразили огромные залы, застеленные коврами, небывалой высоты потолки, расписанные изящно и невероятно, громадные хрустальные люстры. Казалось, вот-вот потолок не выдержит их тяжести и все рухнет на голову.

Кевин оглядывался вокруг, раскрыв рот от удивления. Он казался маленьким и незаметным среди этого великолепия.

— Простите, как пройти в фойе? — Кевин остановил пожилого господина в черном костюме.

— По коридору и налево.

— Спасибо.

Господин удивленно посмотрел вслед маленькому путешественнику.

А Кевин непринужденно шел по светлому просторному коридору, вертя головой, любуясь белыми мраморными стенами и обилием цветов.

У него был план. Он достал свой портативный магнитофончик и записал речь от имени отца, желающего заказать номер.

Потом Кевин подложил под ноги несколько книжек, потому что еще пока не доставал до телефонного автомата, и набрал номер гостиницы.

— Гостиница «Плаза» слушает, — ответил приятный женский голос.

Кевин включил магнитофон, предварительно нажав нужную кнопку замедленного воспроизведения, отчего записанная речь стала грубой и растянутой, будто говорил старый больной господин.

— Здравствуйте, мадам. Говорит Питер Маккальстер. Я хотел бы забронировать у вас номер с большой кроватью, с телевизором, с маленьким холодильником, который закрывался бы на ключ.

— Вам понадобится кредитная карточка для проживания в нашей гостинице.

— Кредитная карточка? Нет проблем.

— Спасибо. Желаем вам приятно провести время в нашей гостинице.

От удовольствия Кевин причмокнул губами. Дело почти уже в шляпе.

С рюкзаком за плечами, в белой вязаной шапочке и не совсем чистых кроссовках, Кевин появился в фойе знаменитой нью-йоркской гостиницы.

Управляющий, болтавший в это время по телефону, не мог не обратить внимания на столь необычного клиента.

С невозмутимым видом Кевин подошел к администратору. Он был так мал, что едва доставал до края стола.

— Привет, — сказал он долговязой даме с высокой прической в строгом черном костюме.

— Чем могу служить?

— Мы заказывали номер на фамилию Маккальстер.

— Вы один? — она вытаращила на Кевина большущие вороньи глаза. Ничего себе: пацан, а именует себя во множественном числе, как король какой-то!

— Ну что вы, мадам. Я еще совсем ребенок. Мне десять лет. Как я могу сам зарезервировать номер? Не думаю, не думаю...

— Вы меня смутили, — улыбнулась дама.

— Я путешествую со своим отцом, — Кевин уверенно начал свой заранее придуманный рассказ. — Он сейчас на деловой встрече. Меня не впустили внутрь. А сидеть в фойе, вы понимаете, не очень удобно. Вот папа и дал мне кредитную карточку и сказал пойти в номер, чтобы не возникло каких-либо неприятностей. Ну, вы понимаете, неприятности возникают иногда с детьми моего возраста.

— Да, да, — администратор была поражена здравым рассуждением ребенка и ни на минуту не сомневалась, что он говорит правду. — У вас есть кредитная карточка?

Кевин протянул администратору черную пластиковую пластинку.

Она внимательно посмотрела на нее, проверила по компьютеру. Карточка оказалась кредитоспособной. Тем более, карточка «VISA» внушала доверие. Следовательно, никаких вопросов больше не возникало.

* * *

Полицейский лейтенант положил трубку. Только что он разговаривал с Чикаго. Странно, но мальчика там не было.

Чета Маккальстеров с большим волнением ждала ответа. Но лейтенант только отрицательно покачал головой.

— Никаких результатов.

Керри с тревогой посмотрела на мужа. Раз Кевина нет в Чикаго, где же он может быть? Ей стало дурно.

— Вы договорились о гостинице?

— Да.

— У вас есть фотография мальчика?

— Да, сейчас, — Питер полез в задний карман своих брюк, чтобы достать бумажник. Там лежало маленькое фото всей его семьи. Но, к большому удивлению Питера, бумажника там не оказалось.

Тут он вспомнил. Бумажник остался лежать в сумке. Кевин искал там батарейки для плейера.

— У вас были кредитные карточки?

— Да. Все там.

— Надо немедленно известить компанию, выдавшую вам кредитную карточку. Как только у нас появятся сигналы, что ею воспользовались, мы сразу установим его местонахождение.

— Но Кевин не умеет пользоваться кредитными карточками...

Миссис Маккальстер была в растерянности. Она вновь потеряла своего маленького сына и ничего не знает о нем. К тому же при нем солидная сумма денег. Хоть бы его не ограбили или не дай Бог... Керри заплакала.

* * *

Седрик, служащий гостиницы, подсчитывал мелочь. Это был упитанный малый, гладко выбритый, с аккуратно прилизанными волосами.

— Знаешь, Седрик, — сказал ему управляющий, мистер Клерк, — неприлично считать чаевые при людях.

— Да? Хорошо, — Седрик спрятал мелочь в карман.

Мистер Клерк не сводил глаз с Кевина. Малыш, непринужденно болтавший с администратором, показался ему подозрительным и очень его заинтересовал.

— Иди-ка и разузнай мне все про этого мальчика, — мистер Клерк кивком головы указал на Кевина.

— Хорошо.

Седрик направился к администраторскому столику.

— Пора отнести вещи этого господина в номер, — сказала ему мисс Браун.

Седрик послушно остановился в ожидании указаний.

— Я надеюсь, вам понравится в нашей гостинице, — она мило улыбнулась Кевину. — Когда появится отец, не забудьте ему сказать, чтобы он спустился к нам. Нужно кое-что подписать.

— Непременно, — Кевин любезно поклонился доверчивой «тетеньке».

— Я могу взять ваши вещи, сэр?

Кевин отдал свой рыжий портфельчик. За день он так натаскался, что даже этот небольшой груз давил на плечо.

Они прошли к лифту.

— Герберт Гувер останавливался в нашей гостинице.

— Это певец?

— Нет. Это президент США.

Кевин был приятно поражен. Все-таки «Плаза» — не последняя гостиница в Нью-Йорке.

Они прошли по коридору, застеленному мягким бежевым ковром, и остановились у одной из белых дверей.

Вскоре Кевин очутился в необыкновенно роскошных апартаментах. В глаза сразу бросилась гигантская кровать метра в четыре с изящно выточенной спинкой.

— Ничего себе...

Великолепная мебель красного дерева, миниатюрные светильники над кроватью, чудесные кремовые обои, дорогие картины на стенах в золоченых рамках — все это говорило о том, что у Кевина недурной вкус. Он снял один из самых дорогих номеров.

Кевин сбросил кроссовки. Они надоели ему за день. И сразу почувствовал ласковую теплоту пушистого бежевого ковра.

— Замечательно!

Кевин заглянул в ванную. Белоснежная, просторная комната с огромной, до блеска начищенной ванной. На полочках аккуратно выставлены шампуни, дезодоранты, кремы для бритья, несколько видов зубной пасты, одеколоны, словом, все предметы утреннего и вечернего туалета.

— Отлично! Шикарно! И места много. Меня устраивает.

Кевин вернулся в комнаты. На роскошном белом камине стояла высокая хрустальная ваза с цветами. Он достал один из цветов, понюхал.

— Хорошо пахнут, — и поставил на место.

Кевин открыл холодильник. Тут-то его голодные глаза еще больше загорелись. Невероятное множество прозрачных пластиковых пакетиков с несколькими видами сосисок, колбас, ветчины, филе самых дорогих рыб, спагетти, салаты, самое разнообразное печенье, шоколад, напитки. При виде этого аппетитного изобилия у Кевина потекли слюнки.

— Как здорово!

Пока Кевин разглядывал содержимое холодильника, Седрик открыл его портфель и достал кредитную карточку. «Питер Маккальстер» — быстро пробежал он глазами.

Но Кевин не был зевакой и сразу заметил чрезвычайное любопытство служащего гостиницы.

— Эй, что ты там делаешь?

Седрик несколько смутился. Он не ожидал, что мальчик окажется таким внимательным. Он быстро сунул карточку назад.

— А я как раз хотел ключики от комнаты положить в вашу сумку, — Седрик осклабился. Ему было неловко за собственную неосторожность.

— Вам их отдать? — он позвенел связкой маленьких ключей.

— Да, лучше отдайте мне, — Кевин забрал ключи, скорчив строгую гримасу.

Он не позволит какому-то лакею обвести себя вокруг пальца. Конечно, появление ребенка в гостинице без родителей да еще с кучей денег подозрительно, но не виноват же он, что вынужден отдыхать один. Родители опять оказались растяпами и улетели без него. Но он и так прекрасно себя чувствует и не нуждается в попечении.

— Все в порядке, сэр, — бросил он Седрику, смотревшему на него глазами преданной собаки.

Кевину хотелось отдохнуть. Он устал и был не прочь избавиться от назойливого лакея. Но тот упорно продолжал стоять, любезно улыбаясь Кевину.

— Может, температура в комнате вас не устраивает? — вкрадчиво спросил тот.

— Устраивает.

— А вы умеете пользоваться телевизором?

— Мне десять лет. Вся моя жизнь — телевидение. Все в порядке. Можете идти.

— Да, но... — Седрик протянул руку и пошевелил пальцами.

Тогда до Кевина дошло. Это был типичный знак официантов и прочих служак в выпрашивании чаевых, если незадачливый клиент сам не додумывался до этого.

— Ах, простите, чаевые...

Кевин полез в сумку и протянул... жевательную резинку. От таких чаевых у Седрика перекосилась физиономия. Но ничего не оставалось, пришлось принять столь мелкое поощрение за свои труды.

— У меня есть еще. Каждый день вы будете получать от меня такие чаевые.

Проглотив слюну, Седрик вышел. Мальчишка оказался не промах. Закосил под малолетку, по типу не сообразил, что к чему. С ним надо быть поосторожнее.

А Кевин захлопнул дверь, облегченно вздохнул и принялся наслаждаться прелестями своего положения.

В его распоряжении прекрасный номер, где есть все для полноценного отдыха. Даже не надо ходить в магазин.

А главное, нет зануд — родителей с их нравоучениями и негодяя-задиры База.

Кевин сбросил с себя куртку и прыгнул на кровать, блаженно растянувшись на мягком матрасе. Он взял пульт и включил телевизор.

— Пожалуй, для начала надо перекусить.

Кевин встал, открыл холодильник, достал сосиски, салями, вытряс из пакетика на блюдечко овощной салат. Удобно расположившись на большом кресле перед телевизором, он принялся за еду.

Все идет прекрасно. Он отдыхает в лучшей гостинице Нью-Йорка. Ему никто не мешает. У него замечательный номер и куча денег. Он купит себе все, что пожелает. И никто не посмеет ему запретить. Кевин принялся строить планы на завтрашний день.

* * *

Появившись на следующее утро в бассейне гостиницы «Плаза», Кевин имел довольно забавный вид и не мог не привлечь внимания окружающих.

Он надел голубые отцовские трусы, стянув на поясе резинку. Они свисали до колен и напоминали широкую пышную юбочку. В таком наряде тощий и маленький Кевин выглядел трогательно и смешно, вызывая удивление и улыбки окружающих.

Но мальчик был лишен всяких комплексов, стеснений и считал свой вид абсолютно нормальным.

Он хотел было разогнаться и плюхнуться в воду, но потом подумал, что будет вежливо с его стороны спросить об этом у двух пожилых толстяков, сидящих в воде.

— Я вам не помешаю, если прыгну солдатиком?

— Да нет, — они с недоумением посмотрели на странного пловца.

Кевин сделал несколько шагов назад, разогнался и плюхнулся в бассейн, подняв кучу брызг, которые хлестнули по лицам стариков и отдыхавшей в кресле дамы, попав ей прямо в глаза.

Довольный Кевин барахтался в воде, кувыркался, нырял, наслаждаясь прозрачной голубой водой и радуясь, что не поехал во Флориду. Он обожал плавать, но родители редко водили его в бассейн, опасаясь, чтобы он чего-нибудь не натворил. А когда он ходил туда с отцом, тот не разрешал долго сидеть в воде, боясь переохлаждения. Ведь Кевин часто простуживался.

Зато сейчас над ним никто не стоял, и он мог делать все, что вздумается, и сколько пожелает.

Но вдруг Кевин увидел, как всплыли его... синие трусы. О, черт! Он даже не заметил, как потерял их. Вероятно, он плохо пристегнул резинку. Он быстро схватил трусы и, барахтаясь, старался надеть их под водой. Но нога никак не попадала в разрез. Кевин выбился из сил, пока прикрыл свой позор. Ему казалось, что все смотрят и смеются над ним.

Хотя на самом деле каждый был занят самим собой, и никто не обращал внимания на бултыхающегося ребенка, раскрасневшегося до корней волос.

* * *

В белом махровом халате, закинув ногу за ногу,

Кевин лежал на кровати и выбирал, что смотреть по телевизору, щелкая пультом.

А возле него суетился официант, тщательно приготавливая изысканные блюда к обеду.

— Вот это отдых! — сказал сам себе Кевин и переключил телевизор на другую программу.

На экране появилась отвратительная физиономия седоволосого типа.

— Я знаю, что это ты. Я учуял тебя, когда ты выходила из лифта, — говорил старик размалеванной девице в песцовой шубке. — Ты была здесь вчера? Да?

— Нет, — лепетала девица. — Я ведь пела в «Голубой обезьяне».

— Нет, не пела. Ты занималась любовью с моим братом.

— Как ты можешь так говорить?

— Да ты со всеми... С Миллом, Сэлом, Чиксом, Клиффом. Я могу продолжать долго.

— Как ты можешь так говорить... Это неправда.

— Хорошо. Я верю тебе. Но мой автомат не верит.

Мерзкий тип взял в руки автомат.

— Джонни! — взмолилась девица.

На ее глазах выступили слезы и потек грим.

— Ты — единственный туз в моей колоде! Стань на колени и скажи, что любишь меня, — старик повелительно указал дулом автомата на пол.

Дрожащая девица послушно опустилась на колени. Видимо, она знала, что с таким сумасшедшим шутить не стоит.

— Да я с ума от тебя схожу, — выдавила она сквозь слезы.

— Хорошо, хорошо. Может, я и свихнулся, но я верю тебе. Я считаю до трех и даю тебе возможность уйти и убрать отсюда свои лживые глаза.

Ситарик нацелил автомат прямо на девицу.

— Раз, два, три...

Застывшая от страха девица не успела сдвинуться с места, как старый кретин выпустил в нее всю автоматную обойму.

От страха Кевин зажмурил глаза.

— С Рождеством, грязное животное! И счастливого Нового года! — тип разразился жутким хохотом.

Кевин прижался к спинке кровати. Такие фильмы приводили его в ужас. И что в таких гадостях находит дядя Фрэнк?

— Сэр, вам два шарика? — спросил официант, взбивавший коктейль.

— Да, пожалуйста.

Закончив необходимые приготовления, официант откланялся, получил чаевые и удалился.

— И когда я все это съем?

На столе дымились две тарелки куриного бульона, аппетитное индюшачье жаркое с жареным картофелем, несколько видов самых изысканных салатов. Шоколадный торт, фруктовый джем, коктейли, только что выжатый, свежий апельсиновый сок и большая корзинка с разнообразными конфетами. И еще крошечные вазочки с клубничным мороженым.

— Ну и ну...

Кевин принялся хлебать бульон. Потом быстро переключился на жаркое вприкуску с салатами, которые он пробовал по очереди. Он ведь знал, что такая возможность второй раз представится ему нескоро.

Когда очередь дошла до торта, желудок Кевина был наполнен, и он стал есть через силу, запивая то глотком сока, то коктейля, то закусывая ложечкой мороженого, приятно таявшего во рту.

Набив до отказа желудок, обессиленный Кевин рухнул на кровать.

Немного передохнув, он позвонил, чтобы принесли слабительное. Кевин опасался, что может произойти несварение желудка.

* * *

За развлечениями мальчик не заметил, как наступил вечер. Кевин подошел к окну. Было уже темно. Пестрой цепочкой блестели огни гигантского города. Вдруг ему стало скучно. Вечерами он не любил оставаться один. Днем он прекрасно обходился без кого бы там ни было, а вот длинные зимние вечера навевали тоску, заставляли чувствовать себя одиноким, покинутым, никому не нужным.

Вдруг в дверь постучали.

— Обслуживание.

У Кевина похолодело внутри. Он понял, что пришел управляющий. Он хочет видеть отца!

Но на это случай он тоже подготовился. Кевин быс-

тренько шмыгнул в ванную, включил воду, поставил под душ двухметрового резинового боксера — подарок бабушке Пенелопе, которого он сегодня нашел в своем рюкзаке и надул буквально перед самым приходом назойливого управляющего.

К рукам боксера он подцепил веревочки, включил музыку на всю громкость и ритмично стал их дергать. Боксер стал прыгать, двигать руками. За полиэтиленовой занавеской это напоминало танцующего дядю Фрэнка. Тем более, Кевин поставил именно ту кассету, где дядя Фрэнк солировал в ванне в Чикаго.

Мистер Клерк, не дождавшись, когда же ему разрешат войти, приоткрыл дверь и приложил ухо. Услышав шум воды и музыку, он понял, что мистер Маккальстер принимает душ.

Тихонько, на цыпочках, он вошел в комнату, бесшумно прикрыв за собой дверь. Незаметно он прокрался к ванной комнате. Несколько секунд он стоял в замешательстве, не решаясь открыть. Он легонько постучал, но за грохотом душераздирающей музыки его не могли услышать. Он осторожно приоткрыл дверь и увидел до странности смешную картину. Здоровенный детина вытанцовывал под душем, дергаясь и размахивая руками. Причем его кулачища хрупкому мистеру Клерку показались отнюдь не безобидными.

— Убирайся отсюда, маленький извращенец, — прогремел вдруг голос дядя Фрэнка, который Кевин удачно использовал, чтобы избавиться от дотошного типа. — Я тебе уши надеру!

Мистера Клерка передернуло и бросило в жар. Он быстро захлопнул дверь и побежал к дверям, но нечаянно зацепившись за табуретку, растянулся на полу и здорово ушиб колено. Торопливо встал, поставил табуретку на место и, хромая, дал деру к выходу.

С горящими ушами, весь в холодном поту, он выскочил из номера.

Что он наделал! Как можно было так опростоволоситься! Выставить себя полным идиотом, подглядывая за голым клиентом. Мистер Маккальстер это так не оставит и непременно пожалуется менеджеру гостиницы. О! Что теперь будет?! Из-за собственной глупости он может лишиться места! Во что бы то ни стало он должен загладить свою вину. Но этот тип так грозен, к нему не подступиться. Да, это будет непросто. Что же делать? Что же делать?

Закрывшись в своем кабинете, мистер Клерк долго ломал голову над тем, как задобрить грозного мистера Маккальстера и сохранить за собой «тепленькое» место.

* * *

В Майами лил дождь. Семейство Маккальстеров весь вечер в полном своем составе разъезжало по городу на такси. Раз Кевина не было в Чикаго, они решили искать его здесь. Возможно, он потерялся в аэропорту, когда они выходили из самолета.

Крупные капли дождя стучали по стеклам микроавтобуса. На улицах стояли глубокие лужи.

— Когда-то мы здесь проводили свадебное путешествие. Все выглядело гораздо привлекательней, — грустно вздохнула Керри.

Поиски были безуспешными.

Все сидели молча. Детям изрядно надоели эти бесполезные скитания. Который раз приходилось страдать из-за недотепы Кевина. Им куда больше хотелось развалиться на мягких креслах в отеле перед телевизором, принять ванну, поужинать. Баз настолько проголодался, что готов был разорвать этого заморыша на части за все страдания, которые он им приносил. И слал брату самые жестокие проклятия.

Керри измоталась от безуспешных поисков. Отчаявшаяся, она не переставала думать о сыне, строила догадки о том, где сейчас Кевин и что с ним.

Питер ломал голову, пытаясь вспомнить, когда он мог выпустить Кевина из виду. Ведь он вел его за руку, когда грузили багаж. Но как он мог упустить его? Просмотреть? В случившемся он винил теперь только себя. Он должен был присмотреть за ним, держать за руку и не выпускать до самого самолета.

В душе он корил себя за собственную ветреность и беспечность. Ему, отцу пятерых детей, были непростительны подобные вещи.

В Чикаго Кевина нет. В Майами тоже. Да где же он тогда? Разве что провалился сквозь землю?

У Питера разболелась голова. Он прижался к холодному влажному стеклу и вновь погрузился в тревожные мысли.

* * *

Тем временем Кевин прекрасно проводил вечер в своем номере. Он лежал на своем четырехметровом ложе и при нежно-голубом свете настольной лампы рассматривал записную книжку отца.

— Боб Маккальстер, Шестьдесят шестая улица, Нью-Йорк, — прочитал Кевин.

Вот это да! Он совсем забыл, что дядя Боб живет здесь. Если они никуда не уехали, он обязательно их навестит. Помнится, дядя Боб всегда дарил хорошие подарки.

Да, одному все-таки скучновато. Выходить из номера было небезопасно. Глупо лишний раз привлекать внимание к своей персоне со стороны администрации.

Кевин достал семейную фотографию. Все-таки мамы ему сейчас очень не хватает. Она всегда приходила к нему вечером поболтать о делах и пожелать спокойной ночи. Жаль, что он нагрубил ей тогда.

Кевин подошел к окну. Он долго смотрел на звездное небо. В воздухе падали и кружились снежинки.

Он думал о том, что делают его родные сейчас в душной Флориде. Наверное, сидят на камешках на берегу моря и говорят о нем. Мама очень беспокоится. У нее и в мыслях нет, что ее сын отдыхает в самой роскошной нью-йоркской гостинице «Плаза».

— Спокойной ночи, мама! — сказал Кевин и лег в постель.

* * *

Керри Маккальстер сидела у окна в своем номере в одной из четырехзвездочных гостиниц Майами и думала о нем. Она молила Бога, чтобы он не оставил в беде ее малыша. В душе она верила, что с Кевином ничего не случилось. Он выносливый и смелый и всегда находил выход в самых невероятных условиях. Но, тем не менее, как мать она переживала за него. Хуже всего, что до сих пор они ничего не знали о нем.

— Спокойной ночи, Кевин! — ласково произнесла Керри.

* * *

Утром Кевин проснулся от стука в дверь. Широко зевнув, он накинул халат и открыл. На пороге стоял Седрик. В руке он держал прозрачный пакетик с пестрыми плавками.

— Это вам, сэр, — Седрик заискивающе улыбался.

— Боже мой! — воскликнул Кевин, хватая плавки. — Ну зачем ты все напоказ носишь?! Здесь же полно девчонок!

Он был возмущен.

— Я был очень осторожен, сэр...

— В таких вещах, как трусы, невозможно быть чрезвычайно осторожным, — строго оборвал его Кевин.

Его возрасту была присуща стыдливость.

— Да, понимаю, сэр. Простите.

Седрик стоял с застывшей улыбкой на круглом лице.

— Ты, наверное, хочешь чаевые?

— О, нет, нет, сэр. У меня остались еще, — Седрик вынул изо рта резиновый шарик.

Кевин достал из кармана халата кучу долларовых бумажек, при виде которых у Седрика заблестели глаза. Похрустев новенькими купюрами, он положил их обратно.

— Ну, не хочешь, как хочешь.

Не успел оторопевший от неожиданности Седрик раскрыть рот, как дверь захлопнулась перед самым его носом.

— Подождите! Подождите! — завопил упустивший такую удачу лакей, но, увы, было уже поздно.

Кевин не любил нерешительных людей.

* * *

Спать больше не хотелось, да и было уже девять часов утра. На этот день Кевин запланировал множество различных дел.

Он включил музыку, потянулся несколько раз, помахал руками, ногами, головой и пошел в ванную, чтобы заняться утренним туалетом. Он принял прохладный душ, вытерся мягким розовым полотенцем. Долго выбирал зубную пасту, размышляя, какой лучше почистить

зубы, где больше находится минеральных веществ. Потом он еще несколько минут раздумывал над мылом, кремом и дезодорантом.

Наконец, закончив утренние процедуры, Кевин оделся и вышел из номера.

Не успел он появиться в фойе, как к нему подбежал управляющий с виноватой улыбкой и принялся церемонно рассыпаться в поклонах и любезностях.

— Мистер Маккальстер, доброе утро! Как вам спалось?

— Прекрасно.

— Я так рад. Прошу прощения, а как вы чувствуете себя сегодня?

— Отлично.

— Лимузин и пицца готовы. Они ждут вас. Это подарок от руководства гостиницы. Я надеюсь, что ваш отец поймет, что я вчера просто проверял, все ли в порядке. Это моя обязанность. Конечно, получилось не очень красиво. Поверьте, мне очень неловко. Но я думаю, вы понимаете меня...

В своих оправданиях он выглядел жалким. Кевину хотелось засмеяться, он едва сдерживался.

— Он так взбесился вчера, — сказал Кевин.

Лицо мистера Клерка покрылось легкой испариной.

— Правда?

— Он сказал, что прибыл сюда не для того, чтобы за ним наблюдали, как он принимает душ.

Бедный управляющий побледнел. Он не знал, как исправить недоразумение, случившееся по его же вине.

— Отец уже закончил завтрак?

— Да. Он уже закончил и уехал.

— Очень жаль. Я хотел лично принести свои извинения.

— Думаю, что не стоит. Но если он снова влезет в душ, вы опять захотите его увидеть?

Слова Кевина привели в замешательство трусливого управляющего.

— Ну что вы... Нет, конечно, нет.

— Мне кажется, он больше не будет принимать душ.

— Я понимаю, — управляющий виновато опустил ресницы.

Теперь он еще больше осознал, что совершил непростительную ошибку. Такие вещи не сходят с рук так просто.

— Ну, что же, я желаю вам приятно провести время.

— Спасибо.

Кевин кивнул, вроде как в знак примирения, и направился к выходу. Мистер Клерк любезно откланялся, льстиво улыбаясь.

Так тебе и надо, дураку! Будешь знать, как совать нос в чужие номера. Этот случай хорошенько проучит тебя на будущее. В душе Кевин смеялся над великовозрастным болваном, которого он провел так здорово.

Но все-таки мистеру Клерку что-то показалось подозрительным. Он все утро проторчал в фойе с целью подкараулить мистера Маккальстера, чтобы извиниться. Но, кроме нескольких знакомых ему клиентов, никто не выходил. Он смотрел очень внимательно. Ведь это было в его интересах. К тому же любопытно познакомиться с загадочным господином, исчезающим как тень, незаметно появляющимся, а потом выдающим концерты в ванной.

«Кредитная карточка», — у мистера Клерка мелькнула мысль. Надо ее проверить. Конечно, это сделала мисс Браун, администратор, когда оформляла мальчишку в гостиницу, но мало ли. Нужно самому убедиться в необоснованности своих подозрений. Подобно всем работающим в гостиничном бизнесе, он был очень щепетилен и любопытен.

Он отыскал копию карточки Питера Маккальстера в большой стопке среди остальных пластинок и заложил ее в компьютер.

Через десять секунд на мониторе появилась надпись: «Кредитная карточка похищена»!

Потрясающе! Вот это да! Как ловко обвел его мальчишка!

— Попался! — упитанное, гладко выбритое лицо управляющего растянулось в самодовольной улыбке.

Кроме того, он испытывал облегчение от того, что не надо было ни перед кем извиняться. В своей работе он чист как стеклышко. А вот мальчишку, конечно, проучит! По его милости он не спал всю ночь, думая, как исправить то глупое положение, в котором он оказался.

А маленький мошенник, значит, просто мило пошутил над ним! Прекрасно! Замечательно! Пусть только вернется, он ему покажет, как обманывать достопочтенных людей, добросовестных тружеников!

Все-таки интуиция не подвела! Он ведь сразу почувствовал: что-то здесь не так.

* * *

На улице, у самого крыльца, Кевина ждал десятиметровый «кадиллак-сенатор». От этого великолепия у него заблестели глаза.

Вот это да! Здорово провел он этого болвана. Иначе когда бы еще в жизни покатался на такой роскошной машине.

Шофер уже ожидал его.

— Доброе утро, мистер Маккальстер! — бойко приветствовал он Кевина, который немножко растерялся от этой помпезности.

Шофер открывал заднюю дверцу. Рядом стоял официант с большой белой коробкой.

— Все как заказывали, мистер Маккальстер.

Он открыл крышку, и Кевин увидел здоровенную, весом эдак килограмма в полтора, пиццу с сыром. От нее разносился соблазнительный запах чесночного соуса.

Кевин не мог удержаться от радостной улыбки. Никто и никогда не уделял ему столько внимания. Счастливый, довольный самим собой, собственной изворотливостью, он сел в машину.

Развалившись на мягком диванчике, обитом дорогим кремовым велюром, он смотрел по телевизору веселые мультики компании «Уорнер бразерс» и с аппетитом уплетал необычайно вкусную, еще совсем горячую пиццу. Она была гораздо лучше той, которую приносил глупец из пиццерии к ним домой в Чикаго.

Они проезжали по многолюдным центральным улицам города, где было самое оживленное движение автомобилей.

Кевин глазел на яркие вывески магазинов, увеселительных заведений и огромные людские и автомобильные потоки, к которым не мог привыкнуть после провинциального Монтауна.

Кевин поднял трубку внутренней связи. Шофер, сидящий впереди за рулем, почтительным голосом ответил:

— Да, я вас слушаю, мистер Маккальстер.

— Вы знаете какой-нибудь магазинчик игрушек?

— Да, сэр.

Шофер повернул на перекрестке, и они помчались по большому мосту.

* * *

Марвин Синий глаз и Гарри Томсон проводили свой досуг на городском катке. Марвин выписывал круги на коньках, периодически шлепаясь и сбивая колени.

Гарри не любил таких развлечений и ни разу в жизни не становился на коньки. При его неуклюжести и косолапости, да еще при весомой комплекции он считал это глупым занятием. В сторонке он читал бульварную газетенку, пытаясь найти в ней что-нибудь полезное для «работы». Там было много различных объявлений о рождественских распродажах, аукционах, выставках, частной купле-продаже и всякой прочей ерунде.

Его облепили голуби, усевшись ему на голову, на плечи и даже на затылок.

— А ну, кыш! Вон отсюда! Убирайтесь! Ну! — он разгонял их газетой.

— Эй, Марв! Иди сюда. Я хочу с тобой поговорить.

У Гарри появилась идея.

Тот, с мокрыми коленками и штанами, прилипшими к заднице от бесконечных шлепков на лед, подкатил к нему. В самом конце он опять не удержался на ногах и упал.

— Ой! — застонал Марвин, здорово набив себе бока.

— Шарф не нужен?

— Да забудь ты об этом дурацком шарфе.

Гарри отвел его в сторону.

— У нас с тобой нет инструментов, чтобы грабить банки, — шептал он. — Нам нужны наличные.

— Может, гостиницу ограбим? — предложил Марвин.

— У меня есть мысль получше, — оскалился Гарри. — Наличные могут быть только в магазине игрушек. Кто их додумается ограбить в канун Рождества?

— А, может быть, булочную?

— Да нет. Это лучшее, что можно придумать. Нет таких дураков, которые додумались бы ограбить магазин игрушек на Рождество.

— А вот есть такие дураки.

Оба загоготали, довольные собственной находчивостью и остроумием.

Это замечательная и в то же время безопасная идея. Наверняка там им никто не помешает. За полчаса они управятся — очистят кассу и сразу же махнут на юг. Снимут номер в гостинице, возможно, одной из лучших,

если согласится Гарри, и будут весело проводить время. Валяться на горячем песочке, нырять, вечером развлекаться в ресторанчиках или казино... Ну, уж имея кучу денег, они найдут, чем заняться.

От мечтаний у Марвина закружилась голова и потекли слюнки. Гарри опять пришлось его встряхнуть, оторвать от сладких грез и вернуть к действительности, объяснив, что деньги еще не в их кармане, а в кассе магазина. Надо лучше хорошенько подумать, как хитрее их оттуда достать.

* * *

Белый лимузин остановился у самого роскошного в Нью-Йорке магазина игрушек Данкена.

Когда Кевин туда вошел, у него захватило дух от разнообразия и шикарного великолепия. Как будто он попал в другой мир: мир фантастических сказок, фей, ледяных дворцов, снежных королев, гномов, ковров-самолетов.

У Кевина разбегались глаза. Он не знал, к чему подойти, на что смотреть. Здесь было все. А многих игрушек, вроде двухметровых слонов и ярких пластмассовых автомобилей, размером с настоящие, он никогда не видел. В Монтауне магазинчики игрушек были значительно скромнее. Даже в Париже Кевин не видел таких удивительных вещей. А может, родители специально не водили его по таким магазинам, боясь, что он их просто разорит. Ведь эти игрушки стоили страшно дорого и купить их мог далеко не каждый.

Кевин с восхищением рассматривал изумительные «снежные» домики, начиная с размера в спичечный коробок до больших, в которые можно было залезть. Глаза разбегались от невероятного множества куполов, плюшевых мишек, зайцев, обезьян, велосипедов, корабликов, лодок, машин самых необычайных конструкций.

— Боже мой... Это самые замечательные дни в моей жизни.

Просторные залы магазина были по-праздничному украшены серебристым дождиком, гирляндами, везде стояли многочисленные искусственные елочки.

Здесь были герои его любимых сказок и мастерски сделанные иллюстрации к ним.

Кевин так растерялся, что даже не знал, что ему выбрать. Вокруг было столько замечательного, интересного, просто ослепительного! С открытым от восхищения ртом он бродил по торговым залам.

* * *

А в домике уже сидели Марвин и Гарри. Они изучали обстановку. Они сами были поражены великолепием и богатством и деловито размышляли о том, как получше провернуть дело. Они не сомневались, что в тихом магазинчике наверняка будет чем поживиться.

Вокруг было много детей, которые пришли выбрать себе рождественские подарки со своими папами и мамами.

Кевин провел в магазине два часа и наконец остановил свой выбор на гоночной автомашине с электродвигателем большой мощности и изящной платиновой зажигалке. Он подошел к седовласому господину с добродушным лицом, сидевшему за кассовым аппаратом.

— Ты здесь один делаешь покупки? — спросил он Кевина.

Он уже давно следил за одиноким мальчиком, долго и тщательно выбирающем игрушки.

— Что вы, сэр! Один в Нью-Йорке? Я боюсь даже собственной тени.

— Нет, я просто проверял, — улыбнулся продавец. — Ты очень ответственно себя ведешь.

— Спасибо.

Кевин положил игрушки на прилавок.

— Пожалуйста, с тебя двадцать три доллара и семьдесят пять центов.

Кевин открыл бумажник. В нем ровненько лежала солидная стопка стодолларовых купюр.

— Боже мой, откуда у тебя столько денег? — удивился продавец.

— У меня хороший покровитель, — невозмутимо ответил Кевин.

Продавец понимающе кивнул. Пересчитав деньги, он протянул сдачу.

— Вот, держи.

— У вас отличный магазин. Самый лучший из

всех, которые я видел в своей жизни. Этот господин Данкен, видимо, очень любезный человек. Он позволяет детям играть с игрушками. Тут полно богатых людей. Они могут позволить себе покупать такие игрушки.

Продавец улыбнулся. Его умиляли наивные детские рассуждения, не лишенные в то же время здравого смысла.

Он рассказал Кевину, что господин Данкен все деньги, заработанные за этот день, отдаст в фонд клиники Санта-Амена для больных детей.

— Это очень щедрый жест с его стороны, — сказал Кевин. Его растрогали слова старика.

— Ну, дети радуют его как, и многих других. Он очень любит детей. Его беспокоит их будущее. И поэтому он старается делать для них много хорошего.

Кевин достал из бумажника двадцатидолларовую бумажку.

— Эти двадцать долларов я заработал, когда расчищал снег, убирал в гараже. Передайте это, пожалуйста, господину Данкену, — Кевин протянул деньги. — Пусть отдаст их больным детям. Он потратит их с большей пользой, чем я.

Продавец был поражен щедростью и душевным благородством маленького мальчика.

Трогательный, великодушный жест малыша растрогал его.

— Ну что же... Ты молодец!

Он подошел к дереву, увешанному крошечными игрушками.

— Видишь это дерево? В знак признательности за твою щедрость я даю тебе право выбрать бесплатный подарок.

Кевин немного растерялся.

— Я могу тебе предложить?

— Да.

— Возьми голубка и горлицу.

— Взять обоих?

— Это же голубок и горлица, — продавец снял двух миниатюрных голубков. — Оставь одного из них себе, а другого отдай своему лучшему другу. Это символ любви и дружбы. Пока эти голубки находятся у вас, вы будете вечными друзьями.

— Я этого не знал. Я думал, это песня.

— Да, это песня. Именно потому они и попали в песню.

Продавец протянул Кевину игрушки.

— Спасибо. С Рождеством вас!

— С Рождеством! Знаешь, на улице довольно прохладно, одевайся потеплее.

— Да? Спасибо.

Кевин надел шапку, завязал шарф и, распрощавшись, направился к выходу. У входных дверей висел портрет господина Данкена, владельца магазина. Кевин остановился. На него глядели добродушные, ласковые глаза пожилого человека с пышной седой шевелюрой.

— Да, наверное, он очень хороший человек.

Кевин хорошенько присмотрелся и узнал на портрете... продавца. В особые, праздничные дни господин Данкен сам становился за прилавок или садился за кассу.

Кевин вышел из магазина. Лимузина не было. Странно. Куда он подевался? Кевин огляделся по сторонам. Действительно, машина исчезла. Какое неслыханное хамство со стороны управляющего! Обязательно нужно его проучить за такие штучки.

А может, машина понадобилась по каким-то срочным делам? Ведь он достаточно долго провел времени в магазине.

Делать было нечего. Теперь нужно управляться самому. Кевин достал путеводитель. Он ведь совсем не знал города.

Как раз в этот момент Марвин и Гарри выходили из магазина.

— Ну, куда пойдем?

— Ты обещал отвести меня в центральный зоопарк.

Тут бесцветные глаза Гарри округлились.

— Кевин Маккальстер, — прочитал он на рюкзаке мальчишки в синей шапочке с пупсом, стоявшего у светофора.

— Эй, смотри, Марв! Пошли! Схватим его!

Оба от радости загоготали. Наконец пришел час поквитаться с маленьким наглецом! Теперь он ответит за все.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ни о чем не подозревающий Кевин сосредоточенно рассматривал путеводитель.

— Привет, — кто-то подтолкнул его сзади.

Кевин вздрогнул, выпустив путеводитель из рук. А когда обернулся, увидел знакомые рожи мошенников. Сердце бедняги Кевина ушло в пятки. Он заорал таким истошным криком, что опешили даже сами воришки.

Прохожие начали останавливаться. Воспользовавшись замешательством, Кевин ловко юркнул между ними и дал деру изо всех сил.

Тут Гарри и Марвин опомнились и устремились за ним.

Кевин бежал, не чувствуя под собой ног. Он никак не ожидал такой встречи, тем более в Нью-йорке.

Марвин и Гарри следовали за ним, спотыкались и расталкивали прохожих.

На углу 56-стрит негритянские продавцы продавали всякую мелочь для рождественских подарков.

— Покупайте подарок! Отличный подарок к Рождеству! Отличные бусы из жемчуга всего за пять долларов!

Кевин остановился, быстренько достал деньги.

— Мне парочку, пожалуйста.

— Спасибо за покупку. С Рождеством, парень!

Кевин перебежал перекресток 56-стрит и 22-авеню, рассыпал бусы на пешеходном тротуаре и полетел дальше.

Задумка Кевина сработала успешно. Как две гончие

собаки, едва ступив на тротуар, Марвин и Гарри дружно поскользнулись и полетели вверх тормашками, с грохотом рухнув на мокрый асфальт и ударившись головами так, что у обоих потемнело в глазах.

— А-а-а! — орал Марвин.

— Так вам и надо! — издали выкрикнул Кевин.

* * *

Раскрасневшийся и вспотевший, он подбежал к крыльцу «Плазы». У дверей с ехидной улыбкой стоял управляющий.

— Вы должны мне помочь. За мной гонятся два опасных бандита, — Кевин едва переводил дыхание.

— А в чем дело?

Мистер Клерк вытащил из его кармана кредитную карточку отца.

Ничего не поняв, Кевин вытащил из его кармана кредитную карточку отца.

Ничего не поняв, Кевин вытаращил глаза. Что означал этот жест? И с чего это так переменился управляющий? Утром он был весьма любезен.

— Не принимают твою ворованную кредитную карточку, — прошипел он Кевину в самое ухо. — Посмотрим, что по этому поводу скажет полиция.

Кевина передернуло. За ним гнались воры. Самое главное сейчас — унести ноги от этих мерзавцев. Ему некогда было объясняться и, оттолкнув мистера Клерка, Кевин побежал в гостиницу.

— А ну назад, маленький воришка! — кричал управляющий, едва поспевая за Кевином.

Кевин устремился к лифту. Там стоял с чемоданами Седрик.

— Держи его!

Седрик расставил руки, пытаясь поймать маленького хитреца. Кевин побежал к другому лифту. Там стояла двухметровая дылда мисс Браун, расставив свои длинющие ножищи.

Изо всех сил разогнавшись, слегка пригнувшись, словно на лыжных гонках, Кевин пролетел между ее ногами и проскользнул в открытый лифт.

— Хватайте его! — орал мистер Клерк.

Со всего разгона вместе с Седриком они натолкнулись на застывшую, словно мумия, администраторшу и все втроем, поскользнувшись на гладко начищенном паркете, грохнулись на пол.

Кевин тем временем поднимался на лифте на свой двадцать пятый этаж.

— Боже мой, я совершил махинацию с кредитной карточкой!

* * *

Седрик так ударился головой об острый каблук мисс Браун, что долго не мог прийти в себя.

— Очнись же, Седрик, очнись, — мистер Клерк хлестал его по щекам, стараясь привести в чувство.

* * *

Словно на крыльях, Кевин влетел в номер.

— Хватит с меня этого отдыха! Я отправляюсь домой!

Он открыл холодильник, небрежно высыпал продукты, которые, по его мнению, пригодятся в ближайшее время, в мешок, который потом засунул в рюкзак. Второпях он собирал свои вещи.

В коридоре раздались шаги и цокот каблуков мисс Браун.

Кевин схватил пульт управления видеомагнитофона.

Не успели преследователи кучей ввалиться в номер, как грозный бас рявкнул:

— Стоять!

Управляющий, администратор, Седрик, швейцар, полицейский из службы охраны отеля и молоденькая коридорная застыли на месте. Они не ожидали, что в номере есть кто-то, кроме маленького Кевина.

— Это консьерж, — мягко объяснил мистер Клерк.

— Я знаю, что это ты, — прогремел бас. — Я учуял тебя, еще когда ты выходил из лифта.

Раскрыв рты, гостиничный персонал тревожно переглядывался.

— Ты был здесь вчера? — грозно и не желая слышать ложь, спросил бас.

— Да, сэр, — робко прошептал мистер Клерк сиплым голосом.

От волнения и неожиданности у него сели голосовые связки. У всех шестерых дрожали коленки.

— Ты был здесь с моим братом! Ты занимался с ним любовью!

— Я? — мистер Клерк смутился. — Наверное, вы ошибаетесь, сэр.

— Да ты со всеми занимался любовью. С Сэмом, Миллом, маленьким Чиксом, с Клиффом.

Все с ужасом посмотрели на шестидесятилетнего швейцара, которого звали Клиффом.

— Нет, это ложь, — несчастный старик побледнел и затрясся от незаслуженного обвинения.

— Это неправда, — просипел зардевшийся мистер Клерк.

Подобным образом его еще никогда не оскорбляли. Ему, честному, добропорядочному семьянину и служащему, были чужды подобные вещи. Как можно подозревать его в таких, по его мнению, непристойностях?

— Я могу продолжать вечно, малыш.

— Мне очень жаль, сэр. Вы, вероятно, ошиблись. Мы ищем здесь молодого человека.

— Ну хорошо. Я тебе верю. Только мой автомат не верит. Скажи мне, стоя на коленях, что ты любишь меня.

Оторопевшие от неожиданного поворота событий, они поняли, что с таким типом, пожалуй, шутить не стоит. И все шестеро послушно опустились на колени.

— Я люблю вас! — робко произнес стоявший впереди всех на коленях мистер Клерк.

— Нет, что-то я тебе не верю!

И тогда они все хором заорали:

— Я люблю вас!

Бас довольно хмыкнул и продолжал:

— Наверное, я совсем сбрендил, но я верю тебе и позволяю тебе уйти. Я считаю до трех, чтобы ты успел убрать отсюда свои лживые глаза.

Быстро вскочив с колен, до смерти перепуганные, все шестеро подались задом к дверям.

— Раз, два, три...

Не успели они открыть дверь и выскочить на коридор, как раздалась оглушительная автоматная очередь.

Закрывая головы руками, они дружно рухнули на пол и лежали друг на друге, словно селедки.

— С Рождеством тебя, гнусное животное! И счастливого Нового года! — доносился жуткий голос сквозь выстрелы.

Из соседних номеров стали выскакивать люди. Начался переполох. А гостиничный персонал неподвижно лежал на полу, уткнув носы в ковер. Его пылинки раздражали слизистые оболочки носов, но каждый был перепуган настолько, что боялся чихнуть.

Мистер Клерк по-пластунски, на животе, пополз к лифту.

— Не выходить из комнат! — подавал он команду. — Произошло чрезвычайное происшествие. Один из гостей сошел с ума. У него автомат.

* * *

Довольный и гордый собственной изобретательностью, Кевин выключил видеомагнитофон. Его уловка удалась на славу. На такую простую удочку попались эти олухи из гостиницы! «Опыт — хорошая и незаменимая вещь, особенно в таких делах, как озорство,» — подумал Кевин, спокойно вышел через черный ход и начал спускаться пешком вниз. Для молодого парня сбежать вниз с двадцать пятого этажа ничего не стоит.

Хорошенькую взбучку он устроил этим баранам. Можно даже предположить, что они, скорее всего, наложили в штаны от страха.

Кевин смеялся. Шутка получилась великолепной и прошла с небывалым эффектом. В который раз этот ловко придуманный трюк с видеомагнитофоном выручал его из тяжелых ситуаций.

Но когда Кевин выбежал на улицу через черный ход, он попал прямо в руки... Марвину и Гарри. Он обомлел. В самые лапы бандитов. Они давно поджидали его именно с этой стороны. Гарри предполагал, что он появится именно отсюда. Он видел, как за мальчиком погнался управляющий. И сообразил, что Кевину хватит ума обвести вокруг пальца и этих гостиничных остолопов. И именно здесь они с Марвином выбрали выжидательную позицию.

— А-а-а! — закричал Кевин.

Но вокруг никого не было. Это была темная узенькая улочка, на которую выходили только «черные ходы» различных заведений.

Зато у Марвина и Гарри от радости блестели глазищи. Теперь они крепко держали в руках своего обидчика.

— Давно мы тебя ждем, — ухмылялся Марвин.

Крепко держа Кевина за воротник куртки, они вели его по улице.

— А это что у тебя?

Марвин вырвал из рук Кевина билет.

— Смотри ты! Путешествие в Майами! — загоготал он. — Самолетом ошибся, приятель. Похоже, он тебе не пригодится. Твой полет к земле обетованной отменяется.

Марвин швырнул разорванный розовый лощеный листок прямо в грязную лужу.

Кевин шел, съежившись, думая только о том, как избавиться от мерзавцев. На сей раз он влип основательно — они не шутили. Если он не вывернется, то наверняка устроят ему какую-нибудь гадость.

— Мы девять месяцев сидели в тюрьме, — разглагольствовал Марвин. — Мы думали, что нам очень не повезло. Но мы ошибались. У нас дела пойдут очень хорошо. Теперь мы дома не грабим. Мы чистим игрушечные магазины. Сегодня, например, мы навестим магазин Данкена. А потом возьмем фальшивые паспорта...

Кевин незаметно включил свой портативный магнитофончик, лежавший в кармане куртки. «Пооткровенничай-ка, дружок, еще», — подумал Кевин. — Полиции будет приятно послушать твою исповедь. Давай, давай...»

— Марв! — Гарри грубо оборвал его болтовню.

— Что?

— Заткнись.

— Да какая разница, — храбрился Марвин. — Он ни с кем разговаривать больше не будет. Может быть, только с рыбами. Надо посадить его в туннель. Там лед, и он будет вести себя очень спокойно. Скажет слово, и ему конец!

Бедный Кевин! У него потемнело в глазах. А ноги... Он их не ощущал и только успевал проглатывать судорожные комки, стараясь не выдавать своего страха.

Эти негодяи способны на все. Тем более, что с Кевином у них были давние счеты. Старая обида и ненависть

еще крепко сидели в их гнусных душах. Он помог упрятать их за решетку и заставил здорово пострадать Конечно, если бы не старик Моргви... О, если б кто-ни будь сейчас был рядом, чтобы спасти его!

Но он был совершенно один в этом огромном городе Некого позвать на помощь. Теперь он должен надеяться только на себя, на свою изворотливость и ловкость.

Единственное, что его успокаивало: бандиты до невозможности глупы и недалеки. Их легко перехитрить. Только это вселяло смутную надежду в отчаявшегося от страха Кевина.

Они вели его к заливу. Видимо, собирались сбросить туда несносного мальчишку в отместку за причиненные страдания.

На переходе улицы, у самого залива, горел красный свет для пешеходов. Они остановились.

До моста оставалось совсем немного. За поворотом виднелись бетонные стропила моста. Растерявшийся Кевин не знал как быть. Но медлить было нельзя. Времени оставалось мало, до залива считанные метры.

Улучив момент, когда Марвин и Гарри смотрели по сторонам, Кевин ущипнул за ягодицу длинноногую даму в обтягивающем трико, которая стояла перед ним. Та резко обернулась. Это была именно та блондинка, которая однажды проучила Марвина за хулиганство.

— О, привет! — оскалился тот.

Дамочку он находил весьма симпатичной. Но она явно не собиралась с ним кокетничать. Глаза блондинки заблестели от ярости и, размахнувшись, она изо всех сил вмазала нахалу хорошенькую оплеуху, от которой ослабевший за дни побега Марвин свалился на асфальт.

— Это он сделал! — Кевин указал на Гарри.

— Что?

Тот хотел что-то возразить.

Но было поздно. Недолго раздумывая, блондинка влепила и Гарри звонкую затрещину прямо в ухо, отчего толстяк зашатался и упал приятелю на спину, еще больше подмяв того.

— Спасибо, — сказал Кевин своей спасительнице и бросился бежать.

— Хватай его! Хватай!

— Черт его возьми!

У Гарри горело ухо. Марвин не мог пошевелить плечами. Но упустить «звереныша» они не могли и бойко следовали за ним.

Кевин прибежал в парк. Детей там катали в прогулочных колясках, запряженных парами вороных. Он впрыгнул в одну из них, стоявшую свободной, плотно закрыв за собой дверцу.

— Он побежал в парк! Он там!

Мошенники бросились к толпе детей. Среди невероятного множества пестрых шапочек и абсолютно похожих пухловатых лиц они растерялись. Где же он, черт подери? Марвин схватил малыша в синей шапочке с пупсом и зеленой курточке.

— Вот он!

Гарри подошел.

— Покажи!

Увидев курносую веснушчатую мордашку с хлопающими от страха ресницами, он рявкнул дружку:

— Оставь его. Это не он.

— Да где же он тогда, черт бы его побрал?

Вокруг было много детей. Но Кевина не было видно.

— Надо было его сразу пристрелить, раз была такая возможность.

Марвин был страшно зол. В который раз малолетний сосунок обманывал их. Да еще по его милости он, ни за что на про что, схлопотал по морде.

В нем закипал гнев. Попадись он ему сейчас, задушил бы своими руками не раздумывая.

— Я не хочу, чтобы этот негодяй гулял на свободе, — вопил Марвин.

— Да? А что он может сделать?

— Он на свободе.

— Ну и что?

— Теперь он не в своем доме, он в парке. Он один, понимаешь?

Марвин не мог успокоиться. К тому же он еще выболтал этому молокососу их планы.

— В парке детям бывает страшно.

— В парке и взрослым бывает страшно. Откровенно говоря, — сказал порядком уставший от беготни и хотевший отдохнуть Гарри, — мне его жаль. Пошли.

Они медленно поковыляли к выходу.

Кевин выглянул из кареты, катившей вокруг фонтана. Увидев, что воришки ушли, он облегченно вздохнул.

Но все равно на душе было пусто и грустно. Хотелось домой, к маме. Свобода вновь наскучила Кевину. А еще

несколько дней назад он жаждал избавиться от нудного семейства.

Но за сегодняшний день он столько пережил, так набегался! В конце концов устал от напряжения, от передряг. Хотелось домой, хотелось лечь на свою кровать, вытянуть ноги.

Вокруг было холодно и неуютно. Таял снег. Морозы спали, и на улице стояла отвратительная слякоть. Серый пейзаж навевал тоску.

* * *

Душный тропический вечер в Майами Маккальстеры проводили в своем уютном номере за телевизором, по которому показывали нудный мексиканский фильм «Просто Мария».

Старшие ждали известий из полиции, поэтому все прогулки по берегу моря, мороженое и кино отменялись.

Детям пришлось смириться с судьбой. Впрочем, менять планы им было не впервой. Фокусы Кевина давно стали привычным делом.

Сьюзен по-прежнему жалела брата, волновалась, думала о нем. А вот База не очень-то беспокоили эти проблемы. Он был абсолютно уверен, что с Кевином ничего не произошло. Он где-то развлекается, а они льют крокодиловы слезы. Гораздо больше Баз жалел о сорвавшемся подъеме в горы.

Керри смотрела на экран, но мысли витали где-то далеко-далеко. Она думала о сыне. Она знала, с ним ничего не могло случиться, но безызвестность пугала и заставляла думать о плохом.

Дядя Фрэнк жевал бутерброд. Он перегрелся на солнце, у него болела спина. Пожалуй, завтра он не будет проводить так много времени на пляже. Сегодняшний вечер он планировал провести в ресторанчике на набережной, покушать крабов, выпить белого вина, поглазеть на хорошеньких путешественниц с загорелыми ножками. Но этот маленький паршивец опять все испортил. Брату Питеру было не до развлечений.

Тетушка Ненси делала маникюр. Она всегда занималась этим сама, потому что в парикмахерских это стоило жутко дорого. Только такая легкомысленная женщина, как Керри, могла позволить себе подобную роскошь. Но Ненси Маккальстер не бросала деньги на ветер!

Раздался пронзительный телефонный звонок. Все вздрогнули. Керри подскочила с кресла, подняла трубку.

— Алло!

— Мы нашли вашего сына.

— Что?!

Питер подошел и вопросительно посмотрел на жену. Он волновался не меньше. Она зажала трубку рукой.

— Это из полиции. Они знают, где Кевин.

Все повскакивали со своих мест, окружив Керри. Каждому было интересно, куда же запропастился маленький шутник.

— Он в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке?! — выкрикнули все в один голос.

— Боже мой! — вздыхала Ненси.

Да, такого от него никто не ожидал.

— Лихо! — сказал Баз.

— Круто! — подхватил Майкл.

— Как он? Что с ним? — Керри совсем разволновалась.

— Он воспользовался вашей кредитной карточкой!

— Да нет. Из-за него не возникнет никаких неприятностей, — растерянно произнесла Керри. — Видно, он был напуган. Подождите, пожалуйста.

Повернувшись к Питеру, она сказала:

— Он воспользовался твоей кредитной карточкой, чтобы поселиться в отеле «Плаза».

От этой новости члены семейства едва не подавились собственной слюной. Вот это Кевин! Ну и ну!

— Его задержали? — спросила Керри.

— Нет. Полиция ищет его.

— Но как же вы?..

— Я советую вам немедленно вылететь в Нью-Йорк.

— Хорошо. Мы вылетаем ближайшим рейсом.

Керри положила трубку.

— Мы отправляемся в Нью-Йорк, — объявила она.

— Отлично! — орали дети.

— Нью-Йорк...

Все повскакивали с кроватей, стали быстро запихивать вещи в чемодан.

От волнения Керри не знала, за что хвататься.

— Боже мой! Он, наверное, так перепугался.

— Может быть, он отправился к моему брату? — у Питера появилась здравая мысль.

Искорка надежды и облегчения мелькнула в уставших глазах Керри.

— А разве Боб не отправился в Париж?

— Ну... — Питер пожал плечами, — у него дома ремонт. Может быть, в доме кто-то есть.

Точно! Он пошел туда! Керри немного успокоилась и принялась упаковывать вещи. Все должно быть нормально. Случиться ничего не может. Через несколько часов они будут в Нью-Йорке и непременно найдут Кевина.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Было уже темно, когда Кевин подошел к дому дяди Боба. Он оглядел высокое серое здание, поднялся в подъезд. Нашел нужную квартиру, постучал в дверь.

— Эй, дядя Боб! Тетя Джоржет! Есть дома кто-нибудь?

Кевин грохотал в дверь. Но вокруг было тихо.

— Дядя Боб! Это ваш любимый племянник Кевин! Тетя Джоржет!

Никто не отвечал. Значит, они все-таки уехали в Париж.

Кевин вышел на улицу. Начинало подмораживать. Стояла густая темень. Тусклые фонари слабо освещали улицу. Кевину, оказавшемуся одному в незнакомом городе, стало жутко и страшно.

Он не знал, куда ему идти. Все гостиницы были для него закрыты. Дядя Боб уехал. Он шел вперед, не зная, куда и зачем.

На перекрестках стояли проститутки в коротких полушубках, выставив ляжки в черных чулках. На скамейках собирались компании наркоманов, дергающихся в жутких конвульсиях и завывающих нелепые песни.

Кевин съежился. Откуда-то повылазили бомжи, какие-то уроды в лохмотьях. Такие рожи он видел лишь в фильмах ужасов и никогда не подозревал, что чудовища существуют на самом деле.

— Поосторожней, парень! — омерзительная рожа рассмеялась ему в лицо.

Но этот смех не был похож на человеческий.

Кевина передернуло. А отвратительные фиолетовые

физиономии скалились, обнажая свои гнилые зубы, тянули к нему скрюченные желтые ручищи с неимоверно длинными и загнутыми ногтями, похожими на клещи.

Кевин был в отчаянии. Куда ни бросался — везде стоял этот кошмар. Со всех сторон на него смотрели звериные глаза, в которых не было ни капли человеческого.

Это был «Квин» — один из самых опасных районов Нью-Йорка. Каждую ночь здесь собирались самые грязные отбросы общества. Здесь происходило самое большое количество убийств, изнасилований, грабежей и прочих преступлений.

Если бы Кевин это знал, то наверняка от ужаса потерял бы рассудок. Но он был ребенок и многого не понимал. Он еще не знал о жестокости, насилии, разврате.

— Эй, малыш, может, тебе почитать какую-нибудь сказку на ночь?

За спиной Кевина раздался хохот. Он обернулся. У фонаря стояли две вульгарные девицы с торчащими во все стороны волосами непонятного серовато-голубого цвета, с сигаретами в зубах, и пускали густые клубы табачного дыма прямо в лицо Кевину.

Какой кошмар! Будто в каком-то страшном сне.

Кевин бросился бежать. Он не знал, куда ему деваться. Куда уйти от этого ужаса, спрятаться, спастись.

— Такси! Такси! — кричал он, а по щекам уже катились слезы.

Он плакал от беспомощности, одиночества, от страха, от того, что был совсем один ночью в незнакомом страшном городе, и некому было его защитить от жутких чудовищ, которые вот-вот загребут его своими желтыми ручищами и проглотят как лягушонка.

— Такси! Такси!

Остановилась какая-то машина. Кевин бросился к ней, открыл дверцу и прыгнул на заднее сидение.

— Как здесь страшно, — сказал он в сердцах шоферу.

В душе он испытывал облегчение, что наконец кончится этот кошмар, он уедет отсюда куда-нибудь подальше. Не успел он подумать, куда же ему податься, как таксист обернулся, и Кевин увидел жутчайшую черную физиономию.

Ему показалось, что это привидение. Он вскрикнул.

— Да и здесь невесело, пацан! — прорычал тот грудным басом, едва не лишив чувств перепугавшегося до смерти Кевина.

Он пулей выскочил из машины и побежал куда глаза глядят. Он бежал долго, ничего не замечая, не зная, куда. Ему казалось, что черное страшилище преследует его.

Наконец силы стали покидать его. Он задыхался. Обернувшись назад и убедившись, что за ним никто не бежит, Кевин остановился, чтобы перевести дыхание. Он судорожно глотал воздух, смахивал рукавом катившиеся градом слезы.

Кевин даже не заметил, как оказался в парке. К ночи ударил мороз и все вокруг: деревья, аллеи, кусты и даже сугробы заледенели после дневной оттепели.

В одиночестве он бродил по мрачным дорожкам, слегка освещенным тусклым светом ночных фонарей.

Кевин почувствовал, что проголодался. Он присел на заледеневший сугроб и достал из рюкзака бутерброд, который успел прихватить из холодильника в «Плазе».

— Нет. Больше так отдыхать я не хочу.

Он устал. Ночью в этом холодном парке он ощущал себя подавленно и неуютно. Хотелось домой, в теплую родную комнату на Линкольн-стрит. Хотелось к маме. Только с ней он чувствовал себя защищенным от бед. Он соскучился по своей семье.

Конечно, они все далеко не идеальны, но с ними лучше и надежнее, чем здесь, одному на морозе, среди безмолвных деревьев, наводящих тоску и страх.

К нему прилетел голубь. Кевин протянул крошечки батона. Тот стал жадно клевать, и через минуту сюда слетелась еще куча голубей. Они клевали прямо с руки, облепив Кевина со всех сторон.

— Ребята, вы откуда прилетели? Не знаю, хватит ли на всех корма.

Кевин достал последний бутерброд и раскрошил перед собой. Голубей слеталось все больше и больше. Они клевали жадно и быстро, то и дело отталкивая друг друга от аппетитной добычи.

— Ну вот, уже все съели.

Опустив крылья, выставив свои гладкие толстые брюшки, голуби смотрели на Кевина в ожидании новой порции крошек.

— Вы такие забавные. Но у меня ничего больше нет.

Кевин взял на руки одного голубя, погладил по белой грудке. Тот смирно сидел на его ладони, даже не думая

вырываться. Голуби были совсем ручными и не боялись людей.

Вдруг из-за сугроба выросла голова в темном капюшоне с торчащими седыми прядями волос. Это была та самая безобразная старуха в лохмотьях, которую он уже видел однажды, приняв за статую.

Кевин закричал. От страха его лицо перекосилось.

Он был до смерти перепуган. Он хотел убежать, но, как назло, нога застряла среди замерзших кустов. От отчаяния он орал еще больше. А когда увидел, что чудовище придвигается к нему, Кевину стало совсем не по себе. Огромная ручища в рваной поношенной перчатке потянулась к нему. Кевину показалось, что она вот-вот схватит его за горло и задушит. От страха он закрыл лицо руками.

Но, к его большому удивлению, безобразная ручища всего лишь вытащила его застрявшую ногу.

Кевин бросился прочь. Он бежал на всех парах, унося ноги от греха подальше.

Но, достигнув арки, выходящей на улицу, он вдруг остановился. За ним никто не гнался. Вокруг было тихо.

— И с чего это я?!

Он и сам не знал, почему так испугался, так глупо повел себя. Ведь она не хотела ничего плохого, она только помогла ему. И зачем надо было так дико орать, будто тебя режут?

Кевину было неловко и стыдно за свою нелепую выходку.

— Нужно непременно вернуться, — решил он, — и извиниться за несдержанность.

Наверное, он здорово обидел женщину. Вероятно, ей сейчас тоже одиноко и скучно, раз она одна в такое время в парке.

Кевин медленно поплелся назад, размышляя, как лучше объяснить причину его странного поведения.

Старуха стояла на том же месте. Ее голову, руки, плечи облепили голуби. Она ласково разглаживала их крылья, и те мирно дремали, склонив свои смешные головы, прямо на ее лохмотьях.

Это была трогательная картина загадок и причуд природы. До этого Кевин не знал, что человек может так дружить с птицами, а они, в свою очередь, могут быть так тесно привязаны к нему.

— Послушайте, мне очень жаль, что я закричал.

Старуха обернулась, посмотрела на него, но не проронила ни слова. Ее плотно поджатый рот ясно говорил о том, что она далеко не любитель болтать. Было видно, что это человек очень замкнутый и одинокий.

— Вы ведь только хотели мне помочь. Я понимаю. Просто я здесь один и поэтому очень испугался. Меня зовут Кевин Маккальстер. У вас очень хорошие птицы. Я вас и раньше видел. На вас сидели голуби. Знаете, я, конечно, немного испугался, но потом подумал, что раз они сидят на вас, они вас любят.

Старуха молча возилась с голубями, угрюмо исподлобья поглядывая на Кевина.

Наверное, он кажется странным. Кевин почувствовал неловкость.

— Если я вам мешаю, то могу уйти. Я вам мешаю?

— Нет.

Вокруг порхали голуби, громко хлопая крыльями.

— Вы должны их звать или они сами прилетают к вам? — спросил Кевин.

Вместо ответа она подошла к нему, взяла его за руку. Достала из своего кармана горсть зерна и высыпала ему на ладонь.

— А теперь подбрось.

Не успели зернышки рассыпаться на заледенелой земле, как в одну секунду слетелась огромная стая голубей и начала усердно клевать.

— Они слышат, — сказала старуха.

— Вот здорово! — с восхищением произнес Кевин.

Оказывается, в природе существуют невероятные вещи, о которых он даже не догадывался ранее.

Он заметил, как сердитое, хмурое лицо старухи вдруг посветлело. В глазах появился живой блеск. Она улыбалась. И больше не выглядела такой старой. Кевин внимательнее присмотрелся. Да ей от силы было пятьдесят лет.

— Что-то похолодало, — сказал Кевин. — Может быть, чашечку горячего шоколада? Вы не возражаете? Я угощаю.

Улыбнувшись, она кивнула. Вместе они медленно шли по широкой аллее.

— Не хотел я проводить канун Рождества в этом парке, — сказал Кевин. — Пойдемте куда-нибудь согреемся?

— Пойдем, я знаю одно местечко.

Она привела его в филармонию. Пройдя с черного хода, Кевин очутился в темной служебной каморке, где

лежали поломанные музыкальные инструменты: трубы, саксофоны, скрипки... Из маленького окошка Кевин видел концертный зал. Оркестр играл замечательную рождественскую музыку.

Здесь было тепло. Кевину стало спокойней на душе. Он чувствовал облегчение оттого, что избавился от привидений и чудовищ.

— Прекрасная музыка?

Кевин осматривал каморку.

— Отсюда я слушала самую замечательную музыку. Апоффи Джейтр-Кимбейзи, Фрэнк Синатра...

Старуху звали Джуди. Она не была такой безобразной и угрюмой, как показалась Кевину сначала.

Она искренне любила все живое, нежно заботилась о своих птицах и быстро вызывала симпатию у Кевина.

— Вы приводите сюда своих друзей? — спросил Кевин, разглядывая старинный ксилофон, покрытый толстым слоем пыли от долгого лежания без дела.

— У меня нет друзей, — тяжело вздохнула Джуди.

— Очень жаль.

— Люди проходят мимо меня на улице. Они видят, но делают вид, что я не часть их города.

В глазах мелькнули грустные искорки. Она страдала от своего одиночества, хотя сама же и провоцировала его. Неопрятный вид, жалкие лохмотья, сердито поджатые губы отталкивали людей. Ведь и с Кевином произошло также. Сначала он боялся ее.

— Это чувство мне знакомо, — сказал Кевин.

С ним такое случалось, когда он ссорился со своими родными. Тогда ему объявляли бойкот, и в течении нескольких дней его никто не замечал. Вернее, делали вид, что не замечали.

— Все борются за место под солнцем, — задумчиво произнесла Джуди.

— Я иногда огрызаюсь, и меня за это посылают на чердак, — рассказывал Кевин о семейных проблемах.

Ему было жаль Джуди, и он искренне сочувствовал ее одиночеству. К тому же она была очень замкнутой и нелюдимой, несмотря на доброе сердце. Она не любила людей. Но почему? Кевин не мог этого понять, и она рассказала ему свою грустную историю.

— Я не всегда была такой. Все обстояло не так много лет назад.

* * *

Джуди была обычной земной женщиной. Имела работу, дом, семью. К тому же в молодости довольно неплохо выглядела, многие считали ее привлекательной и милой. Первые годы замужества были безоблачными и счастливыми. Но потом она узнала, что муж разлюбил ее и давно живет с другой женщиной. Для нее это было жестоким ударом. Такие вещи она не умела ни забывать, ни прощать. Измена навсегда поселила тоску в ее сердце, больно ранив его. Жизнь сразу повернулась черной стороной, обнажив свои трещины и острые углы: горькое разочарование в людях, в самой жизни прочно поселилась в душе.

Она ушла из дома, стало бродяжничать. Из цветущей женщины превратилась в жуткую старуху в лохмотьях, вызывающую ужас у окружающих.

— У вас были дети? — спросил Кевин.

— Нет. Но я очень хотела их иметь. К сожалению, Бог лишил меня этого счастья. Как и другого, впрочем. Когда у меня появилась возможность вновь любить, я уже не могла доверять людям. Все казалось гнусным и лживым. И я отвергла ее.

— Я не хочу вас обижать, но, по-моему, это довольно глупо, — сказал Кевин.

— Я боялась, что кто-то вновь мне разобьет сердце. Доверяешь человеку, а в один прекрасный день он возьмет и предаст тебя.

Джуди была настолько разочарована, что давно забыла думать о счастье, будучи уверенной, что его просто нет. Она считала себя брошенной, покинутой всеми. Даже родственники на протяжении долгих лет ею не интересовались. Они считали ее сумасшедшей. И отвернулись от нее, совсем позабыв о ее существовании.

— Может быть, они не забыли о вас, а просто перестали навещать? — возразил Кевин. — Такое иногда бывает. Возможно, они часто вспоминают, но не решаются прийти?

Джуди пожала плечами. За годы одиночества она привыкла быть одной и уже не нуждалась в чьей-то помощи или просто внимании. Она не верила людям. А общение с птицами находила более правдивым и чистым. В нем не было фальши. Они ее любили и не могли

предать. Они никогда не покидали ее. А главное, она была им нужна.

Кевин понимал ее чувства и вместе с тем считал нелепым самопожертвованием осознанное обречение себя на такую жизнь. Вернее, это была даже не жизнь, а существование, лишенное элементарных человеческих радостей.

— Знаете, у меня были отличные коньки, — сказал Кевин. — Я боялся их испортить и жалел носить. И, знаете, что случилось? Я перерос их. А я их ни разу не надевал. Только примерял пару раз в своей комнате.

— Но чувства человека отличаются от коньков!

— Да какая разница? Если не пользоваться сердцем — это все равно, что его нет. Мне кажется, вы поступили неправильно. Вы должны рискнуть. Терять-то вам нечего. Я не знаю. Может, ваше сердце и разбито, но оно же у вас есть. Если бы оно было разбито окончательно, вы не были бы так добры.

— Спасибо. А ты знаешь, я уже несколько лет ни с кем не разговаривала.

— Да нет. У вас хорошо получается. Вы не заикаетесь. Все нормально. Просто вам надо больше общаться с людьми.

Джуди засмеялась. Она делала все, чтобы люди держались от нее на расстоянии. Она давно перестала за собой следить. Ее одежда износилась, превратившись в жалкие лохмотья. Обветренное лицо потеряло прежнюю нежность. Загрубевшая кожа покрылась мелкими морщинками у уголков рта, делая его по-старчески сжатым и как бы чем-то недовольным. Но глаза светились добротой. Стоило ей улыбнуться, как таяла напускная угрюмость. К тому же рассуждения и речь этой женщины говорили о том, что принадлежала она отнюдь не к низким общественным слоям. Она любила музыку, с уверенностью профессионала рассуждала об искусстве.

Кевину стало жаль, что добрый и порядочный, наделенный недюжинными способностями человек добровольно сделал себя бомжем, ушел от людей, заживо похоронил себя. Как можно было решиться на такой шаг?! Отказаться от радостей нормальной человеческой жизни? А ведь их так много!

— Я всегда хочу быть один, — рассказал Кевин, — но когда это происходит, мне как-то неудобно и неловко. Я уж лучше буду с людьми, даже если они меня обижают.

— Так что же ты делаешь здесь один в канун Рождества? У тебя проблемы?

— Да.

Кевину не хотелось говорить об этом. Воспоминания о семье только раздражали, заставляли думать о грустном.

— Ты сделал что-нибудь не так?

— Многие вещи я сделал не так. Я совершил кучу ошибок.

— Знаешь...

Джуди замолчала, как будто задумавшись.

— Что?

— Хороший поступок затмевает плохой.

— Да. Но уже поздно. Я не могу сделать достаточное количество хороших поступков, чтобы затмить все плохие.

Кевин задумался о том, простят ли ему родные его проступки, ту несдержанную выходку перед отъездом во Флориду. Ему даже было стыдно перед дядей Фрэнком, хотя он никогда не питал к нему симпатии. Его оскорбления получились неуместными и незаслуженными.

— Но сегодня канун Рождества, — сказала Джуди. — Хорошее всегда оправдывает плохое. Ты должен сделать доброе дело. Повинуйся зову сердца.

— Ну ладно, — Кевин встал.

Он посмотрел на часы. Было уже поздно.

— Мне пора идти, — сказал он, застегивая куртку.

Он не знал, куда ему пойти. Сегодня в этом городе его никто не ждал. Дядя уехал в Париж. Родители где-то далеко-далеко. Им и в голову не приходит, где может быть их сын. Мама, наверное, очень переживает. Завтра он вылетит в Чикаго первым же рейсом.

— Если я вас больше не увижу, я надеюсь, что у вас все будет хорошо.

— Спасибо.

— Не провожайте меня, я выйду сам.

— Ладно, — Джуди осталась сидеть на старом сундуке.

Вероятно, она собиралась провести здесь ночь. У нее ведь не было дома.

— С Рождеством!

— С Рождеством!

Уже на выходе, собираясь уйти, Кевин остановился.

— Если вам нужен человек, которому можно дове-

риться, обращайтесь ко мне. Я буду всегда помнить о вас.

— Не надо давать таких обещаний, которые потом не сдержишь.

Кевин вышел на улицу. Холодный воздух обжигал щеки. Вокруг было тихо. Ночные фонари освещали безлюдную, пустынную улицу.

В каждом окне огромных небоскребов горел свет. Все собирались своими семьями встречать Рождество. Мелькали пестрые огоньки елок. Со всех сторон доносилась музыка.

Кевин остановился возле детского приюта. Там тоже дружно праздновали Рождество, встречали Санта-Клауса.

В окне сидел черный мальчик. Наверное, он скучал по своим родителям. Кевин помахал ему рукой. Тот тоже ответил на его приветствие.

Постояв немного, Кевин пошел дальше. Отвратительно и пусто было у него на душе. Год назад он тоже встречал Рождество один, но ведь в своем доме. А теперь он был лишен даже этого. Первый раз в своей жизни он проводил ночь на улице. Еще грустнее становилось оттого, что происходило это в канун самого замечательного праздника, которого он ждал целый год.

* * *

«Все деньги господин Данкен отдаст клинике для больных детей», — вдруг он вспомнил голос продавца магазина игрушек.

«А мы ограбим этот магазин!»

Перед Кевином возникла наглая рожа Марвина.

Он вспомнил, что в эту ночь преступники собирались ограбить магазин игрушек Данкена. Нет! Он не может этого допустить!

— Можно делать всякие гадости в канун Рождества, но обижать детей я не позволю, — решительно произнес Кевин и ринулся к дому дяди Боба.

Он должен подготовиться дать отпор. Один раз это получилось блестяще. Нужно, чтобы ему удалось и на этот раз сорвать гнусные планы мошенников и упрятать их опять за решетку, чтобы не делали больше гадостей людям.

* * *

Часы пробили девять. Времени оставалось очень мало.

До дома было довольно далеко, и Кевину пришлось бежать на всех парах. Дело не терпело промедления.

По трубе Кевин пролез в квартиру. Там вовсю шел ремонт. Вокруг валялись стройматериалы, пахло красками и ацетоном.

Кевин достал план обороны дома под кодовым названием «Операция «Хо-хо-хо!». Несколько минут он внимательно изучал его, а потом решительно принялся за дело, используя свой прошлогодний опыт и добавляя новые элементы богатой детской фантазии. Он использовал все находящиеся под рукой подручные средства.

Посреди гостиной он разлил жидкий солидол, образовав большущую скользкую лужу.

К кранам умывальника на кухне Кевин подсоединил два электрических провода от электрощитка. Из банок с краской он построил баррикады. В унитаз налил бензина.

А на складной лестнице, ведущей на второй этаж квартиры, так как основная находилась в аварийном состоянии, подпилил основание, так что она смогла выдержать вес Кевина, но не более того.

Потом залез на крышу. Там прикрепил веревку, которую предварительно вымочил в канистре с керосином. А пожарную лестницу, ведущую наверх на крышу, хорошенько сдобрил мазутом валиком для побелки потолков, от чего она стала скользкой и по ней невозможно было забраться на крышу.

Тщательно все рассчитав в плане предстоящих действий, хорошенько обдумав все до последних мелочей, Кевин закончил приготовления.

Взяв широкую и длинную доску метра в полтора длиной и пустую банку из-под краски, он почесал к магазину Данкена.

Ноша, конечно, была тяжеловата, но дело важнее всего. И Кевин терпеливо тащил доску, так как она стала неотъемлемой частью его операции.

* * *

Чета Маккальстеров уже стояла в фойе гостиницы «Плаза». Узнав о том, что случилось, Керри пришла в бешенство.

Мистер Клерк, мисс Браун и Седрик стояли перед ними, вытянувшись, словно солдаты, выстроившись в ряд по должности, и невозмутимо выслушивали обвинения.

— Мы хотим предложить вам лучший наш номер, — управляющий осклабился в любезной улыбке. — Графиня Йоркширская недавно останавливалась в нем.

Но Керри было не до любезностей. Она готова была задушить трех безмозглых болванов, которые так нелепо обошлись с ее сыном.

— Какой идиот позволил ребенку вселиться в номер?

— Он рассказал очень убедительную историю, — отвечала мисс Браун. Ее вороньи глаза смотрели преданно и невинно, — мол, его отец на деловой встрече...

— Да что за идиоты у вас здесь работают? — грубо оборвала Керри. Ей было невыносимо слушать детский лепет взрослой дылды.

В порыве гнева миссис Маккальстер забывала о вежливости, особенно, если дело касалось ее детей.

— Самые лучшие в Нью-Йорке, мадам, — хихикнул Седрик.

Происходящее он считал не более, чем рождественской шуткой, и не видел ничего серьезного в том, что ребенок пропал.

— Ну хорошо, — не унималась Керри, — когда вы увидели, что кредитная карточка похищена...

— Это я обнаружил! — гордо подскочил на месте мистер Клерк.

— Как вы позволили ему уйти?

— Мы хотели его задержать, но он сбежал.

Керри выходила из себя. Ее глаза сверкали от гнева.

— Вы напугали его. Мой ребенок исчез. Он находится в одном из самых больших городов мира.

Но все трое стояли молча по стойке «смирно», пришив «дежурные» улыбки. Они понимали, что совершили глупость, прогнав мальчишку, но было поздно раскаиваться в том, что уже не поправить.

— Вы не могли бы провести нас в комнату? — спросил Питер, сдержанно молчавший до сих пор.

Уравновешенный и спокойный, он считал бессмысленными все выяснения, потому что служащих гораздо

более интересовал престиж гостиницы, нежели судьба их ребенка.

— Давай, Седрик, — мистер Клерк толкнул о чем-то замечтавшегося лакея.

— Я пойду в полицию и позабочусь о том, чтобы они сделали все, чтобы найти Кевина. А ты оставайся здесь.

— Что?

Керри с недоумением посмотрела на мужа. Да как она сможет спокойно сидеть в гостинице, когда ей ничего неизвестно о сыне. Она будет его искать! Как можно оставить в беде мальчика! Вдруг с ним что-нибудь случится? Он ведь совсем один в огромном городе.

— Я поеду и буду искать его.

— При всем уважении к вам, мадам, — пролебезил мистер Клерк, — это самый большой город в мире или один из самых больших. Здесь полно паразитов, вооруженных до зубов.

— Пожалуйста, не вмешивайтесь! — Керри повернулась к мужу.

— Мне кажется, тебе не следует ехать. Это опасно, — сказал ей Питер.

Но Керри была неумолима.

Для нее не существовало ничего более важного и дорогого, чем найти ее сына. Она представляла, в каком он отчаянии. Его выгнали из отеля, забрали кредитную карточку. Куда ему пойти теперь? Единственная надежда, что он у Боба. А вдруг те уехали в Париж?

— Если Кевин может один слоняться в чужом городе, то я тем более. Ни один преступник не сможет со мной справиться.

— Мадам, вы не представляете, как они опасны. Эти чудовища способны на все.

Управляющий и мисс Браун попытались уговорить ее, но их доводы были напрасны. Миссис Маккальстер ничего не хотела слушать. Она решительно и бесповоротно направлялась к выходу.

— Вы уж по крайней мере застегните пальто, на улице очень холодно, — заботливо проговорил мистер Клерк ей вслед.

Керри обернулась, холодно сверкнув глазами. Презрительно фыркнув, она удалилась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В полночь, после обычного обхода своего квартала, дежурный полицейский еще раз проверил, плотно и надежно ли закрыты двери магазина игрушек Данкена, и укатил прочь.

Марвин Синий глаз и Гарри Томсон сидели в «снежных» домиках, притаившись, пока не услышали скрип тормозов полицейского «кадиллака». Им удалось здорово провести полицейских. Тем было и невдомек, что грабители могут засесть в игрушечных домиках.

— Марв! Вылезай!

Довольные, что так ловко околпачили полицию, они дружно загоготали. Но время — деньги, и они направились к кассе.

Гарри быстро открыл ее «фомкой», а Марвин взялся за большой деревянный сундук. А когда открыл — его челюсть отвисла на невероятную длину. Глаза заблестели. От неожиданной удачи он даже сначала онемел: В сундуке лежало несметное количество разных долларовых купюр.

Гарри тоже пребывал в приятном оцепенении, вытряхивая банкноты из кассы себе в карманы.

— С Новым годом, Марв!

— С Новым годом, Гарри!

От счастья они долго не могли прийти в себя. Это превосходило все их ожидания. Марвин сразу принялся размышлять, как лучше их потратить и на какой курорт

предпочтительнее поехать. Ведь они теперь богачи и могут позволить себе самые сумасбродные затеи.

Гарри очнулся быстрее и принялся торопливо и небрежно запихивать остальные купюры в карманы сумки. Он даже вспотел, испытывая неуемную жажду обогащения. Наконец он станет богатым и сможет позволить себе то, что раньше было ему недоступно.

— Боже мой, я эти деньги даже пересчитать не могу, — Марвин хватал пригоршнями хрустящие долларовые бумажки, распихивая по карманам, в сумку и даже за ворот пальто. — Я не понимаю, зачем мы грабили этих несчастных людишек в их домах.

* * *

А между тем Кевин уже давно наблюдал за ними сквозь стекло витрины. С улицы было хорошо видно этих двух негодяев, копавшихся в кассе. Он уже подготовился достойно их встретить.

Он положил банку из-под краски, а на нее широкую доску, соорудив таким образом качели для своих «приятелей».

А те продолжали сладостно мечтать о том, как прекрасно заживут в Аризоне.

— Представляешь, мы увязаем по локоть в деньгах, а никто об этом не знает.

Марвин мечтательно закрыл глаза, пытаясь представить счастливую картинку.

Но его сладостные грезы прервал стук в окно. Оба вздрогнули и вскочили. Увидев насмешливую мордашку Кевина, они затряслись от гнева. Второй раз он появлялся, чтоб сорвать их планы. К тому же они никак не думали встретить его здесь.

— Он вернулся, — прошипел Гарри сквозь зубы.

Кевин щелкнул своим «Поляроидом».

— Он нас фотографирует!

Вместо того, чтобы отвернуться, отскочить в сторону, великовозрастные недотепы словно застыли на месте, будто собрались сделать семейный портрет.

— Интересно, как я выгляжу на этой фотографии? — подумал Марвин, высказав свою мысль вслух.

Они растерялись. Оба знали Кевина. От него всего можно было ожидать.

— Как я хотел бы его задушить, — прошипел Гарр Томсон.

— Ну вот, теперь обратной дороги нет, — сказал себ Кевин.

Он взял в руку камень, завернутый в бумагу, и раз махнулся.

— Не надо! А-а-а! — мошенники истошно заорали.

Камень полетел в окно. С хрустом и звоном посыпалось стекло. Сработала сигнализация.

Марвин и Гарри попадали на пол, прикрывая головы.

— Деньги, деньги собирай, — зашипел Гарри.

— Я убью этого негодяя!

Они принялись лихорадочно запихивать деньги в сумку. Было опасно, но жадность брала вверх даже над угрозой налета полиции. Затолкав последние купюры в карманы, они ринулись бежать.

Первым выпрыгнул из окна Гарри и сразу попал на приготовленный капкан. Увидев, что стоит на одном конце доски, он заорал:

— Осторожно, Марв!

Но тот с размаху попал обеими ногами как раз на другой конец доски, подбросив приятеля метров эдак на семь вверх.

— А-а-а!

С бешеным криком Гарри приземлился прямо на крышу стоявшего рядом «форда», проломив его крышу своим стокилограммовым весом.

— Гарри! Гарри! — Марвин бросился к другу.

Тот лежал неподвижно, закатив глаза. Марвин перепугался. Он подумал, что друг разбился.

— Гарри! Гарри! Это ужасно, — он пытался растормошить приятеля, оглушенного падением.

Он стал его приподнимать, но толстяк оказался таким тяжелым, что дохлому Марвину было трудно справиться с ним. От отчаяния он едва не заревел. Сколько лет они работали с Гарри плечом к плечу.

Марвин тормошил «полумертвого» приятеля.

— Очнись, Гарри, да очнись ты, черт возьми!

Марвин стаскивал друга с проломанной крыши. Наконец тот открыл глаза.

— Гарри! Ты жив? Вот здорово, — Марвин хлопал толстяка по щекам.

— Где он? — простонал Гарри, закатывая глаза. — Я себе подвернул колено...

— Я тут, ребята!

Оба резко обернулись. Кевин сделал еще несколько кадров, запечатлев на проломанной крыше «форда» легендарную парочку.

— Хватай его, — проскрипел Гарри осипшим голосом.

После столь крутого прыжка он повредил себе голосовые связки. И не только их. Болела поясница, а голова и вовсе не могла двигаться. Наглость мальчишки перешла все границы. Он уже не знал, какую кару ему приготовить, когда они изловят его.

— Хватай его! Хватай! — хрипел Гарри, тыкая пальцем в убегающего Кевина.

Марвин ринулся за ним. Скорчившись и хромая, Гарри поковылял следом.

* * *

Керри Маккальстер остановила такси и вскоре была уже у дома Боба. В окнах не горел свет. Керри позвонила несколько раз. Никто не открывал. Постояв на крыльце пару минут, она решила, что оставаться здесь больше не имеет смысла. Боб с семьей уехал в Париж. Но где же Кевин? О Боже! Это было ее единственной надеждой!

Куда же он мог пойти? В том-то и дело, что ему некуда деваться. В гостиницу его не пустят. Несчастный ребенок! Один слоняется по ночному городу. Это ужасно!

— Такси! Такси!

Машина остановилась.

— На Таймс-сквер, пожалуйста.

Заревел мотор, и такси исчезло в глубокой темноте слабоосвещенных улиц.

* * *

В это время Кевин подбегал к дому, где обитал дядя Боб. Подожди миссис Маккальстер пять минут, то непременно встретилась бы с сыном. Но в жизни, как и в кино, происходят самые невероятные случайности.

По трубе Кевин залез в квартиру своего дяди.

Марвин и Гарри следовали за ним, но угнаться за быстрым и ловким мальчишкой им было не под силу.

— Куда он подевался?

Злодеи остановились возле дома. Только что они видели его, но в одну секунду мальчишка словно провалился сквозь землю. Вокруг стояла тишина. Не было видно ни души.

— Странно, — Марвин расхаживал взад-вперед, оглядываясь по сторонам.

— Гаденыш, — шипел Гарри, волоча побитую ногу с ушибленной коленкой.

— Я здесь, хватайте меня!

Кевин сидел на крыше.

— Давай убьем его! — от злости Марвин подскочил на месте, сжав кулаки.

— Тихо, тихо, дубина, — прошипел Гарри. — Ты помнишь, прошлый раз мы недооценили этого маленького негодяя.

Он знал, а вернее, догадывался, что малыш приготовил новые штучки.

— Но теперь это не его дом, — возразил Марвин.

У него чесались руки пристрелить хитроумного юнца.

— Ну могу я думать? — Гарри приструнил неразумного дружка.

Марвин кивнул. Он привык подчиняться, потому что своего ума никогда не хватало, чтобы самостоятельно предпринять какой-нибудь шаг.

— Спасибо, — сказал Гарри.

Он подошел ближе к дому и, задрав голову, ласково обратился к Кевину.

— Сынок! Я с удовольствием убил бы тебя. Убить такого малыша, как ты — раз плюнуть, понимаешь? Но поскольку мы торопимся, я готов с тобой договориться. Бросай свой фотоаппарат, и мы тебе больше ничего плохого не сделаем.

— Обещаете?

— Клянусь Богом, — Гарри неумело перекрестился.

Еще ни разу в жизни он не переступал порога церкви.

— Ну ладно!

Мошенники самодовольно захихикали. Малыш глуп, как и все дети, и быстро попался на удочку.

— Ну давай! — помахал ему Гарри, заискивающе скалясь.

Но они, как всегда, ошибались. Кевин уже знал их

«честность». Да к тому же не был настолько доверчив и глуп, как им казалось.

Вместо обещанного фотоаппарата с крыши пятиэтажного дома на них полетел... кирпич. Ворюги не успели опомниться, как он стукнул по башке и без того твердолобого Марвина. Взвыв от боли, тот зашатался, перед его глазами все поплыло, и он шлепнулся на асфальт.

— Прямое попадание! — прокомментировал Кевин свой успешный бросок.

Марвин приподнял голову. В глазах помутнело и все двоилось.

Гарри высунул палец.

— Сколько я тебе показываю пальцев, Марв?

Приятель смотрел на него отрешенным взглядом ударенного по башке человека. А Гарри все тыкал у него перед носом своим пальцем.

— Ну сколько, Марв, сколько? Скажи.

— Восемь, — выдавил тот и снова рухнул на землю.

Да, с малышом придется им теперь нелегко. Его трудно провести. Тем более, что настроен он решительно. И его шуточки довольно опасны. Но надо его как-то изловить и поквитаться.

Гарри поднял голову. Кевин держал в руке еще один кирпич.

— Ну хорошо, парень. Хочешь бросать камни, бросай.

Кевин недолго раздумывал. С крыши со свистом полетел второй кирпич.

Гарри успел увернуться, и кирпич угодил в лежащего на асфальте Марвина, который постепенно приходил в сознание. На сей раз кирпич расшиб ему ногу. Это заставило Марвина очнуться и заскулить еще протяжней и звонче.

— Слушай, если ты не придумаешь ничего более оригинального, ты проиграешь.

Но Кевин и не думал щадить негодяев. В своей грязной жизни они не заслуживали другого подарка на Рождество, как удар кирпичом по башке. Ему не было жаль корчившегося, завывающего от боли, извивающегося, как червь, Марвина. Он считал это вполне справедливой и даже несколько мягкой карой за все гнусные деяния, что они совершали. Но самая соль была еще впереди. А это, как говорится, только цветочки.

Кевин сбросил третий кирпич. Он хотел заткнуть рот омерзительному щербатому толстяку. Но, к сожалению,

тот опять успел увернуться, выставив «под пули» и без того побитого Марвина.

— У-у-у!

Кирпич угодил ему в задницу своим острым ребром.

— Эй! У тебя когда-нибудь кирпичи кончатся? — взревел Гарри.

Он боялся очутиться на месте своего приятеля.

Прошла минутная пауза.

— Поднимайся, Марвин. У него закончились кирпичи.

Он дергал неподвижного друга, который потерял даже дар речи и мог только мычать.

Марвин открыл глаза. Сначала они смотрели стеклянно, ничего не выражающим взглядом. Гарри хлопал его по щекам, стараясь привести в чувство. Но тут бесцветные глаза Марвина заблестели, он нервно захлопал ресницами и громко замычал.

— Ы-ы-ы! — тыкал он куда-то пальцем.

— Что? Что?

Гарри поднял голову и увидел, что прямо на него летит кирпич. Он резко отшатнулся в сторону. И кирпич в четвертый раз сбил Марвина с ног.

Тот был даже не в состоянии выть. Только тихо стонал, уткнувшись носом в заледеневшую землю.

— Это уже слишком! Никому не позволено в меня кирпичами швыряться, — заорал в бешенстве Гарри.

Это ж надо, еще немного, и он бы хлопнул его прямо по голове. Он мог его убить! Гарри был в ярости и не знал, что предпринять, чтобы усмирить бессовестного маленького недоноска.

А Кевин не думал терять времени даром. Трюка с кирпичом было уже достаточно. Пятый кирпич наверняка опять бы угодил в Марвина и прибил бы его — это уж точно. Но это было бы чересчур просто для такого мерзавца. Он поквитается с ним по-другому. Кевин для этого подготовил более оригинальные и эффективные способы.

Кевин слез с крыши, по лестнице черного хода спустился в квартиру дяди Боба. Там негодяев ждали новые испытания.

— Гарри... Гарри... — пищал, извиваясь на земле, Марвин.

Но друга рядом не было. Увидев, что Кевин исчез,

он пошел искать мальчишку, чтобы рассчитаться за кирпичи и все остальные «безобидные» шутки, который тот ловко устраивал.

Оглянувшись по сторонам, хотя головой не мог двигать как следует, Марвин попытался подняться. Голова кружилась. Земля, казалось, уходила из-под ног. Такое с ним случалось, когда он выпивал поллитра виски.

Шатаясь, он двинулся к крыльцу. От малейшего дуновения ветерка его заносило в сторону, ноги расползались на скользких ступеньках, как у недоразвитого лягушонка. С трудом он поднялся на крыльцо, несколько раз шлепнувшись и поразбивав колени.

Он вошел на лестничную площадку, дернул ручку двери, но она на удивление легко подалась, и в руке у него оказался шнур.

— Хм, что это?

Марвин дернул сильнее. Шнур легко поддавался его нажиму. Он тянул его долго, но вдруг шнур застрял. Марвин нажал сильнее. Ничего не получалось. Он упершись ногой в дверь, стал дергать изо всех сил, но все безрезультатно.

— Черт побери, что это такое? — возмущался он и все больше входил в азарт — его разбирало любопытство.

Он напряг все силы, даже вспотел, но веревку будто застопорило. Тогда Марвин перешагнул ее одной ногой, став задом к двери, и потянул. Потом еще раз, еще...

Вдруг что-то больно ущипнуло и острыми лезвиями вонзилось в задницу.

— А-а-а-о-о-о! — взвыл Марвин.

Даже искры посыпались из его глаз.

Это был скоросшиватель, тщательно прикрепленный Кевином с другой стороны двери, как раз на уровне замочной скважины, и предназначавшийся для встречи дорогих гостей.

Со скобой в заднице Марвин нервно крутился на месте, не зная, как выпутаться. Нечаянно он опять дернул за веревку, и в его тело вонзилось еще несколько острых скобок, причем одна из них попала в самое уязвимое место, что находилось ниже живота.

Марвин истошно заревел. Испытание было отнюдь нелегким.

* * *

— Разорву на мелкие кусочки!

С дюжиной проклятий и угроз Гарри ходил вокруг дома, пытаясь разыскать Кевина, который в это время готовил им новые испытания на прочность их шкуры в квартире дяди Боба.

— Убью, закопаю, придушу, как паршивую козявку, — Гарри был явно не в духе. Он ходил по внутреннему дворику и пытался найти черный ход. Было темно, и это его бесило еще больше.

Он увидел пожарную лестницу. Но она была прикреплена слишком высоко. Он подпрыгнул несколько раз, но его рост — метр пятьдесят пять — не позволял достать даже нижнюю перекладину лестницы. Собравшись с духом, он разогнался и наконец ухватился за нижнюю перекладину, повиснув в воздухе, как сосиска. Но она оказалась такой скользкой благодаря стараниям Кевина, что он не удержался и полетел вниз, ударившись задом об один из острых заледеневших камней, валявшихся во дворе.

— О-о!

Он растянулся на земле, и тут капля мазута, висевшая, как сосулька, крупной тяжелой горошиной упала прямо ему на лоб.

— У, сволочь! — со злостью он смахнул ее с себя.

Конечно, это была тоже одна из ловких проделок Кевина, перемазавшего последние перекладины пожарной лестницы жидким липким мазутом.

* * *

Марвин вытаскивал скобы из своего и без того пострадавшего тела, на котором от них остались синие подтеки. Больно было даже прикоснуться. Но на этом штучки Кевина еще не кончались. Он уже поджидал их в квартире, чтобы сразить наповал.

Оправившись от «заноз», Марвин сильно толкнул ногой дверь. Она открылась. Он вошел.

— Гарри! Я здесь!

Он поспешил к своему приятелю, надеясь, что тот уже давно орудует в квартире, но вдруг провалился и полетел вниз, ткнувшись носом прямо в огромную кучу извести. Ему пришлось полчаса чихать, чтобы оправиться от «мягкой посадки». Теперь он стал похож на снежного человека — весь белый, только черные человеческие глаза выдавали в нем живое существо.

* * *

Наконец Гарри удалось найти черный ход. Он быстро поднялся по лестнице и нашел дверь.

— Придется тебе поработать как следует, пацан!

Небрежным ударом ноги он открыл дверь, но едва переступил порог, как с грохотом на голову ему полетели железные ножи, стамески, металлические отвертки, шиферные гвозди, разобранные части мясорубки и прочая дребедень, называемая в хозяйстве строительными инструментами, и, к тому же, больно ударяющими.

Схлопотав хорошенечко по башке, Гарри зашатался и грохнулся на пол. А металлический дождь продолжал сыпаться, неприятно обрушиваясь на его тело.

Кевин привязал к дверной ручке леску, прикрепленную к молнии большого вещевого мешка, который висел над дверью черного хода. Как только открывалась дверь, леска автоматически расстегивала молнию на мешке, и получался небольшой «дождик» металла. Все просто и эффективно.

* * *

Марвин не мог отойти от извести, залепившей нос, уши, глаза. Наконец, немного отряхнувшись, он встал.

— Ну и дыра!

Вокруг стоял полумрак. Шатаясь, он направился к свету, но по дороге его занесло в лужу солидола. Ноги расползлись в стороны, заскользили. Проделав несколько пируэтов, словно на катке, он рухнул прямо на задницу и полетел вперед ногами к стеллажам с различными стройматериалами. От резкого толчка они пошатнулись и вместе с тяжелыми банками краски полетели на Марвина. К тому же многие из них были открыты.

Кроме нанесенных ушибов и синяков, они придали ему вид пестрого попугая, окрашенного во все цвета радуги. Марвин долго не мог выбраться из липкой и

такой вонючей, что разболелась голова, лужи, все время скользя и спотыкаясь о жестяные банки.

* * *

У Гарри голова болела по другому поводу и покалывало в затылок. Он встал и включил свет. Он не собирался сдаваться и был настроен решительно и воинственно.

* * *

Бедняга Марвин выбирался из катакомб. В рот, в глаза и даже в уши попала краска. Он плевался, пытаясь выхаркнуть препротивнейший продукт. Он ничего не видел перед собой. Глаза залепило ядовитой краской, от которой щипали и распухали раздраженные веки.

— Тьфу! Тьфу! — громко фыркал Марвин.

Опираясь руками о стены, поковылял к умывальнику. Он хотел открыть кран, но внезапный удар поразил его тело. Его начало бешено трясти.

— А-а-а! О-о-о! У-у-у!

Кевин сидел у электрощитка, потихоньку увеличивая подачу электрического тока с помощью реостата.

Прицепленные к кранам электропровода сделали свое дело. Двести двадцать вольт сотрясали Марвина. Его колотило с бешеной силой, он хрюкал и икал. Он даже не замечал затекшей в глаза краски.

Сто вольт, двести вольт... Его волосы побелели, а лицо покрылось фиолетовой испариной.

Ну что же, пожалуй, достаточно. Это была хорошенькая встряска для негодяя. А то чего доброго отдаст Богу душу... Ведь Кевин еще не проделал всех задуманных экспериментов над этими хануриками.

Кевин милостиво отключил подачу тока, пожалев несчастного подлеца. Надо же дать ему передохнуть перед новыми испытаниями.

Марвин медленно опустился на пол. Мало ему, конечно, не показалось. Наглотавшись краски, он почувствовал тошноту. Началась рвота.

* * *

Гарри бродил по лестничной площадке. Где же пацан? Он уже вполне оправился от ударов и снова был готов к бою. Он боялся опять открыть дверь, опасаясь нового «дождя». Но делать было нечего. Дело не терпело отлагательства. Надо действовать.

Гарри толкнул дверь. Она открылась. Постояв немного, дабы опять не получить по башке, осторожно переступил порог. Вошел.

— Ха! Ха! Ха!

Наконец пацаненок ему попадется.

Перед носом Гарри увидел веревочку, ведущую к лампочке. Он дернул — она загорелась. Он прошел в квартиру дальше. Вот и вторая лампочка. Бац! Свет зажегся опять. Он прошел еще немного вперед, подозрительно оглядываясь по сторонам. Вокруг было тихо. Носом он наткнулся на третью веревочку. Дернул и за нее, но света не последовало. Ну и черт с ней. В конце концов, он искал Кевина, а не зажигал свет. Он шмыгнул в следующую комнату. Но вскоре почувствовал, как что-то стало печь голову. Он ничего не понимал.

Гарри заметался. Он бегал по комнатам и вдруг на стене в зеркале увидел свое изображение. Голова у него... горела. На ней полыхал целый огненный факел.

Третья лампочка оказалась роковой. Дернув за веревочку, он зажег бесшумный бензиновый паяльник, который и поджег Гарри Томсона.

Горела лысина. Гарри в ужасе заметался, не зная, куда сунуть пылающую голову. Он подбежал к умывальнику.

Но извилин в голове у Гарри оказалось побольше, чем у Марвина. Он заметил электропроводку, соединяющую водопроводные краны и электрощит.

Он бросился к унитазу. Там еще осталось немного воды. Хотя и она была какого-то подозрительного желтого цвета. Недолго раздумывая, он всунул голову в унитаз.

По окрестностям прокатилось эхо взрыва. В доме от этого повылетали стекла.

Не вода была в унитазе, а бензин, налитый туда «заботливым» Кевином на тот случай, если кто-то захочет затушить горящую голову.

— А-а-а! — бешено орал Гарри.

Слезы катились у него из глаз. Даже из ушей текл непонятная жидкость. Гарри осторожно ощупал голову оторвал остатки обгоревшей шапки, вернее то, что от нее осталось. Это было уже во второй раз — испытание головы огнем. Надо сказать, что она успешно его выдержала и еще раз на деле доказала свою огнеупорность и прочность.

Гарри подошел к зеркалу. Увидел обугленную лысину, и из глаз его градом покатились слезы. Он потерял всякую надежду, что волосы когда-нибудь вырастут на его голове.

— Я иду! — услышал он голос Марвина.

* * *

Тот шел на помощь своему другу. Он увидел веревку, которая спускалась со второго этажа. Дернул. Ничего. Дернул еще сильнее. Снова ничего. Держится крепко. Он подпрыгнул, чтобы зацепиться и полезть наверх, но веревка упала ему в руки, и он сам остался стоять на месте. Что такое?

Но тут что-то тяжелое свалилось на голову. Пятидесятикилограммовый мешок с цементом удачно приземлился на мягкого Марвина.

— Я убью этого пацана, — простонал Марвин, совсем отчаявшись и задыхаясь от ядовитого порошка.

Но сдаваться было нельзя. Как можно допустить, чтобы молокосос чуть ли не детсадовского возраста позволял себе так издеваться над «почтеннейшими» людьми. Ярость и жажда мести закипала в его груди.

Марвин поднялся. Не доверяя больше веревкам, он решил построить лестницу сам. Он составил ящики, которые валялись на полу, и по ним попробовал пробраться наверх. Зацепившись руками за пол верхнего этажа, он напрягся и высунул голову. Он увидел Кевина.

— Эй! Эй!

— А ты не знал, что мальчишка всегда обхитрит двух идиотов?

Кевин засмеялся и по лестнице поднялся на третий этаж.

* * *

Появился Гарри. Увидев белую голову приятеля, с вытаращенными красными глазами и странным, цвета земли, ртом, он сначала не узнал его.

— Это я, я, Гарри, — простонал Марвин. — Он наверху! Хватай его!

— Сейчас, сейчас.

Гарри полез по лестнице вслед за Кевином. Но на самой последней перекладине та внезапно треснула, и с криком толстяк грохнулся на пол. Свалившаяся на него лестница довершила дело — треснула его по башке в довершение ко всем бедам.

Гарри жалостно скулил, подобно побитому щенку. Неудачи одна за другой изводили его.

— Я иду! Иду!

Марвин подбежал к другу. Но от его приближения Гарри стало еще хуже. Запах краски поразил его дыхательные пути.

— Очнись, Гарри, ты жив?

Тот открыл глаза и сделал приятелю знак отвалить в сторону. Но Марвин не понял такого намека. Сам он уже привык к своей внешности и даже не ощущал на губах краски. Она присохла и была чем-то вроде губной помады. Только, к сожалению, земляного цвета. Но человек привыкает ко всему.

Марвин тряс Гарри, закатившего глаза от боли и удушливого запаха, исходившего от друга.

— Вставай, вставай, Гарри. Слушай, у тебя даже все зубы на месте.

Кевин показался в щели между этажами.

— Слушайте, может, по ступенькам подниметесь?

— Вот именно, — вскочил Гарри.

Оба рванули на лестничную площадку. Но тут Гарри остановился.

— Чего ты? Пошли, — Марвин толкнул его в плечо.

— Погоди, погоди, — сказал тот. — Ты что, забыл, что было в прошлый раз с нами на такой лестнице?!

Гарри помнил хитрую проделку Кевина с банками краски, которые прошлый раз поразбивали им головы, а Гарри лишился даже своего золотого зуба. Ну уж нет, второй раз он на такую удочку не попадется.

Они прижались к стенке. Одна за одной полетели банки с краской. Но злодеи решили обхитрить Кевина.

— А-а-а!

— О-о-о!

По очереди Гарри Томсон и Марвин Синий глаз истошно орали, имитируя попадания банок в цель. Вот и обманули мы тебя, мерзкий мальчишка. Выждав немного, Гарри шепнул:

— А теперь хватай его!

Они двинулись вперед. Радость закипала в душе от предвкушения близкой расправы. Но тут их встретила объемистая труба, которую, выждав подходящий момент, Кевин спустил с наибольшей силой. Не успели обрадовавшиеся бандиты сообразить, в чем дело, как она полетела на их головы.

Воришки беспечно поднимались по лестнице, не ожидая третьего сюрприза. Кубарем они покатились с лестницы, проломив спинами дощатый пол, и грохнулись на первом этаже, угодив в известь.

— Ап-чхи! Ап-чхи!

Гарри чихал и сморкался. Из глаз текли слезы.

Но медлить было нельзя. Они приблизились почти что к самой цели. Злоба и ненависть набирали силу. Нужно действовать, мстить и в конце концов раздавить мальчишку, как вреднющего таракана.

Отряхнувшись, они выбирались из ямы.

В это время Кевин готовил им сногсшибательный трюк. Он выкатил на лестничную площадку шкаф с инструментами на колесиках, привязал к нему толстый жгут, который прикрепил накрепко к дверной ручке с обратной стороны от двери, ведущей на чердак.

— Эй, ребята, вы чего, сдались, что ли?

— Вот он! — закричал Марвин.

Кевин шмыгнул назад. Они ринулись за ним, пробираясь через баррикады с краской. Они не думали сдаваться. Жажда мести придавала силу.

— Ну все, пацан! Теперь тебя ничто не спасет. Видно, родители на Рождество подарили тебе надгробие.

Они поднялись на лестницу.

— Куда он делся?

— Я здесь! И мне очень страшно, — услышали они голос за дверью.

— Он там! — прошептал Марвин.

Гарри бросился к двери, но тут же остановился.

Он вспомнил, как год назад обжег себе руку, когда Кевин накалил дверную ручку каминными щипцами. Нет, он не глуп! Он помнит эти штучки! Больше молокосос не проведет великого профессионала-грабителя Гарри Томсона. Он осторожно прикоснулся к дверной ручке, боясь обжечься. Но она сразу отвалилась и за ней потянулась веревка. Гарри потянул ее, но за этим ничего не последовало. Но вдруг они услышали как за дверью что-то загрохотало. Прикусив губы, оба с любопытством приложили к двери уши. Они решили, что с Кевином что-то случилось. Вероятно, он откуда-то свалился. Они хихикали. Так ему и надо, негодяю!

Но вдруг дверь двинулась прямо на них. Вместе с ней они отлетели, стукнувшись о стену. Шкаф, который Кевин спустил по лестнице с чердака, высадил дверь и вместе с нею притиснул обоих негодяев к стене, хорошенько помяв Гарри Томсона.

— Такой звук издает ящик с инструментами, когда падает вниз, — сделал вывод Марвин.

Они подергали рукой за носы, вставив носовые хрящики на место, проверив, все ли в порядке. Марвин ощутил, как на лбу набухала здоровая шишка, замечательно гармонировавшая с опухшими красными глазами, седыми, как мел волосами и ярко-зеленым ртом.

Рожи, конечно, были одна забавней другой. Ни один гример не создал бы таких масок.

Поохав, постонав и поругавшись, они побежали искать Кевина. Мальчишка перешел все границы. Терпение лопнуло. Больше они не попадутся в его силки!

— Куда же он запропастился?

— Черт бы его побрал.

Тем временем Кевин взобрался на крышу и начал спускаться вниз по толстой веревке.

Зрелище было потрясающим. Десятилетний мальчик слезал с девятиметровой высоты. Кевин боялся смотреть вниз и поэтому старался глядеть только в стенку.

— Где же он?

Марвин и Гарри выползли на крышу.

— Да тут шею можно свернуть!

— Я здесь!

Кевин уже стоял внизу на асфальте и с улицы орал бандитам.

— Да подавись ты, парень! — Марвин сбросил кирпич. Но после случая с краской он окосел, и камень полетел далеко в сторону.

— Пошли, пошли, — подтолкнул его Гарри.

Он увидел веревку, по которой спустился Кевин. Он

проверил ее на прочность и хорошо ли она привязана. Вроде никаких подвохов не было.

Он прыгнул на веревку и стал медленно спускаться.

Марвина трясло. Стоило ему посмотреть с крыши, как захватывало дух. Коленки дрожали. От страха он закрывал глаза.

Но Гарри, знавший слабое место приятеля, строго цыкнул и погрозил кулаком.

— Что стоишь? Ну!.. Должны же мы изловить негодяя!

Только неуемное желание мстить заставило Марвина полезть по веревке. Сердце бешено колотилось. Кружилась голова. Но дело было важнее всего. Он не должен отступать — пора наконец рассчитаться с молокососом.

— Гарри, это твой одеколон? — спросил Марвин, принюхиваясь.

— Нет, это пахнет керосином. Веревка пахнет керосином.

— А зачем это кому-то понадобилось пропитывать веревку керосином? — удивлялся Марвин.

Но когда Кевин чиркнул спичкой и поднес ее к концу веревки, Гарри осенило. До него дошло, почему веревка пахнет, и, по всему было видно, что она хорошенько пропитана керосином.

Бандиты висели как раз посередине, на уровне третьего этажа.

— Наверх, быстрей!

Марвина, до которого пока ничего не доходило, стало трясти. От страха разжимались пальцы, тело пробирала судорога. Опять мальчишка что-то задумал!

Пламя быстро разгоралось, поднималось все выше и выше.

От нервного потрясения и страха оба бандита сорвались и полетели вниз по горящей веревке. Проломив строительные сооружения, они грохнулись на землю. Каким-то образом Гарри оказался на животе Марвина, притиснув его так, что у того едва не полезли наружу кишки.

— А ну, слезай!

В завершение всего на них посыпались доски, банки с краской, гвозди, полился керосин. Это было последним штрихом проделок Кевина Маккальстера в отместку двоим негодяем за их грязные делишки по плану «Хо-хо-хо».

Бандиты стали неузнаваемы. И похожи на дьяволов из ада.

Кевин побежал к ближайшему телефонному автомату.

Набрал номер.

— Полиция! Ребята, вы в канун Рождества работаете? Я тут на перекрестке двух улиц...

— Хватай его! Хватай! — бандиты уже гнались за ним.

— Я дам сигналы фейерверком, — сказал Кевин полицейскому на коммутаторе. — Но вы смотрите, будьте осторожней, преступники вооружены. У них пистолет...

Увидев, что воришки уже близко, Кевин бросил трубку и кинулся бежать.

— Эй, я здесь! Хватайте меня! Или я позвоню в полицию! — дразнил он их.

Он перебежал перекресток, но возле самого тротуара у колонки, где образовалась лужа, поскользнулся. Он упал на спину, больно ударившись затылком о лед. Голова закружилась. В глазах потемнело и поплыли яркие круги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Марвин и Гарри склонились над Кевином.

— Боже мой, — ехидно запричитал Марвин. — Ну надо же, как не повезло!

— Ну что, парень, приятно? То-то...

Они подняли Кевина за руки, встряхнули и повели по направлению к парку.

От удара Кевин ощущал легкую тошноту. Перед глазами все плыло. Изо всех сил он старался держаться на ногах. Только бы не упасть в обморок. Тогда он завалит все дело. Во что бы то ни стало нужно дождаться полицию. Надо тянуть время. Кевин волновался. Это же надо — так глупо попасться. Теперь он не в состоянии вырваться из их лап. Да и на улицах, как назло, ни души.

Кевин оглядывался по сторонам. Он искал соломинку, за которую можно было бы ухватиться в критической ситуации.

Бандиты не пощадят его. Слишком много он сделал им гадостей.

Они свернули в парк. Горели только редкие фонари — остальные были разбиты. От темноты Кевину стало еще страшнее.

— А ну-ка, покажи свою сумочку.

Кевин попятился назад, но Гарри резко дернул его рюкзак, стащив с плеч. Он достал фотоаппарат, вытряхнул готовые фотографии.

Да! Они неплохо смотрелись среди игрушек и долларовых купюр в магазине Данкена. Гарри любовался собой.

— В альбоме будет неплохо смотреться.

Державший за шиворот Кевина Марвин тоже заинтересовался.

— Покажи! Хм, да я тут просто красавец!

Оба загоготали. Кевина тоже разбирал смех при виде измазанных известью, краской, обгоревших уродов, так откровенно любующихся собой. Жаль, что не удалось сфотографировать их в таком виде.

Марвин взял Кевина за ворот куртки и потянул его на себя.

— Ты выиграл битву, парень, но войну проиграл, — процедил он сквозь зубы. — С нами, недоносок, тебе не справиться. Мы опасные люди.

Гарри достал пистолет и ткнул им в нос Кевину. У мальчика по телу пробежала дрожь. Грязные ублюдки не шутили и были способны сделать с ним все, что угодно.

Кевин торопливо перебирал в уме варианты, как избавиться от негодяев. Но он был один. В темном парке. Вокруг ни души. К сожалению, никто не мог ему помочь.

Тут Марвин услышал какой-то странный шум. Бандит стал пугливо оглядываться.

— Гарри, — шепнул он.

На ветках окружающих их деревьев сидело несметное количество голубей.

— Что это, Гарри? — испуганно спросил Марвин.

— Заткнись, — цыкнул Гарри.

Он уже и сам предчувствовал недоброе, но прерывать начатое дело не собирался.

А голуби порхали вокруг, задевая ближайшие деревья и кусты.

— Что-то тут не так! — опять прошептал Марвин.

Он не унимался. Он считал, что большая стая птиц — это плохое предзнаменование. На этот раз предчувствие и интуиция его не подводили.

— Надо уходить!

— Заткнись, кому говорю!

Гарри выходил из терпения. Трусливость Марвина переходила все границы.

Он повернулся к Кевину, поднес револьвер к его виску.

Бедный ребенок захлопал глазами, его душа уходила

в пятки. Загнанный в угол, теперь он уже не надеялся на спасение.

— Я не доучился до шестого класса, — прохрипел Гарри, — и ты не доучишься.

У Кевина подкосились коленки. От страха он едва не свалился в обморок.

Но вдруг сзади они услышали сердитый голос.

— Отпусти ребенка, гад! Кевин, беги!

Бандиты обернулись. Кевин увидел Джуди. Она стояла с ведром, собираясь замахнуться.

На секунду воришки оторопели. Они никак не ожидали чьего-нибудь вмешательства в парке.

— Ну, кому говорю! — громко крикнула Джуди, поднимая ведро.

— Стреляй! — закричал Марвин.

Тот пытался взвести курок, но пальцы были скользкими от краски, и у него ничего не получалось.

— О, черт! — нервничал Гарри.

Опять неудача! Ну что же это такое? Почему им так не везло?

— Стреляй! — орал Марвин.

— Да я пытаюсь, черт возьми! — Гарри со злостью пытался снова взвести курок. Пальцы соскальзывали.

Что же в эти минуты испытывал Кевин? Он стоял на грани между жизнью и смертью. Не окажись здесь Джуди, они давно пристрелили бы его. Но, растерявшись при ее появлении, занервничали, и Кевин испытывал облегчение. Он знал: она спасет его. И не ошибался.

Джуди сыпнула из ведра зерно, и именно оно спасло жизнь Кевину. А так как бандиты были в краске, которая еще не успела высохнуть, зерна поприлипали к их телам.

И тут началось невообразимое, то, чего так опасался Марвин. При шуме падающего зерна голуби ринулись на Гарри и Марвина. В одну секунду с ног до головы их облепили голуби и стали жадно клевать, кусая щеки, носы и распухшие глаза преступников.

— Ай! Ай! — вопили ворюги, пытаясь отмахнуться от голубей, но были бессильны что-то сделать перед огромной птичьей стаей.

Тьма голубей сбила с ног незадачливых воров. Было скользко, и вскоре Марвин и Гарри растянулись на земле, а голуби продолжали усердно клевать.

Бандиты извивались, корчились, вопили, но справиться с сотнями остроклювых птиц им было не под силу.

Как будто тяжелый камень свалился с плеча Кевина. Теперь он знал, что спасен. Второй раз ему приходил на помощь человек, которого он когда-то боялся и сторонился. Год назад старик Моргви — «гроза окрестностей» — вытащил его из рук этих бандитов, а сейчас бездомная одинокая женщина спасла его от смерти. Да, в жизни происходят невероятные вещи. Помощь приходит оттуда, откуда меньше всего ее ждешь.

Он бросился к Джуди.

— Я не знаю, как вас благодарить.

Он не находил слов, потому что очень волновался. Отбежав в сторонку, Кевин поджег миниатюрную установку для запуска фейерверков. Вспыхнул факел, и в воздух полетели сотни разноцветных огоньков. Весь парк осветился от вспышек.

* * *

Полицейские машины подъехали к перекрестку. В глубине парка что-то вспыхивало и блестело.

— Боже, что там происходит? Перестрелка, что ли?

Полицейские повыскакивали из машин и бросились к парку.

— Эй, вы двое, заходите слева, а мы пойдем справа.

Когда полицейские подошли ближе, то увидели презабавнейшую картину.

Два существа, людьми которых назвать было трудно, ползали по заледеневшей аллее, а на них копошилась куча голубей.

— Боже ты мой! Что это? — полицейский вытаращил удивленные глаза.

Он выстрелил в воздух. Большая часть голубей разлетелась, а остальные накрепко прилипли к телам возящихся на земле.

— Тьфу!

— Ап-чхи!

У Марвина и Гарри был полные рты голубиного пуха. Раскрашенные масляной краской, в перьях и голубином помете, они имели жутчайший вид. От них исходил удушающий запах, в котором смешалось все: краски,

ацетон, керосин, бензин да и к тому же еще и птичьи отходы.

Прекрасно сочетались с этой картиной выцветшие грязные патлы Марвина, поседевшего после электрической встряски.

— Ну хорошо. Вставайте, ребята. Быстро!

— Помогите...

Они выглядели столь безобразно, что прикасаться к ним никто не имел ни малейшего желания. Но патрульным ничего не оставалось, как зажав носы, поставить на ноги выбившихся из сил мошенников.

Они подняли сумку, валявшуюся рядом. Она была полна наличных денег. Наверху лежали два ярких новеньких снимка и аудиокассета. «Это о том, как два плохих парня хотели меня убить», — было написано на ней рукой Кевина.

— Ребята, надо было начать чуть пораньше. А то подарки заключенным уже вручили, и мы опоздаем, — пошутил полицейский над двумя недотепами, разукрашенными в привидения.

— Мы правда хотели грабануть магазин игрушек, — начал бахвалиться Марвин.

Они потерпели неудачу. Мальчишка опять обвел их вокруг пальца. Обида и злость загорались в душе и ужасно хотелось хоть напоследок выкинуть какую-нибудь гадость. Но Гарри раздраженно толкнул Марвина ногой.

— Заткнись!

Он был страшно зол. Он корил себя за то, что связался с этим хитроумным мальчишкой. Еще больше негодовал и укорял себя за то, что взял в компаньоны недотепу и неудачника Марвина по кличке Синий глаз. В который раз он проваливал дело. Если бы не его язык, пацаненок ничего бы не знал об их намерениях и они спокойненько летели бы в Майами-Бич с полным мешком денег. Так нет, черт потянул его за язык, все выболтал, куда, зачем, когда и во сколько. Скотина. Он готов был задушить безмозглого болвана.

Гарри бросился к Марвину и, повалив его на землю, стал жестоко молотить ногами.

— У тебя есть право хранить молчание.

— Да. Я немножко завелся, — у Марвина из носа потекла кровь, но он все равно не унимался. — Просто мы недавно сбежали из тюрьмы. Несколько дней назад.

— Да заткнись, Марв! Иначе я придушу тебя, — прошипел Гарри.

Полицейские, недолго церемонясь, повели их к машине, периодически подталкивая под зад.

— А ну давай, шевелись!

— Да, и еще, ребята, — Марвин не хотел прикрывать свою тарахтелку, несмотря на угрозы друга. — Если дело попадет в газеты, то мы уже переквалифицировались. Мы уже не «мокрые», а «липкие» бандиты. Липкие — это пишется по буквам: л, и, п...

Гарри не выдержал и саданул Марвина под зад. Тот взвизгнул, завопил и бросился, чтобы дать сдачи, но полицейские оттащили его за шиворот, приказав вести себя прилично.

* * *

Кевин прибежал к магазину Данкена. Там уже была полиция. Комиссар осматривал помещение. Ему уже позвонили, доложив, что бандиты пойманы. Сделав необходимые снимки, сняв отпечатки пальцев, полицейские подошли к господину Данкену.

— Ну, теперь все кончено, мистер Данкен. Воров уже поймали, деньги изъяты. Все хорошо.

— Да. Это все потому, что деньги мы передаем в клинику для больных детей.

Комиссар, разглядывая разбитое окно, поднял с пола камень, завернутый в бумагу. По всей видимости, подумал он, именно этим предметом и было разбита витрина. Он развернул бумагу, и, прочитав несколько первых слов, понял, что это послание к хозяину магазина.

— Прошу прощения, я нашел вот это, — он протянул листок. — Похоже, вашу витрину разбил ребенок.

Господин Данкен взял записку. Он увидел письмо, написанное детским почерком.

«Дорогой мистер Данкен!

Я разбил вашу витрину, чтобы поймать плохих парней. Мне очень жаль. У вас есть страховка? Если нет — я пришлю вам немного денег, если доберусь до Чикаго.

Всего вам доброго.

Кевин Маккальстер.

P.S. Да. Большое спасибо за голубка и горлицу».

— А-а! Голубок и горлица, — тут господин Данкен вспомнил милого непринужденного малыша, который приходил в магазин утром и пожертвовал двадцать долларов для детской клиники.

Простодушные и наивные строки письма Кевина растрогали его. Он всегда очень любил детей за их неиспорченные души. Всю жизнь он делал для них много хорошего. И был искренне счастлив, когда они платили ему тем же.

Почти незнакомый мальчик из Чикаго, всего один раз в жизни посетивший его магазин, спас его от ограбления да еще подарил радость больным детям на Рождество.

Поступок Кевина потряс его до глубины души и заставил прослезиться. Он непременно отблагодарит своего спасителя за его великодушие и смелость.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Керри Маккальстер бегала по улицам ночного города в поисках сына. Она была в отчаянии. Она не знала, что делать, что предпринять, чтобы найти его.

— Я ищу своего сына! Вы не видели его? — она показывала фотографию Кевина каждому прохожему, которого встречала на улицах Нью-Йорка.

Но люди только равнодушно качали головами и спешили по своим делам. Никого не интересовали ее проблемы. Некоторые даже принимали ее за сумасшедшую, которая с выпученными глазами носится с фотографией по городу, останавливая каждого и набрасываясь с вопросами.

— Вы не видели?

— Нет.

— А вы?

— Не припоминаю.

Измученная, потерявшая всякую надежду, Керри плелась по улице. Она увидела дежурную полицейскую машину, стоявшую на обочине дороги. Керри бросилась к ней, постучала по стеклу. Дверца открылась. Выглянул полицейский.

— Прошу прощения, я ищу своего сына.

— Когда он пропал?

— Два дня назад.

Керри протянула полицейскому фотографию Кевина. Несколько секунд он внимательно рассматривал ее, потом отдал Керри обратно.

— Вы обращались в полицию?

— Да.

— Доверьтесь нам. Мы найдем его.

— Но я же мать...

Керри с трудом удерживала слезы. Разве она могла спокойно сидеть в уютном номере, спать, когда ее сын один болтается по ночному городу, когда она ничего не знает о нем.

— Ну, это я догадался, — улыбнулся полицейский. — Но вы ищете иголку в стогу сена.

— У вас есть дети?

— Да.

— Если бы один из ваших детей потерялся, что бы вы сейчас делали?

Полицейский вздохнул, пожал плечами.

— Наверное, то же, что и вы.

— Спасибо.

Керри грустно опустила голову. Она так отчаялась, что даже не знала, что делать, что говорить, куда податься.

— Послушайте, — сказал полицейский сержант, — представьте, что вы находитесь на месте вашего сына. Что бы вы делали?

— Я бы уже, наверное, мертвой валялась в какой-нибудь канаве. Но только не Кевин!

Она знала его. Он гораздо сильнее, выносливей, смелее ее. Он не боится трудностей и сумеет найти выход из самой непредвиденной ситуации.

— Я прекрасно знаю его. С ним все в порядке. Но он один в этом огромном городе. Он этого не заслуживает. Он должен быть со своей семьей, рядом с рождественской елкой.

Елка! Тут ее ударило, словно молнией. Елка! Кевин всегда любил рождественские елки. Как она раньше не догадалась!

— Я знаю, где он. Мне нужно добраться до Рокфеллер-центра.

— Хорошо, мадам.

Керри села в машину.

* * *

Кевин стоял у самой большой рождественской елки в Нью-Йорке. Величественная, блестящая, сияющая разноцветными огнями, она казалась невероятно огромной.

Вокруг не было ни души. Стояла безмолвная тишина, только рев моторов проезжающих машин нарушал таинственный покой чудесного предрождественского вечера.

— Я знаю, что я недостоин. Я совершил много глупостей, был слишком вспыльчив и груб со своей семьей, причинил немало хлопот. Но я совершил и хороший поступок. Но, несмотря на это, так уж и быть, можно мне никаких подарков не дарить...

Как обычно, Кевин в канун Рождества обращался к Санта-Клаусу, который всегда исполнял его заветные желания.

Да, теперь он во многом раскаивался. Ему было стыдно за нелепые выходки, за то, что без конца расстраивал родителей из-за всякой ерунды. И теперь он представлял, как волнуются его родные, думая о нем.

Ему не нужно никаких подарков. Он готов извиниться перед родителями. Он любил их всех и даже База. Он страшно соскучился и устал быть один. Одиночество — вещь очень утомительная. Иногда жаждешь его, но тебя хватает лишь на несколько дней. Человек не может быть один. Он нуждается в людях, в общении, в своей семье.

— Вместо любых подарков я хотел бы попросить только одно — увидеть маму, — у Кевина невольно потекла слеза. — Я больше ничего не буду просить. Я знаю, это довольно сложно сделать сейчас. Но пообещай мне, что когда-нибудь, хотя бы издалека, я увижу маму. Я хочу извиниться перед ней.

Комок сжал горло. Кевин проглотил слезу. Ему было ужасно грустно и одиноко, холодно и неуютно. Его семья, наверное, сейчас собралась за праздничным столом. Хотя нет. Вероятно, они ищут его.

Хотелось плакать, но Кевин изо всех сил сдерживал свои эмоции. Он ведь мужчина, а не слюнтяй, и должен вести себя достойно. Он постарается исправить ошибку. Родные простят его. Только бы добраться домой.

Он опять вспомнил о маме. Где она сейчас? Наверное, где-нибудь в полиции. Ждет о нем известий. Какой же он эгоист, ведь она так заботилась о нем! Как можно было принести ей так много страданий?!

— Я очень хочу увидеть маму. Милый Санта-Клаус,

пообещай, что ты исполнишь мое желание. Больше я ничего не прошу.

— Кевин! — услышал он вдруг за спиной.

Он подумал, что ему показалось.

— Кевин! — послышалось еще отчетливее.

«Что это? Наверное, у меня начались галлюцинации», — подумал Кевин.

— Кевин! Кевин! Я здесь!

Он обернулся и не поверил своим глазам. Его мама, живая, настоящая мама бежала ему навстречу через проезжую часть.

— Не может быть... Ну и темп!

Ну и Санта-Клаус! Настоящий волшебник. А еще говорят: чудес не бывает!

В распахнутом пальто, Керри бежала к сыну. Сначала Кевин немного растерялся от неожиданности, а потом, словно очнувшись, бросился ей навстречу.

— Мама! Мама!

В двух метрах друг от друга они остановились.

— О, Кевин... — у уставшей, измученной Керри текли слезы.

— Прости меня, мама. Я сделал плохо.

— И ты меня прости...

Они бросились в объятья друг к другу.

Мама! Это была она. Он ощущал ее дыхание, слышал запах ее духов. Больше всего на свете он любил ее.

Кевин! Керри крепко прижимала к себе своего маленького сына. Он был весь замерзший. Он дрожал. От холода и волнения. Бедный, милый, несчастный ее сын. Ей даже не верилось, что она вновь держит его в своих объятиях. Больше она никогда не упустит его, будет смотреть, ни на кого не полагаясь. Она не позволит, чтобы страдал ее ребенок. Ее мужественный и смелый ребенок, сумевший выдержать и устоять в такой ситуации.

— С Рождеством тебя, мама!

— И тебя с Рождеством!

Они обнялись крепко-крепко. Было уже поздно. Керри вспомнила, что ребенок замерз.

— Ну, а теперь пошли.

Тесно прижавшись друг к другу, они направились к стоянке такси.

— А как ты догадалась, что я здесь?

— Я знаю, что ты любишь рождественские елки. А в Рокфеллер-центре самая большая елка в городе.

— А где все остальные? Они в Майами?

— Им тоже надоели пальмы, они хотели к рождественской елке.

— А как папа?

— Он сейчас в полиции.

Боже, сколько горя он приносил своей семье. Второе Рождество они проводили в суматохе.

— Мне так стыдно, мама!

— Но ведь мы тоже виноваты перед тобой, — Керри поцеловала сына в холодную щеку. — Главное, я тебя нашла. И очень счастлива.

— Мама! — Кевин повис у нее на шее. — Я тебя очень-очень люблю и больше никогда не буду теряться.

Керри улыбалась. Она была счастлива, что наконец обрела сына, а все остальное казалось мелочным и неважным.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Белый бархатный снег покрывал землю, деревья, дома. Пушистые снежинки задорно кружились в воздухе. Небо стало безоблачным и кристально-чистым, поражая своей ослепительной голубизной.

Солнечные лучи проникали в комнату сквозь прозрачные шторы.

Первым проснулся Фулер. Он всегда вставал раньше всех, так как ложился первым. Протерев глаза своими маленькими кулачками, он надел очки. Все вокруг крепко спали, мирно посапывая и зарывшись под одеяла.

— Боже мой, уже утро! Уже рождественское утро! — воскликнул он.

Звук писклявого голоса разбудил Кевина. Эту ночь он на редкость крепко спал. Ему снились замечательные сны. Лишь изредка мелькали отвратительные рожи воров в голубиных перьях. Но за последние дни он так сильно устал, что не заметил, как часы пробили девять.

Кевин приподнялся на локте, увидев улыбающуюся рожицу Фулера.

— Слушай, не надейся ни на что. Я не думаю, что Санта-Клаус посещает гостиницы.

У Фулера вытянулось лицо, скривились губы.

— Да ты что, с ума сошел? Он должен мне принести подарок!

Фулер вылез из-под одеяла и стал прыгать на кровати.

— Эй, вы! Просыпайтесь! Рождество!

Он скакал на кровати, выбивая из нее пыль.

— Просыпайтесь, сонные тетери! Рождество!

Он спрыгнул с кровати и в пижаме бросился в холл, где стояла елка.

Дети быстро повскакивали со своих кроватей. Растрепанные, полусонные, они побежали за Фулером.

— Рождество! Рождество!

Но влетев в холл, они застыли от удивления. Все узрели невероятнейшую картину: под елкой лежало много-много больших и маленьких разноцветных коробок, перевязанных шелковыми лентами.

— Ух ты! Откуда эти подарки?

Ничего себе! Они что, свалились с неба?

— И кто это подготовил такой сюрприз?

Оторопевшие дети не могли сдвинуться с места от приятной неожиданности.

Из спален вышли родители и тоже были поражены сюрпризом.

— Боже мой! А мы не ошиблись номером? — спросил Питер.

Дети ринулись к подаркам. Началось всеобщее оживление. Они принялись распечатывать загадочные коробки, шушукаясь и визжа от восторга.

Баз поднял руку.

— Минуточку внимания! — громко сказал он. — Успокойтесь все.

Дети уставились на него, крепко держа свои коробки в руках. Воцарилась тишина.

— Я хочу сказать вот что. Если бы Кевин опять не натворил дел, мы бы не оказались в этой замечательной гостинице и у нас не было бы таких чудесных подарков. Поэтому было бы справедливо, если бы он первым открыл подарок.

Он бросил Кевину коробку.

— Держи, Кевин!

Тот немного растерялся. От кого-кого, а от База он не ожидал таких слов. Кевин поймал коробку. Хотя, конечно, не очень верил в его искренность. Он хорошо знал брата. Тем более коробка была очень маленькой.

— С Рождеством тебя, Кевин!

— С Рождеством тебя, Баз!

Все дружно захлопали в ладоши, радуясь долгожданному примирению двух вечно враждующих сторон.

— Ладно! Хватит эмоций! Пусть открывает каждый свой подарок! — скомандовал Баз.

Все зашумели, закричали и начали потрошить коробки.

Вдруг на елке Кевин увидел голубка и горлицу, точно таких же, как ему подарил мистер Данкен. Он понял, кто привез эти подарки в номер, где остановились Маккальстеры.

И сразу же вспомнил о Джуди. Она сейчас одна. Никто не принесет ей рождественский подарок.

Он не может оставить ее одну в такой день. Она не должна грустить, когда все вокруг смеются, радуются празднику и подаркам.

Кевин бросил свою коробку, так и не распечатав ее, и бросился в свою комнату. Он быстро оделся и выскочил на улицу.

Как обычно, Джуди стояла среди заснеженных деревьев со своими голубями.

— С Рождеством! — сказал Кевин.

Она обернулась. Увидев Кевина, улыбнулась и, конечно, удивилась. Она не ожидала увидеть его сегодня.

— Кевин?! С Рождеством!

— У меня есть для тебя кое-что.

Джуди вопросительно посмотрела на малыша. За долгие годы одиночества она отвыкла от общения, неожиданных сюрпризов.

Кевин подошел к ней и протянул маленького игрушечного голубка.

— Что это?

Она удивленно вертела его в руках.

— Голубок и горлица. Один голубок у тебя, другой у меня. Пока мы будем их хранить, останемся вечными друзьями.

— Кевин...

Джуди до глубины души растрогали эти слова, детская искренность и чистота, которой она так долго не видела в людях. Одинокая и покинутая всеми, она растерялась от его внимания и заботы. Слезы невольно накатывались на глаза.

— Спасибо тебе, Кевин...

— Я тебя никогда не забуду, — сказал он. — Можешь мне доверять.

Она спасла его. А такое разве можно забыть?

Они обнялись.

* * *

В номер постучали. Баз открыл дверь. На пороге стоял Седрик с традиционной лакейской улыбкой.

— Вот, пожалуйста, счет за обслуживание номера мистера Маккальстера.

Баз взял в руки счет, но когда взглянул на количество колонок и цифры за оказание услуг, то потерял дар речи. Здорово же повеселился братец!

Седрик протянул руку и пошевелил пальцами, делая свой обычный жест.

Но Баз был настолько поглощен чтением перечня оказанных услуг, которые разместились на пяти страницах, и был настолько шокирован цифрами, что достал изо рта жвачку и положил ее на белую перчатку Седрика.

— Спасибо. С Рождеством!

Дверь захлопнулась у лакея перед носом. Выпучив глаза, он глядел на свои чаевые, которые уже успели прилипнуть к белоснежной перчатке.

— Отличная семейка!

Больше он не находил слов.

Баз до конца прочитал счет.

— Да... С Рождеством! Папа! — заорал он и бросился в комнату.

* * *

Кевин прощался с Джуди. Теперь они увидятся нескоро. Разве что семейство выберется навестить дядю Боба.

— Всего хорошего тебе, Кевин!

— И тебе тоже, Джуди! Я уверен, что у тебя все должно наладиться.

Джуди тяжело вздохнула. Ей было жаль расставаться

с этим ребенком, скрасившим ее существование в последние дни.

Они замолчали, нежно глядя друг другу в глаза.

Но раздирающий рев База прервал их идиллию.

— Кевин! Ты потратил девятьсот шестьдесят семь долларов!

Тут Кевин вздрогнул и, даже не попрощавшись с Джуди, побрел в гостиницу. Назревал новый скандал!

ДЖОН ТОМПСОН

ОДИН ДОМА

ЧАСТЬ 3

John Tompson

«HOME ALONE»

Перевод с английского.

Джон Томпсон

«ОДИН ДОМА»

ЧАСТЬ III

пульт дистанционного управления»

ПРОЛОГ

Если спросить: «У вас есть дома телевизор?», то большинство жителей Соединенных Штатов ответит: «Что за вопрос, конечно же, есть!» А раз так, то каждый знает, что такое пульт дистанционного управления.

Это очень удобная штука. Маленький, с небольшими кнопочками и переключателями, пульт дистанционного управления удобно располагается в вашей руке. Имея такой пульт, вы чувствуете себя настоящим повелителем современной радиотехники.

С его помощью вы будете избавлены от «тяжелого» перехода с мягкого дивана к переключателю программ вашего телевизора или к переключателю громкости стереокомплекса. Это особенно удобно, если вы перед этим плотно поужинали горячей пиццей и запили ее ледяной кока-колой.

Впервые Кевин увидел пульт дистанционного управления к телевизорам, когда со своими родителями пришел в гости к Самуэльсонам, друзьям отца по работе. Тогда ему было чуть больше семи лет. Сын Самуэльсонов Грегор, ровесник Кевина, с важным видом восседал на большом кресле из черной натуральной кожи и тыкал пальцем в маленькую пластмассовую коробочку, переключая каналы телевизора.

— Дай и мне попробовать, — попросил его Кевин, когда взрослые оставили их вдвоем, а сами ушли слушать музыку и танцевать в соседнюю комнату.

— Еще чего, поломаешь, — набычился маленький Самуэльсон.

— Ну, пожалуйста, — захныкал Кевин, — вот увидишь, я не поломаю.

— Ладно, держи, только ненадолго, — оттаял Грегор.

Схватив вожделенный пульт, Кевин стал переключать телевизионные каналы «Панасоника», выключать и включать аппарат, изменять громкость звука, цвета, яркость. Это было так здорово! Никогда он еще не получал такого удовлетворения от общения с техникой..

Грегор еще долго не мог оторвать Кевина от этого увлекательного занятия.

— О, да у нас новый телеведущий, — воскликнул Самуэльсон-старший, когда взрослые вернулись.

Кевин смущенно потупился и протянул пластмассовую коробочку Грегору. Когда вечеринка закончилась и Маккальстеры сели в свой «форд», отец спросил его:

— Ты, наверное, хочешь, чтобы и у нас в доме телевизор работал с дистанционным управлением?

— Очень хочу.

— Хорошо, завтра я куплю такой пульт.

Кевин с благодарностью посмотрел на отца. И подумал:

«Как хорошо иметь родителей, которые тебя понимают. Я так люблю папу и маму. Они всегда заботятся обо мне, прислушиваются к моему мнению, делают замечательные покупки. И я счастлив, что у меня такие прекрасные родители!»

* * *

Назавтра отец принес из магазина новенький пульт дистанционного управления и торжественно вручил его Кевину.

— Держи, — сказал отец, — только смотри, не очень увлекайся телевизором. Большинство программ рассчитано на тех, кто не любит утруждать свою голову чем-то более серьезным, чем телевизионная жвачка.

Спустя примерно час из магазинной службы сервисного обслуживания покупателей приехали двое веселых молодых парней, которые, покопавшись в электронных внутренностях телевизора Маккальстеров, вмонтировали в него приемник радиосигналов, поступающих с дистанционного управления.

Парни оказались разговорчивыми и объяснили Кевину, который крутился около них, принцип действия пульта дистанционного управления. Похлопав на прощание мальчика по плечу, парни ушли, а Кевин, запершись в своей комнате, по горячим следам записал услышанное в тетрадь и зарисовал радиоэлектронную схему на лист плотного картона, который повесил потом у себя над кроватью.

Баз, который тоже находился рядом с ними в гостинной комнате, загадочно ухмыльнулся.

— А вот и наш новый Ньютон! — ехидно улыбаясь, «представил» он Кевина на традиционном семейном ужине, который собирал всех членов многочисленной семьи Маккальстеров.

— Какой такой Ньютон? — не понял Фулер, младший братишка Кевина.

— А это мы скоро посмотрим, — съязвил Баз.

Кевин покраснел и уткнулся в свою тарелку.

* * *

Однако Кевин не только не стал чаще смотреть телепередачи, но постепенно начал включать телевизор только тогда, когда там шли специальные программы по различным видам электронного конструирования. Особенно ему нравилась передача, которая называлась «Дистанционное управление — ваш друг». В ней популярно рассказывалось о том, как с помощью дистанционного управления люди управляют самолетами, вертолетами, автоматическими замками дверей в своих лимузинах, овощерезками, пылесосами и многим, многим другим.

Посмотрев на все эти чудеса, Кевин решил на деле воплотить современные достижения человека в своей повседневной жизни. Конечно же, у него не было ни лимузина, ни вертолета, но у него было много игрушек, которые двигались, стреляли, летали благодаря маленьким аккумуляторным батареям.

Когда отец давал Кевину деньги, он шел в магазин и подбирал к ним соответствующий радиоэлектронный пульт дистанционного управления. Затем вставлял в выбранную игрушку несколько радиодеталей и микросхем. После чего оживал танк, стреляющий резиновыми снарядами, механический клоун или вертолет.

Игрушки, двигающиеся с помощью радиоуправления, внушали ему странное чувство. Это был не страх, не

трепет, не почтение, хотя, когда Кевин думал о нем, об этом чувстве, то он всегда произносил именно эти слова: страх, трепет, почтение.

Но эти слова не удовлетворяли его, и тогда Кевин вспоминал еще одно слово — тайна. И тайну он имел в виду не всякую, а именно ту тайну, которая представлялась ему, когда речь заходила о старинных кладах, о волшебной лампе Алладина и магических превращениях графа Калиостро. Эта тайна страшнее других, страшнее даже тех, которые сопряжены с убийством или внезапной смертью.

Фантазиям Кевина не было предела, и вскоре в его комнате скопилось с десяток игрушек, которые двигались по его желанию, управляемые на расстоянии с помощью пульта дистанционного управления. Родители были немало удивлены увлечением своего сына, но ничего не имели против.

— Это все-таки лучше, чем бесцельное шатание по улицам или сидение у телевизора, — говорила мама, когда он демонстрировал им какую-нибудь новую радиоуправляемую модель.

Со стороны своего старшего брата База мальчик частенько слышал упреки в том, что Кевин занимается ерундой вместо того, чтобы учить уроки. Сестра Сьюзен и братья Майкл и Фулер ничего не понимали в радиоэлектронике, поэтому они предпочитали не вмешиваться в дела своего брата. И Кевина это вполне устраивало.

Он закрывался в своей комнате, оставаясь наедине с любимыми игрушками. Кевин мог возиться с ними целый день, оживляя их и доводя до совершенства и зачастую отдавая им предпочтение перед своими братьями и сестрой, занятыми личными делами.

* * *

После того, как у Кевина произошли неприятности с бандитами Гарри Томсоном и Марвином по прозвищу Синий глаз сначала в коттедже Маккальстеров в городе Чикаго на Линкольн-стрит, а потом в Нью-Йорке, когда в этом городе-монстре Кевин опять повстречал этих же жуликов, родители, опасаясь за жизнь своих детей, решили переехать из Чикаго на юг страны, в небольшой городок Семпшир.

Хотя Гарри и Марвина посадили за решетку за ограбление и попытку убийства на долгие двадцать лет, супругам Маккальстер казалось, что их дети все еще в опасности.

Кевину ужасно не хотелось покидать насиженное место и своих старых приятелей по школе, но его отец Питер твердо решил переехать в Семпшир.

На новом месте Кевин стал учиться в привилегированной частной школе, за обучение в которой из зарплаты его отца высчитывали солидную часть денег.

Само здание школы было выстроено в начале века из красного кирпича и имело основательный вид, не терпящий никаких архитектурных изысков. Школа имела три этажа и треугольную крышу, покрытую коричневой черепицей. Вокруг здания росли старые липы.

Учеба в школе давалась Кевину без особых проблем, единственный предмет, с которым у Кевина были нелады — физкультура. В школе его прозвали Маэстро. Почему к нему приклеилась именно эта кличка, было непонятно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Этот день ничем не отличался от других, таких же по-весеннему теплых и солнечных дней на юге. В школу Кевин ездил на велосипеде, как и большинство его сверстников, которые достигли двенадцатилетнего возраста. Эти поездки нравились мальчику, так как позволяли по дороге любоваться яркой природой Семпшира.

Неторопливо крутя педали, Кевин видел на обочине дороги воробьев, которые, открывая серые, как у мышей, спинки, зарывались в лунки из песка и млели на солнце. А потом, обеспокоенные чем-то непонятным, внезапно вскакивали и ожесточенно набрасывались друг на друга. Изрядно потрепавшись, они точно так же, без видимой причины, вдруг прекращали свирепый бой и враскачку возвращались к своим лункам.

На голых еще ветках акации чернели скворцы. Жизнь начиналась снова. Она ложилась пластами теплого воздуха на землю, она всходила шершавой молодой зеленой травкой, она разбухала почками, тяжелыми и клейкими, как сырой каучук.

Каждый день, отправляясь в свою новую школу, Кевин упорно ждал необычного. Необычное могло быть чем угодно — пожаром в школе, болезнью учителя или похоронами директора, взрывом бомбы в подвале или еще чем-нибудь таким, что освободило бы его от долгого сидения за партой и возвратило бы к любимым радиоуправляемым игрушкам.

Однако сегодня опять никакого чуда не произошло, и Кевин, припарковав свой недорогой «Роуд Мастер», со вздохом стал подниматься по центральной лестнице школы.

* * *

За учебой и работой в школьной мастерской день для Кевина промелькнул незаметно.

В три часа дня с ранцем за плечами он вышел из школы в приподнятом настроении. Маэстро получил сегодня зачет по одному из самых сложных предметов — химии. Положительная оценка льстила его самолюбию, ведь почти половина класса срезалась и будет вынуждена вместо вечернего боевика по 16-му каналу зубрить таблицу Менделеева.

Обгоняя Маэстро, пробежали ученики младших классов к своим скейтбордам, за ними неторопливо и гордо прошли старшеклассницы, громко разговаривая между собой о победах на любовном фронте.

Кевин уже сел на свой «Роуд Мастер», когда его окликнул подъехавший на великолепном спортивном велосипеде Джамал.

— Привет, Маэстро!

— Привет, Джамал!

— Рад тебя видеть.

— Я тоже.

Джамал, один из немногочисленных друзей Кевина, был негром с густой шапкой вьющихся черных волос и большими круглыми глазами. Одет он был в черные джинсы и яркий разноцветный шерстяной свитер, на ногах у него были белые кроссовки «рибок».

Джамал учился в одном классе с Кевином и слыл среди девчонок красавчиком, чем вызывал большое неудовольствие у парней из старших классов.

— Как дела? — спросил он у Кевина.

Но Маэстро не успел ответить, потому что из дверей школы вышла Джудит и тоже поприветствовала Кевина:

— Привет, Кевин!

— О, Джуди, здравствуй! — вместо Маэстро воскликнул Джамал.

Джудит, высокая симпатичная девочка с длинными светлыми волосами и тонкой талией, уже вела к ним свой небольшой дамский велосипед с багажником впере-

ди. Она не обратила внимания на приветствие Джамала, потому что он был к ней неравнодушен и порядком надоел Джудит.

— Привет, Джуди! — поздоровался Кевин, когда она вплотную приблизилась к друзьям.

— Ты заедешь за мной? — спросила она у Маэстро.

— Да. После обеда.

— О'кей, — и Джудит, улыбнувшись, поспешила за ожидающими ее подругами.

— Пока, Джуди, увидимся! — крикнул ей вдогонку Джамал и, повернувшись к Кевину, произнес: — Ничего себе! Ты ее подцепил, Маэстро?

Кевин ничего не ответил, а лишь задумчиво посмотрел вслед уезжающей девочке.

— О-о-о, я чувствую какие-то вибрации в воздухе, — продолжал Джамал.

— Я и Джуди? Да мы с ней просто друзья.

— Ладно, знаем мы таких друзей. Поехали.

— Поехали.

Друзья выехали со школьного двора и на большой скорости понеслись по небольшим улочкам Семпшира. Вскоре Кевин стал отставать.

— Эй, Джамал, — позвал он друга, тяжело дыша, — нельзя ли потише?

— Ну хорошо, дружище, — согласился Джамал, когда Кевин его догнал. — Но тебе не кажется, что дополнительные занятия по физкультуре не помешали бы Маэстро?

Кевин ничего не ответил.

Когда ребята въехали в узкий переулок, ведущий к дому Джамала, они увидели, что их ждет компания из пяти подростков. Во главе этой компании был четырнадцатилетний Дэн, по прозвищу Качок, старшеклассник из школы, в которой учились Джамал и Кевин. Качок почему-то с первого дня их знакомства невзлюбил Кевина.

Дэн был высоким, крепким, широкоплечим парнем. Лицо круглое, румяное, уши оттопыренные. Шея у него была короткая, и ее почти совсем не было видно. Короткие крепкие руки он специально «накачал» в местном спортзале тяжелой атлетики. Ноги у Дэна были тоже крепкими, и при желании он мог пользоваться ими в драке с противником. Дэн всегда ходил в джинсовых костюмах и высоких кроссовках. Летом, когда уже было совсем жарко, он надевал вместо джинсовой куртки майки с изображением Сильвестра Сталонне, Жан-Клод Ван Дамма или Арнольда Шварценеггера.

«Это для устрашения возможного противника», — любил повторять Дэн.

Кэвин и Джамал от неожиданности остановились. Компания уже увидела их, и Дэн снисходительно улыбнулся.

— Эй, Маккальстер, — позвал Кевина Качок, — мне необходимо с тобой поговорить.

Дэн сложил руки крест-накрест и играл своими бицепсами так, чтобы они хорошо были видны под майкой из-под накинутой на плечи джинсовки.

Друзья переглянулись между собой.

— Что будем делать? — спросил Кевин у Джамала.

— За мной, Кевин! — громко заорал тот и, вскочив на велосипед, рванул в самую гущу подростков.

— Джамал, ты что делаешь? — закричал было Кевин, но тот его уже не слышал.

Крутя педали изо всех сил, Джамал набрал приличную скорость. Видя, что недруги замешкались, но отступать не собираются, а только плотнее сгрудились посередине улицы, Джамал стал вилять рулем, и его велосипед начал двигаться зигзагообразно. Компания Дэна не выдержала такой психологической атаки, и подростки бросились врассыпную, сопровождаемые громкими воплями негра:

— За мной, Кевин! А-а-а-а-а-а! За мной! А-а-а!

Маэстро ничего не оставалось делать, как последовать вслед за Джамалом. Едва друзья удалились на безопасное расстояние, как ребята Дэна бросились за ними, громко стуча по мостовой коваными ботинками. Немногочисленные прохожие с любопытством наблюдали за происходящим, но вмешиваться боялись.

— Ах, так?! — закричал вдогонку убегающим Качок и погрозил кулаком. — Ну-ка, вернись, трус! Вернись, Кевин, не то хуже будет!

Но Джамал с Маэстро были уже далеко. Они, не переставая, изо всех сил крутили педали своих велосипедов.

— И фантастический проход неотразимого Джамала, — громко нахваливал себя негр, когда поравнялся с Маэстро. — Он показал этим варварам, на что способен. Здорово мы их напугали?

— Ты что, с ума сошел, Джамал? — вместо ответа спросил его Кевин. — Он же мог тебя спокойно сбить.

— Не дрейфь, старина, это был отличный синтез физики и психологии: ведь я на высокой скорости приближался к нему, поэтому ему было гораздо больнее, чем мне. И, тем более, мой крик деморализовал соперника.

— Похоже, ты прав, Джамал.

Лицо негра расплылось в улыбке от этой неожиданной похвалы.

Тут друзья подъехали к перекрестку, у которого находился дом Джамала, Кевину предстояло ехать дальше. Ребята остановились возле высокого каменного парапета. Джамал нехотя посмотрел в сторону своего дома.

— Ну, мне пора, старик, — со вздохом произнес негр.

— Увидимся, Джамал, — сказал Кевин, уезжая.

«Хороший парень этот Джамал, — думал про себя Кевин, крутя педали. — Такой друг не подведет. Это здорово, что я все-таки не один. Наверное, так и построена наша жизнь, чтобы у каждого человека были друзья, на которых он смог бы положиться в трудную минуту... А без друзей было бы трудно и скучно прожить всю жизнь...»

* * *

Подъезжая к дому, мальчик увидел отца, который нес чемоданы к большому желтому такси.

«Если отец вызвал кеб, — подумал Кевин, — значит, он опять уезжает в командировку».

Это событие расстроило Кевина, потому что он любил, когда вся семья была в сборе.

Из такси вышел крепкого телосложения водитель. Он был так огромен, что напоминал медведя.

— Хэлло, сэр, — обратился он к Маккальстеру-старшему, — я вам сейчас помогу.

С этими словами он подхватил оба чемодана отца и потащил их к багажнику.

— Спасибо, дружище, — поблагодарил водителя Питер.

Он был рад, что тяжелая ноша наконец будет уложена в багажник и ему останется только сесть в автомобиль.

— Кевин, я очень рад, что ты вовремя приехал и я смогу с тобой попрощаться, — сказал отец мальчику. — Я уезжаю дня на три-четыре. Сам не знаю пока точно, на сколько.

— Счастливо, папа!

— Да-да, — ответил отец, садясь на заднее сидение.

Водитель хлопнул крышкой багажника и сел за руль такси. Он повернул ключ зажигания, и мотор огромного кеба взревел двумя сотнями лошадиных сил.

— Едем, сэр? — спросил таксист.

— Подождите, пожалуйста, одну минутку.

— Хорошо, сэр, но ваш самолет взлетит ровно через час и мы должны будем поторопиться.

— Я заплачу штраф за превышение скорости, если нас остановит полиция. Идет? — спросил Маккальстер-старший у таксиста.

— О, вы понимающий клиент! — раздался удовлетворенный голос кебби и, подумав, он добавил: — Побольше бы таких пассажиров.

Отец опустил заднее стекло и подозвал махавшего ему рукой Кевина.

— Сынок, ты передай маме, что я уехал в командировку, а то я ей не дозвонился сегодня на работу. Пусть она не волнуется, я сразу же позвоню ей из Чикаго. А когда я приеду, мы всей семьей выберемся на уик-энд куда-нибудь подальше, например, в горы.

— Это было бы замечательно, папа, — ответил повеселевший от такого поворота дел Кевин. — Я еще никогда не видел гор.

— И еще, береги маму и не ссорься, пожалуйста, с Базом, о'кей?

— Ну... ну, Баз сам первый всегда лезет, — протянул Кевин.

— Всегда, да не всегда, уж я-то знаю. Ну ладно, мне действительно надо поторопиться. До свидания, сынок.

— До свидания, папа.

— Поехали, водитель.

Кеб с такой скоростью рванул с места, что Кевину показалось, что таксист хочет нарушить все правила дорожного движения, которые только существуют на этой земле.

«Ладно, пойду домой и постараюсь не ссориться с этой грязной задницей Базом», — подумал мальчик, направляясь к дому.

* * *

Свой новый дом Маккальстеры купили сравнительно

дешево у эмигрантов, уезжавших жить в Европу. Они продали его в рассрочку на пять лет.

Керри и Питеру приходилось вкалывать с утра до вечера, чтобы хоть как-то рассчитаться с долгами. Но денег все равно было негусто, однако и в бедности Маккальстеры не жили, потому что местный муниципалитет неплохо помогал многодетным семьям.

Коттедж располагался в живописном месте. Вокруг росли старые липы и каштаны. А в глубине небольшого садового участка протекал ручей с чистой водой. Вода в ручье была всегда ледяной, даже когда на улице стоял нестерпимый летний зной.

«Вода в ручье холодная, потому что он берет свое начало из-под земли, — так объяснил это Кевину отец. — Раньше из ручья пили люди».

Их дом имел два этажа, и в нем было множество просторных комнат. И хотя семья Маккальстеров насчитывала семь человек, родители позаботились, чтобы у каждого ребенка было по отдельной комнате.

Коттедж был выкрашен в белый цвет, а крыша покрыта отличной красной черепицей. К главному входу в дом вела широкая каменная лестница, сделанная из цельных огромных камней-валунов.

* * *

Вздохнув и еще раз посмотрев вслед уезжающему отцу, Кевин поплелся домой. По пути он забрал из почтового ящика почту: несколько газет и бесплатный рекламный журнал. Открыв дверь ключом, он понял, что дома никого нет. Братья и сестра еще не пришли из школы.

«Опять я один, — подумал мальчик, — что ж, один, так один. Зато со мной всегда мои неутомимые электронные помощники. А теперь пойду-ка я пообщаюсь хотя бы с автоответчиком».

Мальчик щелкнул переключателем телефона, и из динамика послышался голос матери:

«Привет, дорогой! Я приду с работы поздно, мне нужно закончить мою рекламную компанию. Ну, вернусь, я думаю, часам к семи. Еда в холодильнике, разогреете ее в микроволновой печи. Ладно, целую. Пока».

Лицо Кевина вытянулось от обиды.

— Ну вот, еще и мать придет поздно, — сказал он сам себе.

Затем он, забрав все газеты и журналы, двинулся к себе на второй этаж. Однако передумав, швырнул рекламный журнал на диван.

— Обойдемся без вашей вонючей рекламы! — пробурчал он себе под нос. — Пусть ее лучше почитает мой братец.

Комнатка Маэстро на втором этаже была небольшой по размерам, но очень уютной. В ней стояли кровать Кевина, небольшой письменный столик, шкаф для одежды и шкаф для электронных игрушек и пультов дистанционного управления, батарейками, проводами и прочим. На полу лежал большой персидский ковер, очень пестрый и пушистый.

Открыв шкаф с игрушками, Кевин обнаружил на его дверце записку от База, приколотую красными кнопками. Она гласила следующее:

«Эй, Кев, утри свой сопливый нос!»

Для большей наглядности внизу был рисунок, изображающий грязный нос Кевина, который следовало утереть.

— О-о, какое все-таки дерьмо, этот мой братец! — в сердцах воскликнул Маэстро. — Ну, погоди! Я разберусь сегодня вечером с тобой!

Не снимая куртки, Кевин взял со стола маленький пульт дистанционного управления и нажал кнопку. Откуда-то сверху послышалась залихватская гортанная песня, и по протянутой из одного угла комнаты в другой веревке стал спускаться большой механический клоун, держащий в одной руке пакетик с чипсами, а другой рукой он размахивал, приветствуя своего создателя. Механическая игрушка весело горланила песню, на резиновом лице расплылась широчайшая, поистине американская улыбка. Спустившись к Кевину, клоун протянул ему чипсы.

— Спасибо, Гюнтер. Один ты меня понимаешь. Может быть, на этот уик-энд я возьму тебя в горы. Да, это было бы здорово! — сказал Маэстро игрушке. И, сосредоточенно о чем-то подумав, добавил: — Я думаю, что хороший отдых тебе не помешает, ты ведь неплохо потрудился на этой неделе.

Общение с Гюнтером немного подняло настроение мальчика. Положив на столик газеты и чипсы, сняв куртку, Кевин подошел к окну и увидел, что мимо его

дома проезжает на велосипеде Дэн. Подъехав к лужайке, он со всего размаху бросил недопитую банку с кока-колой перед домом Кевина и погрозил невидимому неприятелю кулаком:

— Мы еще встретимся с тобой, придурок!

Дом родителей Дэна, Робинсонов, стоял по соседству с домом Маккальстеров. В окно Маэстро видел, как тот, подъехав к своему коттеджу, слез с велосипеда, поставил его в гараж и, зайдя в дом, плюхнулся в кресло с многочисленными подушками перед телевизором.

Кевин знал, что в это время Робинсон-младший обычно смотрит коммерческую эротическую программу.

«Попытаемся внести коррективы в этот просмотр», — подумал Кевин и достал из шкафа самый большой и универсальный пульт дистанционного управления.

На его сборку и отладку Маэстро потратил целый год. Зато пульт получился на славу: действовал он на расстоянии одной мили и уверенно управлял любым электронным аппаратом.

Выбрав рычажком соответствующий диапазон, Маэстро стал крутить ручку настройки, пытаясь попасть на волну телепередачи коммерческого канала. Красная лампочка, сигнализирующая о настройке, долго не хотела загораться.

— Гюнтер, — Кевин вновь обратился к механическому клоуну, — тебе не кажется, что нужно перейти на более плавную настройку?

В ответ клоун одобряюще заверещал песню.

Щелкнув на пульте кнопкой переключателя плавной настройки, Маэстро почти сразу же настроился на нужный канал телевидения.

— Вот так, Гюнтер, а ты спорил со мной, — удовлетворенно хмыкнул Кевин.

* * *

Качок в это время блаженствовал перед телевизором, сидя в кресле и закинув ногу за ногу. По каналу крутили «крутой» немецкий эротический фильм.

«Это классно, что родителей нет дома, — думал Робинсон-младший, развалясь в мягком кресле, — а то отец показал бы мне...»

Внезапно экран телевизора погас.

— О, черт! — вслух выругался Дэн. — Неужели эти козлы опять отключили электричество?!

Он поднялся с насиженного места и подошел к стереокомплексу. Тыкнув пальцем в выключатель, он с удивлением обнаружил, что с электричеством все в порядке.

Вернувшись на место, Дэн он опять включил телевизор. На экране вновь появились полуобнаженные тела девиц.

«Наверное, что-то с пультом», — подумал он и для верности потряс его в руках.

Через минуту, когда Качок уже было совсем успокоился, телевизор вдруг ни с того, ни с сего самостоятельно переключился на другую программу.

— Ну что за дела, — в сердцах воскликнул он, — это мне перестает нравиться!

Однако, снова переключив телеканал на «коммерцию», он успокоился. Показав искомую программу с минуту, телевизор вновь переключился на какую-то политическую программу, в которой выступал толстый политический деятель, обещавший избирателям все земные блага в случае избрания его на пост главы администрации Белого дома.

Теперь Дэн уже с недоумением и некоторым страхом посмотрел сначала на экран, а потом на пульт дистанционного управления и пожал плечами. Затем, подойдя к телевизору, он изо всех сил ударил его по верхней декоративной панели. В телевизоре что-то жалобно звякнуло, он выключился, и больше его экран не желал загораться, несмотря на все усилия Дэна.

— О, черт! Я сломал новый телевизор! Ну и достанется же мне от отца! — воскликнул раздосадованный подросток и со злостью швырнул пульт управления на пол.

Его лицо было искажено злостью и в то же время выражало немалую степень удивления. Внезапно его осенило. Он выбежал из дома и посмотрел на окна коттеджа Маккальстеров. В одном из них он заметил тень Кевина.

— Ну хватит, Кев! Я знаю, что это ты делаешь! Мне это уже надоело, — завопил раздосадованный Дэн, потрясая в воздухе кулаками.

Вместо ответа над соседней крышей в воздух взмыла радиоуправляемая модель вертолета с прицепленным к нему грузом.

— О, господи, что это? — воскликнул удивленный

Качок. — Ничего не понимаю, — и закричал в сторону Кевина: — Кев, кончай свои проделки! Ты же знаешь меня, я не люблю таких шуток.

Между тем вертолет приблизился к Дэну и завис над его головой. Теперь Робинсону-младшему стало видно, что груз у этого вертолета — не что иное, как та самая пустая банка из-под кока-колы, которой он запустил на лужайку перед домом Маккальстеров. Банка была зажата специальным краном, имеющим три клешни, наподобие тех, что встречаются в игровых автоматах, когда вы хотите вытащить с его помощью приз: пачку жвачки или флакон с дешевым шампунем.

— Какого черта, Кев? Ты что это еще задумал? Ты знаешь что, кончай эти шуточки, — завопил испуганный Качок, — немедленно убери эту штуку!

Вертолет, покружив в воздухе, как бы решая, куда ему сбросить банку, завис в метре от головы Дэна. Затем щупальца крана раскрылись и банка хлопнула его прямо по лбу. От удивления и боли в первую минуту Дэн не смог вымолвить ни слова. Затем, придя в себя, Качок разразился ругательствами:

— О, черт! Кев, я не прощу тебе этого! Ты заплатишь мне за это.

Вертолет, как бы издеваясь над Дэном, описал в воздухе круг «почета», и, обдав его выхлопными газами, двинулся на свой «аэродром».

— Отлично, Хью! С успешным возвращением тебя на базу, — поприветствовал прилетевшую с «боевого» задания модель Кевин, когда та «приземлилась» на широком подоконнике его комнаты.

* * *

После обеда Кевин заехал за Джудит и они вместе отправились на велосипедах за город. Денек выдался на славу: светило неяркое весеннее солнце и дул ласковый теплый ветерок. На обочинах дороги весело зеленела яркая весенняя трава, на кустах и деревьях во всю силу наливались почки. Воздух был напоен свежестью и чистотой. Настроение у Маэстро и его подруги было прекрасное.

— Кев, а куда мы едем? — спросила его Джудит, когда они выехали на пустынную загородную дорогу.

— Приедем — увидишь, — улыбнулся Маэстро, — это отличное новое местечко для наших с тобой занятий.

— Кев, а это далеко? Если далеко, может, давай не поедем, а то мама будет ругать меня?

— Не бойся, это недалеко, — успокаивал ее Кевин.

Он вез на плечах огромный синий рюкзак. Спереди и сзади к его велосипеду были приделаны багажники, они тоже были заполнены тяжелой поклажей. Девочка ехала налегке на желтом дамском велосипеде.

Впереди, на обочине, они увидели брошенный строителями старый экскаватор. Подъехав поближе, ребята рассмотрели возле него лежащего на земле светло-коричневого бульдога. При их приближении собака поднялась с земли и угрожающе зарычала. Ребята в нерешительности остановились и слезли с велосипедов. Бульдог вразвалку, как бы нехотя, подбежал к ним и залаял. Лаял он лениво, без задора, как бы говоря:

«Такая уж у меня служба, ничего не поделаешь».

Ребята увидели большую пасть животного, полную белых острых клыков; массивное, крупное тело животного сотрясалось от лая.

— Ой, Кевин, что мы будем делать? — испуганно спросила Джудит.

— Только не показывай, что мы его боимся, — успокоил ее парень, — похоже, он требует выкуп за проезд по его территории. Джуди, достань, пожалуйста, из бокового кармана моего рюкзака пакет с сосисками и брось их бульдогу. А ты успокойся! — властным голосом приказал он собаке и добавил: — Спокойно, бульдог, не нервничай, ты же знаешь, что нервные клетки не восстанавливаются.

Бульдог и вправду успокоился и сел, понимающе глядя то на Кевина, то на девочку.

— Эй, держи свой обед, — крикнула собаке Джудит, бросая ей пакет с сосисками.

Бульдог важно подошел к целлофановому пакету, лежащему на асфальте, взял его зубами и с достоинством удалился на свое прежнее место.

— Ну, вот видишь, все обошлось, — сказал Маэстро девочке.

— Ой, все произошло совсем как у взрослых, как у людей: мы дали ему взятку, а он за это нас пропустил.

— Выходит так, — отозвался Кевин. — Это была маленькая модель нашего общества. — Ну, что ж, поехали, путь свободен.

Ребята двинулись дальше. Впереди, за пригорком, показался большой информационный щит, говорящий о том, что они въезжают в поместье «Вели Вьюн». Проехав еще немного, они увидели постройки поместья. На центральном доме, на его дверях, была приколочена табличка «Поместье Вели Вьюн» и еще какая-то надпись, буквами помельче.

— Такое впечатление, что здесь никто не живет, — сказала девочка, с любопытством осматривая дом.

— Ты права, Джуди, — ответил Кевин, — это поместье-образец для демонстрации его покупателям.

Ребята обогнули дом и заехали во двор. Там они слезли со своих машин и опустили их на подножки. Двор был щедро посыпан желтым песком. Посередине была сооружена большая клумба с давно увядшими прошлогодними цветами. Все окна дома на первом этаже были наглухо зашиты деревянными жалюзями. Вокруг не было ни души. Основательная постройка и красивый ландшафт парка, расположенного около дома, говорили о том, что хозяева этого дома-образца — не бедные и солидные люди.

— А ты уверен, что сюда не нагрянут покупатели или хозяева? — с опаской спросила Джудит.

— Уверен, моя мама знает агента по недвижимости, — ответил Кевин.

— А я тоже ее знаю — она странная тетка.

Кевин ничего не ответил. Девочка стала доставать из рюкзака игрушечные электронные автомобили-багги с широкими колесами и высоким дорожным просветом.

Кевин приставил узкую деревянную лестницу к дому и с рюкзаком за плечами подобрался по ней к чердачному окну здания. Там он без особого труда выставил блок досок, закрывающих окно, и проник на чердак.

— Эй, Джудит, давай ко мне, — позвал он девочку, свесившись из открытого окна.

— Иду, — ответила та и стала подниматься вверх по лесенке.

— Держи, Джудит, — и Маэстро сверху протянул девочке руку.

Она ухватилась за руку и Кевин сильным, но осторожным рывком втащил Джудит наверх.

Чердак был пуст. Щедрые солнечные лучи заливали помещение через открытое окно.

— Это самое крутое убежище, — улыбнулась Джудит.

— Ты никому не проболтаешься? — спросил ее Кевин.

Девочка приблизилась к Маэстро и с улыбкой заглянула ему в глаза:

— А я разве похожа на болтунью?

— Да нет, — смутился Кевин и опустил глаза: ему стало стыдно за свою подозрительность.

— Ну, что, начнем здесь?

— Да, местечко неплохое...

— Еще бы!

— Ну, тогда вперед!

— Давай.

* * *

Из рюкзака были извлечены два больших пульта дистанционного управления, пластиковая модель красного спортивного самолета и две модели гоночных автомобилей. Машины были точными копиями спортивного «макларена», со сполерами и антикрыльями. Самолет они поставили на огромный деревянный комод, у распахнутого окна, а автомобили — на пол. Все модели были так искусно сделаны, что казались настоящими, только уменьшенными в несколько раз.

Затем, взяв по пульту дистанционного управления, они завели моторы «макларенов».

— Ну, держись, Кев, сегодня я выиграю у тебя, — сказала Джудит, и ее автомобиль с пробуксовкой рванул с места.

— Посмотрим, Джуди, — ответил Кевин, входя в азарт предстоящей гонки.

Автомобиль Маэстро стартовал вслед за седьмым номером «макларена». Гонка проходила на высоких скоростях, длинное чердачное помещение с добротным ровным полом позволяло это делать. Автомобиль Джудит все время лидировал, но на одном из поворотов она слишком близко подвела «макларен» к стенке, и он, зацепившись одним колесом за деревянную стойку, перевернулся. Сзади на нее налетела вторая модель, и автомобили кубарем покатились, бешено вращая колесами.

— О, какая неудача! — воскликнула Джудит.

Кевин подбежал к лежащим на боку моделям.

— Да, придется их ремонтировать, — констатировал он. — Ничего, у нас же еще внизу стоят багги. И он,

подбежав к окну, высунулся из него, держа в руках пульт управления для багги.

Джудит стала рядом.

— Надо только повыше поднять антенну на пульте, — сказал ей Кевин.

— Хорошо, — согласилась та.

Гонка продолжилась вновь во дворе на маленьких вездеходах. Попадая в глубокий песок, багги отчаянно буксовали, выбрасывая из-под колес песок и мелкие щепки. И тут Джудит не повезло: ее автомобиль, проезжая по краю оврага, сорвался вниз, и, пролетев метров пять, упал на крышу, беспомощно вращая колесами, словно жук, лежащий на спине, который не может встать на лапки.

Ребята видели, что машина вращает колесами, пытаясь зацепиться за землю и перевернуться обратно.

— Ну, что это сегодня мне не везет! — пожаловалась Джудит.

— Сейчас я поставлю ее как надо, — ответил Маэстро, переключая рычаг управления на серебристом пульте дистанционного управления.

— Пойдем вместе, я тебе помогу, — с благодарностью воскликнула Джудит.

Чтобы осуществить задуманное, он завел мотор у стоящего на комоде самолета и поднял его в воздух. Покружив на чердаке, Кевин вывел модель через чердачное окно на улицу. Джудит с интересом наблюдала за действиями своего друга.

«Интересно, как это Маэстро собирается поставить автомобиль на колеса, не выходя на улицу? — думала про себя девочка. — Нет, видимо ничего не получится у него из этой затеи, придется все-таки нам спуститься вниз».

Однако на лице Кевина была написана такая решимость, уверенность и вдохновение, что девочка ничего не сказала Маэстро о своих опасениях.

Тем временем самолет снизился и на бреющем полете стал описывать круги над перевернутым багги, с каждым разом все уменьшая и уменьшая радиус полета. Лицо мальчика теперь выражало крайнюю степень сосредоточенности и внимания. Наконец, максимально снизив степень сосредоточенности и внимания. Наконец, максимально снизив самолет, Маэстро заставил его крылом коснуться автомобиля и тот, благодаря полученному толчку, встал на колеса. Самолет успешно вышел из

крутого пике и снова взмыл в воздух. Операция по освобождению багги была успешно завершена, благодаря недюжинному мастерству Кевина в пилотировании.

— Боже мой, Кев, ты просто фантастичен! — воскликнула девочка и с восхищением посмотрела на Маэстро.

Было видно, что похвала подруги польстила мальчику и в то же время смутила его. Он повернулся к Джудит и, забыв о самолете, который теперь по своей воле парил в голубом, весеннем небе, смущенно вертел в руках пульт дистанционного управления, как бы не зная, что с ним теперь делать. Глаза мальчика были опущены. Ему казалось, что если он их поднимет, то произойдет что-то такое, что не понравится его подруге.

Наконец он оправился от короткого замешательства и, заикаясь, с трудом проговорил, словно оправдываясь за сделанное:

— Э-э... Я-я... Джуди, я долго работал над этим пультом управления... Ну... Улучшил его качества. Да и модель самолета...

— Ты такой смешной, Кевин, — тихим голосом сказала девочка и, вплотную подойдя к Маэстро, поцеловала его в щеку.

Этого Кевин не ожидал и покраснел, как помидор, до кончиков ушей. Джудит сделала это впервые. Глаза их встретились. Кевин смутился еще больше и теперь лепетал уже что-то совсем невнятное о радиодеталях, проводах и прочей, неуместной в этот момент, ерунде.

— Зачем ты это сделала? — после минутной паузы спросил он.

— Ну... Не знаю, мне просто захотелось, вот и все. А тебе разве неприятно? — улыбнулась девочка.

— Приятно. Конечно, приятно, — поспешил заверить Джудит мальчик.

Тут он вспомнил о самолете и, высунувшись из окна, обеими руками вцепился в дистанционное управление:

— Джуди, наш самолет!

К счастью для ребят, модель не успела далеко улететь, и Маэстро быстро взял управление самолетом в свои руки.

— Дальше, чем полкилометра, этот пульт не действует, — объяснил Кевин девочке, — мы чуть было не потеряли его.

— Да, конечно, — ответила та, чтобы поддержать разговор.

Так ребята провели весь остаток дня, пока не стемнело. Джудит не пыталась больше целовать Кевина, справедливо полагая, что дальнейшее форсирование событий может повредить их дружеским отношениям.

Кевин, в свою очередь, тоже не проявлял инициативы по этому поводу. Он все еще находился под впечатлением первого в своей жизни поцелуя с той, к которой он был все-таки неравнодушен. Хотя в этом его никто не смог бы заставить признаться, да и самому себе в этом он боялся и стыдился признаваться.

* * *

Проводив Джудит, Маэстро приехал домой, когда на улице было уже совсем темно. Открыв дверь своим ключом и зайдя в гостиную, которая располагалась на первом этаже их дома, он громко спросил:

— Кто-нибудь есть дома?

На втором этаже послышался веселый девичий визг.

«Значит, сестра и братья дома», — подумал Кевин.

Вскоре на центральной лестнице, которая вела на второй этаж, показалась фигура старшего брата. Баз был на семь лет старше Кевина. Он уже закончил школу и теперь готовился поступать в Мичиганский университет на юридический факультет. Баз выглядел, как солидный молодой человек, уже умудренный грузом важных знаний, что, однако, не мешало ему отпускать глупые, по мнению Кевина, шуточки в адрес своего младшего брата.

Баз был почти на голову выше Маэстро, с холеным и всегда чисто выбритым, лоснящимся лицом, с которого не сходила снисходительная улыбочка. Он всегда коротко стригся, и свои короткие набриолиненные волосы он часто приглаживал правой рукой.

Этот жест особенно не нравился Кевину. Одевался старший брат всегда в строгие темные костюмы и белые сорочки с галстуками. Казалось, что всем своим видом Баз напоминает, что он добропорядочный гражданин, и уж, будьте добры, относитесь к нему так, как он того заслуживает, иначе у вас будут серьезные неприятности.

Сейчас на нем был серый свитер и черные брюки. По всей видимости, он только недавно возвратился из библиотеки.

— Привет, Кев!

— Здравствуй, Баз, — без особого энтузиазма поприветствовал Маэстро старшего брата.

Маэстро знал, что сейчас начнутся традиционные подколки со стороны будущего юриста и внутренне напрягся, приготовившись к их отражению. Он не ошибся в своем предположении.

— Ну, как твой нос? — начал атаку Баз.

— В порядке, а твой? — вяло огрызнулся Кевин, он сильно устал от впечатлений сегодняшнего дня и ругаться с братом не входило в его планы.

— Ты, надеюсь, вытер его, — Баз лениво хохотнул и показал Маэстро «нос».

— Баз, не приставай ко мне...

— А что тут такого, я просто забочусь о здоровье своего младшего братца!

— Пошел ты, знаешь куда?!

— Так... так, — протянул Баз, улыбаясь, и опустился на диван. — Оскорбление чести и достоинства гражданина Америки, статья 217, пункт первый. Карается...

Но закончить фразу ему не удалось, так как Кевин, бросив на пол рюкзак, схватил лежавшую на кресле подушку и запустил ею в «юриста». Подушка, описав дугу в воздухе, опустилась прямо на сияющее от собственного остроумия лицо База. Он перестал улыбаться и угрожающе замолчал.

Притих и Кевин. И хотя он знал, что правда на его стороне, он понял, что сделал что-то не то.

— О'кей, мы поговорим с тобой завтра, — нарушил наконец молчание Баз и поднялся с кресла. — Добропорядочные граждане этой великой страны, так не поступают, — с пафосом произнес он и удалился из гостиной.

Кевин, раздосадованный произошедшим, подошел к окну. За стеклом он увидел, что сумерки совсем окутали стоящие у дороги липы и каштаны. В наступившей темноте они казались мальчику огромными сказочными великанами, шагнувшими из книг, стоящих у него на полке, к ним во двор. Луна еще не взошла, и бетонную дорогу, ведущую к дому Маккальстеров, освещали высокие уличные фонари. Дорога светилась в их неярком и спокойном свете, и Кевину казалось, что это единственная ниточка, которая теперь связывает дом Маккальстеров с остальным миром.

«Теперь Баз обязательно заложит меня родителям», — с грустью думал Маэстро, вглядываясь в темноту.

Простояв у окна минут двадцать, Кевин наконец за-

дернул занавеску и, подойдя к телевизору, включил его. По первому каналу транслировали местные новости. Пожилой диктор в очках в красивой роговой оправе с волнением сообщал:

«Здравствуйте, уважаемые дамы и господа! Передаем последние известия. Три человека, подозреваемые в ограблении местного магазина, скрылись с места преступления. К счастью, никто не пострадал в результате этой, неудачной для преступников, попытки ограбления. Преступники вооружены и, по мнению полиции, опасны».

Взяв в руки дистанционное управление, Кевин переключил телевизор на вторую программу. По ней транслировали рок-концерт какой-то малоизвестной панк-группы. Отсутствие мелодии, да и вообще какой бы то ни было музыки, неопанки попытались компенсировать шокирующим публику сценическим имиджем.

Музыканты группы были одеты в разноцветные балахоны, на их лицах болтались отвратительные маски, изображающие лица алкоголиков. Солист, облаченный в костюм смерти, с черепом на голове, носился по сцене с окровавленной бутафорской косой и размахивал ею направо и налево. Публика, состоящая в основном из подростков 13-16 лет, неистовствовала за железной решеткой, отделяющей панк-группу от зрителей.

«Что за уроды?!» — подумал Маэстро и включил следующую программу.

По третьему каналу вела свою пропаганду какая-то религиозная секта. Собравшиеся за круглым столом три женщины и один мужчина беспрестанно пили вино из высоких фужеров и повторяли друг другу с приторными улыбками на лицах:

«Аллилуйя, сестра! Аллилуйя, брат Майло».

Кевин не стал переключать дальше, он понял, что ничего хорошего не найдет. Выключив телевизор, он поднялся к себе в комнату. Бросив рюкзак на диван, Маэстро занялся заправкой горючим моделей вертолета и самолета. Он также решил подкрасить крыло самолета, на котором от удара о багги слезло немного краски.

ГЛАВА ВТОРАЯ

За этим занятием его застал звонок в дверь. Кевин бросил кисточку и спустился вниз.

— Кто там? — спросил он, подходя к двери.

— Это я, открывай, сынок, — услышал Маккальстер-младший голос матери.

Щелкнул замок, и вошла его мать. Миссис Маккальстер, в свои сорок с небольшим лет, выглядела, как женщина, которая ревностно следит за своей внешностью. Длинные светлые волосы, большие голубые глаза, темные брови и яркие свежие губы делали ее очень привлекательной для мужчин. Одевалась она со вкусом, но не вызывающе. Она любила носить широкие просторные брюки и шерстяные пиджаки в сочетании со светлыми блузками. Благодаря довольно ярким чертам лица, миссис Маккальстер минимально использовала косметику.

«Сегодня у мамы отличное настроение», — подумал про себя Кевин, глядя на мать, и не ошибся.

— Привет, Маэстро, — проворковала миссис Маккальстер, взяв со стола в прихожей почту, и вскользь стала просматривать ее. — Как дела в школе?

— Нормально, — последовал ответ Кевина, усевшегося в кресло и наблюдавшего за матерью.

— Ты получил какие-нибудь оценки?

— Да.

— Какие же?

— Зачет по химии.

— Молодец! А как остальные в классе, все сдали зачет?

— Нет, не все.

— Кто-нибудь звонил?

— Нет.

— Чем ты был занят?

— Да так, — неопределенно ответил Маэстро.

Миссис Маккальстер с улыбкой посмотрела на сына, затем положила газеты и журналы обратно на стол, подошла к Кевину и села рядом с сыном:

— Кевин, ты знаешь, ты, наверное, сильный и молчаливый мужчина. Если тебе кто-нибудь будет говорить, что ты не такой, то ты тогда просто молчи. Хорошо?

— Хорошо, ма.

— Где сестра и Баз?

— Наверху.

— Кевин, у мамы для тебя хорошие новости. Ты знаешь, наконец-то моя новая рекламная компания удалась, — глаза миссис Маккальстер светились искренней радостью.

— Им понравились твои новые рисунки? — оживился Кевин и посмотрел на мать.

— Да.

— Молодец, мама.

— Но это еще не все, — с гордостью произнесла миссис Маккальстер, — мои рисунки настолько понравились компании, что руководство решило повысить меня в должности. И теперь я называюсь — помощник художественного директора.

— А что это значит?

— Это значит, что теперь мы будем получать больше денег и тебе не придется ремонтировать свой старый велосипед, мы купим тебе новый. И наконец-то мы избавимся от этого дерьмового «фольксвагена», мы купим себе «порше», — и мать мечтательно улыбнулась, закатив глаза. — Или нет, лучше — «джип».

В это время зазвонил телефон.

— Это, наверное, твой отец, — миссис Маккальстер дотянулась до трубки и сняла ее. — Алло. Да, это я, дорогой. Хорошие новости... — защебетала она в трубку. — Моя новая рекламная компания удалась и меня повысили. Теперь у меня новая должность, я теперь — помощник художественного директора...

Со второго этажа спустились Баз, Майкл, Фулер и Сьюзен. Они, весело щебеча, стали рассаживаться вокруг матери, говорившей с отцом по телефону, а будущий юрист, с усмешкой на губах, встал у двери.

Кевин со вздохом поплелся в свою комнату: ему захотелось сейчас побыть одному. Придя к себе, он снова занялся окраской крыла. Наконец работа была закончена, и Кевин, открыв окно, выставил модель подсушиться на воздухе.

Затем он спустился на первый этаж посмотреть телевизор. Младшие братья и сестра уже пошли спать, и возле телевизора, со скучающим видом, сидели только Баз и мать, которая смотрела телевизор и одновременно рисовала. Кевин сел на кресло и направил свой взгляд на экран.

Снова передавали сообщение о грабителях местного магазина.

«А теперь выступит Роджер Уайт, свидетель этого ограбления, — рассказывал диктор. — Он охарактеризовал эту попытку ограбления, как комедию ошибок. Подозреваемые все еще находятся на свободе. Они, как считают полицейские, вооружены и опасны...»

«Опять то же самое», — с грустью подумал Кевин и вернулся к себе.

Войдя в комнату, он бросил взгляд на окно и чуть не вскрикнул от неожиданности: чья-то цепкая рука тянулась за окном за моделью самолета. Вслед за рукой показалась круглая голова грабителя. Это был Дэн. Он взобрался по растущему рядом с домом дереву на второй этаж и теперь прижимал одной рукой модель к своему телу, а другой держался за ствол каштана.

Кевин подбежал к окну.

— Эй, ты что это делаешь? — крикнул он Дэну.

— Пришло время расплаты, — растягивая слова, ответил тот с дерева.

— Это мой самолет!

— Я знаю, — оскалился Дэн. — Твоему самолету конец, понятно? Спасибо, что оставил окно открытым.

— Отдай его мне.

— Нет и еще раз нет. Слушай, давай договоримся — ты отдашь мне этот самолет на парочку дней. Давай сюда пульт!

— У меня нет пульта.

— Как это — нет пульта?

— Мама запирает в сейф все пульты.

— Иди и принеси пульт дистанционного управления! — с угрозой в голосе произнес Качок.

— Я не могу, там мама.

— Тогда принесешь его завтра в школу.

— Я не могу принести модель в школу!

— Дурак, я принесу модель, а ты принесешь пуль и чтоб батареи были заряжены как следует.

— Слушай, я четыре месяца собирал этот самоле Это очень тонкая работа.

— А ты видел когда-нибудь, как горит пластик?

— Что? — не понял Кевин.

Дэн уселся на ветку, положил самолет рядом и подн к нему горящую зажигалку. Огонь вот-вот готов бы перекинуться на крыло модели.

— Появляется такой отвратительный, густой, черны дым, — ухмыльнулся Дэн. — Сначала оплавляют крылья, потом — пропеллер и фюзеляж, и наконец шасси... Такое прекрасное зрелище.

— Нет, не надо! — невольно воскликнул Кевин.

— Ты мне не веришь? — продолжал ехидничать К чок. — Я сейчас могу это продемонстрировать тебе! и он быстро провел огнем зажигалки по крылу самолет

— Ну, если ты так уж хочешь...

Дэн однако не успел закончить фразу, потому чт увидел, как дверь в комнату отворилась и туда вошл миссис Маккальстер. Встревоженная восклицанием сы на, она решила проверить, что у него творится.

— Кевин, — окликнула она мальчика, стоящего окна, — что случилось?

Дэн спрятал модель поглубже в ветки и весь напрягся собираясь задать деру.

— Ничего, мама, — успокоил ее Маэстро.

Миссис Маккальстер подошла к окну и с удивлением увидела сидящего на дереве Робинсона.

— Дэн?! Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Лицо Качка приобрело подобострастное выражение.

— Добрый день, миссис Маккальстер.

— Здравствуй, Дэн...

— Ваш сын любезно согласился помочь мне в выпол нении контрольного задания по физике, ведь он очен хорошо знает этот предмет, и может помочь даже уче нику из старшего класса.

— Это правда, Кевин? — спросила миссис Маккаль стер у сына, заглядывая ему в глаза.

— Да, ма.

— Молодец, Кевин, в таком случае, продолжайте, — похвалила она сына. — Но зачем же лазить по деревьям,

ты мог бы зайти в дом и посидеть на диване, — продолжила мать Кевина, повернувшись к Дэну.

— О, не беспокойтесь, мэм, мне здесь очень удобно.

— Ну, смотрите сами, — сказала миссис Маккальстер и вышла из комнаты Кевина.

Когда дверь за ней захлопнулась, лицо Дэна приобрело свое прежнее наглое выражение. Он еще немного посидел на ветке и полез вниз.

— До завтра, Маэстро, — бурчал Качок, спускаясь. — Не забудь пульт, а то твоему самолету не поздоровится, это я тебе обещаю точно.

Было видно, что он несколько расстроен неожиданной встречей с миссис Маккальстер, которая слегка подмочила его репутацию бесстрашного и отчаянного парня.

«Неужели Качок и вправду может выполнить свою угрозу? — с тоской думал Кевин, вглядываясь в наступавшую темноту. — Да, такой парень, как Дэн, не остановится ни перед чем, а если он и поднимет в воздух модель, то вряд ли сумеет ее посадить. А это означает, что моему самолету действительно конец. Что же делать? » — мучительно размышлял он, стараясь найти хоть какой-нибудь выход из создавшегося положения.

Уже давно погас свет в окнах коттеджа Робинсонов, перестали сновать пешеходы по улице, а Маэстро все не отходил от своего открытого окна, думая о завтрашнем дне и прорабатывая в голове различные варианты спасения своего пластикового детища.

— Сынок, к тебе можно? — послышался за дверью голос миссис Маккальстер.

— Да.

В комнату вошла мать Кевина и подошла к Маэстро.

— Ты еще не в постели? — удивилась она.

— Нет, ма.

— А я думала, что ты уже спишь. О чем это ты думаешь?

— Да так, о пустяках...

— А, понимаю, у тебя завтра, наверное, трудный день в школе?

— Да, ма.

— Ну смотри, завтра ведь тебе рано вставать.

— Я знаю, ма.

— Скажи, ты чем-то расстроен? У тебя все в порядке?

— Да, ма. У меня все о'кей, — пытаясь выглядеть бодрым, ответил мальчик.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, ма.

Миссис Маккальстер, поцеловав сына, вышла, бесшумно затворив за собой дверь.

Внезапно в голове Кевина, продолжавшего стоять у окна в той же позе, мелькнула подходящая, как ему показалось, мысль.

«Я отдам Дэну обычный пульт дистанционного управления, а с собой еще возьму свой самый мощный пульт, которым я смогу увести у Качка свой самолет», — с облегчением подумал Кевин и, закрыв окно, стал расстилать постель.

* * *

Утром следующего дня Дэн поджидал Кевина у дверей школы, сидя на перилах центральной лестницы.

— Привет, Кев! — окликнул он Маэстро, когда тот поднялся по лестнице.

— Привет, — без особого энтузиазма услышал в ответ Качок.

— Принес пульт?

— Да.

— Давай, не медли, — лениво протянул старшеклассник, лицо которого изображало нетерпение.

Кевин со вздохом полез в рюкзак и достал из него продолговатый черный пульт дистанционного управления, размером с небольшой портативный магнитофон, с пятью кнопками такого же цвета и маленьким блестящим рычажком.

В рюкзаке у Маэстро остался другой пульт, который в два раза превосходил по размерам отданный им Дэну Робинсону. Этот пульт был гораздо мощнее, имел около десятка всевозможных переключателей, потенциометр плавной настройки на заданную частоту и два рычага управления. Кроме того, на передней панели размещалось полдюжины сигнальных лампочек, оповещающих о настройке прибора на заданную частоту и о режимах работы. Он имел яркую серебристую окраску. Конечно же, этот прибор Маэстро не показал Качку.

В это время мимо них проходили Джудит со своей подругой, они посмотрели на разговаривающих подростков.

— Правда, Кевин симпатичный? — спросила Джудит

у своей подруги, когда входная дверь за ними захлопнулась.

— Да, он ничего, — подтвердила та.

И они, весело подмигнув друг другу, рассмеялись и поспешили к своим одноклассницам, стоящим в конце длинного коридора с паркетным полом и многочисленными окнами. Солнечные лучи свободно заливали его и холл первого этажа ярким светом.

Но Кевин не слышал этого комплимента подруги.

— Слушай, дай я поведу самолет, я покажу тебе, как это делается, — с надеждой в голосе сказал он Дэну, который с любопытством вертел прибор в руках.

— Не волнуйся, парень, я знаю, что делаю, — ответил тот и похлопал Маэстро по плечу.

— Пока, Кев.

И Дэн, сунув пульт в сумку, поспешил удалиться к своим друзьям, которые стояли неподалеку. Они сразу же окружили Качка, и вскоре серебристое туловище самолета стало переходить из рук в руки. Компания восхищенно загалдела и зацокала языками.

Прозвенел звонок, возвещающий о начале занятий. Подростки, до этого чинно шагавшие, заспешили в классы. Кевин со вздохом открыл входную дверь и шагнул в коридор.

* * *

Маэстро вошел в класс, когда урок уже начался. Ученики сидели по одному за столами и следили за приготовлениями Джамала к докладу по физике. Мистер Голдфилд, тридцатилетний, высокий, худощавый учитель, с длинными руками и рыжими вьющимися волосами, важно ходил между рядов. На его крючковатом носу сидели очки в светлой металлической оправе. Учитель был одет в белую сорочку с бабочкой, клетчатую вязаную безрукавку и синие брюки.

— Вы сегодня опоздали, мистер Маккальстер! — с недовольным выражением на лице обратился он к вошедшему Кевину.

— Извините, мистер Голдфилд.

— Проходите, не задерживайтесь, — замахал учитель рукой.

И Кевин поспешил к парте, но сел он не за свое

обычное место, а за последнюю парту у окна. Его пр
водили удивленные взгляды учителя и Джудит.

— Итак, ребята, Джамал работал над этим проекто
довольно долго, и сегодня он покажет некоторые сво
ства инерции, — обратился к классу учитель, не сдела
замечания Маэстро за то, что тот сел не на свое мест
— Давайте поприветствуем Джамальстера.

Ученики захлопали, а Джамал поднялся из-за своег
стола и подошел к журнальному столику, стоящему воз
ле стола учителя, на котором стояло что-то размером
небольшой телевизор, завернутое в синюю ткань.

— Инерция — что это такое? На чем она основыва
ется и что нам может дать это явление? — начал сво
рассказ Джамал. — Мы знаем, что объект, находящийс
в движении, имеет тенденцию к нахождению в движе
нии, а объект, находящийся в покое, имеет тенденци
находиться в покое...

Ученица, сидящая перед Кевиным, склонилась на
тетрадкой, записывая услышанное.

«У-у, двоечница, — мелькнуло в голове у Маэстро, —
мы ведь это давно уже прошли».

Мистер Голдфилд удовлетворенно закивал своей боль
шой головой и сложил руки на груди.

— Я с удовольствием представляю вам свой джама
ломобиль, — продолжал рассказ докладчик.

С этими словами он движением правой руки, неодно
кратно отрепетированным дома, сорвал ткань со столи
ка. Под ней оказалась модель, демонстрирующая свой
ства инерции. По своему виду она напоминала платфор
му с колесами. На платформе были укреплены много
численные пружины, нитки с противовесами, блоки, ша
туны и прочие штучки.

Окинув взглядом притихшую аудиторию и получив
одобрение со стороны мистера Голдфилда в виде похло
пывания по плечу, Джамал удовлетворенно продолжал:

— Принимая во внимание известные формулы...

В этот момент чуткое ухо Кевина уловило за окном
шум мотора его модели.

«Ну вот, они уже подняли самолет в воздух, — с
отчаяньем подумал Маэстро. — Что же делать?»

Он, стараясь не шуметь, запустил руку в свой рюкзак
и достал серебристый пульт. Вытянув антенну, он по
пробовал настроиться на нужную волну, но это ему не
удалось.

«Нужно подойти к окну, чтобы направить передаю

щую антенну в сторону летящей модели, — подумал Кевин. — Но как, ведь идут занятия?»

— Согласно третьему закону Ньютона, — не без пафоса продолжал свой рассказ Джамал, — действие равно противодействию, что позволяет нам, используя эти принципы кинематической энергии...

После нескольких неудачных попыток войти в связь с самолетом, Маэстро поднялся и быстрым шагом подошел к открытому окну, за которым взвывал мотор его модели. Мистер Голдфилд заметил перемещение Кевина и удивленно вскинул свои тонкие брови.

* * *

Поначалу у Дэна все шло хорошо: он довольно быстро запустил двигатель самолета и, разобравшись с рычагом управления, поднял модель в воздух, которая, попетляв по дорожке, ведущей к клумбе с цветами, взлетела, припадая на правое крыло.

Дэн и его друзья с восхищением следили за пируэтами самолета в воздухе.

— Классно! Вот это уровень! Ай да Маэстро! Ничего себе тачка! — слышались их восхищенные голоса.

Кевин, стоя у окна и включив пульт, старался поймать в зону действия своего прибора полет самолета, но это никак ему не удавалось.

«Слишком далеко», — с отчаяньем думал Маэстро, вертя ручку настройки.

— Мистер Маккальстер, прошу вас, займите свое место! — услышал Кевин возмущенный голос учителя.

«Нет, в этот самолет я вложил слишком много времени и труда, и я не смогу допустить, чтобы Дэн его разбил», — думал Кевин.

— Мистер Маккальстер, обратите, пожалуйста, внимание на мои слова, — в голосе учителя уже звучало раздражение и металлические нотки.

Весь класс обернулся и смотрел на Кевина, забыв о докладе Джамала. Докладчик растерянно хлопал глазами и с недоумением смотрел то на мистера Голдфилда, то на своего друга с пультом в руках. Но все внимание Маэстро было приковано к серебристой фигуре самолета, описывающей широкие круги над школой.

Наконец ему удалось перехватить частоту передатчика Дэна, и Кевин стал медленно, но уверенно уводить

модель самолета из зоны действия дистанционного пу
та Качка.

— Что за черт?! — удивился тот, видя, что самол
перестает его слушаться.

Модель, войдя в крутое пике и на выходе из не
сделав «бочку», развернулась в противоположную ст
рону от Дэна и его друзей.

— Эй, Качок, почему она удирает от тебя? — заора
раздосадованные зрители.

— Ничего не понимаю, — раздраженно бурчал се
под нос Дэн, лихорадочно крутя рычаг управления.
Пойдем отсюда, ребята, это опять, наверное, продел
Маккальстера, — сказал умудренный опытом Дэн.

— Эх, ты! — раздосадованно заговорили подрос
ки. — А еще говорил: «Я умею, я знаю...»

Им тоже хотелось покрутить пульт и заложить «ме
твую петлю» в небе на серебристой модели.

В это время Квин лихорадочно соображал, как и г
ему посадить самолет. Модель не очень уверенно сл
шалась его команд, так как действие пульта, остающе
в руках у Дэна, тоже не прекращалось и имело некот
рое влияние.

— Мистер Маккальстер! Последний раз вас преду
реждаю: сядьте на свое место! — выходя из себя, закр
чал учитель.

Внезапно он увидел серебристое туловище моде
самолета, выныривающего из-за дерева, растущего окс
ло окон класса. Мистер Голдфилд не успел ничего пре
принять, и модель влетела через открытое окно в клас

На высоких оборотах завывал двигатель, бешено вра
щался пропеллер, модель, как огромная птица, стал
носиться в классе под потолком. В классе возникла па
ника. Напуганные девочки завизжали, мальчики стал
возбужденно бегать по классу, пытаясь поймать самоле
Джудит расширенными от страха и удивления глазам
наблюдала за действиями Кевина. Она ничего не могл
понять: как такой тихий и застенчивый парень, ка
Кевин, вдруг ни с того, ни с сего вытворил такое.

«Кто бы мог предположить?! — думала девочка,
изумлением глядя на Маэстро. — Вот уж поистине:
тихом омуте — черти водятся».

Между тем мистер Голдфилд первым оправился о
испуга и заговорил громким голосом, пытаясь успокоит
учеников:

— Прошу всех пригнуться! Пожалуйста, все вниз, по

парты. Не паникуйте! Дети, прошу вас, не паникуйте!
Пожалуйста, все вниз!

Девочек не надо было уговаривать это сделать, а
мальчики, возбужденные преследованием, нехотя полез-
ли под парты. Один Джамал в недоумении стоял возле
своего джамаломобиля, не зная, что ему делать. Мистер
Голдфилд подбежал к нему и воскликнул:

— Джамал, осторожнее! Оставьте свой проект и по-
лезайте под парту.

Джамал нырнул под учительский стол. Увидев, что
все дети спрятались, мистер Голдфилд тоже пригнулся
и возмущенно крикнул Кевину, который из-под стола
лихорадочно пытался посадить модель в проходе между
парт:

— Мистер Маккальстер, что вы делаете!?

Его слова заглушил сильный взрыв. Кевин, не спра-
вившись с управлением самолета, опустил его прямо на
конструкцию Джамала. Черные клубы дыма и высокое
желтое пламя взметнулись над журнальным столиком.
Послышался новый всплеск девичьего визга и восхищен-
ные вопли мальчишек. На пол стали падать обугленные
останки модели и пружины джамаломобиля.

«Боже мой, что я наделал, — пронеслось в голове у
Кевина, — теперь меня выгонят из школы! А какие
неприятности из-за меня будут у родителей! Господи,
ну за что мне все это?!»

* * *

Взметнувшийся было пожар быстро потушили огне-
тушителями прибежавшие на крик старшеклассники.

Маэстро, конечно же, сразу вызвали к директору.
После довольно короткой и эмоциональной речи дирек-
тора мистеру Маккальстеру было сказано, что отныне
он не является учеником этой школы, руководство ко-
торой не намерено держать у себя хулиганов, создающих
угрозу жизни и здоровью окружающих.

— Мы постараемся написать тебе такую характери-
стику, после которой тебя не примут ни в одно приличное
учебное заведение, — продолжал ораторствовать
директор школы, полный седовласый мужчина в боль-
ших роговых очках. — Тоже мне, герой! А теперь сту-
пай, — и он указал Кевину на дверь. — Я сам позвоню
твоим родителям. Не думаю, что те сведения, которые

я сообщу им сегодня, обрадуют миссис и мистера Маккальстеров.

Мальчик, понуро опустив голову, вышел из кабинета директора, волоча по полу рюкзак с черными от копоти обломками модели. Около двери его ждала вся компания Дэна. Подростки обступили Кевина, Дэн подошел к нему спереди и, нагло улыбаясь, посмотрел ему в глаза, как бы говоря: «Ну, вот, парень, теперь мы с тобой квиты. Тебе не следовало идти против меня!»

Кевин мужественно выдержал этот взгляд и, растолкав плечом обступивших, побрел к своему «Роуд Мастеру».

* * *

Дорога от школы до дома показалась Кевину ужасно долгой и унылой, несмотря на то, что солнце припекало уже совсем по-летнему и на голубом весеннем небе не было ни единого облачка.

Войдя в дом, Маэстро подошел к журнальному столику в гостиной и сгрузил на него обломки самолета.

«Ну, вот и все, — с грустью подумал он, — из школы меня исключили, модель самолета спасти не удалось, теперь еще и от родителей достанется. Вот уж радости База не будет предела».

Кевину стало так грустно и жалко себя, что он чуть было не заплакал, когда горький комок обиды на окружающих подкатил к самому горлу. Однако подавив слезы, Маэстро решил не поддаваться унынию и занялся теми обычными делами, которыми он занимался, приходя из школы. Он разделся и принял душ, затем заглянул в холодильник и, достав оттуда полуфабрикат пиццы с курицей, грибами и сыром, сунул ее в микроволновую печь.

Затем он включил телевизор и услышал, как диктор передает последние новости:

«Троим подозреваемым в ограблении местного магазина по-прежнему удается оставаться на свободе. Они похитили белый микроавтобус...»

Следующим нажатием кнопки на пульте дистанционного управления Кевин включил автоответчик телефона. Из его динамика раздался взволнованный голос миссис Маккальстер:

«Алло! Кевин, ты там? Мне звонили из школы. Насколько я понимаю, ты помешал научному проекту Джамала, разбив о его инерционный автомобиль самолет. Я, конечно же, огорчена. Когда я приеду домой, я обязательно конфискую у тебя все модели и все пульты. Давно нам надо начать игру по новым правилам».

Как только закончил говорить автоответчик, зазвонил телефон.

«Наверное, это мама», — подумал Маэстро и не решился поднять трубку.

Телефон, сделав пять звонков, включил автоответчик:

— Алло, вы дозвонились до квартиры Маккальстеров, после гудка оставьте свое сообщение.

Мальчик, включив кнопку на пульте, вывел разговор на внешний громкоговоритель.

— Алло, Кевин! Ты дома? Позвони мне в контору немедленно!

«Нужно срочно что-то предпринять, — пронеслось в голове Маэстро, — иначе мать выполнит свою угрозу и не видать мне больше своих моделей. Вывезу-ка я их за город в тот дом-образец и спрячу».

Пицца подгорела, но Кевин механически проглотил ее, не чувствуя вкуса. Затем он пошел в свою комнату, собрал все оставшиеся модели и вынес их во двор.

Кевин прикрутил липкой лентой все имеющиеся у него пульты на руль велосипеда. Перед домом стояли модели вертолета, двух багги, желтого аэроплана старинной модели, двух «макларенов». Гюнтера и такую же механическую игрушку-динозавра мальчик положил себе в рюкзак. Он завозился над моделью вертолета, склонив над ним голову, когда услышал голос Джудит.

— Я еще ни разу не дружила с человеком, которого исключили из школы. А что это ты делаешь? — спросила она, останавливая велосипед рядом с вертолетом и удивленно глядя на выстроившиеся в ряд модели.

— Мама грозит забрать у меня все это, поэтому я и решил вывезти их в убежище, — распрямившись, ответил Кевин. — Помнишь дом-образец?

— Да.

По лицу мальчика было видно, что он рад видеть свою подругу.

— А может быть, ты скажешь правду, ты ведь все-таки не виноват?

— Да, виноват Дэн, но если я застучу его, мне станет

сложнее жить. И, кроме того, там ведь частично была и моя вина.

— Ты поможешь мне отвезти модели туда? — с надеждой в голосе спросил Кевин.

— О'кей, — согласилась девочка. — Но, знаешь, так будет даже хуже.

Джудит взяла один пульт, и друзья двинулись в путь. Модели автомобилей поехали следом, а самолет и вертолет описывали круги в небе над ними. Ребята старались быстро крутить педали, чтобы поменьше прохожих видели «великое переселение».

Вскоре они, окруженные летящими и едущими моделями, выбрались на загородную дорогу.

* * *

Бульдог, дремавший в тени экскаватора, проснулся от того, что над ним пролетела сначала модель вертолета, а затем, совсем уж непривычная его взгляду, модель старинного самолета. Собака с недовольным видом покрутила своим курносым носом в воздухе и встала с насиженного места. Вдалеке бульдог увидел приближающихся по дороге на велосипедах к брошенному экскаватору мальчика и девочку.

«А вот и мой обед», — подумал бульдог и побежал их встречать.

Кевин настроил полет самолета и вертолета на движение в воздухе большими кругами, так как скорость моделей была значительно выше той, с которой ехали Маэстро и девочка. Модели машин ходко ехали рядом.

— А вот и наш старый знакомый! — поприветствовал Кевин бульдога, когда тот подбежал к ним.

— Ну, что, проголодался? — спросила у бульдога Джуди и рассмеялась.

В ответ собака залилась лаем.

— Получи! — крикнул Кевин, бросив собаке порцию сосисок.

Наконец они подъехали к дому поместья «Вели Вьюн». Все модели благополучно добрались вместе с ребятами и теперь «отдыхали», выстроившись в ряд на асфальтовой площадке перед домом.

— Я помогла тебе, — холодно сказала Джудит, отдавая Кевину сумку, — а теперь мне пора.

Маэстро удивленно посмотрел на девочку, хватаясь за ручки сумки.

— Ты разве не зайдешь? — спросил он.

— У меня сегодня игра, — коротко ответила та. — Ты придешь?

— Боже мой, я чуть было не забыл! Джуди, ты не сердишься на меня? — спросил Кевин, после некоторой паузы.

— Да нет, мне просто кажется, что ты ведешь себя, как пятилетний ребенок.

С этими словами Джудит развернула свой велосипед и укатила, оставив Кевина наедине со своими моделями. Маэстро с грустью посмотрел вслед удаляющейся тонкой фигурке в синем спортивном костюме.

«В общем-то она права, но и я не хочу прослыть стукачом», — подумал он.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кевин, расставив все свои радиоуправляемые модели на чердаке, сел рядом на низкий деревянный табурет, глядя на их изящные формы. Он просидел так около часа, размышляя о сегодняшнем происшествии. Казалось, что модели сопереживают своему хозяину, замолчав, прислушиваются к внутреннему голосу Кевина и безмолвно успокаивают его.

«Что бы я делал без вас?» — мелькнула мысль в голове у мальчика, и слезы навернулись ему на глаза.

Однако он мужественно поборол в себе минутную слабость и, еще раз окинув взглядом игрушки, поднялся со своего места.

«Надо идти, а то опоздаю на игру Джуди», — подумал мальчик и открыл чердачное окно.

* * *

Спустившись по лестнице, он положил ее невдалеке от стены, в густую траву. Затем Кевин сел на велосипед и уже собирался тронуться, как заметил приближающийся к дому белый микроавтобус.

«Неужели это те самые грабители, о которых уже второй день говорят по телевизору? — мелькнула мысль в голове у Маэстро. — У них есть оружие», — вспомнил Кевин и попятился.

Пригибаясь за кустами, он вместе с велосипедом спрятался за угол дома и стал наблюдать.

Машина, подъехав к дому, остановилась. Через некоторое время из нее вышел невысокий человек средних лет с длинными прямыми волосами, маленьким курносым носом и узкими, как у китайца, глазами. В руке у него блеснул пистолет. Человек с опаской осмотрелся вокруг и спрятал оружие в карман старых потертых вельветовых штанов. На его теле висела замызганная клетчатая рубашка неопределенного цвета.

Между тем из машины вылез второй бандит. Он был повыше ростом и немного моложе первого. Коротко подстриженные черные волосы, смуглая кожа и орлиный профиль лица выдавали в нем итальянца. Он был одет в куртку из мягкой коричневой кожи, голубую шелковую рубашку и синие джинсы. Он что-то тихонько напевал себе под нос.

— Заткнись, Марк! — сказал ему тот, что был пониже ростом.

— Что, уж и попеть нельзя?! — обиделся смуглокожий, но петь перестал.

В машине оставался еще один человек, которого мальчик не видел. Этого третьего нельзя было рассмотреть, так как микроавтобус имел тонированные стекла, которые становились темными на ярком солнечном свету, скрывая салон. Но наконец из машины вышел и этот третий, вернее сказать, не вышел, а вывалился. Это было очень толстый человек с двойным подбородком и огромным круглым животом. На нем были серые брюки и сиреневая куртка-штормовка с капюшоном. Его жирное лицо лоснилось от пота, и толстяк постоянно вытирал его несвежим носовым платком. К своему животу толстяк одной рукой прижимал большой бумажный пакет, в которых обычно носят продукты из магазинов, а в другой держал плитку шоколада, постоянно откусывая от нее.

— «Модель дома. Скоро состоится открытие», — прочитал на входной двери Марк и заржал. — Да, открытие состоится! — воскликнул он и разболтанной походкой двинулся к двери. — Это как собственный коттедж в Альпах! — развел он руками,приглашая сообщников следовать за ним.

Кевин не стал больше наблюдать за грабителями и, потихоньку прокравшись за заднюю часть дома, облегченно перевел дух.

«Ну и дела! Полиция с ног сбилась, разыскивая их, а бандиты у меня под носом, — стараясь успокоить ставшее прерывистым дыхание, думал Маэстро. — Что же мне делать?»

Затем Кевин решительным движением столкнул свой велосипед с небольшого косогора, который находился позади дома, и приставил лестницу к чердаку.

«Будь, что будет!» — с отчаяньем думал Маэстро, забираясь вверх по лестнице обратно к своим моделям.

В это время гангстеры уже сорвали наружный висячий замок, и Харри колдовал над дверью, ведущей в коридор, пытаясь набрать код на цифровом замке, который бы открыл его.

Внезапно троица услышала за своими спинами грозный собачий лай.

— Это полиция! — вскрикнул толстяк и попятился внутрь дома, наступив на ногу замешкавшемуся Марку.

— А-а-а! Луис, жирная скотина! Поосторожнее! — завопил тот от боли.

— Да тише вы, идиоты! — прикрикнул на них Харри.

У двери показалась бульдожья голова и зарычала на гангстеров. Вероятно, собака была недовольна тем, что белый микроавтобус промчался, не замечая его бдительной службы у брошенного экскаватора, и люди в нем не поделились со сторожем съестным.

— Э-э, собака... собачка... хороший пес... — промычал, бледнея от испуга, Марк, пытаясь успокоить бульдога.

Харри пришел в себя первым.

— Брось собаке шоколад! — приказал он Луису.

Толстяк с сожалением посмотрел на коричневую плитку в блестящей упаковке и протянул:

— Но это мой шоколад...

— Брось, Луис!! — завопил Харри так громко, что бульдог перестал лаять и с интересом посмотрел на странных посетителей дома.

Луис в последний раз откусил от плитки и бросил оставшуюся часть собаке со словами:

— Подавись, бульдожья рожа.

Бульдог удовлетворенно зачавкал, забыв о гангстерах.

Так и не сумев открыть цифровой замок, гангстеры решили обойти дом и поискать запасной вход. Кевин сидел на чердаке и прислушивался ко всему, о чем говорила троица. Он едва успел закрыть деревянными

5 Die beiden Einbrecher aus Teil 1 sind ausgebrochen

6

7 Die Ganoven krachen auf die Straße

8

9

12

17

18

Und schnappen sich Kevin. Harry holt die Wumme raus, doch Kevin zeigt keine Angst. Er rennt schnell davon

19

20

21

Nach vielen Turbulenzen trifft Kevin seine Ma vor dem riesigen Weihnachtsbaum

COORS
BEER

жалюзями чердачное окно, как внизу, под лестницей, появились бандиты.

— Ты знаешь, проходить под лестницей — дурная примета, — сказал Луис Харри, когда тот направился к запасному входу в дом.

— Плевать, — со злобой кинул Харри.

— Ну, как знаешь...

Вся троица, пройдя под деревянной лестницей, ведущей на чердак к Кевину, столпилась у запасной двери, которая была тоже надежно заперта замком, но имела стеклянные окошки.

— Войдем здесь, — сказал Харри сообщникам и приказал: — Разбей стекло, Марк.

Тот расправил плечи, выпрямился и, уперев руки в бока, зло прошипел:

— Знаешь что, Харри, ты мне уже надоел! Ты слишком раскомандовался: Марк, сделай то, Марк, поди туда. Мне это не нравится.

Харри с удивлением посмотрел на сообщника, но ничего не ответил.

— Харри, а вдруг там есть сигнализация? — с испугом прошептал Луис, уставясь на дверь.

— Я все знаю. Я обо всем позабочусь, — спокойным голосом ответил главарь. — Давай, Луис! Давай, Марк! — выходя из себя, заорал на них Харри.

— Ну, ладно, мне нетрудно, — произнес Луис и локтем высадил стекло.

Просунул руку в проем, Харри открыл дверь. Он и Марк первыми вошли в дом и оказались на кухне, Луис замешкался у входа, что было немудрено при его размерах. Это было стандартное, обычное помещение для приготовления пищи. В углу стоял огромный холодильник, возле него размещались два умывальника с никелированными кранами, за ними следовали белые кухонные шкафы разных калибров. Посередине кухни стоял небольшой пластиковый столик, а на нем — стеклянная ваза с фруктами и тарелка с пирожными.

— Очень хорошо! — воскликнул Марк, потирая руки. — Вроде все нормально!

Он подошел к вазе с фруктами и попытался взять грушу. Но все фрукты оказались бутафорскими.

— Э-э-э... Что за черт! — с удивлением глядя на блюдо, промычал гангстер. — Харри, да этот виноград и яблоки ненастоящие! Ничего себе!

— Да здесь все ненастоящее, это ведь дом-образец.

Эй, ничего здесь не трогайте, — приказал Харри, — пока я не обнаружу сигнализа- цию. И он стал шарить руками по навесным шкафчикам, высматривая датчики.

— А плита работает, — удовлетворенно заметил Марк, включив «филлипс». — И электрический чайник тоже.

Кевин наблюдал за ними с чердака, открыв вентиляционную решетку. В помещение ввалился Луис.

— Луис, возьми пирожное, — сказал Марк вошедшему.

Толстяк с жадностью схватил «пирожное» с блюда и целиком запихнул его себе в рот. Пожевав, он с удивлением посмотрел на смеющегося Марка, скривился и выплюнул воск прямо на пол.

— Да оно же ненастоящее... — растерянно произнес Луис.

— Га-га-га, — заржал в ответ гангстер.

— Эй, вы там, я же сказал: ничего не трогайте! — нервничая, с раздражением прикрикнул Харри.

Несмотря на все старания, ему не удавалось обнаружить сигнализацию.

«Что за бараны, — думал разозленный главарь, — вместо того, чтобы мне помочь, они развлекаются, как дети!»

— Луис, тащи сюда лестницу, — приказал он толстяку.

Тот обиженно поплелся во двор и вскоре вернулся с требуемым предметом, пыхтя от тяжести и сметая лестницей стулья, стоящие возле стола.

— Осторожнее, Луис, — попросил его Харри, — а то ты здесь все разворотишь.

— Куда лестницу? — спросил тот.

— Да брось ее куда-нибудь.

— Что, прямо на пол?

— Да, на пол, черт побери! — завопил главарь.

— Эй, Харри, ты какой-то нервный сегодня, — вступил в диалог Марк.

— Тут с вами вообще идиотом станешь, — огрызнулся шеф.

Луис восхищенно водил по столу рукой:

— Ты смотри, как красиво! Ай, какой пластик! Какой приятный цвет!

— Ну, ладно, здоровяк, пошли дальше, — и Харри жестом поманил сообщников за собой.

Троица остановилась на пороге просторной гостиной.

В нее вел из кухни большой дверной проем без двери и квадратное окно в стене для подачи в гостиную блюд.

— Какая гостиная! — восхитился Марк и занес ногу на ковер.

— Стой, не делай этого! — схватил его сзади за плечи Харри.

— Ну, что еще? Что? — Марк обиженно замахал руками.

— Под этим ковром наверняка есть датчики.

Харри нагнулся и стал водить руками по ковру. Луис и Марк стояли сзади и с почтительностью наблюдали за его манипуляциями. В гостиной стоял большой синий кожаный диван и кресло такого же цвета.

— Точно... точно есть, — выдохнул главарь, стараясь придать своим словам больше веса. — Вместо моста используем лестницу. Луис, тащи ее сюда.

Толстяк побежал за лестницей и вскоре вернулся с ней на плече. В это время Харри стоял у окна в гостиную, заглядывая через него в помещение. Луис снял с плеча лестницу и стал пристраивать ее из-за двери на ковер гостиной.

— Да нет же, Луис! Давай ее сюда, — воскликнул Харри. — Ты что, совсем тупой?

Луис подал лестницу Харри, который уже перепрыгнул через окно и стоял на полу гостиной у стены. Главарь взял лестницу и перекинул ее к видневшемуся в глубине комнаты электрическому щиту. Толстяк помогал ему сзади.

— Ты знаешь, Харри, я первый раз мост строю, — пыхтя от старания, сказал Луис, — я несколько раз ходил по мосту...

— Заткнись ты, придурок! — завопил Харри.

— Ну ладно, ладно...

— Марк, открой дверь гаража, — продолжал уже спокойным тоном главарь, повернувшись лицом к сообщникам, — и загони туда микроавтобус.

— А потом закрыть дверь? — спросил туповатый Марк.

От нахлынувшего раздражения Харри побелел, лицо его перекривилось:

— Конечно, черт побери! Что, писать вам все, что ли? Вот так: взять ручку и писать! — главарь жестом подтвердил сказанное им.

— Это не поможет: Марк ведь читать не умеет, — ехидно заметил Луис.

— Да умею я читать...

— Ну хватит вам болтать, идиоты! — прикрикнул Харри. — Займитесь-ка лучше делом.

Марк, ворча себе что-то под нос, поплелся во двор к «шевроле». Луис с удвоенной энергией, но крайне бестолково, засуетился у лестницы.

До вступления в банду Харри толстяк был обычным деревенским парнем. Он работал на ферме водителем небольшого грузовичка в пригороде Сент-Льюиса. Его бывший хозяин не мог нахвалиться этим добросовестным и исполнительным работником. Единственной слабостью Луиса была его страсть к вкусной еде, но на ферме это не было проблемой и, к тому же, жена хозяина отлично готовила... А потом появился Марк, дальний родственник Луиса. Он-то и свел его с Харри...

В это время Харри по лестнице добрался до электрического щита и открыл его. Луис из окна для подачи блюд наблюдал за ним.

— Хм, у меня был приятель, который устанавливал такие щиты, — задумчиво произнес Харри, всматриваясь в переключатели и лампочки.

— Так, может, ты поскорее выключишь его, — подал голос толстяк и по наклоненной низко к полу лестнице двинулся вслед за шефом.

— Ты понимаешь, тут надо знать комбинацию, — сказал Харри, захлопывая крышку щита. — Луис, подай мне сигареты.

— Ты что, захотел покурить? Может быть, лучше ты слезешь с этой лестницы, и мы вместе подымим на кухне? — с этими словами, толстяк протянул пачку «мальборо» главарю.

— Да нет, все сигареты давай.

— Ну хорошо, — и Луис протянул бумажный пакет Харри.

Тот бросил на ковер пачку сигарет и наступил на нее ногой. Луис с интересом наблюдал за шефом.

— Я определю места, по которым безопасно ходить.

— Это весело.

— Веселого мало, — мрачно заметил Харри, и, как цапля, одной ногой стал на сигареты, а вторую подогнул. Одной рукой он держался за стену, а второй прижимал к себе пакет с сигаретами.

Внезапно Харри дернулся и, теряя равновесие, чуть не упал на ковер. Ползущий за ним Луис едва успел ухватить шефа за руку.

— Осторожнее, Харри! — пошептал толстяк, облегченно отдуваясь, смахивая капельки пота, который мелким бисером выступили у него на лице.

— Я знаю, что делаю. Все будет о'кей. Для того, чтобы сигнализация сработала, нужен вес не менее тридцати килограммов, а если мы будем ходить по пачкам с сигаретами, то сигнализация не сработает.

— Ну, теперь я все понял.

В это время Марк загонял в гараж микроавтобус.

— Марк, сюда; Марк, туда; Марк, сделай это; Марк, сделай то... — ворчал гангстер себе под нос, разворачивая «шевроле». — Вот заведу себе отдельную банду и буду сам в ней командовать.

Машина, взревев мотором, заползла в гараж.

— Порядок, — сказал сам себе Марк и пошел закрывать ворота.

* * *

— Здесь полно датчиков, я чувствую это, — тяжело дыша, прохрипел Харри, ползая на четвереньках по ковру и водя по нему одной рукой. В другой он держал пакет с сигаретами и опирался на пол, держа равновесие. — Нужно наступать на пачки сигарет, и все будет нормально. Ну, вот и все, — удовлетворенно промолвил шеф, бросив на пол последнюю пачку и встав ноги. — Теперь все будет очень хорошо.

— А знаешь, Харри, мне и здесь неплохо, — протянул Луис, сидя на лестнице верхом.

Ему явно не улыбалась перспектива балансирования своим грузным телом на пачках из-под сигарет. Тем временем Харри добрался до дивана и плюхнулся на него. Он блаженно растянулся на нем и с сочувствием посмотрел на Луиса, который сжался на лестнице в неудобной позе.

— Да брось ты, толстяк, это же так просто... Ну, смелей, Луис, — подбадривал с дивана Харри.

Толстяк решился и стал прыгать по пачкам к креслу. Наконец он достиг его и, завалившись на кожаную подушку, облегченно отер с лица пот:

— Это довольно весело! Ух, как хорошо! Прямо как во дворце.

— И чего это тебе все время весело? — с подозрением посмотрел на него главарь.

* * *

«Нужно бежать, пока они отдыхают», — подумал Кевин, сидя у вентиляционной решетки и прислушиваясь к разговорам гангстеров.

Он подошел к окну и осторожно выглянул. Лестницы не было.

«О, Господи, — сказал про себя Маэстро, — только этого не хватало. Что же делать?»

Прошло около часа, когда на кухне зашумела вода. Кевин напряг слух и выглянул через решетку. Харри умывал под краном лицо и руки. Затем вошел Луис. Открыв холодильник и увидев пустые полки, он с горечью произнес:

— Боже, здесь совершенно нет продуктов. Но зато здесь есть поварская книга, — улыбнулся он и, взяв ее в руки, углубился в чтение.

Вслед за ними на кухню зашел Марк.

— Эй, Харри, и сколько мы здесь будем торчать?

— Ну, не знаю, дня три-четыре, пока полицейские не снимут заслоны на дорогах, — последовал ответ.

Вдруг, словно что-то вспомнив, Харри повернулся к Луису, рассматривающему картинки блюд в книге, и злобно закричал на него:

— Послушай, придурок, если бы не ты и не твой дурацкий журнал с комиксами, который ты стал рассматривать прямо в магазине, мы бы сейчас были в полном порядке и с деньгами...

— Эй, эй, какие комиксы? — вступился Марк за Луиса. — Это был просто новый экземпляр! Не ори на него: он мой родственник.

— Я проголодался, — застенчиво сказал Луис.

— Так съешь шоколад!

— Я уже весь его съел, — также застенчиво продолжил толстяк и погладил себя по животу.

— Ну хорошо, я схожу в супермаркет, — остыв, произнес Харри. — Давайте деньги.

Он пригладил мокрыми руками свои прямые волосы, одновременно таким образом высушив их, и стал закатывать рукава своей клетчатой рубашки. Луис и Марк протянули по пять долларов.

— А ты мороженое мне купишь? — спросил Луис. — Я хотел бы такое, в стаканчике, со сливами.

Харри пристально посмотрел на толстяка:

— Мороженое растает, баран, я же пешком иду.

— Ах, да... действительно...

Харри, спрятав деньги в карман, двинулся к двери.

— Если меня через час не будет, действуйте самостоятельно, — на ходу небрежно бросил он. В то же время он окинул взглядом лица сообщников, изучая их реакцию.

Лица гангстеров вытянулись от удивления. Шеф заметил это и удовлетворенно улыбнулся.

«Все-таки я нужен им», — подумал Харри.

— Шеф, ты что, хочешь бросить нас? — разочарованно спросил Луис.

— Глупого ничего не делайте, ладно? — с улыбкой на губах попросил Харри.

— Это ты его просишь? — заржал Марк, показывая в сторону толстяка.

— Не включайте свет, не выглядывайте из окон... — инструктировал остающихся Харри. — Я скоро вернусь...

Луис преданно и испуганно посмотрел на шефа:

— А что, если нас кто-то найдет здесь?

— Тогда возьмите заложника, — твердо сказал Харри и выложил на стол пистолет.

Когда дверь за шефом захлопнулась, Марк сказал Луису:

— Какая все-таки мразь этот Харри.

— Пошли, отдохнем, — предложил Луис.

— Я, пожалуй, пойду приму душ.

— Ну хорошо, а я хочу еще немного полежать.

И толстяк запрыгал по пачкам с сигаретами. Марк пошел в душ. Тяжело повалившись на диван после долгого перехода, Луис стал мечтать вслух:

— Когда-нибудь и у меня будет такой дом. Дом Луиса, луисовский дом...

На лице толстяка заиграла довольная улыбка.

* * *

В это время к дому-образцу на высокой скорости приближался ярко-синий «БМВ» последней модели. За его рулем сидела крупная, дородная дама в маленьких очках роговой оправы. На даме был отличный светло-голубой шерстяной костюм и белая блузка. Рыжие волосы на голове были взбиты в нелепо смотревшуюся прическу, что выдавало отсутствие у нее вкуса. Одной

рукой женщина вела автомобиль, другой она держала у уха трубку радиотелефона.

— Хэлло, мистер Горман, — сладким голосом проворковала она, — это миссис Уильямс из конторы по торговле недвижимостью. Вы решили отказаться от встречи? А в чем, собственно, дело?

В это время Кевин подошел к окну и, от нечего делать, стал смотреть на дорогу, ведущую к дому-образцу. Асфальтовая полоса была пустынна в лучах неяркого вечернего солнца. Осветительные мачты, как часовые, выстроились по обеим ее сторонам.

«Вот если бы сейчас вдруг очутиться хотя бы у брошенного экскаватора... Как было бы здорово! — грустно думал Маэстро, подперев рукой щеку. — Первым делом я позвонил бы в полицию, а потом бы поел...»

У мальчика от голода уже начинало сосать под ложечкой. Вдруг в самом конце дороги, где она начинала уходить за горизонт, он рассмотрел приближающуюся точку автомобиля. В первую минуту Кевин обрадовался, а потом подумал:

«А вдруг это Харри угнал еще один автомобиль? Или едут покупатели с миссис Уильямс и не знают, что в доме вооруженные гангстеры...»

Между тем в «БМВ» продолжался радиотелефонный разговор:

— ... вы что, даже не взглянете на наш дом-образец? Я покажу вам его. Вы почувствуете там себя, как дома. Да? Ну, может быть, в следующий раз.

Миссис Уильямс с раздражением положила трубку на место.

— Дьявол! — выругалась она и с ожесточением обеими руками вцепилась в руль.

В это время Кевин рассмотрел водителя и обрадовался: за рулем сидела женщина из той самой фирмы по торговле недвижимостью, у которой Маккальстеры покупали свой новый дом и которую хорошо знала его мама. Один раз миссис Уильямс даже заходила к ним домой, чтобы посмотреть на рекламные проекты миссис Маккальстер.

В голове у Кевина мелькнула мысль. Он оторвался от окна, на куске старого картона быстро соорудил записку, в которой говорилось:«Сообщите в полицию, в доме — грабители» и прикрутил ее проволокой к вертолету.

Запуская двигатель модели, Маэстро наблюдал за «БМВ». Миссис Уильямс, не доезжая до дома-образца

метров десять, неожиданно развернула машину и поехала в обратном направлении.

«Надо спешить, но почему она не зашла в дом?» — недоумевал мальчик.

Миссис Уильямс немного снизила скорость и снова взяла трубку радиотелефона. Теперь она говорила властным голосом, отчитывая нерадивых работников:

— Привет, Майкл, как дела? Да, я звонила ему, он отказался от встречи... Почему?! Это я тебя должна спросить: почему?! О чем вы себе там думаете? Ну ладно, есть еще встречи?... Нет, и еще раз нет...

В это время рядом с ее машиной на уровне водительского окна летел вертолет, поворачиваясь к водителю то одним, то другим боком, стараясь привлечь ее внимание.

«Хм, почему она не обращает внимания?» — удивлялся Кевин, стоя у окна и наблюдая за «Хью», так он прозвал вертолет, и шикарным автомобилем, несущимся на одной скорости с ним по пустынной дороге.

— Милый мой, он отказался от этой встречи только из-за тебя, я в этом больше, чем уверена, — продолжала раздраженно говорить миссис Уильямс. — Честно говоря, Майкл, я даже не знаю, зачем я сюда приезжаю...

«Ну же, ну... Давай, Хью, поднажми, — говорил про себя Кевин, работая рычагом управления на пульте и выжимая из вертолета максимальную скорость. — Еще немного, Хью, умоляю тебя!»

Внезапно вертолет стал отставать от машины и вскоре завертелся волчком в воздухе, едва не падая на асфальт. Кевин понял, что радиус действия дистанционного пульта закончился, и Хью теперь может навсегда остаться на мостовой.

— Я тут ничего не буду проверять!.. У меня абсолютно нет для этого времени! У вас для этого есть... Все! Хватит! Увидимся в офисе... — миссис Уильямс положила трубку, так и не заметив модели вертолета. — Вы еще долго-долго не увидите меня здесь, — сказала она и рассмеялась недобрым и фальшивым смехом.

«БМВ» рванул по дороге и вскоре скрылся за горизонтом.

«Назад, назад, Хью. Чуть я тебя не потерял!» — приговаривал мальчик, прилагая все усилия, чтобы возвратить вертолет.

Модель набрала высоту и, как бы нехотя, повернула назад к своему хозяину.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гангстеры, оставшиеся в доме, ничего этого не видели. Луис спокойно храпел на диване, закинув ногу на ногу и скрестив на своем огромном животе толстые руки.

Из ванной комнаты доносился шум стекающей воды и беззаботное и громкое пение Марка:

— Уважаемые дамы и господа! Мальчики и девочки! Только одну ночь у нас поет Марк Маринелли.

И гангстер затянул длинную, популярную среди американцев песню «Старый лоцман»:

Ах, на канале Эри
Тот случай летом был.
Я в край далекий Олбени
С родителями плыл.

Но в полдень страшный ураган
Подул из тучи вдруг.
Взметнул седые он валы
И нас поверг в испуг.

С порога дома человек
Взывал сквозь ветра вой:
«Скорей причальте ваш корабль,
Корабль причальте свой!»

Сказал наш капитан, взглянув

На нос и на корму:
«Жену, малюток дорогих,
Увы, не обниму!»

Изрек наш лоцман Доллинджер
(Был тверд он в страшный час):
«Доверьтесь Доллинджеру — он
Спасти сумеет вас...»

Тем временем Кевин, поставив вертолет рядом с другими моделями, перевел дух и стал обдумывать свое положение.

«С одной стороны, я не могу отсюда выбраться, — думал он, — а с другой — мое положение не так уж и плохо: ведь гангстеры не знают о моем существовании. И, к тому же, со мной мои верные электронные друзья».

С этими мыслями он поднялся со своего места и открыл вентиляционное отверстие, чтобы послушать, что творится внизу. Из гостиной раздавался храп толстяка, а из ванной комнаты — пение Марка.

Кевин осторожно открыл вентиляционную решетку и увидел на полу ванной комнаты туфли, коричневую кожаную куртку, джинсы и пистолет гангстеров, который лежал поверх одежды. Марк мылся, отгороженный от одежды непрозрачной пленкой.

В голове у Маэстро возник смелый план. Он взял из оставленной строителями коробки маленький декоративный гвоздик и положил его в ладонь Гюнтеру. Нажав на клавишу пульта дистанционного управления, Маэстро зажал его в кулаке механического клоуна. Затем он спустил его по веревке к туфлям гангстера. Гюнтер встал на ноги и, ведомый Кевином, подошел еще ближе к туфле. После чего, примерившись, он опустил в туфлю руку и разжал кулак. Гвоздь оказался в туфле Марка. Делая все это, клоун верещал песню, но гангстер не услышал ее, так как был занят своим пением.

Выполнив первую часть задуманного Кевиным плана, Гюнтер двинулся к джинсам Марка и лежащему на них пистолету. Подойдя к оружию, он наклонился и взял обеими руками орудие убийства.

«Теперь назад, Гюнтер. Только бы ты не выронил пистолет!» — думал, волнуясь, Кевин.

И он стал в ускоренном режиме поднимать клоуна.

Моторчик модели завизжал на высоких оборотах, пение Гюнтера стало громче и прерывистее.

«Еще немного... Ну, скорее!» — мысленно подбадривал клоуна Маэстро.

Внезапно Гюнтер остановился и повис на веревке, на полпути к своему хозяину, беспомощно вращая головой. Пение механической модели прекратилось, в это время прекратил петь и Марк.

— Спасибо. Спасибо всем, уважаемые дамы и господа! Великолепный Марк Маринелли еще раз доказал, что он умеет петь и делает это блестяще, — громко нахваливал сам себя гангстер.

Из-за занавески потянулась рука Марка и схватила полотенце, которое висело на стене. Неожиданно для себя Марк не смог его сразу снять. Гангстер несколько раз подергал его за угол и наконец оторвал от стены.

— Боже мой, даже полотенца в этом доме приклеены, — капризно пожаловался он сам себе. — О, черт!

И Марк снова затянул ту же песню, вытирая тело:

Тут капитан сказал нам всем:
«Увы, наш жребий лих!
Опасность главная не там,
А здесь, средь волн морских.

Искать убежища решил
В ближайшем я порту,
А коль погибнем... Нет! Язык
Немеет мой во рту!»

Изрек наш лоцман Доллинджинер,
Услышав тот приказ:
«Доверьтесь Доллинджеру — он
Спасти сумеет вас!»

Гюнтер все-таки не удержал в своих механических руках оружие, и пистолет почти беззвучно упал на кожаную куртку гангстера.

Вероятно, Марк все-таки услышал звук падения, и его пение прекратилось. Стоя в ванне, он насторожился и стал прислушиваться.

— Так, пистолет на месте, — заключил он, быстрым движением руки отодвигая занавеску, — а где же ему

еще быть, как не здесь, — вслух успокаивал себя Марк, — вероятно, мне показалось.

Он сгреб всю одежду в охапку и придвинул к себе, а пистолет положил на туалетную полочку перед собой. Гюнтер продолжал висеть над самой головой гангстера. Кевин замер.

Одевшись, но босиком, с туфлями и пистолетом в руках, Марк вышел в коридор. Как только дверь ванной захлопнулась, Кевин вновь нажал на кнопку пульта. Гюнтер заверещал и полез вверх. У самого отверстия его уже ждала рука Кевина. Втянув клоуна на чердак, Маэстро торопливо захлопнул вентиляционное отверстие.

В это время Марк надевал туфли в коридоре. Нацепив на ногу первую из них, он притопнул ногой и сказал:

— Вот так! Ах, какие элегантные туфли у этого Маринелли!

Откуда-то послышалось неразборчивое пение. Гангстер, с усмешкой на губах, посмотрел в сторону безмятежно храпящего Луиса и спросил:

— Эй, ты что там, тиррольские куплеты поешь?

Марк и Харри и раньше замечали за толстяком такую слабость. Луис продолжал спать, не слыша замечания сообщника. Ему снилось большое собственное поместье с многочисленными постройками, шикарный белый автомобиль, стоящий у него в гараже, и жена — красавица-толстушка с большой грудью и необъятными белыми бедрами.

Марк взял в руку вторую туфлю и уже собирался ее нацепить на вторую ногу, как его глаза что-то заметили. Поднеся туфлю к самому носу, он недовольно покачал головой:

— Ай-яй-яй! Нужно содержать обувь в чистоте!

С этими словами он краем полотенца стал наводить на туфле блеск.

Кевин, глядя на него через вентиляционное отверстие, давился от смеха.

Почистив туфлю, Марк нацепил ее на вторую ногу и топнул. Гвоздь впился в его пятку.

— А-а-а-а! —завопил гангстер от острой боли и запрыгал на одной ноге. — О-о-о-о!! Как больно! О-о-о-хо-хо-хо-хо!

— А... Что? А? Что случилось? — ничего не понимая, спросонья спросил, вскочив с дивана, Луис.

— А-а-а-а!! Больно! — прыгая на одной ноге, орал благим матом Марк.

— Сюда! Прыгай сюда! — позвал его толстяк. — Прыгай только по сигаретам!

Гангстеру с гвоздем в туфле ничего не оставалось делать. И он, прыгая на одной ноге, поскакал, пытаясь ступать на пачки с сигаретами.

Возле дивана его уже ждал Луис.

— Вот так, хорошо, — подбадривал он своего дружка, — давай сюда, потихонечку. Так, так, на диван.

Наконец Марк повалился на диван. Сверху на него тяжестью всего своего тела рухнул Луис. Он не сумел удержаться на одной ноге, и, как ни отталкивал его Марк, толстяк все же придавил своего худосочного сообщника.

— О-о-о-о!! — еще громче взвыл Марк. — Ну, сползай же с меня, Луис, скорее, — прохрипел придавленный тяжелой тушей гангстер.

Луис наконец сполз с Марка, и тот получил возможность наконец-то достать из туфли то, что жгло огнем его пятку. Когда туфля была снята, Маринелли с удивлением достал из нее гвоздик с широкой шляпкой. Он пристально, со всех сторон осмотрел его и с обидой в голосе произнес:

— Ага, понятно... Это что, думаешь, смешно?

— Да нет, конечно, это просто гвоздь... — уверенно сказал Луис.

На чердаке у вентиляционного отверстия давился смехом Кевин.

* * *

Скрипнула входная дверь, и на пороге запасного входа появилась фигура Харри, ведущего велосипед, на багажнике которого был прикреплен большой продуктовый пакет.

— Эй, всем привет! — крикнул он с порога, ведя велосипед прямо на кухню.

Из гостиной выскочили, прыгая по пачкам с сигаретами, Марк и Луис. Они подбежали к столу, на котором Харри уже раскладывал привезенные им продукты, и стали перебирать.

— Ух, как клáссно!

— Вот уж похаваем на славу! — слышались Кевину их довольные голоса.

— Бумажные тарелки — это круто!

«Вот, елки-палки, они-то поедят. А я останусь голодным, — с грустью подумал Маэстро. — А если это «удовольствие» затянется на три дня?... Нет, не может быть, за три дня мои родители и полиция должны же найти меня».

Харри с неприязнью посмотрел на Марка и грубо потребовал, протянув руку в его направлении:

— Мой пистолет.

— Скажи: пожалуйста, — огрызнулся Маринелли, рассматривая банку с бобами.

— Дай сюда мой пистолет.

— Добавь: пожалуйста.

Харри схватил Марка за грудки и, злобно брызгая слюной, прошипел:

— С-скотина...

— Ах ты, ублюдок! — выкрикнул Маринелли, стараясь вырваться из его рук.

— Ну, ну! Чего вы опять сцепились? — стал разнимать их Луис.

Ему довольно быстро удалось растащить в стороны дерущихся.

— Подавись! — сказал Марк, тяжело дыша, и протянул «браунинг».

Когда страсти немного улеглись, Луис спросил у шефа:

— Харри, а зачем ты купил велосипед?

— Я не покупал этот велосипед.

— Да? А где ты его взял?

— Да ты посмотри на этот велосипед! — занервничал Харри. — Это же старье. Я нашел его у дома. Тут, наверное, мальчишки где-то есть неподалеку.

— Да, действительно, старье, — подтвердил Луис, — наверное, кто-то просто избавился от него.

— Ну хорошо, но, на всякий случай, держите глаза открытыми, — заключил главарь. — Если кого-то увидите, сразу же хватайте.

* * *

Кевин стоял у открытого чердачного окна и с тоской смотрел на горы. Они обступали поместье с трех сторон, как бы заковывая его в каменный панцирь. Горы казались мальчику огромными кораблями, приплывшими из бездонного вечернего неба. Вскоре на них стала спу-

скаться сизая весенняя дымка, и горы стали выглядеть еще громаднее и таинственнее. Они потемнели и окрасились в темно-лиловый свет. Темные, грязно-коричневые тучи стали обволакивать небо и вскоре совсем скрыли за своей непроглядной толщей последние, слабые лучи солнца.

Кевин грустно вздохнул, ему хотелось есть. С кухни к нему долетали невыносимо приятные запахи жареного мяса. Это Луис жарил его над огнем газовой плиты. Марк стоял рядом у стола и готовил мокко.

— Великолепный бифштекс на огне, — похвалил сам себя Луис, переворачивая мясо на вторую, еще не прожаренную сторону. — Специальное блюдо.

— Эй, Луис! Мокко будешь? — спросил его Марк.

— Нет, мне, пожалуйста, свари какао, — ответил толстяк и облизнул пальцы.

— Ну хорошо, а это мокко мы приготовим для нашего любимого Харри.

Луис, обернувшись, увидел, что Марк, поковыряв пальцем в носу, засунул его в пластиковый стаканчик с напитком и все тщательно размешал.

— Ну, ты даешь! — невозмутимо проронил толстяк и снова занялся приготовлением мяса.

Большие куски говядины шипели на огне, источая аромат. Сняв один бифштекс, Луис поднес его к носу.

— Ах, какой аромат! — восхитился он. — По-моему, мясо уже готово.

* * *

Кевин вновь пристроился у вентиляционной решетки, наблюдая за приготовлениями на кухне. Затем он выгреб последнюю чипсу из пластикового пакета и без особого аппетита захрустел ею.

«Нет, это не еда, — подумал он, — вот если бы они хотя бы на пять минут вышли из кухни...»

— Харри! Еда готова, — позвал шефа Луис, раскладывая по тарелкам бобы и жареное мясо.

Харри не отзывался. Прошло несколько минут. Теперь уже не выдержал Марк:

— Эй, Харри! Кончай, жрать пора!

Опять молчание.

— Харри, мы с голоду подыхаем, — в один голос завопили гангстеры.

— Ну, где ты там ползаешь? — теряя терпение, закричал Марк.

— Пойдем поищем его, — произнес Луис.

И гангстеры вышли из кухни.

* * *

«Бог услышал меня», — обрадовался Кевин и взял в руки Гюнтера.

Затем он спустил к столу веревку и отправил по ней клоуна к тарелкам. Гюнтер плавно спустился к одной из них и, нагнувшись, взял кусок мяса. Механический клоун во время всех этих операций, не переставая, распевал веселую мелодию. Но сделать так, чтобы он замолчал, у Маэстро не было возможности, так уж был устроен его механизм. Кевин, конечно же, рисковал, но чувство голода было сильнее.

Кевин щелкнул кнопкой, и Гюнтер с большой говяжьей отбивной заспешил к своему хозяину.

Тем временем Марк и Луис нашли своего шефа сидящим в микроавтобусе. Он крутил ручку автомобильного радиоприемника, стараясь попасть на волну местной радиовещательной компании.

«Разве эти идиоты понимают, что нужно держать ухо востро, — думал Харри, глядя на приближающихся сообщников. — Луис занят только жратвой, а Марк — вообще кретин, не видит ничего, кроме своей глупой рожи, да еще возомнил себя неотразимым парнем и великим певцом».

Толстяк и Марк подошли к «шевроле».

— Эй, Харри, обед стынет! — сказал Луис.

— Тихо ты! — зашипел на него шеф.

Из динамика радиоприемника донесся голос диктора:

«Вы слушаете местное радио. Передаем последние новости. Три грабителя, которые спаслись от полиции, несмотря на дорожные заставы, все еще продолжают находиться на свободе...»

— Это про нас, — Луис толкнул локтем Марка, и его лицо расплылось в широчайшей улыбке.

«Какой болван!» — пронеслось в голове у главаря.

Диктор продолжал:

«... один из них опознан полицией штата как Харлисон Маккой...»

Марк и Луис в один голос громко рассмеялись, хлопая друг друга по плечам и подмигивая в сторону Харри.

— Да тихо же, вы, ослы! — зарычал на них шеф. — Дайте дослушать!

Но развеселившихся гангстеров было уже не унять.

— Боже мой — Харлисон! А я-то думал, что тебя назвали в честь Харри Шеинза, звезды рок-н-ролла... — с кривой усмешкой на губах произнес Марк.

Тут Харри не выдержал и вцепился в воротник его рубашки:

— Меня зовут Харри, слышишь — Харри, и никогда не называй меня Харлисоном. Понятно?

В глазах главаря сверкнул недобрый огонек. Марк попытался вырваться, но Харри держал его крепко.

Луис тут же бросился их разнимать:

— Ну, что вы... Да не надо, ребята...

— Ладно, ладно, я же просто пошутил, — испугался Маринелли.

— Извини его, Харри, — с фальшивым испугом произнес Луис.

Марк поддержал игру толстяка:

— Извини меня, Харри, — сказал он, потупившись.

Шеф отпустил его, но было видно, что он принял их игру за чистую монету.

— Э-э, может быть, хоть один раз пообедаем нормально? — спросил у них Луис.

— Ну ладно, ребята, — сказал Харри, смягчившись, — вы идите, а я подойду через минуту.

Марк и Луис подмигнули друг другу и пошли на кухню. По пути они расхохотались и Харри, сидя в автомобиле, услышал это.

«Ну ладно, скоты, я вам еще покажу, кто в нашей банде хозяин», — со злобой подумал Харри, поднимаясь с широкого кожаного сидения «шевроле».

* * *

Тем временем Гюнтер «схватил» со стола банку с бобами и двинулся с нею наверх. Вдруг послышались шаги и голоса гангстеров. Кевин включил пульт на максимальную скорость. В первую минуту клоун стал карабкаться быстрее, но вскоре песня его замолкла и он остановился.

«Опять с Гюнтером неполадки», — заволновался мальчик, посмотрев вниз.

Между тем два гангстера вошли на кухню, возбужденно разговаривая:

— Ха-ха-ха! Харлисон, ну и имя!

— Да, ну и имя! Ха-ха-ха! — подтвердил Луис.

— Ты как хочешь, а я его ждать не буду, — сказал Марк и, подойдя к столу, взял свою порцию мяса и бобов и стал есть стоя.

Он встал прямо под зависшим на веревке Гюнтером с банкой в руках. В это время Луис обнаружил, что в одной из тарелок нет мяса.

— Эй, что за дела? — возмущенно крикнул он, глядя на тарелку с одними бобами.

От этого неожиданного крика Марк оторвался от еды и поднял голову. Гюнтер «не удержал» банку, и она стукнула Маринелли точно по голове. Бобы и соус растеклись по набриолиненным волосам.

— Ты что, обалдел? — воскликнул Марк, думая, что банкой в него запустил толстяк.

— Это ты обалдел. Зачем съел мясо?! — обиделся Луис.

Марк, недолго думая, с кулаками набросился на ничего не понимающего Луиса.

Кевин, воспользовавшись потасовкой, быстро подтащил к себе Гюнтера и закрыл вентиляционное окно.

— Какое мясо? Не ел я никакого мяса! — вопил Марк, тузя толстяка. — Ты зачем в меня бобами бросил?

— Не бросал я в тебя бобами! — отмахивался от наседающего Маринелли Луис.

— Кинул, кинул, прямо по башке попал, чуть череп мне не раскроил.

На крики в кухню прибежал Харри.

— В чем дело, придурки? — кинулся разнимать дерущихся шеф.

— Это он виноват, — показал пальцем на Луиса Марк.

— Нет, он! — возмущенно закричал толстяк.

— Ты в меня банку с бобами бросил!

— Да не бросал я банку! Ты наше мясо съел!

— Ну, хватит вам, — успокаивал их Харри. — Заткнитесь вы наконец!

Гангстеры подошли к столу.

— Вот здесь лежало мясо, — ткнул пальцем в тарелку Луис.

— Так это ты его и сожрал! — пристально глядя глаза толстяку, сказал Марк.

— Нет, не я! — продолжал упорствовать Луис.

— Тогда кто же?

— Слушай, не ври, — сказал Марк, — я сам видел что у тебя мясо в зубах застряло. Ты ведь ковырялся зубах?

— Ну, это я так, небольшой кусочек откусил, чтобы проверить, готово ли мясо, — оправдывался толстяк.

— А-а-а! Сам мясо сожрал и в меня еще банкой бросил, — торжествовал Маринелли. — Но мое мясо ты не получишь! — с этими словами Марк схватил со стола свою порцию.

— И мое тоже, — схватил со стола свою порцию Харри. — Ну, чего ты там встал? Наведи здесь порядок собери эти дурацкие бобы, — приказал он Луису.

Толстяк поплелся выполнять приказ главаря.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Зрители, сидящие на школьном стадионе, громко поддерживали обе бейсбольные команды. Лидировала команда, за которую играла Джудит. Но солидный перевес в счете не радовал девочку. С каждой минутой игры лицо ее становилось все грустнее и грустнее.

«Наверное, Кевин здорово обиделся на меня, раз не пришел на игру», — думала девочка.

В перерывах между таймами она несколько раз звонила домой к Маккальстерам, но к телефону подходили только Баз или сестра Кевина и никто не знал, где он.

Миссис Маккальстер, придя с работы, как обычно, в семь часов, с удивлением узнала, что мальчик еще не приходил домой. Сначала она подумала, что мальчик специально задерживается на улице, чтобы не попадаться ей на глаза. Но, прождав около часа, она всерьез забеспокоилась отсутствием сына.

«Обычно Кевин всегда звонил домой, если задерживался, — размышляла Керри. — Странно, почему он не сделал этого сегодня?»

Тут миссис Маккальстер вспомнила, что Маэстро собирался идти на игру бейсбольных команд своей школы.

«Наверное, он на стадионе, — решила она. — Ведь в одной из команд играет Джудит».

Миссис Маккальстер послала База проверить, нет ли Кевина на стадионе.

Через полчаса тот вернулся, не найдя своего младше го брата.

* * *

Тем временем голоса гангстеров в доме-образце за тихли. Кевин сидел у чердачного окна, всматриваясь далекие огоньки вечернего городка. На улице совсе стемнело. Поднявшийся ветер разогнал сгустившиес было тучи. Вечернее небо украсило множество звезд.

Темень обступила дом со всех сторон. Но ее тотча спугнули. Где-то несмело чиркнул кузнечик, ему отве тил другой, и вот уже загремели, зазвенели они со все сторон, и, казалось, что переливается, звенит горькова то пахнущий полынью воздух и робко мерцающий звез дный свет.

Кевин решил во что бы то ни стало выбраться из дома Для этого он связал между собой несколько найденны на чердаке веревок и надежно закрепил один их коне за выступающий из стены крюк. Затем он осторожн выбрался на покатый чердачный козырек и, крепко де ржась за веревку, стал медленно спускаться. Он преодо лел половину пути, когда на пороге, под болтающимс в воздухе мальчиком, неожиданно появился Марк. Оче видно, перед сном он вышел подышать свежим воздухом

Немного постояв, глубоко вдыхая свежий вечерни воздух, он загорланил песню про старого лоцмана:

И только один из нас страха не знал,
Из сердца он исторг
Надежды сладостной слова,
И меня охватил восторг.

Изрек наш лоцман Доллинджер
(Чье сердце как алмаз):
«Доверьтесь Доллинджеру — он
Спасти сумеет вас!»

Мальчик висел на веревке ни жив, ни мертв от испуга

«Если сейчас он поднимет голову, мне — конец», — пронеслось у него в голове.

Кевин стал осторожно подтягиваться на руках, спеша поскорее очутиться обратно на чердаке. Однако ему эт

сделать было не так-то легко, поскольку Маэстро не был в ладах со спортом. На уроках физкультуры в школе его часто ставили в пример, как не надо делать то или иное упражнение.

Однако чувство страха заставляло мальчика, хоть и с трудом, но все же двигаться вверх.

Марк продолжал петь во всю мощь своих легких:

Вдруг фермер доску притащил
(По воле провиденья!)
И, положив на борт, ушел,
Исполненный смиренья...

«Только бы он не кончил петь, — думал мальчик, отчаянно напрягая мышцы рук, — иначе он услышит меня».

Из дома вышел Харри. Он с презрением посмотрел на Маринелли и грубо его одернул:

— Ты чего разорался?

— Я не ору, я пою. А что, нельзя?

— Идиот, ведь могут услышать!

— А, точно, я и не подумал.

С минуту гангстеры стояли молча, вглядываясь в темноту ночи. Кевин наверху тоже затих и притаился, повиснув на веревке. Затем сообщники вновь заговорили.

— Господи, какая тишина, какой свежий воздух! — умилился Харри.

— Да, когда слишком много чистого воздуха, голова начинает болеть.

— Да нет, именно в таких местах человек чувствует, что дом — его крепость.

— Харри, а ты видел последний матч по кик-боксингу?

— Нет, — коротко ответил шеф и подумал про себя: «Ну и дубина же этот Марк! Кретин полный, да и Луис не лучше. Боже, с кем мне приходится работать!»

— О, это был отличный матч, — продолжал Марк, не замечая презрительного выражения на лице у главаря. — У меня есть друзья кик-боксеры, и я тоже хочу заниматься кик-боксингом.

В запале Маринелли замахал своими тощими кулаками, показывая Харри, как он дрался бы на ринге.

— Ха! На! Вот! А! У!

В это время Кевин все же добрался до чердачного козырька, подтянулся на руках и оказался у долгожда-

ного окна. Быстро и бесшумно смотав веревку, он нырнул на чердак. Там Маэстро в изнеможении упал на пол, дыша от невероятного напряжения, как загнанная лошадь.

«Если бы в этот момент меня попросили бы повторить то, что я сейчас сделал, — думал, тяжело отдуваясь, Маэстро, — то я, наверное, лучше сдался бы гангстерам добровольно».

* * *

«Может быть, все же Джудит знает, где мой сын?» — подумала миссис Маккальстер и набрала телефон ее дома.

— Здравствуйте. Вы дозвонились до дома Уайли. Если вы хотите что-то передать, говорите после сигнала, — приятным женским голосом проговорил автоответчик.

— Хеллоу, это миссис Маккальстер. Я беспокоюсь о Кевине: его до сих пор нет дома. Когда придете, пожалуйста, перезвоните мне. Спасибо, — и она положила трубку.

Из своих комнат попрощаться с матерью перед сном пришли сестра и братья Кевина. Поцеловав каждого в щеку, миссис Маккальстер отправила их спать. Баз сидел в своей комнате и слушал музыку. Чтобы не огорчать детей, Керри решила не говорить им о своих опасениях насчет Маэстро.

«Где же Кевин? Это так не похоже на него, — мучительно размышляла мать, присев на диван. — А может, он здорово обиделся на меня из-за своих моделей?»

Затем она решила прокрутить записи автоответчика, стоящего у них в доме. Подбежав к аппарату, миссис Маккальстер нажала кнопку. Сначала она прослушала пять своих звонков, потом звонил ее муж и наконец она услышала обиженный голос Джудит:

— Эй, Кевин, я на игре, почему ты не приходишь? — спросила девочка.

«Значит, — поняла миссис Маккальстер, — они договаривались, что мой сын придет на стадион!»

Заподозрив что-то неладное, миссис Маккальстер позвонила в полицию. Через десять минут к ней приехали два офицера полиции: женщина в чине капитана и лейтенант — мужчина.

Кэп, некрасивая тощая женщина с большим носом и круглыми, как у совы, глазами, задавала Керри вопросы, а толстый лейтенант, с парой наручников и рацией на боку, записывал ход беседы к себе в блокнот.

— Что случилось, мэм? — спросила женщина-полицейский и уставилась на нее своими круглыми глазами.

«Вероятно, пацан сбежал куда-нибудь к морю на недельку-другую, чтобы отдохнуть от школы и развлечься. Сколько у нас уже было таких случаев», — думала про себя капитан.

— Пропал мальчик, мой сын. Его зовут Кевин. Ему двенадцать лет, — ответила, глядя на полицейских, миссис Маккальстер, заламывая от волнения пальцы на руках.

— Не волнуйтесь, мэм, я думаю, ваш сын скоро найдется. Опишите, пожалуйста, его приметы.

Миссис Маккальстер описала внешность сына и добавила, глядя куда-то в сторону:

— Это совсем не похоже на Кевина — он очень хороший парень... Может быть, я слишком жестоко обращалась с ним?.. — пожала она плечами. — Я что, слишком жестокая мать?!

— Успокойтесь, миссис, мы скоро его найдем, — заверила ее капитан. — Иногда давление на ребенка в семье слишком велико...

— Какое давление? О чем вы говорите? — перебила полицейскую миссис Маккальстер и нервно заходила по комнате.

— И вот отец его уехал... — попыталась продолжить капитан.

— Отец уехал совсем ненадолго! Он в обычной командировке.

— Ну, тогда, может быть, проблемы в школе...

— Проблемы в школе? Но у него никогда не было проблем в школе, — удивилась миссис Маккальстер, но, механически взглянув на обломки пластиковой модели самолета, лежащие на столе, вспомнила сегодняшний случай. — Ах, да, я совсем забыла про это! — она приложила руку к голове и чуть не разрыдалась.

— Ну, ну, успокойтесь, мэм, — успокаивала ее капитан, — все будет хорошо. Вот увидите. Я думаю, вам лучше оставаться здесь, у телефона. Как только что-нибудь узнаем, мы сразу же позвоним вам.

— Ладно, спасибо, — согласилась миссис Маккальстер, с надеждой в глазах глядя на фигуры в черных полицейских мундирах.

— Мы с вами не прощаемся, мэм, — сказала полицейская и вышла из дома вместе со своим напарником.

Миссис Маккальстер вышла на крыльцо вместе с ними. Спустившись вниз, она проводила взглядом их черный автомобиль с белой полосой и тремя работающими проблесковыми маячками.

Соседи из стоящих неподалеку домов вышли на улицу и наблюдали за происходящим в доме Маккальстеров.

Когда полицейский «шевроле» скрылся за поворотом, Керри увидела, что от соседнего дома к ним направляются Дэн со своей матерью, миссис Делборт. Мать Дэна крепко держала его за рукав коричневой кожаной куртки. Было видно, что Дэн нехотя идет на встречу с миссис Маккальстер.

Миссис Делборт, стареющая блондинка лет сорока, была одета в красную спортивную куртку, такого же цвета спортивные штаны и белые кроссовки. Волосы на ее голове торчали в разные стороны, видимо, перед этим она занималась своей прической.

— Что у вас случилось? Все в порядке? — спросила миссис Делборт у матери Кевина, когда они с Дэном приблизились к ней.

— Ты понимаешь... — ответила та, — Кевин пропал.

— Боже, какое несчастье!

— Скажи, Дэн, ты давно видел Кевина? — спросила миссис Маккальстер.

— Ну, не знаю, с тех пор, как он разбил инерционный автомобиль Джамала... — протянул тот.

Миссис Делборт встряхнула Дэна за рукав и сильным движением повернула его лицом к себе.

— Ты опять лжешь?

— Что ты, мама... — воскликнул Качок.

— Говори правду, засранец!

— Честно, мама! — залепетал Дэн.

— Я напугала его, что отберу у него все модели, может быть, поэтому он убежал из дому, — со слезами на глазах произнесла миссис Маккальстер. — Я была очень сердита. Как ты думаешь, я жестоко с ним поступила?

— Если бы я была на твоем месте, я бы вообще оторвала ему уши, — ответила миссис Делборт и повернула к своему дому.

Она потянула за собой Дэна с такой силой, что его голова откинулась назад.

«Все-таки она жестоко обращается со своими детьми, — подумала, глядя им вслед миссис Маккальстер. — Я бы так никогда не смогла».

* * *

Сделать последний и решающий бросок команда доверила Джудит. Сегодня девочка была в ударе и играла с большой результативностью.

Джудит взяла в руки мяч. Около сотни болельщиков замерло на небольшой трибуне школьного стадиона. В этот момент решался исход этого трудного для обеих команд матча.

В центральном ряду сидели родители Джудит. Девочка была рада, что они пришли ее поддержать, но ее радость омрачалась отсутствием Кевина.

«Ну и пусть, подумаешь, не пришел, и не надо», — подумала про себя девочка и с силой швырнула мяч в сторону соперницы.

Бросок девочки получился точным и хлестким. Соперница не смогла его отбить, и команда Джудит победила.

Зрители вскочили со своих мест и, стоя, бурно аплодировали. Мистер Уайли громко кричал, поощряя дочку:

— Браво, Джуди! Молодец!

Вся команда бросилась обнимать Джудит, ведь это ее бросок принес им победу.

— Отлично, дорогая, молодчина, — потрепала ее по голове миссис Уайли, когда она подошла к ждущим ее на выходе родителям.

— О, я так устала, — пробормотала Джудит.

— Классно ты сыграла, — похвалил ее отец, — сегодня я всех угощаю пиццей. Пойдемте в вечернее кафе, милые дамы, — пригласил он свою семью.

Домой семья Уайли вернулась за полночь. Все так устали, что никто не прослушал сообщения автоответчика, который светил зеленым огоньком, приглашая кого-нибудь это сделать.

* * *

В это время на чердаке поместья Вели Вьюн засыпал, укрывшись своей курткой, Кевин.

— Ребята, вы должны мне помочь, — во сне прошептали его губы.

Внизу гангстеры тоже устроились на ночлег. Марк и Луис спали на одном диване в гостиной. Они укрылись покрывалом, которое нашли в одной из спален на кровати. Луис спал, широко открыв рот, и время от времени

причмокивал во сне, словно продолжая есть несъеденное днем. Марк тонко посвистывал, уткнув свое лицо ему в бок.

В это время Харри бодрствовал на кресле у окна. Гангстеры решили поочередно дежурить всю ночь на случай прихода незваных гостей. Главарь держал в руке старый журнал и рассматривал картинки. Вокруг дома было тихо. За окном стрекотали кузнечики и изредка кричала сова.

«И не спится ей, — с тайной завистью подумал Харри и посмотрел на своих сообщников, сладко храпящих на диване. — Эх, я бы сейчас тоже вздремнул... А который сейчас час?» — вспомнил он о том, что его смена подходит к концу, и посмотрел на часы.

Было три часа ночи. Харри вскочил с кресла и обрадованно подбежал к дивану, наступая на пачки из-под сигарет.

— Эй, подъем! — похлопал он Марка по плечу. — Твоя очередь нести вахту.

Тот недовольно заворочался под покрывалом, не открывая глаз.

— Боже мой, мне такой сон приснился... — хриплым спросонья голосом проворчал он.

— Давай, давай, — выталкивал его из постели Харри, — утром досмотришь.

Марк с трудом открыл глаза:

— Ну, вот, уже забыл.

Сказав это, Маринелли зевнул и встал с дивана. Харри тут же занял его место и с блаженством закрыл глаза. Маринелли поплелся к окну. Там он с ногами залез в кресло и, сделав в сторону шефа неприличный жест, который Харри не мог видеть, потому что уже спал, тоже закрыл глаза.

Но заснуть ему не удалось: через несколько минут яркий свет неожиданно осветил окна дома. Марк осторожно открыл плотные шторы. К дому, не спеша, подъезжал белый полицейский «форд».

— Харри, полицейская машина едет сюда! — громко крикнул он шефу.

Главарь даже не пошевелился: он был уже в сладких объятиях крепкого сна. Марк побежал к нему и потряс за плечо:

— Вставай, вставай, Харри!

— А... Что случилось? — не понял тот, вскакивая.

— Полиция!

Храп Луиса прекратился, и он испуганно открыл глаза. Втроем они кинулись к окну и сквозь щель в шторах увидели, что полицейский остановил автомобиль на площадке возле дома и теперь освещает его окна мощным прожектором. Гангстеры поспешили задернуть шторы, чтобы тот их не заметил.

— Он остановился! Что будем делать? — громко зашептал в отчаяньи Луис.

— Не паникуй, толстяк, — одернул его Харри и злобно выругался.

— Не паникуй, — повторил Марк, замахнувшись на Луиса.

Тот втянул голову в плечи. Харри повторно выругался.

— Что он делает здесь? — спросил Марк, осторожно выглядывая через щель в шторах, когда луч полицейского прожектора погас.

— Наверное, ждет кого-нибудь, — предположил Луис.

— Не говори ерунды, идиот, — осадил его Харри. — Кого можно ждать здесь в такой час?

— А-а... М-м... Действительно, — промычал толстяк.

— Смотрите...

— Что это он делает в кабине? Зачем в салоне свет зажег?

— Булочку ест.

— Да... Сейчас булочка не помешала бы, — заметил Луис, судорожно сглатывая подступившую к горлу слюну.

— Да заткнись ты! — в один голос сказали ему Харри и Марк.

— Только о еде и думаешь, — продолжил Харри.

— А о чем же еще думать? — удивленно спросил Луис и причмокнул губами.

Полицейский, съев булочку, постоял с минуту и уехал.

— Фу, пронесло, — радостно сказал Харри, и гангстеры, крадучись, отправились на свои места.

— И все же я хочу булочку, — заявил толстяк, укладываясь. — Такую мягкую, с клубничным джемом...

— Помечтай, помечтай, — буркнул главарь, с головой накрываясь покрывалом.

* * *

Кевин проснулся на следующее утро, когда уже было совсем светло. Спросонья он ничего поначалу не понял.

«Где это я? — с недоумением подумал Маэстро, озираясь вокруг. — И почему так жестко было спать?»

Посидев с минутку, он вспомнил события вчерашнего дня. Лицо его стало унылым.

* * *

Примерно в это же время поднялась с постели и Джудит и посмотрела на часы.

«Ой, в школу опоздала!» — с горечью пронеслось у нее в голове.

И она стала одеваться с лихорадочной поспешностью.

«Стоп, — остановила Джуди сама себя, — Какая школа? Сегодня ведь воскресенье — выходной».

Она снова хотела раздеться и залезть в постель, но вспомнила, что собиралась позвонить Кевину и спросить, почему тот не пришел на игру.

«А может, не звонить? Пусть он сделает это первым?» — задавала себе вопросы Джудит, спускаясь к телефону.

Она все же взяла трубку и набрала номер телефона Маккальстеров.

Керри спала на диване у телефона. Утренний звонок сразу же разбудил ее, и она схватила трубку:

— Алло! Слушаю вас.

— Керри?

— Да, это я. Джуди, дорогая, Кевин с тобой?

— Нет... А в чем дело?

— Когда ты видела его в последний раз?

— В школе.

— Джуди, дорогая, где Кевин? Может быть, ты знаешь, где он? Это очень серьезно, может быть, он пострадал или с ним что-нибудь случилось...

В это время в дверь дома Маккальстеров позвонили. Керри с волнением заговорила в трубку:

— Джуди, по-моему, это полиция, подожди, пожалуйста, — и бросилась к двери.

В дом вошла капитан.

— Где он, вы нашли его? — с надеждой спросила миссис Маккальстер.

— Пока нет, мэм, — лицо женщины-полицейской оставалось невозмутимым. — А как у вас дела?

— Извините, его подруга как раз звонит, — ответила Керри и вновь подбежала к телефону. — Алло, Джуди!

Алло, — миссис Маккальстер с недоумением посмотрела на трубку, — Джуди, почему ты не отвечаешь? Алло!

С того конца провода раздавались короткие гудки.

— Ну, что? — спросила капитан.

— Она повесила трубку, — с отчаяньем в голосе ответила Керри.

* * *

Джуди сразу поняла, что Кевин, наверное, остался в доме-образце Вели Вьюн. Но она решила ничего не говорить его матери, так как это выдало бы их общую с Маэстро тайну.

«Лучше я сама туда съезжу и поговорю с ним, — думала девочка, второпях одеваясь. — Что за детские штучки у этого Кевина?»

Яркое солнце заливало асфальтовую дорогу, ведущую к дому-образцу. На деревьях весело чирикали воробьи, радуясь теплу и наступившему новому дню. Однако Джудит ничего этого не замечала. Она очень торопилась и все свои усилия сосредоточила на педалях велосипеда, стараясь крутить их как можно скорее.

Все гангстеры в гостиной спали. Под утро заснул на кресле и оставленный дежурить Луис. Солнечный свет через шторы едва проникал в помещение. Толстяк все же проснулся первым и зевнул во всю ширину своего большого рта.

«Как хорошо, что никто не заметил, что я спал на дежурстве», — подумал он.

Потянувшись, он подошел к окну и раздвинул шторы. Зевнув еще раз, он посмотрел на дорогу. От неожиданности он забыл закрыть рот: прямо по дороге к их убежищу на ярко-красном велосипеде ехала девочка.

— Харри! Харри, быстрее сюда, кто-то едет! — завопил во всю глотку толстяк.

Главарь грабителей уже успел проснуться и пошел в туалет. Услышав крики из гостиной, он прибежал туда, на ходу застегивая ширинку.

— Послушай, никогда не кричи на меня, когда я в туалете! — с раздражением крикнул он Луису, который с опаской выглядывал из окна.

Харри и быстро вскочивший от криков Марк по сигаретным пачкам подбежали к окну.

— Смотри, шеф, она едет прямо сюда! А что, если она заметит нас? — с волнением спросил Маринелли.

— Спокойно, не паникуйте! Еще ведь ничего не произошло, — последовал ответ главаря.

Тем временем ничего не подозревавшая Джуди подъехала к самому дому и стала объезжать его с тыльной стороны. Гангстеры бросились к запасному входу в дом.

— Спокойно, Луис. Спокойно, — успокаивал Харри бегущего за ним толстяка.

Луис пыхтел от усердия и больно наступал шефу и Марку на пятки.

По крикам грабителей Кевин догадался, что к дому кто-то подъезжает на велосипеде.

«Неужели Джуди?» — с тревогой подумал он и высунулся из окна.

И точно: внизу была Джуди. Она, ничего не подозревая, вела свой велосипед, приближаясь к тому самому чердачному окну, через которое они забирались в свой тайник. Подойдя к окну, она прислонила к углу дома велосипед и окликнула Кевина.

— Кевин! Кевин!

Ответа не последовало, так как мальчик, лихорадочно торопясь, пристегивал к своему поясу все дистанционные пульты управления. В его голове возник смелый план.

— Кевин, ты меня слышишь? — продолжала звать его Джудит.

Мальчик не успел подать ей предупреждающий знак, потому что в этот момент запасная дверь дома отворилась и девочка оказалась в окружении трех гангстеров, которые стали потихоньку приближаться к ней, пытаясь взять ее в заложницы. Марк уже почти схватил девочку за плечо, а Харри попытался поймать ее руку.

Но Джуди не растерялась. Она схватила метровый железный прут, валявшийся у нее под ногами, который, вероятно, оставили после себя строители, и замахнулась им на нападавших.

От этого неожиданного отпора гангстеры отпрянули и сбились в кучу.

— Я предупреждаю, я очень хорошо играю в бейсбол, — спокойным тоном сказала им девочка, держа железную «биту» наготове.

«Теперь понятно, почему Кевина не было дома всю ночь», — сообразила Джудит.

— Не беспокойся, мы тебе не сделаем ничего плохого, — с вымученной улыбкой произнес Луис.

В глазах девочки светился огонек твердой решительности.

— А вы, вероятно, те самые парни, которых разыскивает полиция? — спросила она.

— Да нет же, что ты, — попытался разубедить ее Марк. — Мы тут просто плотничаем.

С этими словами он попытался поближе подойти к Джудит, но девочка была начеку и еще крепче сжала прут.

— Не подходи! — крикнула она, готовясь к отражению нападения.

— Ну что ты, что ты, успокойся! — вновь отпрянул назад Марк.

В это время из-за крыши дома показался вертолет Хью, модель яростно разрубала своими винтами воздух. Взгляды гангстеров устремились наверх.

— Смотри, Харри, они послали за нами гвардейцев, — испуганно крикнул Луис и указал рукой на вертолет. — Надо валить отсюда!

— Гвардейцы! — с ужасом завопил Марк и кинулся удирать.

Издалека модель действительно можно было принять за настоящий вертолет. Однако главарь успел рассмотреть небольшие размеры модели.

— Разуйте глаза, бараны! Это же игрушка, — выдохнул Харри и с презрением посмотрел на сообщников. Марк уже был метрах в двадцати от него. — Марк, трусливая сволочь, иди сюда, — позвал главарь Маринелли.

— Но-но, без грубостей, — сказал подошедший Марк. Было видно, что его лицо и уши горят от стыда. — Сразу и не разберешь: настоящий он или модель. Вот у меня был один случай...

— Заткнись! — оборвал его Харри и сделал ему жест в сторону девочки.

Тот понимающе кивнул.

Джудит на секунду замешкалась и опустила палку: она тоже посмотрела на вертолет. Подбежавшие сзади Харри и Марк схватили ее, вырвали из рук железный прут и потащили упирающуюся девочку в дом.

— А-а-а... Кевин! — звала она на помощь.

Маэстро слышал ее голос, но сделать ничего не мог.

«Если я спрыгну вниз, то переломаю себе кости, —

думал он. — Да и пользы от этого будет мало, гангстеры схватят нас обоих».

Тем временем грабители с заложницей забежали в дом и заперли за собой дверь на замок, в замешательстве глядя на повисшую около дома модель. Хью грозно вращал лопастями в воздухе и не предвещал гангстерам ничего хорошего.

С минуту преступники стояли, как завороженные, наблюдая за маневрами вертолета. Джудит кричала и вырывалась, но гангстеры крепко держали ее за руки.

— Да не ори ты! — с угрозой сказал ей Харри и дернул Джудит за рукав.

— Скорее, уходим! — крикнул Марк и потащил девочку к двери, которая вела в гараж.

— Подержите, я сейчас приду, — сказал Харри сообщникам и посмотрел на люк в потолке.

— Ты куда? — спросил его Луис.

— Скорее, заводите микроавтобус, открывайте ворота, я сейчас приду, — ответил ему шеф и, поддав пинком под зад, выгнал толстяка в гараж.

— Не бросай нас! — услышал он испуганный голос Луиса из-за двери.

«Бросишь вас, как же», — с усмешкой подумал Харри, прикидывая, как ему добраться до чердака.

* * *

Марк и Луис, волоча за собой девочку, зашли в гараж, где стоял белый «шевроле».

— Да не ори ты, — снова прикрикнул на вырывающуюся Джудит Марк. — Из-за твоего крика я не могу попасть ключом в замок зажигания.

— А ты и вправду здорово играешь в бейсбол? — спросил девочку Луис, запихивая ее в машину.

— Да, — коротко ответила та.

— А ты мне покажешь?

Джудит, насупившись, ничего не ответила.

— Эй, лучше бы ты открыл ворота, чем заигрывать с дамой, — сказал Луису Марк. — А ты пристегни ремень, — он подал девочке ремень безопасности и отвернулся, чтобы посмотреть, почему Луис так долго копается с пультом управления гаражных ворот.

В гараже ворота открывались вверх при нажатии на кнопку пульта, который был забетонирован в стену.

В эту минуту Джудит, недолго думая, вцепилась зубами в волосатую руку Маринелли.

— А-а-а!! — взвыл гангстер и попытался выдернуть у девочки руку. — Пусти, больно!

Луис вздрогнул от его воплей и кинулся ему помогать.

— Что случилось, Марк?

Тому наконец удалось освободить свою руку, и он с ненавистью смотрел на Джудит.

— Она укусила меня!

Толстяк с опаской посмотрел в сторону девочки и на всякий случай отошел от нее подальше.

— Ну, что ты здесь стал? Скорее открывай ворота! — заорал Марк на Луиса.

Тот снова кинулся к пульту. Подбежав к нему, толстяк утопил кнопку. Дверь вздрогнула и, как бы нехотя, подалась вверх. На полпути она остановилась и замерла. Луис с недоумением посмотрел на ворота и снова нажал на кнопку. Дверь даже не пошевелилась.

«Вот черт, — подумал толстяк, — наверное, заело».

Он попытался открыть дверь руками, но все его усилия были тщетными.

Луис и не предполагал, что на самом деле дверь не заело. Это Кевин, сидя на чердаке, включил свой самый мощный пульт дистанционного управления и не давал двери подняться. За всем происходящим мальчик наблюдал через вентиляционное отверстие в потолке.

«Получилось, получилось! — радовался он. — Главное — не дать им скрыться».

— Марк, что-то у меня не получается, — разочарованно протянул толстяк и с досадой пнул ногой стену.

— Иди сюда, придурок, подержи эту стерву, я сам попробую открыть, — с досадой ответил Марк, вылезая из машины.

* * *

В это время Харри пытался попасть на чердак. Встав на стул в кухне, он дотянулся до люка, ведущего наверх, и отчаянно заколотил по нему кулаками.

— Открывай, пацан! — раздался его разгневанный голос. — Кому говорят, открой дверь.

Вместо ответа Кевин включил на одном из пультов кнопку, и изо рта большого механического динозавра стало вылетать сильное пламя, направленное на ведро

со смолой, которое стояло рядом с игрушкой. Огонь был настолько силен, что охватывал всю поверхность ведра.

Это динозавр был первой игрушкой Кевина, к которому мальчик приладил дистанционное управление. Динозавр, купленный в магазине, изрыгал пламя от поднесенной к нему спички. Маэстро же сделал так, что бензиновая горелка воспламенялась от его пульта.

— Ну, хорошо же, пацан, я иду за тобой, — орал снизу Харри. — И когда я поднимусь, тебе будет очень плохо. Я своих слов на ветер не бросаю.

Он пробрался по сигаретам к лестнице, которая лежала в коридоре, и сел на нее передохнуть. С минуту главарь сидел на лестнице, не в силах выровнять дыхания от быстрого перехода и от нахлынувшей злости.

Затем он схватил лестницу и вытащил ее на улицу. Лестница была слишком длинной и не уместилась бы в доме. Приставив ее к чердачному окну, Харри заорал, потрясая в воздухе кулаками и притопывая от нетерпения ногой:

— Я иду к тебе, парень! Я уже иду!

В это время из гаража, из-под полуоткрытой двери выползали Марк и Луис. Толстяк тянул за собой Джуди.

— Эй, давайте сюда машину, черт бы вас побрал, — крикнул им разозленный до предела Харри.

— Да мы не можем, шеф, — в один голос запричитали гангстеры.

— Какого дьявола вы там бормочете?

— Ее заело, Харри, — ответил Луис.

— Вот гадость! — заорал Харри и полез вверх по лестнице. — Ну, держись, сосунок...

Маэстро включил с помощью пульта двигатель старинной модели самолета, разогревая его перед стартом. Лопасти винта самолета пришли в движение и заработали на предельных оборотах.

— Иду, иду, сейчас я тебе покажу, парень, — приговаривал Харри, взбираясь все выше и выше.

Наконец он достиг чердачного окна, осторожно заглянул в него и увидел обвешанного пультами дистанционного управления Кевина. Заросшее многодневной щетиной лицо преступника расплылось в довольной улыбке. Харри уже предвкушал скорую расправу над Маэстро.

— А вот и я! — воскликнул грабитель. — Я иду к тебе, парень.

Неожиданно впереди себя, у самого своего носа, он увидел стартующую модель самолета. Модель, взвывая

двигателем на предельных оборотах, неуклонно двигалась к самому лицу Харри.

— Что за дьявол? — испуганно воскликнул он.

Рот грабителя открылся от изумления, глаза сделались совсем круглыми, руки и ноги задрожали. Харри инстинктивно отпрянул назад. Руки не удержали его, и он, беспомощно размахивая ими в воздухе, стал падать, увлекая за собой лестницу.

Самолет взмыл в воздух. Пролетев в воздухе метров пять, Харри упал на зеленый газон, больно стукнувшись спиной о землю.

— Эй, Харри, ты в порядке? — спросил подбежавший к нему Луис.

— Ничего себе, в порядке! Хотел бы я посмотреть на того человека, который после такого падения будет в порядке, — непрестанно охая, ответил шеф.

Он сделал попытку приподняться, но голова его закружилась, и он вновь опустился на землю, беспомощно раскинув руки и закрыв глаза.

— Сейчас я помогу тебе, Харри, — сказал Луис и, взяв его сзади под руки, попытался приподнять.

— Осторожнее... О, дьявол! — ругался Харри, пытаясь встать, но ноги его не слушались и разъезжались по земле, оставляя на газоне с травой черные полосы от ковбойских сапог.

— Ой, Харри! Что-то у тебя не получается, — с испугом вымолвил толстяк.

— Да заткнись ты!

Сзади подошел Марк, крепко держащий Джудит за руку. Главарь наконец с трудом поднялся с земли, держась обеими руками за спину. Лицо его было искажено от боли.

— О, какое дерьмо! Как болит спина! — продолжал распаляться Харри.

На лице Марка мелькнула чуть заметная улыбка. Главарь посмотрел на Луиса и сказал ему:

— Там, в доме, есть люк наверх. Заберись туда, Луис, и схвати мальчишку.

Лицо толстяка выразило недоумение.

— Скажи, Харри, а зачем нам эти дети? — спросил он, глупо улыбаясь.

Скривившись от боли и осторожно жестикулируя, главарь протянул:

— Ну... э-э-э... Для того, чтобы торговаться с полицией. Понимаешь?

— Нет, не понимаю, как же можно торговаться с полицией?!

— Ну, ты что, фильмы про гангстеров не смотрел?

— Да смотрел я...

— Тогда чего спрашиваешь? — стал выходить из себя Харри. Его спина болела, и он не склонен был к долгим разговорам.

— А... Теперь я понимаю, — протянул Луис, — я когда-то тоже торговался... Купил за одну цену. Мне сказали: хорошая цена...

— Заткнись! Делай, что тебе говорят! — заорал на него главарь и указал пальцем на дом.

Луис бросился выполнять приказ. Он хотел было пролезть через полуоткрытые гаражные ворота, но его толстая задница не давала сделать это. Толстяк пытался пролезть и так, и эдак, но это ему не удавалось. Голова и грудь его были уже в гараже, а зад и ноги оставались во дворе. Луис от натуги зарычал и попытался помочь протолкнуть зад руками, но все было тщетно.

Тогда он вылез и побежал к запасному входу, ведущему на кухню. Едва не наступив на запретную ковровую дорожку в коридоре, он вовремя остановился, зависнув над ней и размахивая руками для восстановления равновесия.

«Под ковровой дорожкой могут быть датчики сигнализации, — вспомнил он слова Харри. — Надо бежать за сигаретами!»

И Луис двинулся в обратный путь. Выскочив во двор, он подбежал к Марку и Харри, которые вручную пытались поднять дверь, ведущую в гараж.

— Шеф, Марк, где сигареты? — спросил он у красных от натуги сообщников.

— Ты что, курить хочешь? — спросил его МАрк.

— Да нет же — датчики! А где девчонка?

— Возьми ключи — пакет в микроавтобусе, да смотри, не выпусти эту маленькую дьяволицу, мы ее там заперли, — сказал, кряхтя от натуги, Харри.

— О'кей, я побежал.

— Стой, болван! Через ворота ведь ближе.

— Да, это вам ближе, а у меня задница не пролезает через такую маленькую щель.

— Ложись, толстяк, мы поможем тебе.

Луис лег на землю и снова попытался протиснуться в гараж, но застрял на половине пути.

Марк и Харри с трудом пропихнули его зад в помещение. Оказавшись в гараже, Луис подбежал к автомобилю. Джудит, нахохлившись, сидела на заднем сидении. Толстяк открыл дверцу ключом и попросил ее:

— Эй, возле тебя лежит пакет с сигаретами. Подкинька его сюда.

— Зайди и сам забери их, — сказала девочка, недовольно хмурясь.

— Ну ладно, ладно, только смотри, не убегай, я очень быстро бегаю и сразу догоню тебя.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Джудит. — Сейчас мы это проверим! — и она, ужом проскользнув между рук Луиса, выскочила из микроавтобуса.

— Стой, ты куда? — закричал толстяк и засеменил за девочкой.

Конечно же, он не мог поймать ее, потому что Джудит бегала очень быстро.

— Этот болван все же не уследил за ней! — воскликнул Харри, когда они с Марком услышали крики.

— Надо помочь Луису, — сказал Маринелли.

И они вдвоем полезли в помещение гаража. Девочка дразнила толстяка, перебегая из одного угла в другой, и смеялась над неуклюжестью и неповоротливостью Луиса, который, широко расставив руки, безуспешно пытался ее поймать.

— Я же тебя предупреждал, Луис! — зло воскликнул Харри и, держась за больную спину, бросился ловить Джудит.

В это время Марк стоял, спрятавшись за белый «шевроле», и ухмылялся.

«У меня слишком красивые руки и нежная кожа, пусть лучше она на этот раз укусит этого недоноска Харри», — не без оснований думал хитрый итальянец.

Тем временем Луису и Харри все же удалось настигнуть девочку, и они поволокли ее обратно в машину. «Надежды» Марка на укушенную руку полностью оправдались, с той лишь разницей, что девочка вцепилась теперь зубами в руку главаря.

— А-а-а! — завопил Харри. — Пусти, больно!

— Ха! Ну, как! А вы не верили мне! — торжествовал Марк.

Втроем они наконец-то справились с Джудит, и Марк с Луисом оттянули ее от шефа. Харри дул на укушенное место и тряс рукой.

— Ну ладно, Луис, иди и достань мальчишку. Мне он нужен, — недобро сказал главарь.

— Иду, иду, — и толстяк с бумажным пакетом сигарет заторопился к выходу. — Сейчас я достану этого сопляка.

Пробежав по пачкам к люку, он поставил на сигареты табурет и затряс ручку люка.

— Открывай, парень. Я тебе ничего не сделаю, я добрый, — приговаривал Луис. — Ну, давай же, давай, открывай, не зли меня, парень.

Видя, что люк не открывается, толстяк достал из кармана большой складной нож и стал ковырять им во встроенном в люк замке. Замок долго не поддавался.

— Слушай, парень, ну чего ты заставляешь меня так работать? — орудуя ножом в замочной скважине, спросил Луис.

Кевин посмотрел на ведро, стоящее под пламенем динозавра. Смола в нем закипела и забулькала.

«Сам будешь не рад, что пришел сюда, — подумал Кевин. — Горячая смола еще никому не была по вкусу».

Затем мальчик привязал к Хью веревку и прикрепил к ней кость с остатками мяса, которое Гюнтер стащил со стола гангстеров. Включив двигатель вертолета, он повел его к видневшемуся вдали экскаватору, где, вероятно, в ожидании обеда должен был «дежурить» бульдог.

* * *

«Если мне удастся привести сюда собаку, то я смогу натравить ее на грабителей, — думал Маэстро. — И я смогу обезопасить Джудит от этой троицы. Главное — это «заинтересовать» бульдога мясом».

В это утро бесплатному сторожу экскаватора, бульдогу, не везло: никто не проходил и не проезжал на велосипеде по дороге к Вели Вьюн. В желудке у собаки было пусто, и животное решило сегодня хотя бы выспаться всласть на старом ватном матрасе.

Однако осуществить задуманное собаке не дал вертолет, который стал кружиться над ней и шумом двигателя разбудил бульдога. К тому же на длинной веревке к нему была привязана говяжья кость, которая распространяла острый и ароматный запах жареного мяса.

Вертолет опустился ниже и поднес мясо к самому носу сторожа. Собака заурчала, мысленно пережевывая это мясо.

Бульдог встал с матраса и потянул носом. Затем он

подпрыгнул, чтобы схватить мясо, но вертолет, управляемый Кевином, поднялся выше. Хью еще немного повисел над собакой и потом, как бы приглашая за собой, медленно полетел в сторону дома, где спрятался Кевин.

Бульдог еще немного постоял, раздумывая над тем, стоит ли тратить ему свои драгоценные калории, гоняясь за вертолетом, или же поспать еще. Но чувство голода превозмогло, и бульдог со всех ног бросился за вертолетом, на ходу рыча и гавкая. Его голова с коротко подрезанными ушами замелькала среди молодой ярко-зеленой травы и цветущих кустов.

* * *

В эту минуту Луису удалось расковырять замок и люк открылся. Толстяк удовлетворенно хмыкнул. Он взялся за деревянный поручень и всей тяжестью своего тела навалился на него. Но это, как оказалось, был не поручень, а деревянная складная лестница, ведущая на чердак. От чрезмерного усилия лестница неожиданно выскочила и ударила Луиса по лбу.

— О, черт! — заорал Луис. — Ну, держись, пацан!

Лестница разложилась до половины. Луис высоко задрал ногу для того, чтобы сделать на ней первый шаг. В этот момент второй пролет лестницы выдвинулся, как следует ударив толстяка по колену.

— А-а-а! — завопил он, держась за ушибленное колено. — Как больно! Ну, ты дождешься у меня, пацан! Слазь лучше сам, не то будет плохо.

С чердака не раздалось ни звука.

Предвкушая скорую расплату, прихрюкивая от нетерпения и хихикая, Луис полез по лестнице на чердак.

В это время Кевин стоял у окна и направлял вертолет и бегущую за ним собаку в сторону дома.

В отверстии люка появилась ехидно улыбающаяся голова Луиса.

— От меня тебе не скрыться, пацан, — сказал он, ища глазами мальчика.

Кевин обернулся и посмотрел в глаза толстяку.

«Ты сам напросился на это, — подумал Маэстро и пультом дистанционного управления увеличил огонь, вырывающийся из клыкастой пасти дракона. — Видит Бог, я не хотел этого».

Луис заподозрил что-то недоброе и, обернувшись, увидел ведро с кипящей смолой, которое переворачивалось прямо на него.

— Не надо, пацан! — в ужасе закричал Луис. — Я же пошутил! Боже мой! А-а-а-а!!

Толстяк попробовал увернуться от ведра, но было уже поздно: дракон шагнул по направлению к Луису и пнул ногой по ведру. Горячая смола облила гангстера с головы до ног. Ноги у грабителя соскользнули с лестницы, и он оказался на полу, беспомощно лежащим в луже из горячей смолы.

Когда Луис поднялся, вид его был страшен. Облитый сверху донизу смолой, он выглядел так, как будто только что вылез из преисподней. С носа, ушей и волос свисали тонкие черные сосульки застывшей смолы. Руки были выпачканы ею, как дети вымазывают свои руки в болотной грязи. Штаны и легкая ковбойская куртка из джинсовой ткани вскоре покрылись коркой из застывшей черной смолы.

И, вдобавок ко всему этому, наконец-то сработала сигнализация. Она заверещала тонкими, прерывистыми гудками, сообщая в полицию о нахождении в доме грабителей.

«Нам крышка», — пронеслось в голосе у лежащего на полу Луиса.

* * *

Тем временем Харри и Марк поняли, что поднять дверь гаража им не удастся. Тогда они вытащили из микроавтобуса Джудит, и Харри, держа ее за руку, стал кричать Кевину:

— Эй, парень, выходи с поднятыми руками, мы тебя окружили!

В окне показалась голова мальчика, он посмотрел на грабителей и усмехнулся.

— Харри, мне кажется, он что-то задумал, — испуганно прошептал Марк.

— Он уже ничего не сможет нам сделать, — неуверенно произнес главарь, с опаской озираясь по сторонам.

— Кевин! — воскликнула девочка, пытаясь вырваться из цепких рук главаря.

Маэстро не произнес ни слова, он был уверен в том, что расплата с гангстерами, осуществляемая его верным Хью, уже не за горами.

— Марк, — прорычал Харри, — поднимись наверх и спусти сюда этого щенка, — приказал шеф.

— Ты что, после того, что он сделал с тобой?! Харри, я не сделаю этого.

Лицо главаря исказилось злобой. Он перекинул Джудит из правой руки в левую и выхватил из кармана пистолет. Затем Харри навел его дуло на Маринелли и с угрозой в голосе, но спокойно, сказал:

— Ты сделаешь это, Марк, чего бы это тебе ни стоило. Давай быстро наверх, иначе я пришью тебя. Слышишь ты, итальянская морда?

Маринелли с испугом посмотрел на разъяренного главаря. Ему ничего не оставалось делать, и он подчинился.

— Ну ладно, ладно... Уже иду.

Марк вздохнул и сделал вид, что собирается лезть вверх по лестнице.

Джудит с презрением посмотрела на Марка и произнесла, обращаясь к главарю:

— У вас очень плохой вкус на партнеров.

— Пошли, — дернул ее за рукав Харри и потащил Джудит к гаражу.

Он делал такие широкие шаги, что девочка едва поспевала за ним. Они подошли к полуоткрытой двери гаража.

— Полезай, — крикнул на нее Харри.

— Я не хочу, — заупрямилась та.

— Ну, живо, живо.

— Не надо, не хочу!

Джудит отчаянно сопротивлялась. Тогда Харри схватил ее обеими руками и силой засунул Джудит под гаражную дверь. Затем он сам наполовину влез под дверь.

В это время Кевин, который наблюдал за всем происходящим из чердачного окна, нажал на кнопку пульта и дверь закрылась, прижав Харри к самой земле. А поскольку Джудит была значительно тоньше гангстера, то она без особых усилий выскочила из гаража и бросилась удирать.

Однако далеко ей убежать не удалось: стоявший неподалеку Марк схватил ее за руку. Маринелли и не думал лезть на чердак.

— Ну, куда ты, куда? — крепко держал он девочку за руку, следя за тем, чтобы ее зубы не впились в него.

— А-а-а... Пусти меня, пусти... — кричала Джудит, пытаясь вырваться.

— Не пущу, и не думай об этом, и смотри мне, не вздумай кусаться, — последовал ответ разозленного яростным сопротивлением Марка.

Затем он подтащил Джудит к лежащему на земле Харри. Тот, несмотря на все усилия, никак не мог освободиться из-под ворот. Голова и плечи главаря находились в гараже, а наружу были выставлены задница и ноги.

«Странно, зачем он подтащил меня к Харри», — с удивлением подумала девочка.

Но уже в следующую минуту она все поняла. Марк стал пинать главаря ногой, стараясь побольше наподдать ему, пока тот не освободился.

— На, получи, засранец, — приговаривал Маринелли.

— Ну, зачем же ты его так, Харри — хороший парень, — «возмутилась» Джудит, хихикая.

Наконец главарю с невероятными усилиями удалось вырваться из-под ворот.

— Эй, Харри, ты в порядке? — спросил его Маринелли.

— Да, я в порядке... Ах, ты скотина! — главарь тут же бросился с кулаками на Марка.

— Кто, я — скотина?!

— Ты зачем меня бил? — глаза главаря налились кровью, и он так рванул рубаху Марка, что она треснула пополам.

— Ну, ну, Харри, сейчас не время драться, — бормотал Марк, одной рукой отталкивая воинственно настроенного главаря, второй — крепко сжимая руку Джудит.

И кто знает, как бы дальше повернулись события, если бы в этот момент из-за крыши дома не появился Хью. Гангстеры тут же прекратили потасовку и с испугом стали наблюдать за передвижениями модели вертолета.

— Что за дьявол? — проронил Марк.

— Опять этот вертолет, — произнес Харри, пятясь к гаражу.

— Эй, Хью, привет! — помахала свободной рукой вертолету Джудит.

— Хм-м, она знает его, — промычал Марк, — одна компания...

— А что это к нему привязано? — спросил Харри, упершись спиной в гараж и с беспокойством следя за перемещениями модели.

— Ну, сейчас вы все узнаете, — радостно воскликнула девочка, разгадав намерения Кевина.

Бульдог бежал с отставанием на метров пятьдесят от Хью, и грабители пока не видели его.

Вертолет, облетев вокруг дома, приблизился к Марку и провел мясом по его лицу и рубашке. В это время из-за угла дома показался рычащий бульдог, обозленный тем, что его так долго дразнят едой. Собаке показалось, что виновником этого является Маринелли, от которого так вкусно пахнет этим самым мясом. Недолго думая, бульдог вцепился зубами в ногу Марка, рыча и скребя землю лапами.

— Эй, эй, полегче, полегче! Я не брал твоего мяса... А-а-а! Не кусай меня! Харри где ты? Спаси меня от этой собаки!

От боли Марк отпустил руку девочки. Ее тут же схватил Харри и, отойдя на безопасное расстояние, заметил:

— А, ну вот и тебе достанется! Зачем ты меня пинал ногой?

— Спаси меня, Харри, пожалуйста, — молил о пощаде Маринелли. — Пристрели эту тварь! А-а-а...

Теперь он был готов отдать все, только чтобы собака оставила его в покое. В это время бульдог переключился с ноги Марка на его левый ботинок.

Модель вертолета продолжала кружиться вокруг Марка, дразня собаку запахом мяса.

— Харри, помоги! — кричал он.

Но главарь стоял неподвижно и лишь ухмылялся.

В это время над домом стала кружить в воздухе модель старинного самолета, как бы выискивая и для себя жертву среди гангстеров.

Около дома на деревянных колышках, неглубоко врытых в землю, была натянута веревка с массой небольших треугольных флажков. Веревка висела довольно низко, и флажки трепетали почти по земле. Это служило украшением перед домом и, одновременно, по замыслу миссис Уильямс, должно было привлекать внимание потенциальных покупателей.

Кевин направил модель самолета к колышкам. Приблизившись, самолет колесами «снял» с земли веревку, обвешанную треугольными флажками, вместе с небольшими колышками, и поднялся с ними в воздух. После этого модель подлетела к Марку, тщетно пытающемуся отбросить от себя бульдога, и стала кружить вокруг него, закручивая поверх рук и ног гангстера веревку. Веревка, обматывая туловище Марка, затягивалась все крепче, сковывая движения гангстера.

Бульдог испугался шума двигателя модели и наконец отстал от Марка. Тот с облегчением вздохнул, но нео-

жиданно для себя заметил, что не может пошевелить ни ногой, ни рукой.

— О-ха-ха-ха! — увидев это, рассмеялся Харри. Он и не думал спасать своего сообщника.

— Выпустите меня, ну, пожалуйста! Шеф... Харри, помоги мне!

— Ха-ха-ха! — еще пуще прежнего хохотал Харри.

Джудит снова попыталась вырвать свою руку у главаря:

— Пусти меня, дурак!

— Не называй меня дураком, я этого очень не люблю. Понятно тебе?

Харри вопросительно посмотрел на девочку. Та ничего не ответила, молча продолжая свои попытки освободиться. Главарь повернулся лицом к чердачному окну и выкрикнул Кевину:

— Ну ладно, пацан, даю тебе последнюю возможность. Эй, ты слышишь меня, это твоя после...

Харри не закончил предложение, услышав за своей спиной надсадный вой снижающегося самолета. Гангстер испуганно обернулся и увидел, что радиоуправляемая модель старинного самолета летит прямо на него.

«Господи, когда же это все закончится?!» — прошептали его побелевшие от страха губы.

Он отпустил руку Джудит и выхватил из кармана пистолет.

— Ты мне надоел, пацан! — воскликнул он и потряс в воздухе оружием.

Прицелившись, Харри стал палить по модели. Стараясь уйти из-под пуль, самолет, виляя, менял высоту полета и скорость.

Приблизившись к Харри, модель снизилась до уровня его головы и, пролетев над его волосами, пропеллером аккуратно выстригла посередине прически широкую полосу.

— А-а-а-а!! — завопил главарь, хватаясь за лысину и еще не поняв, что с ним произошло. — Ты что со мной сделал, поганец?!

Стоявшая рядом Джудит закрыла лицо руками и прыснула со смеху. Харри посмотрел на падающие с головы волосы и рассвирепел.

— Эй, Харри, а тебя неплохо побрили, — рассмеялся лежащий на земле Марк, связанный веревкой.

Маринелли попробовал было прыгать, но вскоре свалился на газон, как мешок с картошкой. Встать у него не было уже никаких сил.

Харри все еще стоял спиной к чердачному окну. Он

выпустил из виду Кевина, а тот уже приготовил Гюнтера для того, чтобы выбить у гангстера пистолет.

— Э-ге-гей... Ля-ля-ля... У-у-у... — послышалось за спиной у Харри.

Он резко обернулся, но было уже поздно. Гюнтер, скользя, спустился по веревке и быстрым движением, выбил пистолет из его рук. Оружие упало к ногам Джудит. Девочка не растерялась и быстро схватила его, направив дуло на главаря.

— Ну хорошо, хорошо, — глупо улыбаясь и несмело протягивая руку, заговорил Харри. — Отдай мне его, он ведь заряжен. Отдай оружие, дорогая! Ну, зачем тебе пистолет, ты же не собираешься из него стрелять?

— Между прочим, я уже три года подряд самый лучший питчер в нашей команде. Я здорово бросаю.

С этими словами она размахнулась и бросила пистолет так, что он улетел далеко в овраг и упал в высокую траву.

— Ну, все, надоели вы мне, — прорычал Харри, увидев, что опасность миновала. — Сейчас, сейчас. Постой, не убегай...

С этими словами он стал подбираться к Джудит, широко расставив руки и пытаясь ее поймать. Девочка стала пятиться к стене дома. Такого оборота дел она не ожидала.

«Придумай же что-нибудь, Кевин», — думала она.

Маэстро не обманул ее ожиданий. Внезапно под ноги грабителю кинулись две гоночные модели «макларена» и две багги. Они сбили Харри с ног. Гангстер, падая, больно ударился головой о бетонную плиту и потерял сознание.

Кевин, обвешанный пультами, спустился по лестнице вниз и подошел к Джудит.

— Это было просто невероятно, Кевин! — похвалила его девочка.

— Это уж точно, — спокойно заметил Маэстро, возвращая модели на землю.

Первым приземлился Хью. Посвистев еще немного винтами в воздухе, он замер на месте. Затем прилетела модель старинного самолета и стала рядом с Хью.

— Ну, вот и все, — промолвил Кевин и посмотрел на дорогу.

ЭПИЛОГ

По дороге, спеша к дому, неслись сразу четыре автомобиля. Впереди ехали две полицейские машины с включенными сиренами, затем следовал «БМВ» миссис Уильямс и позади тащился маломощный «фольксваген» Керри.

— Странно, как они догадались, что мы здесь? Ты никому не говорила об этом доме? — спросил Маэстро, глядя Джудит в глаза.

— Нет, — коротко ответила та.

— Ну, теперь у меня будут серьезные неприятности, — уныло протянул Маэстро.

— Либо ты будешь героем, — добавила Джудит.

Она с гордостью посмотрела на Кевина.

Вскоре «БМВ» обогнал полицейские автомобили и первым подъехал к дому. Из него выскочила миссис Уильямс и подбежала к ребятам.

— Что здесь происходит, молодой человек?! — закричала она Кевину издалека.

Было видно, что дама настроена весьма решительно.

— Почему вы оказались здесь? — продолжила она свой «допрос», когда подошла к ребятам вплотную.

Из «фольксвагена» выбежала миссис Маккальстер и бросилась к сыну.

— Кевин! С тобой все в порядке? — трясла Керри своего сына за плечи.

— Со мной все хорошо, мама, — последовал невозмутимый ответ Маэстро.

К ним подбежал мужчина в форме полицейского, работающего по найму. Он был одет в черную куртку и такого же цвета штаны, на голове у него вместо фуражки была натянута черная кепка с нашивкой эмблемы частной детективной фирмы. В руках он держал резиновую дубинку.

— Что здесь происходит, ребята? — спросил он, похлопывая дубинкой себя по руке.

К нему повернулась разъяренная миссис Уильямс и произнесла, тяжело опустив свою руку на плечо детектива:

— Мартин, я плачу тебе двадцать долларов в день за твои услуги... — и она стала колотить того по спине, — зачем я плачу тебе эти деньги — не знаю. Может быть, для того, чтобы ты просто спал в своей постели и не приезжал сюда?! Отвечай мне, немедленно!

Удары на частного детектива сыпались один за одним. Мартин, щуплый человечек маленького роста, покорно согнувшись, без единого звука переносил эту экзекуцию.

Кевин и Джудит переглянулись между собой и весело рассмеялись. Им было странно видеть и эту толстую, разъяренную даму, и этого жалкого хлюпика. Сейчас, после всего пережитого, им было уже ничего не страшно.

Тут к ним подбежала женщина-полицейский, которая вела дело о пропаже Кевина.

— Ну, ну, перестаньте, — стала она успокаивать расходившуюся миссис Уильямс, оттаскивая Мартина от нее. — Дайте-ка мне во всем разобраться.

— Да тут нечего и разбираться, — с негодованием кричала хозяйка поместья, — надо просто уволить с работы эту дрянь, которая переводит мои деньги...

В это время четверо дюжих полицейских затаскивали в машину уже «подготовленного» Кевином, связанного Маринелли и стыдливо прикрывающего рукой лысину Харри.

Из-за дома вышел бульдог и виновато посмотрел на миссис Уильямс. Хозяйка поместья уловила этот взгляд и бросилась к собаке.

— Плуто! — воскликнула она, бесцеремонно расталкивая Кевина и Джудит.

Подбежав к собаке, она присела перед ним, схватила бульдога за морду и наказывала, приговаривая:

— Плохой, плохой пес... Плуто, я уже целую неделю ищу тебя, где ты был?

Плуто виновато отворачивал морду, пытаясь скрыть

ее в густой траве. Миссис Уильямс продолжала его винить:

— Отвечай немедленно своей мамочке: где ты был, негодный мальчишка?! Эх, ты, убежал от мамочки. Негодник, ну, рассказывай же, где тебя носило? Как тебе не стыдно?

Все стояли и с улыбками на лицах наблюдали сцену возвращения «блудного» сына. Первой оторвалась от этого зрелища капитан:

— Так, сынок, у нас двое подозреваемых на месте, а где третий?

— Луис, что ли? — пожал плечами мальчик и неопределенно кивнул в сторону дома.

В этот момент из-за дома показалась черная, неуклюжая фигура Луиса. На его черном лице выделялись только белки глаз и блестели белые зубы.

— Не бейте меня! Я сдаюсь! — выкрикнул толстяк и с поднятыми руками затрусил к полицейским.

Все, кто обернулся на его крик, вздрогнули от вида толстого человека, облитого черной смолой.

Полицейские схватились за дубинки, а миссис Уильямс отскочила в сторону от лежащего на земле бульдога.

Двое полицейских, которые первыми отправились от удивления, подбежали к Луису и окружили его.

— В машину, быстро! — приговаривали конвоиры.

— Я сдаюсь, не бейте меня, — лепетал по дороге к машине Луис.

Плуто с веселым лаем бросился за толстяком и полицейскими.

Кевин и Джудит все еще стояли вместе.

— Ну вот. Конец нашему секретному убежищу, — с огорчением произнес Маэстро, махнув головой в сторону дома.

— Ничего, найдем новое, — успокоила его девочка.

Ребята посмотрели друг на друга и улыбнулись. Маэстро нажал кнопку пульта и с чердака по веревке стал спускаться Гюнтер, весело напевая свою любимую песенку.

* * *

Кевина восстановили в школе. Несколько раз его и

Джуди вызывали в полицейский участок для того, чтобы они дали показания в качестве свидетелей.

Потом был суд и грабителей наказали сполна за все их преступления.

После этого в класс, в котором учились друзья, приехали важные полицейские чины. Офицеры полиции в торжественной обстановке вручили «мистеру Маккальстеру и очаровательной мисс Уайли» медали и почетные знаки за помощь в задержании преступников.

В честь этого в школе был дан бал, на который все мальчики пришли в черных смокингах, а девочки в белых, розовых и голубых бальных платьях. Успех Кевина среди женской половины был потрясающим. Не одна пара девичьих глаз с неподдельным восторгом глядела на виновника этого торжества. В конце концов Джудит это надоело, и она при всех чмокнула Маэстро в щеку, дабы снять возникшие у представительниц женского пола вопросы по поводу его личной свободы.

После всего произошедшего учителя и школьные товарищи стали относиться к Кевину с еще большим уважением. А он продолжал оставаться таким же невозмутимым и серьезным, как раньше, будто ничего особенного не произошло. Маэстро не отступил от своего увлечения и продолжал мастерить модели радиоуправляемых игрушек. Каждые полгода его движущаяся, летающая, ползающая коллекция пополняется.

Кевин помог Джамалу вновь собрать инерционный автомобиль, и негритенок блестяще защитил свой проект.

Мистер и миссис Маккальстеры поняли, что увлечение Кевина очень серьезно и стараются не сковывать его конструкторские способности.

— Может, он будет инженером по радиотехнике? — мечтательно спрашивает Керри у Питера, когда Кевин демонстрирует своим родителям новую модель.

— Посмотрим, — философски отвечает мистер Маккальстер и добавляет: — Жизнь длинная, и кто знает, что ждет нас впереди.

Баз все также продолжает подтрунивать над своим младшим братом.

Дэн теперь обходит стороной Кевина, хотя видно, что он недолюбливает своего соседа и при первом же удобном случае постарается досадить Маэстро.

* * *

Есть на свете люди, которым все время везет. Их окружению кажется, что их жизнь — это сплошной хеппи-энд. Так оно и происходит с некоторыми из людей.

Таких везунчиков очень мало, может быть, один из миллиона. Но они есть и живут среди нас. Может быть, и Кевин кому-то покажется человеком, которому слишком везет в этой жизни. Однако не обольщайся, читатель, и не завидуй! У каждого свой путь. И кто знает, где найдешь, а где потеряешь.

ДЖОРДЖ ГАЙП

ГРЕМЛИНЫ

George Gipe

«GREMLINS»

Перевод с английского *Ф. Дубровина*

Джордж Гайп

«ГРЕМЛИНЫ»

Существуют три правила:
1. Не выносить их на свет.
2. Не мочить их.
3. И как бы они ни плакали, как бы они ни просили, *икогда, никогда* не кормить их после полуночи.

Он пренебрег этими предупреждениями.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Могвай чутко спал в своей клетке, задвинутый в дальний угол кладовки китайца и прикрытой столом. Скоро старик войдет, ласково погладит его, скажет несколько слов на своем странном языке, выпустит погулять среди старых книг и безделушек, а потом — и это было самым приятным — покормит его.

Будучи Могваем, он почти всегда хотел есть, хотя и умел управлять чувством голода. Могваи от природы хорошо приспосабливаются. Он так приспособился, что в тесной клетке и маленькой комнате не тосковал о свободе. Сознание давало ему возможность убежать от действительности: чтобы поразвлечься, он мог отправиться в любое время и в любое место — когда пожелает. Это не было аналогией извращенному сознанию человека, которое часто выходит из-под контроля и может сыграть со своим хозяином злую шутку. Как раз наоборот, сознание Могвая было для него постоянным источником удовольствия.

Могтурмен, создатель вида Могваев, это предусмотрел. Много веков назад, на другой планете, он решил вывести новое существо, которое хорошо приспосабливалось бы к любым условиям и легко бы размножалось, у которого были бы добрая душа и высоко развитый интеллект. Почему Могтурмен решил заняться этим, никто точно не знает, известно лишь, что такие, как он, биоконструкторы поначалу процветали в эпоху экспериментов по созданию новых видов, — после неудачных

попыток скрещивания хищных пресмыкающихся они впали в немилость.

Сначала работы Могтурмена считались очень удачными, и о нем заговорили как о величайшем генетике трех галактик. Первые серии Могваев — маленьких нежных зверьков — оказались такими, как он планировал, но все же имели несколько непредвиденных недостатков. Их разум оказался настолько сильным, что мешал общению: Могтурмен объяснил, что они мыслят намного быстрее, чем могут успеть выразить словами; кроме того, в силу каких-то непонятных причин они не выносили света. Если не считать этих недостатков, все было хорошо, и галактические власти распорядились послать Могваев на все обитаемые планеты во Вселенной, чтобы их миролюбивый дух благотворно воздействовал на все враждующие существа, помогал им забыть про насилие и опасность уничтожения. В числе первых планет, выбранных для заселения Могваями, были Кельм-6 в Кольце Пораисти, Клинпф-А в Улье Поллукса и третий спутник Малого Солнца N 67672 — маленькая плодородная планета, которую ее жители называют Землей.

Однако, вскоре после того, как были отправлены первые партии, выяснилось, что существа Могтурмена очень изменчивы: едва ли у одного из тысячи сохранились добродушие и благородные характеристики, заложенные создателем. Что-то не ладилось, причем очень значительно. Сам Могвай знал о непостоянстве Могваев, поскольку хорошо знал историю своего вида. Он хотел бы не думать о возникших осложнениях, но ему это не удавалось: он ощущал свою сопричастность происшедшему. В ожидании ужина он в своей клетке отдыхал, закрыв глаза, и даже немножко поразмышлял о войнах, политических потрясениях и голоде, захлестнувших Кельм-6, Климпф-А и пришедших даже сюда, на Землю: и все это произошло, потому что автор ошибся в расчетах, а стремление распространить в космосе новый вид разумных существ без необходимой проверки оказалось сильнее. Нет ничего удивительного в том, что Могтурмен был наказан, и его...

Могвай отмахнулся от навязчивой мысли. Да, в итоге Могтурмен проиграл, но сам-то он, Могвай, оказался одним из тех, в ком воплотился его успех, — тем единственным из тысячи, в ком сохранились все лучшие качества, заложенные автором, который руководствовался высшими соображениями. И все же существование

Могваев не принесет обществу никакой пользы, он знал это. Даже будучи по своей природе очень добрым, он представлял опасность для окружающих. Всего лишь несколько капель воды, кусочек еды не в то время, и...

Могвай издал тихий гортанный звук, недовольный тем, что таким неприятным мыслям удалось проникнуть в его тренированное сознание. К чему даже просто предполагать возможность того, что он может принести какие-то несчастья? Вероятно, известны правила — Могвай не понимал, откуда тот знал их, скорее всего, восточные люди обладали способностью понимать необъяснимое почти без усилий. Старик поддерживал в комнате темноту, не допускал в нее воду и кормил Могвая задолго до полуночи. Чужих людей здесь появлялось мало. Могвая теперь не принуждали странствовать, как это делали прежние хозяева, например, тот же средневековый разносчик и контрабандист XVI века, торговавший краденными золотыми безделушками.

Без сомнения, китаец был самым заботливым из них. Почему же тогда Могвая охватывало порой беспокойство, перерастающее в предчувствие надвигающейся беды? Может быть, размышлял он, это потому, что полоса относительного благополучия слишком затянулась. Вспоминая прошлое, он спрашивал себя, хватит ли у него сил, чтобы выдержать... еще одно их нападение.

Почему — «их»? — он вдруг осознал, что он и «они» — это фактически одно и то же: их отличали лишь последствия ошибки Могтурмена.

И во мне они тоже заложены, эти ошибки, подумалось ему. Его охватила вина. Так получилось, что я остался самим собой. Как уже много раз в прошлом, он стал думать о том, что произошло с другими, сколько они прожили, сколько несчастий вызвали.

Нет, подумал он, заставляя сознание стереть возникающие картины. Об этом лучше не думать. Лучше я совершу путешествие... путешествие к прекрасным огненным рекам Кателезии.

Он прикрыл глаза, и перед его мысленным взором послушный разум стал рождать яркие краски кипящих рек подпланеты Кателезии. Это было одно из самых любимых зрелищ Могвая, хотя обычно, когда он начинал ощущать легкое раздражение, ему больше нравилось наблюдать за битвами ума между вооруженными червями Укурсиана. К числу его любимых земных картин относились затмевающие солнце полеты пассажирского

«голубя», прекратившиеся лет сто назад, и сцены землетрясения в Сан-Франциско.

Свернувшись в комочек, он наслаждался пейзажами Кателезии, когда вошел китаец. Держа маленькую тарелку в тонких пальцах, тщедушный человечек с лицом, напоминающим клочок старой сморщенной кожи, не слышно ступая, подошел к столу и заглянул в клетку своего пушистого друга. Тарелка была полна восточных деликатесов — остатков из ресторана Хан Ву по соседству: кусочек рулета с яйцом, рис, брокколи и дважды прожаренные тонкие кусочки свинины. Ко всему этому китаец добавил маленькую резиновую губку, которую нашел в кладовке.

Почувствовав присутствие хозяина, Могвай шевельнулся, открыл глаза, вскочил и застыл в ожидании, вдыхая запах еды.

Все так же по-доброму улыбаясь, китаец открыл ящик сверху и просунул руку, чтобы осторожно поднять Могвая. Он поставил его на стол рядом с тарелкой и показал на принесенную им пищу.

— Наслаждайся, дружок, — мягко сказал он, нежно погладив Могвая по голове, и отступил на шаг назад.

Могвай заглянул в тарелку. Конечно, там опять был посторонний предмет. Вчера это был кусок мягкого тягучего дерева, а до этого пара пористых белых щепок, — он видел, как китаец их доставал из упаковочного ящика. Понюхав черную резиновую мякоть, он сразу понял, что ее можно съесть — вреда не будет. Он знал, что она, безвкусная или горькая, будет абсолютно лишена питательности, и ее будет не просто разжевать. Но старому китайцу так нравилось смотреть, как он ест несъедобные вещи, что Могваю не хотелось разочаровывать его. Чтобы справиться с этим предметом, ему потребуется всего минута, зато потом он сможет с удовольствием, не торопясь, съесть все остальное в качестве десерта.

Схватив зубами губку, он втянул ее в рот и стал перемалывать резцами. Как он и подозревал, она была жесткой и имела привкус бензина, который не входил в число его любимых лакомств. Но Могваю нравилось смотреть, как лицо старика принимает выражение удивления и радости. Меньше, чем за минуту, с трудом проглотив несъедобное блюдо, он деловито и жадно набросился на рис и рулет с яйцом. Быстро взглянув вверх

и увидев довольную улыбку на лице китайца, Могвай не пожалел о том, что пересилил себя и съел губку.

Сделать приятное старику — в конце концов, это не такая уж большая плата за тишину и покой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Билли страшно хотелось как следует двинуть в бок свой мерзкий «фольксваген», но он долго удерживал себя. Потом он все же пнул сапогом по ржавому пятну в том месте, где заднее крыло соединялось с корпусом машины.

И тут же пожалел об этом. И не только из-за резкой боли в пальце. Машина выпуска 1969 года, хоть и старенькая, все же была достаточно надежным средством передвижения. Правда, клапан явно не хотел, чтобы Билли открывал и закрывал его по собственному желанию, и его приходилось держать в полностью открытом или в закрытом положении. Билли очень раздражали эти скрипы и дребезжание — «временные», по словам механиков, так и не нашедших их причину, однако они с машиной все же как-то приспосабливались друг к другу.

Почему она всегда капризничает, когда он опаздывает на работу? Вчера вечером было также прохладно, может быть, даже холоднее, чем сегодня утром. Ему не очень-то хотелось этой пиццы, и, если быть честным, он не испытывал никакой радости оттого, что его, именно его, отправили за ней. Почему же эта тачка не закашлялась и не сдохла тогда?

Вздохнув, он взглянул на часы и вздрогнул. Если бы его можно было затолкать в пушку и выстрелить прямо в двери банка, он опоздал бы всего на минуту. Он оглянулся вокруг. На улицах странного города Кингстон Фоллз с населением в 6122 человека было пустынно,

хоть шаром покати — как, впрочем, и всегда, когда нужно, чтобы кто-нибудь тебя подвез.

Вполне возможно, кому-нибудь Кингстон Фоллз кажется скучным городом, но прожив там, по сути дела, всю жизнь — двадцать один год — Билли любил его. Они вполне подходили друг другу — оба какие-то приземленные. Когда мать говорила ему нечто подобное несколько лет назад, Билли Пельтцер обижался и у него портилось настроение. Теперь-то ему и самому было ясно: он действительно средний человек. Ну, с поправкой, «плюс — минус» — в зависимости от вкуса наблюдателя-женщины. Его темные волосы — их длина была такой, какую только мог позволить себе банковский служащий, — обрамляли продолговатое лицо с парой карих серьезных глаз и широким выразительным ртом. Кожу его, слава Богу, уже миновала стадия прыщавости: прыщи и угри редко напоминали о себе.

Тело его не отличалось мускулатурой, его нельзя было назвать жилистым. У него было такое строение, что даже школьный тренер по футболу не мог подобрать его хозяину амплуа. Билли был очень маленький для нападающего, очень коренастый для вратаря и недостаточно сильный для полузащитника. И поскольку в Кингстон Фоллз участие в спорте ценилось больше, чем результат, на школьном поле Билли Пельтцер провел два года в защите. Вершиной его футбольной карьеры был не тот момент, когда он перехватил пас и погнал мяч к победному удару, а когда подхватил упущенный мяч, что привело к ничьей и спасло Кингстон Фоллз от абсолютного проигрыша в сезоне.

Окончив школу, он не стал поступать в колледж потому, что еще не определился, кем хочет быть в жизни, и ему было стыдно транжирить деньги родителей. Идти по пути отца — это было все равно, что следовать за белкой по лесу. Немного изобретатель, немного коммивояжер, Рэнд Пельтцер имел послужной список, весьма напоминающий список запасных частей для авианосца. Билли знал, что кочевая жизнь не для него, и все же ему было так трудно понять, чего же он хочет, что его друг Джон Гринкевич, уже завершивший учебу в техническом колледже, не вытерпел и предложил ему поработать дневным сторожем в передвижном театре.

Вместо этого Билли решил пройти тест выпускника средней школы на профессиональную пригодность, и выяснилось, что он вполне подходит для службы в банке.

Однако из теста не было ясно, как долго он будет нужен этому учреждению, если и дальше будет опаздывать.

— Опять сломался?

Знакомый голос принадлежал Меррею Фаттерману, словоохотливому соседу, сидевшему в кабине своего ярко-красного снегоочистителя. Каждый раз, когда шел снегопад, Фаттерман садился за рычаги и помогал чистить улицы. И делал это он не столько потому, что это входило в его обязанности по коммунальным услугам, сколько потому, как подозревал Билли, что это давало ему возможность, вот как сейчас, болтать с людьми.

— Помочь, Билли?

— Нет, благодарю, — ответил Билли. — Это не аккумулятор. Я только что зарядил его. Мне кажется, это сцепление. Или она просто решила поупрямиться.

Фаттерман остановил свою машину и слез с обитого мехом сиденья, Билли про себя чертыхнулся, зная, что у него просто не было времени: Фаттерман желал ему добра, но он мог на десять минут растянуть историю, которую можно было изложить за тридцать секунд.

— Спасибо, мистер Фаттерман, — сказал Билли, поспешно отойдя от машины и намереваясь обойти доброжелательного соседа. — Я пойду. Я уже опоздал на работу.

С таким же успехом он мог говорить на санскрите или подражать пению птиц. Одобрительно кивнув, когда Билли проходил мимо него, Фаттерман пристально взглянул на «фольксваген».

— Ничего хорошего в иностранных машинах, — сказал он. — Они вечно замерзают.

Билли колебался, еще недостаточно отчаявшись, чтобы решиться идти на работу по холоду. Фаттерман был безобидный человек, иногда даже помогал. Он долго стоял и смотрел на машину, его прямые черные волосы прилипли ко лбу. Фаттерману было уже давно за пятьдесят, выглядел он моложе своих лет, хотя из-за болтливости и снисходительного обращения иногда казался еще старше.

— Этого не случается с американскими машинами, — сказал он. — Наши могут все выдержать.

Бессмысленно спорить, подумал Билли. Выдавив улыбку — он надеялся, Фаттерман воспримет ее как извинение за то, что он купил такую нежную иностранную машину, и оставит эту тему Билли уже открыл рот, желая вернуться к своей дилемме и показывая рукой на улицу.

Слова замерли у него на губах с началом новой словесной атаки Фаттермана.

— Видишь этот стеклоочиститель? — он улыбнулся. — Ему пятнадцать лет. И ни разу не подводил. Знаешь — почему?

Конечно, вопрос был чисто риторическим. Билли опять открыл рот, но не произнес ни слова.

— Потому, что это не какое-нибудь иностранное барахло, — продолжал Фаттерман. — Жатка из Кентукки. Ты нигде не увидишь такого хорошего стеклоочистителя. Компания перестала их выпускать, потому что они слишком хороши. Понял? Слишком хороши!

Билли пожал плечами. Он попытался изобразить на своем лице печаль — это было нетрудно, если учесть, что через несколько минут его вполне могли уволить.

— Это просто замечательно, мистер Фаттерман, — сказал он. — Я имею в виду, замечательно, что это такая прекрасная машина, но ужасно, что прекратили ее производство. Но мне надо идти. Правда.

— Залезай. Я тебя подвезу, — предложил Фаттерман.

Билли все взвесил. Никаких других средств передвижения не предвиделось, почти никто еще не начал сгребать снег со своих участков тротуара, идти можно было только очень медленно. В любом случае на снегоочистителе Фаттермана он доберется до банка быстрее, чем дошел бы пешком. Если...

Фаттерман воспользовался замешательством Билли.

— Мы поедем прямо в банк, — пообещал он. — Ты ведь там работаешь, да?

— Да-да.

— Ну, давай. Я запущу его на всю катушку, и мы туда моментально домчимся.

Билли уселся рядом с Фаттерманом, и они поехали. Только они тронулись, как Билли застонал.

— В чем дело? — спросил Фаттерман.

— Наверное, мама не заперла Барни, — сказал Билли. — Теперь он увяжется за мной на работу.

И точно, к ним по глубокому снегу деловито спешил большеухий пес рыжеватой окраски — это была помесь коротконогой гончей и ирландского сеттера. Он подбежал к агрегату Фаттермана. Его сонные темные глаза с любовью смотрели на Билли.

— Хочешь, остановимся, и ты сможешь отвести его

домой? — спросил Фаттерман и потянулся рукой к тормозу.

— Нет-нет, не нужно, — сказал Билли. — Я привяжу его под прилавком в банке. Конечно, мистеру Корбену это может не понравиться. Но если Барни будет вести себя тихо, может, нам и удастся пересидеть до обеда...

Фаттерман кивнул и направил снегоочиститель вперед на полной скорости.

— Что у тебя с машиной? — спросил он.

— Не знаю, — мрачно ответил Билли. — С ней это часто случается. Бывает, она работает нормально и в морозную погоду. А иногда не заводится даже когда тепло.

— Это напоминает мне гремлинов.

— Вы хотите сказать, что все те машины так себя вели?

Фаттерман рассмеялся.

— Да, ты еще слишком молод и не знаешь, что слово «гремлин» может иметь какое-либо другое значение, кроме марки американской машины, — сказал он.

— А что оно означает еще?

— Гремлин — это маленькое существо, — сказал Фаттерман. — Знаешь, они обожают всякие механизмы. Во время Второй мировой войны я был стрелком-радистом на «Летающей Крепости» и много их видел.

Билли покачал головой, пытаясь припомнить, было в бесконечной болтовне Фаттермана когда-нибудь нечто похожее. Посмотрев на Фаттермана и быстро произведя подсчеты, он поразился, представив, насколько же тот стар, если участвовал в конфликте, который завершился почти сорок лет назад. Конечно, он был не молод, но Билли почему-то привык представлять ветеранов Второй мировой войны несчастными стариками в инвалидных колясках или обитателями домов престарелых. По сравнению с ними Фаттерман выглядел просто молодцом.

Билли сказал то, что было и дипломатически верно и, как оказалось, соответствовало действительности:

— Вы, наверное, были подростком.

Фаттерман кивнул.

— Мне было восемнадцать, когда я пошел на войну, и девятнадцать, когда она кончилась. Я много узнал о жизни за этот год.

— Я думаю.

— Но самое главное из того, что я узнал — это то, что на свете существуют гремлины и что с ними ухо надо держать востро.

Билли не смог сдержать улыбку.

— Думаешь, я мозги тебе пудрю, — сказал Фаттерман с каменным лицом. — Но это сущая правда. Я же говорю, они любят технику. Для них было просто удовольствие — поиграть с самолетами. Вторая мировая война была для них праздником. Слушай, эти гремлины во время войны были повсюду. На всех наших кораблях и самолетах. Мне кажется, поэтому наша техника и лучше любой иностранной. В войну мы научились ладить с гремлинами и совершенствовать оборудование. Почему-то гремлины терпеть не могли японцев и немцев, а нас любили.

— Почему? — спросил Билли.

— Точно я тебе не скажу, но думаю — потому что у нас — у нашей стороны — получше было с чувством юмора. Ты же знаешь человеческую природу. Как ты понимаешь, подшучивать можно только над тем, кто сам смеется, правда? Донимать тех, кто дуется, через некоторое время надоедает — не смешно. Наверное, поэтому гремлины и занялись нами. В половине случаев мы в конце концов смеялись над их проказами.

— А что они делали?

— Ты бы лучше спросил, чего они не делали. Вот я был стрелком-радистом, так? Они сбивали мне наводку — и я мазал. Или они проверчивали крошечные дырки в стеклянном иллюминаторе, и в кабину попадал холодный воздух. Они даже забирались в ствол и заклинивали курок, когда я собирался стрелять. Или втыкали в этот момент иголку мне в зад.

Билли засмеялся.

— Вы действительно видели их?

— И да, и нет, — ответил Фаттерман. — Их можно было увидеть, если смотреть на них искоса, но как только ты бросал на них прямой взгляд, они исчезали из виду.

— Похоже, вы выдумали их, мистер Фаттерман, — простодушно сказал Билли.

— Нет, они там были. Другие люди их видели и были готовы поклясться в этом. Вот Джексон, мой штурман, постоянно видел их снаружи самолета, они плясали в струе воздуха за крылом. Или они откусывали маленькие кусочки резины с прокладки от мороза, и на несущей плоскости крыла появилась наледь. Иногда они гудели

пилоту в ухо, и ему начинало казаться, что один из двигателей отказывает. Они прекрасно подражали нашим голосам. Однажды они подкрались к нашему командиру и закричали: «Ты же летишь вверх ногами, идиот!» Это было действительно сильно, потому что пилот перевернул самолет в долю секунды. Ты бы видел, как чашки с кофе, и карты, и люди разлетелись, кто куда.

— Но это могло быть опасно, — сказал Билли. — Вы о них так говорили, что я подумал, гремлины просто баловались.

— Так и было. Они не хотели подвергать нас опасности, но так оборачивались некоторые их шутки.

Снегоочиститель пересек перекресток Карвера и Кларка, оживленное в обычное время место, где сейчас было пусто и безлюдно, если не считать нескольких машин, утонувших в глубоком снегу. Посмотрев на часы, Билли увидел, что опаздывает уже на десять минут, но все еще надеялся приехать, если повезет, раньше, чем банк откроется для клиентов.

— К концу войны мы научились иметь дело с разными их видами, — продолжал Фаттерман. — Хуже всех были страто-гремлины. Они обычно появлялись на высоте больше десяти тысяч футов. Спандулы — это были гремлины средних лет, фифенеллы — женщины. Были еще джерпы и биджиты. Все они были разные. Мы даже пели песню...

Боясь худшего, Билли отвернулся от Фаттермана, отметив со смешанным чувством, что Барни бежал за ними, явно не намереваясь возвращаться домой.

Сквозь шум двигателя голос Фаттермана был почти не слышен, но было ясно, что он фальшивит. Старик пел так, как может петь человек, которому, если не гремлины, то уж медведь явно наступил на ухо.

— Когда ты от дома за тысячу миль
И внизу под тобой — пустота,
Тогда-то ты гремлинов видишь зеленых,
И гуммигутовых, и золотых,
Обоего пола и среднего рода,
Гремлинов старых и молодых.
Трясут твои крылья сильней непогоды,
Ты курс потерял из-за них...

Фаттерман замолчал, словно подавился, потому что снегоочиститель страшно затрясло, Билли чуть не вылетел за борт. От второго удара, выбившего сноп рыжих искр, двигатель заглох.

— Черт! — воскликнул Фаттерман. Он наклонился, чтобы повернуть ключ зажигания, затем встал, стянул с капота кожух и выхватил из-под сидения гаечный ключ — все одним быстрым движением. — Не волнуйся, я знаю, в чем дело, — извинился он. — Эту чертову штуку я приделаю в один момент.

Билли сполз на землю, погладил Барни и сказал мистеру Фаттерману через крышку капота.

— Я пойду напрямик, мимо дома миссис Дигл. Спасибо, что подвезли.

— Я быстро починю это, — повторил Фаттерман. — Это единственное слабое место в моем снегоочистителе. Обычно такого не происходит, думаю, это все из-за разговоров о гремлинах.

— Да, — засмеялся Билли. — Еще раз спасибо.

Оставив Фаттермана, с головой залезшего под капот, Билли пошел по широкому газону миссис Дигл — ковру нетронутого снега, на котором были видны лишь несколько беличьих следов. Барни следовал за ним.

Идя по краю газона к проему в железной ограде, Билли отметил, что дом миссис Дигл был единственным на главной площади Кингстон Фоллз, где не было рождественских огней. Даже здание «Юнион Сейвингз энд Траст Бэнк», места его службы, было украшено двойным рядом сверкающих праздничных огней, что совсем не увязывалось с нынешней жесткой политикой фирмы по отношению к клиентам.

Сигнал автомобиля и скрежет цепей по утрамбованному снегу отвлекли внимание Билли от неприязненных мыслей о начальнике.

— Убирайся с дороги, чертова кошка!

В открытое окно полицейской машины высунулось тонкое, похожее на морду ласки, лицо помощника шерифа Брента. На сидении рядом был сам шериф Рейли, сухой темноволосый мужчина с доброжелательным лицом.

— Прочь с дороги, тупая крыса! — орал Брент.

Оказавшиеся поблизости несколько прохожих остановились посмотреть. Это были шедший к себе в контору Билли, местный доктор Молинаро и отец Бартлетт, седой пожилой священник. Почти под самым передним колесом полицейской машины прижалась к земле большая серая кошка, явно не желая сдвинуться с места — то ли от страха, то ли из упрямства. В то время, как Брент орал на животное, из радиоприемника в машине лился

поток приятной болтовни, резко контрастирующий с яростью его криков.

«Доброе утро всем тем, кто поздно встает, — ворковал невидимый голос. — Вы слушаете Рики Риальто и список закрывающихся школ. Но вначале давайте послушаем классику Моутаунского рождества, а «Джексон Файв» принесет вам жареные каштаны прямо с огня...»

Длинный гудок сирены перекрыл радостный голос диктора. Одновременно Билли быстро выскочил на мостовую и схватил кошку.

— Спасибо, — улыбнулся шериф Рейли.

— Это одна из кошек миссис Дигл, — сказал Билли.

— Если бы я знал, — проворчал Брент, — черта с два бы остановился...

Рейли кивнул, поднял стекло и кивнул Бренту, чтобы тот ехал дальше. Убедившись, что Барни следует за ним, Билли пошел наискосок к парадному входу в дом миссис Дигл. Кошка уютно пригрелась у него на руках. По дороге он заметил, как шевельнулся край занавески в окне гостиной и строгое женское лицо исчезло в сумраке, заполнявшем дом. Прежде чем он подошел к крыльцу, дверь открылась, и на пороге появилась миссис Дигл. На ней был какой-то исключительно непривлекательный халат. Судя по тому, что рыжий с металлическим блеском парик был надет набекрень, ее явно застигли врасплох. Губы ее были твердо сжаты, выражение лица неприступно.

— Я же тебя просила не ходить по траве! — ее голос был таким же резким, как и ее взгляд.

Билли оглянулся на цепочку своих следов, тянувшихся по снегу.

— Я шел не по траве, — ответил он, — а по снегу.

— Не умничай! — рявкнула миссис Дигл.

Билли сунул кошку ей в руки, на мгновение задержавшись взглядом на ее лице. В отличие от большинства пожилых людей, лица которых были отмечены добротой, мудростью и ясностью мысли, лицо миссис Дигл не вызывало у него ничего, кроме тоски и отвращения. Крупные блестящие серьги свисали с ее ушей; обведенные тушью глаза (на ресницах тоже жирный слой краски) выделялись черными пятнами на покрытой мертвенно белым сугробом пудры коже. Желтые зубы странно контрастировали с пурпурной помадой, неопрятно наложенной на нижней губе и сверху. Своими угловатыми нервными движениями она напоминала оживший

манекен или заводную куклу — существо, похожее на те, что Билли видел в мультфильмах по телевизору.

— Вот ваша кошка, миссис Дигл, — проговорил он мягко. — Ее чуть не переехала полицейская машина.

Женщина взяла животное и бросила его на пол позади себя.

— Это чудо, что она еще ходит после того, как ты ее тащил! — вскричала миссис Дигл.

Билли пожал плечами.

— Ладно, убирайся с моего крыльца! Надеюсь, ты не ждешь вознаграждения?

— Нет, миссис Дигл, не жду, — ответил Билли. — Я знаю, что даже «спасибо» от вас вряд ли получишь.

С этими словами он повернулся и не торопясь спустился с крыльца. Вполуха он услышал, как миссис Дигл проквакала ему в спину что-то связанное с Барки, который может «загадить» ее ценные кусты. Мысленно он корил себя.

— Черт бы меня побрал! — проговорил он вслух. — Надо же было сообразить — понес ей кошку, чтобы лично вручить... Достаточно было забросить зверюгу ей на крыльцо.

Тогда он на работу пришел бы на несколько минут пораньше, — то есть меньше бы опоздал. Повернув за угол дома миссис Дигл, он побежал. Барни пришлось сделать то же самое. Внезапный рывок привел к столкновению пса с большим керамическим снеговиком, единственным легкомысленным предметом во владениях старухи. Облупленная, вся в трещинах голова снеговика начала заваливаться вправо еще несколько лет назад. Когда Барни зацепил боком основание статуи, голова резко наклонилась вниз, поколебалась немного и скатилась в снег.

Миссис Дигл, которая следила за ними, стоя за шторами, прикрывающими окно столовой, с шумом втянула в себя воздух, увидев, что керамическая голова исчезла в снегу.

— Мерзкие животные! — зло прошипела она. — Вы у меня оба получите за это!

Она молча смотрела, как молодой Билли Пельтцер и его собака скрылись за дверью банка, выражение слепой ярости на ее лице постепенно сменилось выражением какой-то необъяснимой решительности. Поправляя перед зеркалом в столовой свой нелепый парик, она вни-

мательно вгляделась в собственное отражение, будто найдя что-то новое, неожиданное.

— К черту снег! — наконец проговорила она. — Стоит промочить ноги, чтобы проучить этого хиппи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это всегда было нелегким делом — искать что-то действительно необычное и неожиданное для каждого члена семьи, думал Рэнд Пельтцер, и с каждым Рождеством находить сюрпризы становилось все труднее и труднее.

Однако он не терял надежды и пустился в рискованное предприятие — искать подходящий подарок. Так он относился к жизни вообще. Рэнд считал, что ему повезло, он выбился в люди. Взрослый мальчик из беднейшей части города, не обладая преимуществом выпускника колледжа и не имея какого-либо специального образования, умудрился не только жениться на самой красивой девушке Кингстон Фоллз, но и хорошо содержать семью. Правда, ему приходилось крутиться, но ведь это придает жизни особое очарование, не так ли? Люди смеялись над ним, когда его изобретения действовали не совсем так, как было задумано, но зато и радости было намного больше, когда выпадала удача.

Вот и сейчас, даже чувствуя, что его огорчает невозможность найти подарок для Билли, он был счастлив. Он любил Рождество и все, с чем оно было связано, — дух единения, осмысления всего, что удалось сделать в уходящем году, ощущение теплоты и добросердечности, исходящее от окружающих, возможность делать людям приятное и видеть, что они при этом не смотрят на тебя как на странного типа.

Незаметно, он оказался в Чайна-Стоуне, китайской

части города. Он не помнил — просил таксиста отвезти его в Чайнатаун или добрался туда пешком. Может быть, это произошло почти случайно, когда он бродил по городским магазинам и лавкам в поисках неуловимого «того самого» неповторимого подарка. Он никогда раньше не бывал в здешних магазинах, хотя и посещал не раз эту часть города в качестве туриста. Хорошо, пусть будет Чайна-Таун. Может, именно здесь он это и найдет.

Это «неизвестно что».

Слегка озадаченное выражение лица делало Рэнда типичным американцем средних лет, совершающим предпраздничный обход магазинов. Человеком, открытое лицо которого, возможно, в свое время было более симпатичным, чем сейчас, с красивой копной спутанных седых волос и пристальным взглядом зеленых глаз. Ниже шеи годы сделали его более привлекательным — плотная грудь переходила в объемистый животик, чуть-чуть не дотягивающий до типичного брюшка любителей пива (некоторые друзья, которым явно недоставало воспитанности и такта, тонко намекали именно на это).

Вполне можно было представить себе, что это профессиональный футболист, очевидно, нападающий, что ушел он из спорта где-то в 1965 году и с тех пор постепенно отступал перед полнотой. Он был в твидовом пиджаке, вельветовых брюках и сером пуловере, явно предпочитая красоте удобство.

— Это должно быть где-то здесь, — пробормотал он.

Он осмотрел предметы на прилавке очередного магазина восточных редкостей, набор ярких сувениров. Там были пепельницы, булавки для галстука, шариковые ручки и карандаши, даже туалетная бумага, типичная для китайского городка. На верхних полках покачивались мобили, с которых свисали акробаты, горгульи, непонятные абстрактные фигурки. На стенах были выставлены часы, шахматные доски, плакаты, картины и гравюры, но все это его не привлекало. Все это было обычным и, он это знал, не могло заставить глаза его сына заблестеть так, как он любил.

— Что угодно господину? Я к вашим услугам...

В типичной (по мнению Рэнда Пельтцера) восточной манере двигаться бесшумно, перед ним внезапно появилась китаянка с бледным лицом, вероятно, просто встав из-под прилавка. Рэнд вздрогнул, чуть не выронив оловянную пепельницу, которую только что взял в руки.

— Простите, — сказал он. — Я ищу подарок для сына. Мне нужно что-нибудь особенное...

Женщина показала на стереомагнитофон, потом на часы, но Рэнд покачал головой.

— Ему нравятся механические вещи? — спросила китаянка.

— Нет, он художник, рисует карикатуры. Может быть, у вас есть что-нибудь для художника.

— Художника?

— Да, — ответил Рэнд, внезапно ощутив вдохновение. — Может, что-нибудь вроде мольберта и одновременно держателя для кистей или... — он поднял глаза к потолку, чувствуя, как его обволакивают струи вдохновения. — А может, складной карманный этюдник. Знаете, для художника, который много ходит...

— Художника? — повторила женщина, протягивая Рэнду многоразовую батарейку.

Он покачал головой и пошел к двери, продолжая размышлять над проблемой создания переносного мольберта.

— Минуточку, — тихо проговорила женщина.

Рэнд остановился, она быстро скользнула из-за прилавка в маленькую дверь и исчезла. Как только она скрылась, Рэнд почувствовал, что в комнате с ним есть кто-то еще.

— Господин желает что-нибудь особенное? — послышался другой голос.

Он увидел очень худого мальчика-китайца. Длинные ноги делали его выше ребят своего возраста, отчего он казался на несколько лет старше, чем был на самом деле. А на самом деле, по мнению Рэнда, ему было лет девять. Выцветший пиджак с эмблемой «Лос-Анджелесских Доджеров», мятая спрингстиновская футболка, застиранные рваные джинсы «Левис» и футбольные туфли с высоким верхом — все это в глазах Рэнда делали его похожим на ходячую рекламу аукционов уцененной одежды. Тем не менее в мальчишке было нечто, вызывающее симпатию и доверие.

— Да, — ответил он, переводя взгляд с выразительных глаз мальчика на дверь, через которую вышла женщина, и обратно. — Что-нибудь необычное, что-нибудь такое, чего ни у кого нет.

Сообразив, что такое описание подходит лишь к очень немногим предметам, например к бриллианту «Надежда», он поправился:

— Понимаешь, это должно быть не обязательно чем-нибудь дорогим или единственным в своем роде, но непременно чем-нибудь... особенным ...

Мальчик кивнул.

— Идите за мной, пожалуйста, — сказал он.

— Ты можешь мне просто сказать, что это?

— Нет, сэр. Это не поддается описанию.

Ого, подумал Рэнд. Значит, это «не поддается описанию»? Если маленький мальчик выучил на английском языке такое выражение, значит, он не по годам развит и умен. А не служит ли он приманкой шайке грабителей или похитителей? Здравый смысл подсказывал Рэнду: не поддаваться уговорам. С другой стороны, когда это он прислушивался к здравому смыслу?

Китаянка появилась, таща огромного надувного — и уже сильно надутого — красного дракона, который полностью занял бы собой любую ванну.

— Художник? — спросила она.

— Нет, — улыбнулся Рэнд, пятясь к выходу. — Но все равно спасибо.

Через минуту он был уже на улице. Китайчонок оказался рядом.

— Безделушки! — промолвил он, неодобрительно кивая головой. — Вы хотите что-нибудь необычное, а вам предлагают безделушки.

Будучи торговцем сам, Рэнд давно усвоил правило — никогда не охаивать чужой товар. Со временем мальчуган тоже усвоит это правило, подумал он, но сейчас он заслужил, чтобы ему преподали небольшой урок.

— Это был очень милый дракон, — сказал он. — Он многим мог бы понравиться. Просто это не то, что мне нужно.

— Безделушка! — повторил мальчик. — Большая безделушка. Идите за мной, я покажу вам что-то действительно необычное.

Рэнд последовал за ним, хотя и уговаривал себя быть более осторожным, чем обычно. Проспект бурлил, заполненный людьми, он настороженно вглядывался в лица прохожих, стремясь перехватить кивок или сигнал, направленный мальчику или от него. Они прошли уже целый квартал, но ничего подозрительного он не заметил. Мимо них быстро проходили мастеровые, но каждый из них был погружен в свои мысли; две монахини, нервно смеясь, проехали мимо на рикше; несколько молодых людей, вероятно, студенты колледжа, оживленно

разговаривали с молодой женщиной азиатского типа, при этом они отчаянно изображали холодную непринужденность, подстать ее усталости от жизни. Мальчик показал Рэнду на лестницу, ведущую в какой-то подвал.

— Здесь, — улыбнулся он, выразительные глаза его одобрительно блеснули.

— Неудивительно, что тебе удается так легко затаскивать людей с улицы, — пробормотал Рэнд, осторожно вглядываясь.

Мальчик открыл дверь под лестницей и пригласил Рэнда следовать за ним. Глубоко вздохнув, тот вошел.

Это был не магазин ужасов, но и не магазин, где торговали бы необычными и редкими вещами. Источником света здесь были свечи, вернее, сотни свечей. Они горели в одиночку и группами на каждом свободном пятачке в этом доверху забитом всевозможным хламом помещении. Наверху покачивались обычные восточные мобили, издавая мелодичный перезвон, когда крохотные металлические пластинки задевали друг друга. Рэнд осмотрел действительно прекрасный набор шахмат, в котором огромные фигуры были вырезаны в виде японских воинов и крестьян. На мгновение ему показалось, что Билли понравится изысканность набора, и, может быть, он даже сможет использовать его в качестве модели для своих фигурок. Потом он пожал плечами. Набор шахмат не говорил: «купи меня».

Ища глазами мальчика-гида, он повернулся и увидел вместо него старого китайца. Тот сидел на небольшом возвышении и курил длинную трубку. Длинные седые бакенбарды обрамляли нижнюю часть его лица, на голове была черная плотно прилегающая шапочка. Он был одет в просторную коричневую тунику и выглядел на своем возвышении почти как священник. Рэнд на мгновение подумал об этом, но тут же отбросил эту мысль! Старый китаец, несмотря на свой торжественный вид и отрешенность от земных дел, был таким же торговцем, как и он. Только они работали в разных условиях. Этот старик сидел целыми днями в своем магазине, а Рэнду принадлежал мир снаружи. Придя к такому выводу, он уверенно шагнул вперед. Подойдя к старику поближе, он открыл свой чемоданчик и вытащил из него сложной конструкции предмет около фута длиной.

— Простите, сэр! — сказал он. — Меня привел к вам молодой человек, пообещавший мне, что здесь я увижу нечто совершенно необычное.

Китаец медленно кивнул.

— Это мой внук, — сказал он неожиданно глубоким и звучным голосом. Выражение, с которым он произнес эти три слова, включало в себя одновременно любовь и скепсис, что подтвердило догадку Рэнда о том, что мальчик был чересчур умен и ловок для своего возраста.

Рэнд не привык отчаиваться. Он и тут решил воспользоваться моментом. Окинув еще раз взглядом все эти завалы из обычных свирепых восточных масок, древних колдовских амулетов, рассыпающихся черепков и пыльных книг по оккультным наукам, он махнул рукой, как бы сметая все это в сторону.

— Сэр, я позволю себе сказать кое-что, — начал он. — У вас очень милый магазин. Но в дополнение к тому замечательному ассортименту, который у вас уже имеется, вы могли бы добавить кое-какие новые и современные вещи. Вот как, например, эта.

Он поднял предмет, который вынул из чемоданчика. Это была бесформенная вещь, напоминающая камертон, к которому приделаны более мелкие детальки и приспособления.

,197 Вот например, вы садитесь в поезд или в автобус и едете на важную деловую встречу, — начал Рэнд. — Только вы садитесь, как обнаруживаете, что забыли почистить зубы. И во рту у вас такой привкус, как если бы его использовали для проведения опытов с какими-то ядохимикатами. В обычном случае вы должны были бы забить тревогу, но этого не нужно делать, если у вас есть такое — «Помощник в мытье». Это мое собственное изобретение, очередное произведение рационализаторской лаборатории Рэнда Пельтцера, человека, который делает невозможное возможным и нелогичное логичным.

Не обращая внимание на полное отсутствие интереса со стороны китайца, Рэнд скользнул одной рукой по боку предмета и вытащил нечто вроде грубой зубной щетки. Затем он нажал на кнопку, сильная струя водянистой белой пасты ударила в стенку рядом и стала медленно стекать на пол.

— Нет проблем, — сказал Рэнд, нажимая на кнопку «ВЫКЛ.».

Устройство продолжало с бульканьем выплевывать беловатую массу в ладонь Рэнда.

— Нет проблем, — повторил Рэнд. — Это легко вымыть. А когда это работает, это всего лишь одна из десяти весьма полезных функций этого «Помощника в мытье». Конечно, я сужу предвзято, но мне кажется, вы вполне могли бы использовать подобные этому современные устройства в вашем магазине. Может быть, я запишу вас на дюжину? Поверьте мне, даже в таком месте, не слишком похожем на магазин Серз Ребак, их расхватают за неделю.

Как бы в качестве финального аккорда к торжественному обещанию Рэнда, «Помощник в мытье» издал громкий звук — нечто среднее между отрыжкой и взрывом мокрого цемента — выпустив мощный гейзер липкой массы, покрывший левый отворот пиджака изобретателя.

— Небольшие недоработки, — неуверенно сказал Рэнд.

Тогда китаец взорвался. Губы его разжались, обнажив ряд впечатляюще огромных зубов, и он затрясся от смеха, как внезапно оживающая гора Рашмор. Вначале он раскачивался сбоку набок, потом сверху вниз. Из-под туники появился палец, обличающе указывающий на Рэнда, он слегка подрагивал, поскольку старика просто трясло от смеха.

— Т..т..т...Томас Эдисон, — проговорил он сквозь смех. — Томас Эдисон!

Заметив, что мальчишка видел демонстрацию и теперь тоже смеялся, смущенный, но привыкший к подобному после уже случавшихся неприятностей, Рэнд добродушно хохотнул. Какое-то время он продолжал делать вид, что смеется, терпеливо ожидая, когда веселье закончится. В это время он различил в общем смехе тоненький голосок. Он был выше, чем голос старика и мальчика, нечто среднее между воркованием младенца и криком попугая.

— Подождите! — воскликнул он. — Что это?

Старику и мальчику еще требовалось время, чтобы прийти в себя. Когда они наконец успокоились, посторонний голос со странной интонацией все еще смеялся за стеной.

— Я никогда ничего подобного не слышал, — пробормотал Рэнд, переводя взгляд с одного китайца на другого. Они реагировали на его незаданный вопрос, отведя взгляд. Старик вдруг проявил большой интерес к листу бумаги у себя на столе; мальчик, будучи менее тонкой натурой, просто отвернулся. Тем временем странный смех продолжал доноситься из маленькой комнатки прямо за ними.

— Бог ты мой, это наверняка что-нибудь интерес-

ное, — сказал Рэнд, не обращаясь ни к кому в отдельности, и двинулся к дверям комнаты.

Подойдя к двери, он обернулся и посмотрел на мальчика.

— Это то самое? — спросил он. — Ты за этим привел меня сюда? Эта та самая «необычная вещь»?

Мальчик опустил голову под резким взглядом деда.

— Да, наверное, это так, — Рэнд сам ответил на свой вопрос. — Конечно, я хочу посмотреть, кому или чему принадлежит этот смех. Постояв мгновение в дверях, он подумал о праве собственности. Дальняя комната все же была частным владением, и несмотря на любопытство, он понимал, что без их разрешения он не вправе заглянуть туда.

В ответ китаец пожал плечами.

— Спасибо, — сказал Рэнд.

С трудом пробравшись сквозь занавеси из бисера, он вошел во внутреннее святилище, подождав минутку, пока глаза привыкнут к темноте. Наконец он смог различить стол со сваленными в кучу какими-то коробками из-под обуви, полными всяких безделушек. Рядом с ними стояла маленькая клетка, накрытая куском джутовой ткани. Из-под нее раздавались мягкие звуки — уже не странный хохот, как минуту назад, но все же что-то неземное. Подойдя к краю стола, он протянул руку, не видя, что двое китайцев вошли вслед за ним и теперь стояли в дверях, их тела отбрасывали удлиненные тени.

Осторожно, почти благоговейно Рэнд поднял джутовую ткань.

— Ого, — произнес он мягко.

Он никогда раньше не видел подобного существа.

— Что же это такое? — спросил Рэнд.

— Могвай, — ответил старый китаец.

— Мог — что?

— Так он называет себя. Мне потребовалось время, чтобы выяснить это. Я понятия не имею, что это.

— Могвай, — повторил Рэнд, — звучит как что-то с другой планеты. Слишком трудно запомнить и произнести. Кажется, это именно то, что мне нужно.

Существо недружелюбно посмотрело на Рэнда и, не раскрывая рта, издало низкий звук.

— Что он делает? — спросил Рэнд.

— Поет, — ответил мальчик-китаец. — Он делает это только для тех, кто ему нравится.

Рэнд улыбнулся.

— Что он ест? — спросил он.

Старик улыбнулся в ответ.

— Все, что угодно.

— Что вы хотите этим сказать — все?

— Все, что можно разжевать. Вчера он съел резиновую губку. А перед этим он ел картон и упаковочную стружку. Но больше всего ему нравится то же, что и нам.

— Сладости? — спросил Рэнд, вдруг вспомнив, что в кармане куртки у него есть плитка шоколада.

— Безусловно, — ответил китаец.

Рэнд нашел плитку и развернул. Осторожно просунув ее в клетку, он пристально смотрел, как существо понюхало ее и в три-четыре больших приема съело мягкую смесь шоколада и карамели.

Рэнд в восторге зааплодировал. Шумно глотая, Могвай, казалось, ответил взглядом, который говорил «спасибо».

— Сколько вы хотите за него? — спросил Рэнд.

— Могвай не продается, — ответил старик.

— Да бросьте! — настаивал Рэнд. — Моему сыну он страшно понравится. И у нас ему будет хорошо.

— Простите...

— Послушайте, он мне нужен. Ведь ваш внук для этого меня сюда привел, так?

— Нет! Я посылаю его, чтобы заинтересовать покупателей товарами в моем магазине. Но не Могваем!

— Но это единственное из того, что у вас есть, что не такое, как везде. Остальное — просто экзотика, стандартные сувениры и...

— Безделушки, — продолжал его мысль мальчик.

— Не совсем, — добавил Рэнд, увидев отблеск страдания в глазах старика. — У вас хороший магазин. Этот комплект шахмат великолепен. Но мой сын не играет в шахматы. А эта вещь прекрасна. Я дам вам сто долларов.

— Спасибо, нет!

Рэнд вынул бумажник, надеясь, что вид денег поколеблет неприклонность старика или, по крайней мере, докажет серьезность намерений его самого. Пошелестев парой пятидесятидолларовых бумажек, Рэнд добавил еще одну, потом еще одну. Старик по-прежнему качал головой.

— Двести пятьдесят! — сказал Рэнд, разложив бумажки на ладони, как игрок в покер, показывающий королевский набор масти. — Возьмите, пожалуйста!

Старик отвел взгляд от денег, отвращение и желание соединились в выражении его лица, он был похож на сидящего на диете человека, перед которым ставят роскошную еду, которую он одновременно хочет и не хочет.

— Двести шестьдесят! — настаивал Рэнд. — Это все, что у меня есть.

— Возьми, дед, — сказал мальчик.

— Нет.

— Нам нужны деньги. Рента...

— Нет! — повторил старик. — Могвай не такой, как другие животные. Он совершенно особенный. Могвай — это большая ответственность.

— Послушайте, я человек ответственный, — не сдавался Рэнд. — Я хожу в церковь каждое воскресенье. Ну, часто по воскресеньям. Я плачу налоги, выношу мусор. Чем я не подхожу?

— Дело не в вас. Дело в человечестве. Простите, но я не могу продать Могвая ни за какие деньги.

С этими словами старик повернулся и вышел из комнаты.

Вздохнув, Рэнд медленно стал вкладывать деньги обратно в бумажник, он видел, что мальчик по-прежнему жадно смотрел на бумажки.

— Ты можешь уговорить его? — спросил он.

Мальчик медленно подошел к двери и взглянул на деда, который теперь сидел у входа в магазин и невозмутимо глядел на прохожих. Вернувшись к Рэнду, он посмотрел на него так, как управляющий разглядывает человека, пришедшего наниматься на работу.

— Послушайте, мистер, — сказал он. — Старик прав. Это совершенно особенное существо. Человек, который владеет им, должен быть сверхосторожен... Нужно будет делать некоторые вещи, которые покажутся странными...

— Например?

— Ну, есть правила. Его нужно держать вдали от света. Поэтому здесь так темно. Он не выносит свет, особенно яркий.

— Хорошо. Я думаю, что могу справиться с этим. У нас хороший темный подвал, а комната Билли...

— И не мочите его. Держите подальше от воды.

— Никакого света, никакой воды. Наверное, о выезде на пляж и речи быть не может.

Мальчик пристально посмотрел на Рэнда.

— Я говорю серьезно, мистер, — сказал он.

— Конечно, — ответил Рэнд. — Но ведь животным обычно нужна вода, ведь они пьют, так?

— Этому не нужна, он не пьет.

— Точно?

Мальчик уверенно кивнул.

— Я вам говорю, — сказал он. — Свет может убить его, а вода может убить вас.

— Что?

— Так говорит мой дед. Не спрашивайте меня, откуда он знает. Но это два важных правила. Если вы понимаете, что вам это не под силу, так и скажите. Я ведь продаю вам Могвая только потому, что нам очень нужны деньги.

— Конечно, я понимаю, — кивнул Рэнд, снова доставая бумажник.

— Я чуть не забыл самое главное, — продолжал мальчик. — Вы никогда не должны забывать, что... как бы он ни плакал, как бы он ни просил, никогда, никогда не кормите его после полуночи. Поняли?

Рэнд сглотнул, подавляя внезапное желание рассмеяться над таким странным набором правил. Может быть, старик спятил, а мальчик просто ненормальный, но ему так захотелось принести зверька Билли. Если дело было за тем, чтобы поиграть с мальчиком в эту игру, придется пойти ему навстречу.

— Понял, — сказал он серьезно. — Никакого света, никакой воды, никакой еды после полуночи.

Он чуть не дал деньги мальчику, потом передумал.

— Где мы встретимся? — сказал он.

— На улице, у черного хода, через пять минут.

Рэнд кивнул. Тихонько насвистывая, он еще раз взглянул на подарок и быстро вышел из сувенирного магазина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Часы показывали 8.54, оставалось всего шесть минут до того момента, когда двери банка распахнутся перед клиентами, оставалось всего шесть минут Билли ворвался в дверь с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» и начал решать сложную задачу — как сделать так, чтобы тебя не заметили, если ты появился на службе с мокрой собакой, опоздав на четверть часа.

Вначале ему везло. Осторожно потягивая Барни за ошейник, он сумел дотащить его до окна, найти поводок, который он держал в ящике стола, и спрятать Барни, пока тот не разлаялся. Вытащив табличку со своим именем, он поставил ее — вверх ногами — на стол, вытер бусинки пота со лба и облегченно вздохнул. Только тогда он увидел то, что обычно искал первым делом, когда приходил в банк.

Сегодня она была в голубом облегающем, традиционного фасона платье, оттеняющем ее зеленые глаза и великолепные волосы. Билли, как многие молодые люди — пожилые люди, кстати, тоже — безумно влюбился в Кейт Берринджер с первого взгляда. Ей было двадцать лет, возможно, она была слишком вызывающе женственна для своего возраста, в общем, постоянная находка для неудачника. В том, чтобы считать себя неудачником, Билли не видел ничего предосудительного, но пока что он считал Кейт приятной, но несколько недоступной. Возможно, она была слишком умна, никогда за словом

в карман не лезла, и он боялся, что она его срежет, если он будет действовать слишком быстро. Поэтому он действовал почти незаметно. «К концу столетия, — сказал он себе однажды, анализируя способы достижения своей цели, — я назначу ей свидание».

Начав разбираться в своем ящичке для денег, он заметил, что Кейт направляется к нему. Подойдя к его окошку, она протянула руку, перевернула табличку с его именем, поставив ее правильно и слегка улыбнулась при этом.

— Доброе утро, Кейт, — сказал Билли. Теперь, когда она была так близко, он почувствовал ее свежесть, увидел тонкое запястье, светлые волоски на руке.

— Билли, — сказала она, голос ее был теплым, но без ноток близости, — ты подпишешь петицию?

— Конечно! — сказал он.

Он потянулся за ручкой.

— Разве ты не хочешь узнать, о чем речь? — спросила она несколько обиженно.

— Вообще-то нет, — ответил он. — Если ты считаешь, что это хорошая идея, то я согласен.

Этого не следовало говорить.

— Я хочу, чтобы ты согласился со мной в том, что это хорошая идея, — сказала она раздраженно. — Но ведь ты не можешь этого сделать, не прочитав петицию.

Билли кивнул.

— О чем она?

— Мы пытаемся сделать так, чтобы кабачок Дорри был объявлен городской достопримечательностью.

— Миссис Дигл пригрозила закрыть его в конце этого месяца, когда истечет срок аренды.

— Она все угрожает закрыть, когда истекает срок аренды, — пробормотал Билли. — Она сказала моему отцу то же самое. Конечно, он иногда забывает платить. А в чем проблема у Дорри?

— Это один из примеров личной мести, — ответила Кейт. — Она говорит, что Дорри содержит притон. Что он мозолит глаза. Плохо влияет на окружающих.

— Но мой отец сделал там предложение моей матери, — простодушно сказал Билли.

— Там все отцы делали предложения будущим матерям. Или наоборот, — сказала Кейт.

Билли улыбнулся, представив себе, как он делает предложение Кейт в кабачке у Дорри. Это несколько прибавило ему мужества, и он сказал:

— Ты... э... Красивое платье. Ты сегодня прекрасно выглядишь... Правда, хорошо ты выглядишь всегда...

Кейт улыбнулась, ей это польстило, но ей нужно было, чтобы Билли подписал петицию до того, как Джеральд Хопкинс подойдет к окну и начнет задавать вопросы. Она подставила листок под ручку Билли и проследила за тем, как он подписался. Через секунду Джеральд Хопкинс стоял рядом.

— Что происходит? — спросил он.

В двадцать три года Хопкинс выглядел на все тридцать. Фактически образ мышления Хопкинса, видимо, уже достиг этой цели, уровня развития мужчины средних лет, дело было только за телом. Младший вице-президент банка был высокого роста, строен и красив, но выглядел немного раболепным. Может быть, оттого, что его улыбка была слишком быстрой, а глаза бегали по сторонам. Это выдавало его: он безумно стремился стать важной персоной, и как можно быстрее. Молодые люди — во всяком случае, большинство — не доверяли Джеральду, но это не беспокоило его, поскольку мистер Корбен и другие старшие коллеги хвалили его за эффективность, целеустремленность и инициативу. В конце концов, решение принимали они.

Кейт, игнорируя вопрос Джеральда, пошла к окну. Казалось, он последует за ней, но вместо этого он повернулся к Билли.

— Мы с мистером Корбеном хотим поговорить с вами.

Билли пожал плечами и медленно побрел вслед за Джеральдом в просторный, но очень официальный кабинет Роланда Корбена. На стенах, отделанных дубовыми панелями, были портреты всех президентов Соединенных штатов, генералов Джорджа Паттона, Омара Брэдли, Уильяма Текамсеха Шермана, Джона Першинга, а также портрет Юлия Цезаря, который в своей тоге казался обнаженным и несколько смущенным. Под этой панорамой величия стояли закрытые на ключ стеклянные шкафы, заставленные навевающими дрему книгами по юриспруденции в одинаковых переплетах, за исключением одной нижней полки, где было полное собрание сочинений Горацио Алджера Младшего. Каждый раз, когда его вызывали в «склеп» мистера Корбена (как его называла Кейт), Билли останавливал взгляд на последнем томе Алджера, озаглавленном «Удача и отвага». Он думал о том, не читал ли его мистер Корбен в детстве.

Что касается Джеральда Хопкинса, то он, возможно, прочел его впервые всего несколько недель назад.

Роланд Корбен в прекрасно сшитом костюме-тройке сидел за огромным столом с золотой табличкой, разъяснявшей, кто он такой. Ему было немного за пятьдесят, и он олицетворял собой прилагательное «значительный», аккуратно подстриженные волосы обрамляли его слегка загорелое и немного морщинистое лицо. Если бы он улыбался, его даже можно было бы назвать симпатичным. Но обычно он хмурился, и напряжение искажало его черты, как будто кто-то стягивал завязки у кожаного мешочка. Привычка складывать пальцы словно для молитвы стала отличительной чертой и его самого, и его протеже Джеральда.

— Семнадцать минут тридцать три секунды,— сказал Корбен голосом проповедника. — На столько вы опоздали, Уильям.

— Извините, — пробормотал Билли.

— Точность — вежливость королей, — сказал торжественно Корбен. — Вы знаете кто это сказал?

Билли задумался. На какое-то мгновение ему захотелось сказать, что этот скучный афоризм создал Джеральд Хопкинс, но потом он передумал. Не стоит ухудшать и без того плохую ситуацию. Вместо этого он покачал головой.

— Бенджамин Франклин, — вмешался Джеральд.

— Людовик Восемнадцатый, — поправил Корбен, остановив Джеральда строгим голосом. Повернувшись снова к Билли, он добавил: — Если король Людовик Восемнадцатый мог не опаздывать, значит, и вы можете.

— Да, сэр, — сказал Билли. — Но у короля Людовика не было темпераментного «фольксвагена».

Джеральд неодобрительно хмыкнул.

— Мы вызвали вас не для того, чтобы выслушивать объяснения, Пельтцер, — сказал Джеральд. — Ваша работа предполагает большую ответственность. Одна из ваших обязанностей — приходить на работу вовремя.

— Хорошо сказано, Джеральд, — кивнул Корбен, на которого дидактический тон молодого Хопкинса произвел приятное впечатление.

— Спасибо, мистер Корбен, — улыбнулся Джеральд.

— Поправьте галстук, — ответил Корбен.

— Да, сэр!

Он поправил галстук. Корбен внимательно оглядел его, прежде чем снова повернуться к Билли.

— Смотрите, чтобы этого больше не было, — сказал он. — Если у вас темпераментная машина, купите новую. Или выходите из дома раньше, чтобы быть готовым к вашим проблемам.

Билли с энтузиазмом кивнул, как если бы мистер Корбен нашел чудесное решение его проблем. Потом, уже когда он повернулся, чтобы уйти, он услышал, как Корбен хмыкнул.

— Да, сэр? — спросил он.

— Ваши ботинки, Уильям! — прорычал мистер Корбен. — Они коричневые.

Билли взглянул вниз и снова кивнул. Действительно, ботинки у него были коричневые.

— Коричневые ботинки не носят с синими брюками! — провозгласил Корбен.

— О, спасибо! Я буду знать в следующий раз, — ответил Билли как можно более уважительно. После этого ему позволили удалиться. Однако его несчастья только начались.

Поскольку двери банка открылись для посетителей, пока его судили и воспитывали, набралось с десяток клиентов, которые, в основном, снимали деньги для рождественских подарков. Одной из них была миссис Дигл, которая, пробиваясь к началу очереди, вдруг оказалась рядом с миссис Харрис. Было известно, что для Харрис, приятной женщины средних лет, это был плохой год, поскольку они с мужем оба потеряли работу и у них возникли проблемы со здоровьем. Но она была почти весела сегодня, когда потянула миссис Дигл за рукав.

— Миссис Дигл! — сказала она так громко, что Билли услышал ее. — Мой муж снова нашел работу.

— Да? — резко ответила миссис Дигл. — Ну и что это означает для меня?

— Это означает, что мы сможем рассчитаться с несколькими долгами сразу после Рождества.

— Какое отношение к этому имеет Рождество?

— Ну, вы же знаете, надо покупать подарки...

— А я тем временем подожду, так?

— Нет, не совсем. Просто я подумала, поскольку у нас дела пошли на лад, вы сможете подождать немножко подольше.

— Миссис Харрис! — сказала старуха. — У меня и у банка одинаковая цель в жизни — делать деньги. Почему мы должны ждать, пока вы решите выплатить то, что должны мне по закону?

Миссис Харрис нахмурилась.

— Но у нас сейчас нет лишних денег. Сейчас Рождество.

— Значит, вы знаете, о чем просить Деда Мороза, — ответила миссис Дигл, отмахнувшись от нее.

Она подошла к окошку Билли, и люди расступались перед ней, как в Библии по мановению жезла Моисея Красное море расступалось перед евреями, уходящими из Египта. Под мышкой у нее была отбитая голова керамического снеговика, которая вблизи оказалась липкой и уродливой. Пожелтевшая, в пятнах от дождя и снега, с раскрытым скорее как у идиота, нежели в счастливой улыбке, ртом.

— Здравствуйте, миссис Дигл, — Билли запнулся. — Чем могу вам помочь сегодня?

— Ты хочешь сказать — в дополнение к тому, что ты уже сделал, — величественно заявила она.

— Извините, — сказал Билли. — Я не понимаю.

— Это то, что осталось от моего импортного керамического снеговика! — она почти кричала. — Твоя собака разбила его сегодня утром.

Билли совершенно не помнил этого, но возражать было бы слишком неразумно.

— Да, я действительно виноват, — сказал он. — Скажите, сколько я должен...

К его удивлению она ответила:

— Мне не нужны деньги.

— Вот это новость, — прошептал тихий голос справа от Билли. Это была Кейт, которая смотрела прямо на своего клиента, но была полностью погружена в проблему Билли.

— Я вас слышала, девушка! — прорычала миссис Дигл, злобно посмотрев на Кейт. — Смотрите, я знаю, что вы плетете интриги у меня за спиной.

Внезапно она начала обвинять всех, кто мог ее слышать.

— Я знаю, что вокруг меня делается, что вы все думаете, чего бы вам всем хотелось. Но у вас ничего не выйдет, я все обдумываю на ход дальше, чем вы.

Кейт, взглянув на миссис Дигл, терпеливо дождалась, когда старуха снова повернулась к Билли.

— Ну вот, — сказала старая мымра, — поскольку ты признал свою вину в том, что разбил это, и при полном банке свидетелей, что ты предполагаешь делать?

— Не знаю, миссис Дигл, — пробормотал Билли. —

То есть, если вам не нужны деньги, что я могу сделать? Вы хотите, чтобы я почистил вам двор или?..

Она оборвала его сердитым жестом.

— Мне нужна твоя собака! — сказала она.

— Барни?

— Какое дурацкое имя! Да. Противная дворняжка, которая бегает за тобой. Мне она нужна.

— Но зачем? — спросил Билли.

— Он угрожает городу, и я сделаю так, чтобы он был наказан, — на лице миссис Дигл появилась злобная улыбка, открывшая удивительно отталкивающие зубы. Слишком жирная помада прилипла к ее зубам, и у нее был такой вид, как будто она только что закончила кровавую трапезу.

— Да, я хочу наказать ее, — сказала она. — Ты знаешь, что в старину злых животных судили и наказывали? Однажды слона повесили за шею, и он висел, пока не умер.

— Догадайся, кто был главным свидетелем обвинения, — прошептала Кейт, на этот раз сильно понизив голос, так, чтобы ее услышал только Билли.

Подавив смешок, он прямо посмотрел на миссис Дигл.

— Удивительно, что вам кажется, будто он представляет угрозу, — сказал он. — Не понимаю, как вы можете такое говорить.

— Он хотел укусить сына Хейгенов. И моего племянника Дугласа.

— Они хотели поджечь ему хвост пропановой горелкой, — сказал Билли, и это вызвало взрыв хохота у клиентов, которые стояли рядом с полем боя.

Миссис Дигл отмахнулась от объяснений Билли.

— Он всегда лает и рычит на моих кошек и пугает их до смерти.

— Ну, кошки и собаки просто не... ладят, — ответил Билли. — Вы видели рисунки...

— Я ненавижу рисунки, — прорычала миссис Дигл.

Билли повернулся, внезапно осознав, что теперь он был перед лицом двойной опасности. Услышав свое имя, Барни проснулся и теперь пытался прыгнуть Билли на колени. Поводок, который был не очень прочно завязан на его шее, постепенно развязывался. От резкого звука его когтей по натертому деревянному полу Билли прошиб холодный пот. Почему старуха не может оставить его в покое? Почему послушный обычно пес выбрал именно это время для игры? Попытка потихоньку оттолкнуть Барни не только ничего не дала, но из-за этого миссис Дигл подумала, будто он занят чем-то у себя на коленях, и это вызвало у нее новый взрыв гнева.

— Слушай! — закричала она. — Я тебе говорю, мне нужна эта собака. Я отведу ее в питомник, и ее там усыпят. Это будет быстро и безболезненно... по сравнению с тем, что мне хотелось бы сделать.

Скорее для того, чтобы отвлечь ее от возившегося у него под стулом Барни, чем из желания продолжить этот разговор, Билли спросил: — Ну... а что бы вы хотели сделать, миссис Дигл?

Ответ последовал немедленно.

— Я хотела бы сказать: «Ну, Барни... — начала она. — Иди сюда, милый Барни, и я задушу тебя собственными голыми руками...»

Все было кончено в долю секунды. Освободив шею из ошейника, Барни, услышав свое имя, вскочил на край стула Билли. Задержавшись лишь на мгновение на краю прилавка, он прыгнул дальше и встал пушистыми и еще немножко мокрыми передними лапами на плечи миссис Дигл. Оказавшись лицом к лицу со своим врагом, миссис Дигл взвизгнула и уронила керамическую голову, которая тут же разлетелась на тысячу осколков. Барии воспользовался случаем полизать ее в лицо; начав с подбородка, он двигался дальше, пока его язык не запутался в гуще ее рыжего парика. Тут он стал давиться, и от его содрогания оба рухнули на пол, где перепутались руки, ноги и лапы.

— Помогите! Помогите! — кричала миссис Дигл.

Тут же появились одинаковые фигуры Джеральда Хопкинса и мистера Корбена, которые натолкнулись друг на друга в стремлении помочь встать самому крупному вкладчику их банка.

— Уильям! — закричал гневно мистер Корбен. — Что здесь делает эта собака?

— Он увязался за мной от самого дома, мистер Корбен, — тихо ответил Билли. — Я ничего не мог поделать, и уже не было времени отводить его домой, потому что я и так опаздывал...

— Пельтцер, это банк, а не зоомагазин! — высказался Джеральд.

Мистер Корбен кивнул в знак согласия, потом обернулся к растрепанной миссис Дигл, которая пыталась сохранить достойный вид, приводя в порядок парик.

— Дорогая мадам, — проговорил он заботливо, — с вами все в порядке?

Ухватившись за это, миссис Дигл положила дрожащую руку на грудь.

— Сердце! — простонала она. — Я не выдержу такого потрясения... Мне нельзя волноваться...

Билли посмотрел на Кейт. На лице у нее было явно написано: «Ну если тебе нельзя волноваться, зачем ходить мутить воду?»

— Барни вас не укусил бы, миссис Дигл, — начал он.

— Ложь и отговорки! — ответила она. — Ты совсем как твой отец! Я слушаю его отговорки месяцами. Как он «забыл заплатить». Он неудачник, ненормальный и неудачник — слышишь?

Билли покачал головой, пытаясь возразить, но вмешался мистер Корбен.

— Пожалуйста, миссис Дигл, — успокаивал он ее. — Вы сами сказали, что вам нельзя волноваться.

— Я могу сказать, что я думаю о его никчемном отце и никчемной собаке, — прокричала она. — Это не волнение. Это общественный долг!

Джеральд одобрительно засмеялся.

— Я доберусь до мерзкого животного! — продолжала миссис Дигл, и сквозь белизну ее пурпурной шеи выступили синие вены. — Когда-нибудь, когда ты меньше всего будешь этого ожидать, я расквитаюсь!

Барни, совершенно не понимая угрозы, в ответ помахал хвостом.

Бросив последний, полный ненависти взгляд на всех вокруг, миссис Дигл удалилась из банка.

— Если я еще раз увижу эту собаку в банке, вы будете уволены, —сказал мистер Корбен, повернулся и пошел к себе в кабинет.

— Да, сэр, — кивнул Билли.

Джеральд Хопкинс пожал плечами и укоризненно улыбнулся.

— Надеюсь, он будет послушным — сказал он. — Иначе все может произойти скорее, чем вы думаете.

Повернувшись к своему окну, Билли стал мрачно размышлять о сегодняшних происшествиях. Если кривая и дальше будет так круто ползти вниз, к вечеру его ждут такие неприятности, которые выпадали на долю немногих смертных.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Могвай уже спал после того, как съел замечательную конфету, предложенную шумным незнакомцем. Вначале он подумал, что новое странное ощущение было началом вступления в страну сна, которое часто возникало после плотной еды. Клетка покачивалась так медленно, что он этого почти не замечал. Потом он услышал приглушенные голоса, как будто кто-то сознательно старался говорить тише. Эти звуки сопровождались появлением незнакомого шумового фона и внезапным изменением температуры. Крик ужаса, вначале застрявший у него в глотке, вырвался наружу. Его перевозили!

Теперь голоса заговорили быстро, как будто в панике, и покачивания клетки Могвая стали быстрыми и резкими, попытки сохранить все в тайне прекратились. Его бросало из стороны в сторону, и он, ощущая себя жертвой какого-то ужасного происшествия, попытался позвать китайца. Снова и снова он пробовал образовать и произнести слова незнакомого языка, которые он часто слышал, но из-за проблем своего вида, связанных с оплошностью Могтурмена, он мог издавать лишь полную бессмыслицу.

— Вогглухгурклллл... — кричал он. — Мевваффрумммлдрд...

Он уже думал, что тело развалится от тряски, когда клетка замерла. Пол накренился, но, по крайней мере, землетрясение закончилось. Дважды что-то хлопнуло,

заскрежетал и взревел двигатель машины, затем началось мягкое покачивание, и оно было бы даже приятным, не будь Могвай так напуган. Слезы пришли через несколько минут, когда он понял, что, наверное, никогда больше не увидит китайца.

— Не волнуйся, Подарок! — успокаивал его низкий голос. — Все будет хорошо.

Край рогожи поднялся снаружи, и через отверстие проник неоновый свет. Могвай вскрикнул, закрыл глаза руками. Рогожка быстро упала, и голос сказал : «Прости, дружок, я не сообразил... Наверное, он сказал правду... Но не волнуйся. Я буду осторожен. Мы все будем осторожны».

Это снова произошло. Он, конечно, знал, что это произойдет, поскольку по земным меркам он был абсолютно бессмертен. У людей такая короткая жизнь.Почему они не могут пожить подольше, чтобы в его существовании было меньше потрясений? Он жил у китайца почти сорок земных лет, видел, как он превратился из здорового и сильного молодого человека в жалкое подобие себя. К счастью, ум этого человека остался активным и быстрым; они понимали друг друга. Китаец знал правила, даже несколько слов на языке Могвая, и, казалось, понимал гораздо больше.

Перемены в жизни всегда погружали его в депрессию. Он старался не думать о многочисленных случаях, когда он чудом избегал смерти, потому что новый «хозяин» ничего не знал о его потребностях — или, зная, просто не желал их удовлетворять. Еще хуже были те, что узнавали о его возможностях и — как могут эти люди быть такими мерзкими? — просто пользовались им как источником развлечения. То, что они развлекались недолго, прежде чем им приходилось столкнуться с безумным ужасом, для него было слабым утешением. Ему просто был нужен просвещенный друг, понимающий его или такой же обязательный, как старый китаец.

Шумный человек, который теперь вез его Бог знает куда, не казался Могваю очень обязательным. Во-первых, он все время называл его «Подарком», как бы пытаясь заставить принять это как свое имя. Но этот человек знал, что его имя — Могвай, китаец ему об этом сказал. Может быть, это первый признак жестокой реальности, его нового положения — ему придется называться Подарком? Это звучало ужасно.

Бывало, конечно, хуже. Думая о прошедшем, пока

они куда-то потихоньку двигались, он вспомнил переправу через Китайское море — как раз перед тем, как он встретил своего хозяина-друга около сорока лет тому назад. Они тогда вырвались на свободу, и этого было не предотвратить. Его передернуло. Что произошло бы, если бы за несколько секунд до того, как в корабль попала торпеда, его не спас китаец? А до этого случай на военно-воздушной базе. Случай? Почти что трагедия мирового масштаба! Почему-то все это превратили в шутку, но Могвай думал иначе. Что, если *это* произойдет снова? Что он сможет сделать? Немного, как и в прошлом, поскольку мало чего было в его власти, когда *это* начиналось. Китаец был прекрасным хозяином: хотя ему никто ничего не говорил, казалось, он знал, как важно не допустить *этого*. Но еще важно было то, что он понимал: Могвай не возражал против ограничения свободы. Поэтому последние десятилетия были сравнительно спокойными. Китаец хорошо понимал, что несет ответственность за них двоих.

— Подарок! Подарок! Подарок! Дружок! — напевал шумный человек под гул двигателя машины. — Мы с тобой и с Билли прекрасно повеселимся!

Подарок (уникальная способность Могвая приспосабливаться к новым условиям помогла ему быстро свыкнуться с новым именем) вздохнул, прикрыл большими, похожими на зонтик ушами лицо и попытался уснуть. Начиналась новая жизнь, и ему просто не хотелось думать о ней.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как-то дождался Билли конца рабочего дня, во время которого самым неприятным, пожалуй, было видеть, как злорадно усмехается Джеральд Хопкинс — всякий раз, когда они встречались. Барни уснул под перегородкой и был пай-мальчиком до самого обеденного перерыва, во время которого Билли отвел его домой. Мистер Корбен отправился на обед, который давала Ассоциация Бизнесменов Три-Каунти, и отсутствовал до четырех часов. Казалось, он забыл о Барни и миссис Дигл. Кейт, красивая как никогда, была единственным источником зрительного и, поскольку он рассматривал возможность вскоре назначить ей свидание, духовного удовольствия.

К закрытию банка настроение у него немного поднялось, хотя перспектива ходить пешком, пока машина не выйдет из ремонта, его совсем не радовала. С другой стороны, ходить пешком во время Рождества одно удовольствие. Город празднично украшен, и кажется, что у всех, кого ты видишь, прекрасное настроение. Главная площадь Кингстон Фоллз была освещена огнями, когда Билли закрыл за собой двери банка и направился домой. У него был план пошататься и поглазеть на витрины магазинов в надежде найти что-нибудь необычное для мамы или папы. В последние годы стало трудно купить для них что-нибудь к Рождеству. Мама говорила, что «ей ничего не нужно», но всегда радовалась, когда наступало время открывать пакеты. У папы, конечно, или

уже было все необходимое, или он был с головой углублен в процесс изобретения этого. Но ему нравилась мысль, стоящая за хорошим подарком.

Подойдя к городской площади, Билли прошел сквозь ряды свежесрубленных елок, наслаждаясь терпким запахом хвои. Поскольку его мысли по-прежнему были заняты бурными событиями дня, он оказался превосходной мишенью для шуток Пита Фаунтейна. Украшенный, как рождественская елка, мигающими огоньками, висячими украшениями и серебряным дождиком, тринадцатилетний Пит стоял совершенно неподвижно среди деревьев, пока Билли не поравнялся с ним, оказавшись на расстоянии в несколько дюймов. Тут он резко схватил Билли за руку, и тот подпрыгнул от неожиданности.

— Привет, Билли! —зашелся в хохоте Пит. — Поймал тебя, да? Билли засмеялся.

— Да. Наверное, я думал о чем-нибудь другом, — он оглядел Пита с головы до ног.

— Как дела? — спросил он.

— Не спрашивай, — Пит пожал плечами. — Папа продает все это, а я просто изображаю елку.

Пока они шли по краю площади с рядами рождественских елок, Пит всякий раз демонстративно повышал голос и старательно проговаривал слова при виде потенциального покупателя.

— Рождественские елки! Покупайте их здесь! — выкрикивал он. — Любых размеров и форм! Купите дерево, такое же, как я!

Когда человек с каменным выражением на лице спешно прошел мимо, Пит добавил: — Эй, послушайте, сэр! Вы могли бы купить рождественскую елку... а?

Прохожий, глядя в землю, проигнорировал его.

— Наверное, у него есть алюминиевая, — сказал Пит громко. — Или он вешает лампочки на кошку!

Билли слегка улыбнулся, но упоминание о кошке вернуло его к мыслям о миссис Дигл и ее угрозе убить Барни. Неужели жизнь у нее такая горькая, что она действительно подумывает о том, чтобы сделать такое?

Отец Пита, его точная копия, только на тридцать лет старше, жестом позвал сына.

— Помоги мистеру Андерсону загрузить это в фургончик, — сказал он.

Билли подхватил высокую елку и вместе с Питом пошел к машине. Мистер Андерсон, пожилой человек, открыл кузов и положил туда елку.

— Спасибо, Билли! — сказал Пит.

Психолог по глазам Билли и тону его рассказа немедленно понял бы, что Пит выражает благодарность за что-то большее, чем помощь с елкой. Теперь, в период прыщавости, неуклюжести и полной неуверенности в себе, убежденный, что никто его по-настоящему не любит, Пит восхищался Билли, и это восхищение граничило с обожествлением. Отец относился к нему по-доброму, сверстники к нему не цеплялись. Они просто обращались с ним, как с вещью. Билли же, казалось, проявлял к нему интерес. Пит чувствовал, что, если бы захотел, мог бы поделиться с ним своей личной проблемой, попросить совета, и на него не стали бы смотреть, как на ничтожество или как на потенциального возмутителя общественного спокойствия.

Теперь, когда торговля шла не очень бойко и Билли был рядом, Пит решил, что настало подходящее время.

— Послушай, Билли, — сказал он. — Ты достаточно взрослый...

— Да, — улыбнулся Билли. — На следующей неделе я получаю первую пенсию.

— Я хочу сказать, у тебя большой опыт, да?

— Опыт в чем?

— Ну, с девушками.

— Конечно.

— Ты когда-нибудь назначал девушке свидание?

— Конечно. Самый лучший способ пойти с девушкой на свидание — это назначить его.

— Да, — пробормотал Пит. — Как ты это делал? То есть, что ты говорил?

Билли пожал плечами.

— Все зависит от девушки и от ситуации, — сказал он, принимая вид человека светского, но не пресыщенного. — Ты должен быть тверд. Уверен. Это должно звучать так, словно ты делаешь ей одолжение, назначая свидание.

— Да? — Глаза у Пита расширились и заблестели от этой новости.

— Конечно. Иначе ты начнешь слишком много говорить и нервничать. Никогда не показывай, что она тебе нравится.

— Понял, — кивнул Пит. — Может, стоит сразу поставить ее на место, обидев пару раз?

Билли засмеялся.

— Нет, это уж слишком. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Да нет, — соврал Пит. Потом, поправившись, сказал: — Ну, может быть, кто-нибудь и есть...

Билли засмеялся. Он протянул руку, пытаясь найти место на плече Пита, чтобы похлопать его и не наткнуться на елочные иголки.

— Расскажешь мне, как пройдет, — сказал он.

— Да, — ответил Пит, помахав рукой, когда Билли спустился с бордюра и пошел прочь.

Билли улыбнулся, вспоминая этот разговор по дороге. Почему жизнь не становится проще? Для Пита он мудрый и холодный молодой человек, который легко справляется с жизнью в целом и с женщинами в частности. Для себя-то самого он по-прежнему мальчуган тринадцати лет, у которого слова застревают в горле и фразы путаются в голове, прежде чем он успевает произнести их. И, тем не менее, сама мысль о том, что Пит считал его человеком светским и мудрым, настолько подняла ему настроение, что он решил зайти в кабачок Дорри.

Кейт, конечно, там еще нет, она обычно заходит домой переодеваться. Даже если она придет после того, как Билли выпьет кружку пива, важно сделать первый шаг — открыть дверь и войти. Раза два раньше он так делал, но выходил в подавленном настроении, увидев, что все мужчины в баре обращали внимание на Кейт. Она не отвечала им взаимностью. Она вела себя ровно, дружелюбно, даже шутила с ними, но никогда не шла на сближение. Вообще-то это должно было бы нравиться Билли. Вместо этого он печально думал, что если она отвергает этих остроумных удачливых мужчин, то ему нечего и надеяться.

Сегодня он твердо решил преодолеть свою неуверенность. Войдя в кабачок, он задержался в фойе, дожидаясь, когда глаза привыкнут к темноте. Отделанный внутри в стиле старинной ирландской таверны, кабачок был слабо освещен, в зале стояли небольшие деревянные столики, пол посыпан опилками. У длинного бара уже толпились молодые и средних лет мужчины, среди них было и несколько женщин. В углу собрались любители ярких и шумных видеоигр.

Найдя свободный столик, Билли сел, заказал пиво у самого хозяина, Дорри Дугала — настоящего ирландца с волосами песочного цвета. Минут через десять, начиная расслабляться, он вынул блокнот, который носил

всегда с собой, и стал рисовать. Скоро сквозь сумятицу штрихов начало проступать что-то знакомое, и на бумаге появился мускулистый воин, схватившийся в поединке с гигантским ужасным драконом, морда которого была настолько точной копией лица миссис Дигл, что это вряд ли оказалось простым совпадением. Воин защищал молодую принцессу, которая явно напоминала Кейт Беринджер. Несмотря на плохое освещение, рисунок удался. Билли был доволен результатом. Он внимательно рассматривал свою работу, как вдруг тень, упавшая на рисунок, вернула его к действительности.

— Здорово! — услышал он голос исполненный сарказма. — Миру, впрочем, всегда были нужны безработные художники.

Это был Джеральд Хопкинс. Поскольку рабочий день закончился, он расстегнул две нижние пуговицы костюма-тройки и слегка ослабил галстук. Не дожидаясь приглашения, он уселся напротив Билли, снисходительно улыбнувшись.

— Кстати, о безработных. Угадай, кто сегодня чуть не попал в их число?

— Сдаюсь, — холодно сказал Билли.

— Ты, — сделав длинную паузу, чтобы информация достигла цели, он продолжил. — Но мистер Корбен передумал. Он становится сентиментальным в праздники.

— Могу себе представить.

— Да! — огрызнулся Джеральд. — Я бы тебя уволил немедленно.

— И вас с Рождеством, — парировал Билл.

— Ты думаешь, с моей стороны подло даже думать о том, чтобы увольнять кого-либо, так? — спросил Джеральд. — Так послушай. Мир жесток. Чтобы пробиться, нужно быть жестким. Именно поэтому я вице-президент в двадцать три года. Через два-три года я получу место мистера Корбена. А когда мне будет тридцать лет, я буду миллионером. А ты в тридцать лет останешься ни с чем!

Билли пожал плечами.

— Благословляю тебя, Джер, — сказал он спокойно.

— Не называй меня так. Меня зовут Джеральд.

— Конечно, Джер.

В этот момент мимо прошла Кейт с подносом и напитками. На ее переднике большими зелеными буквами было вышито: «КАБАЧОК ДОРРИ». Джеральд повернул

голову и щелкнул пальцами в ее направлении. Напряженно улыбаясь, она подошла к столику.

— Мне ирландский кофе! — заказал Джеральд. — Но не наливайте виски в кофе. Принесите его в отдельном стакане, я сам смешаю.

Кейт кивнула и посмотрела на Билли.

— Тебе принести что-нибудь? — спросила она.

— Спасибо, ничего, — сказал он.

Взглянув на рисунок у него на коленях, она склонила голову набок и улыбнулась.

— Мне кажется или отсюда действительно исходит враждебность? — спросила она хитро.

— Враждебность есть, таланта нет, — ответил Джеральд.

— Наверное, это хорошо, — сказала Кейт.

— Значит, вам еще нравятся комиксы, — огрызнулся Джеральд.

Билли, несколько смущенный похвалой Кейт и подавленный высокомерием Хопкинса, попытался сменить тему. Но фраза, которую ему удалось выдавить, была пустой и содержала настолько очевидную истину, что на этом не преминул отыграться Джеральд.

— Ты, значит, работаешь сегодня, — сказал Билли, обращаясь к Кейт.

— Да нет же, дурачок! — хохотнул Джеральд. — Она демонстрирует передники.

— Я здесь каждый вечер в будни, — сказала Кейт, делая вид, что не замечает его. — Дорри не приходится платить еще одной официантке.

— Бесплатно? — сказал Джеральд. — Ты работаешь бесплатно! А если все станут так делать? Это смешно! Наверняка какой-нибудь молодой мамаше пригодились бы эти деньги.

— Дорри нужно экономить как можно больше денег, иначе миссис Диггл очень скоро закроет это заведение. Поэтому все стараются помочь. Дело не в том, чтобы отобрать у кого-то оплачиваемую работу. Если это заведение закроется, многие останутся без работы.

— По-моему, это замечательно, — сказал Билли.

— Это неразумно с точки зрения экономики, — проворчал Джеральд. — Если бизнесмен не может обойтись без благотворительной помощи, он заслуживает банкротства.

— Я принесу вам ирландский кофе, — сказала Кейт и повернулась, чтобы уйти.

— Минуточку, — сказал Джеральд мягче. — Не стоит так обижаться из-за того, что я практичен. Вообще-то вы делаете замечательное дело.

— Спасибо, — ответила Кейт.

Джеральд коснулся ее руки.

— Послушайте, Кейт, — его глаза выжидательно прищурились, — вы не видели моей новой квартиры?

— Я не видела и вашей старой квартиры! — парировала она.

— Действительно! — быстро ответил он. — Свет был выключен.

Увидев в ее взгляде гнев, Джеральд принужденно засмеялся.

— Я пошутил, — сказал он. — Но, может быть, мы поужинаем завтра вечером вдвоем?

— Мне бы очень хотелось, но я должна работать.

— Скажите Дорри, что заболели. Он не станет вас выслеживать.

Кейт невесело улыбнулась, покачала отрицательно головой и отошла. Джеральд смотрел ей вслед жарким похотливым взглядом. Потом он вернулся к Билли с видом заговорщика.

— Как ты думаешь, есть у нее что-нибудь с Дорри? — спросил он.

— С Дорри? — Билли засмеялся. — Ему за сорок, он ей в дедушки годится.

— Так почему же она работает бесплатно?

— Вы когда-нибудь слышали о рождественском настроении? — спросил Билли с вызовом.

— Только в связи с бутылкой, — улыбнулся Джеральд.

— Мне вас жаль.

— Зря.

Билли проглотил остатки пива, бросил на стол доллар и встал.

— Это для Кейт, — сказал он. — И спасибо большое за выпивку, Джер.

— Я же предупреждал, чтобы ты меня никогда не...

Билли не услышал конца фразы — он был уже почти у двери. Когда он протянул руку, чтобы толкнуть ее, Кейт, выйдя из задней комнаты, направлялась за стойку. Она тепло улыбнулась ему и подмигнула.

На улице было прохладно, но Билли не чувствовал этого по дороге домой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Линн Пельтцер немного нервничала в преддверии Рождества. Раньше с ней такое было не всегда. Она родилась в пригороде Питтсбурга и росла совершенно обычным ребенком в семье среднего достатка. Рождество радовало ее, поскольку она обычно получала новую одежду и какие-то особые подарки. Ей и самой нравилось выбирать подарки для других, предвкушая радость, с которой их будут открывать. Не будучи особенно верующей, она любила этот религиозный праздник еще и потому, что он был символом новых надежд, добра и щедрости.

Только после встречи с Рэндом Пельтцером Рождество стало у нее ассоциироваться с опасностью.

Они оба не хотели, чтобы это было так. Почти четверть века назад, когда они поженились, оба сильно надеялись, что когда-нибудь фотография Рэнда появится на обложке журнала «Тайм». Он не учился в колледже, но когда он запатентовал простое устройство, которое упростило маркировку принимаемых прачечными вещей клиентов, казалось, что он на верном пути. Последовав совету сладкоголосого друга, Рэнд бросил работу в отделе спортивных товаров большого магазина и «вложил деньги в себя», как он выражался. Он всю жизнь мечтал стать вторым Томасом Эдисоном и всецело стремился к этому. Деньги скоро кончились, большинство изобретений пылилось дома на полках, и в конце концов ему пришлось найти работу и начать продавать то, что сде-

лали другие. Но Рэнд не сдавался. Работая в свободное время, он продолжал придумывать и конструировать новые инструменты на благо общества.

Проблема была в том, что вначале они обычно испытывались на Линн, почти всегда появляясь в качестве рождественских подарков.

В первый год Линн получила автоматическое «безболезненное» устройство для прокалывания ушей в домашних условиях. В результате на «Скорой помощи» ее доставили в больницу. Повязки с ушей ей разрешили снять, когда про Рождество все давно уже забыли. В следующий раз, после применения улучшенной жидкости для снятия лака у нее на ногтях выросло нечто странное и жесткое, державшееся несколько месяцев. Все другие устройства — например, разделыватель ананасов, автомат для полировки обуви, метла, способная проникнуть куда угодно и приспособление для чистки рыбы — аккуратно заворачивались и дарились на Рождество. Их покорно испытывали, терпели неудачу, и они забирались для «усовершенствования». Большинство из них, к счастью, больше не увидели света. Рэнд добродушно качал головой и терпел шутки, вызванные его неудачами, но огонь вдохновения никогда не гас в его глазах.

Линн думала о том, что же будет в этом году. Она испытывала не опасения, а неуверенность. Неплохо было бы подготовиться, если это вообще возможно.

На самом же деле проблема, по ее мнению, заключалась в том, как сказать Рэнду, чтобы он перестал испытывать на ней свои технические новинки. Она любила этого великана, и если бы он отказался от своей неудобной привычки изобретать, это убило бы ее. Но чувство любви к мужу не уменьшало ее беспокойства, нараставшего по мере приближения ежегодного дня подарков.

— Все будет хорошо, — сказала она себе вслух и добавила с оптимизмом: — В прошлом году все обошлось с аппаратом для нарезки помидоров. Мы за день отмыли потолок, стены, потом, правда, долго чистили одежду, но это же пустяки, главное — все остались живы.

Вынув мясо из духовки и поставив его на стол, она прошла в гостиную, взглянула на себя в зеркало. Модная укладка, прядь седых волос над молодыми глазами, лицо, на котором не так уж много «характерных линий» (вряд ли стоит их пока называть морщинами), — нет, она неплохо сохранилась для своих сорока семи лет. Она

была достаточно довольна жизнью и хорошо сознавала, что все бурные события, уготованные ей судьбой, видимо, уже позади. Но она часто задумывалась, а что, если бы в семье зарабатывал на жизнь не Рэнд, а она. Рэнд был цепкий, но она была борцом. Он выбирал извилистые тропинки, она предпочитала идти прямым путем. Иногда Линн представляла, как бы себя вела, родись она на несколько десятилетий позже. Наверное, ее призвали бы в армию, и ей пришлось бы сражаться за свою страну. Как ни странно, эта мысль скорее интриговала ее, чем отталкивала или пугала.

— Теперь поздно! — промолвила она, взглянув на часы.

Билли уже опаздывал на ужин, даже если учесть, что ему пришлось возвращаться домой пешкóм. Что касается Рэнда, никогда нельзя знать, когда он вернется.

Через минуту она услышала, как открывается парадная дверь, и тут же из гостиной послышался удар от падения какого-то предмета. Опять эти скрещенные мечи, вздохнув, подумала Линн. Положив кусок мяса на поднос, она направилась к прихожей.

Билли как раз поднимал мечи с пола и возвращал их на непрочные подставки, сконструированные Рэндом в минуту вдохновения. («Каждый может вбить гвоздь в стену и прикрепить эти мечи, — говорил он. — Но нужен гений, чтобы создать декоративную подставку, которая не портит штукатурку».) Несомненно, подумала Линн, глядя, как Билли аккуратно восстанавливает баланс сил на стене, подставка красива и не портит стену. Но с каким же грохотом эти мечи падают на пол, особенно ночью.

— Привет, ма! — улыбнулся Билли, снимая куртку и намереваясь бросить ее в кресло. Поколебавшись, он повесил ее в шкаф в коридоре.

— Ужин готов, — сказала она.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас приду.

— Прежде чем ты пойдешь...

Он подождал, стоя в дверях. По ее лицу было видно — что-то произошло, не трагедия, но явно что-то неприятное.

— Днем звонила миссис Дигл, — начала Линн.

— О, — Билли прошел на кухню.

— Я знаю, она ужасный человек, Билли, но, по-моему, ты перестарался, делая все, чтобы рассердить ее.

— Нет, мама. Просто она злобная и пытается достать меня. Ей нравится всех доставать.

— Она сказала, что ты разбил ее керамического снеговика.

— Он уже был сломан. Наверное, Барни просто наткнулся на него. Она тебе не говорила, что я спас одну из ее кошек от машины?

— Нет.

— Видишь? Она выбирает всегда только плохое.

— И все же...

Звук распахиваемой двери прервал их разговор, который все равно потонул бы в громовом голосе Рэнда. «Тихая ночь, святая ночь! — горланил он в несвойственном для старой песни ускоренном темпе. — Фа-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля!»

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказала Линн тихо. — При отце.

— У нас еще есть минутка, — сказал Билли с улыбкой, — пока он ставит мечи на место.

Как бы в ответ вслед за звуком захлопнувшейся парадной двери снова раздался грохот металла. Рэнд запел громче, было слышно, как меч снова возвращается на свою неустойчивую подставку.

«Спи в божественном мире! Фа-ля-ля!»

Улыбающийся, полный энтузиазма Рэнд появился на кухне, нагруженный свертками. Положив их аккуратно на кухонный стол, он поцеловал Линн, обнял Билли и погладил Барни по голове.

— Удачно съездил? — спросила Линн.

— Удачно, — ответил он. — «Миракл», компания, которая производит «Товарища для кухни», может заинтересоваться «Товарищем для ванной». Но там есть пара недоделок, которые мне нужно исправить.

Линн подозревала, что это не удастся продать. Но они пробьются, а Рождество — неподходящее время для долговременных экономических прогнозов. Можно с ума сойти. Хорошо, что Рэнд дома сейчас, это главное.

Он взял со стола пакет и бросил ей. Линн, вздрогнув, автоматически поймала его.

— Это так, — сказал Рэнд, — не настоящий подарок. Настоящий ты получишь позже.

— О, спасибо, — пробормотала она, ставя цветок в горшке на раковину. — Очень красиво.

— А что в остальных свертках? — спросил Билли.

Рэнд вернулся к столу.

— Это подарки тебе и маме, которые нельзя открывать до Рождества, — ответил он. — А этот не может ждать.

Он осторожно поднял клетку, покрытую рогожей.

— Что это? — спросил Билли. — Что-то живое?

— Выключите свет, — сказал Рэнд. Потом, вспомнив, что единственный источник света в кухне — яркая лампа накаливания наверху, покачал головой. — Нет, проще перейти в гостиную.

— Наверное, он купил мне летучую мышь, — засмеялся Билли и вышел вслед за отцом из кухни.

Поставив клетку на кофейный столик, Рэнд оценил освещение гостиной.

— Все равно слишком ярко, — сказал он. — Где этот затемнитель, который я сделал?

Линн нервно сглотнула.

— Я поставила его в ящик, — объяснила она. — Он искрил, а когда его включили, свет все время мигал.

— Ты не умеешь с ним обращаться, — сказал Рэнд, заглядывая в ящик.

— Да ладно, — сказал Билли. — Я уменьшу свет.

Рэнд махнул рукой, чтобы он оставался в кресле.

— Послушай, — заявил он мягко, но решительно. — Я стараюсь и делаю эти вещи, чтобы мы могли расслабиться. Эти приспособления облегчают жизнь, понимаешь? Какой смысл иметь их, если ты продолжаешь все делать по старинке?

С этими словами он указал на приспособление, похожее на фонарь, которое он только что разместил на ближайшей лампе.

Задрожав и издав громкий хлопок, будто она была целью невидимого снайпера, лампа погасла, и ее остатки со звоном упали на крайний стол, погрузившийся в темноту.

— Ничего, — пробормотал Рэнд. — Эта лампочка все равно бы скоро перегорела.

— Я уберу потом, — успокоила его Линн. — Давай вначале посмотрим, что в пакете.

— Да, — поддержал Билли. — Я впервые получу подарок, который светится в темноте.

Встав на колени около крайнего стола, он протянул руку и осторожно поднял рогожку. Существо было покрыто коричневой шерсткой с белыми пятнами, ростом около восьми дюймов, с длинными остроконечными ушами и огромными выразительными карими глазами. Оно

стояло прямо, как маленький человечек, одетый в темный, облегающий костюм из пушистого меха и укрывающий все, кроме кончиков ушей, кончиков четырех пальцев на руках и четырехугольного пространства, на котором находился влажный, приплюснутый, но и широкий, впалый рот старика, отдыхающего от вставных челюстей. Существо издавало низкий звук, довольно навязчивый и призывный.

— Что это? — спросил изумленный Билли.

— Твой новый зверек, — ответил отец.

— Он похож на какое-то австралийское животное, — сказала Линн, подходя к клетке. — Или китайское, из континентального коммунистического Китая. У них там много животных, которым не дают выездную визу.

Барни искоса посматривал на своего нового товарища, отойдя на несколько шагов. Тот казался добрым и ласковым, но, по опыту общения с белками, пес знал, что от хорошеньких зверьков только и жди самых дьявольских козней. Из груди Барни невольно вырвалось низкое ворчание.

— Ну, Барни, — засмеялся Билли. — Успокойся. Он тебя не тронет.

Повернувшись вновь к странному зверьку, Билли просунул палец сквозь прутья и осторожно потрогал его. К его удивлению зверек не оскалился и не сжался. Мех его был мягким и шелковистым, как у персидской кошки.

— Где ты его нашел? — спросил Билли.

— В лавке старой рухляди в Чайнатауне. Пришлось выложить за него кругленькую сумму.

Линн внимательно посмотрела на зверька.

— На него были бумаги? — спросила она.

Рэнд покачал головой.

— А если у него бешенство или еще что-нибудь такое, — продолжила жена. — Ему надо делать прививки? Он дрессированный?

— Я думаю, мы скоро это все выясним, — пробормотал Рэнд. — Дорогая, у меня нет времени проверять это. Я боялся, что его не пустят в самолет. Мне и так пришлось проносить его в самолет в чемодане с одеждой. Не волнуйся. Все будет в порядке.

Но Линн не успокаивалась.

— А что, если это один из видов крыс или еще чего-нибудь такого? — возмущенно сказала она. Билли, пощекотав Подарка под подбородком, искоса посмотрел на мать.

— Нет, он слишком симпатичен для крысы, — сказал он.

Линн пожала плечами.

— Он симпатичный, это да, а вот как насчет какой-нибудь заразы — есть у него или нет? И кстати, ты уверен, что он — это «он»?

— Китаец сказал мне: «он», — ответил Рэнд.

— Он кто? — спросил Билли. — Он не сказал, что это за зверь?

— Сказал. Могвай...

— Что это такое?

— Не знаю. Думаю, это что-то по-китайски. Во всяком случае, мы можем назвать его Подарком. Хорошо?

— Ладно, — сказал Билли. — Не хуже всякого другого имени, и поскольку мы не знаем, кто это, имя подходит.

Подарок, уже освоившийся в своей новой семье, начал напевать своим неземным фальцетом. Все трое были в восторге, им очень понравился этот звук, и Билли зааплодировал. Только четвероногий член семьи все еще был начеку и держался позади.

— Ну, с Рождеством! — сказал Рэнд.

Билли обнял его.

— Спасибо большое, папа, — сказал он, улыбаясь. — Это действительно замечательный подарок.

— Рад, что тебе понравилось, сын!

Когда Линн увидела, как Билли вынимает зверька из ящика и прижимает его к груди, ей захотелось заснять это момент на пленку. Быстро открыв ящик, она достала свой фотоаппарат «Инстаматик», отступила на несколько шагов и посмотрела в видоискатель.

— Ну, улыбнись! — сказала она.

Когда Подарок потянулся и лизнул Билли в щеку, Линн нажала на кнопку. При вспышке Подарок испустил дикий крик, прыгнул через плечо Билли и, жалобно скуля, забрался за диван.

— Что случилось? — спросила Линн.

— Я забыл тебе сказать, — ответил Рэнд. — Малыш боится яркого света. Поэтому я уменьшил свет, но я забыл про вспышку.

С этими словами он пошарил под диваном и нащупал лапу Подарка.

— Ну, малыш! — успокаивал он его. — Все в порядке. Все будет хорошо. Мы больше не будем. Обещаю!

Уговоры успокоили Подарка, и он позволил вытащить

себя из уютного темного убежища под диваном. Он уже не пел, но еще дрожал.

— Наверное, он все еще напуган, — сказал Билли. Он ласково погладил Подарка по голове.

— Я должен был сказать тебе про свет, — сказал Рэнд. — Есть еще несколько правил относительно этого зверька. По крайней мере, так сказал мальчик-китаец. Правило номер два — его нужно держать подальше от воды. И правило номер три — никогда не кормить его после полуночи.

Линн рассмеялась.

— Просто бред какой-то, — сказала она. — Какая разница, когда он будет есть?

— Не спрашивай меня, — ответил Рэнд. — Я тебе говорю только то, что мне сказали.

Линн встала.

— Ладно, мы с этим справимся. Я только надеюсь, что его не надо каждый вечер кормить мягким филе.

— Нет, он ест все, — сказал Рэнд. — Никаких ограничений в этом. Кстати, дед мальчика сказал, что он ел даже картон, эти белые штуки, которые запихивают в коробки при упаковке, и резиновую губку. Может быть, у него желудок, как городской мусоросжигатель.

— Он ел губку? — переспросил Билли.

— Так сказал этот человек.

Билли подошел к полке для журналов рядом с диваном и достал оттуда мятый кусок картона. Скатав шарик, он предложил его мохнатому зверьку.

— На, Подарок, — сказал он. — Закуси-ка этим.

Подарок понюхал мягкую белую массу. Много лет назад, повинуясь своей прихоти, он решил повеселить китайца, съев безвкусный предмет. Ему нравилось смотреть, как старик радуется, к счастью, эта радость не навязывалась слишком часто. Ибо у китайца было чувство ответственности и самоконтроля. Быстро оценив новую ситуацию, Подарок серьезно засомневался в том, что эти люди обладают таким чувством. Если сейчас им уступить, они начнут подсовывать ему всякое несъедобное барахло просто из желания поразвлечься. Нет, сейчас был самый подходящий момент, чтобы научить новых хозяев поступать правильно. Отвернувшись, он отказался что бы то ни было делать с картоном.

— Наверное, он не голоден, — сказал Билли. — Или китаец тебя надул.

Линн вернулась из кухни с маленьким кусочком мяса в ладони.

— Посмотрим, что он сделает с этим, — сказала она.

Подарок понюхал, вздрогнул от радости, потом схватил замечательный кусок и заставил себя жевать медленно, чтобы как следует насладиться. Когда он проглотил мясо, то снова начал довольно напевать.

Казалось, семья была довольна. Подарок тоже был доволен. По крайней мере, в этой компании ему уже не придется глотать ничего, имеющее привкус бензина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дни, оставшиеся до Рождества, незаметно пролетели для всех, кроме учеников средней школы Кингстон Фоллз. Из-за сильного раннего снегопада в ноябре занятия были отменены почти на неделю, и предрождественские каникулы сократили на два дня, поэтому уроки казались бесконечными. Если детям не нравилось такое положение дел, Рою Хэнсону это нравилось еще меньше. Завладеть их вниманием было трудно даже в самых благоприятных условиях; пробиться через стену летаргического сна накануне Рождества было невозможно.

Но надо было пытаться. Рой Хэнсон считал это одной из трудностей в работе учителя, а преодолевать трудности ему нравилось. Он был первым в округе учителем-негром привилегированной частной школы, но ушел оттуда три года назад и стал всего лишь вторым учителем-негром в Кингстон Фоллз. Теперь, в возрасте тридцати четырех лет, он был признан одним из лучших преподавателей биологии и естественных наук. Высокий и крепко сложенный, он был учителем, с которым лишь немногие ученики решались спорить. Телесные наказания в общественных школах были, разумеется, в прошлом, но иногда Хэнсона так выводил из себя какой-нибудь непослушный ученик, что некоторые опасались их возрождения. Держать учеников в несколько нервозном состоянии — особенно потенциальных нарушителей — входило в планы Хэнсона, и обычно это срабатывало. Вскоре ему уже не приходилось говорить на фоне чьей-то болтовни и уж, конечно, никто не пытался умничать и острить. Именно этого он и добивался.

Конечно, всему был предел. Он мог завладеть их вниманием, но не обязательно их интересом. Осознав это, он решил отложить изучение кровеносной системы лягушки и провести иллюстрированную беседу, которую он спланировал заранее и которая была посвящена «новым» животным. Это была его любимая тема, и он проводил по ней собственные исследования. Он надеялся когда-нибудь продать результаты своих трудов в виде статьи или монографии в научный журнал. Он понимал: если эта тема могла пробудить его учеников от летаргии, значит, в ней что-то было.

— Мы много слышим об исчезновении видов животных, — начал он, — но мы редко слышим о том, что совсем недавно были открыты новые виды. В 1812 году ученый по имени Жорж Кювье объявил, что все виды, существующие на Земле, уже открыты. Но он ошибался.

Нажав на кнопку для смены слайдов, он показал фотографию животного, похожего на оленя, с длинными витыми рогами.

— Кто-нибудь знает, как называется это существо? — спросил он.

Никто не знал.

— Оно называется окапи, и это — близкий родственник жирафа. Человек впервые увидел живого окапи в 1900 году.

Он поменял слайд.

— Кто-нибудь знает, как называется это животное? — спросил он.

Никто не знал.

Он рассказал им про горного ньяла, гиппопотама-пигмея, дракона Комодо, андского волка, конголезского павлина, длинноносого пекари, которые все были открыты — или заново открыты — в двадцатом веке. Никто ничего не знал, и никто не задавал никаких вопросов.

Кроме Пита Фаунтейна.

— Мистер Хэнсон, — сказал он.

Хэнсон кивнул, втайне благодарный за то, что кто-то извлек из его лекции нечто большее, чем двадцать минут сна наяву.

— Да?

— А если открыть новое животное, что-нибудь платят?

Рой Хэнсон подумал, что это на удивление хороший вопрос. К своему смущению, он не знал ответа.

— Я думаю, тут могут быть разные ситуации, — ответил он. — Вероятно, если найти животное, которое окажется полезным правительству или потребуется какому-нибудь зоопарку, то его можно продать за хорошие деньги. Но большинство ученых больше интересует слава, связанная с таким открытием.

— Но это означает деньги, да? — настаивал Пит. — То есть они могут выступать на телевидении и рекламировать пищу для домашних животных и все такое.

Класс захихикал, Рой Хэнсон улыбнулся, и Пит просиял, потому что пошутил, не вызвав при этом гнева учителя.

Вопрос Пита был началом цепной реакции. Один ученик спросил, куда можно податься в надежде найти новый вид; другой спросил, как можно узнать, «новое» ли это животное или же просто что-то незнакомое, чего сам раньше никогда не видел. Все это было, конечно, чисто теоретической дискуссией, потому что практически не было никакого шанса встретить новый вид. Живой интерес к теме был такой редкостью, что Рой Хэнсон поддерживал дискуссию, пока звонок не возвестил об окончании урока.

— Завтра мы вернемся к лягушке! — объявил он, улыбнувшись, когда класс испустил стон, которого следовало ожидать.

Вернувшись к бумагам на своем столе, краем глаза он увидел, как собирается уходить Пит Фаунтейн, улыбнулся и слегка махнул ему.

Пит слегка улыбнулся в ответ, это было самое большее, что он мог сделать без риска быть обвиненным в подхалимаже. На улице у него сохранялось хорошее настроение, поскольку он привлек внимание и вызвал обсуждение. У него было такое хорошее настроение, что он решил зайти к Биллу Пельтцеру после того, как побудет несколько часов рождественской елкой.

Последние дни Билли вставал рано и возвращался домой, как только заканчивал работу в банке. Причиной тому был, конечно, Подарок. Это было такое замечательное существо, что Билли хотел постоянно быть с ним. Оно было очень ранимо. Однажды, бреясь (а Подарок с удовольствием наблюдал за ним), Билли случайно повернул зеркало так, что в нем отразился свет из коридора. Громко закричав, когда яркий луч ослепил его, Подарок свалился вниз головой со стола Билли в мусорное ведро.

Когда Билли подбежал к нему, маленький зверек был весь в синяках, у него шла кровь, и он дрожал от страха. Ему было так плохо, что даже Барни, который все еще дулся от ревности, завыл из солидарности. Билли перевязал рану, долго его успокаивал и убаюкивал, пока он не уснул.

На следующий день Подарку стало намного лучше, и Билли был рад тому, что не надо нести его к ветеринару, который не знал бы, что это за зверь.

— Мама, присмотри за Подарком, ладно? — крикнул Билли, уходя из дома на работу.

— А что? — спросила она. — Он же в клетке.

— Да, но с этой раной на голове и вообще...

— Хорошо, я время от времени буду заглядывать, чтобы узнать, как он там, — пообещала она.

— Спасибо, мама!

Он рано пришел на работу, такая привычка у него появилась после случая с миссис Дигл. Дверь в кабинет Роланда Корбена была открыта, но оказалось, что в банке никого нет. Услышав шорох бумаги, он повесил пальто и осмотрелся в поисках источника звука.

— Билли? — услышал он шепот Кейт.

Она была в кабинете Корбена. На столе была большая карта Кингстон Фоллз, достаточно подробная, содержащая каждую улицу, дом и учреждение. Некоторые здания были отмечены красным, они все попали в участок, обведенный черной пунктирной линией. Кейт смотрела на карту, губы ее были сжаты, глаза горели.

— Ты видел? — спросила она.

Билли пожал плечами.

— Кингстон Фоллз, — пробормотал он. — Да, я там бывал.

Она не оценила его юмор.

— Посмотри на то, что отмечено красным, — сказала она.

— Что это значит? — спросил он.

— Это дома тех, кто платит ренту миссис Дигл или арендует у нее что-нибудь. Большинство из них — люди без работы, те, кто бедствует или просто не может платить. А миссис Дигл этим пользуется.

— Как? Она не может выгнать сразу их всех.

— Ну да, не может.

— Но кто же тогда будет платить ренту?

— Ей не нужны деньги. Похоже, ей нужно все прибрать к рукам. Вот, — Кейт указала пальцем на одну из площадей. — Твой дом отмечен красным, и мой тоже.

— Да. Но папа не так много задолжал. За пару месяцев всего лишь.

— Моя семья тоже. Мы вообще в лучшем положении.

— Тогда что же означает красный цвет?

— Я думаю, он означает собственность, которой она может распорядиться немедленно, если захочет. Это как-то связано с опционами.

— Но что она будет делать со всем этим?

— Она хочет завладеть всем...

— Зачем? Для чего?

— Я слышал, как они разговаривали в кабинете несколько дней назад, — прошептала Кейт. — Миссис Дигл встречалась с президентом «Хайтокс Кемикал». Она хочет продать им землю.

— И тогда они смогут построить здесь завод? — пробормотал Билли, ошеломленный.

Кейт кивнула.

— Это для нее — как большая игра в монополию, — сказал он. — Мы — просто листочки бумаги, которые продаются и покупаются.

— Ты понял, — ответила Кейт. — Мы должны остановить ее, Билли.

— Мы с тобой?

— Хотя бы. Кто-то должен что-нибудь сделать.

— Да, но что?

— Вот и я говорю — что? — спросил знакомый голос.

Ответ на вопрос Билли пришел не от Кейт, а от Джеральда Хопкинса, который тихо вошел, пока парочка стояла, склонившись над картой. Когда они повернулись и посмотрели на него с удивлением и замешательством, он торжествовал. Хотя бы на мгновение они были в его власти.

— Шпионите, да? — он улыбнулся.

Кейт и Билли просто смотрели на него, поскольку не было никакой возможности отрицать очевидное.

— Мистер Корбен не любит служащих, которые шпионят, — сказал Джеральд, медленно снимая пальто и вешая его в шкаф. Наслаждаясь игрой в кошки-мышки, он посмотрел на Кейт, прищурившись. — Но, может быть, мне не стоит говорить ему об этом, — добавил он со значением.

Кейт не ответила.

— Вы заняты сегодня вечером? — спросил Джеральд.

— Я занята каждый вечер! — ответила она. Вскинув голову, она выскочила из кабинета.

Джеральд мрачно смотрел ей вслед. Потом, повернувшись к Билли, он выдавил улыбку.

— Она мне нравится, — сказал он. — Крутая. Как я.

— Совсем, как вы, Джер, — ответил Билли насмешливо.

— Я тебя просил не называть меня так.

— Извините, Джер. Я все время забываю. — Билли улыбнулся и вышел из кабинета.

Хотя Билли много думал об этом в течение дня, у него не было возможности обсудить возникшую проблему с Кейт. Неужели их выбросят на улицу? Если да, то где же они найдут такое хорошее место, как их нынешний дом? В конце рабочего дня Билли пошел прямо домой, надеясь найти утешение в общении с Подарком или в новом комиксе, над которым он работал.

Придя домой, он поднялся наверх, чтобы проведать Подарка, который спокойно спал со счастливой улыбкой на лице. Почувствовав себя лучше, он вернулся в кухню, чтобы найти что-нибудь вкусненькое.

В холодильнике не было ничего интересного. Он вздохнул.

— Возьми апельсин, — предложила ему мать.

Билли пожал плечами, взял из холодильника апельсин и осторожно подошел к необычного вида приспособлению, стоявшему на столе.

— Наверное, сейчас можно им воспользоваться, — улыбнулась Линн, явно почувствовав его нервозность. — Отец повозился с ним вчера вечером, и оно замечательно очистило апельсин.

— Один апельсин, — сказал Билли с улыбкой. — Из скольких?

— Не спрашивай, — сказала она.

Снова пожав плечами, он открыл крышку устройства, на боку которого было написано «Очиститель-соковыжималка Пельтцера», поставил переключатель на «ОЧИСТИТЬ» и положил апельсин в специальную мисочку из нержавеющей стали. Закрыв крышку, он нажал на кнопку «ПУСК».

Прибор начал дрожать и булькать. Билли отошел на несколько шагов, по опыту зная, что папины машины могут внезапно окатить чем-нибудь. Из аппарата медленно выползла совершенно сухая спираль кожуры.

— Ого! — воскликнул Билли — Он прекрасно очистил его.

Машина выключилась, и Билли открыл крышку.

Внутри ничего не было.

— Где мой апельсин? — спросил он, поворачивая машину набок, тряся ее, стуча по бокам.

— Он должен быть в крышке, — сказала мать.

— Нет, — ответил он. — Его там нет. Эта чертова штука очистила апельсин, а потом сама его съела.

— Возможно, так и должно быть, — засмеялась Линн. — Это автоматическое устройство для поедания апельсинов.

Они все еще смеялись, когда раздался стук в парадную дверь.

— Кто-нибудь есть дома? — спросил Пит Фаунтейн, просунув голову внутрь.

— Конечно, заходи, Пит — сказал Билли.

— Я принес вам то дерево которое, понравилось твоей маме на днях, — сказал он, втаскивая шотландскую сосну.

Поставив на место упавший меч, они установили дерево и рассмотрели его.

— Наверное, мне надо успеть украсить его до того, как отец вернется домой, — сказала Линн. — Мне кажется, он возился с чем-то, что может автоматически вешать украшения, и мне бы не хотелось участвовать в испытаниях.

— Хотите, мы вам поможем? — спросил вежливо Пит.

— Не обязательно. Но спасибо, — сказала она. — Идите лучше наверх посмотреть на Подарка.

— Точно! — улыбнулся Билли и щелкнул пальцами. — У меня новый зверек.

— Да? — сказал Пит. — Какой?

— Не знаю. Никто не знает.

— Да брось, — сказал скептически Пит.

— Я не шучу, — настаивал Билли. — Пошли наверх, сам увидишь.

По дороге наверх Пит сказал тоном заговорщика:

— Я вчера звонил Мэри Энн Фабрицио. Назначил ей свидание.

— Да? Ну, и как? — спросил Билли.

— Ну, я старался, чтобы мой голос звучал уверенно и четко, прямо как ты говорил. Но когда она ответила, я не мог вспомнить, как меня зовут.

Билли засмеялся.

— Поэтому я сказал тоненьким голосом, что ошибся номером и повесил трубку, — продолжил Пит. — Может, через пару дней я попробую еще раз. Надо же дать ей время, чтобы забыть мой голос.

— Ну, удачи тебе, — сказал Билли. — Главное, помни, что это ты делаешь ей одолжение, а не она тебе.

— Да. Если смогу вспомнить, как меня зовут.

Они вошли в затемненную комнату и подошли к столику около кровати, на котором стояла клетка с Подарком. Пит, который жил в одной из комнате с двумя братьями, был потрясен возможностью Билли уединиться. Кроме того, там была двуспальная кровать — для него одного. И Билли мог ставить все так, как захочет. Медленно проходя, вбирая все это, Пит был поглощен рассматриванием стен, покрытых комиксами, рисунками воинов, средневековыми сюжетами. На комоде висела миниатюрная кольчуга. Поодаль стоял большой стол для рисования, усыпанный ручками, карандашами, резинками. Здесь также были зеленый нож для разрезания бумаги, кисточки для рисования, замоченные в банках, и стопка рисунков с красивым титульным листом, надпись на котором гласила: «Тайна логова дракона». Ниже Билли написал свое имя. Пит раскрыл рот.

— Здорово, — сказал он. — Ты, правда, хорошо рисуешь.

Билли улыбнулся.

— Спасибо. Это будет смотреться еще лучше, когда я положу цвета.

Несколько смущенный похвалой, Билли был рад, когда Подарок издал высокий, похожий на щебет, звук, привлекая внимание его и Пита. Телевизор рядом с кроватью был включен, показывали старый фильм с Кларком Гейблом в роли автогонщика, и Подарок смотрел его с большим интересом, почти как человек.

— Боже мой, кто это? — прошептал Пит.

— Это мой новый зверек. Мы зовем его Подарок.

— Где ты его взял?

— Папа привез его из Чайнатауна.

Мальчики подошли к краю кровати, и Пит встал на колени, чтобы лучше рассмотреть пушистого зверька.

— Он у тебя все время в клетке? — спросил он.

— Нет. Только когда я на работе. Мы боимся, что он куда-нибудь залезет. Понимаешь, он очень нежный, не переносит света и...

Зазвенел телефон. Билли взял трубку и обрадовался, услышав голос Кейт. Пока она пересказывала ему новые слухи относительно плана миссис Дигл, ходившие в кабачке Дорри, Билли осторожно вынул Подарка из ящика и посадил его к себе на колени. Пит подошел ближе, чтобы погладить зверька и послушать его довольное урчание.

— Что произошло у вас с Джеральдом, когда я ушла? — спросила Кейт напоследок.

— Ничего особенного. Я назвал его Джером несколько раз, и все.

Он передал Подарка Питу и откинулся на подушке, наслаждаясь разговором с Кейт. Ему нравилось быть ее тайным сообщником в войне против миссис Дигл, хоть он и понятия не имел, как расстроить план захвата собственности. Но у Кейт была масса идей, связанных в основном с петициями и привлечением журналистов из газет и с телевидения. Слушая ее, Билли одним глазом следил за Питом и Подарком. Чтобы зверьку было уютнее, Пит отошел к окну за мольберт, но поскольку на улице было темно, Билли не видел основания для беспокойства.

— Может, ты зайдешь в кабачок, когда я там буду, и мы еще поговорим об этом? — спросила Кейт.

— Ну... — заколебался Билли, вдруг осознав, что она почти назначает ему свидание. — Во сколько?

— Я заканчиваю работу в одиннадцать, — сказала она.

— Да, конечно, — пробормотал он.

— Если это слишком поздно, дело может подождать, — добавила она. — Мне кажется, ты без энтузиазма относишься к этому.

— Да нет, — ответил он. — Я просто удивился.

— Чему?

— Да так. Поговорим об этом потом.

— Хорошо, — сказала она. — Если ты не можешь, ничего страшного.

— Да нет...

Он увидел развитие событий, как при замедленном показе, когда повторяют моменты футбольных матчей: Подарка посадили на столик для рисования... Пит гладит его... рукав куртки Пита задевает баночку из-под краски, где замочены кисти... баночка переворачивается... вода переливается через край...

На спину Подарка!

— Нет! — услышал он свой крик.

Было уже поздно. Как только вода коснулась спины зверька, Билли закричал в телефон: «Авария!», бросил трубку и, перебежав через комнату, попытался вытереть капли воды с тела Подарка.

Тонкий визг свидетельствовал о том, что произошло что-то непоправимое. Раскрыв глаза широко-широко, выгнув спину и открыв рот, задыхаясь, Подарок катался по столику для рисования. Треск, как от лесного пожара, исходил от его тела, создавая вместе с его жалобными криками ужасную какофонию.

— Что я сделал? — закричал Пит, чуть не плача.

— Это вода, — прокричал Билли в ответ. — Ты не виноват. Он не выносит воды.

Действительно, Подарок, казалось, вот-вот лопнет. У него на спине, там, куда попала вода, образовались пять огромных пятен, и теперь они росли, вздуваясь, как миниатюрные вулканы, становились кроваво-красными с желтым, как огромные волдыри. Кожа на них становилась все тоньше, пока наконец один из них не лопнул. Оттуда выскочил маленький пушистый комочек и упал на стол. Пит и Билли отпрянули в изумлении и ужасе. Еще один шарик выскочил из другого волдыря, потом третий, четвертый и пятый. Треск уменьшился, затихли и крики Подарка. Билли подумал, не умирает ли он.

Еще через минуту все было кончено. Подарок спокойно лежал, постепенно восстанавливая дыхание, ранки у него на спине затягивались и начинали исчезать, это напоминало замедленную съемку.

— Слава Богу! — вздохнул Билли. — Наверное, с ним все в порядке.

— Но что это такое? — спросил Пит.

Пять шариков уже начали расти и формироваться в нечто, похожее на Подарка. Вскоре стало ясно, что появились новые Могваи.

Мальчики в изумлении смотрели, как зверьки росли.

— Это лучше, чем «Зона сумерек»[1] — прошептал Пит.

— Интересно, что скажут родители? — пробормотал Билли мрачно.

— Может быть, они годятся в пищу? — предположил Пит.

Теперь пятеро новеньких были вдвое меньше Подарка, который сидел и смотрел на них большими глазами, полными слез. Раз или два он взглянул на Билли с упреком, потом с грустью отвернулся. Билли почему-то подумал, а было ли случившееся неожиданностью для Подарка. Что, если он знал или чувствовал, что все это может произойти. Кто знает, может, подобное уже случалось раньше.

Еще когда они росли, Билли понял — что-то не так. Новые Могваи были несколько другого цвета, чем Подарок, но дело было не только в этом. В выражении их лиц было что-то странное. Хотя они были моложе Подарка, но казались менее невинными. От них, казалось, исходило коварство, которого Билли никогда не замечал у Подарка.

— Можно мне взять одного? — спросил Пит, прерывая мысли Билли.

Вначале он хотел сказать «да». Почему бы и нет? Если одного Подарка было достаточно, шесть явно было слишком. И все же Билли не имел никакого желания усугублять свою ошибку. Схватив баночку из-под краски и вытирая каждую каплю воды, он смотрел, как пять новых Могваев постепенно приобретали размеры Подарка.

— Наверное, нет, — сказал он наконец. — Ты знаешь, это, может быть, кошмар. Пока мы все не выясним, я думаю, лучше держать их здесь.

Пит задумчиво кивнул.

— Может быть, стоит отнести одного из них мистеру Хэнсону и выяснить, новый это вид или нет.

— Хорошая мысль, — ответил Билли.

— Мы могли бы стать богатыми и знаменитыми.

Билли не знал, что делать. Все произошло так быстро. А что, если мгновенное размножение повторится? Он вспомнил эпизод из «Звездного путешествия», когда ласковые зверьки, называемые триббли, на глазах захватили корабль. Он быстро представил себе, как Могваи закупоривают трубы у него в доме, лежат от

[1] Популярный в США телесериал

стены до стены в каждой комнате и проходе, как одеяло из скулящих животных просит есть и при этом они продолжают размножаться. А что, если в большом количестве они становятся опасными? Если они захватят дома соседей, арестует ли полиция Билли за то, что от него все это пошло? А сейчас — что он скажет маме и папе? Он был неосторожен и нарушил правило, о котором предостерегал мальчик-китаец. Для Пита новые зверьки знаменовали богатство и славу, Билли они сулили лишь неприятности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пит ушел, а Билли долго собирался с мыслями, сидя на краю кровати и глядя на то, как пять новых Могваев достигают зрелости. Логично было бы немедленно рассказать родителям о случившемся. В конце концов, он совершил не такой уж ужасный поступок, просто ослабил бдительность на мгновение. Мальчик-китаец велел держать Подарка подальше от воды. Но китаец также говорил, что Подарок ел резиновые губки и картон, а эта информация оказалась неверной. Откуда он мог знать, что небольшая оплошность приведет к появлению пяти новых зверьков?

Хотя все было логично, Билли еще требовалось время для размышления. Например, о том, нельзя ли решить эту проблему самостоятельно. Пит внес одно ценное предложение. Следует как можно скорее отнести одного из Могваев к мистеру Хэнсону для научного исследования. Он также подумал о том, не заинтересуются ли этим существом какие-нибудь лаборатории или зоопарки. Конечно, в мире, где полно бродячих кошек и собак, можно пристроить пять новых Могваев в хорошее место.

Он уже твердо знал одно: ему не очень нравились новенькие. Казалось, они драчливы, неуправляемы и, по сравнению с Подарком, агрессивны. Когда они перестали расти, Билли нашел большую картонную коробку и поместил их туда, они выразили свое недовольство сердитыми жестами и оскалом зубов. Лидер новой группы

казался несколько больше других, у него на голове стояла торчком полоска жесткого меха.

— Я назову тебя Полоской, ладно? — прошептал Билли, пытаясь завязать дружбу с новым Могваем.

В ответ Полоска быстрым ударом лапы сбил баночку чернил.

Когда они стекли с края столика для рисования, Билли с ужасом увидел, что часть жидкости попала на Полоску, Подарка и еще одного нового Могвая. Молча, с волнением, он смотрел на чернильные пятна, ожидая, что будет. Прошло некоторое время, но ничто не изменилось; они явно размножались только от воды.

— По крайней мере, одно облегчение, — вздохнул он.

Довольно скоро стало ясно, что новенькие хотят есть. Билли спустился в кухню и принес им холодную курицу. В отличие от Подарка, который ел медленно и культурно, новые Могваи чавкали и жадно рвали еду, отплевываясь и пуская слюни из уголков рта. Когда они наелись, то стали громко отрыгивать, а потом играть друг с другом, плюясь кусочками еды.

— Слушай, Подарок, — сказал Билли, — ты можешь научить их вести себя прилично?

Печальные глаза Подарка подтвердили его худшие опасения.

К счастью, родители ушли ужинать в ресторан. Это означало, что он может оттянуть объяснение, и у него есть еще время, чтобы понять, насколько трудно будет с этими новенькими. Он тут же узнал, что после еды их клонило в сон: наевшись и немного поиграв, пять Могваев свернулись в коробке и уснули.

Подарок, как и Билли, не спал, он смотрел на них. Его лицо выражало тревогу и печаль — те же чувства, что и в первые полчаса пребывания в доме Пельтцеров, Билли думал о том, *что* тот знал. Отчего опустились уголки его рта — от знания чего-то безрадостного или просто от ревности? Билли готов был отдать свой недельный заработок за одну лишь возможность поговорить со своим пушистым другом, но это, конечно, было невозможно.

Размышляя о своей проблеме, Билли заснул. Но сон не принес отдыха, возбужденный мозг лишь нагнетал беспокойство. В одном кошмаре Могваи продолжали расти, пока не стали размером с его дом; в другом они изрыгали пламя и плевались крутящимися огненными каплями, которые прилипали к людям, как напалм.

Билли проснулся, на мгновение почувствовал облегчение и вдруг осознал ужасную вещь: было совершенно темно. Маленькая лампа на столе и еще одна на мольберте, оставшиеся включенными, когда он засыпал, теперь не горели. В комнате совсем не было света, кроме того, что пробивался тонким параллелограммом с улицы. Может быть, обе лампы перегорели одновременно? Стараясь поверить в такое объяснение, Билли понимал, что все говорит против этого.

Позади в темной глубине комнаты он услышал шуршание, сдавленный голос-шум, подобный тому, что раздается во время игры в сюрприз на вечеринке, когда все прячутся по углам и стараются не смеяться и не шевелиться. Это было жутко. Он долго лежал неподвижно на кровати, напрягая слух, чтобы уловить какой-нибудь привычный звук. Одновременно он обводил взглядом комнату в надежде понять, что происходит.

Через некоторое время он успокоился. Он проснулся, говорил он себе, с подозрительным и пугливым настроением только из-за кошмаров. А так он был в своей собственной комнате, жив и здоров. Глубоко вздохнув, он перевернулся на кровати и потянулся к лампе на столе.

Вдруг он упал лицом вниз на коврик. Ноги его парализовало!

Хор истерического смеха, не похожего ни на что, наполнил комнату. Что бы то ни было, виновниками были *они*.

Билли подполз к столу, встал и повернул выключатель. К его облегчению свет зажегся. Усевшись спиной к стене, он посмотрел в другой конец комнаты, а потом на свои ноги.

Они были связаны!

Он не мог поверить своим глазам, но все было именно так. Три аккуратные полоски серебряной ленты — одна на щиколотках, другая под коленями, а третья прямо над ними — опоясывали его ноги. Неужели он спал так крепко? Или что еще хуже, неужели это такие ловкие звери, что смогли связать его, и он ничего не почувствовал?

Разорвав ленту, он встал и осмотрелся. Ему показалось, что комната изменилась, но он не совсем понимал, как именно. Двигаясь осторожно, он подпрыгнул и сделал в воздухе пируэт, когда что-то коснулось его руки.

Предмет упал на пол. Это была всего лишь полоска комикса из газеты. Но что она делала?..

Билли посмотрел наверх и замер.

Весь потолок был покрыт набором комиксов, средневековыми рисунками и картинками, которые он собирал и пришпиливал к стене комнаты. Рассматривая свисающие полоски, которые в полутьме напоминали ободранные обои, он снова услышал неестественный смех.

— Ну ладно! — крикнул он. — Прекрасная шутка. Теперь можете выходить.

Нажав клавишу на стене, он включил верхний свет и сразу услышал, как смех сменился криками боли. Быстро среагировав, он щелкнул выключателем и подошел к столику для рисования.

Включение второй маленькой лампочки дало достаточно света, чтобы он смог исследовать всю комнату. В одном углу по обе стороны от Подарка сидели два новых Могвая, как бы сторожа его, чтобы он не расстроил их маленькие шутки. Беглый осмотр не позволил ему обнаружить трех остальных даже под кроватью и в шкафу. Билли устремил на двоих новеньких грозный, как он надеялся, взгляд.

— Ну, а где ваши приятели? — спросил он.

Они посмотрели друг на друга, сморщили приплюснутые носы и быстро перекинулись фразами на языке Могваев, нагло игнорируя Билли. Подарок взглядом показал на дверь, за что получил пару не очень-то игривых ударов от своих братьев. Или это были его сыновья?

У Билли не было времени на размышления. Подбежав к двери, он повернул ручку и потянул.

Дверь не открылась.

Посмотрев вниз Билли, сразу установил причину: под дверь были засунуты куски стирательной резинки и свернутые шарики серебряной ленты. То, что они связали его, выключили свет и перенесли картинки со стены на потолок, — это были шуточки, но если двое из них заперли его в комнате, значит, остальные выделывают что-нибудь совсем лихое!

Вытащив ленту и резинки, он открыл дверь и выбежал в прихожую. Уже достаточно узнав об изобретательности новых Могваев, он двигался осторожно, глаза его искали спрятанную проволоку или еще что-нибудь, за что он мог зацепиться или вляпаться.

Весь дом, конечно, был погружен в темноту. Медленно продвигаясь, он включил маленькие лампы в прихо-

жей и на лестнице. Там его поджидал первый сюрприз, когда он наступил на пластмассовый стаканчик, стоящий на ступеньках вместе с десятком-другим чашек и блюдец. Стаканчик с грохотом полетел вниз, вызвав цепную реакцию хохота на первом этаже.

Повернув направо в гостиную, Билли увидел первого Могвая под диваном, тот весело разрывал вечернюю газету. Он был настолько занят своей работой, что не заметил, как Билли прошел мимо него. Еще один Могвай трудился в кухне, аккуратно расставляя предметы на полках буфета так, чтобы малейшее прикосновение привело к обвалу. Третий был в каморке, он свернулся на диванчике и смотрел повторный показ «Острова Гиллигана».

Билли вздохнул с облегчением. Несмотря на то, что они везде рылись, он не заметил признаков подготовки широкомасштабной диверсии. Теперь ему нужно было всего лишь собрать их и ликвидировать беспорядок, который они учинили. Но как? Могваи двигались медленно, поскольку у них были короткие лапы и сами они были маленького размера, но всех пятерых нести было бы трудно.

— Приспособление для перевозки Барни, — прошептал он, щелкнув пальцами, когда ему в голову пришла дельная мысль.

Оно хранилось в подвале. Это была большая фанерная коробка с ручками и закрывающейся крышкой, которую купили в один из периодов жизни Барни, когда его было невозможно без борьбы отвести к ветеринару. Заглянув внутрь, Билли решил, что ее хватит для всех Могваев, хотя, чтобы спать спокойно, им придется присмиреть. Открыв крышку, Билли на цыпочках поднялся по лестнице и проскользнул в каморку.

Поймать первого было легко: он заснул у телевизора. Крепко схватив его под брюшко, Билли кинул его в ящик, закрыл крышку и прошел в кухню. Тот Могвай, которого он назвал Полоской, сопротивлялся больше, но вскоре и он был в коробке. Вытащив любителя газет из-под дивана, Билли вернулся в спальню, где, к его удивлению, ничего не изменилось.

Минуту спустя все пятеро Могваев благополучно переместились в коробку. Они шумели на него, но его это не волновало.

— Можете говорить все, что хотите, — сказал он. — Все равно вас никто не услышит, потому что я иду вниз убирать беспорядок, который вы учинили.

Только осмотрев весь дом и приведя все в порядок, Билли случайно взглянул на часы. Была полночь! Он пропустил свидание с Кейт.

— Черт! — пробормотал он.

Он подумал о том, слышала ли она когда-нибудь оправдание, похожее на то, что выйдет из его уст, если он будет говорить только правду, — что его связали и всячески преследовали пять странных существ, которые родились в тот самый миг, когда вода попала на спину Подарка.

Почему-то он чувствовал, что она не поверит.

Придя домой во втором часу ночи, Линн и Рэнд чувствовали страшную усталость. Свет в прихожей горел, но из-под двери комнаты Билли света видно не было.

— Наверное, он спит давным-давно, — сказал Рэнд, зевая.

Он быстро почистил зубы и разделся, предвкушая, как заберется в мягкую постель. Линн уже сняла покрывало, потом быстро поцеловала его и пошла в ванную. Рэнд потянулся, сел на кровати, поднял вечно болевшие ноги и скользнул ими под простыню.

Внезапно они наткнулись на что-то холодное и твердое, отчего он отпрянул так резко, что чуть не упал с кровати.

Билли встал на следующее утро рано, хотя спал очень чутко. Сразу после того, как их заперли в коробке, пять новых Могваев почти час пытались запугать его своей угрожающей болтовней, но он оказался стойким. Полоска — последний, кто еще держался, наконец сдался, разразившись напоследок ревом, и все они уснули.

Они вели себя несколько беспокойно, но тихо, когда Билли встал, оделся и спустился вниз.

Мать была в кухне, она уже сварила кофе и накрыла стол к завтраку. Она приветливо улыбнулась Билли, потом слегка наклонила голову набок.

— Зачем ты вчера это сделал? — спросила она.

— Что сделал?

— Положил решетку из духовки в нашу кровать.

Мгновение Билли смотрел на нее, не понимая.

— Этого никто, кроме тебя, не мог сделать, — сказала Линн. — Я этого не делала, а отец так испугался, что я уверена, он ни при чем.

— О!..

— Что это значит? — спросила Линн.

— Это значит, что мне нужно поговорить с вами, с папой.

— Он в мастерской.

Рэнд сидел на скамейке в страшно захламленной части подвала, которая служила ему мастерской. Много лет назад он отгородил ее и сам отделал стены, повесив на них портреты Томаса Эдисона, Элиаса Хау, Александра Грэма Белла, Сэмюэля Ф.Б.Морзе, Гульельмо Маркони и, наверное, своего самого любимого кумира Уиткома Л.Джадсона.

Однажды, когда Билли спросил, кто это, Рэнд ответил красноречиво. «Эти остальные сделали великие открытия и прославились, — сказал он. — И, несомненно, фонограф, швейная машина, телеграф и радио очень полезны обществу. Но что бы с нами стало, если бы не было «молний». Вот что дал нам Джадсон, мой мальчик, только это называлось «универсальной застежкой» или «быстрой застежкой» в 1890-х годах, когда он ее изобрел».

Теперь, склонившись под гигантской схемой «Товарища по ванной», приколотой к стене над столом, Рэнд возился со странного вида предметом, который позволял решить все проблемы утреннего туалета, если, конечно, иметь несколько дипломов инженера и массу терпения.

Билли тихонько постучал и вошел.

— Я добавил еще одну функцию «Товарищу по ванной», — сказал Рэнд, не поднимая головы от работы. Немедленно становясь агентом по продаже, он поднял вверх предмет. — Допустим, вы опаздываете на важнейшую встречу. Вы поднимаете руку и касаетесь подбородка и... О, Боже! Вы забыли побриться. Что делать?

— Многие забывают побриться перед важнейшей встречей? — спросил простодушно Билли.

— Конечно, — ответил Рэнд. — Это может случиться.

— Но тогда можно забыть принять душ или ванну, да?

— Не обязательно. Некоторые принимают душ или ванну накануне вечером, чтобы сэкономить время.

Билли кивнул.

Довольный собой, как если бы он одержал важнейшую победу в битве против невежества, Рэнд нажал на переключатель. Из щели сбоку появилась двусторонняя бритва.

— Ух ты, здорово, — улыбнулся Билли.

Он протянул руку и взял «Товарища по ванной» так, как будто собирался бриться. Потом, заметив еще одну кнопку около бритвы, он сказал:

— Наверное, это для пены, так?

— Нет... не надо!

Было уже поздно. Билли коснулся кнопки, и в потолок ударила струя белого крема. Чуть не уронив «Товарища по ванной», он отскочил, поскольку сверху посыпались хлопья пены.

— Это кнопка подачи крема для бритья, — сказал Рэнд. — Но я еще не придумал, как снизить давление.

— О!..

— Не волнуйся, я придумаю.

— Да, папа. Я уверен, что ты придумаешь.

Во время короткой паузы, возникшей, когда Рэнд вытирал лишнюю пену со своего изобретения, они оба вспомнили нечто важное.

— Да, папа...

— Сын...

— Мне нужно тебе кое-что... — начали они вместе.

— Давай, — сказал Билли.

— Я просто хотел спросить тебя, зачем ты положил это нам в кровать, — сказал Рэнд.

— Я как раз пришел рассказать об этом, — объяснил Билли.

— Ну, давай, — поторопил его Рэнд через несколько секунд, когда стало ясно, что сын не находит слов.

Билли сел на единственный стул в мастерской и медленно объяснил, что произошло накануне вечером. Отец слушал, вначале недоверчиво улыбаясь, затем со все возрастающим ужасом.

— Ты хочешь сказать, что мальчик-китаец говорил правду? — спросил он наконец. — Вот что делает вода — они от нее размножаются?

Билли кивнул.

— И теперь у нас их шестеро?

Он снова кивнул.

— Это безумие. Животные так не размножаются.

— Я знаю.

— Где они теперь?

— У меня в комнате. Я закрыл их в коробку для перевозки Барни.

— Хорошо.

— Они очень хотят вылезти оттуда, — сказал Билли. — Если мы будем держать их там постоянно, шум сведет нас с ума.

— Наверное, мне надо пойти посмотреть.

Минуту спустя родители Билли смотрели, как он открывает крышку коробки. Внутри сидели пятеро новых Могваев. Полоска подался вперед, глаза всех пятерых были полны влаги, лица выражали невинность. Если не считать легкого блеска в глазах, они казались такими же добродушными, как Подарок, такими же дружелюбными, как Барни.

— Они хорошенькие, — улыбнулась Линн.

— Да, — сказал Билли. — Но они не такие, как Подарок, мама.

— Да? Чем они отличаются?

— Они злобные.

Он рассказал, что они наделали накануне вечером помимо того, что подложили решетку из духовки родителям в кровать. Но Билли должен был признать, что их поступки были похожи скорее на безобидные шутки, чем на злонамеренные деяния.

— Может быть, они просто нервничали и были возбуждены, — предположила Линн. — В конце концов, это был их первый вечер на земле.

— Нет, мама, — возразил Билли. — В них было что-то пугающее.

— И сейчас есть?

— Не так заметно, — сказал он. — Но что-то осталось. Понимаешь, видимо, им не понравилось сидеть взаперти в коробке, и они ведут себя хорошо, чтобы обмануть вас с папой.

Родители засмеялись.

— Это глупые животные или профессора колледжей? — спросила она.

— Они не глупы, мама. Поэтому, я думаю, что у нас будут большие неприятности, если они останутся здесь.

— Что ты предлагаешь?

— Не знаю. Сегодня Пит спросит мистера Хэнсона, не может ли он посмотреть их. Наверное, он возьмет одного и сможет сказать нам, кто они.

— Может, просто отнести их в Гуманитарное общество? — спросил Рэнд.

— Поскольку это редкий вид, они могут представлять ценность, — ответил Билли.

— Ну, — сказала Линн, — даже если они пробудут здесь несколько дней, я не позволю, чтобы они сидели все время взаперти, в ящике.

— Но нельзя ведь, чтобы они свободно бегали, — сказал Рэнд. — Здесь душ, машина для мытья посуды и кухонная раковина — это все источники воды. Если они что-нибудь включат, мы по шею погрязнем в них.

— Хорошо, — сказала Линн. — Они могут пока что остаться в комнате Билли, но не в коробке. И просто на случай, если они вылезут, я закрою двери в ванную и присмотрю за ними. Ладно?

Билли кивнул.

Линн подошла к ящику, широко открыла его и засунула руку, чтобы взять Полоску. Она подняла его над головой. Его широкий рот сложился в довольную улыбку. Полоска нежно пробулькал что-то, являя собой идеальный образец домашнего животного.

— Он так мил, — сказала Линн.

Да уж, подумал Билли. Но в тот краткий миг, когда Линн и Рэнд посмотрели друг на друга, Полоска искоса глянул на Билли.

Что это было — ухмылка? Нечто, похожее на подмигивание? Билли не знал, но его пугали грядущие дни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ирония судьбы, печально подумал Подарок. Он снова стал парией, объектом прямых нападок. Процесс отчуждения был ему знаком, но он не переживал его почти четыре десятилетия после путешествия по Китайскому морю. Как странно, что такое мягкое и способное приспосабливаться создание, как он, стало объектом предвзятого отношения со стороны представителей своего собственного вида.

В такие моменты он почти ненавидел Могтурмена, своего создателя. Его ошибки в генетических расчетах привели к тому, что представители меньшинства Могваев, одним из которых был Подарок, сразу узнавались и становились объектом ненависти большинства. Физически они все выглядели примерно одинаково; главное различие было внутренним и проявлялось в характере и устремлениях. Эти качества были такой неотъемлемой частью личности каждого Могвая, что их невозможно было спрятать или скрыть. Полоске был всего лишь час от роду, когда он понял, что Подарок — один из *них*.

— Итак, — сказал он холодно, — мы встретились с одним из вечных. Так ведь, да?

Подарку не было нужды отвечать. Полоска знал ответ уже когда задавал вопрос, и от этого злился.

— Несправедливо, что вам дается такая долгая жизнь, а нам такая короткая! — прошипел Полоска на языке Могваев.

— Это связано с ошибкой в работе Могтурмена, — ответил мягко Подарок.

— У вас еще и больше знания, чем у нас, — продолжал Полоска. — Больше жизни и больше знания. Может быть, вы поделитесь с нами тем и другим?

— Это невозможно.

— И ты рад, что это невозможно!

Подарок пожал плечами.

— В чем секрет воспроизводства? — спросил Полоска. — Ты видел, как мы появились, значит, ты должен знать.

— Зачем тебе знать это? — спросил Подарок.

— Мы хотим, чтобы нас было больше. Если мы обречены на короткую жизнь, по крайней мере, мы сможем распространить наш вид, насладившись компанией миллионов себе подобных.

— Это плохая мысль, — пробормотал Подарок.

— Мы выясним, рано или поздно, — прошипел Полоска.

— Я вам не скажу, — сказал твердо Подарок.

Полоска сложил короткие острые пальцы в нечто, похожее на кулаки.

— Я хочу убить тебя, — сказал он холодно. — Но я не могу! Что-то удерживает меня.

— Это чувство ответственности, которое Могтурмен сумел сохранить в нас, — объяснил Подарок. — Мы не можем убить друг друга.

— У тебя есть и другие нужные нам сведения, — продолжил Полоска. — Есть нечто, что может убить нас в больших дозах, причинить нам боль в меньших дозах. Что это?

— Вы скоро сами узнаете.

— Четц-вубба! — воскликнул Полоска, обругав его по-могвайски. — Почему ты такой скрытный?

— Это мое единственное оружие.

— Есть еще нечто, что мы должны выяснить, — настаивал Полоска. — Мы можем становиться больше и сильнее. Что для этого нужно?

— Не скажу.

— Не можешь сказать или не хочешь?

— Не хочу.

— Глупо с твоей стороны скрывать это. Ты же можешь, по крайней мере, сам воспользоваться этим.

— Тогда я стану одним из большинства, с короткой и бурной жизнью.

— Мы выясним, что это! — пообещал Полоска. — Это просто. Я чувствую это интуитивно. Это не может скрываться слишком долго.

— Может быть, гораздо дольше, чем ты думаешь, — парировал Подарок. — Может быть, ты не узнаешь этого за всю жизнь.

Полоска злобно заскрежетал зубами.

— Скажи нам, и мы не причиним зла твоим друзьям!

— Нет. Когда вы изменитесь, вы забудете свои обещания. Я уже видел это.

— Очень хорошо, — пробормотал Полоска. — Не говори, если не хочешь. Но мы выясним, что нам нужно, чтобы вылезти из этих крошечных тел и создать больше подобных нам. А когда это произойдет...

Подарок решительно посмотрел на злобного Полоску.

— Я думаю, вам придется провести остаток жизни в этой комнате под очень строгим наблюдением, — сказал он спокойно. — Мой новый хозяин — очень ответственный молодой человек. Он воспринял мудрость китайца, и я очень сомневаюсь, что он даст вам возможность творить зло.

Подарок не очень верил в то, что говорил, но прозвучало это убедительно.

— Но есть другие! — парировал Полоска. — Они не будут так осторожны, особенно теперь, когда я велел моим четверым партнерам быть разборчивее в выходках. К счастью, твой хозяин прибрал за нами вчера вечером. Если бы другие увидели это, они были бы начеку, а так они позволят нам гулять свободно.

Подарок вздохнул. То, что сказал Полоска, возможно, было верно. Он надеялся, что эти новые Могваи умрут в плену, прежде чем смогут причинить вред.

Через несколько часов улыбающийся Полоска вошел в комнату Билли и разбудил Подарка.

— Клорр умер, — сказал он просто.

— Теперь вас всего четверо, — ответил Подарок. — Почему у тебя такой довольный вид?

— Дело в том, как он умер, — сказал Полоска. — С самого момента нашего появления я чувствовал инстинктивный страх перед случайными вспышками яркого света. Сегодня днем, когда женщина позволила нам осмотреть дом, Клорр вышел на заднее крыльцо и его закрыли снаружи. До того, как он смог вернуться в дом, солнечный свет уничтожил его. Итак, теперь мы знаем

важный секрет того, как остаться в живых, он объясняет, почему эта комната такая темная.

— Да, это так, — вздохнул Подарок.

— Интуиция подсказывает мне, что я должен разгадать три тайны, и одну я уже разгадал, — Полоска сглотнул. — Далее мы должны узнать, как становиться сильнее. Ты уверен, что не хочешь сказать мне все сейчас и избавить нас от лишних неприятностей?

— Уверен, — ответил Подарок.

— Хорошо! — сказал Полоска, и глаза его сузились. — Когда мы сами это узнаем, мы этому еще больше обрадуемся. А ты будешь только беспомощно стоять рядом.

Ухмыльнувшись, он свернулся в шарик, закрыл глаза и вскоре уснул, но Подарок, которого терзали воспоминания и страхи перед будущим, не мог успокоиться до конца дня.

— Ну ты и придурок! — улыбнулся Джеральд, наблюдая, как Билли готовил ящик с мелочью для работы.

Он не стал его спрашивать, чем же заслужил такое определение. Ясно — Джеральд и так скажет. Странно было, что Джеральд подождал, пока Кейт вышла по делу, чтобы начать издеваться над ним. Обычно ему нравилось работать на публику.

— Намекни мне, в чем дело, Джер, — сказал он, немного подождав. Отметил удовлетворенно — его врага по-прежнему трясет от злости, когда к нему так обращаются.

— Хорошо! — засмеялся Джеральд. — Дело в том, что ты действительно придурок, потому что кинул Кейт.

— Это она вам так сказала?

— Не совсем, — сказал Джеральд. — Я был у Дорри вчера вечером около одиннадцати часов. Кейт была там, и я спросил, не нужно ли подвезти ее домой. Она сказала — спасибо, нет. К счастью, я очень настойчивый и упорный клиент. Иначе я удовлетворился бы этим ответом и поехал домой. Но тогда я не был бы Джеральдом Хопкинсом. Я поболтался там... а она ждала... и ждала. И чем больше она сердилась, тем ласковее я говорил. Наконец она позволила мне отвезти ее домой.

— Да, наверное, она действительно была в безвыходном положении.

Джеральд проигнорировал это замечание.

— Во всяком случае, — заключил он, — теперь, когда я сломал лед, все может быть. И я уж постараюсь, чтобы было.

— Давайте, когда Кейт вернется, — предложил Билли с улыбкой, — я скажу, что вы сообщили мне о том, что уже было.

В глазах Джеральда мелькнул испуг. Но выражение страха на лице тут же сменилось хитростью.

— Нет, ты этого не скажешь, — сказал он уверенно. — Это оскорбит ее, а ты такой придурок, что не допустишь этого.

— Бойтесь раненых животных, Джер, — ответил спокойно Билли.

Вскоре вернулась Кейт, но в банке было много ранних клиентов, и они не смогли поговорить. В общем-то ей и не хотелось, она смотрела только на клиентов и была неприступна. Потом, позднее утром, подавленное настроение Билли усугубилось появлением миссис Дигл, которая прошла к началу очереди прямо к его окну. Молча положив перед ним приходный ордер и глядя, как он оформляет его, она злобно ухмыльнулась.

— Думаю, тебе интересно узнать, что я устроила небольшую ловушку для твоей мерзкой собаки, — сказала она.

— Ловушку, миссис Дигл?

— Не такую грубую, как капкан для медведя, — сказала она с сарказмом. — Они противозаконны, а я уважаю закон, даже если ты и твоя дворняжка этого не делаете. Нет, моя ловушка намного тоньше. Думаю, он даже не поймет, что случится. Но не удивляйся, если он начнет вести себя несколько... ну... скажем... странно.

— Что вы сделали? — спросил Билл.

— Ты узнаешь, — сказала она. — Я знаю, что это сработает, поскольку я очень постаралась. Непросто было найти человека, который так же ненавидел бы собак, как я. Особенно такого человека, который изобрел превосходный способ уничтожения их — начиная с мозга и далее.

— Я мог бы сделать так, что вас арестуют, — сказал Билли сердито. — Фактически, миссис Дигл...

Она прервала его таким громким вскриком, что привлекла внимание Джеральда Хопкинса и мистера Корбена.

— О, Боже! — добавила она с легкой улыбкой, заметив, что они уже бежали ей на помощь.

— В чем дело? — спросил Джеральд.

— Этот молодой человек обвинил меня в том, что я пыталась сдать фальшивый чек, — сказала миссис Дигл. Играла она грубо, но Джеральд все принимал за чистую монету. — Он пригрозил арестовать меня.

— Вы так сказали, Пельтцер? — холодно спросил Джеральд.

Не дав ему ответить, миссис Дигл повернулась к мужчине, который стоял за ней в очереди.

— Вы слышали, как он сказал, что хотел бы арестовать меня? — спросила она.

Мужчина сравнительно недавно жил в Кингстон Фоллз и не испугался ее грозного вида.

— Он не сказал, что хотел бы, он сказал, что мог бы.

— Этого достаточно, — вмешался Джеральд.

— Что сказала миссис Дигл? — спросил мистер Корбен.

— Не знаю, — ответил мужчина. — Она стояла ко мне спиной, и я слышал только его слова.

— Я требую извинений! — прошипела миссис Дигл. — Вообще я требую, чтобы вы уволили этого наглого неудачника. От него же банку никакой пользы.

Мистер Корбен заколебался. На его лице было написано, что если Билли и не виноват, если он не оскорблял эту женщину, возможно, это неплохой повод его уволить. Молодой Хопкинс уже несколько дней при каждом удобном случае говорил ему о том, как плохо работает Пельтцер.

— Она пригрозила поставить медвежий капкан на его собаку, — вмешалась Кейт от соседнего окошка. — Я слышала весь разговор.

— Я такого не говорила! — ответила миссис Дигл в ужасе.

— Тогда почему я оформил чек? — спросил Билли, придя в себя. — Если бы я считал его фальшивым, разве я стал бы делать это?

Мистер Корбен медленно кивнул и посмотрел на миссис Дигл. Похоже, оправдываться придется ей, а не Билли.

— Я не говорила, что поставила медвежий капкан, — миссис Дигл запнулась. — Это совсем другого рода ловушка. Я хочу сказать...

Последовала длинная пауза. Затем миссис Дигл протянула руку и взяла ордер.

— Хорошо, — сказала она. — Если вы хотите, чтобы у вас работали невежливые, глупые люди, дело ваше!

Высоко задрав нос, она выкатилась из банка.

— Ну, все... — сказал мистер Корбен, давая понять, что теперь в банке должна продолжаться обычная работа.

После того как Джеральд, злобно посмотрев на него, вышел, Билли взглянул на Кейт. На лице у него было написано: «Спасибо». Она, казалось, хотела сказать в ответ: «На здоровье! Но я сделала это только во имя справедливости, а вовсе не ради тебя!»

Тем не менее, в конце рабочего дня, когда Билли остановил ее при выходе из банка, вид у нее был не особенно враждебный. Хорошо уже то, что она не вызвала полицию, подумал Билли.

— Я хочу рассказать тебе, что произошло вчера вечером, — сказал он.

— В этом нет необходимости, — ответила она. — Как мне недавно заявили некоторые, я несколько помешалась на «плане захвата» миссис Дигл. Глупо с моей стороны думать, что всех это так же волнует, как меня, особенно поздно вечером, когда дома так тепло и уютно.

— Но я очень хотел встретиться с тобой! — возразил он. — Я уже собирался пойти, как случилось нечто ужасное.

Скептическое выражение ее лица сменилось выражением озабоченности.

— С твоими родителями все в порядке?

Он кивнул и медленно произнес:

— Ты скажешь, что это самое глупое оправдание, которое тебе когда-либо доводилось слышать, но я клянусь, это чистая правда.

— Говори, — сказала она.

Быстро, как мог, он выложил ей все о Могваях, начиная с появления Подарка и кончая последними шуточками этих новых пяти животных. Она слушала, не прерывая его, в глазах ее мелькнул интерес, но лицо все еще выражало непреклонность.

— Ну вот, — завершил он рассказ. — Эти Могваи так меня замотали, что я забыл про время.

— Ты прав! — сказала она. — Это действительно самое глупое оправдание, какое я когда-либо слышала.

— Но это правда, клянусь!

— Послушай, — сказала она, — нет ничего постыдного в том, что ты уснул. Со мной это случается постоянно, но должна признать — я всегда прихожу, если обещаю.

Отчаянно пытаясь придумать, как сделать, чтобы Кейт ему поверила, Билли услышал знакомый голос. Это был Пит, и он решил его проблему. Не обращая внимания на Кейт, мальчик схватил Билли за рукав и сказал, немного задыхаясь:

— Пошли! Мистер Хэнсон ждет нас. Он может сейчас посмотреть на одного из этих зверьков.

— Ты ведь должен быть рождественским деревом...

— Да, но папа сказал, что я могу заняться этим позже.

— Есть возможность увидеть доказательство того, что я говорю правду, — сказал Билли, вернувшись к Кейт.

Она улыбнулась.

— Будь сегодня первое апреля, я бы сказала «нет», — сказала она. — Ну хорошо, пошли.

Они забрались в колымагу Билли, которая снова была на ходу, и уже через пять минут оказались около его дома. Линн, которая ждала Билли у двери, встретила его печальным выражением лица вместо обычной улыбки.

— Один из них умер, — сказала она.

— Не Подарок?..

— Нет, один из новеньких.

Она привела их к черному ходу. На крыльце лежал маленький, сплющенный комочек меха — все, что осталось от мертвого Могвая. Он был похож на сдутый футбольный мяч.

— Наверное, он вышел на крыльцо, а я закрыла дверь, и он остался на улице, — объяснила Линн. — Не может быть, чтобы он пробыл там так долго, что умер с голода.

— Конечно, нет, — согласился Билли. — Мальчик-китаец сказал, что их убивает яркий свет.

— Не знаю, что с ним делать. Что делают с мертвым Могваем?

Билли пожал плечами. Пит, встав на колени рядом с маленьким тельцем. осторожно потрогал его концом шариковой ручки.

— Похоже, он быстро высыхает, — заметил он. — Думаю, если вы оставите его здесь на пару дней, от него останется лишь горстка пуха.

— Не трогай его, мама, — сказал Билли. — По крайней мере, пока мы не вернемся из школы. Мистер Хэнсон, мой бывший преподаватель естественных наук, осмотрит одного из них. Может, он больше об этом знает.

Линн была рада следовать его советам относительно мертвого Могвая, однако насчет его решения унести одного из них из дома она была менее сговорчива.

— Ты думаешь, это разумно? — спросила она. — Если он убежит...

— Мы не дадим ему убежать, — уверил ее Билли. — Кроме того, как мы узнаем, кто они, если будем все время их прятать?

Минуту спустя в комнате Билли все смотрели на четыре свернувшихся комочка меха в углу. В стороне, примерно в шести футах от них, бодрствовал Подарок.

— Вот, Кейт, — сказал Билли. — Это Подарок. Он самый лучший. Хочешь подержать его?

— Э-э, — сказала она не совсем уверенно. — К-конечно!

Держа мягкого зверька, который, казалось, чуть не улыбается ей, Кейт была и очарована, и напугана. Зверек не походил ни на что, известное ей. Все это вкупе с фантастической историей о том, как они размножались, заставило ее обмирать от страха.

— Может, нам взять Подарка к мистеру Хэнсону? — предложил Пит.

Билли покачал головой.

— А что, если остальные не такие? — сказал Пит не без логики. — Ты же не видел, как они размножаются, так?

— Нет.

— Ну, а если они на это не способны?

— Тем хуже, — ответил Билли. — Мистер Хэнсон все равно сможет посмотреть того, которого мы принесем к нему, и определить — новый это вид или нет. Потом, если ему нужно будет посмотреть, как на них действует вода, может быть, нам придется отнести Подарка. Но я его люблю и не хочу рисковать им.

Говоря это, он осторожно вытащил одного из спящих Могваев, уложил его в коробку из-под обуви и плотно закрыл крышку.

По дороге к школе Билли взглянул на Кейт, которая держала коробку из-под обуви на коленях, плотно сжав на ней руки.

— Ну, — спросил он, — ты все еще думаешь, что я врал тебе про вчерашний вечер?

С улыбкой покачав головой, она тихо спросила:

— Даже если история с водой — выдумка, все равно это очень интересно.

Прошло уже почти три года с тех пор, как Билли последний раз ходил по своей старой школе. Теперь, гулкая и пустая, если не принимать во внимание нескольких учителей и служащих, она казалась меньше, чем была раньше. И вестибюль казался короче, и стены ближе друг к другу. Можно ли сжать целую школу? Он улыбнулся, сообразив, что мысленно это легко проделать. Заглянув в классы, которые должны были бы казаться знакомыми, он испытал ощущение потери, как если бы все следы его пребывания там были стерты. Может быть, стерли даже инициалы, которые я вырезал на партах в каждом классе, подумал он мрачно.

В кабинете естественных наук Билли пожал руку своему бывшему учителю. Через несколько минут Рой Хэнсон посмотрел на часы, увидел, что приближается время ужина, и решил ответить на вопросы мальчиков вежливо, но как можно быстрее. Он согласился посмотреть зверька, когда Пит попросил его об этом, но на самом деле не слушал, что тот рассказывал, поскольку рассказ был неправдоподобным и бессвязным. Может, у него там обычная мускусная крыса, или землеройка, или еще какой-нибудь зверек, какого он просто никогда не видел, а под впечатлением лекции о «новых» видах он грезит об открытии какого-то недостающего звена. Все же Пит, по крайней мере, проявляет интерес к его предмету, и будет грешно разочаровывать или высмеивать его.

— Ну хорошо, — сказал Рой. — Посмотрим, что тут у нас.

Когда он начал открывать коробку, Билли поднял руку.

— Подождите сэр! — сказал он. — Здесь слишком много света. Это может убить его за несколько минут.

Хэнсон выключил верхний свет.

— Ну, как? — спросил он.

— Надо задернуть шторы на всякий случай, — настоял Билли.

Хэнсон так и сделал, пытаясь угадать, с каким чудовищем ему придется встретиться. Но осмотр этого существа займет у него всего несколько минут — может быть, меньше, чем подготовка соответствующего освещения.

— Теперь хорошо, — сказал наконец Билли.

Хэнсон улыбнулся, открыл коробку и заглянул внутрь.

— О, Боже! — промолвил он осевшим голосом.

Он еще не видел подобного зверя. Осторожными движениями, дотрагиваясь до него, он нащупал у него пульс, который оказался крайне редким для млекопитающего, погладил его мягкий мех, слегка отличающийся от меха всех других, известных ему диких и домашних животных.

— Я не знаю, что это такое, — признался он.

Пит широко улыбнулся.

— Это новый вид. Мы разбогатеем, правда? Скажите, что мы разбогатеем.

Хэнсон улыбнулся.

— Не могу этого обещать, — сказал он. — Может быть, я не все знаю. Я думал, что знаю все типы животных на Земле, но это для меня нечто явно новое. Он посмотрел на Билли. — Где ты его взял? — спросил он.

— Папа... привез его из Чайнатауна.

— На него не было никаких бумаг?

Билли покачал головой.

— Проделай это с водой, — попросил Пит.

— Что? — проговорил Хэнсон.

— Я вам говорил, — сказал Пит, — этот зверек производит другого, если на него попадет вода.

Рой вспомнил путаный рассказ Пита о способе размножения этих животных, что-то про каплю воды, но в тот момент это ему казалось плодом мальчишеской фантазии. Теперь учитель был склонен относиться к этому более уважительно.

— Но только одну каплю, — сказал Билли. — Нам не нужно производить больше, чем необходимо.

Хэнсон кивнул, нашел пипетку и наполнил ее из раковины.

— Вот капля воды, — сказал он.

Он помедлил.

— На спину, — сказал Билли осознав, почему тот колеблется.

Держа Могвая в одной руке, Рой капнул ему на спину. Довольно долго ничего не происходило. Потом послышался треск, и зверек начал страшно кричать. Кейт закрыла лицо руками, отскочила назад, потом медленно разжала пальцы и стала смотреть, как бьется Могвай. Через некоторое время, когда потрескивание достигло максимума, на коже Могвая вырос огромный волдырь, похожий на абсцесс, разорвался, и на лабораторный столик выкатился пушистый комочек.

Все четверо наблюдали за тем, как звуки затихли и страдания Могвая тоже явно пошли на убыль.

— Я не могу в это поверить! — пробормотал Рой.

Пушистый комочек рос и постепенно превращался в миниатюрную копию родителя.

— Это невероятно! — выдохнул Рой. — Как будто у нас здесь сегодня свое рождественское чудо.

Прошло некоторое время, а они все не могли отвести глаз от растущего Могвая.

— Он будет расти, пока не станет таким же, как тот, — сказал Билли. — Это произойдет скоро.

— Не волнуйся, — улыбнулся Рой. — Я собирался идти ужинать, когда вы пришли, но теперь мне кажется, что я сегодня не скоро захочу есть.

— Что нам делать дальше? — спросил Билли.

— Мне бы хотелось сделать анализ крови. Он должен дать большую информацию. Может, вы возьмете старого домой, а нового оставите здесь?

— Конечно, — ответил Билли. — Но, пожалуйста, не производите их больше, ладно?

— Да уж не беспокойся, — уверил его Рой. — Во всяком случае, пока я твердо не выясню, что представляют собой эти младенцы.

Трое молодых людей ушли и по дороге, почти до самого дома, живо обсуждали все происшедшее. Вдруг Билли нахмурился и хлопнул себя ладонью по лбу.

— В чем дело? — спросила Кейт.

— Забыл сказать, чтобы он не кормил Могвая после полуночи.

— Не волнуйся, — сказал Пит. — Я забегу к нему

после того, как побуду рождественской елкой. Это будет восемь часов.

— Не забудешь?

Пит перекрестился.

— Слово чести! — пообещал он. — Чтоб я навсегда превратился в елку, если забуду!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Пит забыл.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Самой большой проблемой Подарка было общение с другими видами. Обладая развитым интеллектом, он интуитивно понимал общий смысл того, что говорили другие существа, а вот дать им понять, что он хотел бы сказать, было много сложнее.

Теперь, когда Билли и девушка вернулись с коробкой из-под обуви, у Подарка было ощущение, что дела складываются не очень хорошо. Уносить нового Могвая они могли с единственной целью: исследовать его; значит, они продемонстрировали, какую роль играет вода в размножении; следовательно, как только этот Могвай присоединится к своим друзьям, те все узнают. Полоска узнает. И тогда только один элемент опасного знания будет отделять Подарка, Билли и все остальное человечество от возможной катастрофы.

Глядя, как истекали последние спокойные минуты по мере того, как Билли приближался к куче спящих пушистых комочков, Подарок хотел крикнуть: «Подожди! Остановись!» Если бы только он мог найти способ сказать Билли, что если тот не отделит тех четырех Могваев друг от друга и от воды, он рискует остаться в памяти человечества одним из самых больших злодеев! Но когда Подарок открыл рот, чтобы высказать ясное и прямое предупреждение, ему удалось произнести лишь какую-то бессмыслицу.

— Посмотри, Кейт, — улыбнулся Билли, открывая коробку из-под обуви. — Должно быть, Подарок ревнует.

Он протянул руку, погладил Подарка по голове, а другой рукой кинул нового Могвая к остальным.

— Ну вот, — сказал он. — Видишь, Подарок? Они для меня ничего не значат. Ты особенный.

— Он как будто какой-то... грустный, да? — сказала Кейт.

— Да, немного. И трудно его в этом винить. В последние дни на его долю выпало слишком многое.

Через несколько минут они вышли, а Подарку осталось наблюдать, как на его глазах складывался мрачный заговор. Началось с того, что четверо Могваев сбились в кучу, откуда стал доноситься шепот, прерываемый изредка ворчанием или довольным выкриком Полоски. Через несколько минут они разошлись и, как по команде, взглянули на Подарка. Этот их взгляд был предупреждением о том, что вскоре их сила увеличится во много раз, и тогда ему лучше не мешать им.

Безусловно, они были близки к достижению своей страшной цели, однако, даже оставаясь пессимистом, Подарок знал, что это не происходит автоматически. За свою жизнь он видел, как было предотвращено несколько десятков катастроф. Чаще всего это происходило благодаря удачному стечению обстоятельств, а не планомерному сопротивлению, но такие случаи все же показывали, что, пока не открывается последняя тайна, их еще можно удержать. Полоска, пожалуй, самый умный Могвай из «большинства», с которыми Подарок до сих пор встречался, понимал, что последний шаг — самый важный.

Выйдя вперед, он заговорил на языке Могваев.

— Мы разрешили две проблемы, — сказал он холодно. — Мы знаем, что свет — наш враг, и нас не смогут поймать в эту ловушку. Мы знаем, что мы размножаемся от воды. Остается лишь выяснить, как мы становимся сильными.

Подарок посмотрел Полоске прямо в глаза.

— Ну? — спросил он. — Что же вы тогда не размножаетесь? Эта семья может держать вас взаперти в доме, но глупо думать, что они могут полностью оградить вас от воды.

— И тебе бы этого очень хотелось? — злобно усмехнулся Полоска. — Если мы начнем размножаться сейчас, то произведем лишь армию слабаков, которую легко истребить. Ты ведь видел, к чему приводила такая поспешность в прошлом, не правда ли?

Подарок позволил себе сладко улыбнуться. Вообще-то он никогда не любил наблюдать неограниченное воспроизводство по той простой причине, что это увеличивало вероятность случайного разрешения последней загадки. Поэтому он надеялся, что Полоска и три его соратника не примутся за это немедленно. Безусловно, лучшим способом удержать их было внушить Полоске мысль, будто он просто мечтает о том, чтобы они начали плодиться.

Как же, подумал Подарок, заставить Полоску увериться в этом? Говорить противоположное? Нет, Полоска быстро поймет, что это фальшь. Наверное, лучше всего убедить его в том, что он приветствовал бы размножение, делая вид, что ему этого хочется.

Это, конечно, странная аргументация, но принимая во внимание хитрость Полоски, нужно самому быть хитрее.

— Есть старое изречение, — сказал Подарок, — которое гласит, что возможностью следует пользоваться, когда она предоставляется, иначе подобного момента может больше никогда не быть.

— То есть, ты хочешь сказать, что нам сейчас следует плодиться? — спросил Полоска, прищурив глаза.

— Я тебе не советчик. Мне просто кажется...

— Лжец! — выпалил Полоска. — Ты что, принимаешь меня за дурака? Нет, я не поддамся на твои столь очевидные психологические уловки.

Полоска разозлился, но наконец победно улыбнулся.

— Если ты, мой дорогой враг, советуешь нам сейчас размножаться, это может означать только одно: что *ты* этого хочешь. Ты *знаешь*, что я склонен верить в *противоположное* тому, что ты говоришь. Значит, если ты приветствуешь воспроизводство, ты этого действительно хочешь, — он нахмурил лоб, следуя собственным сложным доводам, помедлил, затем выпалил развязку. — Поэтому, раз ты приветствуешь воспроизводство, мы этого делать не будем!

Подарок отвернулся, свернулся в клубок и стал наслаждаться кратким мигом победы. Однако он сознавал, что это все временно, что все подчинено причудам ума Полоски. Зато теперь у него будет по крайней мере время подумать.

Рой Хэнсон не смыкал глаз почти сутки из-за Пита Фаунтейна и Билли Пельтцера. Он-то радовался, что у него будет наконец-то спокойное Рождество, — впервые за многие годы. Его мечта рассыпалась прахом и все потому, что появилось *это*. Биологическая находка — такая поразительная, что он боялся прервать работу даже на минуту, чтобы не потерять нить мысли. Анализ крови этого существа, что должно было бы быть простым делом, оказался ужасно долгим. Взяв кровь по меньшей мере двадцать раз (доведя Могвая до такого состояния, что тот кричал каждый раз при его приближении), он пришел к выводу, что кровь меняла свой состав в зависимости от изменений температуры и влажности атмосферы. Это означало, что теоретически существо могло жить в любом возможном климате. Однако это превращало анализ в очень сложную задачу. А исследование крови — ерунда по сравнению с выяснением того, как это животное размножается с помощью одной-единственной капли воды.

— Не волнуйся, дружок, — сказал он, глядя на злобного Могвая. — Я разрешу проблему твоего вида, и тогда ты полюбишь меня.

Было четыре часа дня, в здании школы никого не было. Завтра последний день занятий, потом у Роя рождественские каникулы, во время которых он сможет исследовать животное.

— Вообще-то я собирался провести все время со своей девушкой, — сказал он Могваю. — Но исследования лучше всего производить, пока горячо, не так ли, дружок?

Преследуемый мыслью о том, что эти ребята наболтают о Могвае репортерам, и он потеряется в суматохе, Рой трудился самоотверженно. К счастью, он привык к самодисциплине, поскольку работал в двух местах, еще когда учился в колледже. Он научился спать на ходу, думать на ходу и есть на ходу. Зная, что этот вечер он проведет в лаборатории, он послал одного из учеников, живших в школе, на улицу за бутербродами. Жуя один из них, он заметил, как Могвай с голодным видом смотрит на него.

— Почему бы и нет? — улыбнулся он. — Мы же вместе работаем. Закуси-ка!

Просунув кусочек через решетку, он засмеялся, когда Могвай схватил и проглотил его, как давний любитель готовых бутербродов.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь самое время уколоть тебя еще раз в интересах науки.

— Я знаю, что ты в этом погряз в интересах науки, но это никак не способствует сбору подписей под моей петицией.

Кейт вообще-то не очень сердилась. Но ее волновало то, что у Билли, казалось, нет времени помогать ей общаться с людьми. Она понимала, что он занят проблемой Могваев, но ей не хотелось отказываться от своей главной задачи — помешать миссис Дигл осуществить план своей экспансии.

Был конец дня, они только что ушли с работы. Кабачок Дорри еще пустовал, только Меррей Фаттерман сидел у дальнего конца стойки и посасывал свою выпивку. Войдя, Билли и Кейт поприветствовали его, но им показалось, что он не очень был расположен к общению, и они не подошли к нему. Заняв столик в углу как можно дальше от видеоигр, где какие-то подростки гонялись за космическими пришельцами, они заказали кофе и начали понемногу приходить в себя после трудного дня в банке.

— Ты права, — объяснил Билли. — Я действительно погряз. Просто я не могу уходить из дома надолго. Мама не будет знать, что делать, если эти Могваи вырвутся или еще что-нибудь. Если бы не это, я бы помог тебе разносить эту петицию от двери к двери...

— Где они, кстати? — спросила Кейт. — По-прежнему у тебя в комнате?

Билли кивнул.

— Но мама иногда выпускает их. Не на улицу, но вниз. Ей кажется, что жестоко держать их все время взаперти.

— А ты не боишься, что они забрызгаются водой?

— Да нет. Нигде ничто не течет, и мы закрываем кухню и ванную. Ну, я думаю что если бы они *знали*, что могут плодиться таким образом и хотели бы этого, они нашли бы возможность. Но они довольно покорны. И Барни ходит за ними повсюду. Если они влезают не туда, куда, по его мнению, можно, он предупредительно лает.

Кейт улыбнулась.

— От миссис Дигл больше ничего не было? — спросила она.

— Было. Она сегодня что-то пробормотала себе под нос — но достаточно громко, чтобы я слышал — насчет того, что дни Барни практически сочтены.

— Интересно, что она имела в виду? Она блефует?

— Не знаю. Хотя вполне возможно, что она наняла кого-нибудь отравить его.

Они сидели молча, пили кофе. Потом, не поднимая глаз, Кейт проговорила:

— Внимание. Он идет к нам. Слегка перебрал, по-моему...

Неровно шагающий мистер Фаттерман чуть не грохнулся на пол как раз перед их столиком. Кейт быстро добавила:

— Довольно сильно перебрал.

— Привет, ребята! — сказал Фаттерман, пододвигая стул. Закрыв своей мозолистой ладонью руку Кейт, он улыбнулся: — Я буду оригинален. Большинство спрашивает тебя, когда ты заканчиваешь работать. Но я хочу тебя спросить, когда ты начинаешь.

— Только через пятнадцать минут.

— О-о!..

— А что?

— Тогда я пожалуюсь прямо сейчас, — ответил Фаттерман низким голосом. — Дорри не интересно. Ты слушаешь. Человек может рассказать тебе о своих проблемах, и ты посочувствуешь. Не ждать же мне еще пятнадцать минут!

— Хорошо, — улыбнулась Кейт. — Я не приступила еще к работе, но все равно, рассказывайте мне.

— Это, эта дура... вздорная... никак не хочет нормально себя вести, чтобы я ни...

— Это вы о своей жене? — спросила Кейт.

— Нет, — сказал он. — Это снегоуборочная машина. Чертовка!

— Но мне кажется, вы говорили, что она прекрасно работает, мистер Фаттерман, — сказал Билли.

— Так и было! Но до того момента, как я отдал ее в починку, и ее напичкали иностранными деталями. Каждая прокладка, свеча зажигания — все иностранное! Неудивительно, что она сломалась. Это все равно, что подать жирные отбивные на свадьбе. Вы слышали, чтобы кто-нибудь когда-нибудь подавал жирные отбивные на свадьбе?

Билли покачал головой. Фаттерман продолжал:

— Конечно, нет! Там подают добрую старую амери-

канскую еду! Если подать гостям жирные отбивные, никто уже больше не сможет сдвинуться с места. То же и с машинами, и с грузовиками. Иностранные детали — это как жирные отбивные. Вареный рис. Густой, клейкий.

— Мне еще не приходилось слышать, чтобы об этом говорили подобным образом, — сказала Кейт, посмеиваясь, — но, может, вы правы, в этом что-то есть.

— Они мстят нам за то, что мы выиграли войну, — сказал Фаттерман заплетающимся языком, но твердо. — Они запихивают в свои детали гремлинов, тех самых гремлинов, которые ломали наши самолеты в Большой войне.

— Большой войне? — спросила с удивлением Кейт.

— Во Второй мировой войне! — выпалил Фаттерман. — Ну, знаешь, той, которая была после Первой мировой войны.

Кейт и Билли засмеялись.

— Во всяком случае, — продолжил Фаттерман, — они засылают сюда своих гремлинов... в автомобилях, радиоприемниках, а теперь вот и в свечах зажигания.

— А где сейчас ваш снегоочиститель? — спросила Кейт.

— За углом. Он сломался, когда я заворачивал на стоянку. Я первый раз за сегодняшний день решил отдохнуть.

— Подвезти вас домой? — спросила Кейт.

— Нет, спасибо, — ответил Фаттерман, с трудом вставая, — Жена за мной едет. Наверное, уже подъехала. Спасибо, что выслушали меня. Мне это было нужно.

— Пожалуйста, — ответила, улыбаясь, Кейт. — Может быть, вам купить по дороге жирных отбивных? Это вам должно помочь.

— Слишком жирно будет, — засмеялся Фаттерман и помахал рукой, направляясь к двери.

Билли откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Ты была так мила с мистером Фаттерманом, — сказал он.

— Я привыкла, — ответила Кейт. — Люди все одинаковы. Им нужно, чтобы кто-нибудь их выслушал. Особенно в праздничные дни.

— Почему?

— Потому что всеобщее веселье многих подавляет.

— Мне казалось, что в праздники все счастливы, — задумчиво проговорил Билли.

— Большинство — да, — сказала Кейт. — Но некоторые — нет. Они вскрывают себе вены, когда остальные вскрывают подарки.

Билли покачал головой.

— Ничего себе, веселые у нас мысли.

— К сожалению, это так. Самоубийств всегда больше происходит в праздники.

— Перестань! Теперь у меня начнется депрессия.

— Извини. Не буду...

Что-то в ее голосе обеспокоило его.

— У тебя бывает депрессия во время Рождества? — спросил он.

— Знаешь, я не справляю Рождество, — ответила она. — Для меня оно не существует.

— Почему? Ты что — исповедуешь индуизм или что-то в этом роде?

— Нет, я просто не люблю...

— Но... почему?

— Ты правда хочешь знать? — спросила она, глядя на него почти что с вызовом.

— Конечно. Потому что я хочу все о тебе знать.

Она отвела глаза.

— Не знаю, — промолвила она, глядя в пространство. — Не знаю, почему Рождество всегда приносило нам несчастья. Моя бабушка умерла на Рождество. Я ее любила больше всех... У меня был аппендицит на Рождество. Он лопнул, когда я открывала подарки. Даже моя собака Снэппи погибла на Рождество. Ее переехали двое больших ребят на санях... Но самое худшее... Боже, это было ужасно...

— Что? — спросил Билли.

— Это был канун Рождества, — продолжала Кейт медленно, как бы в состоянии транса. — Мне было шесть лет. Мы с мамой украшали елку... пели рождественские песенки, радовались, ждали, когда папа вернется с работы. — Она помедлила, вздохнув. — Прошло часа два-три, потом еще. Папа не приходил. Мама позвонила ему на работу... никто не ответил... Уже закрылись все магазины. Тогда мы с мамой начали волноваться...

Билли молчал, боясь услышать, чем закончится рассказ, и в то же время с нетерпением ожидая, когда же она продолжит.

— В общем, мы не спали всю ночь... Он не пришел... Рождественский день казался бесконечным, известий все не было... Полиция начала поиски. Прошла неделя, две

недели. Мама была близка к нервному срыву, мы с ней не могли ни есть, ни спать... Однажды, в январе, когда на улице шел снег... В доме было страшно холодно, и я попыталась разжечь огонь... И вот тут я заметила...

— Заметила... что? — пробормотал Билли, не спуская с нее глаз.

— Запах... Откуда-то шел этот ужасный запах... Пришел пожарный и взломал верхнюю часть дымохода. Мы с мамой думали, что он вытащит дохлую птицу или кошку но... вытащили отца.

Билли вздрогнул, глаза его расширились.

— Он был в костюме Деда Мороза, — продолжала Кейт. — Он хотел пролезть к нам в сочельник через дымоход, в руках было полно подарков. Он хотел удивить нас, но, наверное, удивил только себя... Не знаю, что там произошло... наверное, он оступился, сорвался и сломал шею... и тут же умер. По крайней мере, он не страдал долго... Он оставался там, застряв в дымоходе... Вот так я и узнала, что Дедов Морозов не бывает, вот почему я не люблю Рождество.

Застывшее лицо Билли смягчилось, когда он увидел, что глаза ее заблестели.

— Это ужасно! — сказал Билли, коснувшись ее руки.

Кейт шмыгнула носом, потом улыбнулась. Она пожала руку Билли.

— Вот какая у меня рождественская сказка. Я ее иногда пересказываю, когда меня спрашивают, почему я не люблю Рождество. Вообще-то ты один из немногих, кто не высказал сомнения. Большинство людей просто странно смотрят, а есть и такие, кому просто смешно.

Осознание того, что он способен сострадать, немного успокоило Билли. Это было удивительно — узнавать что-то о Кейт, которая обычно сохраняла в тайне все, что касалось лично ее и ее семьи.

— Кейт, я очень, очень тебе сочувствую, — сказал он. — Я ощущаю себя жалким придурком, как меня всегда называет Джеральд.

Кейт засмеялась.

— Нет, ты не придурок, Билли. Ты просто думаешь о том, что чувствуют другие. Если это свойственно всем придуркам, я готова с ними дружить.

— Вот один из них рядом с тобой.

Полоска решился. Уже пятнадцать минут за ним по пятам ходил большой пес с печальной мордой, пора было принимать решительные меры. Недопустимо, чтобы этот шумный чурбан все время следил за ними, когда они начнут действовать. Это было практическим аспектом ситуации; приятное состояло в том, что бороться с Барни будет весело, и на этом они потренируются.

Собрав остальных Могваев, Полоска набросал в общих чертах план действий, которые нужно было предпринять немедленно. Другие, как он и предполагал, восприняли все с энтузиазмом.

— Как только хозяйка дома пойдет к соседям на чашечку кофе после обеда, — распоряжался Полоска, — мы собираемся. До тех пор работаем каждый по отдельности. С помощью вот этого... И он роздал собратьям длинные булавки, которые нашел у миссис Пельтцер в корзине для рукоделия.

— Еще кое-что есть в мусорном ведре под раковиной, — сказал он. — Собачьи объедки. Вы двое разжуйте их, а потом разбросайте повсюду, чтобы можно было подумать, будто его вырвало.

Линн Пельтцер заметила, что Барни ведет себя необычно, сразу после обеда. Время от времени он начинал лаять, причем, казалось, без всякого повода. Могваи были на свободе, но никто из них не приставал к Барни.

Самое худшее произошло около двух часов. Барни начал выть, несколько раз гавкнул, потом выскочил в гостиную, на носу у него были остатки еды.

— Что ты сделал? — спросила Линн с укором. Пройдя в прихожую, где он находился, она без труда обнаружила большую массу рвоты, стекающей по обоям. По ее новым обоям!

— Что происходит? — закричала она на Барни. — Почему ты не можешь плюнуть на пол, как другие собаки? Почему у меня пес, которого рвет на стену?

Прогнав Барни, она начала уборку. Пока она была занята, Полоска воспользовался случаем и потихоньку поздравил своих товарищей. Они положили руки друг другу на плечи, как футболисты, и он прошептал им дальнейший план.

Со стороны могло показаться, что Могваи танцуют,

так хорошо были скоординированы их движения. Пока двое из них отвлекали Барни на достаточном расстоянии, третий вскочил на стул и одним махом отхватил кусок торта, который миссис Пельтцер покрывала глазурью. Двигаясь по направлению к Барни, Полоска схватил стул и сильно стукнул им об пол. Это было сигналом для двух Могваев, которые бросились к Барни с двух сторон, и пес громко заскреб когтями по плиткам пола.

— Что здесь творится? — крикнула Линн.

Когда Барни повернулся на звук ее голоса, Могвай, державший кусок торта, запихнул его псу в пасть. Беззвучно смеясь, все четверо ринулись из кухни со всех ног.

Все было совершенно очевидно, когда Линн вошла в кухню — ее торт был испорчен, крошки и глазурь все еще были у Барни на морде, больше там никого не было.

— Что на тебя нашло? — закричала она.

Выбросив торт в мусорное ведро, она прогнала Барни в подвал, но запирать его не стала. Пусть посидит виноватым час-другой, потом она выпустит его. В конце концов, возможно, что его странное поведение — результат действия какого-то вируса или просто временное помешательство. Собаки и Могваи, в конце концов, не очень отличаются от людей.

Через час, когда Линн Пельтцер сидела у соседей, Полоска привел свою армию к красиво украшенной рождественской елке в гостиной. Быстро работая, трое начали разматывать несколько гирлянд лампочек, а четвертый схватил нитки дождика и мелких украшений. Потом совместными усилиями они перевернули елку и потаскали ее туда-сюда по комнате, оставляя на полу осколки стекла и поломанные ветки.

— Теперь быстро! — приказал Полоска, ведя их к двери в подвал, которая была слегка приоткрыта.

Четверо Могваев скатились по лестнице, таща за собой гирлянды лампочек и дождика. Барни, свернувшийся в углу около масляной горелки, вскочил на ноги, глаза его загорелись. Развернувшись в цепь, Могваи подскочили к рычащему и оскалившемуся псу, как римские гладиаторы, вооруженные сетями и трезубцами, бросались на дикого зверя. Барни, боясь поранить их, лишь пытался уворачиваться. Некоторое время ему удавалось сбрасывать провода почти сразу же, как только они попадали ему на спину. Потом возникло затруднение: один из патронов застрял у него под ухом, а кусок провода обмотался вокруг лап. Могваи тем временем кололи его булавками. Вскоре Барни лежал на полу, полностью запутавшись в проводах. Согнув концы и сделав двойные петли, Полоска связал их так, чтобы пес не смог бы освободиться без помощи людей.

— Теперь бежим! — проскрипел Полоска. — Наверх к Билли в комнату, и спать.

Рэнд Пельтцер, который закончил работу пораньше, чтобы поспать пару часов перед последней в году деловой поездкой, вошел в дом через несколько секунд после того, как Линн вернулась черным ходом.

Крики Рэнда и возню Барни в подвале она услышала одновременно. Заглянув через открытую дверь, она увидела пса на верхней ступеньке, его связанные передние лапы были сложены вместе, как в молитве, полные ужаса глаза были дико расширены; оскалив зубы, он пытался освободиться от пут.

— Что произошло? — спросил Рэнд.

Линн увидела лежавшую на боку рождественскую елку. Сложив элементы мрачной загадки, Рэнд и Линн одновременно кивнули головой.

Когда они прибрали в гостиной, Линн помогла перетащить все еще барахтающегося Барни в кухню и освободила его от проводов. Рэнд, что-то бормоча под нос, снял с собаки остатки серебряного дождика.

— Как же ты сумел так завернуться? — спросила Линн, качая головой.

— Наверно, у него поехала крыша, — сказал Рэнд.

Линн описывала странное поведение Барни весь день, когда вошел Билли. Когда он услышал про вой, рвоту, кражу торта и поведение камикадзе, атаковавшего рождественскую елку, озабоченность в его взгляде уступила место чему-то близкому к панике.

Рэнд, пытаясь найти хоть какое-то разумное объяснение, сказал:

— Может, из-за этих Могваев он пытается привлечь к себе внимание. Ревность, знаете ли. Кстати, я не удивлюсь, если узнаю, что эти маленькие дьяволы издевались над ним.

— Нет, — промолвила Линн. — Они ему не досаждали. Они почти весь день спали наверху.

— Значит, это миссис Дигл, — сказал резко Билли. — Наверняка она.

— Миссис Дигл?.. — спросила Рэнд. — Зачем ей это?

— Потому что он трется об ее керамического снеговика, и у того отвалилась голова. Она давно уже некрепко держалась, но для старухи это неважно. Она умрет, если не найдет объект для своей ненависти.

— Но, Билли, — остановила его Линн, — мы не можем никого обвинять. Даже миссис Дигл...

— Но она угрожала Барни. Кейт слышала.

— Но этого недостаточно для обвинения, сынок, — сказал Рэнд. — Вокруг дома на снегу нет никаких следов.

— Неважно! — ответил Билли. — У нее достаточно денег, чтобы нанять настоящего профессионала. Я слышал, есть такие люди, способные за деньги напичкать лекарствами или отравить любое животное.

Рэнд пожал плечами.

— Может, лучше отвезти Барни к твоей матери? — предложил он. — Это же как раз по пути в Миллерсвилл Молл, где у меня деловая встреча. Я мог бы оставить его и привезти обратно на Рождество.

Билли кивнул.

— Мне было бы гораздо легче, если бы ты так сделал, папа.

— Отлично, решено.

Погладив Барни по голове, Рэнд потянулся и начал расстегивать пуловер.

— До скорого, собачка, сейчас немного посплю и увидимся.

Он вышел из кухни, Барни поплелся за ним. Линн прикрыла руку Билли своей рукой.

— Постарайся не волноваться, — сказала она. — Я уверена, это безумие всего на один день. Люди ведь тоже иногда сходят с катушек, а потом становятся нормальными. С животными такое тоже может случиться.

— Откуда они? Как они попали сюда?

Кучка актеров стояла и смотрела на странный, похожий на стручок, предмет, их лица выражали недоумение и страх. Классический фильм ужасов 1956 года «Нашествие похитителей тел» был одним из любимых старых фильмов Билли. Иногда он поворачивался к экрану — когда там появлялась великолепная стройная Дана Винтер. А так он просто слушал, сосредоточившись на рисовании.

Было одиннадцать часов вечера, фильм только начинался, когда четверо новых Могваев пробудились от сна и стали просить есть. Билли кинул им горстку шоколадных конфет — они проглотили их вместе с фантиками в считанные секунды. Минуту спустя они снова начали клянчить.

Билли посмотрел на часы. Было полдвенадцатого. Достаточно времени до полуночи, чтобы успеть покормить их, но ему было лень двигаться.

— Отстаньте, ребята, — сказал он. — Вы хорошо поужинали несколько часов назад. Ложитесь опять спать, и мы покормим вас утром.

Его отказ вызвал хор негодования, но через минуту-другую Могваи угомонились, явно поняв, что их просьбы останутся без ответа.

Рой Хэнсон посмотрел на часы и вздохнул. Была уже почти полночь, а он все еще не смог определить несколько основных компонентов крови Могвая. В результате и он, и подопытный разозлились друг на друга и устали. Хэнсон — от бесплодных усилий, Могвай — от всех этих болезненных уколов.

— Безусловно, — пробормотал Хэнсон зверьку, который злобно смотрел на него из дальнего угла клетки, — мы с тобой действуем друг другу на нервы, так? Может быть, пора сделать перерыв?

Он еще раз проверил свои записи и убедился, что у него в лаборатории нет подходящего оборудования для проведения нормальных анализов. Завтра, послезавтра или после рождественских праздников он отвезет Могвая в большую лабораторию и проведет новые анализы. Продолжать работу в этих условиях — пустая трата времени.

В желудке у него урчало от голода.

— А вот и еще повод, чтобы прерваться, — пробормотал он. — Я умираю от голода.

В течении четырех-пяти часов, когда ему казалось, что он на пороге открытия, у него в зубах не было ничего, кроме одного из пары бутербродов с салями и сыром, которую ему принесли раньше. В животе у него по-прежнему урчало, и он посмотрел на оставшийся бутерброд — отчасти с желанием, отчасти с отвращением: хлеб уже начал черстветь, а краешек сыра закручиваться. Он поднял верхний кусок хлеба, под ним

оказался листик салата, раскисший и побуревший, беловатый соус (разве он не сказал «без майонеза»?), лежащий, как клей, между вялыми листьями и кусочками мягкого, теперь уже теплого мяса.

— Нет, спасибо! — пробормотал он, бросая хлеб на обертку. — Я хочу настоящей еды.

Сильный запах пищи заставил Могвая чуть ли не забиться в конвульсиях. Воя все громче и громче, он схватился за прутья клетки, как разгневанный узник тюрьмы, и наконец запрыгал с криками — то жалобными, то злобными.

Хэнсон посмотрел на зверька с сочувствием.

— Да ты, наверное, голоден! — воскликнул он. — Можешь съесть бутерброд, хотя я не гарантирую, что он хороший.

С этими словами он просунул бутерброд вместе с оберткой через прутья.

Выходя из лаборатории, он услышал, как Могвай принялся за бутерброд с нескрываемой жадностью.

Полоска хотел есть, может быть, даже больше, чем остальные. Пока они мирно спали, он спокойно лежал, закрыв глаза, и строил планы.

После отъезда пса — около часа тому назад он слышал, как тот лаял, когда Рэнд запихивал его в машину, — шансы их возросли. Если этот мужчина тоже уехал на некоторое время, это еще больше увеличивало их возможности. Проблема состояла в том, что он не мог придумать, как им выйти из дома, если только никто не оставит по небрежности открытой дверь или окно. Достаточно ли будет численного преимущества? Полоска не хотел рассчитывать на это, как и просто на чужую оплошность.

Если бы только мы могли увеличиться в размерах! — думал он. Он не знал, *откуда* ему известно об этом, и как можно вызвать этот рост. Инстинкт говорил ему, что нужно подождать, но недолго. Дня два, не больше.

Тем временем он по-прежнему хотел есть и страшно злился оттого, что тот, кого Подарок называл «хозяином», поленился сходить вниз и принести чего-нибудь. Они пытались добиться своего с помощью просьб и угроз, но тщетно. Как еще его можно убедить?

Казалось, молодой человек был поглощен созерцанием ящика, в мерцающем пространстве которого двигались маленькие люди. Видимо, он, как и очень многие вещи в доме, работал от провода, вставленного в стену. Полоска вспомнил, что, изучая рождественскую елку, прежде чем так одурачить пса, он вытащил конец провода из стены, и в результате этого действия лампочки погасли. Может быть, этот ящик работает так же?

Он осмотрел комнату и увидел, что черный провод от ящика исчезает за столом Билли. В нескольких футах оттуда около плинтуса тот же провод (или очень на него похожий) был вставлен в стену. Полоска решил, что это, наверное, тот же самый. Вытащив вилку из стены, можно привлечь внимание молодого человека. Причинив ему неудобства, можно заставить его принести им еды.

Спланировав все таким образом, Полоска отделился от группы и медленно пробрался к проводу. Схватив его, он повернулся ухом к телевизору.

— Майлз! — крикнула Дана Винтер.

Последовала долгая пауза.

Полоска ждал, ругаясь про себя. Что, молодой человек выключил звук? Или это просто драматическая пауза по ходу действия?

— Майлз! — снова сказала Дана Винтер, и опять последовало молчание.

— Ну, я не могу здесь ждать вечно! — пробормотал Полоска. С этими словами он выдернул вилку из розетки и как можно быстрее кинулся к сородичам.

Прошла почти минута. Потом диалог, донесшийся из ящика, показал ему, что тот работал по-прежнему. Полоска скрипнул зубами, свернулся калачиком и попытался уснуть. Когда он понял, что пустой желудок не даст ему сделать это, он еще раз решил испробовать устное убеждение. Растолкав своих сородичей, он велел им, чтобы они всерьез достали «хозяина», и они хором начали угрожающе выть. Вскоре Билли оторвался от рисования и повернулся к группе.

— Господи, как вы ужасны, — сказал он.

Вспомнив о том, как ему случалось быть очень голодным, он посмотрел на часы рядом со столом. Они показывали 11.40.

— Хорошо, — сказал он, вставая и выключая телевизор. — Но учтите — есть придется быстро.

Стремглав он спустился в кухню, нашел остатки

какой-то еды и вернулся в комнату. Могваи слопали все так быстро, что Билли даже не успел посмотреть на часы. Сворачивая в шарик кусочек фольги, на которой подавал им еду, он вдруг сообразил, что забыл про Подарка. Однако накопившаяся усталость помешала ему и дальше проявлять доброту.

«Все равно он спит», — подумал Билли, выключая свет и буквально падая на кровать.

Билли проспал всю ночь без сновидений и, открыв глаза, увидел сереющий рассвет за опущенными шторами. Инстинктивно он взглянул на часы.

На них было 11.40.

В мозгу его забилась тревожная мысль.

Он услышал голос, интонация которого напоминала человеческую, но это не было голосом человека.

Одиннадцать сорок.

«Я-та-та, я-та-та, я-та-та...» Старый фильм о тюрьме, где во дворе толпа людей кричит «я-та-та, я-та-та, я-та-та...» Сейчас только один голос... Фальцет, выводящий «я-та-та...»

Одиннадцать сорок.

Внезапно Билли резко сел в кровати. Он закрыл руками глаза и подождал, чтобы фантазия перестала смешиваться с реальностью. Медленно отнимая руки, он посмотрел на часы.

Стрелки были в том же положении. Но не может быть... Он не мог так проспать...

Когда мысль начала формироваться в его медленно работавшем мозгу, он опустил глаза и проследил за проводом от настольных часов, который исчезал за столом, а потом шел по стене к плинтусу, где он...

Провод был выдернут.

«Я-та-та, я-та-та», — теперь голос был более знакомый — голос разумного существа, пытающегося образовать слова. Рот Могвая судорожно сжимался, глаза были расширены, он жестикулировал своими толстыми пушистыми лапами.

— Подарок! С тобой все в порядке?

Билли соскочил на пол и поискал тапки. При этом он заметил четыре незнакомых предмета в комнате.

Звук, вырвавшийся из его груди, не был похож на крик, на ругательство или вообще на какое-либо слово. Внезапно возникнув и полностью наполнив комнату, он

так испугал Билли, что он почувствовал, как его тело затрепетало, страшная судорога заставила его свернуться почти в положение эмбриона. Когда это состояние прошло, он понял, что обеими руками плотно закрывает глаза.

Постепенно голос Подарка проник в ложную безопасность темноты. Отняв руки от глаз, Билли решился подольше посмотреть на странное зрелище, открывшееся ему.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Для Пита Фаунтейна всегда было проблемой — найти хоть какой-то повод для радости. В свои тринадцать лет он как должное принимал такие вещи, как хорошее здоровье и обилие еды, и посмеивался над родителями, для которых эти повседневные радости были поводом для небольших праздников. Нет, Питу нужны были более грандиозные и более значительные причины для радости, и сегодня их у него было целых три.

Прежде всего, это был последний день учебы перед Новым годом, что означало отсутствие скучных уроков, домашних заданий, и возможность спать по утрам, сколько влезет. Во-вторых, это был последний день, когда он изображал рождественскую елку. Эта роль ему нравилась в восьмилетнем возрасте, но теперь она его так унижала, что он начинал думать о ней с отвращением уже в сентябре. Это означало, что после этого вечера у него будет по крайней мере девять месяцев до того, как тучи вновь начнут сгущаться.

В-третьих, и это самое главное, накануне вечером он позвонил Мэри Энн Фабрицио и подготовил почву для первого свидания. Правда, он не назначил ей времени, не оговорил, чем они будут заниматься, но был близок к этому несколько раз, и она, казалось, с интересом отнеслась к разговору. Медленно идя к школе, спустя почти двенадцать часов, он вспоминал их долгую беседу. Проигрывая ее снова и снова, он с разочарованием отметил, что упустил несколько прекрасных возможностей пошутить, сделать тонкие замечания и назначить свидание. Ну и что? Теперь он мог воссоздать их, и, кстати, сочинить по дороге несколько слов — в основном выражение удивления по поводу того, как Мэри Энн могла так долго не замечать такого мужчину-тигра.

Так, погрузившись в воображаемый диалог, Пит не услышал шагов позади и не сразу вернулся к действительности.

— Надеюсь, я не влезаю в частную беседу, — произнес чей-то голос.

Это был мистер Хэнсон. Глаза у него были красные, и, как отметил Пит, походка была не такой энергичной и пружинящей, как обычно.

— Здрасте, — сказал Пит.

Он был смущен вдвойне. Плохо было уже то, что мистер Хэнсон слышал, как он разговаривает сам с собой. Хуже было другое — увидев, как они с мистером Хэнсоном шли рядом, одноклассники решат, что он дружит с учителем, и начнут обливать его презрением. Что же придумать? Однако ничего, кроме как повести себя грубо или броситься бежать, в голову Питу не приходило.

— Я репетирую роль рождественской елки, — объяснил он, довольный тем, что смог наконец найти приемлемое объяснение. — Я каждый год наряжаюсь рождественской елкой и помогаю отцу продавать их.

— Ах да! — улыбнулся Хэнсон. — Мне кажется, я тебя видел, хотя и не узнал в этом наряде. Да ты светишься больше, чем городской пьяница.

— Да, сэр, — сказал Пит, заставив себя хихикнуть. Сколько раз он слышал эту шутку с тех пор, как впервые нацепил фонарики и дождик. Другая дежурная шутка была о том, что Пит все «приукрашивает».

— Ты не разговаривал с Билли? — спросил Хэнсон. — Ему будет интересно узнать, что я выяснил об этом зверьке, которого он здесь оставил.

— Да, сэр! Вчера он сказал, что собирается позвонить вам сразу после Рождества.

— Знаешь, чтобы решить эту биологическую загадку, требуется гораздо больше времени. Эти маленькие пушистые создания только кажутся простыми, на самом деле их очень трудно классифицировать. По крайней мере, у меня это не получается. Они похожи на млеко-

питающих, иногда ведут себя как рептилии, но это ни то, ни другое. По крайней мере, в классическом смысле.

— Он за ночь вырос? — спросил Пит.

— Я этого не заметил. Может, зайдем на минутку — посмотришь сам?

Пит кивнул, не зная, как отказаться. Ему хотелось снова увидеть Могвая. Когда они вошли в кабинет мистера Хэнсона, избавившись от любопытных взглядов других учеников, Пит вздохнул с облегчением. Согревшись в отапливаемой паром школе, он стянул перчатки и начал расстегивать пальто, следуя за мистером Хэнсоном через класс в просторную лабораторию.

— О, Боже!

Внезапно все в поле зрения Пита оказалось закрытым широкой спиной и плечами Хэнсона, который, сделав пару шагов в лаборатории, отскочил назад, как от удара.

— Что... — услышал Пит свой голос и выставил вперед руки, чтобы избежать столкновения с мистером Хэнсоном.

Кое-как восстановив равновесие, Хэнсон поддержал Пита за плечи, потом повернулся и ринулся в лабораторию к какому-то зеленому предмету в дальнем углу.

Пит последовал за ним.

Издалека предмет формой напоминал круглый арбуз, корку которого покрывал слой липкой слизи с прожилками. Несколько прутьев проволочной клетки — в которой он явно застрял — были сломаны или выгнуты наружу тяжелой мясистой массой. Слабое потрескивание, словно посасывание слюны сквозь зубы, раздавалось по всей поверхности по мере того, как жидкое месиво, из которого состояла верхняя оболочка, меняло форму и состав прямо на глазах Пита и Хэнсона.

— Ого! — выдохнул Пит. — Это то, что было тем маленьким животным? Когда это произошло?

— Вчера вечером, — пробормотал Хэнсон.

С этими словами он начал рыться в ящике с инструментами, наконец нашел кусочки, с помощью которых перекусил оставшиеся прутья клетки.

— Зачем вы выпускаете его? — спросил Пит, прикидывая, как быстрее выбраться из лаборатории. — Я бы не стал этого делать...

— Не хочу, чтобы его убили или поранили прутья, — спокойно ответил Хэнсон. — Сейчас он не представляет для нас опасности, я уверен. Это у него вроде куколки.

Завороженный видом страшного шара, Пит не удержался и потрогал его. Сразу же отдернув руку, он посмотрел на клейкую массу, прилипшую к кончику пальца.

— Н-да, — сказал он.

Увидев, что Пит собирается вытереть палец о брюки, Хэнсон кинул ему старую тряпку.

— Возьми это! — сказал он.

— Спасибо, мистер Хэнсон. Боже, это такое клейкое, — пробормотал Пит, радуясь, что не стал использовать брюки для стирания этого вещества.

Он наблюдал, как мистер Хэнсон ходил вокруг остатков разгромленной клетки, изучая чудовищный зеленый клейкий шар со всех сторон.

— Как, вы сказали, это называется? — спросил он. — Стадия куклы?

— Куколки. Стадия куколки, — ответил Хэнсон.

— Как детская игрушка?

— Нет, — сказал Хэнсон, — хотя здесь есть аналогия. Стадия куколки — это стадия в развитии насекомого, которая следует за стадией личинки и предшествует появлению взрослой особи. *Это* внутри проходит эту стадию.

— Как моя мама? — улыбнулся Пит. Небольшое знакомство с предметом уже избавило его от страха.

Хэнсон слегка улыбнулся.

— Нет, это по-другому, — объяснил он. — Это мы называем метаморфозой. Изменение формы... внешнего вида.

— Да, как моя мама.

Хэнсон записал что-то в блокнот, потом вдруг уронил карандаш и щелкнул пальцами.

— Билли! — промолвил он, и в голосе его прозвучала тревога. — Ты знаешь его телефон?

— Конечно, — сказал Пит. — А что?

— Мне только что пришло в голову, — ответил Хэнсон, — если у нас один такой, и это уже пугает, интересно, как он чувствует себя с четырьмя.

Ему вспомнилась фраза из «Нашествия похитителей тел»: «Откуда они появились?»

Билли смотрел на четыре слегка пузырящихся шара, размышляя о том, стоит ли проскользнуть между ними или лучше прыгнуть через них, когда зазвонил телефон. Почти благодарный этому вмешательству, он схватил трубку так быстро, что телефон с шумом упал на пол. Он не поднял его.

— Алло!

— Билли Пельтцер?

— Да.

— Это Рой Хэнсон. Я звоню из школьной лаборатории. Знаешь, тут у нас кое-что произошло...

— Да! И здесь тоже.

— Твои четыре Могвая перешли в стадию куколок?

— Я не знаю, как это называется...

Хэнсон быстро описал массу, которая была перед ним и понял, что у Билли четыре таких же.

— Через какое-то время они претерпят превращение, — заключил Хэнсон. — Это единственное объяснение тому, что происходит, которое я могу придумать.

— Вы кормили вашего после полуночи? — спросил Билли.

— Да, ты сказал — и я вспомнил. В этом есть что-то особенное?

— Пит не сказал вам о том, как их кормить?

— Нет!

— Мальчик-китаец предупредил нас, чтобы мы не кормили их после полуночи, — сказал Билли. — Пит должен был сказать вам об этом, но, наверное, забыл.

— Ты кормил своих? — спросил Хэнсон.

— Да, сэр. По ошибке. Штепсель от моих электрических часов почему-то был вытащен из стены. Может, они это сделали. Во всяком случае, я думал, что еще только одиннадцать сорок, и я им дал поесть. Но я не кормил Подарка. И теперь Подарок такой же, как был, а остальные четверо выглядят так, как будто готовятся к взрыву или нападению.

— Я сомневаюсь в том, что это случится, — уверил его Хэнсон. — Может, они будут слегка шуметь, но так и должно быть, чтобы они вывелись. Через пару дней они наверняка превратятся в такую форму жизни, какой мы раньше никогда не видели.

— Я не могу ждать, — простонал Билли. Потом спросил. — Когда это может случиться?

— Понятия не имею.

— Я могу пойти на работу и оставить их? У меня сегодня очень загруженный день, но я не хочу оставлять маму одну, если есть какая-то опасность.

— Я уверен, что у нас еще есть время, — ответил Хэнсон. — В любом случае покажи ей, что произошло, чтобы она была готова бежать, если из этих коконов вылупится что-то ужасное. И закрой их где-нибудь, чтобы они не смогли выбраться.

Билли посмотрел на растущие шары.

— Мне кажется, из этого могут получиться только чудовища, — сказал он зловеще.

— Не будь так уверен, — пробормотал Хэнсон. — Помнишь бабочку? Будем связываться в течение дня, ладно?

— Да, сэр.

Билли повесил трубку и закончил одеваться, все время посматривая на своих новых соседей. Тем временем Подарок продолжал что-то говорить и в голосе его была смесь тревоги и упрека.

— Не волнуйся, — успокоил его Билли. — Я не оставлю тебя одного с этими.

Вынув Подарка из клетки и положив его в старый рюкзак, который он нашел в углу кладовки, Билли осторожно пробрался мимо гигантских пузырей. Подходя к двери спальни, он вспомнил про особенность ее запора — она закрывалась только изнутри. Правда, уходя, можно было повернуть собачку замка и захлопнуть дверь, но тогда попасть обратно можно было, только взломав ее.

Прикрыв дверь, но не закрывая ее на замок, он спустился вниз. Мать была занята в кухне своим обычным делом — приготовлением завтрака.

Билли быстро проинформировал ее, видя, как на ее лице легкая тревога сменяется изумлением и наконец ужасом.

— Я хочу взглянуть на это, — сказала она, когда он закончил.

Пройдя за ним наверх, она вздрогнула, увидев четыре странных шара, и долго стояла, глядя на них, печально качая головой.

— Ковер испорчен, — проговорил он.

— Это видимость, — сказала она. — Конечно, я опасаюсь этого, но пока мы не выясним, что это такое, мы можем только наблюдать за ними. Это будет моей задачей на сегодня. А ты иди на работу.

— Хорошо, но мне кажется, лучше запереть дверь, — ответил Билли.

— Не дури. Как ты тогда попадешь в комнату? Нам придется ломать замок.

— Мама, послушай, — сказал Билли твердо. — Я не уйду, если дверь не будет заперта.

— Ой, иди! Все будет в порядке, — Линн не смогла сдержать улыбку, думая о том, как он заботится о ней.

Билли покачал головой и протянул руку к замку.

— Послушай, — сказала Линн, схватив его за руку, — ты опаздываешь, а работу сейчас трудно найти. — Потом она добавила то, что, как она надеялась, могло убедить его. — Особенно такую, где ты работал бы с таким человеком, как Кейт Беринджер.

Не прошло.

— Я не пойду в банк, пока дверь не будет заперта! — сказал Билли решительно.

— Отцу не понравится изображать взломщика, когда нужно будет снова попасть в комнату.

— Но ему понравится, если ты останешься живой, — парировал Билли.

Пожав плечами, Линн повернула ручку в положение «закрыто» и захлопнула дверь. Билли проверил ее и кивнул.

Когда они шли вниз и Билли по-прежнему нес Подарка в рюкзаке, Линн не смогла сдержать неуместное замечание.

— А что, если, — сказала она, — ну, предположим, то, что вылупится из этих коконов, окажется не просто чудовищем, но еще и умным чудовищем.

Билли смотрел на нее, не понимая.

— Я имею в виду, что, если они умны, — продолжала Линн, — то они же сообразят, как просто повернуть замок и выйти.

Билли вздохнул. В том, что она сказала, была доля истины, но ему не хотелось думать об этом.

— Если они будут так умны, мама, — сказал он, — нам всем, я имею в виду — всем на Земле, ничего не останется, кроме как сдаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Была пятница, канун сочельника, во всем Кингстон Фоллз чувствовалось приближение праздника; у одних это вызывало летаргию, у других — чрезмерную активность. В школе дети ерзали за партами, столь же глухие к учению, как кошка к сарказму. Работники, которым не досаждали те, кто отложил приготовления к Рождеству на последний момент, трудились рассеянно и с прохладцей, как человек, сидящий на диете, созерцает блюдо пареной моркови.

Но в магазинах все было совсем по-другому, поскольку лентяи или чересчур энергичные люди, то есть, все те, над чьей головой висели нерешенные вовремя задачи, начали последний поход в поисках подарков. Наблюдая за ними, можно было заметить, как изменялось их поведение по мере приближения Рождества. Дружелюбные, даже жизнерадостные и открытые вначале, теперь, в последний день покупок, они напоминали свирепых солдат и зомби, запрограммированных на выполнение своего задания любой ценой, вопреки любым препятствиям. Влекомые на поиск последних подарков отчаянием, они устремлены к одной цели. Как самолет или корабль, движущийся в густом тумане или глубокой ночью, каждый из них был замкнутый мир, окруженный пустотой, и единственный маяк впереди — смутный образ подарка: чего-то особенного, способного вызвать радость у человека, имеющего все, убедить их, кто ждет Рождества начиная с февраля, в том, что им грозит снова

разочарование, или сделать так, чтобы никто не чувствовал себя обманутым.

Холодный ветер, предвестник снегопада, пронесся по Кингстон Фоллз, сбив набок букву «С» на рекламе Театра Колони, которая возвещала, что сейчас основной спектакль — «БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНОМОВ». Никто не обращал на это внимания, да и у кого было время смотреть на вывеску второй раз. Сейчас было время принятия важных решений. На городской площади Пит Фаунтейн-старший, продавец рождественских елок, дрожал на холоде, понимая, что его бизнес снова близок к точке, откуда нет пути назад. Как долго ему удастся держать такие высокие цены? Это зависело, конечно, оттого, сколько людей, надеявшихся на их снижение, побоятся ждать дольше. Обе стороны знали, что начинается игра на выдержку, в которой кто-то отступит первым. Каждый раз, играя в эту игру, Пит-старший не мог предсказать, чем кончится дело. Три года назад он вот также держал высокие цены до конца и был вознагражден появлением группы запоздавших, хотя и несколько сердитых покупателей. Два года назад он тоже держал высокие цены и остался на бобах с сотнями елок. В прошлом году он снизил цены пораньше и все равно ему не удалось продать все деревья.

Размахивая руками, чтобы согреться, он заметил, как отец Бартлетт остановился на углу у почтового ящика и аккуратно опустил в него несколько пачек поздравительных открыток. Неужели он действительно думает, что они будут доставлены к Рождеству вовремя? Конечно, нет, хихикнул Пит Фаунтейн. Он знал, что все до единой эти открытки были адресованы тем людям, которые удивили отца Бартлетта неожиданными поздравлениями.

Пит-старший хотел бы, чтобы его дела шли так же бойко, как в банке напротив. Непересыхающие людские потоки текли навстречу друг другу через двери этого здания, ибо если Рождество — сам дух праздничного сезона, банк — его сердце. Неподалеку из теплой патрульной машины шериф Рейлли и помощник Брент, неусыпные хранители городской площади, следили за тем, чтобы никто не омрачал праздник скандалом, ссорой из-за подарка или битвой за место на машинной стоянке.

Внутри заведения, где подписанные бумаги всасывались в одну сторону, Билли и еще трое кассиров стара-

лись работать как можно быстрее. Тем не менее, население Кингстон Фоллз, казалось, никогда не было столь многочисленным и столь единодушным; с первой минуты после открытия банка очередь клиентов, выстроившихся вдоль коридора, ограниченного бархатными канатами, тянулась почти до дверей.

Билли не имел ничего против работы. Это же лучше, что голова занята делом, а не идет кругом из-за этих шаров дома. Несколько успокаивало то, что его мать — очень разумный человек и пообещала уйти при первом намеке на неприятности. Во время нескольких очень коротких перерывов в работе банка он пытался рассказать Кейт о том, что произошло, но, возможно, его описания были недостаточно яркими. Поскольку Джеральд Хопкинс торчал за спиной в ожидании ошибок с его стороны, он нервничал еще сильнее.

Так же подействовало на Билла и появление миссис Дигл.

Увидев, как она остановилась, войдя в дверь, Билли подумал — она пойдет к его окошку. Несколько секунд ему казалось, что так и будет. Но когда она, отвернувшись от него, стала пробираться вне очереди к окошку Кейт, он не сдержал вздох облегчения.

— Вам что угодно, миссис Дигл? — голос Кейт был вежливый, но холодный.

— Да, дорогуша, мне кое-что угодно, — поворковала миссис Дигл. — Я так понимаю, вы распространяете петицию, пытаясь помешать мне закрыть этот кабак, где вы работаете по вечерам...

— Если это личное дело, может быть, лучше обсудить его после закрытия банка? — вежливо предложила Кейт.

— Это личное дело! — выпалила миссис Дигл. — Я всегда совмещаю приятное с полезным, а сейчас мне доставляет большое удовольствие сказать вам, что ваша петиция бесполезна. После праздников я продаю Корпорации Хайтокс Кемикал сто четыре объекта.

— Как я и подозревала, — улыбнулась Кейт.

— Как вы и подозревали, и что вы не в силах предотвратить!.. Вы, конечно же, понимаете, поскольку вынюхивали, что в числе ваших объектов ваш собственный дом, а также кабачок. После первого числа я подпишу контракт, и вы все должны будете выехать в течение девяноста дней. Что вы думаете по этому поводу?

— Видимо, мне нечего сказать, — тихо проговорила Кейт. — Будем считать что это ваш рождественский подарок...

— Я буду вам искренне благодарна, если вы не будете нахальничать, девушка.

Кейт открыла было рот для резкого ответа, но тут же решила иначе. Она заговорила мягко:

— Миссис Дигл, вы намереваетесь обидеть много хороших людей. Мои родственники могут оплатить переезд, но у некоторых из тех, кого вы выселяете, просто нет денег на покупку нового дома. Может быть, мы сумеем как-то повлиять на вас, чтобы вы переменили свое решение?

— У вас две возможности! — прокудахтала миссис Дигл, злобно улыбаясь. — Ничего и меньше, чем ничего. А теперь, если вы оформите этот чек, я уйду домой.

Билли посмотрел на Кейт. Впервые за то время, что он знал ее, она, казалось, была действительно глубоко оскорблена и не могла найти слов. Его следующий поступок был инстинктивен и явно безрассуден. Заметив под прилавком швабру, он схватил ее и просунул в окошко перед собой прямо к лицу миссис Дигл.

— Что это? — сдавленно пробормотала она, отпрянув, как будто он собирался ударить ее.

— Это швабра, — ответил Билли.

— И для чего ты мне суешь ее?

— Я подумал, что вам она пригодится — будет на чем поехать домой, — сказал он.

Глаза миссис Дигл расширились и стали круглыми, как у снеговика, когда несколько клиентов рядом с ней в очереди начали хихикать.

Оставив ее со шваброй, Билли взял приходный ордер, который лежал перед ним, и начал оформлять его, время от времени поглядывая на миссис Дигл и Кейт.

Старуху от гнева просто распирало, казалось, что она вот-вот взорвется. Кейт не могла сдержать улыбку. Билли не знал, что будет дальше, но был уверен, что это будет не слишком большой платой за доставленное Кейт удовольствие.

Погруженный в раздумья о загадочном существе и уставший от долгих часов исследований, Рой Хэнсон так же с нетерпением ждал завершения этого бесконечного дня, как и его ученики, которым страшно хотелось выбежать на свежий снег. Отчаявшись добиться их внима-

ния с помощью необычных методов преподавания или интересного материала, слишком упрямый, чтобы позволить им просто сидеть или болтать, он решил занять их повторением пройденного, надеясь, что хоть какие-то сведения у них в головах останутся. Перед ним на столе была цветная электронная модель мозга человека, разные участки которого могли высвечиваться. Он весил около сотни фунтов, и это было великолепное пособие — жаль было использовать его для такого бесполезного занятия. Но у Хэнсона почти не было выбора, и он ринулся вперед.

— Кто-нибудь знает, как это называется? — спросил он, указывая на освещенный участок мозга.

Никто не ответил.

— Чаки? — сказал Хэнсон, кивая упитанному юнцу-переростку с выдающимися зубами.

— Э-э, гренок? — пробормотал Чаки.

— Гренок, — повторил Хэнсон, округлив глаза. — Я их всегда ем в царском салате. Еще варианты?

Саманта Уивер, самая лучшая ученица в классе, поймала его взгляд.

— Зрительный бугор, — сказала она уверенно.

— Близко, но я приглашу другого врача для операции на мозге, — сказал он. — Это продолговатый мозг. Потом, давая волю своему раздражению, он сказал: — Что с вами, дети? Вы посмотрите на это. Когда я был в вашем возрасте, я учился по старым книгам. У вас есть вещи из «Звездного пути», и вы все равно не можете это выучить.

Он сердито смотрел на них. Они избегали встречаться с ним взглядом. В наступившей мрачной тишине очень явственно послышался влажный хлопок, как будто лопнул спелый плод. Звук донесся из лаборатории.

Хэнсон решил проигнорировать его, но когда звук повторился, он понял, что нужно посмотреть, в чем дело.

— Откройте учебник на странице сто тридцать семь и изучите материалы по теме «Мозг». Мне нужно, чтобы все их знали, — когда он встал и пошел в лабораторию, он встретился взглядом с Питом Фаунтейном.

Да, Пит, подумал он видимо, его время пришло.

Нервно посмотрев на часы, он решительно вышел из класса, про себя молясь, чтобы его запуганным ученикам не пришлось услышать, как их крутой учитель позовет на помощь минуту спустя.

Подарок приложил ухо к двери спальни и осторожно прислушался уже в десятый раз после того, как он покинул безопасный рюкзак, чтобы следить за происходящим. Очень плохо, что мать Билли не разделяет его беспокойства, подумал он. Да, она периодически заходила в прихожую, чтобы посмотреть, не произошло ли что-нибудь важное, а так она занималась обычными делами, подходила к телефону и болтала как обычно. Если она и волновалась, ей удавалось это очень хорошо скрывать, она добродушно кивала Подарку, который свернулся около стойки с цветами под дверью комнаты Билли.

Она, конечно, не могла знать, что должно произойти через несколько минут или часов; тем не менее, Подарок злился, глядя на то, как эти земляне бесшабашно живут под сенью катастрофы. Чертов Могтурмен! Если бы он сделал так, чтобы они могли общаться с другими существами, Подарок смог бы сказать людям, что лучше всего им было бы сжечь дом Пельтцеров. Да! Это звучало ужасно, но это единственный выход. Яркий огонь, парализующий болью в глазах во время разрушения. Иначе...

— О, нет!..

Звук ее голоса, тонкий и жалобный, прервал размышления Подарка. Тем не менее, печаль в голосе Лини вселила в него надежду на то, что она пришла к пониманию необходимости решительных мер.

Поспешив опять вниз, он прошел через столовую и остановился на пороге кухни, где она говорила по телефону. Слушать ее не означало подслушивать в прямом смысле, поскольку он понимал далеко не каждое слово из того, что говорили эти люди; скорее, он улавливал общий смысл, и теперь он сразу понял, что она занята личным делом, которое ее огорчало, но не представляло угрозы для жизни.

— Но, Рэнд, дорогой, — сказала она, вздыхая, — мы ждем тебя сегодня.

На другом конце провода, стоя посреди переполненной комнаты, Рэнд Пельтцер старался не отвлекаться на шум роботов, странных механических игрушек и продавцов всего этого, снующих взад-вперед.

— Я знаю, дорогая, — сказал он. — Но большинство дорог перекрыто, по крайней мере, основных. А те, что открыты... они так коварны... Но я обещаю, что, если чуть-чуть прояснится, я попытаюсь поехать домой.

— Хорошо, — пробормотала Линн. — Только будь осторожен... Я хочу сказать только, что мы никогда не встречали Рождество врозь.

— Да. Как там дела?

Линн поколебалась, но недолго, решив, что не стоит говорить ему о странных круглых предметах наверху. Он ужасно водит машину по снегу и льду, а если будет спешить...

— Хорошо, — ответила она. — Билли ушел на работу, а я сижу здесь с Подарком.

— Тогда до скорого.

— Пока, дорогой, — сказала Линн и повесила трубку.

— Пока!

— Алло, — сказал Билли.

Оттого, что его «срочно» позвали к телефону, особенно в такой день и в его нынешнем положении, Билли занервничал. Прежде всего, его беспокоило то, что его мать находится в опасности; не успокаивало его и то, что Джеральд Хопкинс, передав ему трубку, ходил вокруг него (безусловно, ожидая по меньшей мере смерти одного из членов семьи в оправдание звонка); наконец, пыль после битвы с миссис Дигл еще не улеглась, и он оставался в центре внимания большинства людей в банке. Находясь под увеличительным стеклом, он не мог расслабиться, и рука его дрожала, когда он поднес трубку к уху.

— Оно вылупилось, — произнес голос на другом конце провода, поразив его лаконичностью.

— Что?

— Я сказал, что оно только что вылупилось, — повторил Рой Хэнсон на другом конце провода.

— Что... что это? — запнулся Билли.

— Пока трудно сказать. Может, ты придешь посмотришь? Ты ведь уже почти закончил работу?

— Да, — ответил Билли. — Но... мне вначале надо позвонить домой и выяснить, что там происходит.

— Конечно. Я буду здесь.

— Скажите, мистер Хэнсон, как вы думаете, это опасно? — спросил Билли, осознавая, что на него смотрят несколько пар глаз.

— Ну, это не бабочка, — ответил Хэнсон. — Это я точно могу сказать.

— Я вначале позвоню домой, — сказал Билли. — И если там все в порядке, я забегу.

— Хорошо. Тогда, надеюсь, до скорого свидания.

Билли повесил трубку и набрал свои домашний номер. Когда мать ответила, он заговорил быстро и решительно.

— Слушай внимательно, — сказал он. — Мистер Хэнсон из школы только что позвонил мне и сказал, что Могвай вылупился. Значит, наши тоже на подходе. Ты можешь подняться наверх и посмотреть, что с ними?

— Как? — спросила Линн. — Ты велел мне запереть дверь изнутри.

Билли забыл об этом.

— Тогда поднимись и приложи ухо к двери. Ты услышишь, если там что-то двигается.

— Хорошо. Перезвонить тебе?

— Я подожду, — сказал Билли. Хопкинс и мистер Корбен смотрели на него, не говоря уже о миссис Дигл, но его слишком волновали последние новости о Могвае, чтобы обращать на это внимание. Через минуту мать взяла трубку.

— Все тихо, — сказала она.

— Хорошо. Я скоро приду. Я сейчас ухожу, но я думал зайти вначале в школу. Может быть, мистер Хэнсон уже будет больше знать или сможет дать мне совет по поводу того, как обращаться с этими новыми существами.

— Хорошо. Я буду осторожна.

— Когда приезжает папа?

— Позже. Его задержал снегопад.

— О... ну ладно, пока.

Билли повесил трубку, потом закрыл свое окошко и потянулся за курткой.

— Извините, мистер Корбен, — сказал он шефу, который наблюдал за ним с изумлением. — Дома небольшие неприятности, и мне придется уйти.

— Минуточку! — сказала миссис Дигл, выступая на передний план. — Этот человек нагрубил мне, и я требую, чтобы вы его уволили.

— Мистер Корбен может уволить меня позже, — сказал Билли.

— И он это сделает, — произнес голос Джеральда Хопкинса позади него, когда он бежал к двери.

Когда сознание начало возвращаться, Полоска вначале подумал, что во сне он засунул голову под один из

тяжелых ковров в комнате Билли. Но скоро он понял, что не только голова его находилась в каком-то странном окружении; все тело, казалось, пребывало в состоянии замедленной жизнедеятельности. Как он ни напрягал зрение, он видел только волокнистый занавес, как будто он плавал в густом супе или жире. Он ничего не слышал, кроме какого-то слабого бульканья, возникавшего всякий раз, когда он начинал шевелить тем, что, как он воспринимал своими притупленными чувствами, было его головой.

Вначале ему было любопытно; потом он запаниковал. Он вдруг вообразил, что его с компаньонами одурманили и запаковали в ящики или еще какие-нибудь прочные контейнеры и теперь собираются уничтожить. Мы ждали слишком долго, думал он сердито; мы знали, как размножиться, но не сделали этого. Меня, их лидера, обманул этот сладкоречивый Могвай «из меньшинства», уговорил отложить размножение до того момента, когда мы раскроем секрет большого размера и силы. Теперь слишком поздно. Полоска разгадал хитрую стратегию врага. Когда Могваев «из большинства» всего четверо, с ними не только легко справиться, но их можно заманить в ловушку и уничтожить. Но как смогли бы Подарок и его союзники-люди одурманить и связать десятки, может быть, сотни ему подобных? Это было бы невозможно. Ожидая большей силы, Полоска пренебрег количеством и проиграл. Почти глухой и слепой, обездвиженный, физически и умственно беспомощный, он мог только проклинать себя за свою глупость.

Когда паника, вызванная этими мыслями, улеглась, Полоске на мгновение показалось, что его физическое состояние изменилось. Перед его глазами, там, где раньше была только серая муть, появился просвет. Пытаясь продвинуться к нему, но не в состоянии сделать это, он почувствовал новые приливы злости и отчаяния. Если бы только освободиться на минутку! Только на одну минутку, чтобы можно было положить одну лапу на нижнюю челюсть существа по имени Подарок, другую на верхнюю, помедлить мгновение, чтобы насладиться зрелищем отчаяния и паники, а потом тянуть, рвать и крутить вниз.

Мысленный образ расправы порадовал Полоску, но это было ничто в сравнении с радостью, которую он испытал мгновение спустя. Она была вызвана внезапным открытием: он может убить Подарка... Бесчисленное

число раз он пытался представить себе, как убивает его, но что-то в глубинах мозга неизменно отказывало ему в удовольствии даже представить себе это. Как будто эта мысль автоматически выключалась, даже не будучи реализованной. Теперь он вспомнил. Могтурмен, этот чертов благодеятель, запрограммировал своих бесценных Могваев таким образом, что они не могли убивать друг друга и даже всерьез думать об этом.

Почему же теперь Полоска не только мог представить себе, как убивает Подарка, но и знает в глубине души, что это не просто фантазии, но что это непременно станет реальностью, когда они снова встретятся? На это мог быть только один ответ. Он больше не Могвай.

Если бы Полоска мог прыгать от радости, от непременно выразил бы свои чувства таким способом.

Теперь его мысли и чувства выкристаллизовывались по мере того, как в его физической оболочке происходили новые изменения. Светлая область, которую он видел перед собой, явно приближалась и становилась ярче. Полоска все явственнее ощущал, что у него есть тело, и что он не просто беспомощный пузырь, подвешенный в жидкой мыльной пене. Когда он напрягал все силы, ему казалось, что он может продвинуться к устью пещеры — к свету. Хотя сила света причиняла ему боль, он знал: этот болезненный путь необходимо преодолеть... — он двигался все более заметно, он явно двигался, — его нужно пройти... — звук движения возрастал так быстро, что оглушал его, состязаясь с усиливающимся светом, и это облегчало его страдания, — должен пройти, чтобы...

Возродиться!

Внезапно, сначала в густой дымке, а потом с удивительной ясностью Полоска снова увидел комнату. Кровать... Столик для рисования... задернутые шторы на окне... все знакомые вещи.

И некоторые незнакомые. А именно — три огромных кокона вокруг него. Полоска с любопытством смотрел на них, ему потребовалась почти минута, чтобы осознать, что сам он сейчас выбирался из четвертого такого же кокона. Это вызвало новый приступ паники. Может быть, эти четыре предмета — какие-то хищные растения, которые и сейчас пожирают его? Может быть, его «возрождение» — это всего лишь миг, на который он вырвался из плена этого голодного растения?

Яростно содрогаясь, он вращался, как пробка, кото-

рую выкручивают из бутылки, дыша ритмично в такт с движениями кулаков в сторону и вниз, вверх и в сторону, пока...

Плюх!

Правая рука Полоски вылетела, как ракета, из густой массы, поднялась высоко над головой в триумфальном приветствии.

Но какая рука! Явно не его. И все же она принадлежала ему — она двигалась, и двигалась так же, как приказывало ей сознание. Глядя на нее, как человек, который медленно приходит в себя после долгого сна, Полоска понял — пришли сила и власть.

Он внимательно рассмотрел то, что уже не было маленькой пушистой лапой, рука была почти два фута длиной, очень мускулистая, покрытая твердой кожей с белыми, зелеными и коричневыми полосами. Она казалась скорее орудием разрушения, чем обычным инструментом для того, чтобы брать предметы и производить с ними действия. Каждый из трех пальцев оканчивался гигантским острым когтем.

Я уже не Могвай, подумал Полоска.

Я Гремлин.

Он не знал, откуда ему известно это слово, не знал, как и почему произошло превращение. Эти подробности были в данный момент не важны. Важно было ощущение силы, готовой реализоваться. Выбравшись из кокона, он величественно встал рядом с ним, глядя на свое тело. Слегка покачиваясь на кончиках огромных когтистых лап, он наслаждался сознанием того, что теперь, освободившись от слабого тела Могвая, он сможет удовлетворить те желания, которые томили его так долго.

Самым существенным было то, что он не просто возродился, но при этом произвел переоценку ценностей — пересмотрел взгляд на себя и свою стратегию. Дрожа от нетерпения, он пристально смотрел на остальные коконы.

«Быстрее, быстрее, быстрее! — шипел он им радостно. — У нас много дел, нам предстоит много веселья!»

Над прорванным коконом висел легкий зеленоватый дымок, будто кто-то побрызгал зеленым аэрозолем. То, что сейчас проклюнулось из кокона, издавало запах — неприятный, острый, жаркий, слегка напоминающий запах ткани, сгоревшей под утюгом.

Он стоял в дверях лаборатории, вернувшись после того, как убедился, что в классе или рядом с ним не осталось учеников. По крайней мере, не надо будет немедленно ничего объяснять, и можно спокойно изучить то, что получилось.

Глядя на зеленый дымок, он колебался. В ванне прямо под облаком суспензии было новое существо, вылуплявшееся из кокона. Он смотрел на него всего несколько секунд перед тем, как позвонить Билли; ему потребовалось не много времени, чтобы понять, что это действительно не бабочка, а потенциально опасное животное. Оскал зубов — скорее клыков — показал ему это. Они еще были перед его мысленным взором — два ряда редко растущих, остро заточенных зубов, обрамляющих отверстие огромного широкого кроваво-красного рта такого же цвета, как злые глаза, рассматривавшие его, когда он быстро взглянул на животное.

Оно готовилось к первому выходу в свет. Куски кокона уже были на полу, и к ним прибавлялись все новые по мере того, как существо, беспрерывно вертясь, освобождалось от них. Внезапно осознав, что понятия не имеет, как обращаться с животным или как защититься, Хэнсон подумал, что ванна не задержит его надолго.

Стоя неподвижно, он осмотрел комнату. Шторы, которые он задернул, чтобы Могвай не кричал от боли, подали ему идею. Если это существо боится света, Хэнсон может воспользоваться этим для защиты. В данный момент в лаборатории было темно. Если животное освободится, то сможет спокойно ходить, куда захочет.

— А это нехорошо, — сказал Хэнсон.

Он подошел к выключателям и одну за другой включил лампочки по периметру лаборатории. Когда внешний круг осветился, он добавил света ближе к центру комнаты таким образом, что остался островок относительной темноты лишь в самой середине лаборатории. Увидев результат, он почувствовал себя более спокойно. Безопасная зона яркого света была менее чем в десяти футах от середины в любом направлении.

— Может, я на старости лет и схожу с ума, — сказал себе Хэнсон. — Но лучше сейчас перестраховаться, чем потом пожалеть.

Он уже решил, что ему нужно сделать анализ крови, чтобы сравнить его с полученными ранее результатами, и он подкатил тележку с инструментами к границе освещенной области. В чемоданчике был контейнер с де-

сятками образцов и набором стерилизованных игл. Убедившись, что у него есть пара прочных перчаток, Хэнсон все-же не спешил действовать.

— С этим младенцем будет не так-то просто, — сказал он. — Наверное, мне надо приготовить взятку.

Быстро выйдя из лаборатории, пройдя через класс в холл около столовой, он купил сладкую плитку и начал разворачивать ее по пути обратно в лабораторию.

Потом, снова помедлив на краю освещенного пространства, он улыбнулся.

— Эй, — сказал он. — Вылезай. Ты что, боишься?

Пододвинув тележку к ванне, он заглянул внутрь.

Животное лежало на боку, все еще освобождаясь от остатков кокона. Когда оно увидело Роя, то уставилось на него холодным взглядом.

— Привет, парень, — улыбнулся Рой. — Как прошло путешествие в мир куколки?

Животное смотрело на него без дружелюбия, но и без открытой враждебности.

— Наверное, ты голоден после всего этого, — продолжил Хэнсон. — Я принес тебе что-то вкусненькое.

Он протянул плитку, но животное не потянулось за ней.

Дожидаясь, пока оно решится, Хэнсон пристально изучал это существо. Он определил, что оно около двух с половиной футов ростом с невероятно длинными руками. Вместо коричневого мягкого меха Могвая у него была темная ребристая пластинчатая броня, которая казалась прочной, как сталь. Лапы его теперь были трехпалыми, а на спине у него был твердый гребень, напоминавший панцирь доисторической рептилии. Единственное, что осталось от прежнего Могвая, — это нос, такой же приплюснутый и милый на лице, источавшем злобу.

— Ну, давай, парень! — позвал его Хэнсон, поднося сладкую плитку поближе. — Здесь нечего бояться.

Войдя далеко в темную область, Хэнсон продолжал уповать на ласку, это было в его собственных интересах в такой же степени, как, возможно, и в интересах зверя.

— Видишь? — басом ворковал он. — Хорошо смотрится, да? Давай, тебе нужно поесть, дружок.

Положив руку на край ванны, Рой заметил легкое движение носа животного. Оно первый раз почувствовало запах сладкого и заинтересовалось. Протянув плитку вперед, Рой отпустил ее буквально за долю секунды до того, как ужасная лапа схватила лакомство.

— Хорошо! — засмеялся Рой, испытывая облегчение оттого что избежал опасности и сохранил руку. — Тебе это понравится.

Шумно чавкая, Гремлин сожрал плитку в полтора приема. Хэнсон подумал, что надо было купить больше, чтобы занять его, пока он попытается взять анализ крови.

— Наверное, теперь мы договоримся, ты мне доверяешь. Давай меняться. Сладкое — на кровь. Хорошо?

Осторожно пошарив на тележке, он медленно достал иглу и приблизился к животному. Оно продолжало довольно причмокивать, и Рой протянул руку, чтобы взять анализ.

Рой действовал быстро, но Гремлин был быстрее. Как только он увидел шприц, глаза его сузились и зрачки загорелись свирепым огнем.

Боже мой, — подумал Хэнсон, он помнит!

У него не было времени на дальнейшие размышления: громко зарычав, Гремлин выпрыгнул из ванны. Когти одной лапы впились Рою в плечо, а другая обвилась вокруг тела, чтобы вцепиться ему в грудь, как гигантская прищепка.

Падая с криком на пол, Рой Хэнсон увидел, что он находится в добрых пяти футах от освещенной области.

У Подарка повышалась температура с каждой минутой, пока Линн говорила по телефону. Неужели она не понимает, что ему нужно кое-что ей сказать? Сказать, что существа наверху должны быть уничтожены? Ужасно думать об этом, но как только Могвай вступал в стадию куколки, терпимость Подарка к нему — и наоборот — моментально исчезала.

Он уже видел, как это было раньше. На этой планете видели это и трое других Могваев из «меньшинства». Результаты всегда были катастрофическими. Самый последний случай, виновником которого был не Подарок, произошел в конце 1983 года, когда один Могвай каким-то образом попал на американский космический корабль-челнок «Колумбия». Государственной тайной стали подробности того, как Могваю дали расплодиться, как его покормили после полуночи и как он превратился в Гремлина. Команда из шести человек не могла поймать Гремлина достаточно долго, и он смог повредить компьютер, который управлял кораблем и поддерживал его

курс. Когда подключился аварийный компьютер, Гремлину удалось вызвать его перегрузку. Затем он пробрался в систему, которая регулировала скорость и ориентацию корабля. Над Индийским океаном «Колумбия» фактически сошла с орбиты и стала падать, и связи с Контрольной миссией не было в течение сорока пяти минут. В критический момент астронавтам удалось заманить Гремлина в грузовой отсек и убить. Они возвратились на Землю с восьмичасовым опозданием, правительственные чиновники, взяв у них показания, посоветовали держать язык за зубами.

А до этого... Череда крупных и мелких событий, вызванных проделками Гремлинов, пронеслась в сознании Подарка... Взбесившиеся эскалаторы в Мемфисе в 1972... Суперкубок в 1969... авария электросети на Восточном Побережье в ноябре 1965... менее известные аварии месяц спустя в Техасе, Нью-Мексико и Хуарезе (Мексика)... Закрытие нью-йоркской газеты «Миррор» в 1963 — в типографии просто не смогли извлечь Гремлинов из станков... В 1962 — столкновение взбесившегося поезда, реактивного самолета и морского танкера в Гданьске (Польша) — единственная в истории железнодорожная, морская и воздушная катастрофа одновременно... Неудачные военные маневры в Заливе Свиней в 1961... Безумно смешной, но потенциально опасный трехдневный эпизод в 1957 на фабрике в Онаве (Айова)... Множество эпизодов Второй мировой войны и, наконец, полное исчезновение Ваньска, бывшего до 1936 года крупным городом Сибири.

Теперь настала очередь Кингстон Фоллз. По крайней мере, все похоже на то. Но еще не обязательно — пока что. Если бы Подарок мог каким-то образом доказать Пельтцерам, что, заперев двери и изредка прислушиваясь, они принимают меры явно недостаточные для того...

Он услышал щелчок... потом скрип, который, казалось, доносился из спальни Билли наверху. Скорчившись у подножия лестницы в прихожей, он внимательно слушал почти минуту, но, если не считать болтовни Линн по телефону, в доме было тихо. Он уже почти убедил себя в том, что воображение сыграло с ним шутку, когда сверху раздался такой звук, как будто что-то лопнуло.

Примчавшись в кухню, Подарок был вынужден резко затормозить, сделав вираж перед столом. Он нервно оглянулся. Линн повесила трубку, и ее уже не было в

кухне. Ее не было и в буфетной, в подвале и вообще нигде на первом этаже.

Забравшись на кухонный столик, он выглянул в окно, выходящее во двор, заслонив глаза от лишнего света. Он увидел ее в дальнем конце сада, она кидала кусочки старого хлеба птицам. Она часто делала это, особенно когда земля была покрыта снегом, но неужели она не понимает, что сегодня просто нельзя покидать дом?

Я могу лишь ждать, подумал Подарок, глядя на то, как танцуют, поклевывая хлеб, черные птицы на белом фоне.

Мгновение спустя сверху донесся еще один звук, гораздо громче, чем первые.

— Быстрее, быстрее! — крикнул Подарок по-могвайски. — Ты нужна нам здесь!

Делая свое дело с раздражающей медлительностью, Линн, казалось, не собиралась скоро возвращаться.

Подарок заскрежетал зубами, оперся на окно своими крошечными лапами. Свет с улицы причинял ему сильную боль, даже несмотря на то, что уже вечерело и было пасмурно, но он заставил себя колотить по стеклу.

Плюх! Бум!

Новые звуки сверху.

Бросив последний сердитый взгляд на Линн, Подарок соскочил со столика. Что-то надо сделать. Он не знал что, но, по крайней мере, ему нужно было знать, выбрались Гремлины из спальни или они еще приходят в себя после превращения. Быстро подойдя к основанию лестницы, он посмотрел наверх в холл около спальни Билли. Неужели дверь чуть-чуть приоткрыта? Или просто так падает тень?

Он ждал, развернув одно ухо наверх, а другое к кухне, чтобы не пропустить возвращения Линн.

Долго стояла тишина.

Продолжая ждать, Подарок думал о том, как помешать Гремлинам или хотя бы оттянуть начало кампании злобного разрушения, которое, как он знал по своему опыту, приближалось. Ключом в его оценке ситуации, была дверь спальни. Пока на улице не станет очень темно, Гремлины не будут пытаться бежать через окна. Оставалась только дверь, которая хотя и была заперта, сама по себе была слабой преградой их натиску. Но если поместить за дверью еще какое-нибудь препятствие... такое препятствие, как...

Огонь. Конечно. Но как это сделать? Подарок нахму-

рил лоб, напряженно думая, пытаясь вспомнить, как... И вот вспомнил. В мастерской есть коробка с чем-то...

Не раздумывая больше, он помчался в подвал, несколько раз его заносило на поворотах, когда лапы скользили по плиткам пола в кухне. Переводя дух, он решил было взглянуть еще раз на Линн через окно, но передумал. Самое важное сейчас — найти коробку и, как он помнил, нечто для того, чтобы добыть огонь. Если Линн вернется к тому времени, как он найдет то, что ему нужно, Подарок покажет ей, чего он хочет. Если она останется на улице, он выполнит опасную, но необходимую работу в одиночку.

Движимый решимостью, он бросился по лестнице в подвал, перепрыгивая через ступеньки, и упал головой вниз. Отряхнувшись, он встал, вбежал в мастерскую, забрался на скамейку Рэнда и стал изучать набор жестянок, банок и бутылок, которыми была заставлена полка над нею.

Стараясь вспомнить сочетание цветов и незнакомых букв на жестянке, он наконец нашел ее и без особого труда снял. На ней было написано «ЖИДКОСТЬ ДЛЯ ЗАЖИГАЛОК». Эти слова ему ничего не говорили, кроме того, что, если спичка коснется жидкости, моментально вспыхнет огонь.

Легко найдя коробок спичек, Подарок начал выполнять нелегкую задачу — подниматься по ступенькам со своей ношей. Добравшись до кухонного столика, он бросил ее, забрался на табурет и еще раз выглянул на улицу. Вначале он не увидел Линн, и у него затеплилась надежда, что она уже у двери или где-то рядом. Но мгновение спустя он заметил ее, она была еще дальше и разговаривала с соседкой.

Сердито покрутив головой, Подарок прыгнул с табурета, схватил свои орудия и начал подниматься по лестнице из прихожей.

На предпоследней ступеньке он остановился, прислушался и еще раз рассмотрел дверь с этого, более выгодного положения. Казалось, она действительно слегка приоткрыта. Это всегда так выглядит, когда она заперта? Или...

Выбросив эту мысль из головы, чтобы она не отвлекала его от выполнения задачи, Подарок выбрался со своим грузом на площадку. К счастью, ступеньки, покрытые толстым ковром, заглушали звуки.

Осторожно отвернув крышку, Подарок положил флакон набок, направив отверстие прямо под дверь и налег сверху. Стенка банки поддалась его весу, выдавив тонкую струйку жидкости как раз в ту сторону, куда ему было нужно. Но тут же, принимая исходную форму, банка издала ужасный громкий щелчок.

Раскрыв рот, Подарок прирос к месту, не в силах шевельнуть отяжелевшими, словно к ним привязали свинец, лапами.

Даже когда он услышал за дверью тяжелые шаги, он не смог двинуться с места.

Дверь приоткрылась, показалось ухмыляющееся лицо Гремлина, за ним медленно выдвинулась грива жесткого белого меха, высунулась огромная трехпалая лапа, она быстро и грубо обхватила его маленькое тело.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Билли мчался к школе, удивляясь тому, как мало учеников встречалось на пути, но это означало, что не будет транспортной пробки у въезда. Подъехав к парадному входу, он выскочил из машины и побежал к двери.

Она была заперта.

Через зарешеченное окно он увидел, что в главном фойе почти полная темнота. Казалось, рождественский исход в этом году свершился быстрее, чем когда-либо. Увидев в фойе одинокую фигуру, Билли одной рукой застучал по двери, а другой заскоблил ключом по стеклу. Фигура оказалась сторожем-ветераном Вальдо Содлоу, судя по тому, как он неохотно подошел к двери, можно было не сомневаться, что он скажет.

— Закрыто, — пробурчал старик.

— Мне нужно срочно, — ответил Билли. — Пожалуйста, впустите меня, мистер Содлоу!

Возможно, помогло то, что он знал имя старика. Во всяком случае, тот поморщился, вздохнул и наконец открыл дверь.

— Спасибо, — Билли.

— Что за срочность?

— Мне нужно видеть мистера Хэнсона.

— Он ушел.

— Вы уверены? Вы видели, как он уходил?

— Нет, но я заходил в его класс. Его там не было. Он оставил свет в лаборатории, и я его выключил.

— Пойду проверю, — сказал Билли, идя по фойе.

Содлоу пошел за ним, продолжая ворчать.

— Я же тебе сказал, — говорил он. — Он ушел. Теперь дай мне закрыть дверь и закончить работу, и я пойду домой.

— Я на минутку! — прокричал Билли через плечо.

Побежав, он оставил Содлоу далеко позади, его шаги были слышны в пустом коридоре, когда повернул в лабораторию Хэнсона и остановился.

Свет был выключен, шторы задернуты, казалось, лаборатория пуста, но Билли чувствовал — там кто-то есть. Во-первых, в комнате стоял странный запах, совершенно несвойственный биологической лаборатории. Послышался резкий вздох, он вздрогнул, оглянулся, но никого не увидел. Он постоял и послушал. За ним, в другом конце фойе, мистер Содлоу вел почти истерический разговор с кем-то на улице по поводу книги, оставленной в здании. Билли пытался отделить эти голоса от нового звука поблизости — совсем рядом, — который напоминал ему сдавленный девичий смех. Но откуда он исходил?

Билли шагнул к выключателю, когда увидел нечто, отчего у него похолодело внутри.

Ботинок, свисающий с ноги, вывернутой странным образом, как если бы...

Медленно подойдя к нему, он увидел и все тело, лежащее за лабораторным столом — изуродованное тело Роя Хэнсона.

— Мистер Хэнсон! — выкрикнул Билли. Неописуемый ужас буквально выгонял из лаборатории, но он не двинулся с места. Если человек только ранен или находится в критическом состоянии, Билли может сделать гораздо больше, если останется. Молясь про себя, чтобы Хэнсон был еще в сознании, он заставил себя подойти к нему.

Один быстрый взгляд убедил Билла в том, что Хэнсон мертв и что его смерть не была естественной. С наступающим ужасом Билли замер перед открывшимся зрелищем.

Тридцать подкожных игл было воткнуто в различные части тела мистера Хэнсона, отчего несчастный превратился в страшное подобие подушечки для булавок. Кроме того, еще зияла огромная рана, как если бы его полоснули ножом или рвали когтями.

Тонкий крик, пронзительный, перемежающийся чем-то похожим на истерический смех, потряс лабораторию.

Это кричал не Билли. Услышав звук, он повернулся и увидел раскрытые челюсти чего-то, напоминающего динозавра. Высоко в воздухе темно-зеленое существо в панцире бросилось на Билли из своего укрытия — с верха шкафчика по соседству. Смешанный со смехом крик оборвался в тот момент, когда Гремлин ударил Билла в грудь, сбив его с ног. Споткнувшись о тело Хэнсона, Билли еле увернулся от огромных клешней — они пронеслись почти в дюйме от его лица.

Через мгновение он снова был на ногах, но зеленый демон тоже вскочил, прыгнул на лабораторный стол и начал новую атаку. Билли нагнулся, и Гремлин, перелетев через него, с грохотом врезался в деревянные шкафчики у самого пола. Он быстро поднялся, ринулся вперед и огромной лапой вырвал из ноги Билли кусок мяса вместе с вельветом брюк.

— Боже!..

Слова утонули в шуме, которым сопровождалась вторая атака Гремлина. Одна из лап животного тяжело упала Билли на глаза. Быстро увернувшись, он выставил предплечье, ударив Гремлина по лицу. Скорее удивившись, чем почувствовав боль, тот откачнулся, и Билли выскользнул из жаркого скользкого объятия.

— Мистер Содлоу! — заорал он, бросившись к двери.

Но Гремлин, хотя и был меньше, его опередил, он врезался в дверь, тем самым закрыв ее, и оказался лицом к лицу с Билли.

Билли оглянулся. Другого выхода не было. Его рана, которую он не заметил в пылу схватки, теперь пульсировала болью, когда он смотрел на ухмыляющегося зверя, отрезавшего ему путь к спасению.

Потом страшным прыжком Гремлин снова бросился вперед, прямо на грудь Билли.

За все столетия своей жизни Подарок никогда не бывал в таком опасном положении.

Фактически он был в когтистом кулаке Гремлина, и его могли убить множеством способов. Как это произошло? И почему? Всего несколько дней назад он мирно жил в магазине китайца — а теперь это! Как все смертные существа в любой галактике, он вдруг почувствовал, что совершенно не готов умирать.

Смеющееся лицо перед ним, узнаваемое по грубому белому меху, могло принадлежать только Полоске.

— Ну, Могвай «из меньшинства», — прохрипел его изменившийся, но все же узнаваемый голос. — Мы встретились снова.

Подарок печально кивнул.

— Теперь мы почти готовы! — засмеялся Полоска.

Подарок оглянулся и увидел остатки четырех коконов. Трое новых Гремлинов с нетерпением ожидали, когда Полоска закончит свое дело. Они были поменьше Полоски, у них не было такой, как у него, гривы, но Подарок был уверен, что по злобности они не уступали Полоске.

— Пошли! — сказал один из них. — Здесь нечего делать. Скучно.

— Мы пойдем, — крикнул в ответ Полоска. — Но как насчет того, чтобы вначале сыграть в Подаркобол?

С этими словами он кинул Подарка одному из остальных, закрутив так, что перед его глазами все вращалось во время краткого, но пугающего полета. Второй Гремлин бросил его через всю комнату таким же образом, но третий Гремлин сбил его когтями на пол.

Бедный Могвай закричал, упав на спину. Его разорванный бок кровоточил.

Полоска разразился истерическим смехом.

— Подними его! — заорал он. — Брось опять!

Партнер повиновался. Еще пять-шесть раз Подарок совершил ужасный, все более укачивающий его полет от одних лап к другим.

Потом, пойманный Полоской, он почувствовал, что его держат на весу, и повернул голову вниз, свирепые красные глаза смотрели прямо на него.

— Еще один бросок, — засмеялся Полоска. — И, когда ты вернешься, я разорву тебя на части.

Наконец он выпустил Подарка, послав его Гремлину, который ждал его на другом конце комнаты.

Когда Гремлин бросился к нему, Билли показалось, что время замедлило свой ход. В доли секунды он увидел свою лабораторию во всех подробностях — шкафчики с мензурками и горелками Бунзена, полки с микроскопами и подставки, стены с картинками в рамах... Но ничем нельзя было воспользоваться как оружием.

Огнетушитель!

Озаренный надеждой, Билли инстинктивно рухнул вниз, как подкошенный. Гремлин пролетел над ним. Он

яростно махал когтями, пытаясь достать Билли. Падая, тот изогнулся и пружиной рванулся вверх, к висящему на стене огнетушителю. Как игрок на футбольном поле, сбитый на землю сильным ударом, он в следующее мгновение снова уже был на ногах и одним прыжком достиг стены.

Сорвав огнетушитель, он выставил его перед собой как раз тогда, когда Гремлин снова прыгнул. Когда он стал пятном, несущимся на него, Билли удалось нажать на «ВКЛ».

Гремлин летел с такой скоростью, что столкновение произошло мгновенно. Дико крича, он попал головой в воронку огнетушителя с такой силой, что баллон вырвало из рук Билли. Когда и огнетушитель, и Гремлин ударились в стену напротив, послышался ужасный треск, за ним последовал шум пены и визг животного, которое не могло вырвать голову из красной трубы. Катаясь по полу, обливаемый пеной, он извивался, бился и отрывал когтями огромные куски стены, пока не умер.

Билли лежал на полу оглушенный, наконец он услышал, что мистер Содлоу все еще разговаривает на другом конце фойе. Медленно и тяжело поднявшись на ноги, он посмотрел вокруг, убеждаясь, что все это не сон. Мертвый Рой Хэнсон по-прежнему лежал на полу у стола, поверженный Гремлин растянулся у стены как огромная зеленая ящерица.

Радость, которую он испытывал после спасения, была очень коротка.

— Мама! — вскрикнул он, вспомнив, что дома у него сейчас, должно быть, четыре таких чудовища.

Взбежав в класс Хэнсона, он снял трубку и набрал домашний номер. Он вздохнул с облегчением, когда мать сняла трубку после двух гудков.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Думаю, что да, — ответила Линн. — Я не могла избавиться от миссис Хейни. Она сейчас занималась со мной психоанализом.

— Дома все в порядке?

— Да. Как мне кажется.

— Послушай-ка, — продолжал Билли. — Выбирайся из дома.

— Почему?

— Эти Могваи превращаются в нечто ужасное. В убийц.

— Правда...

— Мистер Хэнсон мертв, — прервал ее Билли. — Учитель биологии, который исследовал одного из них. Чудовище убило его, мама. Я видел это. А потом оно напало на меня.

— С тобой все в порядке?

— Да. Немного порезался...

— Ты можешь дойти до доктора Молинаро?

—Забудь об этом, мама! — сказал он нетерпеливо. — Я тебе говорю — уходи из дома! И возьми Подарка.

— Но нам некуда идти. И может быть, они не...

— Мама, я тебе говорю!..

— Минуточку, — прервала она его. — Мне кажется, я что-то слышала. Шум. Как от падения.

— Уходи. Просто уходи!

— Я уйду. Вначале я еще раз загляну наверх, а потом возьму Подарка и уйду. Хорошо?

— Да. Быстрее. Я подожду у телефона. Крикни мне, когда будешь выходить за дверь, просто чтобы я был спокоен.

— Хорошо, — сказала она, кладя трубку на полку и выходя из кухни.

Слишком распалившийся Полоска плохо рассчитал бросок. Летя к Гремлину через комнату, Подарок понял, что он попадет мимо намеченной цели. Поднимаясь выше и выше, он пролетел над блестящими когтями и приближался к полке с трофеями Билли. Он постарался свернуться в шарик, чтобы защититься.

К счастью, он ударился о мягкую подшивку журналов и прокатился по полке в водовороте бумаг и металлических трофеев, пока наконец не приземлился к краю — рядом с отверстием, через которое Билли сбрасывал грязное белье в стирку. Долю секунды Подарок тупо смотрел на квадратное отверстие, потом внезапно осознал, что, куда бы оно ни вело, это путь к спасению. Собрав все силы при виде приближающихся Гремлинов с обнаженными клыками и растопыренными когтями, он бросился на деревянный пол, как защитник, который жертвует своим телом, чтобы прервать атаку. Мгновение спустя со звоном в ушах и кружащейся от падения головой он летел вниз в черную пустоту, в которой все пахло его другом Билли.

— Быстрее, быстрее! — Билли почти кричал в трубку. Прошло уже не менее трех минут после того, как мать пообещала, что возьмет Подарка и вернется сказать ему последнее слово, уходя из дома. Что она делает так долго? С ней все в порядке? Может, Подарок прячется в каком-нибудь дальнем углу?

Он с волнением смотрел на часы, взвешивая преимущества разных вариантов: ждать дальше — в основном для собственного успокоения — или повесить трубку и скорее бежать домой.

— Дам ей еще тридцать секунд, — пробормотал он, глядя на то, как стрелка несется по циферблату.

Как это часто бывает, когда человеку, нации или самой судьбе предъявляется ультиматум, удовлетворяются далеко не все выставленные требования — в данном случае не было вообще ничего.

— Ну хорошо, — сказал решительно Билли. — Все! Больше не могу ждать.

Повесив трубку, он побежал к парадной двери, в голове его бились противоречивые доводы. Чувство ответственности говорило ему, что он должен найти мистера Содлоу, чтобы кто-то занялся телом Роя Хэнсона; другой голос предупреждал его, что трупы в лаборатории и его бегство из здания покажутся очень подозрительными полиции; но он слишком беспокоился о безопасности матери и Подарка, чтобы делать «правильные», но требующие очень много времени дела. Игнорируя мистера Содлоу, который появился из бокового коридора минуту спустя и начал задавать ему вопросы вслед, Билли толкнул дверь плечом и помчался к машине.

В десяти футах от нее, пытаясь сэкономить несколько секунд, он достал из кармана пальто связку ключей и, выбирая тот, что был от «фольксвагена», оторвал взгляд от покрытой снегом земли перед ним. Мгновение спустя, не заметив край тротуара, он летел лицом вниз в сугроб.

Ключ упал где-то в стороне.

Выходя из кухни, Линн сразу услышала несколько ударов и щелчков, которые указали ей, где надо посмотреть. Первый звук понесся сверху и прошел вертикально вниз в подвал после короткой паузы на уровне первого этажа. Она вспомнила, что канал для грязного белья там

прервался деревянным выступом, на котором иногда застревала одежда. Она просила Рэнда много раз исправить это, но поскольку у него всегда находилось оправдание, Линн справлялась с этой ситуацией с помощью длинного шеста. Оценив звуки, она уверилась, что упал или его бросили вниз по желобу, небольшой зверек — он на мгновение задержался на выступе, а потом упал в подвал. Из-за задержки посередине зверек, кем бы он ни был, скорее всего был жив и здоров.

Прежде, чем спуститься в подвал, она помедлила.

— Если... — сказала она. — Может быть, мне лучше... На всякий случай...

Войдя в кухонную кладовку, она вытащила большой нож, который Рэнд купил, заинтересовавшись восточными диковинами (а также начав думать о механизме, который может заменить тех ловких людей, которые складывают посуду прямо у вас на глазах). Осторожно спускаясь по лестнице, она подошла к желобу для грязного белья и открыла дверь. Выставив вперед нож, она заглянула внутрь.

На нее смотрела пара горящих глаз. Существо, зарывшееся в кучу нижних рубашек и носков, один раз моргнуло, но больше не двигалось.

Это Подарок? Один из остальных? Линн не знала. Слабое освещение и хаотичное нагромождение грязного белья мешали ей узнать, кто это, и ей не хотелось протягивать руку и трогать его.

Пока она колебалась, новые звуки с первого этажа быстро убедили ее в том, что происходившее у нее над головой было более срочно, чем извлечение зверька, кем бы он ни был, из приемника для грязного белья. Кстати сказать, подумала она, внезапно решившись, неплохо подержать его пока что взаперти.

Пошарив в ящике с инструментами, она схватила молоток и гвоздь за три пенни. Через несколько секунд желоб был наглухо заколочен.

Снова взяв нож, она быстро начала подниматься по лестнице из подвала, замедлив шаг только на верхней ступеньке. Открыв дверь, она выглянула в кухню и сделала шаг вперед.

Через мгновение одна из ее старинных фарфоровых столовых тарелок врезалась в стену над ней, острые осколки и пыль посыпались дождем ей на голову и на спину.

Линн закричала. К этому звуку вскоре присоединился тонкий истерический смех.

Встав на ноги, но еще не вполне придя в себя, Билли оглянулся в поисках ключа. Неужели он исчез в сугробе? Или его куда-то отбросило?

Он стоял совершенно неподвижно, чтобы не ворошить снег и не наступить на ключи. Поискав глазами на доступном расстоянии, он ничего не увидел. Тем временем мистер Содлоу быстро приближался, бормоча нечто невразумительное.

— Эй, вы! — крикнул он с расстояния футов в двенадцать. — Мне нужно проверить вас перед уходом. Откуда я знаю, может, вы унесли микроскоп или еще что-нибудь под пальто?

— Стойте, — сказал Билли спокойно, а потом закричал, когда Содлоу не остановился, а продолжал идти к нему. — Стойте, я сказал!

Замерев от неожиданности, Содлоу смотрел на него, а челюсти его нервно двигались, как будто вырабатывали хорошую серию угроз и оскорблений.

— Я уронил ключи в снег, — объяснил Билли. — Пожалуйста, не нарушьте ничего.

Содлоу стоял на месте, пока Билли искал, но продолжал говорить.

— Послушай, — сказал он. — Я впустил тебя, хотя не должен был этого делать, а потом ты пробежал мимо меня. Если что-то пропадет, я могу потерять работу.

— Ничего не пропало, мистер Содлоу, — ответил Билли.

— Как мне это проверить? Что ты там делал?

Билли заметил что-то блестящее в сугробе. Нагнувшись, он вытащил свои ключи.

— Мне надо ехать, — сказал он. — Хотите ощупать меня? Можете это сделать, только побыстрее.

Он расстегнул пальто и вытянул руки в стороны, чтобы Содлоу было легче обыскать его.

Старик шагнул вперед, потом пожал плечами.

— Ладно, — пробормотал он. — Наверное, там все в порядке. Ты просто выбежал так быстро, как будто случилось что-то ужасное или ты что-то украл.

Билли был уже в машине и заводил мотор. На мгновение он задумался о том, не стоит ли рассказать Содлоу

о случившемся, прежде чем умчаться, но тут же отбросил эту мысль.

— С Рождеством, — сказал он вместо этого, набрав максимальную скорость. на которую была способна его колымага.

После того как Линн оправилась от первого града драгоценных осколков, у нее появилась короткая передышка, чтобы рассмотреть нападавших. Один стоял в столовой около серванта с фарфором, хихикая и подыскивая, какие бы еще предметы бросить. Наконец он остановился на тяжелой чаше для пунша, скинул ее с полки и радостно захохотал, когда она разбилась надвое.

Второй Гремлин деловито занимался кастрюлями и сковородками Линн, выкидывая их по мере того, как осматривал ящик за ящиком. Третий был в кладовой, систематично вытряхивал содержимой каждой коробки и банки на пол. Линн потребовалось одно мгновение, чтобы понять все, что нужно — что они сильны, отвратительны и, самое главное, опасны. Здравый смысл подсказывал ей, что нужно бежать из дома и звать на помощь. Но сильнее этого был гнев оттого, что они грабят ее кухню. Отчаянное намерение защитить свой стоивший стольких трудов дом помешало ей сделать то, что было и умно, и безопасно.

— Убирайтесь из моего дома! — закричала она.

Она не надеялась, что они поймут этот приказ или послушаются. Она просто предупреждала их, давая им последнюю возможность прекратить разрушение прежде, чем она нападет на них. Фактически это было объявлением войны.

Радостный хор, к которому примешивался звон тарелок и стук коробок, был ей ответом.

— Хорошо! — проговорила Линн, крепче сжав нож и двигаясь к середине комнаты.

Она выбрала не самый лучший вариант действия, поскольку оказалась уязвимой с трех сторон вместо одной. Разнообразные предметы летели ей в голову, пластиковый стаканчик для кофе ударил ее в висок, выпустив облако блинной муки. В слепой ярости Линн бросилась на ближайшего к ней Гремлина, забравшегося на полку, на которой она всего несколько часов назад делала печенье. Удар пришелся точно в цель, острое, как

бритва, лезвие вырвало большой кусок мяса из ноги Гремлина. Он яростно заорал на Линн, нашел другой нож в шкафу прямо над головой и приготовился бросить его. Линн бросила кофейную чашку, Гремлин отпрянул и повалился назад. При этом его когтистая лапа попала в верхнюю часть патентованной машины Рэнда для приготовления апельсинового сока. Увидев, что зверь застрял в машине, Линн бросилась вперед и нажала на «ВКЛ». Машина заработала с громким жужжанием, и мощный винт стал затягивать руку Гремлина все глубже. С ужасным криком он забился в конвульсиях, рука его исчезла по плечо, поток зеленоватой жижи вытекал из отверстия вместо сока. В ужасе Линн смотрела, словно завороженная, на то, как всего Гремлина засосало в машину, и как он появлялся с другой стороны в виде жидкого месива.

Град бутылок и коробок пробудил ее от временного оцепенения. Умело чередуя броски, так что предметы сыпались на нее постоянно, двое Гремлинов, оставшиеся в кухне, возобновили атаки с еще большей яростью. Теперь они сосредоточились на тяжелых и острых предметах. Разделочный нож чиркнул Линн по щеке, потекла кровь.

Охваченная ужасом и гневом, она бросилась к ближайшему Гремлину, но поскользнулась в жиже, покрывавшей пол в кухне, и растянулась во весь рост.

Беспомощно лежа, она увидела, как оба Гремлина приготовились к прыжку.

Билли удачно проскочил несколько светофоров, но на Грейнджер Стрит прямо перед ним выехал рядом фургон, и ему пришлось резко нажать на тормоза. В ответ на это машина сделала то, что он молил ее не делать — заглохла.

Билли заорал, глубоко вздохнул и повернул ключ зажигания. Через минуту слабый звук, как будто работала кофемолка, подтвердил его опасения. Карбюратор залило.

Выбравшись из машины, он откатил «фольксваген» к обочине и побежал.

— С Рождеством! — кричали ему вслед редкие прохожие.

В этот момент, когда она потянулась за флаконом аэрозоля «Рейд», который лежал в нескольких дюймах от ее лица, Линн подумала — как долго ей будет везти. Через мгновение она катилась вбок, чтобы увернуться от одного из прыгнувших Гремлинов и выпустить в другого, который еще находился в воздухе, сильную струю противно пахнущей смеси. Временно ослепленный и озлобленный, он врезался в первого Гремлина и, дико царапая когтями, вырвал несколько больших кусков мяса из тела собрата.

Забытая ими, Линн кое-как поднялась на ноги, все еще держа флакон с аэрозолем.

Пятясь к полке, она вдруг ощутила, что в кухне еще кто-то есть. Резко развернувшись, она увидела третьего зеленого дьявола, изготовившегося для удара. Поскольку он стоял на полке, его ужасные красные глаза были на одном уровне с ее глазами — пара завораживающих кругов, которые, казалось, испускали собственный злобный свет изнутри, а не отражали внешнее освещение. Направив на него струю жидкости против насекомых, она смогла загнать его в угол как раз перед микроволновой печкой. Потом быстрым, почти судорожным движением она смогла втолкнуть Гремлина через открытую дверцу вовнутрь.

Быстро захлопнув дверь, она выставила максимальную температуру, включила печь и облокотилась на дверцу, чтобы бьющееся животное не могло выбраться. Другой рукой она выставила флакон с аэрозолем перед собой, чтобы защититься от сердито кружащего Гремлина, готовящегося к новой атаке.

Минуту спустя, когда она услышала хлюпанье в печи, ей в голову пришла неожиданная мысль. Слава богу, я хоть раз послушалась Рэнда, подумала она, потому что это он уговорил меня купить печь с большой дверцей.

Через стекло в печь она увидела, что Гремлин спекся в желеобразный зеленый омлет и злобные красные глаза теперь украшают нижнюю часть омлета, как две одинаковые капельки кетчупа.

Об этом уже не стоит волноваться, подумала она, резко бросившись из кухни в гостиную. Она бежала быстро и проскочила мимо Гремлинов, но они поймали ее около рождественской елки, один из них низко пригнул ее, а другой запрыгнул ей на спину. Линн закричала, когда острые, как ножи, когти вонзились ей в

плечо. В яростной, но тщетной борьбе она поняла, что не справится с ними двумя. Ей оставалось только одно — сделать так, чтобы им было труднее.

С этой отчаянной мыслью, с одним Гремлином на ноге, а другим на спине, она закрыла глаза и врезалась в мерцающую елку.

Перейдя с быстрой рыси на отчаянный галоп, Билли подумал — приходилось ли еще кому-нибудь на Земле сталкиваться с тем, что он только что видел.

Приближаясь к дому, он обратил внимание на то, каким веселым и мирным он казался, теплые огни внутри составляли приятный контраст с покрытой снегом землей на улице. Центром домашней идиллии была большая рождественская елка, вся в огнях, неизменный символ праздника, символ мира и довольствия.

Потом, как раз когда этот образ впечатывался в сознание Билли, елка совершенно исчезла из виду.

— Боже... — выдохнул он, переходя на размеренный бег. — Пожалуйста... не допусти, чтобы было поздно...

Бежать по покрытой снегом улице с чередующимися участками льда, мягкого снега и рытвин от машин было нелегко; несколько раз он падал, царапая руки, но не отводил взгляд от окна дома. Силуэт, который он хотел увидеть, силуэт матери, никак не появлялся, и это было ответом на вопрос, мучивший его.

Спотыкаясь о ступеньки парадного крыльца, Билли ворвался в дом, автоматически протянул руку, чтобы схватить меч, который, как он знал, моментально упадет со стены на пол. Он упал, почти точно попав в руку, в тот момент, когда Билли увидел, что Линн жива, но истекает кровью. Ее шея была защищена от когтей одного из Гремлинов путаницей веток и елочных украшений.

Прыгнув вперед, Билли махнул мечом, промазал и снова махнул.

Один из Гремлинов, имевший гриву белого меха, увернулся от ударов, но другой принял всю силу удара прямо над плечом. Конец меча попал в пластинки брони, рассек их и пошел быстрее, попав в мягкие ткани, аккуратно отделил голову от тела Гремлина. Она покатилась в камин. Лицо, застывшее в страшном оскале, медленно расплылось в гротескном изумлении, когда пламя охватило ее.

Линн встала на ноги, и они с Билли услышали смех из другого конца комнаты. Это был Полоска, его глаза горели злобой и ненавистью.

Мгновение Билли, казалось, хотел броситься за ним, потом он повернулся к матери.

— С тобой все в порядке? — спросил он, кладя меч, чтобы помочь ей.

— Вроде бы, да, — проговорила Линн. Будучи всегда практичной, она добавила: — Мне кажется, это последний. Может, ты убьешь его?

Билли поднял тяжелое оружие и побежал за Полоской, но Гремлин, сообразив, что находится в невыгодном положении, искал пути к отступлению. Вскочив на подоконник, он смог увернуться от первого удара Билли. Меч вонзился в лепнину. К тому времени, как Билли вытащил его, Полоска свернулся в шар и бросился в окно, выбив стекло. Он приземлился на снег и побежал прочь в темноту.

— О, нет! — промолвил Билли.

Они с Линн минутку помедлили, изучая раны друг друга, которые были живописно кровавы, но не опасны.

— Где Подарок? — спросил Билли.

— В подвале. Мне кажется, он прыгнул по желобу для грязного белья, когда все это началось.

— Хорошо.

Линн улыбнулась, смахнула потную прядь волос со лба.

— Я заколотила дверь, — сказала она. — Это было до того, как я узнала, кто есть кто.

Пробравшись через разгром в кухне, Билли помедлил минуту, чтобы рассмотреть останки Гремлинов — одного запеченного, а другого размолотого.

— Боже! — сказал он, качая головой. — Ты же настоящий тигр.

— Скажем так, — ответила Линн, — меня не просто одолеть.

Спустившись в подвал, Билли нашел клещи и вытащил гвоздь из дверцы желоба. Он открыл ее и посмотрел внутрь.

— Подарок, — сказал он. — Ты здесь, дружок?

Зашелестела ткань, появились два длинных треугольных уха на мягкой пушистой голове. Нервно мигая на свету, Подарок вскоре забормотал знакомым фальцетом. Билли протянул к нему руки, тот быстро ухватился за них и его вытащили из кучи одежды.

— Эй, с тобой все в порядке? — спросил Билли.

Посадив Подарка на крышку стальной машины, он исследовал его на предмет сломанных костей, отмечая, где тот порезался.

— Пошли, заклеим твои раны, — сказал он и понес Подарка наверх.

Линн, начавшая убирать в кухне, остановилась, чтобы погладить Подарка и поздравить его с тем, что он еще жив.

— Я думала, они убьют тебя, — сказала она.

— Эй, мама, посмотри, — сказал вдруг Билли.

Глаза Подарка расширились, когда он увидел останки Гремлинов. Выражение его лица, казалось, говорило, что он доволен, но несколько взволнован, голова его нервно вертелась из стороны в сторону, и он озабоченно поглядывал на дверь в гостиную.

Линн удивленно посмотрела на Билли.

— Ты что, не понимаешь? — сказал Билли. — Он спрашивает, что произошло с остальными. Он видит, что осталось от двоих, и хочет знать, что с номерами три и четыре.

Отнеся Подарка в гостиную, он показал ему голову Гремлина в камине и отвратительное тело на решетке. Подарок улыбнулся, но потом нахмурился.

— Да, — сказал Билли. — Ты прав. Один убежал.

Подарок начал издавать тревожные звуки.

— В чем дело? — спросила Линн.

— Мы должны поймать последнего, — ответил Билли. — Будет очень плохо, если хотя хотя бы один из Гремлинов останется на свободе.

— Но у нас еще есть время, — сказала она. — Мы можем вызвать шерифа Рейлли, и пусть он его изловит.

— Ты не понимаешь. У нас мало времени. Если последний размножится, все начнется сначала.

— Ты сильно ранен, — запротестовала Линн. — Я хочу, чтобы ты пошел к доктору Молинаро.

— Твои раны хуже.

— Хорошо. Пойдем вместе.

— Завтра.

— Когда они загноятся, да?

Билли знал, что мать права и на этот раз, но здравый смысл велел ему срочно искать Полоску. Несмотря на привычку слушаться матери по той причине, что она часто была права, Билли покачал головой.

— Я ухожу, — сказал он. — Пока свежи его следы, и он еще не успел размножиться.

— Ну ладно.

Он нашел рюкзак и положил Подарка туда. Забежав наверх, он натянул свитер, чтобы было теплее. Внизу в прихожей натягивая пальто, он нащупал холодный металлический предмет в кармане.

Линн смотрела, как он вытаскивает его. Это был флакон «Рейда».

— Это мое тайное оружие, — сказала она. — Может, оно тебе пригодится. И не забудь меч.

Схватив фонарь и закинув рюкзак с Подарком за спину, он поцеловал мать и вышел в снежный вечер.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Немногие испытывали желание посетить замечательную миссис Раби Дигл у нее дома, и еще меньше было смельчаков, которые решились бы потревожить львицу в ее убежище даже по необходимости. Конечно, так хотела миссис Дигл. Чем меньше посетителей, тем лучше. Даже покойный муж, Дональд, хотя и был богатым продавцом недвижимости, в последние годы жизни был для нее обузой. Дело было не в том, что он долго болел, а в том, что болтался рядом. Он послужил выполнению ее задачи, создав финансовую империю, которая обеспечивала ей очень хорошую жизнь, и когда он отошел в мир иной, Раби Дигл почувствовала не горе, а облегчение.

Живя теперь одна с девятью кошками, она начала свой обычный вечер, разлив им еду в миски, но не поставив на пол, пока они не помурлыкали и не потерлись об ее ноги по меньшей мере пять минут. Такой была для них плата за еду — послушание, обожание и смиренное признание ее безграничной власти.

Засмеявшись, она поставила миски на пол и смотрела, как ее питомцы нападают друг на друга, борясь за еду.

— Кошки, — сказала она себе, — намного лучше людей. Они не ноют о деньгах.

Когда они закончат есть, миссис Дигл отдохнет перед телевизором, посмотрит свои любимые программы игр. Особенно ей нравились те игры, в которых унижение участников ради денежных призов достигало апогея.

— Интересно, что за дураки выступят сегодня, — проговорила она, поплотнее запахивая атласный халат.

В большом старом доме было прохладно, но миссис Дигл не нагревала помещение выше пятидесяти пяти градусов по Фаренгейту, даже когда по краям окон образовывался лед. «Зачем мне обогащать нефтяные компании?» — спрашивала она, когда ее племянник Уэлдон забегал с какими-нибудь деловыми бумагами и жаловался на холод.

Она не обогащала и мебельные компании, пользуясь обстановкой, купленной сразу после их с Дональдом свадьбы; к старым стульям и столам прибавлялись в течение многих лет предметы мебели, конфискованные у семей, которые не смогли заплатить ренту или выкупить в срок закладную. В результате огромные комнаты — темные из экономии и до потолка заставленные разной рухлядью — напоминали теперь склад предметов, поступающих на аукционы невостребованных вещей. Если другим это не нравится, думала миссис Дигл, ничего не поделаешь. Она чувствовала себя уютно в таком мрачном окружении, и это было главное.

Единственной уступкой современной технологии — ибо даже телевизор у нее был старый, черно-белый, — было здесь устройство, приделанное к лестнице. Фактически это было креслокаталка с мотором и приводом, его порекомендовал врач миссис Дигл, чтобы она не утруждала свое слабое сердце, поднимаясь по ступеням. Хотя причина, по которой она пользовалась им, была достаточно серьезной, миссис Дигл все же испытывала некоторое волнение и восторг, когда садилась в него, нажимала на кнопку и поднималась на второй этаж. Даже себе самой никогда в этом не признаваясь, она часто находила повод подниматься и спускаться, только чтобы насладиться поездкой.

Она уже уселась в это устройство и собиралась нажать кнопку «ВВЕРХ», когда раздался звонок в дверь.

— Черт! — рявкнула она. — Кто это может быть в такое время? Что, у людей нет уважения к чувствам других?

Она медленно подошла к парадной двери, открыла ее и выглянула на улицу.

Это была миссис Хэррис, закутанная в старое пальто. Дрожа, она протягивала конверт рукой в перчатке.

Миссис Дигл не пригласила ее войти.

— Да? — сказала она холодно.

— Я принесла вам деньги по закладной за прошлый месяц, — сказала миссис Хэррис несколько гордо. — Мы продали кое-какие вещи и...

— Меня это не интересует! — выпалила миссис Дигл в ответ. — Есть банк, который занимается моими делами.

— Да, мадам, но я просто не успела собрать деньги до того, как он закрылся, а поскольку вы сказали...

— Насколько я помню, я сказала, что хочу получить *все*, что мне причитается, а не то, что мне причиталось месяц назад.

— Извините, мадам.

— Это так?

— Да, мадам.

Протянув руку, миссис Дигл выхватила конверт и злобно улыбнулась.

— Возможно, вам не придется больше иметь дело со мной, — сказала она, — поскольку я намереваюсь продать большую часть моей собственности «Хайтокс Кемикал». Это касается и вашего дома. До свидания!

Оставив миссис Хэррис смущенной и несчастной, миссис Дигл захлопнула дверь.

На кухне, где кошки уже начали драться, миссис Дигл прибрала вокруг кошачьих мисок, приготовила себе чашку растворимого супа, чтобы поесть, пока будет смотреть телевизор, и перебралась в мрачную пещеру из вытертого бархата — свою гостиную.

Только она уселась в старое кресло-качалку, как зазвенел дверной звонок.

— Опять! — закричала она. — Это отвратительно. Эта неудачница, наверное, стояла там десять минут, собирая мужество, и теперь будет умолять меня изменить решение. Дональд был прав. Все эти людишки — ленивые безмозглые бродяги, которые хороши лишь для двух вещей — грубой работы и потребления пищи...

Направляясь к двери, она добавила от себя:

— И образования мусора. Он про это забыл.

Открыв дверь, она услышала рождественскую песенку, которую пели слегка не в лад, но с большим энтузиазмом.

«Радость миру...»

Миссис Дигл подняла руки, и этому жесту сопутствовала не громкая осанна, но вопль отчаяния.

— Прекратите! — заорала она. — Прекратите выливать содержимое вашей клоаки мне на уши!

Юные исполнители, поколебленные, но полные решимости побороть миссис Дигл, продолжили:

«Господь пришел,

Пусть земля примет своего Царя...»

— Убирайтесь! Я ненавижу рождественские песни! — закричала миссис Дигл. — Убирайтесь с моего газона! Уносите свои голоса куда-нибудь в другое место! К очистным сооружениям! Убирайтесь!!!

Ее резкий голос вызвал смятение у исполнителей. Мелодия начала исчезать и сменилась разрозненными звуками.

— Так-то лучше, — заявила миссис Дигл, улыбнувшись замолчавшей группе. — Если вы будете просто стоять на снегу с закрытыми ртами, мне это будет гораздо приятнее.

Она развернулась, и дверь захлопнулась за ней.

Смущенные и обиженные, дети смотрели друг на друга в поисках утешения. Долго никто ничего не говорил.

— Давайте сходим в те новые дома, — наконец предложил один из них. — Там молодые люди, очень приятные, не как эта старая...

— Женщина! — добавил другой благородно.

Когда группа пошла по полю, им всем уже было ясно, что среди них новенький. Он был совершенно спрятан под толстым шарфом. Он или она был или была меньше других, и потому каждый решил, что новый участник — младшая сестра или брат кого-нибудь из группы, который нарядился в соответствующий костюм. Со временем, присоединившись к пению, своим голосом новичок привлек больше внимания, чем внешним видом. Он пел как будто со сжатыми зубами, слова у него выходили размытыми и тонкими, получалось нечто среднее между звуком еврейской арфы и неясным фальцетом бурундука.

— Может, — высказал предположение один из исполнителей, — все проблемы из-за этого паренька.

— Нет, — ответил другой. — Это просто миссис Дигл. Она всех ненавидит.

— Да, ну и что? Мы же не церковный хор. Мы поем, чтобы людям было приятнее.

— Да, наверное, ты прав.

Несмотря на предложение не критиковать новичка за его пение, один мальчик решил, что нужно, по крайней мере, выяснить, что это за вольный певец. Подойдя

поближе, он с удивлением обнаружил, что тот быстро отбегает от него.

— Эй! — сказал мальчик. — Ты что, не хочешь разговаривать? Я просто хотел узнать, кто ты.

Маленький человечек не отвечал.

— У тебя хороший костюм, но не для этого праздника. Сейчас Рождество, а не Новый год.

Ответа по-прежнему не было.

— Держу пари, я знаю, кто ты — Эрик Воллмэн. Так?

Маленький человечек не отвечал.

Список примерно десяти имен местных мальчиков и девочек не вызвал никакой реакции.

— Эй, поди сюда! Давай поговорим!

Новичок не приблизился, и тогда мальчик побежал за ним. Хотя малыш в неудобном костюме бежал по снегу удивительно быстро и ловко, более широкий шаг помог преследователю быстро оказаться на расстоянии нескольких дюймов от него. Когда мальчик протянул руку, чтобы схватить таинственного незнакомца, он неожиданно наткнулся на необычайно враждебный рев, и руку его пронзила острая боль.

— Ой! — вскрикнул он.

Взглянув вниз, он увидел, как кровь сочится сквозь оборванный рукав куртки. Скорее от злости, чем от боли, он, сложив руки рупором, закричал вслед убегавшему:

— Ты все равно отвратительно поешь! Ты нам не нужен! У тебя мерзкий голос!

Уже около часа они шли от четкого следа трехпалой лапы Гремлина по смазанным пятнам и потом — обычно благодаря везению, а не мастерству — снова выходили к четким отпечаткам. Чтобы поддержать дух и сохранить ясность мысли, Билли все время разговаривал с Подарком и с самим собой, планируя следующий шаг.

— Подарок, мне сейчас кое-что пришло в голову, — сказал Билли. — Вода помогает вам размножаться, так? А снег — это просто замерзшая вода. Но, видимо, снег не имел никакого действия на Полоску. Иначе все здесь было бы усеяно этими существами. Как они кстати называются?

Это, конечно, не Могваи. Они скорее похожи на те существа, о которых мне говорил мистер Фаттерман. Как он их называл? Греббли? Гремлины? Да, точно. И подумать только, я считал, что он спятил. Во всяком случае, для того чтобы вы размножались от воды, должно быть теплее. Полоска не найдет такой воды на улице, значит, удача на нашей стороне.

Билли знал, что болтает для уверенности, но, излагая свои мысли вслух хотя бы Подарку, он мог заодно привести их в порядок.

Он вспомнил, как он писал однажды доклад о Шерлоке Холмсе. На него оказало большое впечатление не то, что он узнал о силе ума легендарного сыщика. В большинстве случаев, по крайней мере, в тех рассказах, которые Билли помнил лучше всего, Холмс мог предсказать следующий шаг злодея, просто-напросто поставив себя себе на место противника. Теперь Билли начал это делать по отношению к Полоске.

— Давай подумаем, Подарок, — сказал он. — Куда бы мы пошли на месте Полоски?

Если принять во внимание узкие границы, в которых мог действовать Полоска, вопрос был не такой уж сложный.

Стало уже темно, и он может свободно двигаться куда ему угодно, но снег явно слишком холодный, чтобы использовать его для размножения, — рассуждал Билли. — В доме есть то, что он, наверное, ищет — более теплая вода. Но большинство домов сейчас ярко освещены. Кроме того, существует проблема — как пробраться внутрь. Он может сделать это? Да, он может свернуться в шарик и броситься через окно, как у нас дома. Но это привлечет внимание, и его могут поймать... Если только он не выберет дом, где никого нет... Или... он может попытаться проскользнуть, например, когда кто-то входит внутрь... или если дверь откроют на минутку...

В это время он услышал, что где-то на расстоянии поют. Он слышал пение уже около четверти часа, прежде чем сообразил, что здесь возможна связь.

Побежав быстрее, он направился на звук голосов.

— Может быть, это далеко от истины, — сказал он Подарку, — но на месте Полоски, я думаю, мы попытались бы увязаться за этими исполнителями. В худшем случае они могли бы нам замести следы. А если бы кто-нибудь оставил дверь открытой, пока они поют, может быть, у нас появился бы шанс проскользнуть внутрь... Во всяком случае, нетрудно их расспросить. Может быть, они видели его во время своего похода.

Увидев себя, что он здорово все придумал, Билли

плотнее затянул крышку рюкзака, чтобы укрыть Подарка от холода и быстро побежал. Через четверть мили он нагнал исполнителей.

— Привет! — сказал он. — Я ищу малыша примерно вот такого роста.

Он держал руку примерно футах в двух с половиной от земли.

Реакция была мгновенной.

— Да, — сказал один из певцов. — Мы его видели. Он ваш младший брат или кто?

— Не совсем. А что?

— Потому что он мерзавец. Нил пытался выяснить, как его зовут, а он убежал. Когда Нил догнал его, он пырнул его ножом.

Билли оглянулся.

— Нил здесь? — спросил он.

— Нет, — сказал другой. — Он ушел домой, когда увидел, как сильно у него порвано пальто. И из руки у него шла кровь.

— Почему вы ищете мерзкого карлика? — спросил другой певец.

— Потому что ему надо домой, — ответил Билли. Он решил не пугать их правдой. — Куда он вообще-то пошел?

Несколько человек указали на темное здание, которое нависало тяжелой тенью между двумя маленькими ярко освещенными домами. Это было здание ИМКА.

— Не знаю, почему он туда пошел, — сказал один из певцов. — Там закрыто крепко-накрепко.

— Может, он просто испугался, — предложил другой.

— Спасибо, — сказал Билли. — И скажите Нилу, что я прошу прощения, если малыш поранил его.

Он уже уходил от них, когда трое или четверо мальчиков одновременно заметил Подарка, который высунулся из-под крышки рюкзака, и побежали за ним.

— Эй, — позвал один из них. — Что это за зверек? Какой хорошенький.

— Это Могвай, — ответил Билли.

— Откуда он?

— Издалека. Послушайте, мне надо идти. Большое спасибо за помощь.

Быстро махнув им на прощание, он побежал к темному зданию, найдя знакомый трехпалый след Полоски меньше чем через минуту. Побежав быстрее, он проследовал по свежим следам почти полностью вокруг здания, пока они не оборвались.

Прямо под разбитым окном.

— Должно быть, это идея, Подарок! — сказал Билли, и в голосе его слышалось волнение.

Вынимая из рамы оставшиеся куски стекла, чтобы забраться через разбитое окно, Билли вспомнил скандал, разразившийся несколько месяцев назад, когда из конторы ИМКА украли пишущую машинку. Некоторые возмущенные жители, может быть, слишком живо восприняв случившееся, предложили напичкать каждое общественное здание во всем городе лучшими сигнальными устройствами и патрулировать их круглые сутки вооруженными охранниками. Другие же, из тех, кто гордился репутацией Кингстон Фоллз как безопасного для жизни места в Штатах, решили, что поскольку эта кража — всего лишь единичное преступление, обычных мер предосторожности вполне достаточно. Было заменено несколько слабых замков в средней школе и в ИМКА, а также вставлены выбитые стекла на первых этажах. Теперь, пробираясь через разбитое окно на первый этаж здания ИМКА, Билли вспомнил один из основных моментов прошлогодней дискуссии относительно руководства Кингстон Фоллз.

«Я всецело за то, чтобы потратить деньги на оборудование служебной части этих зданий устройствами против грабителей, — сказал один из членов совета, — но я не понимаю, почему мы должны тратить деньги на то, чтобы защитить от грабителей первый этаж ИМКА. Там ведь только несколько привинченных к полу металлических сейфов, баскетбольная площадка и другие вещи, которые невозможно унести. Что там красть? В любом случае, полиция как следует патрулирует весь район, и соседи тоже присматривают».

Теперь, опасно балансируя на подоконнике, Билли подумал: что, если, несмотря на погоду и плохую видимость, кто-нибудь уже заметил его? Если это так, то очень скоро он услышит вой сирены, поскольку жители Кингстон Фоллз гордились своим уважением к закону и порядку и не были склонны отворачиваться, сталкиваясь с преступлением.

Преступление, думал он, неужели я становлюсь его участником? Он знал, что это не так, но ему пришлось признать: для постороннего все, что он сейчас делал, могло казаться явно противозаконным. Что он может

сказать, если его поймают внутри здания? Поскольку в такой ситуации никакое оправдание не показалось бы логичным, его арестовали бы за взлом — просто так. Интересно, разрешили бы ему получить рождественские подарки в тюрьме.

— Значит, опять наружу, — сказал он громко. — Последний шанс...

Приняв решение, он быстро спрыгнул в помещение. Приземлившись в темноте на бок, он нащупал фонарь, выпавший из кармана, и начал осторожно подниматься на ноги. В этот момент страшный хохот, явно не земного характера, пронесся по нижнему этажу. Он прозвучал близко, но поскольку зал был просторным и пустым, Билли знал, что Полоска мог быть в пятидесяти или ста футах от него.

Помедлив, он решил привыкнуть к темноте, прежде чем двигаться вперед. Прошла минута. Не было слышно ни звука, кроме позвякивания цепей машины, проехавшей недалеко от центра. Прошла еще минута. Билли чувствовал теплое дыхание Подарка на шее, слышал легкий шорох ткани, когда его рука изменила положение на боку. Кроме этого, ничего... Не слышно ни скрежета когтистых лап, ни смеха, ничего...

Наконец тишину пронзил звук. Не мягкий или тихий звук, выдающий местопребывание кого-то, но явный и четкий звук, которого можно было ожидать в таких условиях.

Стук баскетбольного мяча.

Тук... Тук... Тук-тук-тук...

Это было не намеренное постукивание мячом по полу, поправился Билли. Это баскетбольный мяч упал и теперь останавливается.

Сориентировавшись, он быстро, насколько позволяла темнота, двинулся в направлении отсека с оборудованием — части первого этажа, про которую член совета забыл, когда утверждал, что там нечего красть. Но отсек всегда был заперт, насколько Билли помнил, и не каким-нибудь навесным замком, который можно отпилить или сорвать. Подойдя к двери, он протянул руку и потрогал бронзовый квадрат, всегда напоминавший ему замки, которые показывают в фильмах про тюрьму. Он слегка толкнул дверь, потом сильнее. Дверь не поддавалась.

Тогда как же, начал он спрашивать себя...

Твердый предмет, ударивший ему в голову, был от ветом. За ним тут же последовал громкий истерический смех, который зазвучал прямо над ним.

Направив фонарь вверх, Билли услышал, как хохот сменился криком боли, а потом чем-то очень похожим на длинное ругательство на могвайском языке. Луч фонаря ударил в красные глаза Полоски, и когда голова Гремлина конвульсивно дернулась назад, Билли увидел, что между потолком и верхними прутьями решетки отсека есть пространство в шесть-восемь дюймов. Для человека оно было узким, но для Полоски пролезть сквозь него не составляло труда.

Нарушив темноту, Билли решил теперь держать Гремлина в луче фонаря, поскольку если он снова ускользнет...

У него было мало времени для размышлений о последствиях новой ошибки. На него градом посыпались все имеющиеся в отсеке мелкие предметы — бейсбольные мячи, гвозди, отвертки, гаечный ключ, старые тапочки, куски дерева и всякие металлические детали, с которыми мог справиться Полоска. Уворачиваясь как мог, прикрывая голову и Подарка от ударов, Билли как-то умудрялся не сводить фонарь с Полоски. У него была одна стратегия — выжидать, не удастся ли сбить зверя с клетки и напасть на него с мечом, — стратегия, которая во многом зависела от того, как долго батарейки фонарика...

Внезапно свет погас — в руку Билли ударил острый предмет, и он уронил фонарь. Когда фонарик ударился об пол, пластиковая крышка откололась, батарейки и лампочки со звоном разлетелись в разные стороны.

Стон Билли смешался со смехом Полоски в наступившей полной темноте.

Упав на колени, Билли начал шарить ладонями, пытаясь нащупать части фонарика. Он быстро нашел батарейки, потом лампочку и наконец крышку. Когда он попытался на ощупь собрать фонарик, он услышал, как Полоска побежал по боку клетки, и его костистые лапы приземлились с металлическим стуком всего в ярде от него. Если бы Билли не был занят фонариком, он мог бы вслепую ударить мечом — так близко он был к Гремлину. Минуту спустя, когда фонарик снова заработал, он бросился по холлу и успел увидеть, как Полоска завернул за угол.

Он двигался по баскетбольной площадке, и его острые когти скрежетали по гладкой поверхности деревянного

пола. Он направлялся в угол, где были небольшие кладовые и где была дверь, ведущая в большую комнату с...

— О, нет! — выдохнул Билли и бросился бежать. — Бассейн! Его нельзя подпускать к этой двери!

Побежав со всей скоростью, на которую был способен, держа фонарь перед собой, он заметил с облегчением, что Полоска повернул в сторону кладовых. Хорошо, подумал Билли, теперь, по крайней мере, у нас есть шанс. Добежав первыми до дверей бассейна, они теперь могли не пустить Полоску к воде — пока не сядут батарейки. А тем временем Билли мог найти главный выключатель.

— Вот, — сказал он, скидывая рюкзак. Он вложил фонарик в лапы Подарка так, чтобы он светил от его лица и прямо от двери. — Держи его вот так. Не двигайся. Хорошо?

Подарок крепко сжал фонарик в лапах, глубоко вздохнув, когда Билли исчез в темноте.

Убегая, Билли задумался о том, что будет делать Подарок, когда он найдет главный выключатель. Ему это причинит такую же боль, как и Полоске. Он может убить его, как того Могвая, который умер у заднего крыльца на солнечном свете. Он на секунду помедлил, размышляя, вернуться ему или нет. Потом бросился вперед. Если свет загорится, рассудил он, Подарок сможет упасть обратно в рюкзак и избежать боли. Полоска от нее оцепенеет, и я смогу прикончить его.

Сжимая в руке меч, он на ощупь пробирался вдоль стены, гадая, на что наткнется вначале — на Полоску или на выключатели. Минуту спустя, не наткнувшись ни на что, кроме гладких холодных квадратиков плитки, он начал уже думать, что поиск того или другого может продолжаться бесконечно.

— Где выключатели? — пробормотал он беспомощно, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что фонарик по-прежнему охраняет дверь. Несмотря на то, что батарейки явно ослабли, рассуждал Билли, у него есть еще несколько минут, пока они работают. Осознав это и отчаявшись найти выключатели — если таковые имелись в этом углу спортивного зала, — он двинулся к противоположной стене.

Наверное, он прошел футов пятьдесят, когда, оглянувшись на дверь бассейна, чтобы посмотреть, насколько ослабли батарейки фонарика, он увидел результат разумной стратегии Полоски. Вычислив, что это Подарок

держит фонарик, а Билли пытается обойти его или добраться до выключателей верхнего света, Полоска шел вдоль стенки, подкрадываясь к Подарку и прикрываясь от прямых лучей. Теперь, когда было уже поздно что-то предпринимать, Билли увидел так хорошо знакомый силуэт Гремлина — черную фигуру, очерченную светлым контуром. Двигаясь дьявольски медленно, фигура замерла рядом с Подарком, как кобра, готовая броситься на добычу.

— Смотри! — закричал Билли через всю площадку. — Осторожно, Подарок! Он...

Фонарь с шумом упал на пол и покатился под аккомпанемент серии стонов и слабого писка, которые эхом прокатились по спортивному залу. Побежав на смутные очертания двери бассейна, Билли буквально бросился в клубок тел. Два одновременных болезненных удара пришлись ему в плечо и в бок. Махнув кулаком, Билли почувствовал, что попал в твердый предмет и услышал, как взвыл Полоска.

Ориентируясь на звук, он нанес еще один удар, и Полоска оторвался и убежал в бассейн.

— Нет! — услышал Билли собственный отчаянный крик.

Услышав скрежет когтей Полоски по плиткам, который становился все слабее, Билли поспешно нашел фонарик и побежал к бассейну. Он не включил фонарик, хотя почти ничего не видел без него. Даже в нынешнем состоянии, близком к панике, он сознавал, что светом нужно пользоваться осмотрительно — не только из-за слабеющих батареек, но потому, что внезапное движение Полоски в определенном направлении теперь...

Долгий и особенно злобный смех сообщил Билли о том, что худшее уже произошло. Полоска обнаружил бассейн и оценил его возможности неограниченного воспроизводства.

Он стоял в дальнем углу, слегка подпрыгивая вверх-вниз в воде, нос его вдыхал ароматный дымок, поднимающийся с поверхности тела, руки его образовывали широкую победную арку над головой, как у атлета, который только что забил решающий мяч в игре. Каждый раз, когда во время своего победного танца он спускался на плиточный пол, смех его слегка усиливался, и теперь он был похож на живую волынку, из которой постоянно извлекают одну единственную ноту.

— Нет... — выдохнул Билли. — Пожалуйста, *нет!*

Легкое прикосновение меха к его руке показало ему, что с Подарком все в порядке, — одна хорошая новость за то время, что он стоял и беспомощно смотрел, как Полоска плескался в воде.

Включив фонарик, Билли подбежал к дальнему концу и направил его в воду. Полоска медленно нырнул на дно бассейна и лежал лицом вниз, свободно опустив руки по сторонам. Какое-то время Билли надеялся...

Легкое потрескивание лишило его надежды. Спина Полоски покрылась маленькими пузырьками, которые всплывали и распространялись по поверхности бассейна. Как огромные круглые амебы, они делились вновь и вновь, превращая воду в кипящий зеленый кисель. Легкое потрескивание вскоре перешло в рев, оглушительный вой сотни нечеловеческих голосов, орущих от боли.

Билли, завороженный, смотрел на это всего минуту. Потом, схватив Подарка, он то ли выпрыгнул, то ли просто выпал из здания.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Съехав по пологому склону в пятидесяти ярдах от здания ИМКА, Билли оказался зрителем мрачного шоу, которое во многом было его произведением. Вначале было не слышно и не видно почти ничего, кроме зеленоватой дымки, поднимающейся над зданием и отдаленного хохота. Потом внутри началось движение и звуки явно усилились. Вскоре Билли увидел одну фигуру, а потом десятки их, движущихся в окнах — каждая была полноценным Гремлином!

— О, Боже! Когда Гремлины размножаются, они делают это сразу, да?

Подарок смахнул слезу. Он мог бы рассказать об опасностях, и всего этого можно было бы избежать... если бы он мог лучше общаться... если бы эти люди последовали его совету... Если бы, если бы, если бы...

Теперь больше не имело смысла сослагательное наклонение.

Насколько понимал Билли, исчезла последняя надежда. Когда они с Подарком спускались по склону всего несколько минут назад, он думал, что можно вызвать пожарных, и они могли бы поджечь коконы, пока те созревают. Но коконов не было, не было никакой промежуточной стадии даже временной уязвимости, когда можно уничтожить или перевезти их в такое место, где они причинят меньший вред.

Билли вздохнул.

— Что нам теперь делать, Подарок? — спросил он

устало. — Просто смириться, идти домой и ждать? Больше ничего нельзя сделать, да?

Это было разумно, но он знал, что теперь не может сдаться. Он способствовал выпуску этих дьявольских существ на Кингстон Фоллз, а может быть, и на весь мир! Его долг перед самим собой и перед всеми остальными сделать все возможное, чтобы исправить ошибку. Это было его основным, нравственным побуждением. Он знал — если просто сидеть и ничего не делать, можно сойти с ума.

— Наверное, — сказал он медленно, — нам нужно идти в полицию.

Ему не хотелось рассказывать обо всем, что случилось, шерифу Рейлли и помощнику Бренту. Они отличались исключительной тупостью. Даже изложение им обычной проблемы — дело непростое, настолько они убеждены, что все остальные люди хитры, тупы или одновременно и хитры, и тупы. Прибавить к этому вполне объяснимое чувство протеста, которое испытает каждый, услышав рассказ о Гремлинах или им подобных существах. Будучи страстным любителем кино, Билли уже представлял себе сцену, которая разыграется в полицейском участке. Как во многих фильмах ужасов, он объяснит, что произошло. Полицейские отнесутся к этому по меньшей мере скептически. Потом, чтобы убедить их, он предложит им пойти в среднюю школу, чтобы взглянуть на тело Роя Хэнсона и останки Гремлина. После долгих уговоров они пойдут за ним туда — и конечно, тел там уже не будет. Либо произойдет это, либо исчезнет Гремлин, и у полиции не будет другого выхода, кроме как арестовать Билли по подозрению в убийстве.

Пред лицом необходимости объяснять все этим людям Билли заколебался. Но не надолго, поскольку здание ИМКА уже просто кишело внутри зелеными телами. Мелькая в окнах, они придавали зданию вид слабо освещенного концертного зала или театра после окончания вечернего представления.

— Пошли, Подарок, — сказал наконец Билли. — Наверное, если мы хотим помешать этим ребятам захватить весь город, надо идти в полицию.

Через четверть часа в крохотном полицейском участке Кингстон Фоллз Билли рассказывал все происшедшее как можно проще и бесстрастнее, тщательно избегая

жутко звучащих описаний, которые обычно исходят из уст персонажей фильмов.

Реакция полицейских несколько отличалась от того, что показывают в кино или по телевизору, хотя шериф Рейлли и помощник Брент действительно заняли позицию «давайте-посмеемся-над-ним-и-может-быть-он-спокойно-уберется», типичную для служителей закона в подобных ситуациях. Сидя за деревянными столами, попивая из пластиковых стаканчиков вино со взбитыми желтками и специями, они, может быть, выглядели менее официально и более дружелюбно, чем можно было бы ожидать, особенно поначалу. Когда стало очевидно, что Билли говорит серьезно, они позволили ему развить рассказ, не перебивая его.

— Гремлины, — сказал наконец Рейлли. — Маленькие монстры, ты сказал?

— Да.

— Конечно, зеленые, — продолжил шериф, едва заметно подмигнув Бренту. — Маленькие монстры всегда зеленые, знаешь ли.

— Да, они зеленые, — признал Билли, пожалев, что они не какого-нибудь другого цвета.

— С острыми клыками и когтями?

— Да, сэр.

— И их тысячи, да?

— Я не считал, — ответил Билли. — Это было невозможно. Во всяком случае, с виду около двухсот.

— Значит, около двухсот маленьких зеленых монстров с клыками и когтями — по-моему, этого достаточно, — улыбнулся помощник Брент. — Ну, и откуда взялись эти Гремлины?

— Мой отец. Он преподнес мне одного в качестве подарка на Рождество несколько дней назад.

— Подарок... — проворчал Рейлли. — Твой отец всегда дарит тебе злобных монстров?

— Нет, нет! — ответил Билли на этот раз несколько более нервно. — Видите ли, вначале они не злобные.

— Конечно, нет, — кивнул Брент, и его снисходительное отношение к юному рассказчику стало совершенно очевидным.

— Кстати, это даже не Гремлины, когда все начинается, — продолжил Билли. — Вы не могли бы уменьшить здесь свет?

— Это зачем, тебе что — режет глаза?

— Нет, сэр. У меня Могвай — это то, из чего пол-

учается Гремлин — в рюкзаке, но яркий свет может причинить ему боль, даже убить его.

Брент бросил на шерифа Рейлли взгляд, говоривший «Это-должно-быть-неплохо» и подавил зевок.

Надеясь, что, увидев Могвая, они убедятся в его неземном происхождении, Билли ждал, стараясь сохранять спокойствие. Через минуту Брент, сделав пару шагов к выключателю на стене, погасил верхний свет.

Билли открыл рюкзак и вытащил Подарка. Полицейские тщательно рассмотрели его, не проявив при этом ни нежности, ни восторга.

— Да, — кивнул Брент, — я уже видел таких. Они с островов на юге Тихого океана. По-моему, они называются как-то...

— Нет, сэр, — прервал его Билл. — Это не обычное земное животное.

Брент покачал головой.

— Может быть, так сказал продавец в зоомагазине твоему отцу, но я видел их по телевизору. Знаешь, программа про дикую природу.

Зная, что с Брентом спорить бесполезно, Билли удержался от возражений.

— Значит, это становится Гремлином, так? — спросил помощник шерифа.

— Да, сэр. Он *может*, но не обязательно, — понимая, что его слова звучат так же невероятно, как они звучали бы у типичного психа из фильма ужасов, Билли все равно ринулся в бой. — Понимаете, они становятся Гремлинами, если... поедят после полуночи...

Брент прыснул и подавился глотком напитка. Струйки шафранового цвета жидкости потекли у него из уголков рта. Вытерев губы рукавом, он отвернулся и закашлялся.

— Поедят после полуночи, — проговорил шериф Рейлли, продолжая линию расспросов с того места, где Брент, закашлявшись, прервал рассказ. — Не понимаю.

— Может быть, он имеет в виду заход солнца в пятницу, — перебил его Брент, все еще слегка давясь. — Еврейские Гремлины.

— Давайте серьезнее, — сказал Рейлли. — Я действительно хочу добраться до сути. Значит, он превращается в Гремлина, если поест после полуночи. Полуночи в каком часовом поясе? Ты хочешь сказать, что, если я отвезу этого зверя на границу часового полюса, и он поест по одну сторону линии, все нормально, но если поест по другую сторону, он превратится в монстра?

— Наверное... — запнулся Билли. — Я не думал об этом в таком плане.

— И в чем дело — в том, что рот жует или что желудок переваривает? — быстро добавил Брент, игнорируя проблему пищевода. — Ты знаешь, что пища некоторое время находится в желудке...

Отмахнувшись от него, Рейлли спросил:

— Сколько еды? Один кусочек после полуночи? Достаточно этого, чтобы он сошел с катушек?

— Наверное...

— А что, если он поест в десять часов, и у него что-нибудь застрянет в зубах, а потом после полуночи он это проглотит? — спросил Брент. — Это считается едой после полуночи?

— Вода — это пища? — добавил Рейлли.

— Нет, — ответил Брент. — В воде нет калорий. Если он съест что-нибудь калорийное, вот тогда это произойдет.

— А диетические напитки? — спросил Рейлли с невозмутимым видом. — В них всего несколько калорий.

— Ну и все, — ответил Брент. — Одна калория — и это уже еда.

— Жена говорила мне о каких-то продуктах, в которых минусовые калории, — сказал Рейлли. — То есть тело использует больше энергии для их пережевывания, чем получает от них. Как, например, сельдерей, латук и сырая морковь...

Поняв, что он ничего не добьется, Билли шагнул к двери.

Шериф Рейлли поднял руку.

— Минуточку, — сказал он. — ты куда?

— Я, наверное, пошел, — сказал Билли. — Я знаю, что это звучит странно, но не я выдумал правила...

— Мы просто пытаемся понять, что происходит, — ответил спокойно Рейлли, на его лице лишь слегка отражался скрытый сарказм. — Допустим, ты внезапно умрешь или забудешь здесь этого зверя. Вдруг, как ты сказал, он превратится в сотню Гремлинов, если мы его покормим после полуночи. Мне хотелось бы побольше узнать. Например, если после полуночи нельзя, то когда опять можно? В шесть часов? С восходом солнца?

— И еще, — добавил Брент, не дожидаясь ответа

Билли. — Как он размножается? Ему нужна самка или как?

Билли вздохнул и не ответил. Он решил не говорить этим людям больше ничего про Подарка и ничего им не говорить про случай в школе. Пусть они думают, что он лунатик, если им так нравится. По крайней мере, они не могут арестовать его за это.

— Послушайте, извините за беспокойство, — сказал Билли. — Наверное, я просто плохо рассказал, и я не виню вас за то, что вы считаете меня сумасшедшим. Я просто зашел сказать вам, что сегодня вечером к вам могут поступить сообщения о вандализме или о том, как на людей нападали или их пугали зеленые монстры. Может быть, благодаря мне, вы поверите, что эти люди не сумасшедшие. По крайней мере, я на это надеюсь. А если ничего не произойдет, тоже хорошо.

Закрыв крышку рюкзака над Подарком, он пошел к двери. Притворяя ее за собой и выходя в темную холодную ночь, он услышал, как двое полицейских вначале подавленно захихикали, а потом разразились громовым хохотом.

— Ну, Подарок, — сардонически улыбнулся Билли. — Как я выглядел?

Серия странных и трагических событий, которые потрясли Кингстон Фоллз, началась через несколько минут.

Первый эпизод, который мог показаться отдельным несчастным случаем, был отмечен диктором радиостанции ВКФ Харманом Эллисом в 19.57 в качестве события местного значения, во время второго часа ток-шоу. В тот момент он не понимал, что это лишь верхушка айсберга, и что происходящее будет держать его и слушателей в напряжении всю ночь.

«У меня здесь предупреждение для водителей в районе Кингстон Фоллз. Все четыре светофора на пересечении Рэндольф Роуд и Сорок Шестой дороги заклинило на зеленом свете в обоих направлениях. Две легковые машины и трейлер столкнулись там около получаса назад, причем все трое водителей полагали, что путь свободен. Машины серьезно повреждены, но никто не пострадал. Мы советуем водителям избегать этого перекрестка — Рэндольф Роуд и Сорок Шестая дорога, — пока рабочие не починят светофоры. Слушайте нашу радиостанцию, и мы сообщим, когда движение будет восстановлено...»

Вспомнив, что он поставил «фольксваген» всего в нескольких домах от полицейского участка, Билли решил проверить, прилепили ему квитанцию о штрафе или машину отвезли за три часа, прошедшие с тех пор, как он был вынужден оставить ее.

— Это меня не удивит, — сказал он Подарку. — Что бы ни случилось, я не удивлюсь, такой уж сегодня день.

Повернув за угол, он был поражен тем, что увидел. Не только машина была там, где он ее оставил, но и на ветровом стекле не было квитанции. А когда он сел в нее и повернул ключ зажигания, мотор заработал, заурчал мягко и послушно, как никогда.

— Здесь что-то не так, — пробормотал он. — Точно.

Развернувшись, он вскоре вернулся на Мейн Стрит и поехал к дому, совершенно не представляя себе, что делать дальше и к кому обратиться. Ему оставалось только надеяться, что Гремлинов каким-то образом отвлекут, пока они не наделают слишком много вреда.

«...еще одно объявление — вообще-то их уже три. Мне начинает казаться, что Кингстон Фоллз стал испытательным полигоном для проказников. Теперь у нас светофор показывает красный свет во всех четырех направлениях, там уже на полмили скопился транспорт. Это на Маунтейн Роуд и Роллинг Виста Хайвей. Полиция направляется туда, чтобы регулировать движение, поэтому, если вы находитесь на одной из этих магистралей, расслабьтесь, успокойтесь и ждите. Благодарите Бога, что вы не на Дельта Драйв возле Кармоди Стрит, поскольку там на пешеходов и водителей налетело около пятидесяти бесхозных автопокрышек. Они каким-то образом выкатились из склада магазина и покатились по Кармоди огромной массой. Побило несколько машин, а одна женщина поранилась, отпрянув от покрышки и наткнувшись на столб. Это еще не все. Сегодня вечером непьющий и заслуживающий доверия источник сообщил, что на посетителей, входивших в Центр магазинов Гаверноpз Мейл, обрушился град швабр с крыши здания — не менее тридцати одновременно. Охрана не смогла найти виновных. Не подверглись ли мы нападению Гремлинов? Может быть, и нет. Скорее всего, это просто последние безумства перед Рождеством. Слушайте нашу программу, мы будем держать вас в курсе».

На углу около церкви Билли вдруг нажал на тормоза,

его занесло в сторону, и он чуть не угодил в сугроб, прежде чем остановился. Дав задний ход, он проехал футов сто, прежде чем поравнялся со знакомой фигурой, выходящей из боковой двери церкви.

— Отец Бартлетт! — крикнул Билли через приспущенное окно.

Сгорбившаяся фигура помедлила и стала пробираться по обледеневшей дорожке к машине.

— Это я, Билли Пельтцер.

— С Рождеством, Билли...

— Отец, пожалуйста, идите обратно в церковь, — предупредил Билли. — Здесь опасно.

Старик улыбнулся.

— Я просто хочу отправить последнюю открытку, Билли, — сказал он, вытаскивая ее из кармана. Потом, почти про себя, он добавил: — Я совершенно не думал, что они меня поздравят.

— Разве это не может подождать, отец?

— Наверное, может, но пройти надо всего один дом. В чем проблема — ты думаешь, что я поскользнусь на льду?

— Нет, отец, все гораздо хуже. Поверьте мне на слово, что здесь небезопасно, опустите письмо и сразу идите назад.

— Конечно. И с Рождеством тебя.

— Спасибо, отец. Вас также.

Билли завел машину и отъехал. Отец Бартлетт посмотрел ему вслед, пожал плечами и пошел к почтовому ящику на углу. Пока шел, он оглядывался по сторонам и даже через плечо пару раз, но, казалось, никто не скрывался в тени и не преследовал его. Работая с разными группами молодежи, отец Бартлетт знал, что нынешние молодые люди гораздо более мнительны и подозрительны, чем их отцы и деды. В таком мире мы живем, и нельзя винить Билли Пельтцера за то, что то он вдруг занервничал, даже в праздники.

Подойдя к почтовому ящику, Бартлетт приоткрыл крышку и бросил письмо.

Через секунду открытка вылетела обратно, ударившись о его пальто и упав на снег.

Моргнув, отец Бартлетт нагнулся и поднял письмо. Он медленно открыл дверцу почтового ящика, заглянул в темноту, пожал плечами и снова бросил конверт.

Тот снова вылетел обратно.

— Это, наверное, какая-то шутка, — проговорил он,

придавая голосу доброжелательный тон на случай, если его записывают на магнитофон. Снова подняв открытку, он постоял молча, озираясь вокруг достаточно нервно. Он, конечно, видел по телевизору шоу, в котором средний человек становился объектом розыгрыша, и его снимали скрытой камерой, но, конечно, не при таком слабом освещении...

С другой стороны, современной технике подвластно почти все.

Он решил попробовать еще раз. Даже если его записывают, рассудил он, он не выставил себя в смешном свете. Кстати, он всегда реагировал на розыгрыши нормально — со смесью искреннего удивления и веселья; прихожане, которые будут смотреть запись, не смогут обвинить его в том, что он проявил непростительный гнев или глупость. На тот случай, если это все снимали скрытой камерой — а предположив это, он ничего не терял, — он решил добавить собственный милый штришок.

Еще раз опустив дверцу, он приложил лицо к отверстию и сказал:

— Еще раз попытаюсь, и все. После этого несу свое письмо в другой ящик.

Как только он произнес эти слова, он почувствовал, как в его руку вцепился холодный предмет. Когда он начал вырываться, другая клешня или рука обвилась ему вокруг шеи и начала затаскивать его голову в почтовый ящик.

— Это зашло слишком далеко! — закричал он, выдавив смешок, скорее истерический, чем искренний.

Теперь он потерял шляпу, и его непокрытую голову с болью втаскивали через ледяной край внутрь ящика. Извиваясь и изворачиваясь, обычно невозмутимый отец Бартлетт начал звать на помощь.

«...Теперь, принимая во внимание все эти сообщения, мы меняем обычную схему и открываем прямые телефонные линии, чтобы вы могли звонить и говорить со мной об этом... явлении... между объявлениями. Мы не хотим распространять панику, но было бы несправедливо, если бы мы не сообщали о том, что происходит, и не рекомендовали нашим слушателям по возможности оставаться дома. Купите последние рождественские подарки после праздников. Ваши близкие поймут. Итак... у нас было много звонков от людей, которые видели очень маленьких животных или людей, которые выскакивали

из тени и потом исчезали. Эти... существа имеют размеры примерно трехлетнего ребенка, но ведут они себя, как спортсмены-олимпийцы. Откровенно говоря, мы не знаем, кто они, и проблема усугубляется тем, что все эти люди или существа одеты в костюмы.

Около восьми пятнадцати их видели неподалеку от Центра торговли Гавернор Молл, примерно в это же время покупатели начали застревать в стеклянных раздвигающихся дверях. Согласно сообщениям девяти человек, которые получили незначительные порезы и синяки, двери заманчиво открывались, а потом резко захлопывались с ужасной скоростью. Обслуживающий персонал магазинов сообщает, что система теперь контролируется, но большинство покупателей пользуются неавтоматическими дверями.

В другом районе Кингстон Фоллз произошел случай, может быть, с этим связанный, а может быть, нет. Клиенты первоклассного французского ресторана Симона в Уинслоу Пайк сообщили, что там около восьми тридцати началась драка. По версии одного источника, блюда с едой летели с одного столика на другой, хотя никто не видел бросавших. Несколько официантов, несших тяжелые подносы, получили подножки, а скатерти соскальзывали со столов на глазах клиентов, сметая салатницы и тарелки на пол. В конце концов ресторан погрузился в такой хаос, что с французской кухней в городе, кажется, покончено навсегда. Одной женщине, вдохнувшей беарнский соус, оказывается медицинская помощь».

— Тебе очень надо было смеяться над парнем, да? — проговорил шериф Рейлли, когда они с помощником Брентом снова бросились к машине. Последний час того, что начиналось как скучная ночь, был сумасшедшим и необъяснимым.

— Мне? — ответил, защищаясь, Брент. — Ты же начал. Мне все равно кажется, что дело не в его зеленых чудовищах. Мне кажется, парень помешался от безделья. А эта радиопрограмма, которая каждые десять минут дает информацию, совершенно не помогает. Ненормальные люди слушают такие вещи и начинают думать о том, что можно сделать, чтобы это переплюнуть.

— Ну ладно, Бог с ним, — пожал плечами Рейлли. — Где Дадли и Уоррен?

— В Гавернор Молл.

— Ладно. У нас с тобой есть выбор. Беспорядки на телестанции или люди, на которых нападают рождественские елки. Куда ты хочешь?

Брент пожал плечами.

— Мне бы хотелось оставить средства массовой информации в покое. Пусть сами решают свои проблемы. Может быть, обычная свара.

— Тогда пошли к елкам.

Вырулив налево на Вашингтон Авеню, шериф Рейлли направил машину обратно к центру города. Для кануна Рождества улицы были пустынны, это придавало Кингстон Фоллз вид города призраков, зато ничего не мешало им передвигаться с места на место. Быстро доехав до конца квартала, он снова свернул у Уотертона, и машину слегка занесло, когда...

— Что... — это было все, что успел сказать Рейлли, прежде чем полицейская машина ударилась в стену из каких-то поставленных вертикально предметов.

Заскрежетав и резко остановившись, машина подпрыгнула. Прозвучал такой грохот, как будто в днище корабля ударила торпеда, полицейские выскочили из машины и осмотрели ущерб при свете фар.

— Кто же это сделал? — пробормотал Бренд.

Перед ними были шлакоблоки, поставленные на попа, как аккуратные могильные плиты, их квадратные силуэты выстроились, насколько хватало глаз.

«...прямо перед полицейским участком Кингстон Фоллз. Водителям мы советуем избегать Уотертон авеню между Вашингтоном и Адамсом. Полицейские сообщают, что неизвестные забаррикадировали улицы бетонными шлакоблоками, которые явно взяли со склада Строительной компании Уилльямсона по соседству.

Еще одно странное событие произошло всего в одном квартале от церкви Св. Франциска Асиззского, где отец Эдмунд Бартлетт опускал письмо. Пара невидимых рук или клешней затащила его в почтовый ящик почти по плечи, поранив при этом. Тем временем сосед, который увидел, что отец Бартлетт попал в ловушку, позвал на помощь, и его вытащили. Но когда помощники заглянули внутрь ящика, там было уже пусто.

К несчастью, это не последний пункт в списке необычных событий нынешнего вечера. Баскетбольный матч между Тиграми и Китами Пресвитерианской Про-

межуточной Лиги пришлось отложить, когда было обнаружено, что все мячи наполнены арахисовым маслом. Соревнование перенесено на восьмое января.

И последнее, пока что, сообщение мы получили с Десятого канала о том, что источник помех — не у вас в телевизорах. Помехи вызваны неизвестными неполадками в оборудовании.

Я уже говорил о Гремлинах? Это явно на них похоже. Слушайте нашу программу».

— Диктор сказал по радио, что это Гремлины, Мерей, — сказала миссис Фаттерман, возвращаясь в гостиную с чашкой кофе для мужа.

— Может, он сказал это в шутку, — проворчал Фаттерман, сдерживаясь, чтобы не стукнуть по телевизору. — Они всегда говорят это в шутку, но никто этому не верит.

Когда, покрутив еще немного ручки, он так и не смог исправить изображение в телевизоре, он устало откинулся назад.

— Только не сейчас, — проговорил он. — Как раз, когда должен был приехать Перри Комо.

— Он опять поет «Аве Мария»? — спросила миссис Фаттерман, и продолжила: — Я думала, тебе это уже надоело. Они показывают это каждое Рождество.

— Это часть Рождества. Что по радио сказали про телевидение?

— Гремлины, — повторила миссис Фаттерман. — Никто не знает.

— Просто в них масса иностранных деталей, вот такое мое мнение, — проворчал Фаттерман. — То же, что и с этим чертовым «Сони». Я знал, что надо покупать «Зенит».

Щелкнув переключателем, он увидел, что по всем каналам идет ужасная зернистая пелена. Щеки его все больше краснели с каждым поворотом переключателя. Стуча кулаком по боку телевизора, он иногда на мгновение радостно улыбался, когда появлялось прекрасное изображение, и возобновлял удары, когда снова возникали полосы.

— Это не просто один канал, — прорычал он. — Это или телевизор, или антенна.

— Давай не будем об этом думать, — сказала миссис Фаттерман с мягкой улыбкой.

— Конечно, я не буду об этом сейчас думать! — рявкнул он в ответ. — Идут мои любимые рождественские передачи. Почему я должен сидеть здесь и смотреть на снег в ящике и на снег на улице?

Вдруг он вскочил на ноги и побежал к шкафчику в прихожей. Жена просто смотрела на его сборы, зная, что перечить ему бесполезно.

— Куда ты? — смиренно спросила она наконец.

— Пойду проверю антенну, — сказал он. — Может, ее сдуло.

Натянув на голову шерстяную шапку, он вышел из дома, дошагал до конца дорожки и посмотрел на крышу.

Антенна была в порядке, но этого мистер Фаттерман почти не заметил. Гораздо лучше он заметил три маленькие длиннорукие фигурки вокруг нее, которые вызвали у него страшные воспоминания о Второй мировой войне.

Он долго стоял с отвисшей челюстью, глядя на тех троих, что играли с его антенной. Потом, вспомнив о ружье, которое держал заряженным в шкафу, он повернул к дому и не спускал глаз с крыши, пока не дошел до крыльца.

«...дно предупреждение для водителей в районе Кингстон Фоллз. У нас есть сообщение о том, что на объездной дороге в черте города появился ряд знаков объезда, расставленных таким образом, что водители ездили кругами вокруг центра несколько часов. Некоторые водители, разозлившись оттого, что не могли найти выхода из этого тупика, остановили машины и создали огромные пробки, не говоря уже о нескольких столкновениях. Все, что мы можем вам сказать об этой ситуации — несколько местных гаражей вызвались выслать грузовики, чтобы вывезти водителей из этой зоны. На этих грузовиках большие желтые опознавательные знаки.

Мы советуем покупателям не пользоваться машиной Кингбанка во всех трех точках и машиной Вест Кельвинс. Они выдают рваные купюры и возвращают карточки согнутыми пополам. Сотрудники банков сделали заявление о том, что это не дело рук так называемых Гремлинов, но обычная неполадка, с которой уже сталкивались оба банка».

Шерифу Рейлли и помощнику Бренту понадобилось время, чтобы успокоить трех женщин, на которых напали автоматы в зоне отдыха Грин Бенд; они пережили

ужасные минуты, и всем троим очень хотелось поговорить об этом.

— Мы стояли между двумя рядами машин, — начала высокая женщина с синеватыми волосами. — Алиса пыталась решить, покупать ли печенье с сыром, когда вдруг начали вылетать банки с содовой. Не выпадать, знаете, как когда вы за них бросаете деньги. Их *выкидывали* оттуда. Одна ударила меня прямо сюда, в больное плечо, а другая — Мод по подбородку. Ее до сих пор качает.

Брент кивнул и записал что-то в блокноте, не потому, что ему это было нужно или этого хотелось, но потому, что он знал: от него этого ждут.

— Посмотрите, — сказала та, которую называли Алисой, указывая на сильный порез под носом. — Не подумаешь, что это может сделать пачка жевательной резинки, да?

— Да, мадам, — ответил шериф Рейлли.

— Они так и кружили здесь, — вздохнула третья женщина. — Я думала, что это конец света.

— Знаете, мы не очень ловки, — сказала вторая. — Когда они начали кидаться этим в нас, мы просто не могли увернуться.

Офицеры кивнули, высказали пару сочувственных замечаний и вернулись в машину.

Когда ехали обратно в Кингстон Фоллз, шериф Рейлли, перестав бормотать что-то про себя, сказал:

— Надо бы еще поговорить с парнем.

— С парнем?

— Да. С тем, у которого был тот смешной маленький зверек, что превращается в Гремлина, если покормить его после полуночи. У тебя есть его фамилия, да?

— Я думал, шериф, он вам ее назвал.

— У тебя был жалобный лист, и я видел, как ты писал что-то после того, как он пришел.

— А, это я просто записывал, чтобы не забыть позвонить домой.

— Замечательно.

— Но мне кажется, я знаю, кто он. Он работает в банке. Можно выяснить.

— Хорошо. Мне кажется, нам надо выяснить, что он знает, прежде чем мы будем действовать дальше.

«...линии по-прежнему работают. Телефон 922-7400,

и приготовьтесь немного подождать, поскольку наш пульт, вполне в соответствии с временем года, горит, как рождественская елка. Ну вот. Очередной звонок. Пожалуйста, сэр, вас слушают.

— О, да. Меня зовут Уиллки Смит, и я только что вернулся из ресторана Ховарда Джонсона, который выплюнул этот ужас мне в лицо...

— Ресторан на вас плюнул?

— Нет. Одна из этих машин в мужском туалете, под которыми сушат лицо и руки. Машины с горячим воздухом...

— Да, продолжайте.

— Ну вот, я включил ее, чтобы высушить лицо, и вдруг весь покрылся гадкой оранжевой жидкостью с ужасным запахом.

— Жидкостью? Вы можете сказать, что это?

— Не знаю. Запах был такой, как из туалета, но затхлый, как бы с плесенью, и...

— Ну, вероятно, это будет чуть более натуралистично, чем нужно. Где этот ресторан, сэр?

— Комперс и Лондейл. Знаете, что я думаю? Я думаю, что так хочет Бог. В Новом Завете говорится...»

По выражению лица мужа миссис Фаттерман поняла, что он собирается в крестовый поход. Он всегда был легок на подъем, но у него никогда не было такого стального взгляда, такого целеустремленного выражения, за исключением тех моментов, когда на него находило безумие или приступ мессианства. Она видела его таким, когда у него из машины украли радиоприемник, и еще когда его любимая футбольная команда проиграла первенство лиги из-за плохого руководства. Когда он появился из подвала с ружьем, она убедилась, что все поняла правильно.

— Меррей! — строго сказала она, беря его за руку. — В чем дело?

— Гремлины, — ответил он. — На крыше.

— Какие Гремлины?

— Сейчас некогда объяснять. Оставайся в доме...

— Но если ты выйдешь на улицу и выстрелишь из этого ружья, об этом обязательно донесут, — возразила она.

— Отпусти руку, Джесси! — приказал он.

Она послушалась, и он вышел выполнять свою трудную задачу.

На улице он уже почти дошел до тротуара и увидел первых Гремлинов, но тут же осознал, что Джесси права. Стрельба из ружья с лужайки перед домом — довольно рискованное дело. Есть окно в задней стене гаража, откуда целиться будет сподручнее. Войдя в гараж, он боком протиснулся мимо снегоочистителя, между которым и стенами по обеим сторонам оставалось всего шестнадцать дюймов, и распахнул окно. Он улыбнулся, поскольку крыша была видна великолепно, и звук выстрела отсюда будет заглушен.

Прицелившись в одного из Гремлинов, он выстрелил. Маленький зеленый дьявол, словно доказывая, что он не плод воображения и не бессмертен, скатился с крыши и упал в сугроб. Фаттерман громко засмеялся. Ему нравилось, что можно снова стрелять из ружья, сцепиться с врагом...

Низкое урчание прервало его радостные мысли. Откуда этот звук? С крыши? Откуда-то поблизости? У него не было времени думать об этом. Ему нужно справиться с оставшимися нарушителями около антенны...

Он приложил ружье к плечу и снова выстрелил. Еще один Гремлин упал.

В возбуждении и горя желанием убить третьего врага, Фаттерман едва услышал, как ожил и заурчал снегоочиститель.

Третий Гремлин покатился с крыши.

— Нет, не смей! — заорал Фаттерман, поворачивая ружье за ним. В долю секунды он навел прицел на цель.

Теперь снегоочиститель, казалось, почти наклонился вперед, его колеса приготовились рвануться с места, как спринтеры со старта. Рев машины стал оглушительным, когда...

Бам! Бам!

— Черт побери! — выкрикнул Фаттерман. — Я тебя добью, сукин...

Он не закончил фразу. Резко рванувшись вперед, снегоочиститель пробил заднюю стену гаража, унося на себе Фаттермана в груде щебня и кирпича.

«...знаю, что всех вас интересует, какая будет погода в ближайшие дни, но вы не сможете узнать это, позвонив

в метеослужбу. Ничто точно не знает, почему, но звонки по телефону службы погоды почему-то попадают прямо в Магазин Карлс на Вест Монтичелло Драйв. Но погоду нельзя узнать и позвонив по номеру Магазина Карлса, поскольку эти звонки попадают прямо на горячую линию Анонимных Игроков. Несколько минут назад представитель телефонной компании сообщил нам, что телефонная станция Кингстон Фоллз подверглась нападению сегодня вечером, и там полный хаос. Поэтому старайтесь звонить только в случае крайней необходимости.

Тем временем, еще три раза люди застревали в телефонных будках, превращавшихся в...»

— Ну, что ты думаешь по этому поводу, Кейт? — улыбнулся Дорри, облокотившись на стойку. — Как ты думаешь, это Гремлины, коммунисты, конец света или просто обычный бардак?

В кабачке почти никого не было в основном из-за странных и пугающих случаев, происшедших в Кингстон Фоллз и вокруг него. Вначале первые вечерние посетители были склонны воспринимать странные события весело, но когда поступили сведения об авариях электросети, приведших к пожарам, о том, как человека ударила током рождественская елка, и о других случаях, опасных для жизни, даже самые отчаянные начали думать — как защитить близких. Но больше всего народу ушло из кабачка Дорри после сообщений о том, как в кабачке на другом конце города в коктейлях были обнаружены щелок, аммиак, царская водка и другие смертоносные яды. В результате вечер получился пустой, и Дорри всерьез собрался закрывать бар и уходить домой до полуночи.

— Может быть, это Гремлины, — ответила Кейт.

— Ты правда так думаешь? — спросил Дорри, широко раскрыв глаза. Он всегда считал, что Кейт чрезвычайно практичный человек и не верит в Деда Мороза, злых духов и других сверхъестественных существ.

— Так говорит диктор радио, — просто ответила она.

Дорри подумал о том, что же именно убедило ее. Действительно, по радио описывали случаи с водителями, несколько звонивших говорили о том, что видели маленьких зеленых чудовищ в районе Кингстон Фоллз. Но, может быть, это массовая истерия, наслушались

радиорепортажей? Ведь все помнят знаменитую постановку на радио по мотивам романа «Война миров» Уэллса перед Второй мировой войной? Сам Дорри ее не помнил, поскольку еще не родился, но читал о панике, охватившей тогда страну. Теперь, услышав признание Кейт в том, что она верит в Гремлинов, он лучше понял всеобщий страх, охвативший Америку в 1938 году; если такая разумная молодая женщина, как Кейт Беринджер, может поверить в существование маленьких зеленых чудовищ, значит, могут и все остальные.

Он уже собирался поговорить с ней на тему о Гремлинах, когда заметил, что их авангард уже стоит у парадного входа. Дорри не знал, что его кабачок с приглушенным мягким освещением притягивал Гремлинов, как магнит, будучи идеальным местом для отдыха после вечерних подвигов. Выступая из теней вокруг главной площади, они естественным образом стекались к этому прекрасному средоточию бесплатной еды, выпивки, игр и музыки.

Когда у человека отвисает челюсть... даже когда у нескольких человек одновременно, это обычно не сопровождается громким звуком. Когда Дорри и посетители его кабачка заметили сборище фигур, медленно двигающихся к ним через фойе, у них отвисали челюсти, создавая такую мощную отрицательную силу, слегка напоминавшую о черной дыре в космосе, что ее можно было и ощутить, и услышать ясно, как взрыв.

Короткий миг паралича и жуткой тишины резко сменился резким порывом всех, включая и Дорри, к боковым и заднему выходам. Падали стулья, падали бутылки, выплескивались напитки, люди сталкивались, отступая перед Гремлинами, которые захватывали бар быстро и мощно, как будто из театрального зала после спектакля зрители спешили выйти на свежий воздух. Болтая между собой на ломаном могвайском, весело подпрыгивая при виде игральных автоматов и бильярдного стола, Гремлины меньше чем за минуту заполонили кабачок Дорри.

Дорри последним выскочил через задний выход. Оглянувшись через плечо, он увидел смущенную Кейт, окруженную со всех сторон. Чуть поколебавшись, она забежала за стойку, когда море зеленых смеющихся лиц стало распространяться фантастическими волнующимися волнами от одного конца заведения к другому.

«...аварийное состояние в Торговом центре Гавернорз Молл после того, как заклинило автоматические двери, и около ста пятидесяти человек оказались запертыми в комплексе. Но телефоны еще работают, хотя они один за другим выводятся из строя теми же невидимыми силами, которые терроризируют Кингстон Фоллз с недавнего времени — примерно с восьми часов вечера.

По последним сообщениям свидетели указывали, что хаос наступил в центре, когда эскалаторы стали двигаться со страшной скоростью. Пассажиры падали, и их выбрасывало через стеклянные окна или валило друг на друга. Затем все лампы выключились, а фоновая музыка стала оглушительно громкой. Мы будем держать вас в курсе относительно ситуации в Гавернорз Молл, поскольку мы знаем, что у многих из слушателей там близкие или друзья. Повторяем, пока смертельных случаев не было, хотя есть раненые.

В другой части города еще на двоих людей напали рождественские елки...»

Проглотив последний кусок тушеной говядины Динти Мур — одной такой большой банки ей хватало на три дня — миссис Дигл откинулась в кресле и стала ждать начала своей любимой вечерней мыльной оперы. В этом сериале было много неописуемых персонажей, которых она находила чрезвычайно привлекательными.

Новый звонок в дверь испортил ей удовольствие. Еще хуже была настойчивость звонивших, один из которых держал палец на кнопке, звонок звенел беспрерывно.

— Идиоты! — прошипела миссис Дигл, поднимаясь на ноги. — Я их сдам в полицию.

Распахнув дверь, она чуть не подавилась злыми словами, которые приготовила для незваных гостей. Она задохнулась. Ибо как можно было даже начинать говорить об ответственности и здравом смысле группе в таких одеяниях? Это что, шутка, приготовленная рассерженными певцами?

— Что это? — наконец смогла она проговорить. —

Запоздалая рождественская шутка? Я буду вам очень благодарна, если вы немедленно сойдете с моего крыльца и лужайки, иначе я позову полицию!

Группа, которой явно было наплевать на ее мнение, начала распевать нечто невразумительное.

— Убирайтесь! — закричала она. — Я не хочу вас видеть и не хочу вас слышать. Костюмы у вас ужасные. Очень дешевые и грязные и ни на что непохожие.

Смех и болтовня продолжались. Оставив открытой парадную дверь, миссис Дигл вошла в дом и поискала, чем бы бросить. Пока она этим занималась, двое ряженых вошли в дом и исчезли в темноте.

Полминуты спустя миссис Дигл вернулась со шваброй. Пока она была в доме, она подумала было окатить их водой, но у нее было недостаточно сил, чтобы поднять полное ведро, а тем более выплеснуть его.

— Хорошо! — прокричала она незваным гостям. — Убирайтесь, иначе будет хуже.

Увидев, что Гремлины продолжали петь, она подняла швабру и начала махать ею из стороны в сторону. Скорее удивленные, чем побитые, существа скатились с крыльца в снег, быстро вскочили на ноги и злобно зарычали на нее.

От возбуждения у миссис Дигл сильно забилось сердце, а вечерний воздух был холоден. Ее охватило сильное желание вернуться в относительное тепло гостиной, но она задержалась еще на мгновение, чтобы испепелить их взглядом, прежде чем уйти.

— И не возвращайтесь! — прорычала она, уходя в дом.

Холод оказал действие на ее мочевой пузырь, и ей нужно было срочно пойти наверх в туалет.

— Несчастные бродяги, — пробормотала она, усаживаясь в подъемник и нажимая кнопку «ВВЕРХ». При этом один из Гремлинов наблюдал за ней со все большим интересом; его партнер в кухне воспользовался случаем, чтобы слегка перекусить кошачьей едой. Громадный кот, которому это не понравилось, зашипел и вцепился Гремлину в ногу. Он быстро получил пинок, от которого то ли полетел, то ли заскользил по кухонному полу.

— Что за шум? — взвыла миссис Дигл. Поставив машину в нейтральное положение, спустилась вниз и пошла в кухню, ворча и спотыкаясь. Подойдя к двери комнаты, она распахнула ее и увидела, что полдюжины

кошек стоят с поднятыми хвостами, шерсть вздыблена, а взгляды их устремлены на дверь, ведущую в столовую.

— В чем дело? — спросила миссис Дигл. — Клянусь, иногда вы, глупые животные, приносите мне больше неприятностей, чем люди.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы убрать разбросанную еду, успокоить кошек с помощью молока и на всякий случай осмотреть ради них столовую. Она ничего не увидела. Пока она все это проделывала, Гремлин на лестнице прекрасно развлекся с подъемником старухи, скручивая провода и меняя контакты, как если бы он был прирожденным специалистом по электронике.

Наконец, покончив со всеми делами, миссис Дигл устало вздохнула и вернулась к исходной задаче — посещению туалета.

— Наконец-то, — пробормотала она, — появилась возможность расслабиться.

С этими словами она вывела кресло из нейтрального положения и нажала на кнопку «ВВЕРХ».

«...тело Меррея Фаттермана было опознано женой, он — квалифицированный рабочий и механик, родился в Кингстон Фоллз и прожил здесь всю жизнь, за исключением короткого периода во время Второй мировой войны. Как именно мистера Фаттермана протолкнули сквозь стену гаража снегоочистителем, неизвестно. Машина еще ехала, когда под ней было обнаружено его тело.

Еще один случай произошел неподалеку, в доме миссис Раби Дигл, жены покойного миллионера, владельца недвижимости Дональда Дигла. Миссис Дигл, которая пользовалась механическим устройством, чтобы подниматься по лестнице, поскольку у нее было больное сердце, была обнаружена мертвой в этом кресле несколько минут назад. Необычно то, что кресло с миссис Дигл оказалось на пустыре в двухстах метрах от ее дома на Декантер Драйв. Офицер полиции, который изучал обстоятельства дела, сказал, что кресло явно потеряло управление, понесло женщину вверх по лестнице, сквозь окно в прихожей и дальше. Чтобы приобрести такую траекторию и пролететь такое расстояние, кресло должно было нестись со скоростью по меньшей мере тысячи миль в час.

Только что получено сообщение: зеленые чудовища захватили на сегодняшний вечер целый бар. Из-за ра-

боты, которая выпала на долю полицейского участка Кингстон Фоллз в связи с последними событиями, владелец бара, известного как Кабачок Дорри, не мог связаться с полицией, поэтому он позвонил нам на станцию, чтобы предупредить всех, чтобы никто не ходил в его заведение. Речь идет о Кабачке Дорри, Вест Мейн, 460. Владелец сообщил, что все клиенты благополучно выбрались оттуда, когда пришли эти маленькие существа, осталась лишь официантка.

Тем временем еще двое упали в открытые люки...»

— Кейт! — закричал Билли, нажав на тормоза так резко, что машина почти на сто восемьдесят градусов развернулась на дороге.

Он уже почти приехал домой, но теперь ему придется проделать весь путь обратно в город.

— Черт! — пробормотал он. — Это все моя вина...

«Да. Меня зовут Дамиан Филлипс, и у меня есть теория на этот счет. Мой брат недавно уволился из ЦРУ, и он говорит, что русские придумали робота, который...»

— Заткнись! — заорал Билли, выключая радио. Набрав максимальную скорость, на которой можно было двигаться по обледеневшим улицам, он выглядывал сквозь небольшой квадратик чистого стекла, щедро расчищенного старым «дворником» его «фольксвагена». Как и большинство жителей Кингстон Фоллз, вначале его забавляли некоторые шалости Гремлинов, отчасти потому, что он давно испытывал тайное желание узнать, что будет, если все светофоры будут показывать зеленый свет. Но это, а также затаскивание человека в почтовый ящик, скатывание покрышек с холма — просто невинные шалости в сравнении с последними несчастьями, которые учинили Гремлины.

— Мистер Фаттерман мертв, — прошептал Билли. — Бедняга. Не могу поверить.

Но он верил, и вывод был очевиден. Если эти существа смогли убить мистера Фаттермана и миссис Дигл, и, возможно, еще кого-нибудь, они могли, не задумываясь, убить и Кейт.

Когда машина взревела и колеса забуксовали по обледеневшей дороге, Билли помолился про себя, чтобы успеть.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кейт, подумала она, у тебя была возможность выбраться отсюда, но ты ее упустила. Она сохранялась недолго, и чтобы ею воспользоваться, надо было поспешить, но тебе надо было действовать прилично, хладнокровно и разумно.

И вот теперь ты — приличный, хладнокровный и разумный человек, — размышляла она, мучаешься сожалениями.

— Еще хуже того! — пробормотала она сквозь зубы, наливая очередные порции выпивки. — Это новый вид вечного двигателя. Я единственная официантка для самых жаждущих, самых злобных, самых грязных пьяниц в мире. Какой кошмарный сон наяву!

Застигнутая врасплох за длинной прямоугольной стойкой, когда поток зеленых демонов полился от двери и закружил ее, как щепку в ручье, Кейт вначале отвлекла внимание Гремлинов, смешивая и наливая напитки как можно быстрее и передавая их. Это сработало, или, по крайней мере, помешало неуправляемой толпе убить ее или, как любят говорить в дешевых книгах, обречь ее на нечто худшее, чем смерть. Проблема состояла в том, что не было времени даже подумать, не то чтобы придумать, как быстро и безопасно убежать. Как только она наполнила несколько стаканов, перед ней поставили новые для очередных ухмыляющихся, смеющихся существ с острыми клыками. Единственное, что утешало ее, когда она исполняла свою задачу, от которой болели руки, — они были неразборчивы. Вначале Кейт

смешивала настоящие коктейли — манхэттэны, мартини, виски — но вскоре стало очевидно, что они могут пить все, что угодно. Поэтому, когда закончилась бутылка кукурузного виски, она начала добавлять в напиток ром, или текиллу, или еще что-нибудь, что было под рукой. Один Гремлин, который сидел у края стойки, даже приспособился к пиву и начал скандалить, когда оно у Кейт закончилось.

Через полчаса после того, как появились Гремлины, Кейт уже страшно устала, а Кабачок Дорри представлял собой гибрид штаб-квартиры республиканской партии в ночь после выборов и пляжа Омаха наутро после катастрофы. Воздух, вонючий и липкий, был наполнен летающими предметами — бутылками, стаканами, бильярдными киями, шарами, стульями, всем, что не было прибито к полу. Шум, состоящий из незнакомой речи, визга и тонкого смеха, поддерживал напряжение на опасно высоком уровне. На полу, среди пролитого вина, еды и раздавленной воздушной кукурузы, лежало несколько тел тех, кто уже отрубился. Кейт подавляла все более сильное желание закричать и резко побежать к двери, что, как она понимала, привлечет к ней внимание и, возможно, сразу приговорит ее.

— Успокойся! — шептала она себе снова и снова. — Рано или поздно ты убежишь. Или придет помощь. Или они все разом отрубятся.

Она не была уверена в этом, но имело смысл продолжать их обслуживать. По крайней мере, ее не было видно, или же они видели ее, лишь когда им нужно было выпить.

По мере того, как все больше новых Гремлинов заходило в кабачок и запасы спиртного начинали истощаться, они становились все более страшными и наглыми. Хотя она не понимала их язык, Кейт отметила, что типичный пьяный Гремлин и соответственно пьяный человек проявляли одинаковое нетерпение, когда их обслуживали не так быстро, как им хотелось.

На лицах открыто появлялись ухмылки, им больше не нужно было притворяться хладнокровными. Некоторым, казалось, нравилось держать ее в напряжении, кричать ей в уши, нарочно разливать выпивку, делать все, что угодно, чтобы мешать ей работать.

— Где все? — прошептала она сквозь сжатые зубы. — Что, в этом городе нет полиции?

Вдруг перед ней возник Гремлин с сигарой в зубах и потребовал, чтобы его обслужили. Кейт налила ему стакан. Злобно закричав, он бросил стакан вместе с содержимым в толпу около бильярдного стола, забрался когтями на стойку и, казалось, изготовился, чтобы прыгнуть на Кейт.

— Что? — закричала она.

Существо показало на потухшую сигару.

— Что ж ты не сказал? — пробормотала Кейт.

Она нашла бутановую зажигалку, быстро поднесла к лицу Гремлина и щелкнула ею. Сноп пламени в шесть дюймов высотой вырвался из зажигалки, отчего Гремлин скорчился, зарычал от боли и попятился назад.

— Извини, — пробормотала Кейт.

Пока она регулировала пламя, у нее возник план. Те правила, о которых говорил Билл, когда передавал Могвая мистеру Хэнсону — там же что-то было насчет того, что надо избегать яркого прямого света. Конечно, убеждала себя Кейт, поэтому Гремлину с сигарой не очень понравилось, когда сильное пламя возникло вблизи его глаз.

Кейт огляделась. Если яркий свет ее союзник, то она находится глубоко в тылу врага. Почему это не банк или офис? Тогда единственной проблемой было бы добраться до выключателя, зажечь верхний свет и сбежать в сумматохе.

Кабачок Дорри был совершенно другое заведение. Тускло освещенный, он вообще не имел верхнего света во всей центральной зала. Это выглядело романтичным, старомодным, уютным, но для Кейт оказалось ловушкой. Не будь у Дорри пары фонарей за стойкой, у него не было бы возможности использовать свет в качестве тайного оружия. Где-то здесь должен быть фонарь, думала она, распахивая дверцы и открывая ящики, выполняя одновременно обязанности барменши и рабыни перед лицом этой агрессивной массы.

Она заметила, что, возможно, устав от бильярда, видеоигр, еды и питья, Гремлины становились все более назойливыми. Кейт тоже постепенно теряла терпение, ее раздражение и страх росли по мере того, как она просматривала ящик за ящиком, наполненные бесполезным хламом.

— Не может быть! — сердито шептала она. — Ничего нет! Совершенно ничего. Как могло оказаться, что в баре за стойкой нет фонаря?

Там было несколько коробок спичек, как она замети-

ла, красиво украшенных зелено-белым изображением четырехлистного клевера и дубинки, на них были телефон и адрес Кабачка Дорри. Какое-то время она подумывала о том, чтобы поджигать один коробок за другим и держать их перед собой, заставляя Гремлинов отступать, как Дракулу перед распятием. Очень удачно, подумала они. Такие действия могут раздразнить ближайших к ней Гремлинов, коробок медленно горящих спичек обладает столь малым воздействием, что она сразу же отбросила этот план, но тут же вернулась к нему.

— И тем не менее, — подумала она, — если это единственное, что остается...

Одна клешня схватила ее за талию, вторая, принадлежавшая другому Гремлину, схватила ее за руку. Вырвавшись, Кейт быстро подошла к середине бара, стараясь не казаться напуганной.

Двое Гремлинов следили за ней, проводя ее сквозь двойные и тройные ряды собутыльников, которые стояли вдоль стойки.

В левой руке, которую она непринужденно держала под передником, были коробки спичек, ее единственная слабая надежда. Если бы она могла достать их, сложить в одну пепельницу и сразу же поджечь, может быть...

Еще два Гремлина, сидевшие у центральной стойки, подошли к ней, а более агрессивный лег на живот, чтобы схватить ее за ногу. При этом другие Гремлины, находившиеся поблизости, издали крики одобрения. Инстинктивно отреагировав, Кейт схватила ближайшую бутылку и огрела ею Гремлина по голове. Тяжелая бутылка опустилась со звуком, который показал Кейт, что удар был силен. Когда зверь ткнулся носом в стойку, глаза его вылезли из орбит, а улыбка стала кривой. Кейт впервые после того, как ее обычный вечер официантки превратился в пытку, испытала удовольствие.

Вслед за ударом Кейт мрачно отметила, что реакция остальных Гремлинов была не такой, как она ожидала. Люди — даже строительные рабочие, подумала Кейт с иронией — посмеялись бы над тем, что случилось с их товарищем, отчасти и благодаря врожденному чувству справедливости, которое подсказало бы им, что тот получил по заслугам. Гремлины явно так не думали, они рассматривали акт самозащиты со стороны Кейт как нападение на всех них. Через мгновение беспечный гомон сменился зловещим гулом, когда Гремлины стали решать, что делать с этой нарушительницей.

Ого, подумала Кейт, быстро уловив смысл их бормотания. Если я правильно поняла, они говорят обо мне. Видимо, настала пора спичек.

Она быстро начала вытаскивать спички из коробок и складывать в пепельницу, прикрывая свои действия, облокотившись на кассовый аппарат. Именно в этот момент она увидела фотоаппарат.

Это был автоматический фотоаппарат Дорри, спрятанный от посторонних глаз за кассой. И у него была вспышка. Прекрасное оружие, которое могло помочь ей вырваться из плена. Она схватила его быстрым инстинктивным движением, которое не ускользнуло от внимания Гремлинов у стойки.

У нее не было времени, чтобы придумать, как лучше все сделать или выиграть время перед тем, как воспользоваться вспышкой. Толпа уже лезла через прилавок и так быстро, что у Кейт едва хватило времени навести аппарат, найти кнопку и нажать. Она даже не успела поволноваться из-за возможной неудачи.

Пши-и-и-...ик.

Внезапная вспышка света создала неожиданную пустоту у стойки. Гремлины от боли попятились назад, толкая друг друга. Кейт воспользовалась драгоценными секундами, чтобы броситься вправо и перепрыгнуть через прилавок. Там она наткнулась на новую группу злобных Гремлинов.

Вторая вспышка освободила перед ней пространство в шесть футов. Она бросилась вперед, стараясь не замечать щелканье когтей за спиной. Теперь зеленые существа были движимы яростью, их визжащий хор завертелся вокруг Кейт, дыша ненавистью. Пробираясь рывками к парадной двери, она поняла, что они не собирались брать пленных в этом небольшом, но жестоком бою.

Снова столкнувшись со стеной зелено-коричневых тел и мстительных глаз, она нажала на кнопку.

Пши-и-и-...ик.

Слава Богу, подумала она, сработало.

Бросившись вперед на временно нейтральную территорию, она выскочила в фойе. Через секунду Гремлины окружили ее, вопя и размахивая лапами. Она чувствовала уколы по всему телу, когда они старались как следует хватить ее когтями. Держась одной рукой за стену, чтобы не упасть, она снова подняла фотоаппарат. Хоть бы еще раз сработало, всего один раз.

Раздался щелчок, но на этот раз яркой вспышки не

последовало, не послышалось крика боли и ярости из стана врага, никто в ужасе не отпрянул от нее. Вместо этого они собирались вокруг жертвы, как волны, разбивающиеся о скалу.

Кейт выпустила фотоаппарат, услышала собственный крик, не смогла удержаться и упала прямо в кишащее зеленое море, из которого высовывались когти.

Уже падая, Кейт увидела огромную вспышку света на стене в фойе. Смех мстительной радости сменился криками боли, Гремлины бросились в тень, и Кейт осталась одна на полу, ее тело в порванной одежде оказалось в трапеции света, падавшего через окно.

Какое-то мгновение усталый ум Кейт бурно работал. Может быть, при падении она как-то нажала на вспышку? Потом, оправившись от шока последних минут, она сообразила, что свет идет снаружи, что прямо на здание светят фары машины. Не зная, как долго сохранятся эти спасительные огни, она поднялась на ноги и как можно быстрее бросилась к двери.

На улице человек, который только что вышел из машины, позвал ее по имени знакомым голосом.

— Билли! — закричала в ответ Кейт.

— С тобой все в порядке? — спросил он, заключая ее в объятия, когда она подбежала к нему.

— Думаю... думаю, да... Но эти... Сколько их?

— Не знаю, — ответил Билли. — Они повсюду. Я думал, они и с тобой расправились.

— И со мной? А с кем еще?

— У нас нет времени, чтобы стоять здесь и разговаривать, — сказал Билли. — Нам надо спешить за помощью. Я не знаю, чего ждать от этих...

При этих словах работающий в холостую двигатель «фольксвагена» начал сбиваться с ритма, он стал тяжело вздыхать, затем послышался стук. Вскочив в машину, Билли нажал на газ, но из-за спешки в мотор поступило слишком много бензина. С громким хлопком он заглох.

— Только не сейчас! — закричал Билли.

Кейт села рядом с ним.

— Все в порядке? — спросила она. — Мне бы хотелось выбраться отсюда поскорее.

— Она капризная, — ответил Билли, поворачивая ключ. Когда мотор не завелся сразу, он выключил фары и откинулся назад.

— Что ты делаешь? — прошептала Кейт. — Сдаешься?

— Нет, просто он, может быть, захлебнулся, и лучше подождать минуту-другую.

— Но свет...

— Если не выключить фары, сядет акку...

Пивная бутылка ударилась в ветровое стекло, по которому сразу поползла паутина трещин, и это до смерти напугало Кейт и Билли.

— Поэтому я спросила о фарах, — пробормотала Кейт. — Это единственное, что отпугивает их.

В стекло ударил еще один тяжелый предмет.

— Может быть, нам лучше убежать, — предложила Кейт.

— Секунду, — сказал Билли.

Повернув еще раз ключ зажигания, он ждал почти минуту — все было тщетно. Тем временем град пепельниц, бутылок и принадлежностей бильярдного стола обрушился на машину.

— Да, — сказал наконец Билли. — Ты права.

Протянув руку на заднее сиденье, он схватил рюкзак так резко, что Подарок чуть не выпал из него, этого не произошло лишь потому, что у него запутались ноги в ремнях. Ворча по-могвайски, он снова залез внутрь, а потом выглянули только кончик его носа и глаза.

Не узнав Подарка в темноте, Кейт съежилась, подумав, что в машину забрались Гремлины.

— Все в порядке, — сказал Билли, — это всего лишь Подарок.

Выбравшись из машины, они бросились под градом предметов, летящих из кабака, и остановились, только перебежав через дорогу. Они посмотрели друг на друга и улыбнулись, сообразив одновременно, что находятся прямо у дверей банка, дверь которого открыта.

— Представляешь? — сказал Билли. — Они даже умудрились попасть в банк после закрытия.

— Может быть, нам проверить, все ли в порядке, — предложила Кейт.

Билли кивнул. Они вошли и включили свет. Послышался поспешный топот к задней двери. В резком свете верхних ламп разгромленный банк выглядел так, как будто недавно прошел тайфун. Все окошки касс были разбиты, мебель перевернута, ящички с деньгами открыты, и повсюду валялись деньги различного достоинства.

— Наверное, они решили, что это бесполезные бумажки, — сказал Билли.

— И чтобы сделать так, чтобы они стали бесполезны

для всех, они разорвали все купюры на куски, — сказала Кейт, подбирая несколько разорванных долларов и снова бросая их на замусоренный пол. — Боже, я, наверное, уйду с этой работы, — добавила она, оглядывая разгром вокруг. — Мы никогда не приведем это в порядок.

— Да...

По банку пронесся слабый стон, отчего они обменялись испуганными взглядами.

— Кто там? — раздался далекий голос. — Я что-то слышу. Я могу чем-нибудь помочь?

— Похоже на Джера, — заметил Билли. Кейт кивнула.

— Мы еще закрыты для клиентов, но вы можете зайти поболтать, — сказал голос Джеральда Хопкинса несвойственным ему дружелюбным тоном.

— Должно быть, он в комнате с сейфами, — сказала Кейт.

Билли взял ее за руку, и они вместе прошли мимо кабинетов в конец коридора. Дверь была распахнута.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросил голос Джеральда. Он казался расслабленным, певучим, почти пьяным.

Билли распахнул дверь и они осторожно вошли в комнату.

Кейт вздрогнула.

Комната с сейфами и приемная были в полнейшем беспорядке, но это было не самое ужасное. На полу лежало неподвижное тело Роланда Корбена, черты его лица были спокойны, как будто он прилег отдохнуть после обеда. Но Кейт и Билли сразу поняли, что он не спит.

— Бедный мистер Корбен! — выдохнула Кейт.

Они одновременно подняли взгляд от пола и увидели на заднем плане Джеральда Хопкинса, которого явно заперли в сейфе. Сжав стальные прутья, как узник тюрьмы, он улыбнулся им, заговорив почтительно, но твердо.

— Извините, — сказал он. — Вы оба слишком большие, чтобы пользоваться этим банком.

— Что? — ответил Билли в недоумении.

— Этот банк только для маленьких людей, — объяснил Джеральд. Он поднял ладонь на высоту пояса, а потом продолжил тем же странным голосом. — Мы собираемся переделать весь банк, сделать окошки ниже, мебель меньше — все для того, чтобы маленькие люди чувствовали себя здесь уютно.

Он сделал жест широкий, но несколько медлительный, как будто он находился в трансе или во сне.

— Это будет первый банк только для маленьких людей, — сказал он мягко. — Представляете? А я президент.

Кейт и Билли искоса взглянули друг на друга.

— Мне кажется, он слегка свихнулся, — прошептала Кейт.

— Может быть! — ответил Билли.

— Миру уже давно необходимы учреждения для маленьких людей, — проговорил Джеральд. — И теперь, когда я стал их лидером, они их получат.

— Маленькие люди, — сказал Билли. — Ты имеешь в виду Гремлинов?

— Я не знаю, как они называются. Я знаю только, что они говорят очень быстро и так смешно, что мистер Корбен не понял их. Поэтому они...

Он остановился и нахмурился.

— Да? — поторопил его Билли. — Продолжай.

— Нет, ничего, это слишком неприятно. Я могу лишь сказать, что мистер Корбен не захотел услужить маленьким людям. Конечно, он довольно стар и консервативен. Поэтому он не понял, что им нужно. А я понял. И они назначили меня первым президентом своего банка.

— Я так и думала, — прошептала Кейт. — У него совсем съехала крыша.

Джеральд Хопкинс устремил на Билли взгляд, который был одновременно и пристальным, и пустым.

— Вы можете стать моим главным кассиром, если пообещаете уважительно относиться к маленьким людям, — сказал он. — Я не помню ваше имя, но помню лицо. С этими словами он запрокинул голову и разразился смехом, несколько напоминавшим смех Гремлинов.

— Да, вы можете работать у меня... Естественно, минимальная зарплата.

— Не может быть! — выдохнула Кейт, качая головой. — Я тебе говорила, что на Рождество всегда происходит что-то ужасное.

— Праздник в этом не виноват, — пробормотал Билли.

— А теперь извините, у меня очень много работы, — сказал Джеральд более официальным тоном. — Скоро придут люди, которые будут делать вклады, и мне нужно приготовиться.

— Хочешь, мы посмотрим, можно ли открыть дверь? — спросил Билли.

— Нет, все в порядке. До свидания.

Он улыбнулся вежливо, но с какой-то обреченностью и ушел в помещение с сейфами. Сев за небольшой стол, он начал писать чем-то, что либо было плодом воображения, либо Кейт и Билли его не было видно.

— Когда Гремлины напали на банк и мистера Корбена, я думаю, он этого не выдержал, — сказал Билли. — Наверное, помешался. Вначале я думал, что он прикидывается перед нами, но теперь... Бедняга...

— Ну, — пожала плечами Кейт, — по крайней мере, теперь у него собственный банк. Видимо, он от этого счастлив.

Джеральд продолжал работать за столом, а Кейт с Билли тихо вышли из комнаты.

— Что дальше? — спросила Кейт.

— Не знаю.

Минуту спустя они стояли у входа и смотрели на пустынные улицы Кингстона Фоллз.

— Как ты думаешь, где все? — пробормотала Кейт.

Город был похож на декорации фильма, его странную неподвижность не нарушали никакие признаки жизни. Несколько огоньков виднелось в домах, но более ничего не было.

— Должно быть, все прячутся по подвалам или по чердакам в ожидании помощи, — предположил Билли. — А может быть, сели в машины и уехали.

Он посмотрел на часы. Было четыре часа.

— Скоро рассвет, — добавил он. — Интересно, что будут делать Гремлины, когда взойдет солнце.

— Может быть, найдут темное место и переждут там до ночи, — сказала Кейт.

— Да.

— Мне кажется, нам нужно найти радио и послушать, что происходит. Если они не разрушили станцию, может быть, мы что-нибудь выясним.

— Хорошая мысль, — поддержал Билли. — А что, если правительство решило полностью очистить город, и мы остались одни? Вот смешно-то будет.

— Очень.

— Мне кажется, в кабинете мистера Корбена есть радио.

— Да.

Они вернулись в банк и пробрались через завалы.

Радио на столе мистера Корбена было разбито, а провод изжеван в мочало, но в одном из ящиков они нашли маленькие транзисторы, которые банк дарил за открытие новых счетов. Один из них еще работал.

«...ряю, оставайтесь дома до официального снятия положение тревоги. Генерал-лейтенант Дэвид Грин с военной базы США в Фениксе сейчас находится здесь, и он согласился уделить минуту своего ценного времени, чтобы объяснить, что его войска, которые уже стоят на подступах к Кингстон Фоллз, собираются делать. Генерал Грин...

— Спасибо, Харман. Прежде всего мы призываем всех оставаться дома. Тогда нам будет гораздо проще работать. Видите ли, мы толком не знаем, что это за существа, поскольку мы только что прибыли, и у нас лишь самые последние сообщения. Возможно, это маскарад или же это действительно другая форма жизни из чужой галактики. Это лишь догадки, но нам приходится проявлять гибкость. Поэтому мы прибываем к вам в город не с огнеметами, автоматами и ракетными установками. Мы не хотим разрушать собственность и подвергать жизни людей опасности, но мы хотим взять этих животных или людей живьем.

— Звучит хорошо, генерал Грин. Как вы планируете осуществить это, сэр?

— Ну, мы надеемся буквально смыть этих пришельцев или нарушителей на открытое пространство. Видите ли, вместо того, чтобы полагаться на оружие, мы достали и привезли несколько огромных переносных насосов и пожарных шлангов. Примерно через тридцать минут, после того, как зарядим насосы, мы будем переходить от здания к зданию, в поисках этих... существ. Когда мы найдем их, вместо того, чтобы стрелять в них или рисковать нашими людьми, мы намереваемся включить шланги и окружить их таким образом. Видите ли, сильной струей воды, направленной соответствующим образом, можно многого добиться.

— Это звучит здорово, генерал Грин».

— Здорово! — взорвался Билли. — Это ужасно. Если они придут сюда с шлангами и нальют вокруг воды, у нас будут миллионы Гремлинов вместо сотен.

— Значит, мы должны остановить этих солдат, — сказала спокойно Кейт. — Уговорить их не делать этого.

— Ты когда-нибудь пыталась отговорить генерала от плана, который он задумал?

— Нет. А ты?

— Нет. Но в кино это никогда не срабатывает.

— Может быть, на этот раз будет по-другому. В конце концов, Билли, ты знаешь больше, чем они.

— Да, я знаю, — сказал Билли. — Это все моя вина. Я виноват во всем.

— Сейчас нет времени думать о вине. Если ты хочешь отговорить войска использовать воду, может быть, у тебя есть лучший план того, как выгнать Гремлинов.

Билли вздохнул и кивнул.

Они снова подошли ко входу в банк. Билли посмотрел в обе стороны Мейн Стрит, задумчиво почесал голову.

— Минуточку, — сказал он наконец. — Где вообще-то Гремлины?

— Наверное, там же, где и раньше, — ответила Кейт. — Переходят от здания к зданию.

— Но ничто не движется. Я ничего не вижу и не слышу, а ты?

— Да, ты сказал, и я заметила.

Билли выпрыгнул на тротуар и быстро пошел в направлении Кабачка Дорри. Кейт последовала за ним.

— Куда ты? — спросила она, поравнявшись с ним. — Надеюсь, не назад в кабачок.

— Назад.

— Зачем?

— Есть одна идея.

На лице ее отразилось беспокойство, но Кейт последовала за ним. Ей совершенно не хотелось возвращаться в Кабачок Дорри, если эти существа еще там. С другой стороны, если у него есть идея, как избавиться от зеленых, и если ему нужна ее помощь, у нее не было другого выбора. И несмотря на пережитые опасности, она приняла вызов как всегда, когда испытывалось ее мужество.

— У тебя есть в машине фонарь? — спросила она.

— Хорошая мысль, — сказал Билли.

Побитый «фольксваген» по-прежнему стоял у края тротуара, выглядел он ужасно под кучей хлама, который на него побросали из кабака. Билли залез в машину и нашел фонарь на сидении, он засветился желтоватым светом.

— По-моему, этой штуки хватит на минуту, — предположила Кейт.

— Может, этого как раз хватит, — сказал он.

Билли шел впереди, и они пробрались в фойе кабачка. Каждую секунду Кейт ожидала, что на нее либо обрушится новый град вещей, либо ринутся сами Гремлины, сверкая клыками. Она сомневалась, что фонарь сильно поможет в отражении нападения, поскольку его слабый свет проникал всего на несколько футов в темноту. Когда нападения не последовало, она успокоилась, особенно после того, как они завернули за угол и вошли в центральный зал. Там, в тусклом освещении, они увидели огромные разрушения, но ни одного Гремлина не было.

Билли оглянулся, тихонько свистнул, оглядев всю панораму вандализма от стены и до стены.

— Бедный Дорри, — сказал он тихо.

— Что ты хочешь сказать этим «Бедный Дорри»? — возразила Кейт с легким смешком. — Это скорее «Бедная я». Но если бы не милость божья, я могла бы стать одной из этих куч мусора. — Сжав его руку, она быстро добавила: — И если бы не ты, конечно.

На лице Билли появилось выражение удовольствия и легкого смущения.

Они постояли минуту молча. Наконец Билли сказал:

— Ну, и куда, по-твоему, они двинулись?

— Понятия не имею, — пожала плечами Кейт.

Они снова вышли на улицу, постояли на тротуаре и продолжили осмотр городской площади Кингстон Фоллз.

Билли подумал, сколько же пройдет времени, прежде чем появятся солдаты с пожарными шлангами. Может, они уже проверяют здания в другом конце города. Все еще надеясь первыми обнаружить Гремлинов и найти способ справиться с ними, он закрыл глаза, заставляя себя думать, думать, думать.

— Куда бы я пошел, если бы я был Гремлином? — спросил он вслух.

— Гремлином, который боится яркого света, а скоро рассвет, — добавила Кейт.

— Хорошо! — сказал он. — Это важно. Я думаю, на их месте я бы попытался найти здание, большое здание без окон, где я мог бы спрятаться... Ты знаешь, они стараются держаться вместе. Держу пари, что если мы найдем одного, там они все и будут.

— Так сколько зданий без окон? — спросила Кейт.

— Всего два. И оба в конце следующего квартала.

Билли побежал, потом развернулся и, вскочив в «фольксваген», повернул ключ просто на всякий случай — вдруг мотор заработает.

Он заработал. Кейт села рядом с ним.

Минуту спустя он притормозил, когда они проезжали

перекресток Мейн и Гарфилд. На одном углу был театр Колони, на вывеске которого по-прежнему значилось «БЕЛОСНЕЖКА И СЕМЬ ГНОМОВ». На соседнем углу был универмаг Монтгомери Уорда. Одна из входных дверей была распахнута, свидетельствуя о том, что ночью кто-то из Гремлинов заходил туда.

Билли поставил машину и вышел. Он не мог решить, в какое здание пойти сначала, пока не заметил, что Подарок полностью высунул голову из рюкзака, и нос его нервно подрагивает.

— Где они, Подарок? — спросил Билли.

Подарок беспокойно, но со значением посмотрел на театр.

— Тогда пошли, — сказал Билли.

Вскоре оказалось, что нюх у Подарка был прекрасным, поскольку перед театром они увидели бесчисленные борозды, оставленные когтями Гремлинов. Были и другие свидетельства присутствия дьявольских созданий, они заключались в бесчисленных проявлениях вандализма — разбитом стекле, дверях, висящих на одной петле, глубоко процарапанных стенах.

— Думаю, это действительно здесь, — сказала Кейт, осматривая разрушения.

Подарок замахал руками, прикрыл одной рот и выставил ухо. Изнутри доносился непрерывный шум, состоящий из смеха, лая и болтовни примерно в равных пропорциях.

— Звучит достаточно громко — наверное, они все там, — сказал Билли с надеждой.

— Ну, мы их нашли, что будем делать? — спросила Кейт.

— Я думаю.

Пробираясь по осколкам стекла, перевернутой мебели и пепельницам, они тихо вошли в пустое фойе, пол которого был усыпан смятыми кульками воздушной кукурузы и разными конфетными обертками.

— Они просто грязнули, — заметила Кейт. — Конечно, должно быть, трудно есть воздушную кукурузу такими клыками, как у них — они у них так редко растут. Она все время у них выпадала сквозь дыры. И еще кое-что я заметила...

Поскольку Кейт заговорила громче, Билли строго посмотрел на нее.

— Извини, — прошептала она. — Я разговорилась, потому что нервничаю. Меня пугает сама мысль о том, что они снова доберутся до нас.

Билли кивнул.

— Понимаю.

— Я помолчу, — пообещала она.

Спрятавшись в дальнем конце фойе, все трое долго слушали болтовню Гремлинов. Кейт подумала о том, заняты ли они горячим обсуждением какого-то вопроса или просто болтают. По прежнему опыту она знала, что это умные создания, дьявольски умные. Знают ли они сейчас, что для них наступает кризис с приближением рассвета? Если знают, разрабатывают ли они план действий на случай, если их обнаружат или на них нападут? Кейт готова была отдать месячную зарплату, чтобы понять, о чем они говорят, но это, конечно, было невозможно.

— Может, нам просто запереть двери на засовы или заколотить? — прошептала она наконец Билли. — Тогда они останутся внутри, пока не подоспеет помощь.

— Это хорошая мысль, но мне кажется, это не сработает, — ответил он. — Некоторые двери сняты с петель; стекло треснуло или разбито. Если мы будем пытаться закрыть все, они нас обнаружат прежде, чем мы закончим. Но есть одна возможность...

Схватив ее за руку, Билли затащил Кейт за угол торгового автомата и приложил палец к губам.

Он услышал звук когтей по плиточному полу фойе. Это был кто-то один из Гремлинов, отметил Билли с облегчением, надеясь, что биение его сердца не раздается по всему зданию.

Мгновение спустя, когда звук шагов замер, Билли и Кейт выглянули из-за машины. Гремлин с развевающейся белой гривой выгребал последнюю воздушную кукурузу из витрины, шумно чавкая и запихивая кусочки в рот. Громко рыгнув, он зашаркал обратно в зал.

— Это был Полоска, — сказал Билли. — Он из них всех самый умный и, наверное, он их лидер, если я не ошибаюсь.

— Ну, а какая же есть возможность? — спросила Кейт.

— Взорвать их, — ответил Билли.

— Чем? У тебя что, случайно завалялось несколько динамитных палочек в машине?

Билли покачал головой.

— Может, есть кое-что и получше. Я работал в театре сразу после школы. Если у них по-прежнему те же проблемы с бойлером, это может нам помочь.

— Не понимаю.

— В бойлере все время поднималось давление, — объяснил Билли. — Но владелец слишком жался и не хотел поставить новый. Вместо этого он установил клапан, который мы должны были проверять, по крайней мере, три раза в день, чтобы убедиться, что он еще работает. Он все время говорил, что если что-нибудь случится с этим клапаном, то мы все мгновенно взлетим на воздух.

— А что, если клапан не сработает или засорится? — спросила Кейт.

— Думаю, что будет, как он говорил, — пробормотал Билли. — Пуф!

— Да, но через какое время последует взрыв — через секунды, часы, дни?

— Он не говорил.

— Плохо, потому что это очень важно, правда? Если речь идет о секундах, мы взлетим вместе с Гремлинами.

Билли кивнул.

— Да, но мне кажется, у нас будет время, по крайней мере, несколько минут. Но это моя проблема, а не твоя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что нам обоим совершенно необязательно идти в бойлерную. Кстати, двое произведут и вдвое больше шума...

— Но тебе может понадобиться помощь.

— Какая помощь?

— Кто-нибудь должен держать фонарь, пока ты будешь работать. Он дает не так много света, но лучше быстро сделать дело, чем возиться в темноте.

— Да, — согласился Билли. — Но...

— Давай прекратим спор, ладно? — прервала его Кейт. — Пошли, пока я не струсила.

— Хорошо, бери Подарка.

Передав Кейт рюкзак, он повел ее через фойе к двери в служебные помещения.

Она была заперта.

— Значит, наш план взрыва отменяется? — спросила Кейт, в голосе у нее одновременно звучали разочарование и надежда.

— Нет. Есть еще один путь в подвал, но нам придется пройти позади балкона.

— Ого!

— Да, лучше не скажешь. Ты готова?

— Как никогда.

Держась ближе к стене, Билли первым пошел по лестнице на балкон. Наверху он положил ладонь на руку Кейт, указывая ей, чтобы она наклонила голову, проходя позади балкона.

Сидения были не такими высокими, как ему казалось, не таким широким был и проход за креслами. Поэтому им пришлось двигаться, пригнув голову чуть ли не к коленям, идти таким гусиным шагом в темноте было пыткой. Над ними и перед ними все время болтали Гремлины. Иногда им на плечи падал кусок воздушной кукурузы или смятая картонная коробка ударялась о заднюю стену. Но наконец они достигли противоположного края балкона и красной двери с черной надписью, которая гласила: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Вытянувшись вперед, Билли приоткрыл дверь и подержал ее, пока Кейт входила. Потом он последовал за ней, издав глубокий вздох облегчения, поскольку теперь между ними и Гремлинами появилась какая-то преграда.

Узкая винтовая лестница вела вниз в темноту подвала. Кейт и Билли то скользя, то падая спускались по вытертым до блеска ступеням, почти не включая фонарь, у которого и так уже были слабыми батарейки. Когда они спустились, Билли снова пошел вперед, нащупывая проход к бройлерной.

— Включи свет, — прошептал он. — Мне кажется, клапан должен быть где-то здесь.

Луч бледного света, двигаясь взад-вперед по потолку, высветил путаницу электрических проводов, соединений, труб и наконец выпускной клапан, который Билли так хорошо помнил.

— Он по-прежнему здесь, — сказал он с улыбкой. Подойдя поближе к самому бойлеру, он широко улыбнулся, увидев шкалу давления. — И давление очень высокое, — добавил он. — Даже когда выпускной клапан работает.

— Отлично! — в голосе Кейт явно слышался сарказм. — Вполне возможно, он взорвется так быстро, что мы даже не успеем вернуться через балкон.

— Нам не придется этого делать, — сказал он. — В

подвале есть маленькая дверь, которая открывается только изнутри. Мы воспользуемся ею.

Взяв гаечный ключ с крышки бойлера, он вернулся к выпускному клапану.

— В наши обязанности входило следить за тем, чтобы он был открыт, — объяснял он. — Но слишком сильно открывать его было нельзя, иначе пар выходил бы в подвал и театр. Давай посмотрим, что будет, если его полностью перекрыть.

Ловко работая гаечным ключом, пока Кейт светила ему фонариком, он так крепко закрутил клапан, что он уже не поворачивался и на долю дюйма.

— Теперь бежим отсюда, — сказал он.

Кейт не пришлось уговаривать, и она побежала за ним, несколько раз ударившись головой и локтями, пока они неслись по комнатам с низкими потолками, заставленными какими-то ящиками и коробками. Наверху стоял постоянный гул, изредка прерываемый громкими вскриками, — неуемные Гремлины в зрительном зале по-прежнему ерзали, вертелись и скакали по сиденьям.

Наконец они оказались в угловом отсеке подвального помещения. Перед ними была узкая железная дверь, заржавевшая по углам. Билли подбежал и сильно толкнул.

— Нет! — закричал он. — Нет!

— Заперта? — прошептала Кейт в ужасе.

— Не может быть! — упрямо проговорил он, снова навалившись плечом на дверь. Она не открылась.

— Наверное... она просто... приржавела... — сказал он, снова бросаясь на нее. — Ею... не... пользовались... очень долго.

— Ты уверен, что ее открывают наружу? — спросила Кейт. В темноте трудно было разглядеть, как поставлена дверь.

— Да, наружу, — ответил он. — Я сам пользовался ею однажды...

Поискав вокруг что-нибудь такое, что могло помочь ему, Кейт нащупала холодный металлический предмет, похожий на длинный лом.

— Попробуй этим, — сказала она.

Билли взял рычаг, улыбнувшись ей в знак благодарности, приставил его конец к верхнему углу и нажал изо всех сил. С тихим скрипом дверь приоткрылась наружу, появилась щель примерно в полдюйма. Вдохновленный этим успехом, порядком уставший Билли передвинул рычаг вниз и снова нажал. Наконец после полудюжины попыток дверь распахнулась со ржавым зевком.

На улице намного посветлело по сравнению с тем, как было, когда они вошли в театр, почти все звезды исчезли в первых лучах утренней зари.

— Сюда, быстрее! — сказал Билли, хватая Кейт за руку и ведя ее вправо. По-прежнему сжимая лом, он остановился, чтобы продеть его в ручки двери заднего выхода из театра, потом побежал к маленькой аллее через дорогу.

— А что, если он не... — начала Кейт.

Ее вопрос потонул в приглушенном треске, перешедшем в скрежет, такой громкий, что, казалось, на Земле одновременно ломается вся техника. Долю секунды спустя огромный столб пламени вырвался из подвала на крышу единым перевернутым ударом молнии. От него отрывались более мелкие красные сполохи, направленные вверх. Быстро, один за другим, последовали три взрыва, стена театра наклонилась вперед, а потом затряслась, как нефтяной танкер, в который ударила торпеда. Меньше, чем через минуту, все сооружение превратилось в огромный костер, быстро исчезавший под непроницаемой стеной дыма и пыли.

— Сработало, — сказал Билли будничным голосом.

Кейт, улыбаясь его скромности, лишь кивнула.

Первоначальная радость утихла мгновение спустя, когда они увидели сквозь отверстия в здании силуэты бьющихся, умирающих Гремлинов, пляшущие фигуры, которые на какое-то мгновение вырывались из пламени и сразу падали обратно.

— Почему нам пришлось сделать это? — спросила Кейт, глядя в сторону.

Билли не ответил. Без сомнения, потом он будет об этом думать, но в данный момент он хотел удостовериться, что эта работа, хотя и неприятная, полностью завершена. Их позиция на аллее давала им прекрасную возможность видеть все три выхода из театра. Кейт опустила глаза, а Подарок зарылся в рюкзак, чтобы не видеть пламени, но Билли не спускал глаз со всех трех выходов.

Прошло еще несколько минут. Рев, вначале такой громкий, что, казалось, он доносился не только спереди, но и сзади, постепенно снизился до непрерывного шипения. Все признаки движения в театре также исчезли.

— Наверное, мы расправились со всеми, — наконец сказал Билли.

Но как только он произнес эти слова, одинокая фигура выпрыгнула из парадной двери быстро разрушающегося здания, постояла мгновение, как будто в шоке, потом покачала гривастой головой и побежала по улице.

— Нет... — услышал Билли собственный голос. — Нет... нет... нет!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Ну, они не помешают мне попасть в собственный дом! — прокричал Рэнд Пельтцер через плечо, побежав от круглосуточной бензоколонки к машине.

Заправщик не заслужил, чтобы на него орали, подумал Рэнд, особенно принимая во внимание то, что он давал дружеский совет, но у Рэнда была ужасная ночь, и нервы его были на пределе. Напряжение началось уже во время коммерческой встречи, когда он представил, как будет добираться домой по заснеженным дорогам. Волнение его росло, когда он не смог дозвониться до Линн, и перешло почти в панику, когда он услышал первые сообщения о странных событиях в Кингстон Фоллз и вокруг него. Вскоре после полуночи Рэнд решил, что не может больше придерживаться своего исходного, безусловно, разумного плана и ночевать в мотеле, чтобы переждать, пока рабочие очистят дороги. Ему нужно было узнать, все ли в порядке с его семьей. Спустя несколько минут после того, как последние коммерсанты разошлись по комнатам или направились в коктейль-бар по соседству, Рэнд сел в машину и поехал домой.

После бензозаправки, где он услышал рассказ о последних событиях в Кингстон Фоллз, а также передачу официального предупреждения о том, чтобы люди старались по возможности избегать города, Рэнд остановился у дома матери Линн. Не особенно обрадовавшись, что ее разбудили в такой неурочный час, она поняла, что

ему нужно забрать и отвезти домой Барни. Сообразив, что теща легла спать очень рано и ничего не знает о происходящем, Рэнд решил не волновать ее зря. Извинившись за поздний приезд, он забрал пса, так ничего и не сказав.

Посадив Барни на переднее сиденье рядом с собой, Рэнд поехал дальше, надеясь, что будет в Кингстон Фоллз к двум часам ночи.

Дорога казалась бесконечной. Рэнд не любил ездить по снегу. Он это ненавидел и избегал по мере возможности, даже если небо было чистое. Борьба ночью да еще и в одиночку с плохой дорогой — нет, на такое его могли принудить только такие чрезвычайные обстоятельства, как сейчас. Уже через двадцать миль он начал подумывать о том, правильно ли поступил. Ему приходилось делать один объезд за другим, и это так уводило его от цели, что несколько раз ему пришлось смотреть на карту дорог, чтобы узнать, где он находится. Дважды он неправильно повернул из-за плохой видимости, еще раз потому, что дорожный знак был неправильно установлен, и еще раз потому, что военный полицейский приказал ему свернуть на боковую дорогу, по которой он совершенно не собирался ехать. В течение все более отчаянного путешествия радио в машине передавало серию бюллетеней, которые вряд ли были созданы для того, чтобы уверить его, что дома у него все в порядке. Фаттерман погиб. Миссис Дигл погибла. Магазины и конторы, в которых он был всего несколько дней назад, превращены чуть ли не в руины неизвестными силами. Слухи о маленьких, но свирепых чужаках, опустошающих город и нападающих на людей. Большинство средств связи в лучшем случае выведены из строя. Большая часть жителей города либо прячется, либо уезжает, как беженцы во время войны. Военные моряки приближаются. Постоянные уговоры не тревожиться, кажется, лишь увеличивают ощущение тревоги. Это совершенно невероятно. Он не догадывался, что он, примерный гражданин Рэнд Пельтцер, — именно тот человек, который фактически несет ответственность за все это хаотичное нагромождение событий.

В пятом часу, когда нервы его были на пределе от постоянных объездов по снегу и отсутствия каких-либо вестей о судьбах Линн и Билли, он свернул с Сорок шестой дороге на Мейн Стрит, подъехав к Кингстон Фоллз с юга, а не с востока, как делал обычно. Прямо

перед собой он видел оранжевое сияние и сильный дым. Зрелище усугублялось тем, что не было пожарных машин, сирен, любопытных зрителей или транспортной полиции. Насколько он понимал, это был большой пожар, который горел сам по себе, пока население города, официальные лица и другие люди просто не замечали его. А может быть, думал он, уже и нет населения...

— Нет! — взмолился он. — Господи, только бы с ними все было в порядке. Пожалуйста...

Рэнд хотел пообещать изменить свою жизнь в качестве платы за исполнение своей молитвы, но никак не мог придумать, что бы мог пообещать.

— Я стану лучше, — сказал он наконец. — Я буду ходить в церковь каждую неделю.

Огонь, как он отметил, оказавшись в квартале от него, исходил из театра Колони. Здание было полностью разрушенным.

Притормозив, чтобы лучше рассмотреть выгоревшее здание, Рэнд покачал головой.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Где все? Ни пожарных бригад, ни даже зевак. Это безумие. Это просто невероятно.

В этот момент его внимание привлекло быстрое и неожиданное движение справа. Прямо на его пути и всего в нескольких футах от машины улицу пересекал...

Кто? Резко нажав на тормоза, чтобы полностью остановить машину, Рэнд даже не понял, на кого он чуть не наехал. Существо было размером с собаку, но бежало на двух конечностях. И лицо, которое он увидел, не было похоже ни на что, кроме того, что он видел в фильмах ужасов или на Новый год. Это что, одно из тех маленьких существ, что описывали по радио?

Прежде чем он смог рассмотреть его, оно исчезло, бросившись от машины под тупым углом и побежав по тротуару в сторону универмага Монтгомери. В тусклом утреннем свете Рэнд увидел лишь зеленовато-коричневую спину, на которой блестело нечто вроде роговых пластин, это был как бы вид сбоку какой-то большой рыбы или рептилии. Быстро оглянувшись, существо исчезло в раскрытой боковой двери универмага.

— Что здесь происходит? — спросил Рэнд. — Что это? И почему универмаг Монтгомери открыт в такое время?

Барни проснулся, когда машина резко затормозила, и разразился громким сердитым лаем, увидев Гремлина. Отчаянно стараясь приблизиться к нему хотя бы на

несколько дюймов, он прыгнул на заднее сиденье и начал царапать когтями левое окно.

— Успокойся, малыш, — сказал Рэнд твердо. — Что бы это ни было, не наше дело следить за ним.

Все еще глядя влево, чтобы увидеть странное существо, если оно выбежит из магазина, Рэнд услышал шаги, а потом увидел силуэты двоих людей, приближающихся к нему. Узнав их, он широко открыл рот, на лице его появилось выражение удивления и радости.

— Билли! — закричал он.

Выбежав из машины, он обнял сына, засыпая его вопросами.

— Что здесь вообще происходит? С мамой все в порядке? Почему вы бежите?

— Извини, папа! — ответил Билли, вырываясь. — Нам нужно поймать этого... Ты видел, как пробежал Гремлин?

— Что?

Билли объяснил по возможности быстро, за кем они гонятся, не вдаваясь в подробности. Рэнд указал на дверь универмага. Кивнув, Билли схватил Кейт за руку и побежал, но Рэнд успел ухватить его за другую руку и развернул.

— Секундочку! — крикнул он. — Не убегай. Я хочу узнать, как мама.

— Думаю, в порядке, — ответил Билли, пятясь с этими словами к двери. — Телефон не работает, она заперлась в доме. Извини, папа, но мне надо поймать этого Гремлина.

— Зачем? Он, кажется, опасен.

— Так и есть.

— Тогда пусть полицейские ловят его.

— Нет времени.

— Подожди. Я помогу.

Его предложение повисло в воздухе. Билли и Кейт уже исчезли в универмаге.

На мгновение растерявшись, Рэнд постоял на тротуаре, почесал голову. Он по-прежнему не вполне понимал, что происходит, но знал, что ехал всю ночь не для того, чтобы быть просто зрителем. Если у Билли проблема, значит, это и его проблема.

А может быть, и проблема Барни тоже, подумал Рэнд, быстро возвращаясь к машине.

— Пошли, малыш! — сказал он нетерпеливому Барни, опуская переднее сидение, чтобы пес смог выпрыгнуть на тротуар. — Пошли поможем Билли.

Хлопнув дверью и повернувшись, Рэнд заметил предмет, лежащий на заднем сидении — «Товарищ по ванной». Теперь он был совершенен, Рэнд был в этом уверен, и несколько человек на коммерческом совещании проявили интерес к широкому выпуску его детища. Зная это и вспомнив, что одна из дверей машины вовсе не закрывалась, он быстро принял решение.

— Возьму его с собой, — сказал он, наклоняясь за прибором. — Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь пришел и украл эту штучку именно теперь, когда она сможет принести нам много денег.

Держа «Товарища по ванной» перед собой обеими руками, как самое совершенное оружие, он на удивление быстро вбежал в универмаг Монтгомери. За ним последовал Барни, горящие глаза и движущийся нос которого показывали, что он рвется на охоту.

Генерал Дэвид Грин очень злился. Был шестой час, и небо начинало заметно светлеть. Большую часть последних двух часов его люди ходили от дома к дому и от здания к зданию в северной части Кингстона Фоллз в поисках маленьких зеленых чудовищ. Пока что это было совершенно безрезультатно.

— Ну, что ты думаешь, Медвед? — проговорил он своему адъютанту, который не удалялся от него более, чем на тридцать футов.

Майор Джош Медвед знал, что не следует отвечать немедленно. Когда генерал Грин спрашивал чье-то мнение, это означало, что он собирается высказать свое.

— Я тебе скажу, что я думаю, — продолжил Грин. — Я думаю, что либо весь город сошел с ума, либо они в сговоре с Гремлинами.

— В сговоре, сэр? — спросил Медвед, нахмурившись. Он прекрасно понимал, к чему клонит генерал (каждый дурак понял бы), но по опыту Медвед знал, что начальник ценил тупость превыше всего.

— Конечно, — ответил Грин. — Может быть, непреднамеренно, но мне кажется, что эти люди укрывают Гремлинов. Может быть, из страха. Так было во Вьетнаме, знаешь ли. Местные жители помогали партизанам не потому, что любили их или верили в их дурацкие идеи. Они просто боялись...

— Да, сэр. Это вполне разумно.

Подошел лейтенант, осмотрелся, чтобы убедиться, что телерепортеры, сопровождающие их, не снимают. Однако они снимали, и он кокетливо поприветствовал генерала.

Вяло отреагировав на приветствие, Грин весь обратился в слух.

— Два момента, сэр! — сказал лейтенант. — Мы разговаривали с людьми в соседнем доме, они утверждают, что видели Гремлинов в три — пол-четвертого. Потом они потянулись к югу, как будто получили приказ идти туда в это время.

— Так. А второе?

— Звонил сержант Уилльямсон и сказал, что горит целое здание на углу Мейн и Гарфилд. Это к югу отсюда на другом конце города. Может быть, здесь замешаны Гремлины.

Генерал Грин важно кивнул, и лейтенант ушел.

— Что ты думаешь, Медвед? — спросил Грин.

Майор Медвед сжал губы, делая вид, что погрузился в глубокое раздумье.

— Сказать, что я думаю? — сказал генерал. — Я думаю, что нам хватит валять дурака здесь и пора направиться к этому пожару, где все происходит.

— Хорошая мысль, сэр.

— Да, Полоска выбрал самое удачное место, — проговорил Билли со вздохом.

Глядя по сторонам и постепенно привыкая к темноте, Кейт прекрасно понимала, что он имеет в виду. Монтгомери Уорд был большим магазином, и большинство товаров было сосредоточено на одном этаже площадью в четыре акра. Проходы казались бесконечными — некоторые, согласно рекламным проспектам магазина, достигали четверти мили в длину и были заполнены витринами. Освещение было минимальным, сейчас свет поступал лишь от маленьких ночных ламп на пересечении проходов.

— Он может прятаться здесь вечно, — сказал Билли. Кейт взглянула на потолок. Билли, сразу поняв ее движение, тоже посмотрел вверх.

— Да, — сказал он, — интересно, найдем ли мы рубильник, включающий свет.

— Может, мы разделимся? — предложила Кейт. — Ты ищи Полоску, а я попытаюсь найти свет.

— Хорошо. Мне кажется, это должно быть рядом с конторой. Ты знаешь этот магазин?

— Да.

— Хорошо. Мне кажется, здесь должна быть комната, где находятся все выключатели, переключатели сигнализации, кондиционеров и прочее.

— Да. Если она есть, я ее найду.

— Может, ты возьмешь Подарка? — сказал Билли, передавая ей рюкзак. — Ему будет безопаснее с тобой, и я лучше смогу передвигаться.

Подарок печально высунулся из мешка, протянул лапу.

— Извини, малыш, — сказал Билли с улыбкой. — Мне лучше пойти сейчас одному.

Кейт с Подарком направились к конторе. Билли, заметив, что находится в отделе спортивных товаров, схватил с ближайшей полки бейсбольную биту, попробовал, может ли он справиться с ней, и приступил к систематическому осмотру проходов.

Оказавшись в одиночестве в огромном магазине, он вдруг насторожился еще больше, чем когда они с Подарком преследовали Полоску в здании ИМКА. Этот эпизод казался теперь таким далеким, хотя прошло менее двенадцати часов. За это короткое время он выяснил главное — злобные шутки Гремлинов могли привести к насилию и смерти. Он пытался прогнать эту мрачную мысль, но она все время сопровождала его, пока он шагал от прохода к проходу. Будет намного лучше, думал он, если я обнаружу Полоску раньше, чем он обнаружит меня.

Но это гораздо менее вероятно, ответил он сам себе.

Раздраженный и отвлеченный такой бесполезной гимнастикой ума, он заставил себя сосредоточиться на подходящих способах поиска врага, чтобы не просто бродить в надежде наткнуться на него.

— Что бы я сделал, если бы мы поменялись местами? — спросил он себя. Ответ казался очевидным. — Я бы совершил отвлекающий маневр, и создал бы ловушку.

Что может быть приманкой?

Все, что угодно из сотен вещей, поскольку магазин был полон предметов, которые могли бы стать смертельным оружием. Когда Билли так подумал, он обнаружил, что из любой части магазина может внезапно появиться

нечто ужасное. Вспомнив отдел спортивного оборудования, он представил себе, как на него опускается другая бейсбольная бита, как в него стреляют из ружья, бьют его гирями, теннисной ракеткой, бильярдным кием, или как его душат скакалкой. Проходя через отдел автомотолюбителей, он увидел, что в нем такой же богатый выбор оружия, включая гаечные ключи, снеговые цепи, гусеницы трейлеров и прочее. Отдел ухода за газонами сулил ужасную смерть на зубьях вил или от лопаты, Товары для кухни угрожают ему ножами для бифштекса или шампурами. Даже секция одежды для женщин содержала такие предметы, который умный или отчаянный нападающий мог использовать, чтобы прикончить его — а именно, тонкие каблуки, ремни, тяжелые сумки и металлические вешалки.

— Ты увлекаешься, — прошептал он себе.

Тут же он услышал урчание, к которому вскоре присоединились далекий металлический поющий голос и стук маленького барабана. Через мгновение зазвучала музыка и усилила какофонию. Осторожно приближаясь, Билли заглянул за угол прохода, ведущего явно в отдел игрушек.

Весь пол в отделе ожил — на нем были маленькие механические игрушки — роботы, заводные грузовики и легковые машины, животные, куклы и персонажи мультфильмов — все они пели или разговаривали, или издавали соответствующие звуки, предназначенные для того, чтобы радовать детей. Теперь, когда все они работали одновременно в полутьме пустого магазина, эффект был скорее устрашающим, чем приятным. Но оторвать взгляд было трудно.

Короче говоря, отвлечение.

Отвлечение, подумал Билли, как раз перед...

Твок!

...ловушкой.

Он закончил мысль как раз в тот момент, когда серебристый предмет пролетел у него перед глазами и врезался в стену за ним. Сморщившись от боли, Билли коснулся рукой щеки и взглянул на нее. На ладони осталось темное мокрое пятно. Он знал, что это кровь. Потеряв ориентировку, он повернулся кругом, скорее почувствовав, чем услышав приближение еще одного летящего снаряда. Он успел броситься на пол в тот момент, когда снаряд пролетел в нескольких дюймах у него над головой.

Твок!

Скорчившись за витриной в конце прохода, он лежал на полу и смотрел, как второй предмет скользнул по стене и опустился на пол рядом с первым. Оба были из набора дисков для циркулярной пилы, одно шести, а другое восьми дюймов в диаметре.

За ними последовали новые. Злобно смеясь, Полоска выпрыгнул из своего укрытия и выпустил смертоносный залп подобных дисков, быстро измочалив коробку, за которой укрылся Билли, и чуть не снеся ему голову несколькими умелыми бросками. Зажатый в угол, Билли мог лишь отражать удары летящей стали остатками картонной коробки. Когда полотна кончились, Полоска продолжил атаку с помощью молотков, гаечных ключей, небольших банок с краской — почти всего, что мог ухватить своими когтями.

Билли отпрянул назад, чтобы увернуться от летящей пилы и упал в витрину, которая качнулась и рухнула, зажав его ноги между полками. По-прежнему используя рваный кусок коробки в качестве жалкого щита, он лежал на животе в груде инструментов, приспособлений и предметов быта.

Полоска решил прикончить его, пока есть возможность. Осмотревшись в поисках подходящего орудия для нанесения последнего удара, он просиял, увидев устрашающе тяжелую батарею. Она была свинцовая, и Полоска с трудом поднял ее, но Билли легко представил себе, как будет раскроен его череп одним ударом.

Быстро подтащив батарею на расстояние нескольких футов от упавшего врага, Полоска поднял ее до уровня груди и приготовился опустить ее Билли на затылок. Потом ему вдруг не понравилось, что батарея пролетит малое расстояние и удар окажется недостаточно сильным, и он решил поднять ее как можно выше.

Билли начал выбираться из кучи как раз в тот момент, когда Полоска поднял батарею над головой. Испугавшись, что добыча ускользнет, и не совладав с тяжелым и громоздким орудием, Полоска выпустил его из рук. Батарея соскочила у него с плеча и упала прямо на левую ногу.

— Йййеееегггггггрррррррр!

Взвыв от боли, Полоска посмотрел вниз на расплющенную массу и раздробленные кости, которые только что были его ногой, и быстро похромал прочь.

Какое-то мгновение Билли видел лишь темноту, по-

скольку батарея остановилась наконец всего в дюйме от его лица.

Выбравшись из-под обломков, он поднялся и пошел по проходу за Полоской. На пересечении он остановился и посмотрел во всех четырех направлениях, но Гремлина нигде не было видно.

— Черт побери, — вздохнул он. — Куда он пошел? Мне бы сейчас очень нужен был свет. Интересно, что происходит.

Подарок вздрогнул, услышав шум битвы из дальнего конца магазина. Звук был такой, как будто обрушилась стена. Последовавшая тяжелая тишина, однако, была еще более зловещей, и он представил себе самое ужасное. Если бы Билли победил в этой схватке, он ведь крикнул бы что-нибудь радостное им с Кейт. Если погоня продолжается, или если, того хуже, Билли лежит раненый или умирает, Подарок нужен ему. Кейт, уйдя на поиски панели с выключателями, положила рюкзак на стол прямо у двери конторы. Подарок знал, что там он в безопасности, но желание помочь Билли было гораздо сильнее инстинкта самосохранения.

Опустив крышку рюкзака, он выбрался из мешка и спустился на пол.

Не зная, куда идти, он бесцельно побрел, осознавая с болью, что идет слишком медленно. Это была еще одна оплошность Могтурмена при создании Могваев.

— Нужно придумать что-нибудь получше, — пробормотал Подарок. — Мне потребуются годы, чтобы на этих ногах добраться до другого конца магазина.

Он нашел, что искал, через несколько минут в груде игрушек. Машина застряла в углу, ее колеса по-прежнему вхолостую крутились. Подарок осторожно подошел к ней, нашел переключатель «ВКЛ/ВЫКЛ», нажал на него, и мотор выключился. Вытащив из-под упавших коробок в конце прохода, он выкатил ее на середину и аккуратно направил туда, куда ему было нужно.

— Прекрасно, — сказал он гордо. — Это прекрасная маленькая...

Поскольку на языке Могваев не было простого слова для обозначения машины, он просто пожал плечами и залез в нее.

Машина была спортивная, почти в два фута в длину, розовая с красными полосками, копия «Корветт Стингрей», работающая на батарейках, которая так и напрашивалась, чтобы ее испробовали. Поставив переключатель на «ВКЛ», Подарок чуть не выпал из машины, когда она резко рванула вперед.

Он откинулся назад и, пока долго ехал по проходу, обрел было уверенность, но обнаружил, что ему не так легко повернуть на повороте, как он предполагал. В результате он врезался в витрину с канистрами, наполненными маслом. Пирамида обрушилась через долю секунды после того, как ее задел «Стингрей». Тяжелые банки упали на пол позади него, и Подарок вздохнул с облегчением. Он решил впредь поворачивать осторожнее.

Подъехав к концу прохода, он повернул налево. Ему пришлось притормозить из-за кучи металлических предметов, но он скоро снова набрал максимальную скорость.

Проезжая следующий перекресток, он увидел, что по проходу справа идет какая-то фигура. Он нажал на тормоза так резко, что машину занесло в аккуратный ряд садовых инструментов. Пригнув голову, он терпеливо ждал, пока грабли и вилы перестанут падать вокруг него, а потом ринулся к тому месту, где была таинственная фигура.

Ловушка была так прекрасна и при этом так проста, что обрадованный Полоска почти не чувствовал боли в разбитой ноге. План его был почти идеален, поскольку его осуществление не требовало ничего сложного. Наименее подвержена поломкам машина, у которой меньше всего движущихся частей. Чем проще, тем лучше.

Ловушка, созданная Полоской, представляла собой всего лишь очень длинную и узкую комнату с одним выходом. В ней не было никаких ниш, где можно было бы укрыться, никаких коробок и ящиков, никаких шкафов. Эта комната под названием Центр электроники была просто демонстрационным залом для телевизоров, домашних игр и стереосистем, и все они были аккуратно расставлены вдоль стен.

У самого входа в комнату был маленький шкафчик, в котором сейчас прятался Полоска. Он крепко прижимал к груди лук и пачку стрел со стальными наконечниками, которые он нашел в отделе спортивных товаров

после того, как размозжил ногу. Он никогда раньше не пользовался таким оружием, но понимал принцип его действия. Поскольку это был простой инструмент, основанный почти что на интуиции, лук и стрелы были основным примитивным оружием во многих галактиках. Для овладения им нужно лишь немного практики, и у Полоски будет время попрактиковаться, пока враг будет идти в дальний конец комнаты. В этот момент, согласно плану, Полоска выйдет из шкафчика и начнет стрелять. Поскольку Билли негде будет спрятаться, в конце концов одна или несколько стрел попадут в цель, и все.

А если молодой человек решит заглянуть в шкафчик, прежде чем войти в дальний конец комнаты? Тем лучше, подумал Полоска. Тогда он получит стрелу прямо в лоб. Единственный недостаток — тогда нельзя будет развлечься, практикуясь в стрельбе, посмотреть, как враг паникует и молит о пощаде, прежде чем получит смертельный удар.

Терпеливо ожидая, Полоска вскоре услышал торопливые шаги по проходу, ведущему к этой комнате. Сквозь щель в приоткрытой двери он увидел, как человек постоял минутку и вошел внутрь. В полутьме магазина он окажется совсем близко к задней стене, прежде чем сообразит, что эта комната — тупик, а к тому времени, конечно, уже будет слишком поздно.

Открыв дверь чуть пошире, Полоска выглянул и остался доволен.

— Еще несколько шагов! — прошептал он.

Билли прошел даже дальше, заинтересовавшись одним из устройств на дальней стене.

Прекрасно, подумал Полоска.

Осторожно выйдя из шкафчика, он пристроил первую стрелу и прицелился в воображаемый крест между ключицами молодого человека.

Кейт так запуталась, что чуть не плакала.

— Как работает эта штука? — чуть не кричала она.

Последние несколько минут она безуспешно нажимала на различные кнопки на панели. Эта не простая в употреблении система, сердито думала она, совсем не похожая на первый компьютер, с которым она пробовала работать. Вместо того, чтобы нажимать кнопки, просто и ясно обозначенные в соответствии с функциями, оператор должен был набирать исходный код, а за ним

цифру или цифры, соответствующие каждому действию в универмаге. Кейт нашла исходный код на листке бумаге, но включить верхний свет было непросто. Ближе всего она к этому подошла, когда набрала исходный код и случайные цифры 2 и 6 — тогда зажглась гирлянда прочно установленных рождественских огней у главного входа.

— Ну, какого черта! — сказала она теперь. — Если двадцать шесть что-то дает, можно попробовать последовательность.

С этими словами она набрала исходный код, а за ним 2 и 7.

Полоска натянул тетиву как можно сильнее, еще раз убедился, что прицелился верно, и приготовился выпустить первую стрелу.

— Внимание! — вдруг объявил громкий голос.

Страшно напуганный, Полоска дрогнул, и стрела вылетела из лука, ударив в телеэкран в футе над головой Билли.

— Внимание! — продолжил диктор. — Магазин закрывается через десять минут. Пожалуйста, заканчивайте последние покупки, чтобы наши работники могли спокойно отдохнуть вечером. Спасибо.

Вздрогнув и от прозвучавшего объявления, и оттого, что стрела ударила в экран так близко от него, Билли повернулся. При этом он увидел, как Полоска насаживает следующую стрелу и прицеливается в него. Билли попытался отпрыгнуть в сторону, вдруг осознав, что стал основной мишенью в тире. Полоска отозвался злобным смехом и выпустил вторую стрелу. Она прорвала куртку Билли у шеи.

— Это было близко! — пробормотал Билли. — Он хороший стрелок.

В руке у Гремлина уже была следующая стрела. Билли облизнул губы, осмотрелся в поисках выхода, но ничего не увидел. Единственное, что он мог сделать, — это уворачиваться, пока у Полоски не закончатся стрелы.

Третья стрела полетела в его сторону быстрее и точнее, чем предыдущие. Билли услышал, как она просвистела около его уха за доли секунды до того, как он упал на пол.

Полоска снова засмеялся и потянулся за новой стрелой.

Поднимаясь на ноги, Билли проследил за движением руки Гремлина и увидел, как она выхватила стрелу из пачки, в которой было по крайней мере еще штук двадцать.

Нет никакой надежды, мрачно подумал Билли, одним из оставшихся ударов он меня точно достанет.

Но заставить себя броситься навстречу летящим стрелам он не мог.

Кейт нажала на кнопку «СТОП» как раз тогда, когда закончилось объявление о том, что магазин закрывается, и загорелось заманчивое «ГОТОВ».

— Верхний свет, — сказала она, как будто пыталась уговорить панель послушаться ее. — К черту закрытие магазина. Дай верхний свет!

Яростно нажимая на кнопки, она продолжала набирать цифры, просто потому что не знала, что делать. Номера от 27 до 46 давали обычные объявления, такие, как о закрытии магазина, а от 47 до 69 давали объявления о том, что имеется в продаже. Хотя она останавливала каждое, как только становилось ясно, что номер не связан со включением света, Кейт была на грани срыва. Столько времени потеряно! Билли нужен свет, а она не может найти выключатели. И все из-за этой сложной панели. Когда очередной номер давал какое-то дурацкое объявление, она сердито стучала по столу, нажимала на кнопку «СТОП» и начинала все сначала.

— Ну, сделай, — приказала она. — Сделай, и все.

«...Мужское белье Фрут-ов-зе-Лум будет продаваться в течение следующих десяти ми...»

Пвинг!

«...Новый пункт упаковки открывается в Монтгомери Уорт на...»

Уоп!

«Блестящая атласная краска сейчас продается...»

Твонг!

«...Джинсы для подростков, сейчас...»

Твак!

В каком-то смысле сочетание звука и цвета было

таким странным, что казалось почти смешным. Тут понимаешь, что его жизнь поставлена на карту, он превратился в мишень, а вокруг раздаются тупые объявления о снижении цен и предложения, прерывающиеся на середине. Но Билли было не до смеха. Эти сообщения, этот голос, убиваемый невидимой силой, как только его становится слышно — это он сам.

Куок!

Экран телевизора справа превратился в стеклянный порошок. Две вещи были неоспоримы: Полоска страшно забавлялся и при этом прекрасно управлялся с луком. Билли инстинктивно чувствовал, что тот играет с ним, попадая в телеэкраны только для собственного удовольствия, чтобы развлечься перед тем, как вонзить стрелу ему в спину или в грудь. Пока что Полоска истратил около половины запаса стрел, но положение усугублялось еще и тем, что несколько стрел рикошетом вернулись к стрелку, и тот снова мог их использовать.

«...Лыжные куртки...»

Полоска нарушил ритм в шесть выстрелов в минуту и постоял, улыбаясь Билли. По-прежнему держа лук в готовности, свободной рукой он вначале указал на Билли, потом указал себе на сердце.

Билли понял. Развлечения и игра позади. Теперь Полоска готов стрелять по-настоящему. Глубоко вздохнув, он стоял, покачиваясь на пальцах ног, готовый броситься в любом направлении. Но опыт последних нескольких минут подсказывал ему, что, возможно, ему не хватит скорости, чтобы увернуться от стрелы, направленной ему прямо в сердце.

Тем временем Полоска, устав от игры, готовился положить ей конец. Привыкнув к постоянным объявлениям в магазине, он мог отключаться от голоса почти автоматически. Теперь он приготовился, сосредоточившись полностью на цели.

— Черт побери, смотри-ка! Ты его ударь снизу, Барни, а я ему врежу!

Полоска, едва ли слыша фоновый шум и явно не понимая его содержания, выпустил стрелу.

Квок, планг!

Стрела врезалась в потолок и срикошетила в пол — это Рэнд Пельтцер, подбежав на несколько футов к Гремлину, выпустил струю крема из «Товарища по ванной». Она ударила прямо в глаза Полоске, и тот закри-

чал от боли. В то же время Барни, рыча, вцепился в ногу зверю.

Поняв, что произошло и что теперь у него есть возможность вырваться, Билли бросился вперед. Его бегство сразу превратилось в бешеную гонку, поскольку Полоска оправился от двустороннего нападения удивительно быстро. Отбросив Барни сильным ударом и стряхнув крем с лица, Гремлин схватил стрелу и меньше чем за секунду направил ее в Рэнда, оказавшегося в десяти футах от него.

Находясь еще слишком далеко, чтобы помочь отцу, Билли мог лишь подпрыгнуть в воздух, и тишину прорезало два крика одновременно.

— Нееееееет!

— Аааааааа!

Вдруг Билли осознал, что в проходе зажегся верхний свет и что крик боли издал не отец, а Полоска.

Еще не оправившись от шока, Гремлин уронил лук и стрелу и побежал в соседний проход, где было темно. Барни побежал за ним, но остановился, когда Билли велел ему сделать это.

Взмокший от пота, Рэнд покачал головой и улыбнулся, посмотрев на «Товарища по ванной» в руке.

— Ну, я думаю, для чего-то он все-таки годится.

— Спасибо, папа, — сказал Билли.

Он пошел прочь, но отец пошел за ним.

— Подожди. Это опасно. Может, подождать полицию?

— Нет времени, — показав на контору, Билли крикнул через плечо. — Скажи Кейт, чтобы она включила весь свет. Она в конторе.

Потом он исчез, бросившись в темноту за убегающим Полоской.

Когда зажегся свет, Подарок поворачивал налево как раз около того места, где был весь шум. Частично ослепленный и охваченный приступом боли, он потерял управление маленькой машиной, которая врезалась почти на полной скорости в ряд аудио-кассет. Свернувшись клубком под приборной доской, Подарок думал о том, что надо выбираться на яркий свет и, соответственно, навстречу боли. Если он останется здесь, с ним все будет в порядке, пока кто-нибудь его не найдет. Вот только Билли это не поможет.

В таком случае, подумал он, лучше пострадать, чем быть в безопасности.

Высунув голову опять на свет, он зажмурился, но,

преодолевая боль, увидел, что свет кончился в следующем проходе. Если бы только туда добраться!..

— Удачно, но глупо.

Так Кейт охарактеризовала свое последнее действие на панели. Теперь она оказалась в дурацком положении.

Слушая объявления и не в состоянии включить свет, она совершенно отчаялась и перестала набирать все цифры подряд, а в ярости просто застучала по панели. Чудесным образом этот отчаянный, почти судорожный жест привел к тому, что ряд огней зажегся, осветив примерно одну десятую часть магазина. Это было хорошей новостью.

Плохая новость состояла в том, что у нее совершенно не было понятия относительно того, какие цифры она нажимала. Если соседние системы света включались цифрами, близкими к той, что она случайно набрала, они были так же неизвестны, как и раньше.

— Какие это были цифры? — прошептала она, стараясь вспомнить, куда она попала. — Какое это было число?

Ей показалось, что это было что-то конце девятого десятка. Еще раз нажав исходный код, она вздохнула и нажала 99.

«Дамы и господа! Теперь мы привлекаем ваше внимание к самой северной части магазина, где на весь день включен Памятный фонтан Кэррол Б.Хеббел. Это замечательное произведение скульптуры свободной формы, работа художника Дональда Бюде, было сооружено таким образом, что игра падающей воды и света производит драматический эффект. Будучи сравнительно новым, фонтан уже известен во всем штате как выдающийся пример объединения искусства и бизнеса для того, чтобы вам было приятнее заниматься покупками».

Значение этого объявления не дошло до Билли, пока он не услышал в отдалении бульканье. Потом, проиграв его мысленно, он услышал важнейшие слова... Фонтан... Вода...

— Нет! — заорал он изо всех сил, замолчав лишь для того, чтобы вдохнуть воздух и снова заорать, пробежав несколько шагов назад. — Нет! Выключи его! Выключи фонтан!

Он понимал, что Кейт слишком далеко и не может услышать его, но, может быть, отец, находящийся в нескольких футах сзади, услышит его мольбу и передаст.

Тем временем Полоска продолжал бежать изо всех сил. Билли догонял его, но внутренний голос подсказывал, что катастрофа произошла. Фонтан работает. Воду, которая вылилась, уже не убрать, и для существа, которое быстро приближалось к цели, ее журчание было песнью.

Барни, бежавший далеко впереди Билли, следовал близко за Полоской, покусывая его за хвост и за ноги. Но этим он только раздражал его, а надо было удержать. Если бы Барни был выдрессирован на сторожевого пса, он, возможно, смог бы удержать Гремлина. Теперь же он мог лишь отвлекать его, едва уворачиваясь от страшных когтей.

Северная часть магазина была отделана как оранжерея, в ней было много разнообразных цветов, высаженных вдоль стен, которые поддерживали великолепный свод, покрытый сейчас большим балдахином. Цветы соединялись вместе, образуя покров, так что входящий оказывался как бы в тропическом лесу.

Полоска резко свернул у двери и так поддал Барни когтями, что пес отлетел на несколько футов. Он остался на расстоянии, яростно лая. Справившись с собакой, Полоска посмотрел прямо на Билли, победно засмеялся и указал на сверкающую стену воды, идущую вниз от верхнего бассейна фонтана.

Билли казалось, что грудь его разрывается от бега, но он заставил себя бежать... быстрее... быстрее... быстрее...

Потом... вдруг стало слишком поздно.

Когда Билли приблизился на расстояние в двадцать футов, Полоска, не рискуя, прыгнул на край фонтана, покачался там мгновение, а потом мягко повалился спиной в воду.

Это зрелище превратило ноги Билли в вареные макароны. Облокотившись на стену у входа, он медленно сполз на пол. Закрыв глаза, он попытался забыть о событиях последних суток, но смех Гремлина вместе со звуком падающей воды не давал ему сделать это. Четыре раза ему казалось, что он решил задачу... дома... в здании ИМКА... в театре... и вот теперь

здесь... Каждый раз удавалось покончить со всеми, кроме Полоски.

Он глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух. Он уже слышал слабое бульканье — пузырьки, которые станут новыми Гремлинами, начали расти на коже Полоски.

Подарок, по-прежнему сидя за рулем миниатюрного «Стингрея», проехал в оранжерею и сразу увидел самое худшее. Билли сидел с отсутствующим взглядом... Полоска смеялся, несмотря на боль, которую ему причиняло воспроизводство... И ничего нельзя исправить.

Если только не...

Он быстро перевел взгляд с пола на потолок. Подарок оптимистично чирикнул, резко направил машину вправо и нажал на газ. Одно Могтурмен сделал правильно — он дал своим созданиям ум, который был способен быстро анализировать ситуацию и находить решение. Полог, балдахин и веревка для Билли были лишь разрозненными предметами в большой комнате, но для Могвая Подарка они представляли выход. Как только он увидел их, он понял, что есть шанс.

Чуть не врезавшись в заднюю стену, он выпрыгнул из машины и бросился к тому месту, где веревка обвивалась вокруг стальной петли.

Он не мог достать.

Бормоча по-могвайски, он подтащил «Стингрей» к этому месту и запрыгнул на крышу. Работая неловкими лапами, он медленно отвязывал веревку. На последнем витке ее рвануло с такой силой, что Подарок почувствовал, как его ноги отделились от машины и тело понеслось вверх с жуткой скоростью.

Закрыв глаза, он разжал пальцы и упал на крышу машины, а потом и на пол.

Он увидел, как полог начал сворачиваться, и длинные узкие полосы стали аккуратно складываться в отделения под подоконниками. При этом море яркого голубовато-белого утреннего света хлынуло в самую середину оранжереи.

Полоска был там.

Солнечный свет упал на распростертого Гремлина, как раскаленная решетка, как стальная плита — он не мог пошевелиться. Он не владел собственным телом, ослабленным светом и процессом воспроизводства.

Вскоре из его пор, глаз, из уголков рта потекла горячая жидкость. Он попробывал закричать, но издал лишь гортанный стон. Застигнутые перед рождением, в краткий миг уязвимости, пузырьки, образующиеся на коже Полоски, сморщились и полопались. Продукт соединения холодной воды и смертного жара Гремлина поднялся серым туманом над фонтаном и постепенно развеялся, явившись последним кошмарным видением самой страшной ночи в истории Кингстон Фоллз.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Наутро после Рождества в дом Пельтцеров и в большую часть города Кингстон Фоллз вернулся более или менее нормальный порядок жизни. Репортеры со всего штата продолжали копаться в развалинах — не только в зданиях, но и в умах людей, — пытаясь выкопать самые мрачные подробности вечера, но жители дружно хотели лишь забыть все происшедшее и вернуться к обычной жизни.

Билли удалось скрыться от газетных ищеек. Он сделал это не потому, что не хотел гласности или широкой известности. Просто он знал — любые дотошные вопросы приведут к выявлению роли Подарка во всей истории. Билли хотел избежать этого любой ценой. Он думал, что это будет трудно, если невозможно, поскольку многие люди знали о его участии в этом, но сохранить тайну оказалось на удивление легко.

Больше всех знал о роли Билли Пит Фаунтейн, но он был так напуган, когда узнал, что Рой Хэнсон убит неизвестным существом в своей лаборатории, что убежал домой в страхе перед полицией, которая может связать его имя с убийством. Кейт, конечно, уважала желание Билли не вмешиваться, также вели себя и его родители. Шериф Рейлли и помощник Брент предпочли забыть, что проигнорировали предупреждение Билли, но приняли награду за доблестную службу от Национальной ассоциации начальников полиции. Генерал Дэвид Грин несколько раз появлялся на местном и национальном телевидении, опи-

сывая, как он бесстрашно преследовал Гремлинов, пока последний из них не был уничтожен.

Во всяком случае, славы хватило для всех и ни у кого не было желания кого-то обвинить. Билли умудрился остаться ни при чем. Когда шум начал стихать, он стал думать, что уже никто больше не напомнит о нашествии Гремлинов.

Он был прав до ночи после Рождества. Кейт, Билли и его родители как раз закончили ужинать, когда зазвенел дверной звонок. Билли открыл дверь, за ней стоял пожилой человек восточного типа. Лицо его было сердито, но сдержанно, как у родителя, который должен наказать ребенка. Ветер раздувал его редкие седые волосы, придавая ему еще большее сходство с судьей. Хотя Билли никогда не видел этого человека, он сразу понял, кто это и за чем он пришел.

— Да? — сказал он грустно.

— Я пришел за Могваем, — сказал старый китаец.

Он посмотрел мимо Билли и увидел Рэнда. Билли знаком пригласил его войти, и старик вошел в комнату.

При звуке голоса старика Подарок, сидевший на диване и поглаживающий больную спину, навострил уши и нагнулся вперед. Возбужденно залепетав, он чуть не упал с дивана и бросился к китайцу большими прыжками.

Подняв зверька и мягко погладив его, старик слегка улыбнулся.

— Я скучал по тебе, дружок, — сказал он.

Посмотрев на них вместе, Билли был и тронут, и опечален. Он увидел, что они связаны не только любовью, но и долгими годами взаимопонимания.

Рэнд, чувствуя, что должен хотя бы заявить о своих правах, если не утвердить их, подошел к китайцу.

— Одну минуту, — сказал он мягко. — Я заплатил за него хорошие деньги, а мой сын к нему привязан.

— Я не принимал деньги, — сказал китаец. — Мой внук сделал это, и за это он заперт в своей комнате на месяц. Он залез в карман и вытащил пачку купюр.

— Вот ваши деньги, — сказал он. — Я не вычел расходы на то, чтобы найти вас и приехать сюда, потому что вы потеряли то, что эти деньги могли бы вам дать. Мы оба потеряли, и мы квиты. Вот. Возьмите, пожалуйста.

Рэнд, переведя взгляд с китайца на Билли, не обратил внимания на этот жест.

— Это не так просто, — сказал он.

— Ничего, папа, — сказал Билли. — Все нормально.

— Я вас предупреждал, — сказал китаец Рэнду. — К Могваям нужно относиться ответственно. Но вы не слушали.

Рэнд пожал плечами.

— Ну, теперь мы знаем. Мы в будущем будем относиться более ответственно.

— Это опыт, а не ответственность, — поправил его китаец. — Ответственность означает, что мы делаем все правильно до наказания, а не после того.

— Да, — пробормотал Рэнд, — ну...

— Один китайский философ однажды написал: «Общество без ответственности — это общество без надежды», — добавил китаец. Потом он посмотрел на Билли. — Прости, — сказал он.

— Я буду скучать по нему, — грустно улыбнулся Билли. — Но, может быть, так лучше. Надеюсь, я могу его навестить.

Старый китаец кивнул.

Подарок, уютно устроившийся в руках старика, посмотрел на Билли и почувствовал ужасную печаль. Если бы только он мог сказать слова на языке людей, чтобы его друг понял... Если бы только Могтурмен... Черт бы побрал Могтурмена! — подумал он сердито. Я могу общаться. Я должен. И я сделаю это. Я произнесу слова на языке людей и не смущусь, если получится ерунда. По крайней мере, я буду знать, что сделал все, что мог.

Закрыв глаза, он сильно сосредоточился. Потом он открыл свой маленький рот, и из него вышли слова на языке людей, произнесенные с акцентом Могвая, но все же вполне ясные.

— Пока, Билли! — сказал Подарок.

Билли и его родители одновременно засмеялись и заплакали. Даже Кейт была явно тронута, хотя она совсем немного была знакома с Подарком.

— Он заговорил! — закричал Билли, наклоняясь, чтобы поцеловать Подарка в макушку.

— Ты сделал огромное дело, — сказал китаец. — Мы всегда будем помнить тебя.

Билли кивнул, не в силах отвечать из-за комка в горле.

— Всего доброго! — сказал китаец.

Когда они выходили из двери в холодную ночь, Подарок поднял лапу и слегка помахал.

Билли помахал в ответ, потом быстро закрыл дверь. Ему не хотелось смотреть, как они медленно уходят в ночь навсегда из его жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Джон Томпсон

ОДИН ДОМА
ЧАСТЬ I:
РОЖДЕСТВО 5
ЧАСТЬ II:
ПОТЕРЯННЫЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ 103
ЧАСТЬ III:
ПУЛЬТ ДИСТАНЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ .. 213

Джордж Гайп

ГРЕМЛИНЫ 309

Художник — *В. Суриков*
Корректор — *Т. Сологуб*

Подписано в печать 10.02.94г. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 28,56. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1230

Фирма «БАДППР». Лицензия ЛР №382.
220034, Республика Беларусь, Минск, ул. Фрунзе, 5.
Отпечатано в ИПП «Янтарный сказ». 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

В СЕРИИ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА ВЫШЛИ

1 ..... ЧУЖОЙ
БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ
ВСПОМНИТЬ ВСЕ

2 ..... КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ
МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

3 ..... УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ
ЧУЖОЙ-3

4 ..... ПРИВИДЕНИЕ
ПОПУТЧИК
РЕБЕНОК РОЗМАРИ

5 ..... РОМАН О КАМНЕ
ЖЕМЧУЖИНА НИЛА

6 ..... РОБОКОП
ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ
ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ

7 ..... ХИЩНИК-III
КОКОН

8 ..... ИСКАТЕЛИ ПОТЕРЯННОГО КОВЧЕГ
ИНДИАНА ДЖОНС И ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

9 ..... КОММАНДО
ЗОЛОТО МАККЕННЫ
МЫС СТРАХА

10 ..... ЧУЖИЕ
КРЕПКИЙ ОРЕШЕК
КОНАН-ВАРВАР

11 ..... БЭТМЭН
БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ
БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

12 ..... КОБРА
СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

13 ..... ДРАКУЛА
ПЯТНИЦА, 13-Е

14 . . . . . ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ
КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА

15 . . . . . КРАСНАЯ ЖАРА
ВОЕННЫЕ ИГРЫ
ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ

16 . . . . . ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА:
МИЛЛИОНЫ ЛЕТ СПУСТЯ
КИНГ КОНГ

17 . . . . . ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ
БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

18 . . . . . КРЮК
ЛАБИРИНТ

19 . . . . . ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА
ФРАНЦУЗСКИЙ СВЯЗНОЙ

20 . . . . . КРЕПКИЙ ОРЕШЕК II
ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА

21 . . . . . ПАЛАЧ
СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ I, II, III

22 . . . . . СЕГУН (часть 1, 2)

23 . . . . . СЕГУН (часть 3)

24 . . . . . СЕГУН (часть 4, 5, 6)

25 . . . . . РОБОКОП II
ЖАЖДА СМЕРТИ I, II

26 . . . . . ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ
ПСИХОЗ

27 . . . . . ЧЕСТЬ СЕМЬИ ПРИЦЦИ

28 . . . . . ЩЕПКА
КОМА

29 . . . . . В ОСАДЕ
СКАЛОЛАЗ

30 . . . . . ОДИН ДОМА I, II, III
ГРЕМЛИНЫ